891
Г42.

БАРНАУЛЬСКАЯ
127
10,015
БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ

891
Г-42

М. Гершензонъ.

ОБРАЗЫ ПРОШЛАГО.

А. С. Пушкинъ, И. С. Тургеневъ,
П. В. Кирѣевскій, А. И. Герценъ,
Н. П. Огаревъ.

Инв. № 5490

КАМЫШЛОВСКАЯ
РАЙОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
№

МОСКВА.
Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ, Трехпрудный пер., соб. домъ.
1912.

Есть игры, сопряженныя съ усильемъ,
Но то усилье тѣшитъ; трудъ иной
Хоть низокъ, но по цѣли благороденъ,
И бѣдныхъ дѣлъ итогъ порой богатъ.
Такъ этотъ трудъ мнѣ могъ-бы въ тягость быть;
Но госпожа, которой я служу,
Все мертвое волшебно оживляетъ
И дѣлаетъ работу мнѣ отрадой.

Шекспиръ, Буря. Д. III, сц. 1.

СѢВЕРНАЯ ЛЮБОВЬ А. С. ПУШКИНА.

Въ біографіи Пушкина есть много темныхъ мѣстъ, но нѣтъ ни одного, которое было бы менѣе освѣщено, чѣмъ тотъ эпизодъ, которому посвящены настоящія замѣтки. Мы говоримъ о первой поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ и въ Крымъ, въ 1820 году. Здѣсь ничего не обслѣдовано—ни душевное состояніе Пушкина въ эти первые дни изгнанія, ни вліяніе на него новой обстановки, ни даже внѣшняя исторія поѣздки. Правда, документальныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ жизни Пушкина чрезвычайно скудны: два-три мѣста въ его письмахъ, нѣсколько замѣтокъ въ путевыхъ запискахъ Геракова, который путешествовалъ по Кавказу и Крыму въ одно время съ Пушкинымъ и нѣсколько разъ встрѣтился съ нимъ тамъ, наконецъ, коротенькій разсказъ врача, сопровождавшаго Раевскихъ въ этой поѣздкѣ—Рудыковскаго — вотъ и все, что у насъ есть. Но и этими свѣдѣніями біографы Пушкина далеко не воспользовались вполнѣ, а главное—они оставили безъ вниманія весь тотъ обильный біографическій матеріалъ, который заключенъ въ самихъ стихахъ Пушкина. Пушкинъ необыкновенно правдивъ, въ самомъ элементарномъ смыслѣ этого слова; каждый его личный стихъ заключаетъ въ себѣ автобіографическое признаніе совершенно реальнаго свойства, — надо только пристально читать эти стихи и вѣрить Пушкину. Такой опытъ «медленнаго чтенія» и представляетъ нашъ очеркъ. Мы не думаемъ исчерпать вопросъ о первой поѣздкѣ Пушкина на югъ, но, можетъ-быть, наша попытка побудитъ и другихъ изслѣдователей заняться этимъ предметомъ и освѣтить его всесторонне.

I.

Какъ извѣстно, въ началѣ мая 1820 года Пушкинъ, высланный изъ Петербурга въ распоряженіе главнаго попечителя колонистовъ Южнаго края, ген. Инзова, отправился по мѣсту назначенія въ Екатеринославъ. Здѣсь онъ вскорѣ схватилъ жестокую лихорадку, выкупавшись въ Днѣпрѣ. Недѣли двѣ по его пріѣздѣ проѣзжалъ чрезъ Екатеринославъ генералъ Н. Н. Раевскій, герой 12-го года, направлявшійся съ частью своей семьи (сыномъ Николаемъ и дочерьми Маріей и Софьей, въ сопровожденіи врача, гувернантки и прислуги) на кавказскія минеральныя воды, гдѣ долженъ былъ уже застать старшаго своего сына, Александра Николаевича, который его опередилъ. Н. Н. Раевскій-сынъ былъ еще въ Петербургѣ близокъ съ Пушкинымъ. Найдя послѣдняго больнымъ въ Екатеринославѣ, Раевскіе, съ разрѣшенія Инзова, взяли его съ собою. Съ ними Пушкинъ прожилъ два мѣсяца на минеральныхъ водахъ, и съ ними же въ половинѣ августа переѣхалъ въ Крымъ, въ Гурзуфъ, гдѣ находились остальные члены семьи Раевскаго: его жена и другія двѣ дочери — старшая Екатерина и Елена. Въ Гурзуфѣ Пушкинъ прожилъ три недѣли, послѣ чего, разставшись съ Раевскими, отправился на новое мѣсто своей службы — въ Кишиневъ.

Такова общеизвѣстная исторія этой поѣздки. Начнемъ съ внѣшнихъ фактовъ и постараемся, прежде всего, установить возможно подробно «итинерарій» поэта.

4 мая помѣчено письмо гр. Каподистрія къ Инзову о переводѣ Пушкина къ нему на службу (это письмо долженъ былъ доставить Инзову самъ Пушкинъ), а 7-го мая Екат. Ник. Раевская, посылая изъ Петербурга письмо брату Александру въ Кіевъ, поясняла, почему оно идетъ почтою: «мама забыла послать его съ Пушкинымъ». Это показываетъ, что Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга послѣ 4-го и раньше 7-го, т.-е. 5-го или 6-го мая *). Въ тѣ времена пользованіе «оказіями» для пересылки писемъ было, какъ извѣстно, очень распространено. Раевскіе, конечно,

*) «Онъ *завтра* отправляется курьеромъ къ Инзову», писалъ А. И. Тургеневъ 5-го мая. «Остаф. Арх.», II, 37.

знали Пушкина, хотя бы чрезъ Н. Н. Раевскаго младшаго, съ которымъ онъ былъ близокъ, знали и о его высылкѣ; но ничто—и эта приписка въ письмѣ Екат. Ник. въ томъ числѣ—не даетъ основаній думать, что онъ въ Петербургѣ былъ вхожъ въ это семейство. Напротивъ, все показываетъ, что только на югѣ онъ не только сблизился, но даже познакомился съ Раевскими. Достаточно вспомнить, въ какомъ тонѣ онъ разсказываетъ о нихъ брату тотчасъ по пріѣздѣ въ Кишиневъ (въ письмѣ отъ 24 сентября).

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ «Новомъ Времени» (№ 8285) было напечатано письмо въ редакцію изъ Бахмута, оставшееся, къ сожалѣнію, незамѣченнымъ. Автору этого письма (онъ подписался: «бывшій предводитель дворянства въ одномъ изъ уѣздовъ Екатеринославской губерніи») въ 1820 году было только десять лѣтъ, значитъ свои свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ Екатеринославѣ онъ могъ почерпнуть только изъ чужихъ разсказовъ или изъ какой-нибудь современной записи. Но свѣдѣнія, заключающіяся въ его письмѣ, чрезвычайно любопытны. Вотъ оно.

«Пушкинъ проживалъ въ Екатеринославѣ въ 1820 году, съ половины мая до начала іюня, что длилось дней 18, до пріѣзда въ Екатеринославъ генерала Раевскаго, который ѣхалъ со своимъ семействомъ на Кавказъ изъ Петербурга и проѣздомъ остановился въ Екатеринославѣ по просьбѣ своего сына, который ѣхалъ повидаться со своимъ пріятелемъ Пушкинымъ, котораго, по указанію генерала Инзова, нашли въ домѣ, или скорѣе въ домикѣ, на Мандрыковкѣ Когда генералъ Раевскій съ сыномъ вошли въ комнату, то глазамъ ихъ представилось слѣдующее: Александръ Сергѣевичъ лежалъ на досчатой скамейкѣ или досчатомъ диванѣ. Онъ былъ боленъ. На Раевскихъ онъ произвелъ удручающее впечатлѣніе при этой обстановкѣ. При видѣ Раевскихъ у него отъ радости показались слезы. Раевскій выхлопоталъ ему отпускъ, и четвертаго или пятаго іюня онъ вмѣстѣ съ ними уѣхалъ на Кавказъ».

Въ этомъ сообщеніи есть свѣдѣнія, которыми мы раньше не располагали. Во всемъ, что было извѣстно раньше, оно совершенно точно, и даже освѣщаетъ кое-что, что было не совсѣмъ ясно; такъ, напримѣръ, авторъ пишетъ, что навѣстить Пушкина отправился не только Раевскій-сынъ, но и самъ генералъ, его отецъ,—и это подтверждается словами самого Пушкина въ упомянутомъ уже письмѣ къ брату: «*Генералъ Раевскій*... нашелъ

меня въ жидовской хатѣ», и т. д. Эта точность сообщенія въ его извѣстной части внушаетъ довѣріе и къ новымъ свѣдѣніямъ, которыя оно содержитъ: что Раевскій заѣхалъ въ Екатеринославъ по просьбѣ сына, который хотѣлъ повидаться тамъ съ Пушкинымъ; что Пушкинъ былъ до слезъ обрадованъ ихъ пріѣздомъ, и что изъ Екатеринослава они выѣхали 4 или 5 іюня.

Мы имѣемъ теперь возможность съ точностью установить дальнѣйшій маршрутъ нашихъ путешественниковъ. Въ семейномъ архивѣ внуковъ М. Ѳ. Орлова, который, какъ извѣстно, въ началѣ двадцатыхъ годовъ женился на старшей дочери ген. Раевскаго, Екатеринѣ Николаевнѣ, сохранились письма, писанныя Раевскимъ-отцомъ къ этой самой дочери съ кавказскихъ минеральныхъ водъ въ теченіе этого лѣта. Въ главной своей части они представляютъ какъ бы дорожный дневникъ. Имя Пушкина въ этихъ письмахъ не упоминается ни разу — безъ сомнѣнія потому, что, кромѣ самого Ник. Ник., писали Екатеринѣ Николаевнѣ съ дороги и съ мѣста и братъ Николай, и сестры, ѣхавшія съ отцомъ: они вѣроятно и описали ей встрѣчу съ поэтомъ въ Екатеринославѣ и дальнѣйшее совмѣстное путешествіе съ нимъ. По той же причинѣ старикъ не упоминаетъ и о встрѣчѣ съ сыномъ Александромъ въ Горячеводскѣ, и вообще ничего не пишетъ о бывшихъ съ нимъ членахъ семьи. На всѣхъ его письмахъ—надпись: «Катенькѣ»; очевидно, полный адресъ (и не на ея имя, а на имя матери, С. А.) писался на общемъ пакетѣ, заключавшемъ и его письма къ женѣ, и письма молодежи.

Эти письма Н. Н. Раевскаго читатель найдетъ въ приложеніи къ настоящей статьѣ. Они любопытны, какъ итинерарій Пушкина и какъ живая рѣчь его амфитріона. Въ нихъ—точно движущаяся панорама тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣзжалъ поэтъ, и отзвукъ тѣхъ поясненій, которыя, можетъ-быть, давалъ старикъ Раевскій своимъ молодымъ спутникамъ.

Эти письма позволяютъ, прежде всего, устранить одно недоразумѣніе, связанное съ ссылкой Пушкина на югъ. Опираясь на слова Карамзина въ письмѣ къ кн. Вяземскому, что Пушкинъ «благополучно поѣхалъ *въ Крымъ*», многіе думаютъ, что Пушкинъ еще въ Петербургѣ зналъ о предстоящей ему поѣздкѣ на Таврическій полуостровъ. Эта догадка безъ сомнѣнія ошибочна. Самъ Пушкинъ, въ упомянутомъ письмѣ къ брату, разсказавъ о своей

встрѣчѣ съ Раевскими въ Екатеринославѣ, пишетъ: «Сынъ его... *предложилъ мнѣ* путешествіе къ Кавказскимъ водамъ», т.-е. предложилъ тутъ же, при встрѣчѣ; слѣдовательно, предварительнаго уговора не было. Что же касается Крыма, то, какъ показываютъ помѣщаемыя ниже письма Раевскаго, послѣдній и самъ до конца лѣта не былъ увѣренъ, что попадетъ въ Крымъ: его жена съ двумя дочерьми оставались въ Петербургѣ, и ихъ пріѣздъ въ Гурзуфъ, повидимому, не былъ окончательно рѣшенъ съ весны. Выраженіе Карамзина объясняется, конечно, простой неточностью; онъ имѣлъ въ виду больше служебное званіе Инзова, къ которому прикомандировывался Пушкинъ («попечитель колоній южнаго края»), нежели точное обозначеніе мѣста.

По этимъ письмамъ маршрутъ Раевскихъ и Пушкина можетъ быть опредѣленъ довольно точно. Въ Екатеринославъ Раевскіе пріѣхали въ десятомъ часу вечера, и еще въ тотъ же вечеръ (какъ свидѣтельствуетъ Рудыковскій) старикъ съ сыномъ разыскали Пушкина: любопытная черта для характеристики отца-Раевскаго; этотъ превосходный человѣкъ, сильный духомъ и вмѣстѣ нѣжный, видно, съ теплымъ участіемъ отнесся къ больному пріятелю сына, если ночью, усталый съ дороги, пошелъ вмѣстѣ съ сыномъ разыскивать его; неудивительно, что Пушкинъ былъ тронутъ.

Согласіе Инзова на отпускъ Пушкину было получено, конечно, безъ труда, и уже на другой день послѣ завтрака путешественники выѣхали изъ Екатеринослава; по всей вѣроятности, это было именно 4-го іюня. Отъ Екатеринослава ѣхали, какъ видно изъ нижеприводимыхъ писемъ, весь остальной день и затѣмъ всю ночь. Утромъ 5-го іюня пріѣхали въ Таганрогъ, провели здѣсь день и ночевали. 6-го утромъ выѣхали изъ Таганрога, проѣхали Ростовъ-на-Дону, и вечеромъ того же дня пріѣхали въ Аксай; здѣсь переночевали, и слѣдующій день провели въ Новочеркасскѣ. Утромъ 8-го числа выѣхали изъ Аксая; 9-го пріѣхали въ Ставрополь и, проѣхавъ далѣе, ночевали не доѣзжая Георгіевска; 10-го пріѣхали въ Георгіевскъ, здѣсь переночевали и, выѣхавъ утромъ 11-го, въ тотъ же день прибыли на Горячія воды. Съ этимъ разсчетомъ вполнѣ согласуется то, что 13-го Раевскій-отецъ принялся писать свое обстоятельное письмо дочери.

На Горячихъ водахъ Раевскіе съ Пушкинымъ прожили, какъ показываютъ тѣ же письма, нѣсколько больше трехъ

недѣль; 3-го іюля они переѣхали въ Желѣзноводскъ, разсчитывая пробыть тамъ двѣ недѣли и затѣмъ перебраться въ Кисловодскъ, тоже на двѣ недѣли. Вѣроятно, около 1-го августа Раевскіе оставили Кисловодскъ и двинулись въ обратный путь, опять чрезъ Горячія воды, гдѣ, повидимому, провели день или два; здѣсь Гераковъ, 2-го августа, видѣлся съ Пушкинымъ («Путевыя записки», 99—100). По этимъ же запискамъ Геракова мы можемъ возстановить весь обратный маршрутъ Раевскихъ съ Кавказа въ Крымъ: 8-го августа онъ встрѣтился съ ними въ Темижбекѣ и потомъ въ крѣпости Кавказской, 14-го — въ Тамани, 15-го—въ Керчи, 17-го — въ Ѳеодосіи. Изъ письма Пушкина къ брату видно, что ѣхали они до Тамани въ каретахъ, отсюда до Керчи моремъ, затѣмъ опять въ каретахъ до Ѳеодосіи. Если и допустить, что въ Ѳеодосіи они нѣсколько задержались (младшій Раевскій захворалъ въ дорогѣ), то все-таки морской переѣздъ изъ Ѳеодосіи въ Гурзуфъ они совершили, безъ сомнѣнія, числа 18-го или 19-го. Во время этого ночного переѣзда, какъ извѣстно, была написана Пушкинымъ элегія «Погасло дневное свѣтило». Эту элегію Пушкинъ потомъ послалъ брату для передачи Гречу, и вѣроятно уже братъ выставилъ подъ нею ту ошибочную помѣтку: «Черное море, 1820, *сентябрь*», съ которою она была напечатана въ «Сынѣ Отечества» и печатается донынѣ.

Итакъ, въ Гурзуфъ Пушкинъ прибылъ около 19-го августа. Здѣсь уже ждали ихъ жена Раевскаго съ остальными двумя дочерьми, Екатериной и Еленой, по которымъ старикъ такъ скучалъ на Кавказѣ. Въ письмѣ къ брату Пушкинъ говоритъ, что прожилъ въ Гурзуфѣ три недѣли; значитъ, онъ долженъ былъ уѣхать оттуда, считая съ 19-го августа, около 10-го сентября, и въ Кишиневъ онъ прибылъ, вѣроятно, около 15-го. И дѣйствительно, 24-го сентября онъ пишетъ изъ Кишинева брату неоднократно упомянутое нами письмо, которое по всему своему характеру заставляетъ думать, что онъ въ Кишиневѣ уже, по крайней мѣрѣ нѣсколько дней. Всѣ эти даты почти абсолютно точны; но почему въ черновыхъ рукописяхъ Пушкина *два раза* встрѣчается помѣтка подъ стихами: «Юрзуфъ, 20-го сентября», мы не можемъ себѣ объяснить. Чтобы писать брату изъ Кишинева 24-го сентября, онъ долженъ былъ выѣхать изъ Гурзуфа во всякомъ случаѣ раньше 20-го.

Изъ Гурзуфа Раевскіе поѣхали, какъ извѣстно, въ Каменку. Въ

Пушкинской литературѣ было много споровъ о томъ, сопровождалъ ли ихъ туда и Пушкинъ, чтобы уже оттуда направиться въ Кишиневъ. Но этотъ вопросъ рѣшается безъ труда. Изслѣдователи упустили изъ виду, что у Геракова есть, кромѣ всѣмъ извѣстныхъ «Путевыхъ записокъ», еще и «Продолженіе путевыхъ записокъ», изданное отдѣльной книгою въ 1830 г. Здѣсь онъ разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ Раевскими въ Симферополѣ и Бахчисараѣ еще 19-го и 20-го сентября (стр. 24, 29), когда Пушкина уже несомнѣнно не было въ Крыму; значитъ, онъ не могъ сопровождать Раевскихъ въ Каменку. Упустили изъ виду еще и то, что̀ И. М. Муравьевъ-Апостолъ («Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г.», стр. 47—48) разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Раевскими въ Сабляхъ, у А. М. Бороздина (въ пятнадцати верстахъ отъ Симферополя). Муравьевъ выѣхалъ изъ Одессы въ Крымъ 11-го сентября, раза два останавливался на сутки въ дорогѣ, и, слѣдовательно, не могъ пріѣхать въ Сабли раньше 18-го—20-го сентября; а онъ прожилъ въ Сабляхъ четверо сутокъ и, уѣзжая, повидимому, еще оставилъ тамъ Раевскихъ. Что съ ними тогда уже не было Пушкина, видно изъ словъ самого Пушкина, въ письмѣ къ Дельвигу 1824 г.: «Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и *почти* въ то же время, какъ и И. М. Очень жалѣю, что мы не встрѣтились».

II.

Отъ этихъ внѣшнихъ фактовъ перейдемъ къ внутренней, къ душевной жизни Пушкина въ первые мѣсяцы его ссылки.

Уже В. Д. Спасовичъ обратилъ вниманіе на то, что въ стихахъ Пушкина задолго до ссылки, едва ли не съ 1817 года, временами сказывается неудовлетворенность разсѣянной петербургской жизнью. Инстинктивно онъ, повидимому, давно уже рвался вонъ изъ этой обстановки. Къ концу петербургскаго періода это чувство въ немъ крѣпнетъ, овладѣваетъ сознаніемъ и обнаруживается съ полной ясностью. Весь послѣдній годъ передъ ссылкою Пушкинъ уже сознательно стремится вонъ изъ Петербурга. Мы знаемъ, что въ мартѣ 1819-го года онъ собирался вступить въ военную службу и уѣхать на Кавказъ; потомъ, оставивъ это намѣреніе подъ вліяніемъ авторитетныхъ совѣтовъ, онъ рѣшаетъ удалиться въ отцовскую деревню:

Смиривъ немирныя желанья,
Безъ доломана, безъ усовъ,
Сокроюсь *съ тайною свободой*,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ, и т. д.

Лѣтомъ этого же года, живя въ деревнѣ, онъ пишетъ:

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ Цирцей, и т. д.

И здѣсь опять звучитъ у него тотъ же мотивъ—жажда свободы:

Я здѣсь, *отъ суетныхъ оковъ освобожденный*,
Учуся въ истинѣ блаженство находить...

Онъ впервые сблизился съ Чаадаевымъ, еще будучи въ лицеѣ, и затѣмъ тѣсно подружился съ нимъ уже въ Петербургѣ, въ 1818—1819 гг.; и вотъ какъ онъ, въ посланіи къ Чаадаеву, характеризуетъ эти два момента своей жизни:

Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ *потомъ* въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной...

Эта строка, въ которой Пушкинъ изображаетъ свое душевное состояніе за время передъ ссылкой, не оставляетъ ничего желать въ смыслѣ ясности: онъ «тайно изнывалъ» въ «суетныхъ оковахъ» — онъ жаждалъ «свободы».

И вотъ онъ покидаетъ Петербургъ. Правда, онъ не самъ расторгнулъ оковы,—онъ выброшенъ отсюда грубой рукой; но онъ такъ долго, такъ страстно рвался вонъ, что важность самаго факта застилаетъ для него причину: ему кажется, что онъ *самъ* бѣжалъ, въ поискахъ свободы и свѣжихъ впечатлѣній. Въ томъ же посланіи къ Чаадаеву (апрѣль 1821 г.) онъ говоритъ:

И, *сѣти разорвавъ*, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.

Еще опредѣленнѣе онъ говоритъ объ этомъ въ элегіи, написанной на пути изъ Ѳеодосіи въ Гурзуфъ:

Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья.

И еще долго спустя, въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», онъ упорно повторяетъ: «Покинувъ сѣверъ *наконецъ*...»

Это—капитальный фактъ изъ внутренней біографіи Пушкина; мы увидимъ дальше, какую важную роль онъ сыгралъ въ творчествѣ нашего поэта.

Итакъ, онъ на волѣ, онъ вырвался изъ душной атмосферы «свѣта», онъ свободенъ отъ «стѣснительныхъ условій и оковъ». Какъ же онъ чувствуетъ себя въ первые мѣсяцы ссылки? Счастливъ ли онъ своей свободой? вбираетъ ли онъ жадно тѣ новыя впечатлѣнія, которыхъ такъ искалъ? — Нѣтъ; въ немъ произошла какая-то глубокая перемѣна, которую онъ самъ не въ силахъ себѣ уяснить. На протяженіи многихъ мѣсяцевъ послѣ пріѣзда на югъ его стихи и письма говорятъ объ одномъ: о полной апатіи, объ омертвѣлости духа, о недоступности какимъ бы то ни было впечатлѣніямъ.

Это началось, повидимому, тотчасъ по пріѣздѣ. На Горячихъ водахъ онъ пишетъ эпилогъ къ «Руслану и Людмилѣ» — и здѣсь мы находимъ такія строки:

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ береговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой —
Но огнь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній:
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!

Недолго спустя, на южномъ берегу Крыма, онъ въ стихотвореніи «Чаадаеву» говоритъ о себѣ:

...въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина.

И тамъ же, въ Гурзуфѣ, пишетъ онъ великолѣпное стихотвореніе «Мнѣ васъ не жаль», гдѣ, перечисливъ безъ сожалѣнія утѣхи своей бурной юности, говоритъ:

Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины,
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?..
Придите вновь, года моей весны!

Его обычная впечатлительность какъ бы атрофирована. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ такъ—самъ удивляясь своей безчувственности — разсказывалъ въ письмѣ къ Дельвигу (черновомъ) о своемъ переѣздѣ съ Кавказа въ Крымъ. Въ Керчи онъ посѣтилъ гробницу Митридата. «Воображеніе мое спало; хоть бы одно чувство, нѣтъ! тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ его безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи подѣйствовали на мое воображеніе еще того менѣе». Ночью, плывя изъ Ѳеодосіи въ Гурзуфъ, онъ не спалъ, но когда капитанъ указалъ ему вдали Чатырдагъ, онъ не различилъ его, «да и не любопытствовалъ». И дальше, среди тѣхъ строкъ, гдѣ онъ описываетъ свою жизнь въ Гурзуфѣ, есть неоконченная фраза: «Холодность моя посреди прелестей природы...» Только на минуту, въ ту безсонную ночь на кораблѣ, ожила его душа при воспоминаніи о прошломъ — и «въ очахъ родились слезы *вновь*».

Надо замѣтить, что это состояніе безчувственности, безочарованности, осложнялось и углублялось, длилось у Пушкина затѣмъ еще очень долго, — но это для насъ теперь не важно: мы изучаемъ только первое время его ссылки.

Въ эти первые мѣсяцы безчувственность сказывалась у него еще косвенно: временной утратой поэтическаго вдохновенія. Ему самому казалось, что онъ утратилъ вдохновеніе навсегда. Мы уже видѣли въ эпилогѣ къ «Руслану и Людмилѣ»: «огнь поэзіи погасъ», и т. д. Этотъ эпилогъ кончается такими строками:

Восторговъ краткій день протекъ —
И скрылась отъ меня *навѣкъ*
Богиня тихихъ пѣснопѣній...

И это сознаніе, опять-таки, еще долго звучитъ въ его стихахъ:

И ты, моя задумчивая лира...
Найдешь ли вновь *утраченные* звуки.

(«Желаніе», 1821 г.)

Предметы гордыхъ нѣснопѣній
Разбудятъ мой *уснувшій* геній...

(«Война», 1821 г.)

и еще въ первой пѣсни «Онѣгина»:

Адріатическія волны!
О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И, *вдохновенья снова полный*,
Услышу вашъ волшебный гласъ!

Пушкинъ, разумѣется, старался дать себѣ отчетъ — откуда эта мертвенность его духа,—и отвѣтъ напрашивался самъ собою: бурныя страсти опустошили его душу;

...рано *въ буряхъ отцвѣла*
Моя потерянная младость,

говоритъ онъ въ элегіи «Погасло дневное свѣтило», и повторяетъ это потомъ многократно: «въ волненіи страстей я тайно изнывалъ», и т. д. Но къ этому мы еще вернемся.

III.

Надо ясно представить себѣ душевное состояніе Пушкина въ эти первые мѣсяцы ссылки, чтобы не исказить перспективы его настроеній. Эту самую мертвенность духа надо понимать условно. Пушкинъ писалъ потомъ о своей жизни въ Крыму, что это были «счастливѣйшія минуты его жизни», что онъ «наслаждался» южной природой. Но это было наслажденіе пассивное: онъ самъ прибавляетъ, что сразу привыкъ къ южной природѣ «и ни на минуту ей не удивлялся». Его душа была закрыта для очарованій, но красоты природы, миръ, счастливый кругъ семьи, въ которую онъ вошелъ, — все это дѣйствовало на него благотворно.

А въ глубинѣ души онъ въ эти самые дни внѣшней безчувственности свято лелѣялъ какое-то живое и сильное чувство.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Пушкинъ вывезъ изъ Петербурга любовь къ какой-то женщинѣ, и что эта любовь

жила въ немъ на югѣ еще долго, во всякомъ случаѣ—до Одессы. Онъ говоритъ о ней съ ясностью, не оставляющей мѣста никакимъ толкованіямъ. Почему онъ не спалъ въ ту ночь на военномъ бригѣ, везшемъ его и Раевскихъ въ Гурзуфъ? Онъ плылъ въ виду полуденныхъ береговъ — но Чатырдагъ оставляетъ его равнодушнымъ: «*воспоминаньемъ упоенный*», онъ думаетъ о своей любви—онъ «вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь», и это-то воспоминаніе вызвало слезу на его глаза. Онъ говоритъ о томъ, что бѣжалъ отъ минутныхъ друзей юности, бѣжалъ изъ отеческаго края,—

Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви ничто не излѣчило.

Въ посвященіи къ «Кавказскому Плѣннику» онъ говоритъ Раевскому-сыну, вспоминая свою ссылку и время, проведенное съ нимъ на Кавказѣ и въ Крыму:

Когда кинжалъ измѣны хладной,
Когда *любви тяжелый сонъ*
Меня терзали и мертвили —
Я при тебѣ еще спокойство находилъ;

и образъ этой же женщины «преслѣдовалъ» его тогда, когда онъ стоялъ передъ фонтаномъ слезъ въ Бахчисараѣ, и о ней онъ говоритъ въ заключительныхъ строкахъ «Бахчисарайскаго Фонтана» (1822 г.):

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную *);
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...

Эти намеки слишкомъ содержательны и слишкомъ тождественны, чтобы можно было ими пренебречь. Эти сейчасъ приведенные стихи («любовный бредъ», какъ назвалъ ихъ Пушкинъ въ одномъ письмѣ) онъ выключилъ при первомъ изданіи поэмы — какъ дѣлалъ всегда съ стихами, содержащими личный намекъ. Что женщина, которую онъ любилъ, жила на сѣверѣ, показываетъ стихъ:

Объ ней *въ изгнаніи* тоскую.

---

*) «Еще земную» — въ противоположность *тѣнямъ* Маріи и Заремы.

Кто была эта женщина? Біографы не знаютъ за Пушкинымъ никакой *сѣверной* любви на югѣ. Напротивъ, они утверждаютъ, что Пушкинъ въ Крыму влюбился въ Екатерину Николаевну Раевскую (другіе думаютъ, что въ Елену), и къ ней относятъ всѣ эротическія мѣста въ стихахъ Пушкина за 1820—1821 гг. Мы сейчасъ видѣли, что это была старая любовь, что воспоминаніе о ней преслѣдовало Пушкина и на Кавказѣ, и на пути въ Крымъ, т.-е. до встрѣчи съ Екатериной и Еленой Раевскими, наконецъ, что любимая имъ женщина несомнѣнно жила далеко («въ изгнаніи тоскую»). Но и помимо этихъ прямыхъ указаній, все говоритъ противъ предположенія о любви Пушкина къ какой-либо изъ Раевскихъ. Единственное стихотвореніе, которое съ нѣкоторымъ правомъ можно отнести къ одной изъ Раевскихъ—«Увы, зачѣмъ она блистаетъ»,—не содержитъ ни малѣйшаго намека на любовь. Уже позднѣе, въ Каменкѣ, Пушкинъ написалъ элегію: «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда», полную воспоминаній о Крымѣ. Разрѣшая Бестужеву напечатать эту элегію, онъ потребовалъ, чтобы послѣдніе три стиха были выпущены,—и очень разсердился, когда увидѣлъ ихъ въ печати. Вотъ эти три стиха:

...Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя (звѣзду) искала
И именемъ своимъ — подругамъ называла.

Это былъ конкретный намекъ, возможно — на одну изъ Раевскихъ (и тогда—на Елену: «дѣва *юная*»). Но и въ этихъ трехъ стихахъ нѣтъ намека на любовь; напротивъ, весь характеръ воспоминанія исключаетъ мысль о какомъ-либо *острома* чувствѣ: «Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь», говоритъ Пушкинъ о себѣ. Въ ближайшіе мѣсяцы послѣ Гурзуфа Пушкинъ раза два ѣздилъ изъ Кишинева къ Раевскимъ въ Кіевъ, но и тутъ ни однимъ стихомъ не обмолвился о своей любви. Наконецъ, его дальнѣйшія отношенія къ Екатеринѣ Николаевнѣ уже совершенно исключаютъ мысль о любви къ ней. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Гурзуфа она вышла замужъ за М. Ѳ. Орлова и съ тѣхъ поръ жила въ Кишиневѣ, Пушкинъ былъ ежедневнымъ гостемъ въ ихъ домѣ и очень друженъ съ мужемъ, но ни изъ чего не видно, чтобы онъ страдалъ, ревновалъ и т. п. *).

*) См. нашу «Исторію Молодой Россіи», М. 1908, стр. 26 — 28.

Главнымъ основаніемъ легенды о любви Пушкина къ Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской служатъ тѣ строки въ его стихахъ и письмахъ, гдѣ онъ говоритъ о женщинѣ, впервые разсказавшей ему исторію Бахчисарайскаго фонтана. Теперь даже трудно доискаться, кто первый пустилъ въ ходъ этотъ аргументъ. Все дѣло заключается въ слѣдующемъ. 8-го февраля 1824 года Пушкинъ писалъ Бестужеву: «Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины.

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naive».

Эти строки изъ Пушкинскаго письма неизвѣстно какимъ путемъ попали къ Булгарину, который и напечаталъ ихъ въ своемъ журналѣ съ поясненіемъ: «П. писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургѣ: «Недостатокъ плана...» и т. д. Когда Пушкинъ узналъ объ этомъ, его бѣшенству не было предѣла, и 29-го іюня онъ пишетъ Бестужеву (выговаривая и за другую нескромность — за напечатаніе тѣхъ трехъ заключительныхъ стиховъ): «Чортъ дернулъ меня написать еще кстати о Бахчисарайскомъ фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки, и припомнить тутъ же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяніе, когда увидѣлъ ихъ напечатанными. Журналъ можетъ попасть въ ея руки. Что жъ она подумаетъ, видя, съ какой охотою бесѣдую объ ней *съ однимъ изъ П. Б. моихъ пріятелей*... Признаюсь, одной мыслью этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась».

И вотъ, біографы Пушкина, сопоставляя эти строки съ его словами въ письмѣ къ Дельвигу, что о фонтанѣ слезъ онъ впервые услыхалъ отъ какой-то К**, рѣшили, что это и была Екатерина Николаевна Раевская, и что слѣдовательно, въ послѣднюю и былъ влюбленъ тогда Пушкинъ.

Между тѣмъ о Бахчисарайскомъ фонтанѣ Пушкинъ впервые услыхалъ *несомнѣнно въ Петербургѣ*. Объ этомъ съ полной ясностью свидѣтельствуетъ черновой набросокъ начала «Бахчисарайскаго Фонтана».

Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Любви повѣдали преданье,
Я *въ шумѣ радостномъ* унылъ

И на минуту позабылъ
Роскошныхъ оргій ликованье.
Но быстрой, быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья, и т. д.

Здѣсь такъ ясно обрисована *петербургская* жизнь Пушкина, что сомнѣній быть не можетъ. Въ письмѣ къ Дельвигу Пушкинъ говоритъ, что К** поэтически описывала ему фонтанъ, называя его «la fontaine des larmes», а въ самой поэмѣ онъ говоритъ объ этомъ:

Младыя дѣвы *въ той странѣ*
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Эти выдержки, думается, рѣшаютъ вопросъ. Да и какъ можно было относить этотъ эпизодъ къ Екатеринѣ Николаевнѣ, которую мы хорошо знаемъ за натуру холодную, положительную, строгую, когда самъ Пушкинъ ту женщину, которая разсказывала ему о Бахчисарайскомъ фонтанѣ, характеризуетъ выраженіями: «поэтическое воображеніе К**», «элегическая моя красавица», и примѣняетъ къ ней стихъ: «bouche aimable et naive?» Какою представлялась ему Екатерина Николаевна, можно судить по тому, что Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому по поводу «Бориса Годунова»: «Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова».

Итакъ, кто же былъ предметомъ этой сѣверной любви Пушкина на югѣ? Если до сихъ поръ мы стояли на почвѣ несомнѣнныхъ фактовъ и категорическихъ показаній самого Пушкина, то теперь мы вступаемъ въ область предположеній, очень соблазнительныхъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, но требующихъ во всякомъ случаѣ еще всесторонней провѣрки.

Мы рѣшаемся думать, что этой женщиной была княгиня Марія Аркадьевна Голицына, урожденная Суворова-Рымникская, внучка генералиссимуса. Въ перепискѣ Пушкина нѣтъ никакого намека на его отношенія къ ней или къ ея семьѣ, біографы Пушкина ничего не говорятъ о ней. Она родилась 26 февраля 1802 г., значитъ, въ моментъ ссылки Пушкина ей было 18 лѣтъ. Она вышла замужъ 9 мая 1820 г., т.-е. дня черезъ три послѣ высылки Пушкина, за кн. Мих. Мих. Голи-

цына, и умерла она въ 1870 году*). Среди стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ на югѣ, есть три, несомнѣнно относящіяся къ ней. Приводимъ здѣсь же эти три стихотворенія. такъ какъ намъ придется въ дальнѣйшемъ не разъ ссылаться на нихъ.

I.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишины
И сердца моего языкъ любила страстной·
Но если я любимъ: позволь, о, милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной,
Когда меня навѣкъ обыметъ смертный сонъ;
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
«Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ».

23 авг. 1821.

II.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
Пускай я радости вкушаю не вполнѣ;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцѣлуевъ сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.

---

*) В. Саитовъ, «Петербурскій Некрополь», М. 1883, стр. 36.—Кн. Н. Н. Голицынъ, «Матеріалы для полной родословной росписи кн. Голицыныхъ», Кіевъ, 1880, стр. 31. Эту Голицыну не надо смѣшивать съ другою — кн. Евд. Ив. Голицыной, которою Пушкинъ увлекался въ 1817 году. Подробнѣе о кн. М. А. Голицыной см. въ статьѣ П. Е. Щеголева: «Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина», въ 14-мъ выпускѣ «П. и его современники».

891
Г-42

Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?
Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я!

24—25 авг. 1821 г., въ ночь.

III.

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ внимала—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...
Довольно! въ гордости моей
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А можетъ быть, и вдохновеньемъ.

Одесса, 1823 г.

5490

Изъ этихъ трехъ стихотвореній только послѣднее отмѣчено самимъ Пушкинымъ, какъ посвященное кн. М. А. Голицыной; первыя два отнесены къ ней уже позднѣйшими издателями сочиненій Пушкина *) по соображеніямъ, убѣдительность которыхъ, кажется, не можетъ быть оспариваема. Въ самомъ дѣлѣ, конецъ I и III тождественны; далѣе, въ I есть ясный намекъ на то, что данная женщина была очарована какими-то печальными

*) Второе было впервые напечатано въ 11-й кн. «Новостей литературы» за 1825-й годъ подъ названіемъ «*Къ* ***», см. цитир. ст. П. Е. Щеголева, стр. 81.

КАМЫШЛОВСКАЯ РАЙОННАЯ БИБЛИОТЕКА №

стихами Пушкина,—и этотъ самый случай вспоминаетъ Пушкинъ и въ III, несомнѣнно посвященномъ Голицыной. Что же касается II, т.-е. средняго стихотворенія, то оно хронологически такъ тѣсно связано съ первымъ, что ихъ невозможно отнести къ разнымъ лицамъ: первое написано 23-го авг., второе 24—25-го. Притомъ, ихъ нераздѣльность удостовѣряется еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ черновомъ наброскѣ первая пьеса начиналась такъ: «Нѣтъ, поздно, милый другъ, узналъ я наслажденье» — и о наслажденьи же говоритъ и вторая пьеса: «Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій» (слово «наслажденье» и тамъ, и здѣсь употреблено не въ чувственномъ смыслѣ, а въ значеніи радости, счастья). Итакъ, есть всѣ основанія относить эти три стихотворенія къ кн. М. А. Голицыной, какъ это и дѣлаютъ П. А. Ефремовъ и П. О. Морозовъ.

По этимъ тремъ пьесамъ мы можемъ до нѣкоторой степени уяснить себѣ и личность женщины, которую любилъ Пушкинъ, и характеръ самой его любви. Это была, повидимому, очень молодая женщина, еще полу-ребенокъ, съ яснымъ духомъ, съ тихимъ умомъ, нѣжная и полная участья, неопытная въ страстяхъ и злѣ. Пушкинъ давно ее любилъ («дивились *долгому* любви моей мученью»). Любила-ли она его? Онъ этого долго не зналъ. Была только одна минута, когда ему показалось, что онъ любимъ: онъ узналъ, отъ нея самой или чрезъ другое лицо, что ей понравились какіе-то (опредѣленные) его стихи и что она твердила ихъ про себя (или пѣла). Въ августѣ 1821 года случилось что-то, что *почти* увѣрило его въ ея взаимности; возможно, что это былъ именно тотъ случай съ его стихами. Какъ бы то ни было, 23-го августа онъ пишетъ первую элегію: онъ слишкомъ поздно узналъ о ея любви, онъ мертвъ духомъ, жизнь кончена для него. Вторую пьесу онъ пишетъ черезъ два дня: она просила его разсказать ей о его бурной молодости, о томъ, сколько разъ и въ кого онъ былъ влюбленъ до нея; нѣтъ, онъ не разскажетъ ей этого; его разсказъ омрачилъ бы ея свѣтлый духъ, ее испугала бы его любовь, въ которой его послѣднее наслажденье. Но о *ея* любви къ нему онъ все время, и въ I, и во II, говоритъ неувѣренно: въ I—«*если* я любимъ», а во II—ни разу о *ея* любви, все только о *своей*: «*моей любви*, быть можетъ, ужаснешься», «сегодня *я люблю*...»

Эти два стихотворенія составляютъ, очевидно, одинъ этюдъ. Они написаны въ Кишиневѣ, — какъ уже сказано, 23 — 25-го ав-

густа 1821 г.; и они свидѣтельствуютъ, что предметъ его любви былъ тутъ же,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Пушкинъ слишкомъ правдивъ и слишкомъ конкретенъ въ своемъ творчествѣ, чтобы выдумывать сюжеты для своихъ стихотвореній. Но у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, была ли М. А. Голицына въ Кишиневѣ въ августѣ 1821 г. Мы знаемъ только, что ея семья имѣла близкія отношенія къ югу, къ Одессѣ и Крыму. Ея мать—во второмъ бракѣ тоже Голицына—по крайней мѣрѣ, въ 30-хъ годахъ жила въ Одессѣ, и тамъ же умерли и она, и ея мужъ *). Сестра Маріи Аркадьевны, по мужу Башмакова, уже въ 1823 г. жила съ мужемъ въ Одессѣ **) (и часто встрѣчалась съ Пушкинымъ у Воронцовыхъ); одинъ изъ братьевъ нѣкоторое время былъ адъютантомъ Воронцова ***), съ которымъ они были въ довольно близкомъ родствѣ. Пьеса «Давно объ ней воспоминанье» даетъ основаніе думать, что въ данный моментъ (1823 г.) М. А. была въ Одессѣ ****).

Намъ остается сказать два слова о третьемъ изъ стихотвореній, посвященныхъ кн. М. А. Голицыной. Оно написано почти чрезъ два года послѣ первыхъ пьесъ. Чувство Пушкина уже остыло. Онъ вспоминаетъ тотъ давній, памятный ему случай, когда онъ узналъ, что его стихи ее очаровали; теперь случилось нѣчто другое — объ этомъ второмъ случаѣ Пушкинъ говоритъ неясно:

Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла —
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки *****).

---

*) «Русск. Стар.» 1878, дек., 749.— Н. Н. Голицынъ, «Матеріалы», 78.

**) Вигель, нов. изд., ч. VI, стр. 188—189.

***) «Русск. Стар.», 1894, мартъ, 70.

****) Такъ думаетъ и П. Е. Щеголевъ, цит. ст., стр. 97, прим. Мужъ Маріи Аркадьевны, кн. М. М. Голицынъ 2-й, какъ видно изъ его формулярнаго списка, любезно доставленнаго мнѣ Н. П. Чулковымъ, 4 марта 1833 года былъ назначенъ «для особыхъ порученій» къ Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору.

*****) Быть можетъ *спѣла*, какъ предполагаетъ П. Е. Щеголевъ? Онъ прибавляетъ: «Быть можетъ (это только предположеніе!), она сама создавала музыку къ нравившимся ей стихамъ»; предположеніе мало правдоподобное.

Это послѣднее стихотвореніе онъ лично передалъ или чрезъ Башмакову переслалъ Голицыной. По крайней мѣрѣ, въ 1825 году, готовя изданіе своихъ стихотвореній, онъ поручаетъ брату взять эту пьесу у Голицыной.

IV.

Теперь, зная настроенія Пушкина въ первый періодъ ссылки, зная и его омертвѣлость, и его сѣверную любовь, мы глубже и вѣрнѣе поймемъ его «Кавказскаго Плѣнника», написаннаго непосредственно послѣ поѣздки на Кавказъ и въ Крымъ (начатъ еще въ Гурзуфѣ).

Если бы нужны были еще доказательства поразительной, щепетильной, почти педантической правдивости Пушкина, лучшимъ изъ нихъ могла бы служить эта поэма. Она вѣрна дѣйствительности до мелочей. Пушкинъ самъ, въ письмѣ къ Гнѣдичу, указалъ на одну такую черту: какъ ни соблазнительно было избрать мѣстомъ дѣйствія горы и ущелья Кавказа, — онъ «поставилъ своего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца». И подобныхъ чертъ много. Напримѣръ, дѣйствіе поэмы происходитъ лѣтомъ, въ періодъ грозъ, косьбы (можетъ-быть, второй)—когда и Пушкинъ былъ на Кавказѣ. Онъ описываетъ Байрамъ—и отъ Геракова мы знаемъ («Шут. зап.», 153), что въ тотъ годъ Байрамъ начался 5-го или 6-го сентября, и, слѣдовательно, Пушкинъ могъ его видѣть у крымскихъ татаръ.

Пушкинъ неоднократно признавался, что въ лицѣ Плѣнника онъ изобразилъ самого себя. Соглашаясь съ мнѣніемъ Горчакова, что характеръ Плѣнника неудаченъ, онъ замѣчаетъ: «Это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія», и, посвящая поэму младшему Раевскому, онъ говоритъ:

Ты здѣсь найдешь...
Мечты *знакомыя*, *знакомыя* страданья
И тайный гласъ души *моей*.

Мы видѣли, каково было душевное состояніе Пушкина на Кавказѣ и въ Крыму—и какимъ оно представлялось ему самому. Три чувства преобладали въ немъ: 1) онъ чувствовалъ себя на свободѣ, и былъ интимно увѣренъ, что *самъ* бѣжалъ отъ «стѣснительныхъ условій и оковъ»; 2) онъ чувствовалъ себя

нравственно мертвымъ, недоступнымъ никакому очарованью, никакой радости; 3) наконецъ, онъ лелѣялъ какую-то давнюю, нераздѣленную любовь. Этими тремя элементами всецѣло исчерпывается и психологическій сюжетъ «Кавказскаго Плѣнника». Больше въ немъ нѣтъ ничего. Замѣчательно, что въ своей безсознательной правдивости Пушкинъ и Плѣнника сдѣлалъ поэтомъ, какимъ былъ самъ: «Охолодѣвъ къ мечтамъ *и лирѣ*», говоритъ онъ о Плѣнникѣ.

Въ стихотвореніяхъ, написанныхъ Пушкинымъ за это первое время его ссылки, можно подобрать рядъ признаній, почти буквально совпадающихъ съ характеристикой, которую онъ даетъ своему Плѣннику. И Плѣнникъ, какъ самъ Пушкинъ, «бѣжалъ» съ сѣвера—и по той же причинѣ:

Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

И то, что дальше говорится о Плѣнникѣ:

Свобода! онъ *одной тебя*
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ, —

это самое Пушкинъ, въ 1821 г., писалъ Дельвигу о себѣ:

Къ невѣрной славѣ я хладѣю —
Одна свобода мой кумиръ.

Общъ ему съ Плѣнникомъ и «души печальный хладъ». Какъ въ немъ самомъ, это — самая рѣзкая черта въ душевномъ состояніи Плѣнника: она проходитъ красной нитью чрезъ всю поэму. Въ отвѣтъ на любовь черкешенки Плѣнникъ говоритъ:

Но поздно: умеръ я для счастья,
Надежды призракъ отлетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ.

Когда, въ августѣ 1821 г., Пушкину показалось, что кн. М. А. Голицына готова отвѣчать на его любовь, онъ писалъ ей (въ пер-

вомъ изъ посвященныхъ ей стихотвореній, — эти стихи были потомъ отброшены):

Нѣтъ, поздно, милый другъ, узналъ я наслажденье:
Ничто души моей не воскреситъ.
Ей чуждо страсти упоенье
И счастье тихое меня не веселитъ.

И онъ объясняетъ эту душевную мертвенность Плѣнника такъ же, какъ собственную разочарованность: дѣйствіемъ страстей, рано опустошившихъ душу:

Безъ упоенья, безъ желаній,
Я вяну *жертвою страстей*,

Или:

Страстями сердце погубя...

Или:

Гдѣ *бурной жизнью* погубилъ
Надежду, радость и желанье... и т. д.

Но, какъ и онъ, Плѣнникъ унесъ съ собою изъ родного края долгую, мучительную страсть—и также безъ взаимности, какъ Пушкинъ. То, что Пушкинъ говоритъ о себѣ въ элегіи «Погасло дневное свѣтило»,—то самое онъ почти буквально говоритъ и о Плѣнникѣ:

...въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней...
Лежала въ сердцѣ, какъ свинецъ,
Тоска любви безъ упованья.

Даже романтическую фабулу своей поэмы (которую надо отличать отъ психологическаго сюжета) Пушкинъ не выдумалъ, а взялъ, повидимому, изъ собственнаго опыта. Въ объятіяхъ женщины думать *о другой*—такова эта фабула:

Какъ тяжко мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной
Какъ тяжко мыслить о другой!..

Вся эта фабула in nuce заключена въ стих. «Дорида», которое было написано Пушкинымъ еще въ Петербургѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до ссылки: въ объятіяхъ Дориды ему «другія милыя... видѣлись черты» и «имя чуждое уста» его «шептали».

Надо обратить вниманіе на тѣ два стиха о Плѣнникѣ:

Измучась ревностью *напрасной*,
Уснувъ безчувственной душой...

Въ нихъ вся исторія «сѣверной» любви Плѣнника—и Пушкина.

V.

Этой сѣверной любовью вдохновлялась поэзія Пушкина на югѣ цѣлыхъ два года, ею внушенъ былъ не только «Кавказскій Плѣнникъ», но и «Бахчисарайскій Фонтанъ». Чуднымъ свѣтомъ озаряется для насъ его творчество—мы нисходимъ до таинственныхъ источниковъ вдохновенія.

Но ихъ даже не надо искать, ихъ показываетъ намъ самъ Пушкинъ. Онъ увезъ на югъ только смутный обликъ любимой женщины, не настоящую страсть, а глубокое томленіе, сладкое очарованье недостижимой, нѣжной, кроткой красоты. И, можетъ быть, именно этой безбурной полнотой волшебнаго очарованья, этой туманностью чарующаго образа и питалось больше всего вдохновеніе поэта. Реальная страсть узка, нетерпима, въ ней нѣтъ такой дали. Въ черкешенкѣ и въ Маріи Потоцкой Пушкинъ возвелъ въ «перлъ созданія» женщину своей сѣверной любви.

Онъ самъ говоритъ это. Стоя передъ фонтаномъ въ Бахчисараѣ, онъ равнодушно смотрѣлъ кругомъ:

...не тѣмъ
Въ то время сердце полно было.

Ему чудилась тѣнь дѣвы:

Чью тѣнь, о, други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня,
Неотразимый, неизбѣжный?

То были не Марія и Зарема, — то былъ образъ другой, живой женщины:

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную;
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски *напрасной*!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись! долго ль, узникъ томный,
Тебѣ оковы лобызать,
И въ свѣтѣ лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Это—та самая любовь, о которой онъ говорилъ въ первомъ стихотвореніи кн. Голицыной:

Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью...

Пушкинъ самъ разсказываетъ (1823 г.), что, прочитавъ Туманскому отрывки изъ своего «Бахчисарайскаго Фонтана», онъ сказалъ ему, что не желалъ бы напечатать эту поэму, «потому что *многія мѣста* относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что *роль Петрарки* мнѣ не по нутру». То самое, что онъ говоритъ въ заключительныхъ стихахъ поэмы, онъ повторилъ и въ стихотвореніи «Фонтану Бахчисарайскаго дворца»:

Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?
Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ?

Въ черновомъ было: «*Любви безумной* идеалъ».

И уже позднѣе, въ «Онѣгинѣ», вспоминая объ свои поэмы — и «Плѣнника», и «Фонтанъ»,—онъ писалъ:

Замѣчу кстати: всѣ поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы

Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ послѣ муза оживила:
Такъ я, безпеченъ, воспѣвалъ
И дѣву горъ, *мой идеалъ*,
И плѣнницъ береговъ Салгира...

Не потому ли Пушкинъ въ томъ стихотвореніи кн. Голицыной, 1821 г., писалъ:

...Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали,

—и упорно говорилъ, что, можетъ-быть, ей былъ обязанъ вдохновеньемъ?

На югѣ Пушкинъ, какъ извѣстно, впервые узналъ Байрона, и отсюда начинается «байроническій» періодъ его творчества. Вопросъ о байронизмѣ у Пушкина требуетъ коренного пересмотра. Нельзя—какъ это большею частью дѣлалось до сихъ поръ — говорить о вліяніи, не изучивъ предварительно ту психическую почву, на которую легло это вліяніе; чтобы выдѣлить байроническіе элементы въ поэзіи Пушкина, надо знать, чѣмъ былъ Пушкинъ въ моментъ своего ознакомленія съ Байрономъ. Этотъ вопросъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, но основныя линіи уже теперь ясны. Мы видѣли, какъ много «байроническихъ» элементовъ было въ душѣ Пушкина уже въ 1819 г. и началѣ 1820 г., т.-е. прежде, чѣмъ Раевскіе познакомили его съ поэзіей Байрона; и съ другой стороны, легко замѣтить, что одна изъ основныхъ чертъ Байроновскаго настроенія осталась чужда ему и послѣ этого знакомства: бурный протестъ, мятежъ противъ соціальнаго насилія. Высылка Пушкина изъ Петербурга была соединена съ ужасными оскорбленіями, доводившими его до мыслей о самоубійствѣ или убійствѣ, да и, помимо этого, самая ссылка была насильственнымъ актомъ. Пять лѣтъ спустя, Пушкинъ заговоритъ о мести и назоветъ ее: «бурная мечта ожесточеннаго страданья». Но на первыхъ порахъ, на Кавказѣ и въ Крыму, у него не только не вырывается ни одной ноты возмущенія, протеста, но, какъ мы видѣли, онъ игнорируетъ даже самый фактъ ссылки, и чтеніе Байрона въ этомъ отношеніи нимало не вліяетъ на него; по его стихамъ никто не догадался бы, что онъ—жертва грубаго произвола. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что вліяніе Байрона не внесло въ психику Пушкина ни одного новаго эле-

мента; оно только помогло ему яснѣе осознать его собственное душевное состояніе, въ какомъ онъ былъ тотчасъ по пріѣздѣ на югъ.

Въ заключеніе привожу упомянутыя выше письма Н. Н. Раевскаго-отца къ Ек. Н. Раевской.

1.

13-го іюня. Горячія воды.—Гдѣ ты, милая дочь моя Катенька? каково твое здоровье и сестры твоей Аленушки?—вотъ единственная мысль моя, которая и во снѣ меня не оставляетъ. Я никакихъ плановъ не дѣлаю, пока не получу отъ васъ извѣстія; послѣднее имѣлъ въ Кіевѣ отъ 6-го мая. Выѣхалъ я 19-го *), 21-го ночевалъ въ Смѣлѣ, отпустилъ сестеръ по утру въ Каменку, самъ же поѣхалъ въ Сунки для нѣкоторыхъ испытаній на винномъ заводѣ, и пріѣхалъ къ матушкѣ вечеромъ.

Изъ сего начала ты видишь, мой другъ, что я пишу родъ журнала, родъ, потому что для онаго недовольно подробно, а для письма слишкомъ обстоятельно и длинно.

О Каменкѣ тебѣ ни слова, все по прежнему — хуже быть не можетъ, развѣ новыя мерзости.

Я выѣхалъ изъ Болтышки **) послѣ ночлега, позавтракалъ у Аграфены Ивановны ***) и пустился въ путь. Въ Елисаветградѣ остановился у Фундуклея, гдѣ нашелъ доктора Бетриха. Первый жаловался, что люди мало пьютъ водки, второй—что мало больныхъ!

Изъ Елисаветграда ѣхалъ я нѣкоторое время Николаевской дорогой, потомъ повернулъ влѣво на Кременчугскую, не доѣзжая его, повернулъ вправо на *Екатеринославль* въ виду Днѣпра нагорнымъ берегомъ; мѣста прекрасныя, рѣка излучистая, во всей своей красотѣ. Въ Екатеринославль пріѣхалъ въ десятомъ часу ночи, къ губернатору Карагеоргію, который имѣлъ ударъ отъ

---

*) Т.-е. изъ Кіева; это же число указываетъ и Рудыковскій («Русскій Вѣстн.», 1841 г., ч. I).

**) Имѣніе Н. Н. Раевскаго, Кіевской губ.

***) Величковской.

паралича, но болѣзни своей не знаетъ. Екатеринославль на прекрасномъ мѣстѣ расположенъ вдоль Днѣпра. Городъ не обширный, улицы и дома чистые, и при каждомъ садъ, что составляетъ картину весьма пріятную. Съ горы, которую предположено застроить, въ хорошую погоду виденъ Павлоградъ въ 70-ти верстахъ разстоянія. На сей высотѣ заложена была церковь императрицей Екатериной, которой величиной мало въ Европѣ равняться могутъ,—она оставлена; тутъ валится дворецъ, въ которомъ жилъ князь Потемкинъ, при немъ прекраснѣйшій, но запущенный садъ, обширный, съ прекрасными деревьями, коимъ окружающія степи цѣну прибавляютъ! Великій князь Николай Павловичъ, смотря на дворецъ, повторилъ слышанныя слова: *этотъ человѣкъ все начиналъ, ничего не кончалъ.* — Потемкинъ заселилъ обширныя степи, распространилъ границу до Днѣстра, сотворилъ Екатеринославль, Херсонъ, Николаевъ, флотъ Чернаго моря, уничтожилъ опасное гнѣздо непріятельское внутри Россіи пріобрѣтеніемъ Крыма и Тавриды, а не докончилъ только круга жизни человѣческой, не достигнувъ границы, ей предназначенной, умеръ во всей силѣ ума и тѣла!

Въ Екатеринославлѣ переночевалъ, позавтракалъ и поѣхалъ по Маріупольской дорогѣ. Въ 70-ти верстахъ переправился черезъ Днѣпръ при деревнѣ *Нейенбургъ*,—нѣмецкая колонія въ цвѣтущемъ положеніи, уже болѣе 30-ти лѣтъ тутъ поселенная. Тутъ Днѣпръ только что перешелъ свои пороги, посреди его—каменные острова съ лѣсомъ, весьма возвышенные, берега также мѣстами лѣсные; словомъ, виды необыкновенно живописные, я мало видалъ въ моемъ путешествіи, кои бы могъ сравнить съ оными.

За рѣкой мы углубились въ степи, ровныя, одинакія, безъ всякой перемѣны и предмета, на которомъ бы могъ взоръ путешествующаго остановиться; земли способныя къ плодородію, но безводныя и посему мало заселенныя. Онѣ отличаются отъ тѣхъ, что мы съ тобой видали, множествомъ травы ковылемъ называемой, которую и скотъ пасущійся въ пищу не употребляетъ, какъ будто бы почитаетъ единственное ихъ украшеніе. Надобно признаться, что при восходѣ или захожденіи солнца, когда смотришь на траву противъ онаго, то представляется тебѣ чистаго серебра волнующееся море.

Близъ Маріуполя открыли глаза наши Азовское море. Маріуполь, какъ и Таганрогъ, не имѣетъ пристани, но суда пристаютъ по глубинѣ ближе къ берегу. 40 лѣтъ, какъ населенъ онъ

одними греками, торгуютъ много хлѣбомъ, скотомъ, въ 120-ти верстахъ отъ Таганрога, окружены землями плодородными, а хлѣбъ, то-есть пшеница, и въ теперешнее дешевое время продается до 16-ти рублей. На первой почтѣ за Маріуполемъ встрѣтили мы жену Гаевскаго, которая дожидалась меня трое сутокъ и отправилась къ мужу; ей не дали лошадей, для меня приготовленныхъ. Она за то приготовила намъ завтракъ, мы поѣли, я написалъ съ нею вамъ письма, и поѣхали.

Въ Таганрогъ пріѣхалъ я утромъ. Городъ на хорошемъ мѣстѣ, строеньемъ бѣдный, много домовъ покрытыхъ соломой, но торговлей богатъ и обыкновенно вдвое приноситъ правительству противъ Одессы. Способовъ ей не даютъ, купцы разныхъ націй не имѣютъ общественнаго духа, отъ сего нѣтъ никакого общественнаго заведенія, пристани нѣтъ, а по мелководью суда до берега далеко не доходятъ, а при мнѣ сгружали и нагружали оныя на подмощенныхъ телѣгахъ, которыя лошади въ водѣ по горло подвозили къ судамъ.

Обѣдалъ я у градоначальника Папкова, ночевалъ и поутру рано отправился въ *Ростовъ*, что прежде было предмѣстьемъ крѣпости *Святого Димитрія*.

Крѣпость сія есть то мѣсто, гдѣ 37 лѣтъ тому назадъ жилъ я почти годъ съ матушкой по той причинѣ, что Левъ Денисовичъ, командовавшій полкомъ, ходилъ на Кубань подъ командой Суворова, а чтобъ разсмѣшить тебя, мой другъ, напомню пѣсенку, мной сочиненную дѣвицѣ Пеленкиной и тебѣ извѣстную, въ которой я назвалъ ее Лизетой, потому что къ ея имени, т.-е. Алены, я риѳмы пріискать не могъ. Въ первый разъ ѣхавъ на Кавказъ при жизни ея мужа тому 25 лѣтъ, я у нихъ обѣдалъ; нынче, узнавъ, поѣхалъ къ ней, засталъ у нихъ гостей; одна дочь замужемъ, другая же, 17 лѣтъ, въ дѣвицахъ, и такъ хороша, какъ мало видалъ я хорошихъ. Я посидѣлъ, посмѣялись насчетъ ребяческихъ лѣтъ нашихъ и... разстались безъ слезъ, ни сожалѣнья.

За крѣпостью есть другой форштатъ, или городъ армянскій, *Нахичевань* называемый, пространный, многолюдный и торговлей весьма богатый. Образъ жизни, строенье, лица, одѣянье, все оригинальное. Мы его проѣхали и прибыли на ночлегъ въ станицу *Аксай* на устьѣ рѣки *Аксай*, вверхъ по которой въ 35-ти верстахъ перенесена столица донскихъ казаковъ и названа *Новымъ Черкасскомъ*. Въ Аксаяхъ долженъ былъ я переправляться чрезъ Донъ; послалъ тотчасъ письмо съ казакомъ къ атаману Денисову, что буду назавтра къ нему обѣдать, и куда всей гурьбой на утро отправился. Новый Черкасскъ, зало-

женный Платовымъ,—городъ весьма обширный, регулярный, но еще мало населенный, на высокомъ степномъ мѣстѣ, на берегу рѣки Аксай, которая теперь въ половодье разливами соединяется съ Дономъ, но различить ихъ весьма можно по разности цвѣта воды. Пообѣдавъ, выпросилъ шлюпку и поѣхали назадъ водой. Вообрази ты себѣ берегъ нагорный, съ разнообразными долинами, холмами, рощами, виноградными садами, и застроенный безпрерывными дачами на разстояніи сорока верстъ, въ степномъ уголку земного шара,—ты можешь легко представить чувства смотрящаго на сіи картины человѣка, коего сердце къ пріятнымъ чувствамъ открыто быть можетъ. Мои всѣ были въ восхищеніи, и я былъ бы также, когда бъ вы были со мной и здоровы! — На пути, спросивъ на дачѣ граф. Кат. Дмитр. Орловой, вдовы атамана, тещи Палена, и узнавъ, что съ часъ какъ пріѣхалъ сосѣдъ нашъ Орловъ Алексѣй Петровичъ, который теперь здѣсь на водахъ, мы вышли на берегъ, я съ нимъ повидался, потомъ сѣлъ въ шлюпку и пріѣхали уже ночью довольно поздно въ Аксай.

На другой день рано, отправивъ кареты на большомъ суднѣ на другой берегъ, до коего было 18 верстъ, сѣли опять въ шлюпку и поѣхали въ Старый Черкасскъ. Сей разжалованный городъ въ станицу еще болѣе обыкновеннаго залитъ водою. Въ немъ осталось домовъ до 700, въ томъ числѣ нѣсколько старыхъ фамилій чиновниковъ, какъ-то Ефремовыхъ и пр., другія-жъ перевезены въ Черкасскъ. Но церквей не перевезли и ихъ богатства, но не могли увезть памяти, что это первое было гнѣздо донскихъ казаковъ. Словомъ, Старый Черкасскъ останется вѣчно монументомъ какъ для русскихъ, такъ и для иностранныхъ путешественниковъ. — Обойдя все, что тамъ есть достойнаго, отправились и мы на лѣвый берегъ Дона и приплыли въ Азію въ одно время съ нашими каретами.

Тутъ кончу, другъ мой Катенька, первое описаніе мое; продолженіе впредь, я усталъ писать, ты устанешь читать, — отдохнешь, опять примешься за чтеніе, а я за перо. Прощайте, милыя мои дочки, обнимаю васъ.

2.

Продолженіе. — Мы вышли на лѣвый берегъ Дона, сѣли въ кареты и пустились въ путь, 200 верстъ ѣхали землями, принадлежащими донскому войску, кои въ мое время, равно и 170 верстъ Кавказской губерніи до называемой *Донской крѣпости*, составляли степь безводную и необитаемую, и на всемъ семъ разстояніи кромѣ однѣхъ

землянокъ ничего не было, нынѣ жъ нашелъ я большія селенья, колодцы, пруды и все необходимо нужное для жизни проѣзжающаго. На другой день пріѣхалъ въ *Ставрополь*, уѣздный городъ, на высокомъ и пріятномъ мѣстѣ и лучшемъ для здоровья жителей всей Кавказской губерніи. Въ немъ нашелъ я каменные казенные и купеческіе дома, сады плодовитые и немалое число обывателей, словомъ, преобразованный край, въ который ѣдущаго ничего кромѣ отдаленности страшить не должно. Сильная гроза и дождь заставили меня остановиться ночевать за сорокъ верстъ отъ Георгіевска, куда я отправилъ кухню и на другой день пріѣхалъ на готовый обѣдъ въ домъ генерала Сталя, начальника Кавказской линіи. Тутъ я обѣдалъ, ходилъ по городу, но не нашелъ и слѣдовъ моего жилища и мѣста рожденія брата твоего Александра; запасся всѣмъ нужнымъ, переночевалъ и на другой день пріѣхалъ на Горячія воды въ нанятый для меня домъ.

Воды горячія истекаютъ изъ горы, называемой Мечукъ, надъ рѣкой Подкумкомъ лежащей; самый низкій ключъ, не менѣе 6 или 7 саженъ вышины, истекаетъ отъ подошвы небольшой долины, въ которой все селеніе расположено въ 2 улицы; я примѣтилъ до 60 домовъ, домиковъ и лачужекъ, и какъ сего недостаточно для пріѣзжающихъ, то нанимаютъ калмыцкія кибитки, палатки, и располагаются лагерями, гдѣ кому полюбится, и какъ будто поддѣлываются нестройной здѣсь природѣ. Ванны старыя, хотя стоятъ казнѣ довольно дорого, ни вида, ни выгодъ не имѣютъ, новыя жъ представляютъ и то, и другое, и возможную чистоту и опрятность. Видъ изъ оныхъ наипріятнѣйшій на *Бештовую* гору или *Пятигорію*, ибо по оной бывшее тутъ въ древности нѣкое княжество называлось. Я расположилъ мою жизнь слѣдующимъ образомъ: встаю въ 5 часовъ, иду купаться, возвратясь черезъ часъ, пью кофій, читаю, гуляю, обѣдаю въ 1-мъ часу, опять читаю, гуляю, купаюсь, въ 7-мъ пью чай, опять гуляемъ и ложимся спать. Сестры купаются по одному разу, а когда жарко — по два, въ водѣ кисло-сѣрной, теплотою какъ парное молоко, единственно для забавы, я — въ горячей, имѣющей выше 38-ми градусовъ, и часто прихожу заблаговременно пользоваться съ галлерей видомъ наипріятнѣйшимъ горъ и забавнымъ сего селенія и жителей, каррикатурныхъ экипажей, пестроты одѣяній; смѣсь калмыковъ, черкесъ, татаръ, здѣшнихъ казаковъ, здѣшнихъ жителей и пріѣзжихъ—все это подъ вечеръ движется, встрѣчается, расходится, сходится, и все до бездѣлицы съ галлерей новыхъ ваннъ глазамъ вашимъ открыто.

Мы ѣздили въ называемую неправильно *шотландскую* колонію·

ибо ихъ только двѣ фамиліи, кои миссіонеры лондонскаго Библейскаго общества, остальные же разные нѣмцы. Ѣздили мы на благодѣтельный желѣзный горячій ключъ, въ Бештовой горѣ находящійся. При первомъ хорошемъ днѣ положено ѣхать на верхъ шпица Бештоваго, съ котораго верстъ на сто открывается во всѣ стороны. Въ первыхъ числахъ переселюсь на Желѣзныя воды, гдѣ, пробывъ двѣ недѣли, поѣду на Кислыя, и тамъ только рѣшительно могу сказать о пользѣ здѣшняго моего лѣченія, теперь же, кромѣ надежды, ничего имѣть положительнаго нельзя. Желѣзныя воды дѣлаютъ чудеса во всякомъ родѣ разслабленія, какъ и въ томъ случаѣ, въ какомъ и ты, мой другъ, находишься; я для тебя полную имѣю на нихъ надежду. Кислыя жъ, полагаю, и для Аленушки могутъ быть полезны, употребленіе жъ всѣхъ оныхъ испытавъ на себѣ, могу быть путеводителемъ. Возьму заблаговременно всѣ мѣры для пріятности жизни, и намъ, кромѣ пользы здоровья, вѣрно будетъ весело. Прощай, милая моя Катенька, хотя письмо адресую въ Кіевъ, но надѣюсь, что оно найдетъ васъ въ Крыму, куда явлюсь я въ половинѣ августа молодецъ молодцомъ.

3.

29-го іюня. Горячія воды. — Отъ матери вчерась получилъ письмо съ полковникомъ Преображенскимъ, отъ 24-го, по почтѣ жъ двѣ недѣли не имѣю объ васъ извѣстія и не вижу, чтобъ вы сбирались ѣхать въ Крымъ, посему все адресую письма въ Кіевъ. Самъ же я переѣзжаю чрезъ пять дней на Горячія желѣзныя воды на двѣ недѣли, оттоль на Кислыя также недѣли на двѣ, а оттоль въ Крымъ.

О себѣ, другъ мой Катенька, ничего еще сказать не могу; рюматизмъ не чувствую, но это можетъ только въ здѣшнемъ климатѣ, а избавился ль ихъ, это покажетъ время... Жизнь наша та же, ѣздили мы на Бештовую высокую гору, ходимъ, спимъ, пьемъ, купаемся, играемъ въ карты, словомъ, кое-какъ убиваемъ время. Нынче Петровъ день, вечеромъ будетъ маленькій фейерверкъ. Все это хорошо, когда ничего нѣтъ лучшаго. Прощай, милая Катенька, обнимаю тебя, мой другъ.

4.

6-е іюля. Желѣзныя воды бештовыя. — Вотъ четвертый день, какъ мы здѣсь, милая Катенька; купаемся, и я немного пью воду. Здѣсь

мы въ лагерѣ, какъ цыгане, на половинѣ высокой горы. 10 калмыцкихъ кибитокъ, 30 солдатъ, 30 казаковъ, генералъ Марковъ, сенаторъ Волконскій, три гвардейскихъ офицера и нынче пріѣзжающій Карагеоргій составляютъ колонію. Мѣста такъ мало, что 100 шаговъ сдѣлать негдѣ — или лѣзть въ пропасть, или лѣзть на стѣну. Но картину передъ собою имѣю прекрасную, т.-е. гору Бештовую, которая между нами и водами, которыя мы оставили. Купаюсь три раза, ѣмъ одинъ разъ, играю въ бостонъ, — вотъ физическое упражненіе, а душою съ вами. Большое для меня будетъ удовольствіе узнать, что вы изъ Петербурга выѣхали. Я къ вамъ пишу всякую недѣлю, то-есть всякую почту, а вы не вздумали дѣлать то же. Я сердитъ. Прощай. *)

---

*) Настоящая статья была впервые напечатана въ «Вѣстн. Евр.», январь 1908 года. Въ 14-мъ выпускѣ «Пушкинъ и его современники» (1911 г.) П. Е. Щеголевъ посвятилъ ея разбору обширное изслѣдованіе, на которое я тамъ же отвѣчалъ. При пересмотрѣ статьи для настоящаго изданія я воспользовался нѣкоторыми фактическими указаніями г. Щеголева. По существу его критика не поколебала моихъ выводовъ и догадокъ.

ПУШКИНЪ и ГР. Е. К. ВОРОНЦОВА.

I.

Обстоятельства, результатомъ которыхъ явилась высылка Пушкина изъ Одессы на родину въ іюлѣ 1824 года, остаются до сихъ поръ невыясненными. Въ этой исторіи несомнѣнно есть какое-то темное мѣсто. Факты, намъ извѣстные: оскорбительное отношеніе Воронцова къ Пушкину и взаимная антипатія между ними—объясняютъ не все. Есть достаточно основаній думать, что острая ненависть къ Пушкину, заставившая надменнаго и выдержаннаго «лорда» унизиться до жалкой мести человѣку, стоявшему такъ неизмѣримо ниже его по общественному положенію, была вызвана какимъ-то личнымъ столкновеніемъ между ними на интимной почвѣ. Эта увѣренность заставляетъ отвести данному эпизоду видное мѣсто не только во внѣшней біографіи Пушкина, но и въ исторіи его душевной жизни. Тѣмъ важнѣе разобраться въ обстоятельствахъ этого дѣла.

Въ Пушкинской литературѣ прочно установилось мнѣніе, что причиною высылки Пушкина изъ Одессы была ревность, возбужденная въ Воронцовѣ отношеніями поэта къ его женѣ, гр. Елиз. Ксавер. Воронцовой. Считается доказаннымъ, что Пушкинъ, во вторую половину своего пребыванія въ Одессѣ, приблизительно съ конца 1823 года (т.-е. послѣ отъѣзда Ризничъ), полюбилъ Воронцову и пользовался ея взаимностью. Большинство біографовъ думаетъ даже, что чувство, внушенное Пушкину Воронцовой, и было той единой, сильнѣйшей любовью Пушкина, которая, начиная съ одесскаго времени, не покидала его всю жизнь и которую онъ такъ тщательно скрывалъ. Насколько справедливы эти два утвержденія?

Прежде всего, они должны быть строго раздѣлены. Что въ жизни Пушкина была такая «вѣчная», таинственная любовь, это не подлежитъ сомнѣнію: она оставила много слѣдовъ въ его поэзіи. Но, какъ справедливо указалъ уже П. Е. Щеголевъ *), женщина, внушившая Пушкину эту любовь и, повидимому, отвѣчавшая ему взаимностью, рано умерла. Чрезъ все позднѣйшее творчество Пушкина, *начиная съ 1825 года* (отрывокъ: «Все въ жертву памяти твоей»), проходитъ рядъ пьесъ, вдохновленныхъ воспоминаніемъ объ *умершей* женщинѣ. Такова, кромѣ названнаго сейчасъ отрывка, въ особенности трилогія 1830 года: «Разставаніе», «Заклинаніе» и «Для береговъ отчизны дальной». Тайна, которою Пушкинъ окружалъ эту любовь, позволяетъ думать, что какъ-разъ имя *этой* женщины онъ скрылъ подъ буквами N. N. въ составленномъ имъ спискѣ женщинъ, которыхъ онъ любилъ. Это, очевидно, была не Воронцова: Воронцова пережила поэта на много лѣтъ (она умерла только въ 1880 г.). Но въ томъ же спискѣ значится и Воронцова («Элиза»): доказательство, что Пушкинъ дѣйствительно былъ въ нее влюбленъ.

Эта запись въ «донъ-жуанскомъ» спискѣ, да отмѣтка въ записной книгѣ Пушкина подъ 8 февр. 1824 г.: «soupé chez C. E. V.» — *вотъ и все, что мы знаемъ достовѣрнаго объ отношеніяхъ Пушкина къ гр. Воронцовой.* Все остальное, что біографы умѣютъ разсказывать объ этихъ отношеніяхъ,—легенда и домыселъ. Этотъ фактъ необходимо установить, чтобы очистить поле изслѣдованія. Надо твердо помнить, что легенда эта не опирается ни на какія документальныя свѣдѣнія. Посмотримъ же, чего она стоитъ.

Ея первоисточникомъ являются показанія двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ очевидцемъ событій, другой передаетъ слышанное имъ отъ современниковъ: это Вигель и гр. П. Капнистъ. Въ основномъ оба показанія сходятся. Оба свидѣтеля согласно показываютъ, что дѣло было такъ: жившій тогда въ Одессѣ Александръ Раевскій, другъ Пушкина и родственникъ Воронцовой, любилъ послѣднюю и пользовался нѣкоторой взаимностью; чтобы отвлечь вниманіе мужа и общества, онъ прикрылся Пушкинымъ; дѣйствительно, введенный имъ въ салонъ Воронцовой, поэтъ не замедлилъ влюбиться въ графиню, и вотъ на него-то и обрушилась мстительная ревность Воронцова. Показаніе Капниста очень лаконично; на-

*) «Амалія Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина», «Вѣстн. Европы» 1904, янв.

противъ, Вигель расцвѣтилъ свой разсказъ эффектными драматическими подробностями. Раевскій, говоритъ онъ, не довольствовался прямымъ успѣхомъ своей уловки: съ адскимъ злорадствомъ онъ еще разжигалъ страсть Пушкина, тѣшился его муками, игралъ роль его повѣреннаго и помощника въ отношеніяхъ къ Воронцовой. Словомъ, Раевскій является у Вигеля если не дьяволомъ, то, по крайней мѣрѣ, Яго. Надо замѣтить, что Вигель вообще страстно ненавидитъ этого Раевскаго, можетъ быть потому, что, благодаря «тайнымъ наговорамъ» Раевскаго, для Вигеля, по его собственнымъ словамъ, закрылась гостиная графини. Надо думать, что именно сплетни, которыя Вигель распространялъ объ отношеніяхъ Раевскаго къ графинѣ, и заслужили ему ненависть обоихъ.

Такова легенда. Біографы и издатели сочиненій Пушкина придаютъ ей полную вѣру. Мало того, они находятъ ей подтвержденіе въ поэтическомъ свидѣтельствѣ самого Пушкина — въ его стихотвореніи «Коварность» (1824 г.). Напомню основную часть этой пьесы:

Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье,
Но если ты затѣйливо явилъ
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ,
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ,
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ, —
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей:
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

Въ этихъ строкахъ, говорятъ намъ, Пушкинъ заклеймилъ коварное предательство Раевскаго. Итакъ, мы должны вѣрить, что Пушкинъ и самъ видѣлъ въ Раевскомъ своего Яго и поэтически разсчитался съ нимъ.

Все это сложное построеніе, т.-е. и Вигелевская легенда, и домыселъ комментаторовъ, разрушается неопровержимымъ фактомъ: отношенія между Пушкинымъ и А. Раевскимъ остались тѣсно-дружескими и послѣ высылки поэта изъ Одессы, и оставались такими еще много лѣтъ спустя. Черезъ три недѣли послѣ высылки Пушкина въ Михайловское, Раевскій пишетъ ему теплое, задушевное письмо

(оно дошло до насъ), полное дружескихъ ободреній, извѣстій объ одесскихъ знакомыхъ, простыхъ и искреннихъ увѣреній въ своей привязанности. Одного этого письма достаточно, чтобы безъ дальнѣйшихъ разсужденій отвергнуть показаніе Вигеля и Капниста. Но, странное дѣло: всѣ знаютъ письмо Раевскаго, и тѣмъ не менѣе всѣ повторяютъ Вигелевскую легенду, безъ критики повторяютъ, и ищутъ ей подтвержденій, и потому что ищутъ — находятъ. Еще совсѣмъ недавно ее въ полной неприкосновенности и съ полной вѣрою повторилъ такой знатокъ Пушкина, какъ Н. О. Лернеръ, во второмъ томѣ Венгеровскаго «Пушкина». Здѣсь, въ статьѣ: «Пушкинъ въ Одессѣ» и въ обширномъ примѣчаніи къ стих. «Демонъ», воспроизведенъ весь разсказъ Вигеля. Г. Лернеръ чуждъ всякихъ сомнѣній и въ своей слѣпой довѣрчивости игнорируетъ факты, которыхъ онъ не можетъ не знать. Такъ, онъ указываетъ на то, что Липранди, написавшій «Замѣчанія» на мемуары Вигеля, не опровергаетъ свѣдѣній послѣдняго о причинахъ высылки Пушкина изъ Одессы, что онъ не преминулъ бы сдѣлать, если бы эти свѣдѣнія были ложны. Это соображеніе было бы очень цѣннымъ, если бы оно не противорѣчило элементарной возможности: дѣло въ томъ, что Липранди писалъ свои замѣчанія на *первое* изданіе «Воспоминаній» Вигеля, въ которомъ *весь эпизодъ* высылки Пушкина былъ опущенъ (этотъ пропускъ былъ возстановленъ только во второмъ изданіи, вышедшемъ уже послѣ смерти гр. Воронцовой (въ 1891 — 93 гг.), такъ что Липранди просто *не зналъ* легенды, передаваемой Вигелемъ. Далѣе: г. Лернеръ утверждаетъ, что упомянутое выше письмо Раевскаго къ Пушкину отъ 21 августа 1824 г. — единственный слѣдъ ихъ переписки послѣ Одессы. Это невѣрно: 18 октября того же года кн. С. Волконскій переслалъ Пушкину другое письмо Раевскаго *), и мы въ правѣ думать, что этому второму письму предшествовалъ отвѣтъ Пушкина на первое письмо Раевскаго. Нечего говорить, что «Коварность» въ глазахъ г. Лернера «*подтверждаетъ* разсказъ Вигеля и Капниста», что Раевскій «былъ въ душѣ Пушкина осужденъ послѣднимъ приговоромъ», и «близости между ними съ тѣхъ поръ не было». Это все — уже домыселъ, естественно вытекающій изъ принятой на вѣру легенды.

Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Мы уже знаемъ,

---

*) *Переписка* Пушкина, изд. Имп. Акад. Наукъ, подъ ред. В. И. Саитова, т. I, стр. 138.

что Раевскій, въ ближайшіе мѣсяцы послѣ одесской разлуки, по крайней мѣрѣ дважды писалъ Пушкину. Нѣсколько лѣтъ послѣ этого они не встрѣчались, живя въ разныхъ мѣстахъ, но Пушкинъ сохранялъ самое теплое чувство къ Раевскому. Лѣтомъ 1825 года, отвѣчая на письмо Н. Н. Раевскаго, брата Александра, онъ въ первыхъ строкахъ письма спрашиваетъ: «Что дѣлаетъ вашъ братъ? Вы ничего не пишете мнѣ о немъ въ письмѣ отъ 13 мая. Лѣчится ли онъ?» Когда въ январѣ 1826 года до Пушкина въ Михайловское дошли первые слухи объ арестахъ, связанныхъ съ событіемъ 14 декабря, онъ второпяхъ написалъ Дельвигу письмо, содержавшее *одинъ* тревожный вопросъ: не случилось ли чего съ Раевскимъ. Вотъ это письмо, опрокидывающее всѣ догадки объ охлажденіи Пушкина къ Раевскому, о пріуроченіи къ послѣднему піесы «Коварность» и пр.; привожу его цѣликомъ. «Милый Баронъ! Вы обо мнѣ безпокоитесь и напрасно — я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь — и дай Богъ, чтобъ было понапрасну — мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности — но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня. Прощай, мой милый другъ. П.» Такъ не пишутъ о человѣкѣ, нанесшемъ смертельную рану. И точно такъ же, если бы Пушкинъ таилъ горечь противъ Раевскаго, онъ не вспомнилъ бы въ «Путешествіи въ Арзрумъ» — безъ другой надобности, кромѣ прелести воспоминанія, — какъ онъ въ 1820 году сиживалъ съ Раевскимъ на берегахъ Подкумка. Въ послѣдніе годы своей жизни Пушкинъ, наѣзжая въ Москву, не разъ дружески встрѣчался съ Раевскимъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его письма къ женѣ.

Итакъ, преданіе о роли, которую будто бы сыгралъ А. Раевскій въ исторіи высылки Пушкина изъ Одессы, должно быть безусловно отвергнуто, несмотря на согласныя показанія Вигеля и Капниста. Это согласіе двухъ свидѣтелей можно объяснить тѣмъ, что Вигель выдумалъ сплетню и пустилъ ее въ ходъ (а потомъ воспроизвелъ въ своихъ запискахъ), Капнистъ же нашелъ ее уже готовою и укоренившеюся въ умахъ одесситовъ; пущенная Вигелемъ, она легко могла упрочиться, какъ въ силу своей эффектности, такъ и потому, что согласовалась съ общеизвѣстнымъ фактомъ любви Раевскаго къ Воронцовой.

Какъ бы то ни было, главная часть легенды падаетъ, и остается только ея зерно — именно утвержденіе, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ Воронцову и тѣмъ навлекъ на себя ненависть ея мужа,

слѣдствіемъ чего и была его высылка. Въ виду несомнѣннаго факта любви Пушкина къ Воронцовой, удостовѣряемаго присутствіемъ ея имени въ «донъ-жуанскомъ» спискѣ, это утвержденіе по существу не можетъ быть оспариваемо. Оно правдоподобно и если прямо ничѣмъ не подтверждается, то и не противорѣчитъ достовѣрнымъ фактамъ. Общій голосъ современниковъ объяснялъ враждебное чувство Воронцова къ Пушкину ревностью, и того же взгляда держался, повидимому, самъ Пушкинъ. И. И. Пущинъ, навѣстившій его въ Михайловскомъ въ январѣ 1825 года, такъ передаетъ разговоръ съ нимъ о причинахъ его высылки изъ Одессы: «Пушкинъ самъ не зналъ настоящимъ образомъ причины своего удаленія въ деревню; онъ приписывалъ удаленіе изъ Одессы кознямъ графа Воронцова *изъ ревности;* думалъ даже, что тутъ могли дѣйствовать нѣкоторыя смѣлыя его бумаги по службѣ, эпиграммы на управленіе и неосторожные частые его разговоры о религіи» *) Подъ ревностью надо понимать, очевидно, ревность къ женѣ, — а то къ кому же?

Но вотъ какое обстоятельство ускользнуло отъ вниманія біографовъ. Годъ спустя послѣ своей высылки изъ Одессы, въ «Воображаемомъ разговорѣ съ имп. Александромъ», Пушкинъ самъ — и не для чужихъ глазъ, а единственно для себя — изложилъ причины своей вражды съ Воронцовымъ. На вопросъ царя: «Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а не ужились съ графомъ Воронцовымъ?» — Пушкинъ отвѣчаетъ характеристикой *Инзова*, представляющей опредѣленіе *отъ противнаго* тѣхъ свойствъ Воронцова, которыми и была, по убѣжденію Пушкина, вызвана эта вражда. И вотъ тутъ, отрицательно изображая Воронцова въ лицѣ Инзова, Пушкинъ, въ числѣ причинъ, почему онъ съ Инзовымъ *могъ* ужиться, называетъ и такую: «*Онъ* (т.-е. Инзовъ) *уже не волочится, ему не 18 лѣтъ; страсти, если и были въ немъ, то ужъ давно исчезли*». И важно то, что это соображеніе онъ ставитъ на одно изъ первыхъ мѣстъ (ему предшествуетъ одно, главное: «онъ (Инзовъ) не предпочитаетъ перваго англійскаго шалопая всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ своимъ соотечественникамъ» **).

Это показаніе слишкомъ важно и слишкомъ конкретно, чтобы

---

*) «Записки И. И. Пущина», С.-Петерб. 1907, стр. 59. Курсивъ въ подлинникѣ.

**) Сравн. слова Пушкина въ письмѣ къ Казначееву (по поводу ссоры съ Воронцовымъ): «je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier (imbécile) galopin anglais...»

можно было имъ пренебречь. Здѣсь ясный намекъ на какую-то романтическую исторію, на соперничество въ любви — но къ кому? Вся фраза въ цѣломъ и слово «волочиться» исключаютъ мысль о женѣ. Прямой смыслъ этихъ словъ указываетъ на какую-то другую женщину, ставшую яблокомъ раздора между Пушкинымъ и Воронцовымъ. Указывая ни это странное свидѣтельство Пушкина, я отнюдь не желаю обогащать его и безъ того легендарную біографію еще одной досужей выдумкой: я хочу только собрать воедино всѣ разрозненныя данныя о причинахъ одесской исторіи. Построить изъ нихъ правдоподобную гипотезу мы не можемъ, и вопросъ долженъ пока оставаться открытымъ.

II.

Пушкинъ несомнѣнно былъ влюбленъ въ Воронцову, но, повторяю, мы ничего не знаемъ объ этомъ, кромѣ голаго факта. Имя Воронцовой фигурируетъ въ «донъ-жуанскомъ» спискѣ — вотъ и все. Это еще ничего не говоритъ ни о продолжительности, ни о характерѣ этой любви. Въ этомъ спискѣ много именъ; рядомъ съ женщинами, которыхъ Пушкинъ любилъ глубоко и долго, здѣсь отмѣчены и героини его мимолетныхъ увлеченій, вѣроятно вовсе не увѣнчанныхъ взаимностью. Но біографы и здѣсь не отступились. Стремленіе «округлить» эпизодъ, разработать голый фактъ въ полную романтическую исторію, породило цѣлый рядъ догадокъ, со временемъ превратившихся въ факты, о которыхъ болѣе не спорятъ. Въ 1825 году Пушкинъ въ Михайловскомъ написалъ стихотвореніе «Сожженное письмо» («Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...»). А сестра Пушкина разсказывала Анненкову, что когда получалось *изъ Одессы* письмо съ печатью, носившей точно такіе же кабалистическіе знаки, какіе были на перстнѣ ея брата, Пушкинъ запирался у себя въ комнатѣ и никого не пускалъ къ себѣ. Этотъ перстень Пушкину подарила Воронцова; отсюда заключили, что письма изъ Одессы были отъ Воронцовой. Это повторяютъ всѣ біографы до П. Е. Щеголева включительно *), и въ любомъ изданіи сочиненій Пушкина можно найти указаніе, что стихотвореніе «Сожженное письмо» относится къ Воронцовой, а въ монументальномъ Венгеровскомъ изда-

*) См. указ. статью, стр. 311 — 312.

ніи эта пьеса, для большей ясности, даже сопровождается портретомъ Воронцовой. Нужна весьма малая острота ума, чтобы понять нелѣпость этой басни. Есть ли малѣйшая вѣроятность, что гр. Воронцова имѣла два одинаковыхъ перстня съ *древне-еврейской* надписью: «Симха, сынъ почтеннаго рабби Іосифа старца, да будетъ его память благословенна», или что прежде чѣмъ подарить перстень Пушкину, она заказала себѣ дубликатъ? Правда, въ стихотвореніи упоминается перстень:

Ужъ перстня вѣрнаго утратя впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кипитъ...

Но въ тѣ времена *всѣ* запечатывали письма сургучной печатью, и множество людей — именно печатью, вырѣзанной на перстнѣ, какъ это сплошь и рядомъ можно видѣть на письмахъ 20-хъ — 30-хъ годовъ. Но такова сила традиціи, что даже покойный Ефремовъ, самъ же въ примѣчаніяхъ указывающій на невѣроятность существованія двухъ одинаковыхъ перстней, — въ текстѣ сочиненій Пушкина, подъ заглавіемъ: «Сожженное письмо», печатаетъ въ скобкахъ: «*Гр. Е. К. Воронцовой*» *).

До какихъ натяжекъ доходитъ изобрѣтательность біографовъ— показываетъ слѣдующій курьезъ. Въ черновой тетради Пушкина, на той же страницѣ, гдѣ набросаны 32-я и 33-я строфы третьей главы «Онѣгина», записано его рукою: «5 сент. 1824, u. l. de», т.-е. une lettre de... И вотъ новое подтвержденіе того, что Пушкинъ въ Михайловскомъ получалъ письма отъ Воронцовой! Такъ разсуждаетъ еще и г. Щеголевъ въ упомянутой выше статьѣ. Почему «письмо отъ...» означаетъ письмо именно отъ Воронцовой, это остается тайной вѣры. Въ рукописи **) за предлогомъ de слѣдовала одна прописная французская буква, потомъ нѣсколько разъ зачеркнутая. Возможно, что Пушкинъ отмѣтилъ здѣсь день полученія того письма А. Раевскаго, о которомъ мы выше говорили; это письмо, писанное въ Александріи, близъ Бѣлой Церкви, 21 августа, должно было получиться въ Михайловскомъ какъ-разъ около 5 сентября; кстати, и зачеркнутая въ тетради буква иниціала очень похожа на R.

Чтобы покончить съ легендой, мнѣ остается еще сказать нѣ-

*) Изданіе 1903 — 5 гг., т. II, стр. 9; т. VIII, стр. 266.
**) Рукопись Моск. Румянц. музея, № 2370, листъ 11 об.

сколько словъ объ этомъ самомъ письмѣ Раевскаго. Оно содержитъ въ себѣ одно мѣсто, справедливо привлекающее вниманіе всѣхъ изслѣдователей. Сообщивъ Пушкину нѣкоторыя одесскія новости, Раевскій продолжаетъ *): «Отлагаю до другого письма удовольствіе разсказать тебѣ дѣянія нашихъ прекрасныхъ землячекъ; теперь же поговорю о Татьянѣ. Она приняла живое участіе въ твоей бѣдѣ и поручаетъ мнѣ передать тебѣ объ этомъ; пишу съ ея вѣдома и согласія. Тихая и добрая душа ея сознаетъ лишь несправедливость, которая тяготѣетъ надъ тобою, и она выразила мнѣ все это съ чувствомъ и граціей, свойственной характеру Татьяны. Даже ея прелестная дочка вспоминаетъ о тебѣ и часто мнѣ говоритъ о «полоумномъ Пушкинѣ» и о трости съ собачьимъ рыльцемъ, что ты ей подарилъ. Я каждый день поджидаю образка съ двумя первыми стихами, которые ты для нея написалъ».

Полагаютъ, что подъ «Татьяною» (конечно, съ намекомъ на «Онѣгинскую» Татьяну) Раевскій разумѣетъ здѣсь гр. Воронцову. Дѣйствительно въ пользу этого предположенія говоритъ многое: и тонъ, въ которомъ Раевскій пишетъ эти строки (видно, что онъ считаетъ разговоръ о «Татьянѣ» особенно интереснымъ для Пушкина), и характеръ ея отзыва о несправедливости, постигшей Пушкина, и упоминаніе о ребенкѣ: у Воронцовыхъ, дѣйствительно, была тогда 4-лѣтняя дочка,—и, наконецъ, то, что письмо писано изъ Александріи, имѣнія матери Воронцовой, гдѣ послѣдняя часто гостила. Все это—вѣскіе доводы. Правда, Вигель опредѣленно говоритъ, что Воронцовы *въ половинѣ іюня* увезли свою выздоравливавшую послѣ тяжелой болѣзни дѣвочку *въ Крымъ* **); но возможно, что графиня прожила въ Крыму не все лѣто, и къ 21 августа уже была въ Кіевской губерніи, у матери.

Если это такъ, т.-е. если Раевскій пишетъ Пушкину дѣйствительно о Воронцовой, то эти строки письма являются лишнимъ аргументомъ противъ Вигелевской легенды: онѣ всѣмъ содержаніемъ противорѣчатъ этой легендѣ, — это ясно съ перваго взгляда, и здѣсь даже не требуется подробнаго анализа. Укажу только на одно обстоятельство. Изъ словъ Раевскаго явствуетъ, что Ворон-

---

*) Подлинникъ — по-французски. Цитирую по переводу въ «Русск. Арх.», 1881, I.

**) Воронцовъ (а значитъ и его семья) дѣйствительно были въ Крыму и 29 іюля, и еще 12 августа. См. Русск. Стар., 1887, январь, 246.

цова (назовемъ такъ «Татьяну» письма) узнала о высылкѣ Пушкина только post factum, т.-е. что въ моментъ высылки (конецъ іюля) ея не было въ Одессѣ; это совпадаетъ и съ сообщеніемъ Вигеля объ ея отъѣздѣ въ Крымъ въ половинѣ іюня. Но въ такомъ случаѣ—какъ могла она сговориться съ Пушкинымъ о перепискѣ, разъ она, уѣзжая изъ Одессы, еще вовсе и не знала, что больше не застанетъ его въ Одессѣ?

Итакъ, безусловно отвергая легенду, я считаю возможнымъ — исключительно на основаніи «донъ-жуанскаго» списка — утверждать только то, что Пушкинъ, долго ли, коротко ли, былъ влюбленъ въ гр. Воронцову. Существованіе какихъ-нибудь интимныхъ отношеній между ними приходится рѣшительно отвергнуть, хотя бы уже на томъ основаніи, что такія отношенія не могли бы ускользнуть отъ ревнивыхъ взоровъ Раевскаго, безумно любившаго Воронцову и близкаго къ ней по родственному; результатомъ ихъ была бы неизбѣжно жестокая ненависть Раевскаго къ Пушкину, чего мы въ дѣйствительности не видимъ и тѣни. Эти соображенія заставляютъ отрицать всякую законность за пріуроченіемъ къ Воронцовой какихъ бы то ни было стихотвореній Пушкина, въ особенности тѣхъ, гдѣ есть намекъ на обоюдную страсть. Г. Щеголевъ относитъ къ Воронцовой четыре пьесы. Объ одной изъ нихъ — «Сожженное письмо» — мы уже говорили. Другое, «Ненастный день потухъ», написанное осенью, вѣроятно 1824 г., рисуетъ пейзажъ несомнѣнно не одесскій, а крымскій: ни одинъ человѣкъ, видавшій одесское взморье, не усумнится въ этомъ, ибо тамъ нѣтъ ни «горъ», ни «береговъ, потопленныхъ шумящими волнами», и, конечно, не видъ съ дачи Рено рисуютъ эти строки:

Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами.

Остальныя двѣ пьесы, о которыхъ говоритъ г. Щеголевъ, — «Желаніе славы» и отрывокъ: «Все кончено». Въ обѣихъ рѣчь идетъ о *раздѣленной* любви, о ласкахъ («любовію и нѣгой упоенный», «въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни»), и потому, какъ сказано, онѣ не могутъ быть относимы къ Воронцовой, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока какіе-нибудь новые матеріалы не дадутъ намъ на это права.

III.

Какъ извѣстно, четыре года спустя послѣ высылки Пушкина изъ Одессы, былъ высланъ оттуда, также по происками Воронцова, А. Раевскій. Оба эти эпизода представляютъ совершенное сходство: здѣсь, какъ и тамъ, Воронцовъ *изъ ревности* устраняетъ ненавистнаго ему человѣка *при помощи доноса*, направленнаго въ Петербургъ. Это тожество мотивовъ и дѣйствій заслуживаетъ вниманія. О причинахъ высылки Пушкина мы знаемъ мало, исторію же высылки Раевскаго мы можемъ возстановить въ подробностяхъ, и это цѣнно для насъ, если не въ смыслѣ раскрытія фактовъ, то въ другомъ, не менѣе важномъ отношеніи: она проливаетъ свѣтъ на психологію дѣйствующихъ лицъ Пушкинскаго эпизода, и какъ разъ въ области тѣхъ чувствованій и дѣйствій, которыя составляютъ содержаніе этого эпизода.

Наши свѣдѣнія о гр. Воронцовой скудны. Изъ приведеннаго выше письма А. Раевскаго къ Пушкину многіе заключаютъ, что Воронцова послужила Пушкину первообразомъ для Татьяны. Мы этого не думаемъ; теперь извѣстно, что конкретныя черты для облика Татьяны Пушкинъ взялъ изъ разныхъ лицъ и даже книгъ, а если можетъ быть рѣчь объ одной главной модели (на что, какъ извѣстно, намекаетъ самъ Пушкинъ), то ее, судя по намекамъ въ его письмахъ, надо искать среди женщинъ, которыхъ Пушкинъ зналъ *въ Крыму*. Замѣна имени Воронцовой именемъ Татьяны въ письмѣ Раевскаго представляетъ собою, конечно, отголосокъ его дружескихъ бесѣдъ съ Пушкинымъ въ Одессѣ. Но и въ этомъ смыслѣ она, разумѣется, не случайна: очевидно, что въ характерѣ Воронцовой были какія-нибудь черты, сближавшія ее съ героиней «Онѣгина».

Я уже въ другомъ мѣстѣ *) цитировалъ слова Раевскаго о Воронцовой: «Она очень пріятна, у нея мѣткій, хотя и не очень широкій умъ, а ея характеръ — самый очаровательный, какой я знаю». Приведу теперь отрывокъ изъ другого его письма (неизданнаго), отъ 17 іюня 1822 года. Это письмо писано по-французски изъ Александріи, гдѣ въ то время у ея матери, гр. Браницкой, гостили и она, и онъ.

«Я изрядно скучаю, и, можетъ быть, впалъ бы въ уныніе, если бы

*) «Исторія Молодой Россіи», Москва, 1908, стр. 44.

не примѣръ графини Воронцовой; мужество, съ которымъ она переноситъ безсмысленность своего здѣшняго существованія, служитъ мнѣ укоромъ. Ровность ея свѣтлаго настроенія по-истинѣ удивительна: будучи такъ долго лишена удовольствій въ лучшіе годы своей жизни, она тѣмъ болѣе, казалось бы, должна жаждать всѣхъ тѣхъ благъ, которыми наслаждалась въ Парижѣ; между тѣмъ возобновленіе стараго, необыкновенно скучнаго образа жизни нимало ни отразилось на расположеніи ея духа, и даже отсутствіе своего мужа (который недавно покинулъ ее на пять-шесть дней для объѣзда своихъ имѣній) она переноситъ съ той же ровностью нрава. Правда, она имѣетъ нѣкоторые внутренніе рессурсы, которыхъ у меня нѣтъ, напримѣръ, удовлетворенную гордость, чувство своей личной значительности. Если она сейчасъ не пользуется никакими утѣхами свѣта, она можетъ утѣшать себя мыслью, что онѣ доступны ей въ каждую минуту, когда она того пожелаетъ, — а это уже большое облегченіе». Воронцова была на три года старше Пушкина и замужемъ съ 1819 года *).

Раевскій издавна былъ близокъ и съ Воронцовой, и съ ея мужемъ, еще до ихъ супружества, и съ нимъ — раньше, нежели съ нею: онъ состоялъ адъютантомъ при Воронцовѣ во время Отечественной войны и особенно сблизился съ нимъ во время совмѣстной стоянки во Франціи. Съ нею онъ былъ въ родствѣ; мать Воронцовой, гр. Браницкая, приходилась ему двоюродной бабкою **), очень любила его, и въ началѣ 20-хъ годовъ онъ подолгу проживалъ у нея въ Александріи. Здѣсь и полюбилъ онъ молодую Воронцову, часто пріѣзжавшую къ матери. Когда, въ маѣ 1823 года, Воронцовъ былъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, вслѣдъ за ними переѣхалъ въ Одессу и Раевскій. Его любовь къ графинѣ не была тайной для семьи, и вмѣстѣ съ его праздным, не-служебнымъ положеніемъ являлась для его отца, извѣстнаго по 12-му году генерала Н. Н. Раевскаго, предметомъ постоянныхъ страданій. Зналъ о ней, разумѣется, и Воронцовъ. Отношенія между ними начали постепенно портиться. Если вѣрить Вигелю, Воронцовъ уже весною 1824 года былъ сильно раздраженъ противъ Раевскаго. Во всякомъ

---

*) Щербининъ, «Біографія ген.-фельдм. кн. М. С. Воронцова», 1858 г., стр. 164.

**) См. «Архивъ Раевскихъ», п. ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, 1908, стр. 259.

случаѣ, это вѣрно для начала 1826 г., когда Воронцовъ, сообщая Закревскому объ арестованіи А. Раевскаго въ связи съ дѣломъ 14-го декабря, писалъ: «Сожалѣю о немъ и еще болѣе объ отцѣ его; но не удивляюсь, ибо въ послѣднее время я столько въ немъ замѣтилъ страннаго и нехорошаго, что пересталъ почти съ нимъ говорить» *). Но внѣшнія отношенія еще долго оставались корректными: послѣ своего освобожденія изъ-подъ ареста Раевскій, весною и лѣтомъ этого года, долго жилъ у Браницкой, гдѣ гостила въ то время и Воронцова съ дѣтьми и куда неоднократно пріѣзжалъ къ своей семьѣ и Воронцовъ **).

Отношенія обострились, повидимому, въ концѣ 1826 года. Въ нашемъ распоряженіи есть два неизданныхъ письма старика Раевскаго къ дочери, показывающія, что между Раевскими и Браницкою произошла какая-то размолвка, виновникомъ которой являлся А. Раевскій. 2-го января 1827 г. старикъ пишетъ изъ своей усадьбы Болтышки, Кіевской губ.: «Братъ Александръ пріѣхалъ наканунѣ меня. Вотъ что я въ немъ примѣтилъ. Онъ не спросилъ ни про васъ, ни про Машеньку ***), онъ смущенъ и скученъ, однакожъ весьма охотно играетъ въ вистъ и тутъ бываетъ веселъ. Вы видите, друзья мои, что его болѣзнь не отчаянная. Откровеній никакихъ онъ еще не дѣлалъ. Ѣдетъ со мной въ Кіевъ и заѣзжаетъ къ графинѣ Браницкой. Графиня Браницкая приняла меня весьма ласково, разспрашивала про васъ, и никакого вида о происшедшемъ». Двѣ недѣли спустя, 19-го января, онъ же пишетъ изъ Кіева: «Я здѣсь съ Александрой на контрактахъ, были въ Бѣлой Церкви, онъ былъ принятъ какъ собака, но хотѣлъ оправдываться, она сказала: nous devons être étrangers. Я думаю, послѣ сего должно бъ все оставить, mais il y tient, il a une arrière-pensée, но я не хочу къ ней заѣзжать на обратномъ пути; мнѣ кажется, что она права, виновата только была предо мной въ своихъ болтаньяхъ моимъ дочерямъ на мой счетъ. Il est censé que je ne sais rien, et elle est bien extérieurement avec moi, спрашивала про жену и дочерей».

Прошло, однако, еще болѣе года, прежде чѣмъ разрывъ принялъ внѣшнюю форму. Раздраженіе Воронцова, повидимому, росло, и отношенія между гр. Браницкой и семьей Раевскихъ все болѣе обо-

---

*) «Сборн. И. Р. Истор. Общ.», т. 73, стр. 506.
**) «Исторія Молодой Россіи», стр. 60 и сл.
***) Т.-е. про сестру, М. Н. Волконскую.

стрялись. Въ маѣ 1828 г. старикъ пишетъ сыну Николаю, что рѣшилъ окончательно порвать съ Браницкою и больше не бывать у нея; дальше онъ пишетъ, что сестры (т.-е. дочери его) были въ Одессѣ на нѣсколько дней, хотѣли не видѣться съ Воронцовой, но она до этого не допустила и онѣ видѣлись каждый день *). Два мѣсяца спустя все было кончено: разразился скандалъ, обошедшійся очень дорого самому Воронцову. Нижеслѣдующія письма (неизданныя) ясно рисуютъ образъ дѣйствій послѣдняго и косвенно бросаютъ свѣтъ на исторію высылки Пушкина изъ Одессы.

27-го іюня старикъ сообщаетъ дочери: «На послѣдней почтѣ получилъ я письмо отъ В., въ которомъ весьма умѣренно описываетъ всѣ поступки его (т.-е. Александра Раевскаго) и послѣдній, по которому онъ былъ принужденъ препоручить обезпеченіе своего спокойствія полицеймейстеру, который былъ у него (т.-е. у А. Р.) и объявилъ ему о семъ. Ты можешь судить, каково мнѣ; я отвѣчалъ, что поступки сіи почесть должно человѣка въ горячкѣ и что онъ тамъ (т.-е. въ Одессѣ) находится ни по желанію, ни по согласію моему. Можетъ быть, его посадятъ въ сумасшедшій домъ при первомъ его сумасшедшемъ поступкѣ, котораго я ожидаю».

О какомъ поступкѣ Раевскаго писалъ Воронцовъ его отцу, мы въ точности не знаемъ. Современная сплетня гласила, что онъ, съ хлыстомъ въ рукѣ, остановилъ на улицѣ карету графини, которая съ приморской дачи ѣхала къ императрицѣ, бывшей тогда въ Одессѣ, и наговорилъ ей дерзостей; въ семьѣ сохранилось преданіе, что онъ крикнулъ ей: «Soignez bien nos enfants» или «ma fille» **). Отвѣтъ Раевскаго полицеймейстеру (письменный) сохранился. «Вчерашняго числа вечеромъ,—писалъ Раевскій ***),—вы изволили пріѣхать, чтобъ прочитать мнѣ просьбу, вамъ поданную графомъ Воронцовымъ, въ которой, какъ частный человѣкъ, онъ требуетъ отъ васъ защиты за мнимыя мои дерзости противъ почтеннѣйшей его супруги; въ случаѣ продолженія оныхъ е. с. угрожаетъ мнѣ прибѣгнуть къ высшей власти. На сіе имѣю честь вамъ отвѣчать, что я ничего дерзкаго не могъ сказать ея сіятельству, и я не понимаю, что могло дать поводъ такой небылицѣ. Мнѣ весьма прискорбно,

---

*) «Щукинскій Сборникъ», IV, стр. 296.

**) «Русск. Арх.», 1901, кн. 10, стр. 185, прим. П. И. Бартенева. «Русск. Стар.», 1885, ноябрь, стр. 402. Моя «Ист. М. Россіи», стр. 72—3.

***) «Русск. Стар.», тамъ же.

что графъ Воронцовъ вмѣшиваетъ полицію въ семейственныя свои дѣла и чрезъ то даетъ имъ столь непріятную гласность. Я покажу болѣе умѣренности и чувства приличія, не распространяясь далѣе о таковомъ предметѣ. Что жъ касается до донесеній холопій его сіятельства, то оныя совершенно ложны».

Для насъ, конечно, не представляетъ никакого интереса вопросъ, что произошло между Раевскимъ и графиней. Важно только то, что въ началѣ іюня Воронцовъ окончательно потерялъ самообладаніе: иначе нельзя объяснить его обращеніе къ помощи полицеймейстера.

И тутъ произошло странное стеченіе обстоятельствъ: три недѣли спустя, т.-е. ровно чрезъ столько времени, сколько нужно было для сношенія изъ Одессы съ Петербургомъ, въ Одессѣ получено было Высочайшее повелѣніе о немедленной высылкѣ А. Раевскаго въ Полтаву *за разговоры противъ правительства и военныхъ дѣйствій*. Это былъ доносъ, и не могло быть сомнѣній, кѣмъ и для чего онъ былъ сдѣланъ. Повторилась въ точности исторія высылки Пушкина.

Воронцовъ, повидимому, чувствовалъ себя скверно и, желая обѣлить себя, написалъ старику Раевскому; вотъ это письмо: «Входя совершенно въ чувства, изъясняемыя въ благосклонномъ письмѣ в. пр., полученномъ мною вчерашняго числа, я бы никогда не коснулся болѣе до матеріи, которая ни вамъ, ни мнѣ не можетъ быть иначе, какъ непріятною, ежели бы послѣдствія поведенія Ал. Ник. здѣсь не принудили меня въ собственную мою защиту изъяснить вамъ то, что, конечно, чрезъ него иначе на мой счетъ вамъ донесено будетъ; и дѣлая сіе, я начинаю покорнѣйшей просьбой не отвѣчать мнѣ на письмо сіе, которое будетъ послѣднее. — Александръ Ник. высланъ отсель въ Полтаву по Высоч. Повелѣнію, полученному здѣсь кн. П. Мих. Волконскимъ; я не только не былъ ничѣмъ причиною сего, но о томъ, что касается до разговоровъ его здѣсь противъ правительства и насчетъ военныхъ дѣйствій, я сперва не зналъ и потомъ, услышавъ, не вѣрилъ до самаго того времени, пока участь его по другимъ о томъ донесеніямъ уже была рѣшена. Правда, что послѣ того я удостовѣрился въ справедливости сихъ донесеній; но никогда не писалъ и не буду писать въ подкрѣпленіе онымъ, ибо въ моемъ съ Ал. Н. положеніи сіе было бы совершенно невозможно».

Эти строки старикъ Раевскій сообщилъ дочери въ письмѣ своемъ отъ 10-го іюля. Нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ писалъ ей, что, по дошедшимъ до него слухамъ, Александръ проѣхалъ по кремен-

чугской дорогѣ; онъ думалъ, что сынъ ѣдетъ къ ней, въ Калужскую губернію. Теперь, узнавъ о высылкѣ сына, онъ пишетъ ей: «Я уже писалъ тебѣ, мой другъ Катенька, что Алексаша, по своей неблагоразумной страсти къ гр. В—ой, продолжаетъ дѣлать непростительныя дурачества, что сіе доставило мнѣ письмо о немъ отъ гр. В.; потомъ, услышавъ, что Ал. проѣхалъ чрезъ Елизаветградъ въ Полтаву, я счелъ, что онъ образумился и проѣхалъ къ тебѣ. Какъ вдругъ получаю іезуитское письмо отъ гр. В., при семъ прилагаемое, что онъ по Высоч. пов. отправленъ въ Полтаву. Между тѣмъ Машенька П. пишетъ къ Катенькѣ, сестрѣ ея, о происшествіи, въ которомъ увѣдомляетъ, что В. не обманулъ публику, что всѣ говорятъ, что это — его дѣйствіе, и между тѣмъ всѣ ругаютъ его и жену его. Изъ сего ты видишь, что, сдѣлавши мерзкій поступокъ, В. и себя и жену осрамилъ... Воронцову я не отвѣчаю. Пошлю нарочнаго въ Полтаву узнать о братѣ и, буде нужно, удержать его отъ какой-нибудь неосторожности противъ Воронцова. Извинительно нѣсколько въ его лѣта, будучи жертвою такой мерзкой клеветы, выйти изъ себя, когда я самъ чуть не написалъ Воронцову все, что онъ заслуживаетъ». Приведя затѣмъ письмо Воронцова, помѣщенное выше, онъ прибавляетъ: «Ты знаешь, мой другъ, въ состояніи ли Алекс. говорить про правительство или осуждать военныя дѣйствія. Каково іезуитство Воронцова: онъ плакалъ, получивъ сіе извѣстіе, пишутъ мнѣ изъ Одессы».

Если бы тожество образа дѣйствій Воронцова въ обоихъ случаяхъ —при высылкѣ Раевскаго въ 1828 году и Пушкина въ 1824— казалось еще недостаточно яснымъ, дальнѣйшія строки цитируемаго письма могутъ устранить послѣднее сомнѣніе. Здѣсь старикъ приводитъ текстъ письма, посланнаго имъ государю. Письмо это напечатано *); но въ подлинникѣ, которымъ я пользуюсь (т.-е. въ этой самой копіи, которую старикъ сообщаетъ дочери), оно содержитъ нѣсколько зачеркнутыхъ словъ, заслуживающихъ нашего особеннаго вниманія. Старикъ пишетъ царю, что несчастная страсть его сына къ гр. Воронцовой вовлекла его въ неблагоразумные поступки, что онъ непростительно виноватъ передъ графинею, но если Воронцовъ желалъ удалить его, онъ могъ это сдѣлать благороднымъ способомъ, не прибѣгая къ клеветѣ. И вотъ тутъ въ рукописи было сначала написано такъ:

---

*) «Русская Старина», 1885, ноябрь, стр. 403.

«Графу Воронцову нужно было удалить моего сына, на средства онъ не разборчивъ, что уже *доказалъ прежде*» (подчеркнуто въ рукописи), — и сюда подъ строкою сдѣлана выноска: «Т.-е. Пушкина исторія», а дальше слѣдуетъ: «и можетъ по богатству подкупить доносчика», и т. д. *).

Эти строки — важный документъ. Раевскій чрезъ сына долженъ былъ въ подробностяхъ знать исторію высылки Пушкина изъ Одессы, и если *онъ* свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ былъ высланъ благодаря низкой интригѣ (т.-е. ложному доносу) Воронцова, то этотъ фактъ можно считать установленнымъ.

Старикъ Раевскій потомъ имѣлъ случай убѣдиться въ лживости увѣреній, заключавшихся въ письмѣ къ нему Воронцова: никакого *сторонняго* доноса на Александра Раевскаго въ Петербургъ не поступало. Весною слѣдующаго, 1829 года, онъ ѣздилъ въ Петербургъ ходатайствовать за сына и по возвращеніи оттуда писалъ другому сыну, Николаю **): «Я ѣздилъ въ Петербургъ, чтобъ представить истину, и хотя былъ принятъ съ благоволеніемъ, но мнѣ сказано было, чтобъ я о семъ не говорилъ ни слова; между тѣмъ я уже былъ извѣщенъ, что не было ни слова государю, ни отъ него о мнимыхъ неприличныхъ разговорахъ, о коихъ я писалъ тебѣ, слѣдственно все состоитъ въ esclandre его исторіи съ Воронцовой».

Воронцовъ, какъ уже сказано, дорого заплатилъ за свою побѣду. Самъ царь, повидимому, не повѣрилъ его доносу; это старикъ Раевскій справедливо заключалъ изъ легкости наказанія, которому подвергся Александръ (онъ былъ высланъ въ Полтаву «на жительство до разсмотрѣнія» и безъ указанія о надзорѣ надъ нимъ). «Сіе самое снисхожденіе государя — писалъ старикъ (рукоп.) — доказываетъ, что онъ или сомнѣвается, или знаетъ истину; къ тому жъ она столь публична, что нельзя, чтобъ не дошло сіе до него... Изъ Одессы увѣдомляютъ меня, что императрица также не въ томъ видѣ

---

*) Въ чистовой формѣ это мѣсто гласитъ такъ: «Графу Воронцову нужно было удалить моего сына, по всей справедливости, что могъ онъ сдѣлать образомъ благороднымъ: графиня Браницкая могла о семъ просить васъ для спокойствія семейнаго; но онъ не разсудилъ сего. Графъ Воронцовъ богатъ, военный генералъ-губернаторъ, можетъ деньгами и другими награжденіями найти кого донесть и присягнуть въ чемъ угодно графу Воронцову» («Русская Старина», тамъ же).

**) «Щукинскій Сборникъ», IV, 298; ср. «Русск. Арх.», 1908, IV, стр. 307 — 319.

ГАЙСКАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

принимаетъ сіе происшествіе. Будучи въ Одессѣ, гдѣ вся публика не имѣетъ ни малѣйшаго заблужденія насчетъ его, знаетъ Вор., императрица лично распознаетъ клевету, на брата взнесенную... Воронцовъ, говорятъ, въ умѣ потерянъ совершенно; правда, что поступки его — и подлые, и сумасшедшіе».

Скандалъ, дѣйствительно, получился огромный. Въ петербургскомъ и московскомъ «свѣтѣ» нѣкоторое время только и было разговоровъ, что объ этой исторіи. Переписка А. Я. Булгакова съ братомъ сохранила намъ отголоски этихъ толковъ. 1-го октября 1828 г. Булгаковъ писалъ изъ Москвы: «Точно, что нѣтъ счастія совершеннаго на землѣ. Кажется, чего не достаетъ нашему милому Воронцову?.. Но ежели справедлива исторія, которую на ухо здѣсь разсказываютъ о поступкѣ глупомъ молодого Раевскаго съ графинею, то не должно ли это отравить спокойствіе этого безцѣннаго человѣка? Даже по тому, какъ мнѣ Волковъ разсказывалъ, я ему доказалъ, что графиня совершенно невинна; но все очень непріятенъ эдакій эскландръ». Нѣсколько позднѣе, 7 декабря, онъ пишетъ: «Жена была вчера у Щербининой, которая сказывала Наташѣ, что Воронцовъ убитъ извѣстною тебѣ исторіею графини, что онъ все хранитъ въ себѣ для отца и для старухи Браницкой, но что счастіе его семейственное потеряно... Щ. говоритъ, что это пишетъ Нарышкина жена сюда» *).

Какъ отнесся къ этой исторіи Пушкинъ, мы не знаемъ: единственная строчка въ его письмахъ, гдѣ онъ (1 сентября 1828 г.) спрашиваетъ кн. Вяземскую, что она думаетъ «о происшествіяхъ въ Одессѣ», ничего не говоритъ.

*) «Русск. Арх.», 1901, кн. 10, стр. 185 и 207. См. также «Остаф. Арх.», III, 179.

ДРУГЪ ПУШКИНА НАЩОКИНЪ.

I.

Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, другъ Пушкина и пріятель Гоголя, заслуживаетъ вниманія не только по своей близости къ двумъ нашимъ великимъ писателямъ, но и по своеобразію и богатству его натуры, которыми и была обусловлена эта близость. Онъ заслуживаетъ вниманія еще и потому, что обоимъ названнымъ поэтамъ его личность послужила первообразомъ для поэтическихъ созданій.

Свѣдѣній о Нащокинѣ сохранилось немного: письма Пушкина къ нему, его письма къ Пушкину, большое письмо къ нему Гоголя, нѣсколько словъ, посвященныхъ ему П. И. Бартеневымъ въ «*Русскомъ Архивѣ*», наконецъ, воспоминанія Куликова въ «*Русской Старинѣ*», да случайныя свѣдѣнія, разсѣянныя въ обширной Пушкинской литературѣ, — вотъ и всѣ извѣстныя до сихъ поръ матеріалы для его характеристики *). Біографія его такъ же проста, какъ была

*) См. также «Рус. Стар.», 1880 г., іюль, стр. 615—616, разсказъ Нащокина о его увлеченіи спиритизмомъ въ 1854 г.: ему, между прочимъ, нерѣдко являлся духъ Пушкина и даже диктовалъ стихи. Также «Рус. Арх.», 1884 г., № 6, стр. 352 — 353 — письмо Н. къ Полторацкому, гдѣ онъ разсказываетъ о томъ, какъ у себя въ домѣ свелъ Пушкина съ полковникомъ Спичинскимъ, который и разсказалъ поэту о кражѣ Булгаринымъ (въ Ревелѣ, по разжалованіи въ солдаты) шинели у его камердинера; этимъ разсказомъ воспользовался Пушкинъ въ программѣ «Настоящаго Выжигина».— Барсуковъ, Жизнь М. П. Погодина, т. VII, стр. 310, письмо Н. къ Погодину о вещахъ, доставшихся ему послѣ смерти Пушкина (здѣсь и о пушкинской ассигнаціи).

сложна и разнообразна его жизнь. Онъ происходилъ изъ старинаго дворянскаго рода, родился годомъ позднѣе Пушкина, и первоначальное воспитаніе получилъ въ лицейскомъ пансіонѣ; выступивъ до окончанія курса, онъ нѣкоторое время прослужилъ въ Измайловскомъ полку, потомъ вышелъ въ отставку и, вѣроятно, въ половинѣ 20-хъ годовъ переселился въ Москву, гдѣ и прожилъ въ совершенной праздности лѣтъ 30, до смерти своей въ 1854 г.

Унаслѣдовавъ отъ матери изрядное богатство, онъ быстро спустилъ его въ кутежахъ, стяжавшихъ ему почетную извѣстность среди бонвивановъ обѣихъ столицъ, потомъ снова нѣсколько разъ попадали ему въ руки большія суммы въ видѣ неожиданныхъ наслѣдствъ или крупныхъ выигрышей, и все это опять проматывалось, проигрывалось и проѣдалось, такъ что подъ конецъ жизни отъ всѣхъ этихъ богатствъ не осталось и слѣда, и Нащокинъ умеръ почти въ нищетѣ. Изъ писемъ къ нему Пушкина извѣстно, что въ Москвѣ Нащокинъ обзавелся красавицей-цыганкой, Ольгой Андреевной, отъ которой у него былъ и сынъ; черезъ нѣсколько лѣтъ она ему надоѣла, да къ тому же онъ влюбился въ хорошенькую Вѣру Александровну Нарскую; въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ изъ дому, оставивъ цыганкѣ весь свой домъ въ Москвѣ съ хорошей суммой денегъ, и въ подмосковной у пріятеля обвѣнчался съ Вѣрой Александровной, послѣ чего нѣкоторое время изъ осторожности прожилъ въ Тулѣ. Вѣра Александровна на много лѣтъ пережила мужа: она умерла только недавно (19 ноября 1900 г.), и еще въ 1898 году кѣмъ-то были напечатаны съ ея словъ довольно безсодержательныя воспоминанія о Пушкинѣ и Гоголѣ *).

Воспоминанія Кулицкова, не лишенныя живости, недурно характеризуютъ Нащокина въ его московскій періодъ, но, кажется, еще болѣе яркій портретъ его даютъ воспоминанія нѣкоего В. Т—на, помѣщенныя въ *Искрѣ* Курочкина за 1866 годъ, № 47, подъ заглавіемъ: «Московскіе оригиналы былыхъ временъ» (замѣтки старожила). Изъ трехъ очерковъ В. Т—на одинъ посвященъ Нащокину, фамилія котораго не названа. Вотъ этотъ очеркъ, остававшійся до

---

*) «Новое Время», 1898 г., №№ 8115, 8122 и 8129 (и здѣсь о пушкинскихъ вещахъ, присланныхъ Нащокину. Между прочимъ, она разсказываетъ, что серебряные часы, бывшіе на Пушкинѣ во время дуэли, Нащокинъ подарилъ Гоголю, а послѣ смерти послѣдняго передалъ, по просьбѣ студентовъ, въ московскій университетъ. Гдѣ они?). Некрологъ В. А. Нащокиной — въ «Истор. Вѣстн.», 1901 г., № 2.

сихъ поръ неизвѣстнымъ большинству авторовъ, писавшихъ о Нащокинѣ.

Павелъ Воиновичъ.

Человѣку этому Гоголь посвятилъ нѣсколько лучшихъ главъ во второмъ томѣ своихъ «Мертвыхъ Душъ». Но не одинъ Гоголь былъ близокъ съ Павломъ Воиновичемъ. Съ нимъ было близко все, что считалось въ двадцатыхъ годахъ лучшаго и замѣчательнаго въ литературномъ, художественномъ, артистическомъ и музыкальномъ мірѣ. Онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина, часто выручалъ его изъ хлопотъ холостой жизни и словомъ, и дѣломъ, и только одна смерть поэта прекратила ихъ долголѣтнюю дружбу.

Живя въ Москвѣ, уже въ недостаточномъ положеніи, Павелъ Воиновичъ часто любилъ вспоминать, какъ втроемъ — онъ, П(летневъ) и кн. В(яземскій) раздѣлили между собою послѣднія деньги, нашедшіяся у Пушкина въ бумажникѣ послѣ кончины, съ клятвою хранить ихъ навсегда, въ знакъ памяти о постигшей ихъ утратѣ. То были три двадцати-пяти рублевыя ассигнаціи, на которыхъ они написали годъ, день, число и часъ его смерти. Оригинальный синодикъ этотъ сохранился у прочихъ, — не сохранился онъ только у Павла Воиновича.

— Какъ же это? По какому случаю? — спрашивали его, бывало, знакомые съ изумленіемъ.

«Обстоятельства — наши деспоты! — отвѣчалъ онъ на этотъ щекотливый для него вопросъ со вздохомъ. — Такія тяжелыя дѣла подошли, что не только эту дружескую ассигнацію, собственную бы свою душу заложилъ. Совершенное безденежье, холодъ, голодъ, жена и дѣти чуть хлѣбомъ однимъ не питаются. Что было дѣлать? Не мебель же продавать? Думалъ, думалъ, и, какъ на зло, подвернулся мнѣ на глаза конвертъ, въ которомъ была у меня запечатана завѣтная ассигнація. Приказалъ подавать карету и велѣлъ ѣхать къ Павлу Петровичу, закладами и ростовщичествомъ онъ занимается. Заложу я этому скрягѣ, думалъ я, эту рѣдкость, авось рублей сто, по крайней мѣрѣ, дастъ. Не тутъ-то было! Объявляю ему всю для меня цѣнность бумажки, всю мою любовь къ ней, все уваженіе, — плечами только невѣжда пожимаетъ. «Да я, говоритъ, не только что-нибудь ей цѣнности дамъ, но и въ промѣнъ даже не возьму: можетъ быть, ее и сбыть нельзя. Эка вы на ней какую эпитафію написали! Поѣзжайте къ В., онъ до рѣдкостей охотникъ, недавно

обезьяну себѣ купилъ; можетъ быть, онъ что-нибудь вамъ подъ эту ассигнацію и дастъ». Что было дѣлать съ этимъ канальей! Однако же послушался его, поѣхалъ я къ В. Объявляю ему въ чемъ дѣло. «Позвольте посмотрѣть!» спрашиваетъ. Подалъ я конвертъ. В. осмотрѣлъ ассигнацію внимательно на свѣтъ, языкомъ даже ее лизнулъ. «Нѣтъ, говоритъ, не фальшивая! Извольте, пожалуй, ухо на ухо помѣняемся; я вамъ за нее новенькую, съ молоточка дамъ». «Мнѣ только оставалось поблагодарить этого подлеца и вернуться домой. Тутъ меня самая печальная картина ждала: поваръ въ прихожей торчитъ за приказаніемъ, что въ тотъ день готовить. — Готовь, что хочешь.«Денегъ на провизію пожалуйте».—Въ долгъ возьми.—«Не даютъ, слишкомъ много задолжали, говорятъ». Пришлось разстаться окончательно съ моею драгоцѣнностью; поплакалъ передъ мраморнымъ бюстомъ Александра Сергѣевича, поцѣловалъ его и отдалъ ассигнацію на закупки къ обѣду, приказывая повару просить пообождать и сохранить нѣсколько дней. Со дня на день я ждалъ полученія денегъ, по векселю, — такъ маленькую суммишку, тысячъ въ тринадцать, но дождался, къ несчастью, только черезъ недѣлю. Послалъ выкупать... моей бумажки и слѣдъ простылъ. Глупый купчина отдалъ ее, вмѣстѣ съ прочими деньгами, за свиныя туши и черкасскую говядину... Какъ на бѣду, это мое горе какъ разъ передъ Рождествомъ случилось. Поневолѣ вспомнишь про прежнюю петербургскую жизнь, когда у меня золото только куры не клевали...»

Петербургская молодая жизнь Павла Воиновича была завидною жизнью! Наслѣдникъ громаднаго родового имѣнія, гвардейскій кавалерійскій офицеръ, принятый въ лучшемъ обществѣ, онъ удивлялъ многихъ и обстановкою своей холостой квартиры, и своими рысаками, и своими экипажами, выписанными прямо изъ Вѣны, и своими вечерами, на которыхъ собирались литераторы, художники, артисты и французскія актрисы, до которыхъ Павелъ Воиновичъ былъ очень падокъ. Деньги были ему ни почемъ. Умный, образованный, человѣкъ со вкусомъ, онъ бросалъ ихъ, желая покровительствовать художникамъ и артистамъ. Онъ любилъ жить и давалъ жить другимъ. Залы его были наполнены произведеніями начинающихъ художниковъ; однихъ собственныхъ его портретовъ и масляными красками, и акварелью было до тридцати; молодыми живописцами перерисованы были всѣ его кучера, прислуга, лошади и собаки. Эту коллекцію, совершенно ему ненужную, которую Павелъ Воиновичъ раздаривалъ первому встрѣчному, назы-

валъ онъ «выставкою молодыхъ талантовъ». Онъ покупалъ все, что попадалось ему на глаза и останавливало чѣмъ-нибудь его вниманіе: мраморныя вазы, китайскія бездѣлушки, фарфоръ, бронзу,— что ни попало и сколько бы ни стоило; въ особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисамъ. Причудамъ его не было конца, такъ что однажды за маленькій восковой огарокъ, предъ которымъ Асенкова учила свою лучшую роль, онъ заплатилъ ея горничной шальную цѣну и обдѣлалъ въ серебряный футляръ, который вскорѣ подарилъ кому-то изъ знакомыхъ. Между замѣчательнѣйшими рѣдкостями, находившимися въ квартирѣ Павла Воиновича, былъ одинъ двухъэтажный стеклянный домикъ, аршина два длины, каждая отдѣльная часть и украшенія котораго были заказаны имъ за границей, въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ. На этотъ домикъ, стоившій ему до сорока тысячъ, съѣзжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество *).

Подобныя дорогія причуды, да, въ прибавокъ, карточная игра, въ которой Павелъ Воиновичъ являлся, впрочемъ, не игрокомъ, алчущимъ выигрыша, а страстнымъ любителемъ сильныхъ ощущеній, сильно, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, поразстроили его состояніе, тѣмъ болѣе, что онъ обзавелся цыганкою. Наконецъ, когда цыганка ли сама его оставила, или онъ поставилъ ее, на честное слово, на карту, — вскорѣ по смерти А. С. Пушкина, онъ переселился въ Москву **). Тутъ только начала видѣться ему оборотная, не радужная сторона жизни. Но Павелъ Воиновичъ, ставшій втрое бѣднѣе прежняго, не унывалъ, и велъ почти ту же самую петербургскую жизнь. Онъ ѣздилъ почти ежедневно въ англійскій клубъ, выписалъ себѣ изъ Парижа дорогой кій, хранившійся всегда подъ сбереженіемъ маркера, проигрывая и выигрывая, ни о чемъ не заботясь, памятуя утѣшительную русскую поговорку: «курочка по зернышку клюетъ, сыта бываетъ».

А насытиться Павлу Воиновичу, «какъ курочкѣ», было трудно,

---

*) Опускаемъ слѣдующее здѣсь подробное описаніе домика. Объ этомъ домикѣ не разъ упоминаетъ Пушкинъ въ своихъ письмахъ къ женѣ изъ Москвы (8 дек. 1831 г., 30 сент. 1832 г., 4 мая 1836 г.); ср. также его стихотвореніе «Новоселье». Домикъ цѣлъ и понынѣ: въ 1910—1911 гг. онъ выставлялся въ Петербургѣ и Москвѣ художникомъ С. А. Голяшкинымъ; см. впрочемъ статью г-жи А. Шипиловой «Нащокинскій домикъ», въ «Историч. Вѣстн.» 1911 іюль.

**) Это ошибка. Нащокинъ переселился въ Москву въ 20-хъ годахъ.

потому что онъ не отвыкъ еще отъ прежнихъ своихъ привычекъ, и при первыхъ появившихся у него деньгахъ моталъ по-старому, задавалъ обѣды, покупалъ дорогіе уборы женѣ и раздавалъ взаймы деньги всякому, кто ни подвернется въ такую счастливую пору. Старая его экономка, жившая еще у него въ Петербургѣ, и также никогда не оставляемая въ такое время щедротами барина, бывало, частенько ворчала при видѣ такой добродушной расточительности. «Нашелъ кого ссужать! Развѣ на томъ свѣтѣ угольками ему отдадутъ. Ужъ подлинно у нашего старика-дурака развѣ только кобель на привязи ничего не вымаклачитъ».

Но горбатаго исправитъ только могила, говоритъ пословица. И Павелъ Воиновичъ продолжалъ играть, то привозя женѣ въ подарокъ шкатулку съ червонцами, то занимая у экономки подаренныя имъ же ей деньги; нѣсколько разъ, въ самыя критическія минуты падали ему на долю то какое-нибудь незначительное наслѣдство въ сотню душъ, отъ какого-нибудь дальняго родственника, то уплачивалъ ему кто-нибудь старинный долгъ по заемному письму, о которомъ самъ онъ давно пересталъ уже думать. Но всѣ эти неожиданныя пособія судьбы скоро исчезали. Павелъ Воиновичъ начиналъ вести снова непродолжительную роскошную жизнь и потомъ все болѣе и болѣе впадалъ въ недостатокъ и распродавалъ понемногу все, что было у него болѣе драгоцѣннаго: богатую коллекцію золотыхъ и серебряныхъ старинныхъ монетъ и медалей, дорогое собраніе разнаго оружія, свои вѣнскіе экипажи, послѣдніе женины экипажи и пр., и пр. На эти продажи онъ и продолжалъ существовать нѣсколько времени роскошно.

Во время своихъ житейскихъ невзгодъ онъ познакомился гдѣ-то случайно съ однимъ евреемъ, называвшимъ себя докторомъ, высланнымъ за городъ за разные обманы и мошенничества. Этотъ докторъ В. жилъ въ отдаленномъ захолустьѣ Сокольниковъ и привлекалъ къ себѣ богатыхъ москвичей увѣреніемъ, что онъ, занимаясь алхиміей, нашелъ средство дѣлать золото и при лунномъ свѣтѣ, помощію розы, сгущать его на ладони лѣвой руки въ настоящіе изумруды. Павелъ Воиновичъ былъ одинъ изъ самыхъ легковѣрныхъ добряковъ, еще вѣрующихъ въ людскую честность, и скоро очень коротко сошелся съ В., который, для начальныхъ необходимыхъ приготовленій къ разоблаченію таинствъ природы, обиралъ у него послѣднія крохи, но составленіе золота нисколько не подвигалось впередъ.

— Плохо! — признался наконецъ В. — Недостаетъ намъ одного только растенія, котораго не найдешь въ цѣлой Россіи.

— А какого же это? — спрашиваетъ Павелъ Воиновичъ.

— Мандрагоры.

— Что это за мандрагора?

— Трава, которая пищитъ по зарямъ, какъ ребенокъ, когда вытаскиваешь ея корень.

— А гдѣ бы можно было ее достать? — спрашиваетъ Павелъ Воиновичъ.

— Только въ Германіи, въ горахъ Гарца, на вершинѣ скалы, на которой вѣдьмы совершаютъ свой шабашъ.

— Что жъ! — произноситъ рѣшительно Павелъ Воиновичъ, — мы можемъ туда съѣздить. Въ скоромъ времени я долженъ получить тысячъ десять отъ князя Г. Онъ проигралъ ихъ мнѣ давно, на честное слово. Будемъ надѣяться.

Павелъ Воиновичъ точно получилъ, наконецъ, эти деньги и вѣроятно повезъ бы В. на Гарцъ; но В. уже въ то время не было въ Сокольникахъ. За разныя новыя мошенничества онъ сосланъ былъ на жительство въ Уфу *). Павелъ Воиновичъ пріунылъ. Полученныя деньги были истрачены, кредиту уже нигдѣ не было. Жилъ тогда въ Москвѣ полковникъ К., человѣкъ болѣе чѣмъ богатый, извѣстный франтъ и волокита до поѣздки за границу, и ставшій отъявленнымъ филантропомъ по возвращеніи въ Москву. Про него ходили по городу слухи, будто онъ, какъ Ч(аадаевъ), принялъ католицизмъ. К. по первому требованію вручалъ пять рублей ассигнаціями бѣднымъ оберъ-офицерамъ и десять рублей — штабъ-офицерамъ. Павелъ Воиновичъ не преминулъ воспользоваться такимъ благимъ настроеніемъ духа въ критическія свои минуты.

«Подай вспомоществованіе бѣдному штабъ-офицеру, Александръ Степановичъ», говорилъ онъ серьезнымъ голосомъ.

И Павелъ Воиновичъ постоянно получалъ отъ К. этотъ пенсіонъ, когда приходила ему крайняя нужда, а эта нужда приходила очень часто. К. тоже былъ большой оригиналъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Павелъ Воиновичъ опять получилъ довольно порядочное наслѣдство, принималъ къ себѣ перехожихъ каликъ, странниковъ, странницъ и разныхъ бродягъ, которые всегда что-нибудь у него крали.—

---

*) Объ этомъ мнимомъ докторѣ, очевидно, писалъ Пушкинъ Нащокину въ октябрѣ 1835 г.: «Что Куликовъ и твой жиденокъ-лѣкарь, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся съ нимъ. Это необходимо».

II.

По словамъ П. И. Бартенева *), Пушкинъ познакомился и подружился съ Нащокинымъ еще въ Царскомъ Селѣ, навѣщая своего брата, который учился въ томъ же пансіонѣ Гауэншильда, гдѣ воспитывался нѣкоторое время и Нащокинъ. Съ отъѣздомъ Пушкина на югъ ихъ знакомство прервалось, но по возвращеніи Пушкина въ Москву въ 1826 году дружба между ними возобновилась и не ослабѣвала уже до смерти поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что за послѣдніе 7—8 лѣтъ своей жизни Пушкинъ не имѣлъ друга болѣе близкаго, болѣе любимаго и преданнаго, чѣмъ Нащокинъ. Дружба эта носила совершенно братскій характеръ. Дошедшія до насъ 25 писемъ Пушкина къ Нащокину, равно какъ и письма послѣдняго къ поэту, дышатъ такой сердечной, почти нѣжной привязанностью и обнаруживаютъ такую простоту равноправныхъ отношеній, какія можно найти развѣ еще только въ дружбѣ Пушкина съ Дельвигомъ. Нащокинъ не только исполняетъ всевозможныя порученія поэта, часто весьма щекотливыя, не только выручаетъ его во всякую трудную минуту: Пушкинъ подробно извѣщаетъ его о своихъ семейныхъ, литературныхъ и денежныхъ дѣлахъ, о своихъ замыслахъ и заботахъ. Они братски дѣлятъ другъ съ другомъ тревогу и радость. «Когда бы намъ съ тобой увидаться! — пишетъ Пушкинъ въ концѣ 1834 г. — Много бы я тебѣ наговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ бурь и Рахмановскихъ наѣздовъ!» И по пріѣздѣ въ Москву, въ маѣ 1836 г., поэтъ сообщаетъ женѣ: «Я остановился у Нащокина... Мы разумѣется другъ другу очень обрадовались и цѣлый вчерашній день проболтали Богъ знаетъ о чемъ». Пушкинъ принимаетъ горячее участіе въ дѣлѣ Нащокина съ Ольгой Андреевной, безпрестанно освѣдомляется о ходѣ этого дѣла, торопитъ его съ развязкой. «Что твои дѣла? За глаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется, что ты гибнешь, что Вееръ (ростовщикъ) тебя топитъ, а Рахмановъ на плечахъ у тебя. Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось раз-

*) «Девятнадцатый вѣкъ», изд. П. Бартеневымъ. М., 1872 г., кн. I, стр. 383.

ведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мельницу въ Тюфляхъ, и заживешь припѣваючи и пишучи свои Записки». «Не смѣю надѣяться, а можно надѣяться, — пишетъ Пушкинъ о томъ же дѣлѣ въ другой разъ. — Vous êtes éminement un homme de passion —и въ страстномъ состояніи духа ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ, какъ нѣкогда пьяный переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на то похоже, — сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы, князь Ѳедоръ (Гагаринъ) и я, будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ, и какъ-нибудь выкарабкаемся на противную сторону». Когда, наконецъ, бѣжавъ отъ своей цыганки, Нащокинъ женился на любимой дѣвушкѣ, Пушкинъ съ сердечною радостью привѣтствуетъ перемѣну въ его судьбѣ, и еще черезъ полтора года, осенью 1835 г., пишетъ ему: «Желалъ бы я взглянуть на твою семейную жизнь и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни». А Нащокинъ еще до этой развязки, въ январѣ 1833 года, кончалъ свое письмо къ Пушкину такими словами: «Прощай, воскресенье нравственнаго бытія моего!» Въ письмахъ своихъ къ женѣ изъ Москвы Пушкинъ постоянно отзывается о Нащокинѣ съ искренней любовью: «Онъ все тотъ же, очень милъ и уменъ»; «Нащокинъ милъ до чрезвычайности... Онъ смѣшитъ меня до упаду, но не понимаю, какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью»; «Нащокинъ здѣсь одна моя отрада»; «Любитъ меня одинъ Нащокинъ», и т. п. Какъ искренно принималъ Пушкинъ къ сердцу дѣла друга, показываетъ запись, сдѣланная имъ въ записной книжкѣ подъ іюнемъ 1834 года: «19 числа послалъ 1000 Нащокину. — Слава Богу! Слухи о смерти его сына ложны». У Нащокина была, кромѣ этого сына, еще дочь отъ цыганки — крестница Пушкина, а старшаго сына Пушкина крестилъ Нащокинъ, нарочно пріѣзжавшій для этого въ Петербургъ. Извѣстно, что съ начала 30 годовъ Пушкинъ, пріѣзжая въ Москву, почти неизмѣнно останавливался у Нащокина.

Нащокинъ платилъ своему великому другу такою же сердечной привязанностью. «Ты не можешь вообразить, какъ много я вамъ преданъ», пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, — и въ другой разъ: «Какъ я охотно къ тебѣ пишу, ты себѣ не можешь представить». Онъ называетъ Пушкина: «удивительный Александръ Сергѣевичъ», «мой славный Пушкинъ», и кончаетъ свои письма, напримѣръ, такъ: «Прощай еще разъ, утѣшитель мой, радость моя!» О Чаадаевѣ онъ пишетъ: «Тебя очень любитъ, но менѣе, чѣмъ я», о

другомъ общемъ знакомомъ — «онъ почти столько же тебя знаетъ и любитъ, какъ и я, что доказываетъ, что онъ не дуракъ: тебя знать не бездѣлица». Въ такомъ родѣ всѣ его письма; онъ живо радуется семейному счастью поэта, тревожится по поводу отсутствія писемъ, и т. п.

Пушкинъ любилъ въ Нащокинѣ не только веселаго товарища по карточной игрѣ и холостымъ похожденіямъ и не только преданнаго друга: онъ рано полюбилъ, какъ говоритъ П. И. Бартеневъ, «своеобразный умъ Нащокина, его талантливую, широкую натуру и превосходное сердце». Письма поэта свидѣтельствуютъ о томъ, какъ высоко онъ цѣнилъ благородство его характера. Когда въ 1831 г. Нащокинъ улаживалъ въ Москвѣ денежныя дѣла Пушкина съ Догановскимъ и Жемчужниковымъ, Пушкинъ писалъ ему по этому поводу: «Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, знавъ тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стоитъ никакой довѣренности». Позднѣе, вскорѣ послѣ женитьбы Нащокина, Пушкинъ писалъ ему: «Радъ я, Павелъ Воиновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная терпѣливая снисходительность не измѣнилась ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою». Не менѣе высоко цѣнилъ Пушкинъ, повидимому, умъ и тонкій вкусъ Нащокина. По словамъ Куликова *), Павелъ Воиновичъ много читалъ, хорошо зналъ французскую и русскую литературу, и при широкомъ врожденномъ умѣ, при своемъ знаніи жизни и страстной любви къ искусству, обладалъ замѣчательнымъ для его времени критическимъ чутьемъ. Куликовъ разсказываетъ, что въ то время, когда вся Россія увлекалась сочиненіями Марлинскаго, Нащокинъ хохоталъ надъ фантастическими персонажами и вычурнымъ изложеніемъ этого автора, а самъ зачитывался Бальзакомъ; точно такъ же онъ высмѣивалъ позднѣе знаменитыя три повѣсти Н. Ф. Павлова. Такимъ рисуютъ его и его письма къ Пушкину. Прочитавъ вышедшій въ 1831 году разборъ «Бориса Годунова» въ видѣ діалога между учителемъ и помѣщикомъ, онъ пишетъ поэту: «Очень хорошо, а кто написалъ, никакъ сего не воображаетъ, что лучше и похожѣе описать разговоръ, сужденія нашихъ безмозглыхъ грамотѣевъ-семинаристовъ никакъ

*) «А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ», очерки и воспоминанія Н. И. Куликова, «Рус. Ст.», 1880 г., дек. 1881 г. авг.

нельзя: это совершенный слѣпокъ съ натуры. Думая написать на тебя злую критику, написалъ отрывокъ, достойный помѣстить въ романъ. Прочти, сдѣлай одолженіе; ты по разговору узнаешь говорящихъ, и если бы осталось мѣсто, я бы разсказалъ ростъ ихъ, въ чемъ одѣты, словомъ сказать, прекрасно: Вальтеръ-Скотъ совершенный» *). О повѣстяхъ Мухина онъ пишетъ: «Я ихъ читалъ, онѣ мнѣ очень понравились, въ нихъ много чувства, а автора въ нихъ совсѣмъ нѣтъ».

Естественно, что Пушкинъ дорожилъ отзывами Нащокина о своихъ произведеніяхъ, какъ сообщаетъ Куликовъ. Изъ писемъ мы знаемъ, что ему былъ посланъ первый экземпляръ повѣстей Бѣлкина. Несмотря на то, что Нащокинъ лично не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ литературѣ, Пушкинъ постоянно извѣщалъ его о своихъ литературныхъ занятіяхъ и планахъ и говорилъ съ нимъ о литературныхъ дѣлахъ, какъ съ равнымъ. По поводу упомянутаго выше критическаго разговора о «Борисѣ Годуновѣ» онъ пишетъ ему: «Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что называютъ у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьезно — невозможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому же ни критика, ни публика недостойны дѣльныхъ возраженій. Нынѣче осенью займусь литературой, а зимой зарюсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ царемъ». По выходѣ перваго номера *Современника* Нащокинъ, одобривъ его въ общемъ, совѣтуетъ Пушкину ввести въ немъ отдѣлъ объ искусствѣ, а въ маѣ того же 1836 года Пушкинъ пишетъ ему: «Второй номеръ *Современника* очень хорошъ и ты скажешь мнѣ за него спасибо». Повидимому, именно Нащокинъ первый обратилъ вниманіе Пушкина на молодого Бѣлинскаго; по крайней мѣрѣ, чрезъ него Пушкинъ «тихонько отъ Наблюдателей» переслалъ Бѣлинскому экземпляръ перваго № своего журнала, и Нащокинъ же, какъ видно изъ одного его письма, велъ переговоры о приглашеніи московскаго критика въ *Современникъ*.

Была въ Нащокинѣ черта, дѣлавшая его особенно привлекательнымъ для Пушкина: онъ мастерски разсказывалъ, а богатый жизненный опытъ и тонкое знаніе людей доставляли ему, конечно, обильный матеріалъ для разсказовъ. Пушкинъ заслушивался этихъ На-

*) «Письма П. В. Нащокина къ А. С. Пушкину», «Рус. Арх.», 1904 г., ноябрь.

щокинскихъ разсказовъ; описывая женѣ свое времяпровожденіе въ Москвѣ, онъ неоднократно отмѣчаетъ: «забалтываюсь съ Нащокинымъ», или: «хлопочу по дѣламъ, *слушаю Нащокина* и читаю «Mémoires de Diderot». Собственная жизнь Нащокина, полная самыхъ неожиданныхъ превратностей и треволненій, представляла большой драматическій интересъ; у этой широкой и даровитой натуры все должно было выходить такъ колоритно, такъ полно стихійной удали и легкости, эта беззаботность среди тревогъ при ясномъ умѣ и тепломъ сердцѣ была до такой степени полна поэзіи, что Пушкинъ не могъ не быть очарованъ. Неудивительно, что онъ настойчиво убѣждалъ Нащокина описать свою жизнь. Склонить къ этому Нащокина, при его неспособности и неохотѣ къ писанію, было нелегко; и вотъ, живя въ Москвѣ лѣто и осень 1830 г. Пушкинъ заставилъ его диктовать себѣ начало этихъ записокъ. Писаны онѣ, безъ сомнѣнія, не совсѣмъ подъ диктовку: мы видѣли, какъ плохъ слогъ Нащокина въ письмахъ, да и самъ по себѣ слогъ записокъ отличается всѣми признаками Пушкинской прозы, и притомъ вполнѣ обработанъ. Повидимому, уѣзжая, Пушкинъ взялъ слово съ Нащокина, что онъ будетъ продолжать записки, и осенью 1832 г. напоминалъ ему объ этомъ: «Что твои *меморіи?* — пишетъ онъ. — Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой». Разумѣется меморіи остались ненаписанными. Даже по письмамъ Нащокина можно видѣть, что его повѣствованіе отличалось такой живой изобразительностью, какая встрѣчается не часто. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ передаетъ Пушкину свѣдѣнія о своемъ старшемъ братѣ, полученныя имъ изъ вторыхъ рукъ: «Вообрази его засаленнаго, въ табакѣ, съ впалыми щеками, съ синимъ лицомъ въ прыщахъ, съ ужаснѣйшей бородой, въ ежеминутномъ раздраженіи, трясеніи въ рукахъ, всѣхъ и всего боится, окруженъ дьяконами, дьячками, кабачными, отставными оберъ-офицерами; еще какой-то обрюзглый демидовскій студентъ съ нимъ пьетъ и имѣетъ на него большое вліяніе»; къ тому же онъ попалъ подъ слѣдствіе и долженъ изъ-за этого жить въ городѣ, а его жена «въ деревнѣ и утѣшается свободою — ходитъ гулять съ камердинеромъ бывшимъ князя Грузинскаго: щеголь, въ курткѣ, въ плисовыхъ шароварахъ, весь въ бронзовыхъ цѣпяхъ и говоритъ басомъ. Дома же она прядетъ вмѣстѣ съ дѣвками, подъ пѣсню посидѣлки-дѣвки и проч., самъ-другъ съ кучеромъ Киріаномъ: молодой парень, грубіянъ, вершковъ 10.

Вся дворня ахаютъ, говоритъ мнѣ Павелъ камердинеръ: Петрушка все еще ничего, а отъ Кириана житья нѣтъ никому. Вотъ главныя лица, владѣльцы той усадьбы, откуда мой отецъ чванно выѣзжалъ, гдѣ онъ и похороненъ... Андрей Христофоровичъ былъ у него, видѣлъ его. Я этого не желаю, заочно содрогаюсь; у человѣка 80 т. чистаго дохода; не завидую, а жалѣю». Пушкинъ, еще только узнавъ о посылкѣ человѣка къ брату Нащокина, писалъ послѣднему: «Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. *Дѣло любопытное*». Послѣднія слова показываютъ, что исторія эта интересовала Пушкина не только изъ участія къ дѣламъ Нащокина, но и сама по себѣ, своей яркой характеристичностью, совершенно такъ же, какъ по поводу дѣла съ цыганкой онъ нѣсколько позднѣе писалъ Нащокину: «Мочи нѣтъ, хочется узнать развязку: я твой романъ оставилъ на самомъ замѣчательномъ мѣстѣ». И получивъ цитированное сейчасъ письмо Нащокина, Пушкинъ отвѣчалъ ему: «Письмо твое о твоемъ братѣ ужасно хорошо».

Существуетъ преданіе, что сюжетомъ для «Домика въ Коломнѣ» послужилъ Пушкину разсказъ Нащокина о томъ, какъ, будучи влюбленъ въ актрису Асенкову, онъ облекся въ женскій нарядъ и прожилъ у нея въ качествѣ горничной болѣе мѣсяца. Достовѣрно извѣстно, что Нащокинымъ сообщена была поэту исторія бѣлорусскаго дворянина Островскаго, послужившая фабулой для «Дубровскаго». Но всего любопытнѣе предположеніе Анненкова о томъ, что именно съ Нащокина Пушкинъ намѣревался списать портретъ своего Пелымова *).

Догадка Анненкова представляется вполнѣ основательной. Какъ извѣстно, мысль и общую схему «Русскаго Пелама» Пушкинъ заимствовалъ изъ романа Бульвера «Пельгамъ или приключенія одного джентльмена», вышедшаго въ 1835 г.; въ этомъ же году были составлены Пушкинымъ четыре наброска программы и написано начало первой главы романа. Сколько можно судить по этимъ остаткамъ, Пушкинъ задумалъ изобразить въ своемъ романѣ русскаго богатаго и даровитаго юношу 20-хъ годовъ, надѣленнаго пылкими страстями и благородной душой, который сквозь безшабашный разгулъ, сквозь ошибки, граничащія съ преступленіемъ, сквозь всѣ превратности бурной судьбы выноситъ незапятнаннымъ свое чистое сердце, неизвращеннымъ ясный умъ, свѣжимъ и чуткимъ свое чувство. Ки

*) «П. В. Анненковъ и его друзья». Спб., 1892 г., стр. 462 и сл.

пучая натура бросаетъ Пелымова изъ одного увлеченія въ другое, запутываетъ его въ чужія преступленія, низводитъ его на время въ міръ шулеровъ, аферистовъ и танцовщицъ, потомъ сближаетъ съ кружкомъ будущихъ декабристовъ, — и всюду онъ быстро осваивается, всюду сохраняетъ ясность мысли и благородство души; онъ точно заворожень противъ грязи и лжи, и при всей мягкости и неустойчивости своего характера обнаруживаетъ удивительную нравственную стойкость. Мы видѣли, что таковъ былъ и Нащокинъ и что именно такимъ считалъ его Пушкинъ. Высказавъ упомянутое выше предположеніе о близкомъ сходствѣ Пелымова съ Нащокинымъ, Анненковъ, который долженъ былъ знать о Нащокинѣ больше нашего по многочисленнымъ устнымъ разсказамъ, говоритъ: «Дѣйствительно, по количеству необычайныхъ похожденій, по числу связей, знакомствъ всякаго рода, по ряду неожиданныхъ столкновеній съ людьми, катастрофъ и семейныхъ переворотовъ, испытанныхъ имъ, другъ Пушкина, насколько можно судить по преданіямъ и слухамъ о немъ, очень близко подходилъ къ типу «бывалаго человѣка» Бульвера, уступая ему въ стойкости характера, въ дѣльности и полнотѣ внутренняго содержанія. Зато онъ еще лучше отвѣчалъ намѣренію Пушкина олицетворить идею о человѣкѣ нравственно, такъ сказать, изъ чистаго золота, который не теряетъ цѣнности, куда бы ни попалъ, гдѣ бы ни очутился. Рѣдкіе умѣли такъ сберечь человѣческое достоинство, прямоту души, благородство характера, чистую совѣсть и неизмѣнную доброту сердца, какъ этотъ другъ Пушкина, въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ жизни, на краю гибели, въ омутѣ слѣпыхъ страстей и увлеченій и подъ ударами судьбы и несчастія, большею частью имъ самимъ и накликанными на себя » *).

Искать въ программахъ и отрывкѣ «Русскаго Пелама» прямые намеки на конкретныя черты изъ біографіи Нащокина, конечно, дѣло рискованное. Изъ записокъ Нащокина мы знаемъ, что онъ, какъ и Пелымовъ, былъ «сынъ русскаго барина, воспитанъ французами», и что отецъ его, какъ и отецъ Пелымова, былъ «frivole въ русскомъ родѣ»; но то же самое можно было сказать о любомъ дворянскомъ сынкѣ 1810—20 годовъ. Однако, въ этихъ отрывкахъ есть черта, невольно наводящая мысль на сопоставленіе Пушкинскаго романа съ жизнью Нащокина. Сохранившееся начало первой главы

*) Тамъ же, стр. 470.

«Пелама» обнаруживаетъ разительное сходство съ началомъ записокъ Нащокина, писанныхъ въ 1830 г. Пушкинымъ: въ обоихъ случаяхъ герой начинаетъ свою автобіографію по совершенно одинаковому плану, приблизительно такъ: «Я начинаю помнить себя (этими словами начинаются оба отрывка) съ ранняго возраста», затѣмъ слѣдуетъ одна (или двѣ) выхваченная живьемъ бытовая картинка, у каждаго другая, и затѣмъ опять почти буквально одинаково: «съ тѣхъ поръ мои воспоминанія становятся сбивчивы, и снова проясняются лишь около восьми или десятилѣтняго моего возраста». Близкое сходство этихъ двухъ отрывковъ невозможно отрицать.

III.

Авторъ очерка, помѣщеннаго въ «Искрѣ», говоритъ, что Гоголь посвятилъ Нащокину нѣсколько лучшихъ главъ во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ»; проф. Алексѣй Н. Веселовскій высказалъ догадку, что П. В. Нащокинъ послужилъ прототипомъ Хлобуева во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» *). Внимательное изслѣдованіе вполнѣ подтверждаетъ эту мысль. Разумѣется, о портретномъ сходствѣ здѣсь, какъ и въ отношеніи Пушкинскаго романа, говорить не приходится: для обоихъ поэтовъ Нащокинъ служилъ лишь яркимъ представителемъ цѣлаго типа, соотвѣтственно чему и обликъ его подвергся у каждаго изъ нихъ требуемой обработкѣ.

Если Пелымовъ—Нащокинъ въ молодости, виверъ и картежникъ, то Хлобуевъ—Нащокинъ въ возрастѣ лѣтъ за сорокъ (кстати, и Хлобуеву 45 лѣтъ), Нащокинъ семейный, обѣднѣвшій и опустившійся. Гоголь, конечно, не разъ слышалъ о Нащокинѣ отъ Пушкина, да и самъ хорошо зналъ его. Въ 1842 г. ему пришла въ голову странная мысль выручить Нащокина изъ нужды путемъ опредѣленія его въ воспитатели къ сыну извѣстнаго откупщика Бенардаки; дѣло это, конечно, не состоялось, — по всей вѣроятности Нащокинъ отклонилъ предложеніе, — но по этому поводу Гоголь написалъ Нащокину обширное (6 печатныхъ страницъ) письмо, содержащее чрезвычайно подробную характеристику Павла Воиновича. Письмо это не прибавляетъ ничего новаго къ нашимъ свѣ-

*) А. Н. Веселовскій, «Этюды и характеристики», 2-е изд., Москва, 1903 г., стр. 584.

дѣніямъ о нравственной личности Нащокина, почерпнутымъ изъ воспоминаній Т-на и Куликова, изъ писемъ Пушкина и пр., но оно важно для насъ, какъ портретъ Нащокина, нарисованный будущимъ творцомъ Хлобуева.

По самому характеру письма *) въ немъ собраны преимущественно положительныя черты Нащокина. Гоголь начинаетъ съ изложенія причинъ, побуждающихъ его хлопотать о Нащокинѣ. «Это не вслѣдствіе дружескихъ отношеній нашихъ, — пишетъ онъ,— не вслѣдствіе одного личнаго уваженія качествъ души вашей, но вслѣдствіе вашихъ свѣдѣній, познанія людей и свѣта, вѣрнаго взгляда на вещи и яснаго, свѣтски-просвѣщеннаго, опытнаго ума, которые должны быть употреблены въ дѣло». Онъ уже давно размышляетъ объ участи Нащокина и о крайности его теперешняго положенія и, изыскивая средства ему помочь, пришелъ къ заключенію, что служба, казенное мѣсто, ему (какъ позднѣе Хлобуеву) не годится; теперь онъ остановился на мысли сблизить его съ Бенардаки, и уже говорилъ о немъ послѣднему. «Я ему разсказалъ все, ничего не скрывая, что вы промотали все свое имѣніе, что провели безразсчетно и шумно вашу молодость, что были въ обществѣ знатныхъ повѣсъ и игроковъ и что среди всего этого вы не потерялись ни разу душою, не измѣнили ни разу ея благороднымъ движеніямъ, умѣли пріобрѣсти невольное уваженіе достойныхъ и умныхъ людей и съ тѣмъ вмѣстѣ самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшаго ее къ вамъ преимущественно передъ другими до конца своей жизни. И будучи низринуты въ несчастье, въ самыя крайнія положенія, отъ которыхъ бы закружилась и потерялась у всякаго другого голова, вы не впали въ отчаяніе, не прибѣгнули ни къ одному безчестному средству, которое могло бы васъ выпутать изъ крайности, не вдались ни въ одинъ изъ тѣхъ пороковъ, въ которые способенъ вдаться русскій, приведенный въ отчаяніе; что вы умѣли вынести съ высокимъ христіанскимъ терпѣніемъ испытанія, умѣли благословлять свои несчастья и несете свой крестъ съ тою покорностью и вѣрою, какая не является нынѣ». Далѣе Гоголь приступаетъ къ обстоятельному исчисленію тѣхъ свойствъ Нащокина, которыя будто бы дѣлаютъ его идеальнымъ воспитателемъ. Онъ богатъ опытомъ и какъ немногіе изучилъ людей и свѣтъ, онъ истинный, глубоко вѣрующій христіанинъ, онъ обладаетъ свѣтлой ров-

*) Письма Н. В. Гоголя, подъ ред. В. И. Шенрока, т. II, стр. 188—194.

ностью характера, свѣтлыми идеями и вѣрными понятіями, онъ вращался среди лучшихъ художниковъ и артистовъ и пріобрѣлъ познанія въ области искусства, наконецъ, ему свойствена «настоящая простота свѣтскаго обращенія, чуждая высокомѣрія и гордости или измѣнчивой неровности». Единственный большой недостатокъ Нащокина Гоголь видитъ въ неподвижности, лѣни и трудности подняться на дѣло.

Таковы черты, которыя Гоголь считалъ присущими Нащокину. Если мы теперь обратимся къ Хлобуеву, то съ перваго взгляда увидимъ, что его нравственный обликъ до мельчайшихъ подробностей совпадаетъ съ этой характеристикой. Общія черты его жизни и настоящаго положенія совершенно таковы же, какъ у Нащокина: кутежъ, игра и мотовство въ молодости, теперь почти нищета, молодая сравнительно семья, и старыя привычки роскоши и праздности среди крайней нужды; у Хлобуева нѣтъ обѣда, а для гостей найдется шампанское, ему нечѣмъ засѣять поле, а завтра онъ даетъ обѣдъ «всѣмъ сословіямъ въ городѣ» — совершенно такъ, какъ разсказываетъ Куликовъ о Нащокинѣ. Онъ глубоко религіозенъ, уменъ и наблюдателенъ, всегда готовъ помочь другому, чистъ и честенъ: ему больно за его крестьянъ, онъ не хочетъ искать службы между прочимъ потому, что и безъ него довольно чиновниковъ, чье жалованье ложится бременемъ на податную массу, и потому что не умѣетъ брать взятокъ; какъ и Нащокинъ, онъ имѣетъ вкусъ къ меценатству, къ собиранію художественныхъ коллекцій и т. д. Но въ Хлобуевѣ Гоголь, ради своей художественной или идейной цѣли, выдвинулъ на первый планъ какъ разъ тѣ черты, которыя въ Нащокинѣ казались ему отрицательными: неподвижность, лѣнь и трудность подняться на дѣло.

При чтеніи нѣкоторыхъ страницъ изъ тѣхъ, которыя посвящены Хлобуеву, вамъ невольно покажется, что рѣчь идетъ попросту о Нащокинѣ. Въ письмѣ своемъ къ Нащокину Гоголь говоритъ между прочимъ: «Уже одно множество происшествій, случившихся въ виду и на глазахъ вашихъ, исторіи разорившихся владѣльцевъ, множество нечаянныхъ случаевъ и событій, *которые разсказываете вы такъ живо и увлекательно и съ такою вѣрностью*, въ которыхъ такъ отражается нашъ современный русскій баринъ и человѣкъ, со всею своею оплошностію и недостатками, которыхъ виною всегда почти самъ,— одни эти живые разсказы могутъ подѣйствовать глубоко на душу» и т. д. А вотъ каковъ Хлобуевъ въ хорошую минуту: «Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хло-

буевъ развязался: сталъ уменъ и милъ (слова Пушкина о Нащокинѣ!); остроты и анекдоты сыпались у него безпрерывно. Въ рѣчахъ его оказалось столько познанія людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ въ немногихъ словахъ сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ: и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и мѣтко умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки — что они оба (т.-е. Чичиковъ и Платоновъ) были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка» *). Развѣ это не Нащокинъ, котораго заслушивался Пушкинъ и какимъ зналъ его и Гоголь?

Или вотъ другая страница изъ характеристики Хлобуева, съ поразительною точностью воспроизводящая картину жизни Нащокина: «Только на одной Руси можно было существовать такимъ образомъ. Не имѣя ничего, онъ угощалъ и хлѣбосольничалъ, и даже оказывалъ покровительство, поощрялъ всякихъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ городъ, давалъ имъ у себя пріютъ и квартиру. Если бы кто заглянулъ въ домъ его, находившійся въ городѣ, онъ бы никакъ не узналъ, кто въ немъ хозяинъ. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры; въ иной день какой-нибудь неизвѣстный никому почти въ домѣ поселялся въ самой гостиной съ бумагами и заводилъ тамъ кабинетъ, и это не смущало и не безпокоило никого въ домѣ, какъ бы было житейское дѣло **). Иногда по цѣлымъ днямъ не бывало крохи въ домѣ, иногда же задавали въ немъ такой обѣдъ, который удовлетворилъ бы вкусу утонченнѣйшаго гастронома, и хозяинъ являлся праздничный, веселый, съ осанкой богатаго барина, съ походкой человѣка, котораго жизнь протекаетъ въ избыткѣ и довольствѣ. Зато временами бывали такія тяжелыя минуты, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсился

---

*) Соч. подъ ред. Н. С. Тихонравова, изд. X, т. III, стр. 365.

**) Въ декабрѣ 1831 г. Пушкинъ писалъ женѣ изъ Москвы: «Нащокинъ занятъ дѣлами, а домъ его такая бестолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякій кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ: угла нѣтъ свободнаго». См. также очеркъ въ «Искрѣ».

или застрѣлился. Но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ вмѣстѣ съ безпутною его жизнью»; и дальше Гоголь разсказываетъ, что въ такія минуты почти всегда приходила Хлобуеву откуда-нибудь неожиданная помощь: «или кто-нибудь изъ старыхъ друзей вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги, или какая-нибудь великодушная барыня, тронутая слухами о его нуждѣ, выручала его изъ бѣды, или выигрывалось гдѣ-нибудь въ его пользу дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. И тогда Хлобуевъ служилъ благодарственный молебенъ и снова начиналъ свою безпутную жизнь». Все это, какъ мы видѣли, — подлинныя черты жизни и личности Нащокина.

Въ 1842 г. Гоголь полагалъ, что изъ Нащокина долженъ выйти образцовый воспитатель; позднѣе, когда писались для второго тома «Мертвыхъ Душъ» главы о Хлобуевѣ, онъ держался уже другого взгляда: устами Муразова онъ говоритъ Хлобуеву: «Какъ воспитать дѣтей тому, кто самъ себя не воспиталъ?» Приблизительно такъ долженъ былъ отвѣтить Нащокинъ на письмо Гоголя. Но дѣло, которое предлагаетъ Муразовъ Хлобуеву (собираніе денегъ на постройку храма), по существу своему въ мысли Гоголя тождественно съ тѣмъ, которое онъ самъ предлагалъ Нащокину, и въ томъ письмѣ онъ писалъ Нащокину почти то же, что Муразовъ говоритъ Хлобуеву: нельзя человѣку жить въ праздности; ты накопилъ много опыта, и долженъ употребить его въ дѣло; ты еще ни разу не наложилъ на себя подвига, который свидѣтельствовалъ бы о твоемъ самопожертвованіи и христіанской любви къ брату, не предпринялъ дѣла во имя Бога, внутренно угоднаго Богу,— теперь предстоитъ тебѣ такой подвигъ. И въ обоихъ случаяхъ, рядомъ съ религіозно-нравственной стороной, Гоголь выдвигаетъ и практическую: тамъ — воспитать богатаго юношу, отъ котораго, можетъ быть, будетъ зависѣть счастье многихъ; здѣсь — разузнать народную жизнь, чтобы потомъ это знаніе отдать на службу государству.

В. И. Шенрокъ въ третьемъ томѣ своихъ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя», въ гл. 8, собралъ всѣ сохранившіяся свѣдѣнія о живыхъ лицахъ, послужившихъ Гоголю какъ бы остовами для типическихъ обобщеній. Въ ряду этихъ сопоставленій Нащокинъ-Хлобуевъ долженъ занять первое мѣсто: здѣсь сходство и наиболѣе велико, и можетъ быть прослѣжено съ наибольшей подробностью. По своеобразному сочетанію своихъ характерныхъ чертъ П. В. Нащокинъ несомнѣнно представлялъ собою и вообще, и осо-

бенно въ кругу лицъ, доступныхъ наблюденію Гоголя, — своего рода unicum, и та почти фотографическая точность, съ какою воспроизведены въ Хлобуевѣ его личность и матеріальная обстановка, кажется, не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ вѣрности проведенной нами параллели.

Невольно напрашивается на мысль сравненіе Пушкинскаго Пелымова съ Гоголевскимъ Хлобуевымъ. Передъ нами рѣдкій въ исторіи литературы случай, когда два поэта воспроизводили *одинъ и тотъ же* живой образъ. Каждый изъ нихъ преслѣдовалъ при этомъ другую художественную цѣль, и каждый воспроизводилъ другія стороны живого первообраза.

Пушкина Нащокинъ интересуетъ явно своими чисто-художественными особенностями: живописной яркостью своей фигуры и жизни, гармонической игрой сравнительно крупныхъ душевныхъ силъ и своей бытовой типичностью. Пушкинъ прежде всего безкорыстно любуется Нащокинымъ, какъ роскошнымъ явленіемъ, а затѣмъ изучаетъ его, вдумывается въ механику этого явленія, ища въ ней дѣйствія нѣкоторыхъ общихъ психологическихъ и историческихъ законовъ. Невозможно отрицать, что и Гоголя привлекала живописность Нащокина; но сознательно онъ пренебрегаетъ этой стороной дѣла и спѣшитъ обратить яркій образъ, представлявшій для Пушкина драгоцѣнность поэтическую, — въ орудіе практической пользы, въ орудіе устроенія общества. Пушкина могъ очаровывать въ Нащокинѣ самый процессъ его бурныхъ переживаній, полный драматизма или типичности, — Гоголя эти переживанія отталкиваютъ своей грѣховностью или общественной зловредностью; онъ и не станетъ ихъ изображать ради нихъ самихъ. Но они интересуютъ его своимъ пророческимъ смысломъ и своими утилитарными результатами, и онъ обращаетъ Хлобуева частью въ пугало, поскольку Хлобуевъ дурно жилъ, частью въ образецъ, поскольку онъ, благодаря этой дурной жизни, сталъ опытенъ и нравственно закаленъ. Художественная безкорыстность Пушкина и идейный утилитаризмъ Гоголя — таковъ, на нашъ взглядъ, главный пунктъ различія въ отношеніи того и другого къ личности Нащокина; и этотъ выводъ, какъ легко понять, не лишенъ болѣе общаго значенія.

ПИКОВАЯ ДАМА.

I.

Зачѣмъ понадобилось Пушкину разсказать такой странный, мало-правдоподобный анекдотъ? Или въ самомъ дѣлѣ это — не болѣе, какъ «шалость геніальнаго пера», подобно «Графу Нулину», хотя и въ другомъ, фантастическомъ родѣ? Бѣлинскій писалъ о «Пиковой дамѣ»: «Собственно, это не повѣсть, а анекдотъ: для повѣсти содержаніе «Пиковой дамы» слишкомъ исключительно и случайно»; но анекдотъ, прибавляетъ онъ, мастерски разсказанный. Какъ бы хорошо ни былъ разсказанъ анекдотъ, какъ бы тонко ни были очерчены дѣйствующія въ немъ лица, отъ этого его сущность не мѣняется: его содержаніе всецѣло исчерпывается фабулой; онъ лишенъ художественной идеи. Итакъ, Бѣлинскій хотѣлъ сказать, что въ «Пиковой дамѣ» нѣтъ художественной идеи, а есть только мастерски изложенная фабула.

Если бы это было такъ, «Пиковую даму» надо было бы признать единственнымъ исключеніемъ среди творчества зрѣлой поры Пушкина. Сюжетъ этой повѣсти, разсматриваемый какъ фабула, *какъ разсказъ о фактахъ*, есть прямая нелѣпость. Эта старуха, знающая три вѣрныя карты, появленіе ея посмертной тѣни передъ Германомъ — что это: объективно разсказанныя происшествія, или намѣренная фантастика? Въ обоихъ случаяхъ *факты* слишкомъ невѣроятны, чтобы Пушкинъ, съ его трезвымъ умомъ, съ его любовью къ простому и реальному, могъ соблазниться такимъ Гофмановскимъ сюжетомъ. Какъ «анекдотъ», «Пиковая дама» представляла бы плохую и не идущую къ Пушкину выдумку. Но «Пиковая дама» — совсѣмъ не анекдотъ: на этотъ разъ Бѣлинскій ошибся.

II.

За ужиномъ, послѣ картъ въ офицерской компаніи, Томскій разсказалъ анекдотъ о своей бабушкѣ: какъ она въ молодости, прожигая жизнь съ мужемъ въ Парижѣ, проиграла однажды герцогу Орлеанскому большую сумму, какъ мужъ отказался платить и она въ отчаяніи рѣшилась на скользкій шагъ — обратиться къ графу Сенъ-Жермэну, который слылъ за чудодѣя, но, впрочемъ, «былъ въ обществѣ человѣкъ очень любезный»; и будто бы графъ выручилъ ее, открывъ ей тайну трехъ вѣрныхъ картъ, что и помогло ей отыграться; и будто тайны этой она потомъ никому не открывала, даже своимъ четыремъ сыновьямъ, которые всѣ были отчаянные игроки, — открыла только разъ молодому Чаплицкому, когда онъ сильно проигрался, и тѣмъ, дѣйствительно, спасла его.

Разумѣется, пустая сказка, шитая бѣлыми нитками. Какой-нибудь положительный, пошловатый человѣкъ, выслушавъ ее, вѣроятно, подумалъ бы: «Знаемъ мы эти чудеса. Разумѣется, Сенъ-Жермэнъ просто далъ ей деньги за нѣжную плату, а Чаплицкому она сама въ трудную минуту помогла за снисхожденіе къ ея увядшимъ прелестямъ. Миѳъ о трехъ картахъ пущенъ въ ходъ, конечно, ею самой, и въ этомъ смыслѣ онъ, дѣйствительно, не лишенъ остроумія».

Такъ, вѣроятно, и подумали слушатели, и, можетъ-быть, они были правы. Пушкинъ намѣренно оставляетъ факты подъ дымкою. О чемъ говорила *наединѣ* молодая красавица съ Сенъ-Жермэномъ, этого, разумѣется, никто не могъ знать,—развѣ что она сама потомъ разсказала; а случай съ Чаплицкимъ Томскій передаетъ со словъ своего дяди, графа Ивана Ильича, который «увѣрялъ его въ томъ честью».

Итакъ, вся исторія о трехъ таинственныхъ картахъ представляла собою, вѣроятно, не болѣе, какъ комочекъ житейской пошлости. Остальные присутствовавшіе взглянули, увидали комочекъ пошлости или, на иной взглядъ, обыденнаго быта, и безъ особеннаго вниманія прошли мимо. Но одному изъ слушателей анекдотъ глубоко запалъ въ память — и здѣсь, въ душѣ, насыщенной взрывчатыми газами, комочекъ грязи получилъ силу динамита. Онъ разорветъ вдребезги эту душу и всего человѣка.

Таковъ художественный замыселъ «Пиковой дамы»: *соприко-*

сновенiе души, опредѣленно настроенной, съ соотвѣтствующимъ этому настроенiю элементомъ дѣйствительности. Вся грядущая драма Германа — его безумiе и гибель — уже до начала дѣйствiя заложена въ его душѣ потенціально, но для того, чтобы она разразилась, нуженъ толчокъ извнѣ, хотя бы самый незначительный. Въ высшей степени любопытно видѣть, съ какимъ стараніемъ Пушкинъ позаботился *ослабить* этотъ внѣшнiй толчокъ. Добро бы Герману представалъ живой кусокъ дѣйствительности: здѣсь было бы, по крайней мѣрѣ, непосредственное впечатлѣнiе, способное увлечь наперекоръ разсудку. Но нѣтъ, душа Германа вспыхиваетъ отъ пустой, явно выдуманной сказки, разсказанной легкомысленнымъ офицеромъ передъ разъѣздомъ.

Обликъ Томскаго, обстановка, въ которой онъ разсказываетъ свой анекдотъ, и самый характеръ его разсказа — все это какъ бы снимаетъ съ реальности одну оболочку за другой, чтобы оставить только тѣнь реальности. И этой тѣни оказалось довольно, чтобы сыграть для Германа роль искры, брошенной въ пороховой погребъ. Пушкинъ какъ бы хочетъ сказать: мы всѣ ходимъ, ежеминутно готовые для драмы; наша насыщенная страстью душа жадно ищетъ въ мірѣ пищи для своей страсти — такъ жадно, что даже тѣнь вещи способна соблазнить ее, и тогда она мгновенно вспыхиваетъ вся и сгораетъ въ мучительномъ счастiи, одна медленнѣе, другая сразу, какъ этотъ Германъ. Таковъ законъ человѣческаго духа. Таковъ, между прочимъ, — это всѣ знаютъ — законъ любви; такъ Таня уже до встрѣчи съ Онѣгинымъ была готова для любви: «Душа ждала... кого-нибудь».

Та исключительность и случайность, которую Бѣлинскiй ставитъ въ вину «Пиковой дамѣ» — очевидно только кажущаяся; здѣсь есть преувеличенiе въ количествѣ, но оно служитъ только для болѣе рѣзкаго обнаруженiя вѣчной нормы — того непреложнаго закона, которому подчинена жизнь человѣческой души. Въ этомъ свойствѣ ея — отъ соприкосновенiя съ подходящимъ элементомъ дѣйствительности загораться пожаромъ, испепеляющимъ и ее самое, и все смежное съ ней въ мірѣ, — залогъ ея могущества и корень ея безумiя. Человѣкъ толпы живетъ мелкими вспышками, медленно тлѣя; чѣмъ сильнѣе личность, тѣмъ больше горючаго матеріала въ ней и тѣмъ неизбѣжнѣе она сгоритъ вся отъ ничтожнѣйшаго толчка извнѣ. Не такъ ли и душа самого Пушкина подъ конецъ была насыщена и готова для драмы, такъ что пошлѣйшей интриги оказалось довольно, чтобы взорвать его и испепелить?

III.

Съ той минуты, какъ душа Германа соприкоснулась съ нужнымъ ей отрывкомъ дѣйствительности (въ данномъ случаѣ — даже только съ «тѣнью вещи»), онъ уже не владѣетъ собою: онъ одержимъ, онъ обезумѣлъ. Степень его безумія Пушкинъ показываетъ намъ не только въ томъ, что онъ повѣрилъ глупой баснѣ о трехъ картахъ, что онъ рѣшается пробраться къ старухѣ, грозитъ ей пистолетомъ и пр. Воспитанница графини, Лизавета Ивановна, очевидно не была нужна для развитія драмы; можно было придумать десять другихъ правдоподобныхъ способовъ, чтобы дать возможность Герману проникнуть днемъ или ночью въ этотъ плохо охраняемый домъ, и конечно не для этого Пушкинъ осложнилъ драму романомъ. Но романъ былъ ему нуженъ, чтобы въ полной силѣ обнаружить одержимость героя. Между героемъ и его навязчивой мыслью онъ ставитъ сильнѣйшій для пылкаго молодого человѣка соблазнъ — соблазнъ обладанія прелестной дѣвушкой. На первыхъ стадіяхъ безумія Германъ еще доступенъ очарованію любви: онъ искренно влюбляется въ Лизавету Ивановну. И вотъ, когда *въ одной минутѣ* для него сосредоточиваются двѣ возможности: достигнуть цѣли своей любви, и вынудить у старухи ея тайну, онъ *даже не колеблясь* отказывается отъ первой ради второй — и во всѣхъ дальнѣйшихъ сценахъ Лизавета Ивановна для него просто не существуетъ. Кто внимательно перечтетъ эти страницы, тотъ безъ труда замѣтитъ, какъ старательно Пушкинъ подчеркнулъ и то, что Германъ былъ страстно увлеченъ дѣвушкой, и то, какъ *въ эти минуты* онъ ея не чувствуетъ и не видитъ: онъ весь во власти своей маніи.

Смертью старухи завершается первый актъ драмы. Она еще не кончена, ея роковая развязка впереди. Сознаніе, что тайна утеряна навѣки, не только не гаситъ пожара въ душѣ Германа, но, наоборотъ, разжигаетъ его. Эта внѣшняя неудача дѣлаетъ только то, что его энергія, направившаяся-было на дѣйствіе, теперь вся сосредоточивается внутри его, еще безконечно болѣе напряженная. Такъ Пушкинъ говоритъ и о любви Маши Троекуровой къ Дубровскому: «Она не была еще влюблена, но при первомъ случайномъ препятствіи или внезапномъ гоненіи судьбы пламя страсти должно было вспыхнуть въ ея сердцѣ». Такъ и Таня, убѣдившись въ равнодушіи Онѣгина, не только не остываетъ: —

Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ.

Всюду тѣ же двѣ стадіи хотѣнія или страсти: сначала неопытно рвущейся наружу, а потомъ, встрѣтивъ преграду, уходящей внутрь, и именно тамъ, въ этой второй стадіи, достигающей зенита.

Какая глубокая правда въ этомъ! И какъ вѣрно изображенъ въ «Пиковой дамѣ» весь этотъ переходъ отъ внѣшняго обнаруженія страсти — черезъ *поступокъ* (типичная для всякой страсти *первая попытка осуществленія)* къ внутреннему ея разгару, гдѣ самый поступокъ своими многообразными послѣдствіями весь идетъ на ея усиленіе. Смерть старухи, боязнь ея загробной мести, присутствіе на ея похоронахъ, ея щурящійся глазъ, разстройство нервовъ отъ этого видѣнія, излишне выпитое вино — всѣ эти мелкія событія съ неотразимой послѣдовательностью вытекаютъ изъ поступка и, какъ шпоры коня, гонятъ обреченную душу въ пропасть. Этотъ поднятый поступкомъ вихрь тревожныхъ, полубезумныхъ чувствъ окончательно отдаетъ Германа во власть его навязчивой идеи; и тутъ какъ нельзя естественнѣе возникаетъ въ немъ галлюцинація, въ которой наконецъ разрѣшается безмѣрное напряженіе его воли. Въ этой галлюцинаціи нѣтъ ни тѣни фантастики: она реальна или психологична до малѣйшей черты. Лучшее въ ней то, что старуха говоритъ: «Я пришла къ тебѣ *противъ своей воли:* мнѣ *велѣно* исполнить твою просьбу». Такъ—какъ *высшее велѣніе* — долженъ былъ чувствовать Германъ свою страсть; *такъ*, болѣе или менѣе отчетливо, чувствуетъ каждый человѣкъ свое неопреодолимое хотѣніе. Все остальное, что говоритъ старуха, внушено Герману его памятью и безсознательнымъ чувствомъ. Она велитъ ему ставить тѣ три карты одну за другою и послѣ того уже никогда не играть: это тѣ самыя условія, которыя она, по разсказу Томскаго, поставила Чаплицкому; и еще она велитъ ему жениться на Лизаветѣ Ивановнѣ: такъ разстроенный мозгъ Германа отразилъ въ себѣ его страхъ передъ убитой имъ и, можетъ-быть, его смутное чувство вины предъ оскорбленной имъ дѣвушкой. Что въ галлюцинаціи ему померещились эти, а не другія три карты, это, конечно, случайность: не все ли равно, какія?

Но вотъ что странно: эти случайныя карты *дѣйствительно* даютъ ему выигрышъ. Что это: случайность? — Я думаю, нѣтъ. Мысль, руководившая Пушкинымъ, представляется мнѣ въ такомъ видѣ.

Страсть Германа, подстрекаемая внѣшними обстоятельствами,

вошла внутрь и здѣсь достигла своего апогея; на высшей своей точкѣ она рождаетъ галлюцинацію, которая и разрѣшаетъ мучительную полноту чувства тѣмъ, что даетъ Герману *иллюзію объективности*. Таковъ вѣчный законъ человѣческаго духа: всякое хотѣніе порождаетъ иллюзію объективности (объективной истины или объективнаго блага); притомъ, чѣмъ напряженнѣе хотѣніе, тѣмъ увѣреннѣе сама объективація. Увѣренность Германа въ объективной истинѣ померещившихся ему картъ безпредѣльна, въ соотвѣтствіи съ необычайной напряженностью его мечты. Онъ абсолютно увѣренъ въ своихъ трехъ картахъ — такъ увѣренъ, что сразу ставитъ на первую карту, очевидно, весь свой капиталъ — 47 тысячъ, — онъ, жившій до сихъ поръ однимъ жалованьемъ, не трогавшій даже процентовъ съ наслѣдства, никогда не рисковавшій играть въ карты. И мнѣ кажется, что, по мысли Пушкина, самъ космосъ склоняется передъ такой непреклонной вѣрой, слѣпой случай, какъ песъ, лижетъ властную руку: вотъ почему Германъ выигрываетъ. Германъ *могъ* выиграть и на третьей картѣ, могъ и не выиграть по собственной оплошности, какъ дѣйствительно случилось; на этой безумной высотѣ у человѣка не можетъ не кружиться голова, ему слишкомъ легко оступиться; но горе ему, если онъ оступился: малѣйшій невѣрный шагъ, — движеніе Наполеона на Москву или, какъ здѣсь, ошибочно вынутая карта — и онъ летитъ въ бездну, *увлекаемый порожденіями собственнаго возмущеннаго духа*. Что Герману открылась пиковая дама, это была, конечно, чистая случайность, да и видъ этой карты вѣроятно не имѣлъ никакого сходства съ мертвой старухой въ гробу; все равно — разъ сорвавшись съ высоты, человѣкъ *долженъ* погибнуть, и тогда для гибели ему достаточно любого внутренняго образа, самаго ничтожнаго или обманчиваго. Ихъ много, больныхъ и призрачныхъ, въ мозгу маніака.

Слово маніакъ здѣсь, можетъ-быть, неумѣстно. Всякій человѣкъ — болѣе или менѣе маніакъ въ каждомъ своемъ хотѣніи. Пушкинъ, повторяю, избралъ форму настоящей маніи только затѣмъ, чтобы нагляднѣе представить универсальный законъ, по которому растетъ и дѣйствуетъ всякое человѣческое хотѣніе.

IV.

Первые наброски «Пиковой дамы» находятся въ тетради Пушкина, занятой произведеніями 1832 — 33 годовъ («Галубъ», «Родо-

словная моего героя», «Воевода»). Надо думать, что повѣсть была и начата, и кончена осенью 1833 года. Появилась она во II книгѣ «Библіотеки для чтенія» 1834 года (ценз. помѣта: 31 генваря 1834). Вотъ эти первоначальные наброски *).

Первый набросокъ.

(Года два) (Лѣтъ 5) Года 4 тому назадъ (жилъ я (находясь) въ П. Б. и велъ я жизнь (очень) довольно безпорядочную). (Въ П. Б.) собралось насъ въ П. Б. нѣсколько молодыхъ людей (независимыхъ по состоянію) (связанныхъ) (недавно сближенныхъ) между собою обстоятельствами. Мы вели жизнь довольно безпорядочную. Обѣдали у Андріэ безъ аппетита, пили безъ (завлеченія) веселости, ѣздили къ С. А. (безъ нужды) (чтобы позѣвать и) побѣсить (ее) бѣдную старуху своею притворной безразборчивостію; день убивали кое-какъ, а вечеромъ по очереди собирались другъ у друга (и до зари) (и всю ночь проводили за картами).

Второй набросокъ.

Теперь позвольте мнѣ покороче (ближе) познакомить васъ съ героиней моей повѣсти.

Въ одной изъ etc.

(Шарлота Миллеръ была четвертая дочь (обанкрутившагося) обрусѣвшаго нѣмца). Отецъ ея былъ нѣкогда купцомъ второй гильдіи (потомъ учителемъ въ кад. корп.), потомъ аптекаремъ, потомъ директоромъ пансіона, наконецъ (журналистомъ) корректоромъ въ типографіи и умеръ, оставивъ (женѣ) кой-какіе долги (и нѣсколько рукописей, касающихся ботаники) и довольно полное собраніе бабочекъ и насѣкомыхъ. Онъ былъ человѣкъ добрый (и честный) и имѣлъ много основательныхъ свѣдѣній, которыя ни къ чему хорошему (его) не привели. (Вдова его, продавъ рукописи лавочнику) расплатилась съ табачной лавочкой и стала (жить) кормиться съ Шарлотою (трудами своихъ рукъ). Германъ жилъ (съ ними) на одномъ дворѣ съ его вдовою, познакомился съ Шарлотой, и скоро они полюбили другъ друга, какъ только нѣмцы могутъ еще любить въ наше время.

---

*) Воспроизвожу по рук. Румянц. музея № 2373.

Но въ сей день, или справедливѣе etc. И когда милая нѣмочка отдернула бѣлую занавѣску (окна своего), Германъ не явился у своего васисдаса и не привѣтствовалъ ее обычной улыбкою.

Отецъ его, обрусѣвшій нѣмецъ, оставилъ ему послѣ себя (60 тысячъ капиталу) маленькій капиталъ; Германъ оставилъ ихъ въ ломбардѣ, не касаясь и процентовъ, а жилъ однимъ жалованьемъ.

Германъ былъ твердо etc.

Оба эти отрывка любопытны. Первый изъ нихъ показываетъ, что первоначально Пушкинъ думалъ придать своей повѣсти характеръ личнаго разсказа. Потомъ онъ оставилъ эту мысль, по понятной причинѣ: было бы слишкомъ трудно *отъ лица разсказчика* обрисовать сложную психологію героя, изобразить его безумныя переживанія и его поступки, напр. галлюцинацію, свиданіе съ Лизаветой Ивановной въ ея комнатѣ и пр. Любопытно далѣе, что въ этой первой редакціи, гдѣ разсказчикъ долженъ былъ являться если не дѣйствующимъ лицомъ, то по крайней мѣрѣ свидѣтелемъ происшествій, Пушкинъ совершенно точно, и съ конкретными подробностями, воспроизвелъ картину своего собственнаго недавняго опыта: именно такъ, въ кругу военныхъ, проигрывая ночи напролетъ и навѣщая веселый пріютъ Софьи Астафьевны, жилъ онъ въ Петербургѣ передъ женитьбою. Въ январѣ 1832 г. Пушкинъ писалъ Судіенку: «Надобно тебѣ сказать, что я женатъ около года, и что вслѣдствіе сего образъ жизни моей совершенно перемѣнился, къ неописанному огорченію Софьи Астафьевны и кавалергардскихъ шаромыжниковъ. Отъ картъ и костей отсталъ я болѣе двухъ лѣтъ; на бѣду мою я забастовалъ будучи въ проигрышѣ». Рѣшивъ придать разсказу объективную форму, Пушкинъ выбросилъ это вступленіе, рисующее образъ жизни участниковъ: въ окончательномъ видѣ повѣсть начинается прямо съ дѣйствія; и соотвѣтственно съ этимъ исчезли тѣ конкретныя, автобіографическія черты. Изъ нихъ уцѣлѣла только одна — въ первой строкѣ: «Однажды играли въ карты у *конногвардейца* Нарумова».

Еще больше свѣта на процессъ Пушкинскаго творчества бросаетъ второй изъ приведенныхъ выше набросковъ. Эта нѣмочка и любовь къ ней Германа въ повѣсти совсѣмъ исчезли: ихъ замѣнила интрига съ воспитанницей графини. Соображенія, которыми руководился Пушкинъ при этой замѣнѣ, не трудно возстановить.

Какъ я уже сказалъ, Пушкинъ для вящей наглядности экспе-

римента выбралъ характеръ исключительный, т.-е. такой, въ которомъ хотѣніе или страсть достигаютъ предѣльнаго напряженія, поглощаютъ всю волю безъ остатка. Поэтому Германъ былъ съ самаго начала задуманъ, какъ контрастная натура. Въ немъ сочетаются твердость воли и самообладаніе съ одной стороны — сильныя страсти и «огненное» воображеніе съ другой, т.-е. въ обыденной жизни разсудочная трезвость, но въ потенціи — оргіазмъ, и именно оргіазмъ *одной* какой-нибудь страсти, потому что такая собранная воля недѣлима: либо она вся владѣетъ собою, и тогда Германъ — филистеръ изъ самыхъ педантическихъ, либо она вся же срывается въ пропасть, устремившись за какимъ-нибудь призракомъ. Первую черту — трезвость и самообладаніе, какъ общій фонъ характера Германа — Пушкинъ мотивируетъ и рисуетъ чрезвычайно внимательно. Именно для этого онъ дѣлаетъ Германа нѣмцемъ — и дважды обращаетъ на это вниманіе читателя. Въ первой же сценѣ Германъ говоритъ о себѣ: «Игра занимаетъ меня сильно, но я не въ состояніи жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее», — и Томскій замѣчаетъ: «Германъ нѣмецъ: онъ разсчетливъ — вотъ и все». Дальше Пушкинъ еще подробнѣе выписываетъ этотъ фонъ: «Германъ былъ сынъ обрусѣвшаго нѣмца, оставившаго ему маленькій капиталъ. Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволялъ себѣ малѣйшей прихоти»; и, конечно, это самое убѣжденіе «въ необходимости упрочить свою независимость» заставило его стать не просто офицеромъ, а инженеромъ.

Второй набросокъ показываетъ, что Пушкинъ первоначально имѣлъ въ виду провести эту черту еще дальше Филистерство Германа должно было вступить на путь осуществленія. Онъ влюбляется въ милую нѣмочку, свою сосѣдку, разумѣется находитъ взаимность, ждетъ по утрамъ, когда Шарлотта отдернетъ бѣлую занавѣску у своего окна, и привѣтствуетъ ее улыбкою. Словомъ, банальный, чисто-нѣмецкій романъ, который вскорѣ увѣнчается свадьбою. И вотъ, изъ самой глубины этого филистерства Германа вырываетъ вспыхнувшая въ немъ страсть. Таковъ, повидимому, былъ начальный замыселъ.

Этотъ планъ имѣлъ серьезныя художественныя основанія. Пушкину надо было *на дѣлѣ*, а не только путемъ авторской характеристики, показать обыденную трезвость Германа, а романъ съ нѣмочкой превосходно удовлетворялъ этой цѣли. Но это была частич-

ная художественная задача, и въ концѣ-концовъ Пушкинъ рѣшилъ пожертвовать ею ради стройности цѣлаго. Въ окончательной редакціи филистерство Германа характеризуется тѣмъ, что онъ не играетъ въ карты, живетъ однимъ жалованьемъ и пр. Изъ первоначальнаго замысла Пушкинъ удержалъ только одну черту, самую существенную: ему нужно было, какъ мы видѣли, вложить въ Германа любовь къ женщинѣ, для того, чтобы представить его въ пароксизмѣ страсти проходящимъ мимо любимой дѣвушки. Эту коллизію онъ облекъ теперь въ новую форму — въ форму романа съ Лизаветой Ивановной, и это былъ несомнѣнный выигрышъ, потому что въ романѣ съ Лизаветой Ивановной данная психологическая черта оказалась непосредственно вплетенной въ фабулу разсказа, тогда какъ романъ съ нѣмочкой развивался бы *параллельно* съ этой фабулой, въ сторонѣ отъ нея.

Рѣшивъ оставить эти первые наброски и начать заново, Пушкинъ вынулъ изъ-подъ спуда давнишнюю свою тетрадь, гдѣ 15 лѣтъ назадъ имъ была начата и на первой же страницѣ брошена такая же повѣсть изъ быта кутящихъ и играющихъ петербургскихъ офицеровъ («Наденька»).

Этимъ началомъ Пушкинъ теперь воспользовался. Оно было хорошо тѣмъ, что безъ прелюдій, безъ описаній сразу вводило in medias res. Пушкинъ только придалъ ему болѣе строгій видъ, выкинувъ всѣ лишнія детали; вспомнимъ, что онъ писалъ около этого времени о «манерности въ описаніяхъ», о «близорукой мелочности нынѣшнихъ французскихъ романистовъ» *). Использовать въ зрѣлыхъ своихъ произведеніяхъ обрывки стараго, свои давніе наброски и записи, было, какъ извѣстно, въ привычкахъ Пушкина. Такъ, и въ «Пиковой дамѣ» онъ, кромѣ наброска 1819 года, употребилъ въ дѣло свои старые шуточные стихи: «А въ ненастные дни», сообщенные имъ Вяземскому еще въ 1828 году, и еще другую шутку— французскій эпиграфъ къ 3-й главѣ, — записанную имъ среди строкъ неоконченной повѣсти «На углу маленькой площади» (1832) **).

---

*) Въ статьѣ «О трехъ повѣстяхъ г. Павлова».

**) См. «Рукописи А. С. Пушкина въ Румянцовск. музеѣ» В. Е. Якушкина, Р. Стар., 1884, іюль, стр. 52. Любопытно отмѣтить, что фамилію «Нарумовъ» Пушкинъ въ первый разъ употребилъ въ черновомъ наброскѣ начала «Дубровскаго», написанномъ, повидимому, въ одно время съ черновымъ началомъ «Пиковой дамы»: въ этомъ наброскѣ позднѣйшій Троекуровъ названъ Нарумовымъ (см. Р. Стар., тамъ же, стр. 329).

V.

Скажу, не обинуясь, что на мой взглядъ «Пиковая дама»—одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей, достойная быть поставленной рядомъ, если не выше, съ такими перлами, какъ «Тамань» Лермонтова и «Казаки» Л. Толстого. Нельзя достаточно надивиться на эту сжатость, стремительность, сосредоточенность разсказа, на эту ясность линій и цѣломудріе слога, словомъ на недосягаемую экономію средствъ, употребленныхъ здѣсь поэтомъ для воплощенія глубокой художественной идеи. Ни одной лишней черты, но всякая черта, какъ радіусъ, стремится къ центру повѣствованія; ни одного психологическаго описанія, но все дѣйствіе насыщено психологіей; безпредѣльное напряженіе силъ, почти математическая художественная разсчетливость — и ни малѣйшей нарочитости, но все течетъ естественно, какъ въ самой жизни. Я не знаю ничего совершеннѣе, какъ завязка повѣсти, нежели начало «Пиковой дамы». Какъ естественно завязывается здѣсь, за ужиномъ, разговоръ о шансахъ въ карточной игрѣ, какъ незамѣтно сразу дается характеристика будущаго героя и какъ непринужденно выступаетъ затѣмъ узелъ драмы, разсказъ Томскаго о его бабушкѣ! Я уже говорилъ о томъ, съ какимъ искусствомъ Пушкинъ тутъ же показываетъ ничтожный удѣльный вѣсъ этого анекдота, вкладывая его въ уста вѣтренаго Томскаго и пр. Этотъ анекдотъ, содержащій такую малую долю реальности, есть какъ бы микроскопическая доза чрезвычайно ослабленной вакцины, прививаемая душѣ Германа. И смотрите, какъ медленно и неотвратимо начинаетъ дѣйствовать въ немъ ядъ. Въ первую минуту, выслушавъ разсказъ, онъ рѣшительно заявляетъ: «Сказка»! Но анекдотъ не выходитъ изъ его головы. Онъ мечтаетъ — и самъ себя останавливаетъ: можно ли вѣрить такой баснѣ! Потомъ, случайно набредши на домъ графини, онъ опять охваченъ желаніемъ, онъ ходитъ около дома, потомъ долго не можетъ заснуть, ему снятся карты и груды червонцевъ, и на утро онъ опять у того дома, точно «невѣдомая сила привлекала его къ

Потомъ, рѣшивъ передѣлать начало «Пиковой дамы», Пушкинъ использовалъ здѣсь эту фамилію; самодуру же изъ «Дубровскаго» далъ имя Троекурова.

нему». Ядъ уже вошелъ въ кровь, Герману не спастись; но ближайшія стадіи процесса скрыты отъ насъ: ядъ, войдя въ организмъ, начинаетъ дѣйствовать въ глубинѣ, недоступной взору. Въ ближайшіе дни Германъ, повидимому, всецѣло поглощенъ интригой съ Лизаветой Ивановной; онъ влюбляется искренно и сильно, но тѣмъ временемъ, помимо его сознанія, процессъ внутри его завершается. Получивъ письмо съ указаніемъ, какъ войти въ домъ графини, Германъ «трепеталъ, какъ тигръ». Пушкинъ не говоритъ намъ отчего трепеталъ Германъ: отъ мысли, что черезъ нѣсколько часовъ любимая дѣвушка будетъ въ его объятіяхъ, или отъ надежды выпытать у старухи тайну: *Германъ, конечно, самъ не зналъ этого*. Но, очутившись между кабинетомъ старухи и лѣстницей, которая вела въ комнату Лизаветы Ивановны, онъ даже не сталъ колебаться въ выборѣ. Перевѣсъ страсти въ его душѣ надъ увлеченіемъ дѣвушкой давно былъ рѣшенъ въ немъ, — теперь онъ только послушно слѣдовалъ неотвратимому рѣшенію; «онъ окаменѣлъ».

Не буду говорить о мастерствѣ въ обрисовкѣ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ — графини, Лизаветы Ивановны, Томскаго, Чекалинскаго: оно бросается въ глаза. Портретъ графини на всѣ вѣка останется классическимъ изображеніемъ *старости*, на ряду съ геніальнѣйшими типами міровой литературы — Скупымъ рыцаремъ и Плюшкинымъ, Отелло и пр. Вообще «Пиковая дама» представляется мнѣ во многихъ отношеніяхъ вѣнцомъ прозаическаго творчества Пушкина. Ея художественное совершенство такъ велико, что три четверти вѣка, протекшія со времени ея написанія, почти не состарили ея; въ ней нѣтъ ни одного унца рыхлой плоти, которая отъ лѣтъ могла бы стать дряблой, ничего «литературнаго», что выдохлось бы съ годами. Напротивъ, поскольку она устарѣла, ея старомодность обусловлена какъ разъ ея излишней сухостью. Я разумѣю то отсутствіе воздуха и глубины, тотъ недостатокъ сочности, который присущъ всѣмъ повѣстямъ Пушкина, не исключая даже — хотя въ меньшей степени — «Капитанской дочки». Повѣсть Пушкина, въ отличіе отъ нашей современной повѣсти, — не картина, а рисунокъ перомъ; въ ней нѣтъ мазковъ, передающихъ полутоны, — все сухія, четкія линіи, рисующія какъ бы остовъ событія, обстановки или характера. Отчасти эта особенность Пушкинской прозы объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что, прежде, чѣмъ заняться прозою, Пушкинъ долго работалъ стихомъ и привыкъ къ тому способу описанія, какого требуетъ — и какой единственно допускаетъ—*стихотворная* повѣсть: описанія именно линіями, а не-

широкими мазками. Но была и другая, болѣе общая причина: такова была вообще беллетристическая техника 20-хъ — 30-хъ годовъ. Искусство воспроизводить полноту жизни, передавать воздухъ и глубину картины было достигнуто позднѣе. Нуженъ былъ геній Гоголя и вся черная работа «физіологической» беллетристики 40-хъ и 50-хъ годовъ, чтобы дать эту сочность.

Пушкинъ, повидимому, самъ сознавалъ этотъ недостатокъ и мѣстами старался восполнить его, впрочемъ, не всегда удачно. Въ «Пиковой дамѣ» есть два такихъ мѣста. Разсказъ Томскаго о его бабушкѣ по деталямъ превосходенъ, но именно *какъ разсказъ Томскаго* онъ не можетъ быть оправданъ. Вѣтреный Томскій, конечно, не сталъ бы, да и не сумѣлъ бы, выписывать эти очаровательныя, искусно подобранныя черты быта версальской эпохи: онъ долженъ былъ разсказать свой анекдотъ проще, грубѣе. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ *хотѣлъ* передать картину быта, и сдѣлалъ это некстати. Такою же художественной ошибкой надо признать описаніе графининой спальни, въ которую вошелъ Германъ. Современный художникъ, напримѣръ Чеховъ, нарисовалъ бы здѣсь только тѣ черты обстановки, которыя могъ и долженъ былъ въ эту минуту величайшаго напряженія замѣтить Германъ. Такъ поступилъ и самъ Пушкинъ, рисуя приготовленія къ дуэли Онѣгина съ Ленскимъ:

Вотъ пистолеты ужъ блеснули,
Гремитъ о шомполъ молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще...

Это — не объективная картина, которую могъ бы отъ себя, для читателя, нарисовать художникъ: здѣсь воспроизведены лишь тѣ звуки и движенія, за которыми напряженно слѣдятъ Онѣгинъ и Ленскій, ожидая призыва къ дуэли. Современный художникъ сдѣлалъ бы больше: онъ воспроизвелъ бы эти черты не фотографически, какъ Пушкинъ, а съ той цѣлью, чтобы подборомъ замѣченныхъ чертъ уяснить намъ душевное состояніе героя. Въ этомъ отношеніи образцомъ могутъ служить тѣ строки «Войны и мира», гдѣ разсказанъ пріѣздъ молодого Ростова съ театра войны въ отпускъ домой. Онъ бѣжитъ «по сѣнямъ и знакомымъ, покрывшимся ступенямъ.

Все та же дверная ручка замка, за нечистоту которой сердилась графиня, такъ же слабо отворялась. Въ передней горѣла одна сальная свѣча. Старикъ Михайло спалъ на ларѣ. Прокофій, выѣздной лакей, тотъ, который былъ такъ силенъ, что за задокъ поднималъ карету, сидѣлъ и вязалъ изъ покромокъ лапти». Самыя элементарныя зрительныя впечатлѣнія, схваченныя на лету (Ростовъ *бѣжитъ)* — и вихремъ возникающіе обрывки воспоминаній: все та же слабая ручка, грязная — за это мама не разъ сердилась... Прокофій — а, это тотъ, силачъ!..

Съ этой точки зрѣнія подробное *объективное* описаніе графининой спальни, какъ ни хорошо оно само по себѣ,—серьезный художественный промахъ; всего, что здѣсь перечислено, Германъ, конечно, не могъ тогда видѣть и сопоставлять въ своемъ умѣ.

П. В. КИРѢЕВСКІЙ.

I.

Н. П. Колюпановъ, въ своей біографіи Кошелева, начинаетъ разсказъ о братьяхъ Кирѣевскихъ такими словами: «Родъ Кирѣевскихъ принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ и значительныхъ родовъ Бѣлевскихъ и Козельскихъ дворянъ. Въ старину Кирѣевскіе служили по Бѣлеву, владѣли въ Бѣлевскомъ уѣздѣ многими вотчинами и помѣстьями: предку ихъ, Бѣлевскому дворянину Василію Семеновичу, въ началѣ XVII вѣка пожаловано за осадное сидѣнье бывшее его помѣстье село Долбино, въ 7 верстахъ отъ Бѣлева, въ вотчину: это и было великолѣпное родовое имѣніе Кирѣевскихъ, сохранившееся за ними до сихъ поръ. Въ Долбинѣ прошли всѣ первые дѣтскіе годы И. В. и П. В. Кирѣевскихъ».

Совершенно такъ, только перемѣнивъ имена и названія, приходится начинать біографію любого изъ первыхъ славянофиловъ. Они всѣ вышли изъ старыхъ и прочныхъ, тепло-насиженныхъ гнѣздъ. На тучной почвѣ крѣпостного права привольно и вмѣстѣ закономѣрно, какъ дубы, выростали эти роды, корнями незримо коренясь въ народной жизни и питаясь ея соками, вершиною достигая европейскаго просвѣщенія, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ семьяхъ — а именно таковы были семьи Кирѣевскихъ, Кошелевыхъ, Самариныхъ. Это важнѣйшій фактъ въ біографіи славянофиловъ. Онъ во многомъ опредѣлялъ и ихъ личный характеръ, и направленіе ихъ мысли. Такая старая, уравновѣшенная, увѣренная въ себѣ культура обладаетъ огромной воспитательной силой; она съ молокомъ матери внѣдряется въ ребенка, и юношу окружаетъ теплой атмосферой, такъ что прежде, чѣмъ онъ успѣетъ сознать себя, онъ уже сформированъ; она заранѣе отнимаетъ у своего питомца гибкость,

но за то обезпечиваетъ ему сравнительную цѣльность и послѣдовательность развитія. Намъ, нынѣшнимъ, трудно понять славянофильство, потому что мы вырастаемъ совершенно иначе — катастрофически. Между нами нѣтъ ни одного, кто развивался бы послѣдовательно: каждый изъ насъ не вырастаетъ естественно изъ культуры родительскаго дома, но совершаетъ изъ нея головокружительный скачекъ, или движется многими такими скачками. Вступая въ самостоятельную жизнь, мы обыкновенно уже ничего не имѣемъ наслѣдственнаго, мы все перемѣнили въ пути — навыки, вкусы, потребности, идеи; рѣдкій изъ насъ даже остается жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ провелъ дѣтство, и почти никто — въ томъ общественномъ кругу, къ которому принадлежали его родители. Это обновленіе достается намъ не дешево; мы, какъ растенія, пересаженныя — и можетъ быть, даже не разъ — на новую почву, даемъ и блѣдный цвѣтъ, и тощій плодъ, а сколько гибнетъ, растерявъ въ этихъ перемѣнахъ и здоровье, и жизненную силу! Я не знаю, что лучше: эта ли безпочвенная гибкость, или тираннія традиціи. Во всякомъ случаѣ, разница между нами и тѣми людьми очевидна; въ біографіи современнаго дѣятеля часто нечего сказать о его семьѣ, біографію же славянофила необходимо начинать съ характеристики дома, откуда онъ вышелъ.

Петръ Васильевичъ Кирѣевскій родился 11 февраля 1808 года въ томъ самомъ Долбинѣ, о которомъ только-что была рѣчь *). Онъ былъ вторымъ ребенкомъ въ семьѣ, на два года моложе своего брата Ивана. Отецъ, Василій Ивановичъ, въ молодости служилъ, при Павлѣ вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-маіора и поселился въ родовомъ Долбинѣ, гдѣ выстроилъ себѣ новый домъ — огромный, на высокомъ фундаментѣ, съ мраморной облицовкой стѣнъ внутри, со множествомъ надворныхъ строеній и великолѣпными садами. Это былъ, повидимому, сильный и оригинальный человѣкъ, нравственно изъ одного куска**). Его образованность надо признать

*) Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ использованы какъ всѣ печатные матеріалы о П. В. Кирѣевскомъ, такъ и неизданныя его письма, числомъ болѣе 200, замѣтки и пр., любезно предоставленныя для настоящей работы внучкою А. П. Елагиной — М. В. Беэръ. Сколько-нибудь обстоятельной біографіи П. В. К. до сихъ поръ не существовало; поэтому я счелъ нужнымъ изложить его жизнь съ возможной полнотою и подробностью. Мнѣ казалось, что онъ этого стоитъ.

**) О немъ см. воспоминанія Толычевой, *Р. Арх.* 1877, II, 361 и д., Петерсона, тамъ же, 479 — 482, далѣе В. Лясковскій, *Братья Кирѣ-*

рѣдкою для его времени: онъ зналъ пять языковъ, любилъ естественныя науки, имѣлъ у себя лабораторію, занимался медициною и довольно успѣшно лѣчилъ; на смертномъ одрѣ онъ говорилъ старшему сыну о необходимости заниматься химіей, и называлъ ее «божественной наукой». Онъ много читалъ, и его знанія были, говорятъ, очень многосторонни. Пробовалъ онъ и писать, переводилъ повѣсти и романы, и даже самъ сочинялъ. Онъ былъ англоманъ — любилъ англійскую литературу и англійскую свободу. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень набоженъ, ненавидѣлъ энциклопедистовъ и скупалъ въ Москвѣ сочиненія Вольтера съ тѣмъ, чтобы жечь ихъ. Свой домъ онъ велъ строго по завѣтамъ старины; занятія химіей и англоманство нисколько не поколебали въ немъ патріархальнаго духа и не заставили съ пренебреженіемъ отвернуться отъ простонароднаго быта; напротивъ, онъ сохранилъ во всей силѣ ту близость усадьбы съ народомъ, тотъ открытый притокъ народнаго элемента въ господскую жизнь, которые отличали помѣщичій бытъ стараго времени. «Изъ 15 человѣкъ мужской комнатной прислуги 6 были грамотны и охотники до чтенія; книгъ и времени было у нихъ достаточно, слушателей много. Во время домовыхъ богослуженій, которыя были очень часты (молебны, вечерни, всенощныя, мефимоны и службы страстной недѣли), они замѣняли дьячковъ, читали и пѣли стройно старымъ напѣвомъ: новаго Василій Ивановичъ у себя не терпѣлъ, ни даже въ церкви. Въ лѣтнее время дворъ барскій оглашался хоровыми пѣснями, подъ которыя многочисленная дворня дѣвокъ, сѣнныхъ дѣвушекъ, кружевницъ и швей водили хороводы и разныя игры: въ коршуны, въ горѣлки, «заплетися плетень, заплетися, ты завейся труба золотая», или «а мы просо сѣяли», «я ѣду во Китай-городъ гуляти, привезу ли молодой женѣ покупку» и др.; а нянюшки, мамушки, сидя на крыльцѣ, любовались и внушали чинность и приличіе. Въ извѣстные праздники всѣ бабы и дворовые собирались на игрища, то на лугу, то въ рощѣ крестить кукушекъ, завивать вѣнки, пускать ихъ на воду и пр. Вообще народу жилось весело, тѣлесныхъ наказаній никакихъ не было, ни батоговъ, ни розогъ. Главныя наказанія въ Долбинѣ были земные поклоны передъ образомъ до 40 и болѣе, смотря по винѣ, да стулъ (дубовая колода, къ которой приковывали виновнаго на цѣпь рукою). Кре-

---

евскіе, Спб. 1899, стр. 1—3. Я пользуюсь въ дальнѣйшемъ также неизданными записками Екат. Ив. Елагиной.

стьяне были достаточны, многіе зажиточны. Къ весельямъ деревенской жизни надо прибавить, что церковь села Долбина, при которой было два священника, славилась чудотворною иконою Успенія Божіей матери. Къ Успеньеву дню стекалось множество народа изъ окрестныхъ селъ и городовъ, и при церкви собиралась ярмарка, богатая для деревни. Купцы раскидывали множество палатокъ съ краснымъ и всякимъ товаромъ, длинные, густые ряды съ фруктами и ягодами; не были забыты и горячіе оладьи и сбитень. Но водочной продажи Василій Ивановичъ не допускалъ у себя. Даже на этотъ ярмарочный день откупщикъ не могъ сладить съ нимъ и отстоять свое право по цареву кабаку. Никакая полиція не присутствовала, но все шло порядкомъ и благополучно. Наканунѣ праздника смоляныя бочки горѣли по дорогѣ, ведшей къ Долбину, и освѣщали путь, а въ самый день Успенія длинныя, широкія, высокія, тѣнистыя аллеи при церкви были освѣщены плошками, фонариками, и въ концѣ этого сада сжигались потѣшные огни, солнца, колеса, фонтаны, жаворонки, ракеты по одиночкѣ и снопами, наконецъ буракъ. Все это приготовлялъ и всѣмъ распоряжался Зюсьбиръ (нѣмецъ изъ Любека, управлявшій сахарнымъ заводомъ Кирѣевскаго). Несмотря на всѣ эти великолѣпія, постромки у каретъ, возжи у кучера и поводья у форейтора были веревочныя» *).

Семейныя преданія изображаютъ Василія Ивановича человѣкомъ твердой воли и непреклонныхъ убѣжденій. Разсказываютъ, что вскорѣ послѣ его женитьбы въ 1805 г. заѣхалъ въ Долбино губернаторъ Яковлевъ, объѣзжавшій губернію и пожелавшій въ Долбинѣ переночевать; съ нимъ была многолюдная свита, въ томъ числѣ и его возлюбленная: Василій Ивановичъ не впустилъ ее въ своей домъ, и губернаторъ принужденъ былъ уѣхать дальше искать ночлега, и потомъ не рѣшился мстить Кирѣевскому. Одно время Василій Ивановичъ былъ судьею въ своемъ уѣздѣ, по выборамъ; онъ и здѣсь внушилъ уваженіе къ себѣ своей справедливостью и страхъ своею строгостью; «нерадѣніе въ должности — вина передъ Богомъ», говорилъ онъ — и назначалъ неисправнымъ чиновникамъ земные поклоны, какъ своимъ дворовымъ. Лясковскій, просматривавшій его записную книгу, встрѣтилъ въ ней двѣ трогательныя замѣтки, гдѣ онъ упрекаетъ себя въ несправедливости — разъ по отношенію

*) А. Петерсонъ, «Черты стариннаго дворянскаго быта», *Р. Арх.* 1877, II, 479 и д. (безъ сомнѣнія, со словъ Авд. П. Елагиной).

къ дворовому, котораго разбранилъ, другой разъ — къ крестьянину, которому запретилъ ѣхать лугомъ. Это непоколебимое сознаніе своего нравственнаго долга простиралось въ немъ далеко за предѣлы семейнаго и помѣщичьяго обихода: онъ чувствовалъ какъ гражданинъ, и при случаѣ умѣлъ поступать какъ гражданинъ. Сохранилось его черновое прошеніе на имя государя, гдѣ онъ предлагалъ способы для борьбы съ повальными болѣзнями. Въ 1812 году, переѣхавъ съ семьею для безопасности изъ Долбина въ Орелъ, онъ самовластно принялъ въ свое завѣдываніе городскую больницу въ Орлѣ, куда во множествѣ свозили раненыхъ французовъ. Въ госпиталѣ царили вопіющія неурядицы и злоупотребленія; не щадя силъ и денегъ, всѣхъ подчиняя своей твердой волѣ, Кирѣевскій улучшилъ содержаніе раненыхъ, увеличилъ число кроватей, самъ руководилъ леченіемъ, словомъ, работалъ неутомимо; попутно онъ обращалъ якобинцевъ на христіанскій путь, говорилъ имъ о будущей жизни, о Христѣ, молился за нихъ. Здѣсь, въ госпиталѣ, онъ и заразился тифомъ, который свелъ его въ могилу (въ ноябрѣ 1812 г.).

Еще нѣсколько анекдотическихъ чертъ дополнятъ его портретъ. Въ немъ было много страннаго. Онъ былъ чрезвычайно неряшливъ въ своей наружности. Онъ очень много читалъ — и любилъ читать затворившись въ своей комнатѣ, лежа на полу; вокругъ него на полу стояли недопитыя чашки, потому что онъ не позволялъ убирать въ кабинетѣ, подметать и стирать пыль; послѣ его женитьбы на молоденькой Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой ѣздившіе къ нимъ гости говорили, что единственный чистый предметъ въ домѣ, это хозяйка. Въ обыденныхъ житейскихъ обстоятельствахъ онъ былъ наивенъ какъ ребенокъ. Такъ, живя въ Москвѣ съ молодой женой, почти ребенкомъ, для ея первыхъ родовъ, онъ уѣзжалъ съ утра изъ дома, не оставивъ ей денегъ на расходы, и она не знала, какъ накормить свою многочисленную дворню; а онъ, засидѣвшись въ какой-нибудь книжной лавкѣ, возвращался поздно, съ кучей книгъ, а иногда со множествомъ разбитаго фарфора, до котораго былъ большой охотникъ.

Вотъ какого дуба отросткомъ былъ П. В. Кирѣевскій. Я съ умысломъ говорилъ подробно объ отцѣ: сынъ унаслѣдовалъ отъ него такъ много чертъ, какъ это рѣдко встрѣчается. Важно не это сходство само по себѣ, но та перспектива вглубь быта и времени, которую оно открываетъ. Какъ и отецъ, Петръ Кирѣевскій представляетъ собою яркій *моральный* типъ: та же внутренняя цѣльность, не подрываемая скепсисомъ, та же непоколебимая убѣжденность неиз-

мѣнно положительнаго свойства, та же непреклонная вѣрность долгу; и дальше — живой умственный интересъ, и вмѣстѣ крѣпкое «землѣ своей своеземство», — какой-то инстинктивный патріотическій консерватизмъ, насильственно подчиняющій себѣ всѣ завоеванія ума и знанія; еще дальше — одинаковый диллетантизмъ въ занятіяхъ, непрактичность въ житейскихъ дѣлахъ, извѣстное чудачество во внѣшнихъ проявленіяхъ личности, и пр. Здѣсь чувствуется нѣчто большее, нежели фамильное сходство: это цѣлая культура въ двухъ, правда, незаурядныхъ, но вполнѣ типичныхъ своихъ представителяхъ, — культура стараго помѣстнаго дворянства, еще не оторванная отъ народной почвы, напротивъ, во многомъ близкая къ ней и сознательно дорожившая этой близостью. Такъ духовный складъ и самое міровоззрѣніе Петра Кирѣевскаго всѣми своими корнями уходятъ вглубь народной жизни. И, что особенно важно, — не только чрезъ отца, но и чрезъ мать. Здѣсь не было перекрестнаго вліянія двухъ различныхъ традицій: отецъ и мать вышли изъ нѣдръ одной и той же культуры *).

Авдотья Петровна Юшкова также принадлежала къ старинному дворянскому роду (притомъ, того же Бѣлевскаго уѣзда); по отцу она была въ родствѣ съ Головкиными и Нарышкиными, ея дѣдъ по матери, пріятель Екатерининскихъ Орловыхъ, былъ бѣлевскимъ воеводой. И ея семья, какъ Кирѣевскихъ, соединяла съ почвенностью замѣчательную по времени образованность: отецъ Авдотьи Петровны былъ въ перепискѣ съ Лафатеромъ, ея мать была отличной музыкантшей и, говорятъ, много читала на разныхъ языкахъ; бабушка, у которой она, осиротѣвъ, жила съ 5-ти лѣтняго возраста, вдова того самаго бѣлевскаго воеводы, важная и богатая барыня, была женщина по тогдашнему начитанная. Сама Авдотья Петровна получила прекрасное образованіе, опять-таки двойственное: воспитанная французскими гувернантками изъ эмигрантокъ, она рано освоилась съ французской классической литературой, и съ другой стороны, живя по зимамъ въ Москвѣ, въ дружескомъ кружкѣ Тургеневыхъ и Соковниныхъ, она, по словамъ ея біографа, не могла не раздѣлять общаго восторга къ Дмитріеву и Карамзину, который, на правахъ родственника, бывалъ въ домѣ ея бабушки.

---

*) Объ Авд. П. см. прекрасную статью П. И. Бартенева въ *Р. Арх.* 1877, II, 482—495, и воспоминанія К. Д. Кавелина, *Соч.* III, 1115—1132, также Лясковскій, Колюпановъ и др.; сравн. *Письма* Кавелина въ *Рус. Мысли* 1911, іюль.

Вообще, литературные и эстетическіе элементы преобладали въ ея воспитаніи, и это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало ея живой, воспріимчивой натурѣ. Въ этомъ же направленіи сильно повліялъ на нее, какъ легко понять, В. А. Жуковскій, побочный сынъ ея дѣда, росшій вмѣстѣ съ нею; онъ былъ другомъ ея юности и руководителемъ въ занятіяхъ. Шестнадцати лѣтъ она была выдана замужъ за вдвое старшаго Кирѣевскаго. Онъ представлялъ собою по преимуществу моральный типъ, она — типъ эстетическій. Вліяніе мужа, безъ сомнѣнія, во многомъ и на всю жизнь опредѣлило ея положительные взгляды, въ особенности укрѣпило въ ней глубокую религіозность; но она до старости сохранила свой легкій, ясный, живой нравъ. Она любила цвѣты, поэзію, живопись, шутку, и сама была остроумна и готова на проказы, сама прекрасно рисовала. «Чувство любви къ красотамъ Божьяго міра было необыкновенно развито въ Авдотьѣ Петровнѣ: до преклонной старости не могла она равнодушно видѣть цвѣтущій лугъ, тѣнистую рощу. Цвѣты были ея страстью; она окружала себя ими во всѣхъ видахъ, составляла букеты, срисовывала, наклеивала, иглой и кистью передавала ихъ изображенія». Такъ же сильно былъ развитъ въ ней вкусъ къ поэзіи, вообще къ литературѣ. По словамъ К. Д. Кавелина, близко знавшаго ее, она была основательно знакома со всѣми важнѣйшими западными литературами, не исключая новѣйшихъ. Она и сама любила писать; ея письма къ сыновьямъ и ихъ друзьямъ очаровательны. Всю жизнь она переводила съ иностранныхъ языковъ. Еще въ юности она, подъ руководствомъ Жуковскаго, перевела много пьесъ моднаго тогда Коцебу; въ 1808 — 9 г. она помогала Жуковскому перепискою и переводами при изданіи «Вѣстника Европы»; когда подростали ея дѣти, она перевела «Левану» Ж. П. Рихтера, позднѣе перевела двухтомную «Жизнь Гуса» Боншоза, отрывки изъ мемуаровъ Стефенса для «Москвитянина» 1845 г., и пр., и пр.; ея переводы, большею частью ненапечатанные, составили бы много томовъ.

П. В. Кирѣевскій могъ бы сказать о себѣ словами Гёте: отъ отца онъ унаслѣдовалъ моральный типъ, des Lebens ernstes Führen. Этотъ типъ унаслѣдовали всѣ трое дѣтей: и его братъ, Иванъ Васильевичъ, основатель философской доктрины славянофильства, и сестра Марія, умершая дѣвицей въ пятидесятыхъ годахъ, ревнительница древняго благочестія, дважды собственноручно переписавшая Макаріевскій переводъ библіи, въ то время запрещенный цензурою. Но поэтическое чутье, страстную любовь къ музыкѣ,

склонность къ безобидной шуткѣ — словомъ, die Frohnatur, позднѣе, впрочемъ, заглохшую въ немъ, онъ унаслѣдовалъ, конечно, отъ матери. Это ея легкая кровь сказывалась въ немъ, когда, придя, напримѣръ, однажды къ Екат. Ив. Елагиной вечеромъ въ день ея именинъ, онъ извинялся, что не принесъ подарка, и вдругъ, показавъ въ окно, сказалъ: «Но дарю тебѣ всю chèvrefeuille (жимолость) на свѣтѣ, и еще полярную звѣзду».

Эта общая наслѣдственность со стороны отца и матери въ характерѣ П. В. Кирѣевскаго непосредственно бросается въ глаза. Гораздо труднѣе опредѣлить тѣ частныя черты, которыя были обусловлены въ немъ духомъ семьи. Если вообще атмосфера родительскаго дома могущественно вліяетъ на ребенка, то тѣмъ сильнѣе это вліяніе въ семьяхъ столь крѣпкой и насыщенной культуры, какова была семья Кирѣевскихъ. Что семья развила и укрѣпила въ немъ религіозное чувство и преданность православію, это разумѣется само собою. Въ этомъ домѣ, несмотря на легкій характеръ матери, гнѣздились какія-то темныя предчувствія и страхи. Семейная хроника Кирѣевскихъ и ихъ родныхъ полна всякихъ мистическихъ исторій, неожиданныхъ совпаденій и чудесъ *). Въ Долбинскомъ домѣ являлись духи какихъ-то бабушекъ, умершихъ за сто лѣтъ. Говорили, что Василій Ивановичъ въ минуту смерти (онъ умеръ, какъ сказано, въ Орлѣ) пріѣхалъ въ Долбино въ каретѣ, прошелъ въ домъ и крикнулъ своего человѣка; всѣ дворовые видѣли его и слышали его голосъ. На его свадьбѣ съ Авдотьей Петровной шаферомъ былъ у него Николай Андреевичъ Елагинъ; свадьба была 13 января (1805 г.) въ Долбинѣ; шаферъ простудился, занемогъ горячкой и чрезъ нѣсколько дней умеръ въ домѣ молодыхъ. Въ 1817 году, 11 января, въ день рожденія Авдотьи Петровны, должна была состояться въ Дерптѣ свадьба ея лучшаго друга, Марьи Андреевны Протасовой, которую такъ долго любилъ Жуковскій, съ Иваномъ Филипповичемъ Мойеромъ. Почему-то свадьба въ этотъ день не могла состояться и была перенесена на 14 января. Авдотья Петровна спѣшила изъ Долбина на эту свадьбу, но ледъ Оки подломился подъ ея повозкою, она едва не утонула, страшно простудилась и была принуждена долго оставаться въ Козельскѣ; здѣсь она сблизилась со своимъ троюроднымъ братомъ, роднымъ братомъ

*) См. неизданныя записки Е. И. Елагиной, о которыхъ упомянуто выше.

того самаго шафера, Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинымъ, за котораго и вышла вскорѣ затѣмъ по второму браку. Такія совпаденія, запоминались, имъ, повидимому, придавали въ семьѣ таинственное значеніе. Всѣ, начиная съ самой Авдотьи Петровны, видѣли пророческіе или предостерегающіе сны. Общей особенностью всей семьи была также взаимная мнительность относительно здоровья, державшая всѣхъ въ постоянномъ безпокойствѣ и превращавшаяся въ паническій страхъ при малѣйшемъ поводѣ. Письма П. В. Кирѣевскаго, можно сказать, на три четверти наполнены тревожными запросами, увѣщаніями и пр. насчетъ здоровья матери, братьевъ, вообще родныхъ; пустячное нездоровье кого-нибудь изъ нихъ заставляетъ его скакать на мѣсто—въ Бунино, Петрищево, Москву,—бросая всѣ дѣла, и это повторялось много разъ ежегодно. Иванъ Васильевичъ тоже былъ мученикомъ этихъ страховъ. Кажется, будто тяжелая серьезность ихъ отца въ соединеніи съ нервной возбудимостью матери породила въ сыновьяхъ эту тревогу, которая ложилась черной тѣнью на ихъ жизнь и на ихъ мышленіе.

II.

Безъ сомнѣнія, покажется страннымъ, если я скажу, что ни образованіе, ни внѣшнія вліянія, которымъ въ молодости подвергался П. В. Кирѣевскій, по существу ничего не измѣнили въ немъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ дѣйствіе на него было ничтожно, — до такой степени его душевный складъ и самое его міросозерцаніе были предопредѣлены наслѣдственностью и духомъ семьи. Болѣе, чѣмъ о какомъ-либо человѣкѣ, о немъ можно сказать, что онъ остался неизмѣннымъ отъ рожденія до могилы. Мы слишкомъ мало знаемъ о его молодости, чтобы можно было возстановить картину его развитія; но то, что мы знаемъ, съ достаточной убѣдительностью показываетъ, что его развитіе было только раскрытіемъ и осознаніемъ его врожденныхъ наклонностей, въ которыхъ нашелъ себѣ форму и волю цѣлый міръ національной и сословно-дворянской исторіи.

Въ 1812 году, когда умеръ отецъ, П. В. Кирѣевскому было четыре года *). Ближайшіе полтора года Авдотья Петровна прожила

*) О дѣтствѣ и юности П. В. К. см. Лясковскаго, Колюпанова, «Матеріалы для біографіи И. В. К.» въ 1-мъ томѣ его сочиненій.

съ дѣтьми у своей тетки Протасовой въ ея имѣніи подъ Орломъ; маленькій Петя, говорятъ, очень скучалъ тамъ по родномъ Долбинѣ. Съ ними жилъ тамъ и Жуковскій, тогда уже прославленный авторъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ»; и когда Авдотья Петровна, въ серединѣ 1814 года, перебралась назадъ въ Долбино, онъ поселился у нея. П. В. былъ еще слишкомъ малъ, чтобы Жуковскій могъ непосредственно повліять на него. Но вліяніе Жуковскаго, чрезъ Авдотью Петровну, вошло въ семью и, напримѣръ, очень сильно отразилось на старшемъ Кирѣевскомъ; оно въ значительной степени опредѣлило его вкусы, литературные пріемы и даже характеръ его позднѣйшей философіи. Въ Петрѣ Кирѣевскомъ не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ этого вліянія; нѣмецкій романтизмъ оказался столь же не заразительнымъ для него, какъ позднѣе германская философія. Въ 1817 году, какъ сказано, Авдотья Петровна вышла замужъ за А. А. Елагина. Это былъ, повидимому, заурядный человѣкъ, не внесшій новой струи въ семью; но онъ былъ любитель философскаго чтенія, почитатель Канта и Шеллинга. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ много содѣйствовалъ раннему пробужденію философскаго интереса въ Иванѣ Кирѣевскомъ. Вѣроятно и Петръ Васильевичъ читалъ Шеллинга,—тогда въ его кругу всѣ увлекались Шеллингомъ; возможно, что онъ заимствовалъ у Шеллинга нѣкоторыя историко-философскія идеи; но общій духъ шеллингизма опять-таки остался ему совершенно чуждъ и нимало не опредѣлилъ его направленія. Онъ могъ бы и никогда не слыхать о Жуковскомъ, могъ бы не прочитать ни строки изъ Шеллинга, — его міровоззрѣніе и его дѣятельность были бы тѣ же. Объ Иванѣ Кирѣевскомъ этого нельзя сказать.

Братья Кирѣевскіе получили чрезвычайно тщательное воспитаніе. Еще въ Долбинѣ они основательно изучили нѣмецкій и французскій языки и ихъ классическія литературы. Въ 1821 году семья переселилась въ Москву; здѣсь юноши брали уроки у лучшихъ профессоровъ университета — у Снегирева, Мерзлякова, Цвѣтаева, Чумакова, учились англійскому, латинскому и греческому языкамъ. Старшій въ 1824 году сдалъ экзаменъ въ университетѣ и поступилъ на службу въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; младшій пошелъ тѣмъ же путемъ нѣсколько позже.

Въ тѣ годы умственная жизнь Москвы отличалась большимъ оживленіемъ. Было бы соблазнительно разсказать, какъ начала пробуждаться мысль въ передовыхъ представителяхъ молодого поколѣнія, какъ стали возникать первые московскіе кружки — Раича,

Веневитинова, В. Ѳ. Одоевскаго, — какъ эти юноши, вышедшіе изъ самыхъ нѣдръ патріархальнаго быта и нисколько ему не враждебные, въ силу какой-то инстинктивной потребности со страстью предались отвлеченному философствованію, которое въ концѣ-концовъ приведетъ ихъ къ выработкѣ совершенно новаго міровоззрѣнія, какъ они, въ поискахъ истины, жадно набросились на современныя имъ философскія и эстетическія теоріи Запада, и какъ своеобразно они приспособляли эти ученія къ своимъ нуждамъ. Разсказать объ этомъ было бы тѣмъ болѣе соблазнительно, что братья Кирѣевскіе стояли въ самомъ центрѣ движенія, были дружны съ его вождями, входили въ составъ этихъ кружковъ. — Но въ біографіи П. В. Кирѣевскаго такой разсказъ, я боюсь, былъ бы совсѣмъ неумѣстенъ. Мало того, что у насъ нѣтъ *ни одного* прямого показанія объ его роли въ этихъ кружкахъ, объ его интересѣ къ нимъ или объ ихъ вліяніи на его развитіе, — но даже предположительно ни одна черта его позднѣйшаго міровоззрѣнія не можетъ быть поставлена въ связь съ этимъ движеніемъ (опять-таки въ отличіе отъ его брата). Общаго вліянія, разумѣется, нельзя отрицать, — но оно неуловимо; утверждать же что-нибудь положительное нѣтъ основаній. Петръ Васильевичъ былъ въ молодости, да и всю жизнь, нелюдимъ и застѣнчивъ; эта молодежь были не его друзья, а друзья его брата; весьма вѣроятно, что онъ вовлекался въ ихъ кружки, такъ сказать, механически, вслѣдъ за братомъ, и оставался чуждъ ихъ интимной жизни.

Вообще, повторяю, внутренняя жизнь П. В. Кирѣевскаго въ его молодые годы остается для насъ закрытой. Нѣсколько больше свѣдѣній сохранилось объ его литературныхъ занятіяхъ за это время. Повидимому, первой его работой, попавшей въ печать, было изложеніе небольшого курса ново-греческой литературы, изданнаго по-французски въ Женевѣ въ 1827 году Ризо Нерулосомъ; это изложеніе было напечатано, за полной подписью: П. Кирѣевскій, въ двухъ книжкахъ «Московскаго Вѣстника» 1827 года, 13 и 15-й. Выборъ книги былъ очень удаченъ. Въ этотъ моментъ вся передовая часть европейскаго общества съ глубокимъ участіемъ слѣдила за героическими усиліями грековъ отстоять свою едва-добытую независимость. Борьба партій въ самой Греціи облегчила задачу турокъ: въ 1825 году они снова перешли въ наступленіе, въ 1826-мъ взяли Миссолонги и овладѣли Мореей, и въ то самое время, когда печаталась статья Кирѣевскаго—въ іюнѣ 1827 г.,—взятіе Акрополя снова отдало Грецію во власть мусульманъ. Книга фа-

наріота Ризо вовсе не была простою исторіей литературы: онъ хотѣлъ познакомить Европу съ исторіей умственнаго возрожденія своей родины и доказать ей, что возстаніе Греціи было «неизбѣжнымъ слѣдствіемъ нравственнаго усовершенствованія народа, а не дѣйствіемъ фанатической черни, возмущенной умами безпокойными»; по тогдашнему настроенію европейскаго общества, особенно правительствъ, это былъ со стороны Ризо очень искусный пріемъ. Во всякомъ случаѣ, выборъ такой книги свидѣтельствуетъ о значительной развитости девятнадцатилѣтняго Кирѣевскаго. Статья почти сполна занята переводомъ выдержекъ изъ книги Ризо; они выбраны умно и переданы прекраснымъ слогомъ.

Въ этомъ же или въ слѣдующемъ (1828) году П. В. перевелъ и издалъ отдѣльной книжкою повѣсть Байрона «Вампиръ» со своими примѣчаніями (я не видѣлъ этой книжки). Въ 19-й — 20-й книгѣ «Московскаго Вѣстника» за 1828 годъ напечатанъ его прозаическій переводъ съ испанскаго значительной части комедіи Кальдерона «Трудно стеречь домъ о двухъ дверяхъ», сопровождаемый такимъ примѣчаніемъ редакціи: «Считаемъ за долгъ сообщить пріятную новость любителямъ словесности, что П. В. Кирѣевскій, которому мы обязаны симъ отрывкомъ, намѣренъ заняться переводомъ всѣхъ лучшихъ произведеній Кальдерона». Дѣйствительно, въ бумагахъ П. В. послѣ его смерти были найдены, по словамъ Н. А. Елагина *), нѣсколько оконченныхъ драмъ Кальдерона, а также Шекспира, переведенныхъ имъ въ молодости **); почему онъ не напечаталъ ихъ—мы не знаемъ.

Всѣ эти работы носятъ, очевидно, случайный характеръ и не проливаютъ свѣта на внутреннюю жизнь молодого Кирѣевскаго. Были ли у него въ это время какіе-нибудь опредѣленные планы на будущее, неизвѣстно. Весною 1829 года онъ рѣшилъ-было вступить въ военную службу ***). Это намѣреніе, конечно, стояло въ связи съ только-что начавшейся (въ 1828 г.) войною противъ Турціи; но что именно прельщало Кирѣевскаго въ этой войнѣ: мечта ли о возста-

---

*) «Матеріалы для біографіи Ив. Вас. Кирѣевскаго», въ 1-мъ томѣ его Соч., изд. 2-ое, стр. 62, прим.

**) Изъ драмъ Шекспира во всякомъ случаѣ имъ были переведены до 1832 года «Отелло» и «Венеціанскій купецъ», см. *Уткинскій сборникъ*, М. 1904, стр. 56.

***) Юнкеромъ, см. *Уткинскій сборникъ*, стр. 49.—Письма Н. М. Рожалина, *Рус. Арх.*, 1909, кн. 8, стр. 569, 572, 577.

новленіи креста на Св. Софіи (какъ императора Николая), или же, что вѣроятнѣе, надежда на освобожденіе Греціи русскимъ оружіемъ,—судить невозможно. Жуковскій, узнавъ объ его намѣреніи, обѣщалъ помочь ему въ опредѣленіи на службу, но родители, повидимому, противились *). По намеку въ одномъ письмѣ Рожалина **) можно догадываться, что въ концѣ-концовъ Авдотья Петровна дала согласіе, но тѣмъ временемъ война кончилась; во всякомъ случаѣ, П. В. остался штатскимъ человѣкомъ. И все-таки, въ половинѣ іюля онъ надолго покинулъ родительскій домъ. Тогда только-что начиналась тяга русской молодежи въ германскіе университеты: П. Кирѣевскій былъ однимъ изъ первыхъ.

Онъ пробылъ за-границею больше года, и за это время не только онъ самъ, какъ естественно, писалъ матери письма болѣе обстоятельныя, чѣмъ обыкновенно, но и о немъ много писали ей братъ Иванъ, съѣхавшійся съ нимъ тамъ, и ихъ товарищъ, другъ ихъ семьи Рожалинъ, котораго П. В. уже засталъ въ Германіи, — такъ что изъ этихъ писемъ его образъ выступаетъ предъ нами явственнѣе, нежели въ какой-нибудь другой періодъ его жизни ***).

III.

Онъ ѣхалъ въ Германію несомнѣнно подъ обаяніемъ ея поэзіи и науки. Первый нѣмецкій городъ, гдѣ онъ рѣшилъ остановиться, былъ Дрезденъ; онъ разсчитывалъ найти здѣсь Рожалина, но разыскалъ его только на третій день; черезъ часъ послѣ встрѣчи они были уже въ театрѣ: давали «Фауста» въ честь 80-лѣтняго рожденія Гёте. Восхищенію П. В. не было границъ; «невозможно было не забыться», писалъ онъ брату объ этомъ представленіи; «едва ли какая-нибудь трагедія можетъ дѣйствовать сильнѣе»; дирекція

---

*) Письмо П. В. къ матери, отъ 15 мая,— *Рус. Арх.*, 1894 № 10, стр. 207.

**) *Р. Арх.*, 1909, № 8, стр. 577: «Жаль, что вы такъ долго не отпускали Петра Васильевича: сколько было бы для него случаевъ отличиться!... Желаю ему искренно похода и счастья» (къ А. П. Елагиной, отъ 17 августа 1829).

***) Его письма изъ-за границы къ роднымъ напечатаны въ *Р. Арх.* 1894 № 10 и 1905 № 5. Письма Ив. Вас.—въ «Матер. для біогр. И. В. К.» при первомъ томѣ его *Соч.* и въ *Р. Арх.*, 1907 № 1.—Письма Рожалина—въ *Р. Арх.*, 1909 № 8.

обѣщала дать «Фауста» еще два раза, и они ждали съ нетерпѣніемъ, но власти запретили вторичную постановку. Ему было очень досадно, когда какая-то дама, съ которою онъ познакомился въ Дрезденѣ,—обѣщавъ дать ему письмо къ сестрѣ Жанъ-Поля Рихтера въ Мюнхенъ, обманула. Вмѣстѣ съ Рожалинымъ онъ исходилъ пѣшкомъ Саксонскую Швейцарію; она ему очень понравилась. Онъ былъ вообще очень оживленъ. Послѣ его отъѣзда въ Мюнхенъ (въ Дрезденѣ онъ провелъ нѣсколько больше двухъ недѣль) Рожалинъ пишетъ о немъ Шевыреву: «У меня былъ П. В. Кирѣевскій, здоровый, веселый, нетерпѣливый слышать Шеллинга и его Минхенскую братію... Я многаго ожидаю отъ его твердаго, постояннаго и умѣреннаго характера, которому Минхенъ придастъ электричества. Планъ его — учиться политическимъ наукамъ, особенно исторіи, и особенно средней исторіи». Но и въ эти первые дни своей заграничной жизни, когда, казалось-бы, блескъ европейской культуры долженъ былъ ослѣпить 20-лѣтняго юношу, впервые увидѣвшаго свѣтъ, Кирѣевскій остается вѣренъ своимъ задушевнымъ пристрастіямъ. Въ Россіи лучше! Въ Германію можно пріѣхать за дѣломъ, на-время, поучиться, но жить хорошо только въ Россіи. Онъ уже въ Дрезденѣ «успѣлъ посердиться на нѣмцевъ»: въ Бреславлѣ ему сшили сапоги, но едва онъ, подъ Дрезденомъ, взошелъ на горы, подошвы отвалились. И лошади нехороши: поѣхали верхомъ къ Богемскимъ горамъ, «Петръ Васильевичъ перепробовалъ всѣхъ нашихъ лошадей и проклялъ всѣхъ до единой». Нѣмецкіе города кажутся ему мизерными, даже Мюнхенъ, который «на Москву самый похожій»: «очень много красоты отнимаетъ у здѣшнихъ городовъ недостатокъ колоколень и златоверхихъ церквей, которыя такъ много украшаютъ наши. Правда, здѣсь есть прекрасныя готическія зданія, но ихъ во всемъ городѣ три или четыре, и при взглядѣ на городъ издалека они совсѣмъ не производятъ такого дѣйствія, какое множество колоколень и башень въ Москвѣ, или даже Смоленскѣ».

Въ началѣ сентября (1829 г.) Кирѣевскій пріѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ рѣшилъ основаться надолго. Нанявъ квартиру изъ двухъ комнатъ, побывавъ въ театрѣ, посѣтивъ Тютчевыхъ, онъ наконецъ занялся дѣломъ: отправился къ ректору университета, филологу Тиршу, просить позволенія слушать лекціи. Визитъ сошелъ благополучно, только уходя Кирѣевскій «чуть-чуть было не вышибъ дверь», толкнувшись о нее. По заведенному тогда обычаю, онъ долженъ былъ посѣтить и Шеллинга, котораго собирался слушать.

Это посѣщеніе онъ подробно описалъ въ письмѣ къ брату, остававшемуся еще въ Москвѣ *). Я долженъ привести это письмо цѣликомъ; оно ближе и, главное, непосредственнѣе познакомитъ читателя съ молодымъ Кирѣевскимъ, нежели это могъ бы сдѣлать самый искусный разсказъ. Этотъ юноша двадцати одного года, очевидно, очень уменъ и развитъ не по лѣтамъ; онъ зорокъ въ своихъ наблюденіяхъ, самостоятеленъ и спокоенъ въ сужденіяхъ, и однако сколько молодости въ его письмѣ, какая теплая задушевность! Шеллингъ навѣрное не часто видалъ такихъ юношей; недаромъ онъ сразу замѣтилъ его и надолго запомнилъ.

«$^{7}/_{19}$ октября. Я сейчасъ возвратился отъ Шеллинга. Ходилъ просить позволенія слушать его лекціи, и проговорилъ съ нимъ около часа. Узнаешь ли ты меня въ этомъ подвигѣ? И что всего удивительнѣе, не запнулся ни разу. Но что тебѣ сказать о Шеллингѣ? Не можешь вообразить, какое странное чувство испытываешь, когда *увидишь* наконецъ эту сѣдую голову, которая, можетъ-быть, *первая* въ своемъ вѣкѣ, когда сидишь съ глазу на глазъ съ Шеллингомъ! Такъ какъ завтра уже начинается курсъ, слѣдовательно откладывать моихъ визитовъ профессорамъ было долѣе нельзя, то я и отправился сегодня прямо къ Шеллингу. Меня встрѣтила дѣвушка лѣтъ девятнадцати, недурная собой, съ маленькой сестрою лѣтъ девяти, и когда я спросилъ, здѣсь ли живетъ der Herr geheime Hofrath v. Schelling, сказала маленькой: Sieh doch nach, ob der Papa zu Hause ist? а сама между тѣмъ начала говорить со мною по-французски о погодѣ. Наконецъ маленькая дочка Шеллинга возвратилась и сказала, что Шеллингъ проситъ меня взойти на минуту въ пріемную комнату, а самъ сейчасъ выйдетъ. Гостиная Шеллинга — маленькая комнатка, шаговъ въ одиннадцать вдоль и поперекъ, и не только имѣющая видъ простоты, но даже бѣдности; вся мебель состоитъ въ маленькомъ диванчикѣ и трехъ стульяхъ, а на голыхъ стѣнахъ, нѣсколько закопченыхъ, виситъ одинъ маленькій эстампъ, представляющій очерки какой-то фигуры, едва видной въ лучахъ свѣта, и вокругъ нея молящійся народъ. Но я не успѣлъ разсмотрѣть этотъ эстампъ хорошенько. Минутъ пять я ходилъ взадъ и впередъ

*) Это письмо, вѣроятно безъ вѣдома П. В. К., но за полной его подписью, тогда же напечаталъ Погодинъ съ своемъ «Моск. Вѣстн.»—1830, ч. 1, стр. 111—116. Въ числѣ другихъ заграничныхъ писемъ П. В. К., оно напечатано (не совсѣмъ точно) въ *Рус. Арх.*, 1905 № 5. Я исправляю текстъ по подлиннику письма.

по комнатѣ, наконецъ отворилась дверь — и взошелъ Шеллингъ! — но совсѣмъ не такой, какимъ я себѣ воображалъ его. Я часто слыхалъ отъ видѣвшихъ его, что никакъ нельзя сказать по его наружности: это Шеллингъ, и я думалъ найти старика дряхлаго, больнаго и угрюмаго, человѣка, раздавленнаго подъ тяжелой ношею мысли, какого видалъ на портретахъ Канта; но я увидѣлъ человѣка, по наружности лѣтъ сорока, средняго роста, сѣдаго, нѣсколько блѣднаго, но Геркулеса по крѣпости сложенія, съ лицомъ спокойнымъ и яснымъ. Глаза его свѣтло-голубые, лицо кругловатое, лобъ крутой, носъ нѣсколько вздернутый кверху сократически; верхняя губа довольно длинная и нѣсколько выдавшаяся впередъ, но, несмотря на то, черты лица довольно стройныя, и лицо, хотя округлое, но сухое; вообще онъ кажется весь составленъ изъ однѣхъ жилъ и костей. Опредѣлить выраженіе его лица всего труднѣе; въ немъ ничего опредѣленнаго не выражается, и вмѣстѣ съ тѣмъ лицо ко всѣмъ выраженіямъ способное. Лихонинъ, говорившій, что выраженіе лица на портретѣ Жанъ-Поля слишкомъ *индивидуально*, назвалъ бы выраженіе Шеллингова *абсолютнымъ*. Только въ нижней части лица видна какая-то энергія, и легкій оттѣнокъ задумчивости въ глазахъ, когда онъ перестаетъ говорить. Но когда онъ, опустивъ на минуту глаза въ землю, вдругъ взглянетъ, — какое-то молніе блеснетъ въ его глазахъ, обыкновенно совершенно спокойныхъ. Вотъ все, что можно *сказать* о наружности Шеллинга; но если будетъ случай замѣтить хорошенько его профиль, постараюсь вырѣзать его силуэтъ, и тогда пришлю.

«Онъ встрѣтилъ меня извиненіемъ, что заставилъ дожидаться, и просилъ взойти въ другую комнату, которая, какъ кажется, его кабинетъ. Здѣсь, говоря съ Шеллингомъ, я ничего не могъ замѣтить, кромѣ кипы бумагъ на большомъ столѣ, и нѣсколькихъ рядовъ книгъ на доскахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ. Когда я сказалъ, что желаю слушать его лекціи, онъ отвѣчалъ, что очень радъ, если хотя чѣмъ-нибудь можетъ мнѣ быть полезенъ, и просилъ адресоваться къ нему во всемъ, что онъ можетъ сдѣлать. Онъ посадилъ меня на диванъ, а самъ сѣлъ передо мною на стулѣ, и съ вопроса, долго ли я намѣренъ остаться здѣсь, началъ говорить о здѣшнихъ способахъ, собраніяхъ по части искусствъ и библіотекахъ; потомъ, спросивши, въ какомъ состояніи осталась библіотека Московскаго Университета послѣ пожара, началъ разспрашивать объ Москвѣ, объ Лодерѣ, съ которымъ былъ знакомъ, на какомъ языкѣ нѣмецкіе профессора читаютъ у насъ лекціи, много ли занимаются Латинскимъ языкомъ

въ Университетѣ. «Ну хорошо!» сказалъ онъ между прочимъ, «въ медицинскомъ отдѣленіи искони уже введенъ Латинскій языкъ, и необходимъ; но если бы, напримѣръ, читать въ Москвѣ философію на Латинскомъ языкѣ, думаете ли вы, что нашлись бы слушатели?» Я отвѣчалъ, что большая часть слушателей, способныхъ понимать лекціи философическія, были бы способны понимать ихъ и на Латинскомъ языкѣ, но что впрочемъ Нѣмецкимъ языкомъ занимаются въ Россіи еще гораздо больше.—Отъ Университета онъ перешелъ къ образу жизни Москвичей, говорилъ, что воображаетъ въ Москвѣ большое разнообразіе во всѣхъ отношеніяхъ, смѣшеніе Азіатской роскоши и обычаевъ съ Европейскимъ образованіемъ, разспрашивалъ о состояніи нашей литературы, говорилъ, что онъ слышалъ, что она дѣлаетъ быстрые шаги, и что онъ слышалъ также, что у насъ драматическое искусство процвѣтаетъ, особенно что есть отличные комики; но въ послѣднемъ по несчастью я не могъ подтвердить его мнѣнія. Потомъ онъ перешелъ къ настоящей войнѣ. «Россіи, сказалъ онъ, суждено великое назначеніе, и никогда еще она не выказывала своего могущества въ такой полнотѣ, какъ теперь; теперь въ первый разъ вся Европа, по крайней мѣрѣ всѣ благомыслящіе, смотрятъ на нее съ участіемъ и желаніемъ успѣха; жалѣютъ только, что, въ настоящемъ положеніи, ея требованія, можетъ-быть, слишкомъ умѣренны». Онъ говорилъ о трудностяхъ Русскаго языка для иностранцевъ, и какъ важно между тѣмъ было бы его изученіе; хвалилъ его звучность; говорилъ, что очень много слышалъ о нашемъ Жуковскомъ и что по всѣмъ слухамъ это долженъ быть человѣкъ отличный. Очень хвалилъ Тютчева. Das ist ein sehr ausgezeichneter Mensch, сказалъ онъ между прочимъ, ein sehr unterrichteter Mensch, mit dem man sich immer gerne unterhält. И когда наконецъ я всталъ, чтобы идти, онъ спросилъ мое имя, и сказалъ, что ему очень пріятно было бы, если бы я иногда навѣщалъ его по вечерамъ; и это приглашеніе повторилъ два раза.

«Вотъ тебѣ покуда все, что я могъ запомнить изъ словъ Шеллинга. Голосъ его довольно тихій и густой; онъ говоритъ не медленно и не скоро, и нѣсколько отрывисто. Разговоръ его такъ простъ, живъ и неразмѣренъ, что невольно забываешь, что говоришь съ этимъ огромнымъ Шеллингомъ; и вообще онъ очень умѣетъ сдѣлать положеніе своего соразговаривающаго ловкимъ.

«Зачѣмъ не ты былъ на моемъ мѣстѣ?»

П. Б. записался въ университетѣ и началъ, повидимому, усердно посѣщать лекціи Шеллинга, Окена, Тирша, Гёрреса и др.; дома

онъ занимался латинскимъ языкомъ, отчасти испанскимъ и итальянскимъ, читалъ по философіи (Шеллинга) и по исторіи. Изрѣдка онъ бываетъ на пріемныхъ вечерахъ у Шеллинга и Окена, но чаще — раза два въ недѣлю — проводитъ вечера въ семьѣ Ѳ. И. Тютчева, принявшей его съ родственной теплотою. Время его распредѣлено по часамъ, и онъ трудится упорно. Уже теперь, какъ потомъ всю жизнь, онъ до робости скроменъ и самаго низкаго мнѣнія о своихъ способностяхъ. Ему тяжело чувствовать, пишетъ онъ брату, какъ мало онъ оправдываетъ высокое понятіе, которое тотъ имѣетъ о немъ. Онъ во всемъ считаетъ себя ниже брата: «Судьба уже давно раздѣлила насъ неровнымъ надѣломъ способностей; ты далеко опередилъ меня; какая-то тяжелость ума и безпрестанно грызущее чувство сомнѣнія въ самомъ себѣ оставили меня назади». Онъ жалуется на медленность своего чтенія, его приводятъ «въ отчаяніе» его дурной французскій языкъ, заиканье, неумѣніе разговаривать. Сообщая о томъ, что побывалъ на нѣсколькихъ карнавальныхъ балахъ и маскарадахъ, онъ пишетъ матери: «Не подумайте однакоже, читая, что я такъ часто бываю на балахъ, что я пустился въ большой минхенскій свѣтъ, сдѣлался развязенъ, многоглаголенъ и танцующъ; напротивъ: языкъ мой костянъ попрежнему, неловкость та же, и я возвращаюсь съ бала, не произнеся ни одного слова. Они (т.-е. балы) интересны для меня только какъ нѣмецкія панорамы. Это не значитъ однакоже, чтобы я думалъ, что общество *для общества* и безъ другихъ отношеній ненужно и безполезно; я давно убѣжденъ въ важности *свѣтскихъ* качествъ, и даже до нѣкоторой степени въ ихъ необходимости. Но чѣмъ больше я въ этомъ убѣждаюсь, тѣмъ больше убѣждаюсь и въ своей совершенной къ нимъ неспособности, которая заключается не въ неловкости, не во французскомъ языкѣ, съ которыми бы можно было сладить, но въ *несообщительности*, которая лежитъ въ характерѣ, которой нельзя помочь наружными средствами и дѣйствія которой идутъ дальше *свѣтскаго* общества».

По одному этому признаку можно предсказать, какой типъ человѣка представитъ собою Кирѣевскій въ зрѣломъ возрастѣ. Такая замкнутость въ себѣ всегда обозначаетъ цѣломудріе и упрямство. Такой человѣкъ, если только онъ сильная натура, какою несомнѣнно былъ Кирѣевскій, непремѣнно разовьется существенно, т.-е. изъ коренныхъ задатковъ своего духа, безъ примѣси наносныхъ элементовъ, и въ своихъ сознательныхъ выводахъ будетъ неподатливъ, недоступенъ сомнѣніямъ и критикѣ, — именно потому, что

его мысль — органическій плодъ его существа. Какая-то отчужденность и строгость, часто соединенная съ грустью, отличаютъ этихъ людей; они не сливаются съ окружающей ихъ толпой, имъ чужды ея суетные интересы и утѣхи. Если въ такомъ человѣкѣ зародится мысль большого калибра, — все равно, нравственная, философская или практическая, — онъ предается ей всецѣло, больше того — онъ становится ея рабомъ, онъ одержимъ ею, и пойдетъ осуществлять ее съ неимовѣрнымъ упорствомъ, которое можно принять за ограниченность ума. Таковъ былъ Кирѣевскій, и въ 21 годъ онъ не только былъ совершенно сформированъ въ смыслѣ характера, но уже обладалъ и той мыслью, которой онъ останется подвластенъ всю жизнь.

Эта мысль, выросшая, если можно такъ выразиться, изъ насыщенныхъ далекой наслѣдственностью глубинъ его духа, въ 1829 — 30 г. еще неясно рисовалась его уму, но въ своихъ общихъ очертаніяхъ уже предстояла ему, какъ безусловная истина и единая цѣль. Онъ уже за границу пріѣхалъ съ опредѣленной задачей — запастись знаніями и окрѣпнуть духовно *для служенія родинѣ*. Имъ не руководятъ ни самодовлѣющій теоретическій интересъ, ни забота о собственной карьерѣ; его цѣль сразу ставится сверхлично и, притомъ, практически: сослужить службу Россіи, какъ цѣлому. Это рѣшеніе предполагаетъ, конечно, извѣстныя предпосылки, т.-е. извѣстное знаніе того, что такое русскій народъ и чего ему не достаетъ. Въ тотъ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, Кирѣевскій еще далекъ отъ философскаго обоснованія своихъ взглядовъ, но исходная точка имъ уже найдена; въ дальнѣйшемъ онъ только развьетъ эту зачаточную мысль.

Уже съ первыхъ мѣсяцевъ его заграничной жизни начинаютъ мелькать въ его письмахъ насмѣшки надъ «нѣмецкой флегмой», надъ нѣмецкой «разсчитанностью и холодностью». Имъ онъ противопоставляетъ русскую безпечность, русскій хохотъ и русскую ясность. О братѣ своемъ, послѣ того, какъ тотъ пожилъ нѣкоторое время въ Германіи, онъ пишетъ родителямъ: «Онъ тотъ же энергическій, высокій и горячій душою, и ясный, но вмѣстѣ съ этимъ *прежнимъ Русскимъ*, и Европеецъ, т.-е. дѣятельный». Это значитъ, что главной и драгоцѣннѣйшей особенностью русскаго національнаго характера онъ считаетъ *нравственную страстность*, въ противоположность ни теплымъ, ни холоднымъ, или вовсе холоднымъ, каковы, напримѣръ, по его наблюденію нѣмцы. Эту черту онъ, кажется, считаетъ въ русскихъ стихійнымъ элементомъ; по крайней

мѣрѣ, ту же біологическую особенность онъ отмѣчаетъ и въ русской природѣ. Такъ, сообщая о раннемъ наступленіи весны въ Мюнхенѣ, онъ пишетъ *): «Несмотря однакоже на здѣшнее раннее тепло, я не промѣнялъ бы нашей весны на здѣшнюю. Въ ручейкахъ, которые теперь у насъ въ Москвѣ бѣгутъ повсюду, въ этомъ быстромъ, бодромъ переходѣ, въ живительной свѣжести нашего весенняго воздуха есть прелесть, которой здѣшняя весна не имѣетъ. У насъ природа спитъ долго, зато просыпается свѣжѣе, бодрѣе, и быстрота перехода отъ спокойствія къ жизни чувствуется живѣе. Здѣсь все просыпается понемногу, нѣмецкая природа лѣнится бодро вспрыгнуть съ постели и еще долго остается между сномъ и бдѣніемъ; ясные дни смѣняются съ сѣрыми, и не знаешь, въ самомъ ли дѣлѣ она проснулась, или заснетъ опять». Совершенно то же различіе видитъ онъ между нѣмцами и русскими въ духовной области: тамъ равнодушіе, безжизненность, сухость, здѣсь — живое одушевленіе и страстная воспріимчивость. «Только побывавши въ Германіи, вполнѣ понимаешь великое значеніе Русскаго народа, свѣжесть и гибкость его способностей, его одушевленность. Стоитъ поговорить съ любымъ нѣмецкимъ простолюдиномъ, стоитъ сходить раза четыре на лекціи Минхенскаго Университета, чтобы сказать, что недалеко то время, когда мы ихъ опередимъ и въ образованіи.— Здѣсь много великихъ ученыхъ, но всѣ они собраны изъ разныхъ государствъ Германіи однимъ человѣкомъ — королемъ, который дѣлаетъ все, что можетъ; это еще не Университетъ: что могутъ они сдѣлать, когда ихъ слова разносятся по вѣтру? Надежды, которыя Университетъ подавать можетъ, должны мѣриться и образовательностью слушателей: — а знаешь ли, что въ Московскомъ Университетѣ едва ли найдешь десятокъ такихъ плоскихъ и бездушныхъ физіономій, изъ какихъ составленъ весь Минхенскій? Знаешь ли, что во всемъ Университетѣ едва ли найдешь между студентами человѣкъ пять, съ которыми бы не стыдно было познакомиться? Что большая часть спитъ на лекціяхъ Окена и читаетъ романы на лекціяхъ Гёрреса? что дни три тому назадъ Тиршъ, одинъ изъ первыхъ ученыхъ Германіи, долженъ былъ имъ проповѣдывать на лекціи, что для того, чтобы сдѣлать успѣхи въ филологическихъ наукахъ, не должно скупиться и запастись по крайней мѣрѣ *латинской грамматикой!* потому что многіе изъ нихъ приходятъ къ нему, прося

*) Неизданное письмо отъ 25 марта—6 апрѣля 1830.

позволенія просмотрѣть грамматику Цумпта, которая стоитъ 1 талеръ!—И это тотъ Университетъ, гдѣ читаютъ Шеллинги, Окены, Гёрресы, Тирши. Что если бы *одинъ* изъ нихъ былъ въ Москвѣ? Какая жизнь закипѣла бы въ Университетѣ! Когда и тяжелый, педантическій Давыдовъ могъ возбудить энтузіазмъ» *). Это писано чрезъ три мѣсяца по пріѣздѣ Кирѣевскаго въ Германію.

Итакъ, полнота и страстность душевной жизни — вотъ драгоцѣнная особенность русскихъ. Но они инертны и лѣнивы: имъ недостаетъ европейской активности. Мы видѣли только-что, какъ, говоря о братѣ, Кирѣевскій употребляетъ слово «европеецъ», какъ синонимъ понятія «дѣятельный». Очевидно, что безъ европейской «дѣятельности» тѣ прекрасныя качества русскаго характера навѣки останутся безплодными; значитъ, важнѣйшая очередная задача Россіи заключается въ томъ, чтобы стряхнуть съ себя лѣнь, чтобы закипѣла въ ней бодрая, живая работа. Отсюда Кирѣевскій выводитъ свою идею служенія родинѣ: каждый русскій гражданинъ, и въ частности онъ самъ, обязанъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать пробужденію Россіи. Онъ пишетъ брату: «Ты хорошо знаешь всѣ нравственныя силы Россіи: уже давно она жаждетъ живительнаго слова, и среди всеобщаго мертваго молчанія — какія имена оскверняютъ нашу литературу! *Тебѣ суждено горячимъ, энергическимъ словомъ оживить умы русскіе, свѣжіе, полные силъ, но зачерствѣлые въ тѣснотѣ нравственной жизни*». Это звучитъ почти торжественно, — но онъ пишетъ о томъ, что для него святѣй всего, онъ выражаетъ самое задушевное свое убѣжденіе. И о себѣ самомъ, жалуясь на медленность своихъ занятій, онъ говоритъ: «Здѣсь, гдѣ съ каждымъ днемъ глубже и глубже чувствуешь тѣ безчисленные труды, которые еще предлежатъ Россіи, *чтобы получить живое умственное движеніе Европы*, хотѣлось бы, чтобы не только каждый день, но каждый часъ былъ означенъ какимъ-нибудь шагомъ, и, вмѣсто того, движеніе едва-едва замѣтно». Такъ глубоко онъ проникнутъ сознаніемъ своего долга предъ родиной; онъ видитъ въ себѣ *только* орудіе ея блага.

Намъ надо теперь вернуться назадъ, къ исходной точкѣ Кирѣевскаго. Тѣ оцѣнки и пожеланія, которыя мы сейчасъ слышали изъ его устъ, очевидно опирались на какія-то общія идеи философскаго или нравственнаго порядка. Каковы же были эти идеи? И,

*) В. Лясковскій, *Братья Кирѣевскіе*, Спб. 1899, стр. 23—24.

прежде всего, естественно спросить: почему онъ такъ высоко цѣнитъ горячность и ясность, присущія русскимъ, и активность, характеризующую въ его глазахъ европейцевъ. Былъ же у него какой-нибудь критерій оцѣнки, — какой?

Его заграничныя письма показываютъ, что у него была такая система идей, очень ясная и очень увѣренная. Она не могла быть результатомъ опыта и самостоятельнаго мышленія, — для этого онъ былъ еще слишкомъ молодъ. Ближайшее разсмотрѣніе покажетъ, что это были даже вовсе не умозрительныя идеи, а облеченныя въ форму идей *пристрастія*, т.-е. убѣжденія *чувственнаго* порядка, которыя въ такой цѣльной натурѣ, какъ Кирѣевскій, естественно должны были обозначиться очень рано и съ большой настойчивостью, тѣмъ болѣе, что при коренной психической однородности, какая существовала между нимъ и его родной семьей, эти пристрастія были совершенно подъ ладъ духу семьи и слѣдовательно освящались ею. Нравственныя оцѣнки, высказываемыя его матерью и братомъ въ ихъ письмахъ, до такой степени тождественны по общему духу его сужденіямъ, что если бы выписать ихъ, не называя писавшаго, часто невозможно было бы судить, кѣмъ изъ троихъ писаны тѣ строки. Но самая прочность этихъ пристрастій уже въ молодомъ Кирѣевскомъ и ихъ неизмѣнность за всю его жизнь свидѣтельствуютъ, что они были органическими въ немъ, а не привитыми, хотя бы и семьей.

Сердцевина всякаго міровоззрѣнія, — это тотъ образъ совершенства, который предносится человѣку, при чемъ одинаково характерны и положительныя, и отрицательныя черты этого образа. У Кирѣевскаго есть такой образъ-идеалъ, не выработанный размышленіемъ, а возникшій интуитивно и эстетически обожаемый: это образъ сочетанія въ человѣческой душѣ *стихійной силы* съ *порядкомъ*, иначе говоря — внутренно уравновѣшенный и разумомъ направляемый паѳосъ. «Страсть, — пишетъ онъ, — не слабость, но избытокъ силы; твердость не состоитъ и не должна состоять въ подавленіи страстей, но только въ ихъ направленіи и уравновѣшиваніи». Это значитъ, отрицательно, что не сила ума, не знанія и не активность дѣлаютъ человѣка совершеннымъ; сами по себѣ, врознь и въ совокупности, они ничто: они цѣнны лишь настолько, насколько помогаютъ уравновѣшиванію и цѣлесообразному направленію стихійной силы въ человѣкѣ, и, напротивъ, они вредны, если умаляютъ эту силу или тормозятъ ея упорядоченіе. И дальше, цѣнно все — всякое переживаніе, — разъ оно способствуетъ *этому* дѣлу,

и въ этомъ смыслѣ цѣнно страданіе. Узнавъ о горѣ, постигшемъ его брата (осенью 1829 г. Иванъ Васильевичъ посватался къ любимой дѣвушкѣ и получилъ отказъ), Кирѣевскій пишетъ ему: «И можетъ быть, — отдаленіе отъ всего родного особенно развило во мнѣ глубокое религіозное чувство, — можетъ быть, даже и этотъ жестокій ударъ былъ даромъ неба. Оно мнѣ дало тяжелое, мучительное чувство, но вмѣстѣ чувство глубокое, живое; оно тебя вынесло изъ вялаго круга вседневныхъ впечатлѣній обыкновенной жизни, которая можетъ быть еще мучительнѣе. Оно вложило въ твою грудь пылающій уголь»*), — т.-е. ударъ былъ благотворенъ, потому что *воспламенилъ* насъ обоихъ. И совершенно послѣдовательно Кирѣевскій всюду подчеркиваетъ преимущество жизненныхъ впечатлѣній предъ книжными. О своей заграничной жизни онъ не разъ пишетъ, что наибольшую пользу получилъ «отъ видѣннаго и слышаннаго, и вообще отъ испытаннаго»; собираясь въ Италію, онъ оправдывается тѣмъ, что «одинъ живой взглядъ на Италію обрисуетъ больше, нежели прочтеніе сотни умныхъ фоліантовъ: книги вездѣ, народы же и земли только на своихъ мѣстахъ».

Теперь намъ ясно, почему онъ такъ высоко цѣнитъ русскую «горячность» и «ясность». То-есть, собственно говоря, суть дѣла все-таки остается непонятной. Въ этомъ его сужденіи о русскомъ народѣ, очевидно, двѣ части: абсолютная оцѣнка нѣкоторыхъ духовныхъ свойствъ, и констатированіе этихъ свойствъ какъ-разъ у родного народа преимущественно предъ всѣми другими. Приходится спросить, какъ и вообще въ отношеніи всякой національной доктрины: что чему предшествовало? признаніе наличности извѣстныхъ качествъ у родного народа — возведенію этихъ качествъ въ идеалъ, или, наоборотъ, признаніе извѣстныхъ качествъ идеальными — апоѳеозу родного народа, какъ несомнѣннаго обладателя этихъ качествъ? т.-е. былъ ли русскій народъ для Кирѣевскаго помилу хорошъ, или по-хорошу милъ? — Вопросъ неразрѣшимый: здѣсь нечего искать логической послѣдовательности; это—двѣ чувственныя оцѣнки, которыя въ своемъ словесномъ выраженіи, разумѣется, подлежатъ повѣркѣ и критикѣ какъ порознь, такъ и въ отношеніи ихъ взаимной связи, но въ томъ смыслѣ, какой онѣ здѣсь имѣютъ для насъ, т.-е. психологически, являются элементарными фактами внутренней жизни Кирѣевскаго. Можетъ быть (и, я думаю,

*) Лясковскій, 22.

навѣрное) гдѣ-то въ глубинѣ личнаго духа у нихъ былъ общій корень; можетъ быть, Кирѣевскій *видѣлъ* въ русскомъ народѣ то, что *чаялъ въ самомъ себѣ* какъ глубочайшую наслѣдственную, т.-е. національную возможность. Wär' unser Aug' nicht sonnenhaft, wie könnt' die Sonne es erblicken?

IV.

Въ первый день Рождества Кирѣевскій обѣдалъ и провелъ вечеръ у Тютчевыхъ, гдѣ для дѣтей былъ устроенъ нѣмецкій Weihnachtsbaum; тамъ же встрѣтилъ и нѣмецкій новый годъ; русскій же, «одинъ для меня настоящій», онъ встрѣтилъ дома, одинъ, растянувшись на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ и мыслями въ Москвѣ. Новый годъ обѣщалъ ему большую радость — свиданіе съ братомъ, котораго, послѣ пережитаго имъ потрясенія, родители и врачи уговорили ѣхать за границу. Иванъ Васильевичъ пріѣхалъ въ Берлинъ 10—22-го февраля (1830), и остался тамъ до конца семестра. Въ самомъ концѣ марта, захвативъ въ Дрезденѣ Рожалина, онъ пріѣхалъ съ нимъ къ брату въ Мюнхенъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ даетъ родителямъ отчетъ о томъ, въ какомъ состояніи нашелъ брата: «Я писалъ уже вамъ о перемѣнѣ, которая такъ счастливо произошла въ его внѣшней сторонѣ. Впрочемъ, какъ эта перемѣна ни значительна въ отношеніи къ прежнему, но она только начало для будущаго. Мнѣ не нужно прибавлять, что эта счастливая перемѣна только внѣшняя, и что внутри онъ еще счастливѣе: остался тотъ же глубокій, горячій, несокрушимо одинокій, какимъ былъ и будетъ во всю жизнь. При этой силѣ и теплотѣ души, при этой твердости и простотѣ характера, которыя дѣлаютъ его такъ высокимъ въ глазахъ немногихъ, имѣвшихъ возможность и умѣнье его понять, — ему не доставало одного: опытности жизни, и это именно то, что онъ теперь такъ быстро начинаетъ пріобрѣтать. Необходимость сообщаться съ людьми сдѣлала его и сообщительнѣе, и смѣлѣе, уменьшивъ нѣсколько ту недовѣрчивость къ себѣ, которая могла бы сдѣлаться ему неизлѣчимо вредною, если бы онъ продолжалъ еще свой прежній образъ жизни. Конечно, внѣшняя сторона его никогда не достигнетъ внутренней, даже и потому, что ей слишкомъ далеко было бы гнаться, но все-таки это внѣшнее образованіе будетъ одна изъ главнѣйшихъ пользъ его путешествія. Занимается онъ здѣсь много и хорошо, т.-е. сообразно съ своею цѣлью. Особенно въ его сужденіяхъ замѣтно то развитіе ума, которое даетъ основа-

тельное занятіе философіей, соединенной съ врожденною вѣрностью взгляда и съ нѣкоторыми сердечными предразсудками, на которые, можетъ быть, сводится все достоинство человѣка, какъ человѣка». Это слово насчетъ «сердечныхъ предразсудковъ» въ отношеніи Петра Кирѣевскаго было какъ нельзя болѣе вѣрно.

И. В. на весь лѣтній семестръ остался въ Мюнхенѣ. Отнынѣ братья вмѣстѣ слушаютъ лекціи, вмѣстѣ учатся итальянскому языку, посѣщаютъ Тютчевыхъ и Шеллинга, осматриваютъ окрестности Мюнхена. Въ сентябрѣ, по окончаніи семестра, Петръ Вас. съ Рожалинымъ съѣздили въ Вѣну, чтобы посмотрѣть ее, но застряли тамъ на мѣсяцъ слишкомъ, а когда пустились обратно въ Мюнхенъ, то на пути, въ Пассау, встрѣтили Ивана Васильевича, который, забывъ обо всѣхъ планахъ (братья проектировали на осень поѣздку въ Швейцарію или въ Италію или въ Парижъ), скакалъ въ Москву, встревоженный извѣстіями о разразившейся тамъ холерѣ. Послѣ этого и Петръ не усидѣлъ въ Мюнхенѣ: дней десять спустя, 28 октября, и онъ пустился въ путь, съ тѣмъ, чтобы, проведя дома нѣсколько мѣсяцевъ, вернуться «къ нѣмцамъ». Н. А. Елагинъ, въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи И. В. Кирѣевскаго», разсказываетъ, что Петръ Васильевичъ проѣхалъ чрезъ Варшаву наканунѣ мятежа и въ Кіевъ прибылъ, когда тамъ уже знали о возмущеніи; кіевской полиціи показалось подозрительнымъ, что «мюнхенскій студентъ», да еще съ польской фамиліей, спѣшитъ въ чумную Москву; ему не дали подорожной, и генералъ-губернаторъ Княжнинъ потребовалъ его къ себѣ. Принявъ его строго и сухо, Княжнинъ задалъ ему нѣсколько вопросовъ и, выслушавъ его объясненіе, сталъ молча ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кирѣевскій, не привыкшій къ такимъ начальническимъ пріемамъ, пошелъ вслѣдъ за нимъ. Это взорвало генералъ-губернатора. «Стойте, молодой человѣкъ! — крикнулъ онъ. — Знаете ли вы, что я сейчасъ же могу засадить васъ въ казематъ, и вы сгніете тамъ у меня, и никто никогда объ этомъ не узнаетъ?» «Если у васъ есть возможность это сдѣлать, — спокойно отвѣчалъ Кирѣевскій, — то вы не имѣете права это сдѣлать». Смущенный Княжнинъ тотчасъ отпустилъ Кирѣевскаго и въ тотъ же день велѣлъ выдать ему подорожную.

V.

Кирѣевскій больше не поѣхалъ въ Германію, почему — мы не знаемъ. Иванъ Васильевичъ тотчасъ по возвращеніи принялся хло-

потать о журналѣ, который и началъ выходить съ января 1832 года (это былъ «Европеецъ», закрытый, какъ извѣстно, послѣ второй книжки). Петръ Васильевичъ въ концѣ 1831 года поступилъ на службу въ московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, актуаріусомъ при комиссіи по изданію грамотъ; въ этомъ ему помогъ Жуковскій, который, по просьбѣ Авдотьи Петровны, хлопоталъ за него предъ Нессельроде*). Однако въ Архивѣ ему было не по себѣ: директоръ архива Малиновскій его не любилъ и держалъ его на неподходящей работѣ — на переводахъ «пашпортовъ, духовныхъ и тяжбъ разнымъ бродягамъ — Итальянцамъ, Англичанамъ, Нѣмцамъ», какъ писала Авдотья Петровна Жуковскому въ февралѣ 1832 г. **).

Но онъ уже нашелъ дѣло своей жизни. Еще изъ Мюнхена, въ январѣ 1830 г., онъ благодарилъ Максимовича за присылку какихъ-то пѣсенъ***), а въ этомъ самомъ письмѣ, которое я сейчасъ цитировалъ, отъ февраля 1832 года, Авдотья Петровна сообщаетъ, что онъ издаетъ «собраніе пѣсенъ, какого ни въ одной землѣ еще не существовало, около 800 однѣхъ легендъ, т.-е. стиховъ по ихнему». Позднѣе Кирѣевскій писалъ, что начало его собранію народныхъ пѣсенъ было положено въ 1830 году (онъ, можетъ быть, и разумѣетъ пѣсни, сообщенныя ему Максимовичемъ), но небольшое количество пѣсенъ, тогда имъ собранныхъ, по непредвидѣнному случаю пропало, и въ 1831 и 1832 гг. онъ снова принялся записывать пѣсни съ голоса крестьянъ Московской губерніи ****). «Когда онъ нынѣшнее лѣто», пишетъ А. П. въ томъ же письмѣ, «собиралъ въ Осташковѣ нищихъ и стариковъ и платилъ имъ деньги за выслушаніе ихъ не райскихъ пѣсенъ, то городничему показался онъ весьма подозрителенъ, онъ послалъ рапортъ къ губернатору; то же сдѣлали многіе помѣщики, удивленные поступками слишкомъ скромными такого чудака, который по несчастію называется студентомъ. Губернаторъ послалъ запросъ Малиновскому, а тотъ по обыкновенному благородству своего характера отвѣчалъ, что онъ Кирѣевскаго не знаетъ!»

Въ архивѣ Кирѣевскій прослужилъ три съ лишнимъ года. Уже за границей главнымъ предметомъ его занятій была исторія,—

---

*) Уткинскій сборн., 54.

**) Тамъ же, стр. 56.

***) *Рус. Арх.*, 1905, V, 131.

****) *Чтенія* въ Имп. Общ. исторіи и древн., М., 1848, № 9, предисловіе П. В. К. къ «Русскимъ народнымъ пѣснямъ».

онъ и ѣхалъ туда, какъ сказано, съ цѣлью изучить средневѣковую исторію. Исторія на всю жизнь осталась его любимымъ занятіемъ. Онъ не думалъ объ обнародованіи своихъ трудовъ, даже не писалъ ничего, онъ только изучалъ добросовѣстно и кропотливо источники по русской исторіи — лѣтописи и акты; и, безъ сомнѣнія, именно эти изученія привязывали его къ архиву. По всей вѣроятности, въ эти годы были переведены имъ съ англійскаго записки Самуила Коллинса о Россіи, напечатанныя много лѣтъ спустя въ Чтеніяхъ московскаго Общества исторіи и древностей (1846 г., кн. 1-я): переводъ этотъ, какъ сказано въ предисловіи, сдѣланъ съ экземпляра перваго изданія Коллинса, хранящагося въ библіотекѣ Архива иностранныхъ дѣлъ; а редакторъ Чтеній, въ примѣчаніи къ этому предисловію, говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ переводчикъ написалъ эти строки, прошло «много времени», и что въ промежуткѣ уже успѣлъ появиться (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1841 г.) другой переводъ сочиненія Коллинса (не съ подлинника, а съ французскаго перевода). Литературная жизнь Москвы не захватывала Кирѣевскаго. Даже когда его братъ издавалъ «Европейца», П. В. помѣстилъ въ этомъ журналѣ только одну компилятивную статью, о современномъ состояніи Испаніи, — изложеніе статьи, напечатанной въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ.

Послѣ поѣздокъ 1831 и 1832 года для собиранія пѣсенъ онъ лѣтомъ 1834 года предпринялъ еще одну, послѣднюю такую поѣздку, въ бо́льшихъ размѣрахъ*). Исходнымъ пунктомъ былъ, повидимому, опять Осташковъ, уже знакомый ему по прежнимъ розыскамъ; отсюда онъ неутомимо разъѣзжалъ по ближнимъ и дальнимъ мѣстамъ, съ мая до осени. Дошелъ до него слухъ объ ярмаркѣ гдѣ-то въ Новгородской губерніи, которая должна продолжаться цѣлыхъ четыре дня — «стало быть, можно надѣяться на добычу», — онъ отправляется туда, плыветъ 40 верстъ по Селигеру, потомъ ѣдетъ 25 верстъ на лошадяхъ; вернувшись изъ этого похода, оказавшагося неудачнымъ, онъ чрезъ два дня плыветъ верстъ за 12 отъ Осташкова на какой-то сельскій праздникъ, проводитъ тамъ три дня и вывозитъ оттуда 20 свадебныхъ пѣсенъ; и т. д. Въ концѣ іюля, оставивъ Осташковъ, онъ пустился по Старорусской дорогѣ, свернулъ въ сторону, чтобы посмотрѣть верховье Волги, заѣхалъ въ Старую Руссу, и оттуда на пароходѣ добрался до Новгорода. Здѣсь онъ не искалъ ни пѣсенъ,

---

*) О ней см. его письма въ *Рус. Арх.*, 1909, V, а также неизданныя.

ни преданій: «здѣсь только одни могилы и камни, а все живое забито военными поселеніями, съ которыми даже и тѣнь поэзіи несовмѣстна»; но онъ хотѣлъ познакомиться съ еще богатою *каменной поэзіей* Новгорода. И какъ онъ умѣлъ чувствовать поэзію прошлаго—*русскаго* прошлаго! Онъ самъ становится поэтомъ, когда описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него Новгородомъ. Онъ увидѣлъ его съ Волховскаго моста въ первый разъ при заходѣ солнца; верстъ за 40 въ окрестностяхъ горѣли лѣса, и дымъ отъ пожарища доходилъ до города. «Въ этомъ дымѣ, соединившемся съ Волховскими туманами, пропали всѣ промежутки между теперешнимъ городомъ и окрестными монастырями, бывшими прежде также въ городѣ, такъ что городъ мнѣ показался во всей своей *прежней* огромности; а заходящее солнце, какъ исторія, свѣтило только на городскіе башни, монастыри и соборы и на бѣлыя стѣны значительныхъ зданій; все мелкое сливалось въ одну безличную массу, и въ этой массѣ, соединенной туманомъ, было также что-то огромное. На другой день все было опять въ настоящемъ видѣ, какъ-будто въ эту ночь прошли 300 лѣтъ, разрушившихъ Новгородъ». Онъ и комнату нанялъ себѣ въ Новгородѣ, хотя скверную внутри, но зато на берегу Волхова, съ видомъ на Кремль и Софійскій соборъ, «самое прекрасное зданіе, какое я видѣлъ въ Россіи».

Весною 1835 года Авдотья Петровна съ дочерьми отправилась за границу лечиться; съ ними поѣхалъ и Петръ Васильевичъ, частью чтобы быть при нихъ, частью тоже пить воды, по совѣту врачей. Передъ отъѣздомъ, 1 мая, онъ вышелъ въ отставку, окончательно разставшись съ Архивомъ *). Онъ поѣхалъ на Петербургъ (Авд. Петр. уѣхала раньше) и пробылъ здѣсь нѣсколько дней, дружески принятый Жуковскимъ, Пушкинымъ и товарищами брата. Изъ Петербурга онъ поѣхалъ моремъ до Любека вмѣстѣ съ Н. И. Надеждинымъ, Княжевичемъ и Титовымъ, оттуда сушею на Гамбургъ, Кассель и дальше. Въ его письмахъ изъ этой поѣздки уже чувствуется та глубокая душевная усталость, которая затѣмъ больше не покидаетъ его. Онъ пишетъ брату: «Я не безъ удовольствія увидѣлъ опять Германію, которая оставила во мнѣ много воспоминаній дорогихъ и въ которой есть много глубоко поэтическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ я испыталъ и грустное чувство старика, который возвращается на мѣсто, давнымъ давно невиданное. Можетъ быть, потому только и

*) Лясковскій, 52.

живы *первыя* впечатлѣнія, что съ ними соединена безотчетная надежда на неизмѣнность каждаго явленія, на вѣчность всего; а какъ скоро родится чувство суеты и ломкости, — то, что было бы прежде живымъ впечатлѣніемъ, становится холодной теоремой; вмѣсто того, чтобы чувствовать *какъ это хорошо!* думаешь только — *что бы это значило?* и, разумѣется, тупѣешь ко всему внѣшнему, то-есть старѣешься. Всегда грустно видѣть *иначе* то мѣсто, гдѣ было весело, и потому я все больше и больше убѣждаюсь, что настоящее счастье можетъ быть только въ одномъ *вѣчнооднообразномъ* движеніи. Но это чувство во мнѣ не новое, и ты его знаешь во мнѣ». Эти строки драгоцѣнны, потому что онѣ открываютъ намъ тайную сторону душевной жизни Кирѣевскаго. Онъ являлся предъ людьми спокойнымъ, благожелательнымъ — и никто не зналъ, какъ страстно, какъ болѣзненно-чутко онъ жилъ внутри, какой острой болью отзывались въ немъ на видъ обыденныя впечатлѣнія. Эта буддійская жажда покоя, которая слышится въ томъ письмѣ, — не равнодушіе къ жизни, а усталость сердца слишкомъ чувствительнаго и изъязвленнаго жизнью. Каждую радость приходится хоронить, — лучше ужъ не надо радостей. Такъ и Лермонтовъ проклялъ радость, потому что она бренна*). Кто дешевле расплачивается за свои чувства, разумѣется, такъ не разсуждаетъ.

Осенью Кирѣевскій вернулся въ Россію**). 1836 годъ ушелъ у него на хозяйственныя хлопоты: ему пришлось взять на себя семейный раздѣлъ. Задача оказалась нелегкой, главнымъ образомъ, повидимому, изъ за алчности и мелочности жены брата, Натальи Петровны. На каждомъ шагу возникали гадкія дрязги, и нужны были вся деликатность и безкорыстіе Петра Васильевича, чтобы мирно все уладить. Вообще это было для него и, повидимому, для всей семьи, трудное время. «Моя молитва, — пишетъ онъ матери*),—

---

*) Это странное сходство П. В. Кирѣевскаго съ Лермонтовымъ поразительно подтверждается словами А. П. Елагиной, лично знавшей Лермонтова; много лѣтъ спустя она сказала П. А. Висковатову: «Жаль, что Лермонтову не пришлось ближе познакомиться съ сыномъ моимъ Петромъ — у нихъ нѣкоторые взгляды были общіе» (*Біографія* Лермонтова, въ его *Соч.*, подъ ред. П. А. Висковатова, М. 1891, т. VI, стр. 369).

**) В. Лясковскій, стр. 53, ошибочно говоритъ, что П. В. пробылъ за границею годъ; см. его письма въ *Русск. Арх.* 1905 V 150—151.

***) Рукоп. письмо отъ 6 августа, изъ Орла. Я отношу это письмо къ 1837 году изъ-за упоминанія о *предстоящей* постройкѣ дома; см. ниже въ текстѣ.

объ одномъ: дай Богъ намъ всѣмъ *бодрости* и *здоровья!* тогда все будетъ; Провидѣніе есть, и нашъ корабль не безъ Кормчаго. Наконецъ все таки жъ одолѣетъ не ложь, а правда. А буря этихъ послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ можетъ быть намъ и не казнь, а благо. На себѣ я по крайней мѣрѣ чувствую, что она смыла съ меня много грѣха; и въ замѣнъ того, что у меня прошла охота смѣяться, я научился цѣнить многое, чего прежде не понималъ». Долбино досталось Ивану Васильевичу, а Петру — Кирѣевская Слободка, въ двѣнадцати верстахъ подъ Орломъ. Въ январѣ 1837 года онъ въ первый разъ пріѣхалъ сюда въ качествѣ хозяина*). Къ осени онъ отстроилъ себѣ въ Слободкѣ новый домъ, но еще не успѣлъ обжить его какъ слѣдуетъ и упорядочить запущенное хозяйство, какъ принужденъ былъ надолго покинуть Слободку: въ мартѣ 1838 года онъ поѣхалъ въ Симбирскую губернію выручать Языкова (поэта), съ которымъ былъ связанъ почти братскою дружбою**). Языковъ былъ тогда уже очень боленъ; надо было почти насильно увезти его изъ деревни въ Москву для консультаціи съ врачами; а когда московскіе врачи предписали больному Маріенбадскія воды, Петръ Васильевичъ поѣхалъ съ нимъ и ухаживалъ за нимъ (Языковъ почти не двигался) какъ любящая сестра, въ Маріенбадѣ и потомъ въ Ганау, до конца года, когда его смѣнилъ братъ Языкова; въ Россію П. В. вернулся только весною 1839 года***). Съ тѣхъ поръ онъ уже ни разу не отлучался надолго изъ Слободки, но почти каждую зиму нѣкоторое время проводилъ въ Москвѣ, гдѣ даже купилъ себѣ небольшой домъ на Остоженкѣ, и часто ѣздилъ то въ Долбино къ брату, то въ Бунино или Петрищево къ матери.

VI.

Этотъ третій и послѣдній періодъ жизни Кирѣевскаго (считая въ первомъ дѣтство и юность до поѣздки въ Мюнхенъ, во второмъ годы возмужалости до осѣдлаго поселенія въ Слободкѣ, т. е. 1829 — 1839), продолжался семнадцать лѣтъ. Семнадцать лѣтъ невиднаго, упорнаго, кропотливаго труда, напоминающаго трудъ одинокаго

---

*) В. Лясковскій, стр. 53 — 54.

**) Его письма оттуда — въ *Рус. Арх.* 1905 V 152 и дальше.

***) В. И. Шенрокъ, *Н. М. Языковъ*, В. Евр. 1897 декабрь, стр. 612—614.

рудокопа, который по одному ему вѣдомымъ признакамъ отыскиваетъ золотоносную жилу. Точно груды земли, выброшенныя изъ глубины на поверхность лопатой, накоплялись цѣлыя корзины выписокъ и замѣтокъ — результатъ пристальнаго изученія и сличенія лѣтописей, актовъ, изслѣдованій; накоплялись громадныя знанія, глазъ изощрялся *видѣть* въ подземной темнотѣ прошлаго, и, что́ главное, все явственнѣй обозначались предъ взоромъ основныя линіи этого прошлаго — *строй русскаго національнаго духа*, чего именно и искалъ Кирѣевскій. Онъ интуитивно зналъ этотъ строй въ его цѣлостной полнотѣ и любилъ его во всѣхъ его проявленіяхъ; но ему нужно было еще узнать его иначе — сознательно или научно, и показать его другимъ и заставить ихъ полюбить его, какъ онъ любилъ. Оттого онъ изучалъ лѣтописи и оттого собиралъ пѣсни, чтобы сохранить ихъ, и чтобы познакомить съ ними русское образованное общество, — именно съ этой двоякою цѣлью.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ результатѣ этихъ многолѣтнихъ розысковъ и размышленій онъ выработалъ себѣ опредѣленный взглядъ на прошлое русскаго народа, т. е. по-своему ретроспективно вывелъ это прошлое изъ основныхъ свойствъ русскаго національнаго духа. Но возстановить его мысль невозможно, потому что онъ ни разу не изложилъ ея въ сколько-нибудь связномъ видѣ. Онъ самъ выразился однажды (въ письмѣ къ Кошелеву), что, несмотря на все его желаніе писать какъ можно больше, кажется, какъ будто сама природа привязала камень къ его перу, — и это, говоритъ онъ, «совсѣмъ не отъ смиренія и не отъ излишней совѣстливости, а частью отъ непривычки излагать свою мысль на бумагу, частью же и отъ самаго свойства моихъ занятій, т. е. раскапыванія старины, при которомъ нельзя ни шагу двинуться безъ тысячи справокъ и повѣрокъ и безъ ежеминутной борьбы съ цѣлою фалангой предшественниковъ, изувѣчившихъ и загрязнившихъ ее донельзя». Только однажды онъ выступилъ въ печати съ частичнымъ изложеніемъ своихъ мыслей о русской исторіи, да и то по случаю, и съ обѣщаніемъ «окончанія въ слѣдующей книжкѣ», какового окончанія никогда и не послѣдовало. Я разумѣю его полемическую статью противъ Погодина въ «Москвитянинѣ» за 1845 годъ, когда этотъ журналъ редактировался его братомъ, Иваномъ Васильевичемъ.

Его самого, видимо, мучила эта непродуктивность. Еще болѣе, въ теченіе многихъ лѣтъ, терзался онъ мыслями о судьбѣ своего собранія народныхъ пѣсенъ. Мы видѣли, что уже въ 1832 году онъ готовилъ къ печати собранный имъ къ тому времени матеріалъ. Но

годъ шелъ за годомъ, онъ ничего не печаталъ. Его собраніе безостановочно росло. Онъ самъ въ своихъ многочисленныхъ переѣздахъ по разнымъ сторонамъ Россіи никогда не упускалъ случая записывать изъ народныхъ устъ пѣсни, преданія, пословицы и пр., и отовсюду стекались къ нему пѣсни, записанныя съ голоса же людьми, лично близкими къ нему или понимавшими важность его предпріятія. Такъ, семья Языковыхъ доставила ему огромное, по его словамъ*), собраніе пѣсенъ Симбирской и Оренбургской губерній, Пушкинъ — тетрадь пѣсенъ Псковской губ., Снегиревъ — Тверской и Костромской, Кольцовъ — Воронежской, Кавелинъ — Тульской и Нижегородской, Вельтманъ — Калужской, Шевыревъ — Саратовской, Рожалинъ — Орловской, А. Н. Поповъ — Рязанской, Трубниковъ — Тамбовской, Гудвиловичъ — Минской, Даль — изъ Пріуралья, Гоголь — изъ разныхъ мѣстъ Россіи, и т. д. Онъ собиралъ пѣсни и по заказу, за деньги, и преимущественно этимъ способомъ добылъ до 500 народныхъ пѣсенъ изъ бѣлорусскихъ областей. Онъ пріучилъ къ этому дѣлу М. А. Стаховича, и онъ же толкнулъ на этотъ путь въ началѣ 1840-хъ годовъ П. И. Якушкина, тогда студента-математика въ Москвѣ: Якушкинъ на его средства обошелъ Костромскую, Тверскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую и Орловскую губерніи, — и огромный матеріалъ, добытый имъ, вошелъ въ собраніе Кирѣевскаго.

Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ П. В. съ неослабѣвающей любовью трудился надъ пѣснями. Этотъ трудъ сопровождалъ его всюду; онъ корпитъ надъ пѣснями и въ Симбирской деревнѣ Языкова, и на водахъ за-границею. А было отъ чего охладѣть. Самый способъ его работы: установленіе идеальнаго текста пѣсни съ подведеніемъ *всѣхъ* варіантовъ, требовалъ неимовѣрной усидчивости и крайне утомительнаго напряженія мысли; работа подвигалась черепашьимъ шагомъ. Добро бы еще онъ могъ, по мѣрѣ изготовленія матеріала, безпрепятственно выпускать его въ свѣтъ; но при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ это оказывалось невозможнымъ. Чрезъ 12 лѣтъ послѣ перваго замысла о печатаніи дѣло еще не подвинулось ни на пядь; въ 1844 году братъ Иванъ Васильевичъ писалъ ему изъ деревни въ Москву**): «Если министръ будетъ въ Москвѣ, то тебѣ

---

*) Предисловіе П. В. К. къ «Русскимъ народнымъ стихамъ» въ *Чтеніяхъ* Имп. Общ. исторіи и древностей, М. 1848, № 3, стр. IV — VI.

**) «Матеріалы для біографіи И. В. К.», при Собр. его соч., 2-е изд., т. I, стр. 69.

непремѣнно надобно просить его о пѣсняхъ, хотя бы къ тому времени тебѣ и не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Можетъ быть даже и не возвратятъ, но просить о пропускѣ это не мѣшаетъ. Главное на чемъ основываться, это то, что пѣсни *народныя*, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевощиковъ надъ погодою. Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ *народныя* пѣсни, и еще *старинныя*. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи... Лучше бы всего тебѣ самому повидаться съ Уваровымъ, а если не рѣшишься, то поговори съ Погодинымъ». Наконецъ, въ 1848 году послѣ многихъ хлопотъ удалось напечатать 55 духовныхъ «стиховъ» въ «Чтеніяхъ» Общества исторіи и древностей (кн. 9-ая), какъ *часть первую* «Русскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Петромъ Кирѣевскимъ». Очевидно, предполагалось дальнѣйшее печатаніе, но на «Чтенія» въ томъ же году обрушилась цензурная кара (за напечатаніе перевода книги Флетчера о Россіи). Затѣмъ еще только въ «Московскомъ Сборникѣ» 1852 года и въ «Русской Бесѣдѣ» 1856-го, кн. I, было напечатано по нѣсколько пѣсенъ изъ собранія Кирѣевскаго: въ первомъ четыре, во второй — двѣнадцать. Такимъ образомъ, при жизни Кирѣевскаго увидѣли свѣтъ только 71 пѣсня изъ нѣсколькихъ тысячъ, имъ собранныхъ. Какъ разъ послѣ 1848 года очень усилилась строгость въ отношеніи печатанія памятниковъ народнаго творчества *).

Языковъ мѣтко назвалъ Кирѣевскаго (въ стихотворномъ посланіи къ нему): *Своенародности подвижникъ просвѣщенный*. Онъ былъ несомнѣнно одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, даже въ европейскомъ смыслѣ; довольно сказать, что онъ говорилъ и писалъ на семи языкахъ. Онъ внимательно слѣдилъ за западной исторической литературой, неукоснительно читалъ аугсбургскую Allgemeine Zeitung, и т. п.; въ его библіотекѣ, которую онъ старательно собиралъ всю жизнь, было представлено, если считать славянскія нарѣчія, шестнадцать языковъ, — «огромное количество книгъ, болѣе всего историческихъ, тщательно подобранныхъ, заботливо переплетенныхъ, съ надписью почти на каждой его бисер-

*) «Русская печать и цензура», Вл. Розенберга и В. Якушкина, М. 1905, стр. 66 — 68.

нымъ почеркомъ «П. Кирѣевскій», со множествомъ вложенныхъ въ нихъ листочковъ, исписанныхъ замѣчаніями (и нигдѣ не исписанныхъ по полямъ»*). Онъ хорошо рисовалъ, страстно любилъ музыку и, кажется, самъ недурно игралъ на фортепіано. Я видѣлъ вырѣзанные имъ прелестные силуэты Баратынскаго, Чаадаева, Пушкина, Рожалина, кн. В. Ѳ. Одоевскаго и многихъ другихъ**).

Онъ болѣлъ невѣжествомъ русскаго общества, горячо привѣтствовалъ всякія просвѣтительныя начинанія и самъ дѣлалъ въ этомъ направленіи, что̀ могъ. Уже незадолго до смерти онъ рѣшилъ приступить къ изданію систематической переводной библіотеки по исторіи западно-европейскихъ странъ, и съ этой цѣлью роздалъ книги для перевода близкимъ къ нему людямъ. «Себѣ, — пишетъ онъ, — я выгородилъ кругъ книгъ, съ которыми надѣюсь и самъ сладить и которыя удовлетворятъ, по крайней мѣрѣ, самой насущной современной потребности. А именно: краткія исторіи всѣхъ народовъ съ ихъ статистиками и полная ученая литература Славянскихъ народовъ; но для понятія второй необходимо нужны прежде первыя»***). Въ своей «своенародности» онъ не боялся просвѣщенія; напротивъ, онъ былъ убѣжденъ, что оно и есть вѣрнѣйшій путь къ своенародности. Такъ, увлеченіе публики итальянской музыкой его не только не огорчало, какъ вѣроятно Шевырева или Погодина, но радовало; «слава Богу, говорилъ онъ; только бы полюбили какую-нибудь музыку, тогда поймутъ народную, придутъ къ своей» ****). Этому убѣжденію онъ оставался вѣренъ во всемъ. Заблужденія Бѣлинскаго должны были казаться ему вопіющими; и тѣмъ не менѣе, въ отличіе отъ прочихъ славянофиловъ, онъ цѣнилъ его дѣятельность, будившую мысль и чувство въ русскомъ обществѣ *****).

И другое слово Языкова вѣрно: онъ дѣйствительно былъ подвижникомъ, и не только въ своей работѣ. Тому, кто не читалъ его писемъ, невозможно дать представленіе объ удивительной простотѣ

---

*) Лясковскій, стр. 58.

**) Въ одномъ изъ альбомовъ Авд. Петр. Елагиной, принадлежащихъ теперь М. В. Беэръ.

***) Письмо отъ 13 дек. 1854 г., *Р. Арх.* 1905 V 173. Онъ перевелъ тогда книгу Ваш. Ирвинга о Магометѣ; этотъ переводъ былъ изданъ семьею уже послѣ его смерти, въ 1857 году.

****) «Воспоминаніе» А. Марковича, *Рус. Бес.* 1857 II 21.

*****) Тамъ-же, 22.

и скромности этого человѣка, о его врожденной, такъ сказать, самоотреченности. Ему самому ничего не нужно, — что случайно есть, то и хорошо. Мысль о такъ называемомъ личномъ счастіи вѣроятно никогда не приходила ему въ голову; онъ жилъ для другихъ и для дѣла своей совѣсти.

А онъ обладалъ богатыми задатками для радости и счастія, не только потому, что былъ умственно даровитъ, но и потому, что сердце у него было горячее и нѣжное. Если онъ кого любилъ, то ужъ любилъ нераздѣльно, и въ любовь свою вкладывалъ и всю женскую трепетность, и всю мужскую крѣпость своей души. Такъ любилъ онъ брата Ивана, мать, ея дѣтей отъ Елагина, — слишкомъ любилъ, съ непрестанной болѣзненной тревогой за нихъ. Онъ никогда не былъ женатъ, и не потому, что такъ случилось, а потому что онъ такъ рѣшилъ; онъ какъ-то писалъ брату: «Ты знаешь, что другихъ дѣтей, кромѣ твоихъ, я не хочу, и у меня не будетъ»; я думаю, онъ боялся взять на себя крестъ новой любви, къ женѣ и дѣтямъ, потому что всякая любовь обходилась ему дорого. Такъ-же любилъ онъ и друзей. Выше уже было упомянуто, что́ онъ сдѣлалъ для больного Языкова: увезъ его изъ деревни въ Москву и потомъ за-границу и тамъ многіе мѣсяцы выхаживалъ его. Послѣ его отъѣзда изъ Ганау Языковъ писалъ о немъ: «Итакъ ровно годъ жизни пожертвовалъ онъ мнѣ, промѣнялъ сладостные труды ученаго на возню съ больнымъ, на хлопоты и заботы самыя прозаическія. За терпѣніе, которымъ онъ побѣждалъ скуку лазаретнаго странствованія и пребыванія со мной, за смиреніе, съ которымъ переносилъ онъ мои невзгоды и причуды; за тихость и мягкость нрава, за доброту сердца и возвышенность духа, которыми умилялся я въ минуты моихъ страданій и болѣзненной досадливости, за все это, чѣмъ онъ меня бодрилъ, укрѣплялъ и утѣшалъ, за все да наградитъ его Богъ своей благостью»*). И точно такъ-же онъ ухаживаетъ за Титовымъ, захворавшимъ въ пути, и довозитъ его до Касселя, уклоняясь отъ своей дороги, нянчится съ Погодиными, когда была больна жена Погодина, и пр. А какъ онъ вообще относился къ людямъ, можетъ показать слѣдующій случай. Въ 1841 году у него работалъ землемѣръ, по размежеванію его Кромскаго имѣнія; въ декабрѣ, кончивъ работу, землемѣръ этотъ пріѣзжаетъ въ Кирѣевскую Слободку съ просьбою къ Петру Васильевичу позволить ему остаться въ его

*) В. И. Шенрокъ, цитир. статья, *В. Евр.* 1897 дек., стр. 614.

домѣ до весны «за дороговизною орловской жизни». «А я, — жалуется П. В., — не нашелъ въ головѣ никакой благовидной причины ему отказать; и такимъ образомъ онъ остался у меня на шеѣ, и съ женою, и съ помощниками. Вотъ невыгода большого дома. Въ другое время это мнѣ было бы ничего, потому что его содержаніе обойдется недорого, и онъ хорошій малый; но именно теперь, когда бы я желалъ не видать ни одного человѣческаго лица, это совсѣмъ не кстати. Я объявилъ ему по крайней мѣрѣ, что хочу быть одинъ и что соглашаюсь оставить его только на томъ условіи, чтобы мнѣ запереться въ моей половинѣ и чтобы онъ не дивился, если даже не буду выходить съ нимъ обѣдать. Попробую, а если все это не поможетъ, то поищу другаго средства остаться внѣ людскихъ физіономій». Однако весною землемѣръ не уѣхалъ, а въ іюнѣ (значитъ 1842 года) Кирѣевскій уже изъ Москвы, гдѣ у него, какъ сказано, тоже былъ свой домъ, сообщаетъ матери: «Я еще, кажется, не писалъ къ вамъ, что мой домъ наполнился гостями. Верхній этажъ ужъ недѣли три какъ наполнился дамами, а нижній этажъ наполняется кавалерами. Дамами по слѣдующему случаю. У того землемѣра, что жилъ у меня въ Слободкѣ, умеръ своякъ, жившій въ Дмитровѣ и при которомъ жила его мать. Отъ этого все семейство осталось на попеченіи землемѣра, и онъ долженъ былъ нанять имъ квартиру въ Москвѣ. Узнавши объ этомъ, я просилъ его жену, которая пріѣзжала за этимъ на нѣсколько дней въ Москву, чтобы ихъ семейство покуда остановилось у меня впредь до продажи дома. Такимъ образомъ и живутъ у меня наверху дамы, состоящія изъ матери и молодой вдовицы, обѣ больныя». Неизвѣстно, сколько времени оставались эти дамы въ московскомъ домѣ Кирѣевскаго, — домъ онъ продалъ только въ 1846 году, — но землемѣръ «съ женою и помощниками» прожили въ Кирѣевской Слободкѣ до самой смерти Петра Васильевича, т.-е. лѣтъ 15 *).

Какое обаятельное впечатлѣніе онъ производилъ на людей, объ этомъ мы еще теперь можемъ судить по отзывамъ лицъ, близко знавшихъ его. Стóитъ привести эти отзывы — они полнѣе обрисуютъ его личность. Они всѣ единодушны безъ исключенія; нѣтъ разницы между тѣми, которые были написаны при его жизни, и тѣми, которые были написаны послѣ его смерти. Тотчасъ послѣ его смерти, въ газетномъ некрологѣ, К. Д. Кавелинъ писалъ о

*) См. письма П. В. К. въ *Рус. Арх.* 1905 V стр. 160 — 161.

немъ*): «Безупречная, высокая нравственная чистота, незлобивость сердца, безпримѣрное и неизмѣнное прямодушіе и простота дѣлали этого замѣчательнаго человѣка образцомъ, достойнымъ всякаго подражанія, но которому подражать было очень трудно. Даже тѣ, которые не раздѣляли его мнѣній и не сочувствовали его убѣжденіямъ, исполнены были глубочайшаго уваженія къ нравственнымъ достоинствамъ этой чистой, избранной, глубокопоэтической и глубоко-религіозной натуры». И точно: не только Хомяковъ называлъ его «чудной и чистой душою», но и Герценъ преклонялся предъ его благородствомъ. Въ 1840 году Грановскій писалъ о немъ: «Странный, но замѣчательно умный и благородный человѣкъ», и еще въ 1855 году, когда они давно разошлись и принадлежали къ враждебнымъ лагерямъ**), Грановскій только за нимъ, да еще за И. С. Аксаковымъ, признавалъ «живую душу и безкорыстное желаніе добра»***). Другой «врагъ», И. С. Тургеневъ, въ тѣ же поздніе годы дружилъ съ Кирѣевскимъ: «На-дняхъ я былъ въ Орлѣ, — пишетъ онъ, — и оттуда ѣздилъ къ П. В. Кирѣевскому и провелъ у него часа три. Это человѣкъ хрустальной чистоты и прозрачности — его нельзя не полюбить»****). Но еще больше выигрывалъ онъ — что рѣдко бываетъ — при близкомъ знакомствѣ: людямъ, имѣвшимъ съ нимъ въ теченіе долгаго времени ежедневное общеніе, онъ внушалъ чувство близкое къ благоговѣнію, какъ это видно по воспоминаніямъ о немъ А. Марковича и П. И. Якушкина*****).

По внѣшности П. В. Кирѣевскій былъ «простой степной помѣщикъ — съ усами, въ венгеркѣ, съ трубкой въ зубахъ и съ неотступно слѣдовавшимъ за нимъ всюду водолазомъ Киперомъ, котораго крестьяне называли «ктиторомъ» (Кирѣевскій любилъ

---

*) *С.-Петерб. Вѣд.* 1856, № 242.

**) Они разошлись въ 1844 году изъ за извѣстнаго стихотворенія Языкова «Къ не-нашимъ»; дѣло тогда едва не дошло до дуэли между П. В. и Грановскимъ. См. Герценъ, *Соч.*, женев. изд., т. I, стр. 263 (подъ 10 января 1845 г.).

***) «Т. Н. Грановскій и его переписка», М. 1897, т. II, стр. 402 и 457.

****) Письмо отъ 6 марта 1853 г. «Изъ переписки И. С. Тургенева съ семьею Аксаковыхъ», *В. Евр.* 1894, февраль, стр. 469.

*****) А. Марковичъ, «Воспоминаніе о П. В. К.» *Рус. Бес.* 1857, кн. II, стр. 17 — 23. — *Сочин.* П. Якушкина, Спб. 1884, стр. 462 и дальше.

охоту)*); а по своему общественному облику онъ былъ — «дворянинъ, не служащій, вѣчно водящійся съ простымъ народомъ, пренебрегающій всѣми условіями высшаго тона, одѣтый въ святославку, въ кружокъ остриженный, — вмѣстѣ съ этимъ аскетъ (*ветхопещерникъ*, какъ называлъ его поэтъ Языковъ), человѣкъ глубоко образованный, прямой, честный, страстно любящій свой народъ и мучительно ожидающій избавленія Израилю»**).

VII.

Если личность Кирѣевскаго еще можетъ быть съ нѣкоторой отчетливостью обрисована на основаніи сторонних разсказовъ о немъ и его собственныхъ многочисленныхъ писемъ, то и тѣ, и другія почти ничего не даютъ для характеристики его идей; самъ же онъ во всю свою жизнь написалъ для печати (если не считать переводовъ и т. п.) меньше страницъ, нежели наберется въ этой моей статьѣ о немъ. Поэтому возстановить его міровоззрѣніе вполнѣ — нѣтъ никакой возможности.

Но вотъ два факта, которые могутъ считаться достаточно засвидѣтельствованными: современники единогласно сообщаютъ, что Петръ Кирѣевскій исповѣдывалъ идеи позднѣйшаго славянофильства еще въ началѣ 1830-хъ годовъ, т.-е. едва выйдя изъ юношескаго возраста и раньше всѣхъ славянофиловъ, и, далѣе, что ни въ одномъ изъ его единомышленниковъ это ученіе не достигло такой абсолютной цѣлостности, какъ въ немъ. Кавелинъ называетъ его первымъ по времени представителемъ славянофильства, и говоритъ, что въ ту раннюю пору ему сочувствовали только Хомяковъ и Языковъ, братъ же Иванъ сначала не раздѣлялъ его мнѣній***). Въ эпоху «Европейца» (1832) ихъ раздѣляла цѣлая пропасть; мы сами еще можемъ убѣдиться въ этомъ, сравнивая статью Ивана Васильевича «Девятнадцатый вѣкъ», напечатанную въ «Европейцѣ», съ тогдашними и даже болѣе ранними (мюнхенскими) письмами Петра. Н. А. Елагинъ, ихъ младшій братъ, пишетъ: «Онъ (П. В.) долго оставался одинокъ съ своими убѣжденіями, они казались чудачествомъ, не-

*) Лясковскій, стр. 58.

**) Э. А. Дмитріевъ-Мамоновъ, въ статьѣ «Славянофилы», *Р. Арх.* 1873, т. II, стр. 2492 — 3.

***) *Собр. соч.* К. Д. Кавелина, т. III, стр. 1120.

послѣдовательностью въ человѣкѣ, который искренно былъ преданъ свободѣ и просвѣщенію, и Ивану Кирѣевскому трудно было согласить свои Европейскія мнѣнія съ упорнымъ Славянствомъ брата. Ихъ разномысліе въ такомъ жизненномъ вопросѣ выражалось почти что въ ежедневныхъ, горячихъ спорахъ, состояніе это не могло не быть крайне тяжелымъ для того и другого; чтобы уцѣлѣла вполнѣ ихъ единодушная дружба, необходимо было, чтобы одинъ изъ нихъ пересоздалъ свой образъ мыслей о Русскомъ народѣ. Кажется, можно съ увѣренностью сказать, что при непрерывномъ, страстномъ обмѣнѣ мыслей и свѣдѣній, взглядъ старшаго брата постепенно измѣнялся, по мѣрѣ того, какъ несокрушимо-цѣльное убѣжденіе младшаго укрѣплялось и опредѣлялось изученіемъ современной народности и древней, вѣчевой Руси»*). Но и впослѣдствіи, когда между братьями установилось полное согласіе въ основныхъ чертахъ міровоззрѣнія, мысль Ивана Васильевича никогда не достигала той полноты, той безстрашной послѣдовательности до самаго конца, какъ мысль Петра. Въ декабрѣ 1844 года Герценъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Мнѣ прежде казался Иванъ Васильевичъ несравненно оконченнѣе Петра Васильевича — это не такъ. Петръ Васильевичъ головою выше всѣхъ славянофиловъ, онъ принялъ одинъ во всю ширину нелѣпую мысль, но именно за его консеквенціею исчезаетъ нелѣпость, и остается трагическая грандіозность»**).

Оба эти факта: и раннюю оформленность, и незыблемую крѣпость убѣжденій Петра Кирѣевскаго мы должны были бы увѣренно предположить и безъ свидѣтельства очевидцевъ, потому что таковы неизмѣнные признаки всякаго *органическаго* убѣжденія. Я говорилъ уже, что мысль, наполнившая жизнь Кирѣевскаго, была вовсе не мыслью, но прирожденной ему вѣрою и увѣренностью, которая корнями уходила далеко въ глубь русской исторіи и русской національной психики, и которая въ немъ самомъ была двояко-цѣлостна, какъ субъективная настроенность личнаго духа, и какъ объективное убѣжденіе. То же самое должно сказать обо всемъ славянофильствѣ; оно вовсе не было, какъ пытались доказать, отвлеченной теоріей, выведенной умозрительно и частью заимствованной у нѣмецкихъ мыслителей: въ немъ обрѣла себѣ голосъ народная

---

*) «Матеріалы для біогр. И. В. К.», въ *Собр. соч.* И. К., 2-е изд., стр. 62.

**) *Соч.* А. И. Герцена, женевск. изд., т. I, стр. 255.

стихія, а философская аргументація, Шеллингизмъ, историческія изысканія и даже самое православіе явились только логическими подпорками для интуитивнаго знанія, въ видахъ его оправданія и доказательства ad extra. Они всѣ — и Иванъ Кирѣевскій, и Хомяковъ, и Кошелевъ, и Самаринъ — были въ своемъ мышленіи каналами, чрезъ которые въ русское общественное сознаніе хлынуло вѣками накоплявшееся, какъ подземныя воды, міросознаніе русскаго народа. Между ними Петръ Кирѣевскій былъ тотъ, чрезъ котораго лилась самая чистая и, можетъ быть, самая мощная струя.

Я попытаюсь изложить мысли Кирѣевскаго въ связной формѣ, насколько это допускается отрывочностью нашихъ свѣдѣній, и затѣмъ приведу тѣ матеріалы, которые дадутъ возможность всякому частью провѣрить, частью пополнить догадками мое изложеніе. Повидимому, ядромъ его міровоззрѣнія была слѣдующая мысль: правда-истина ни однимъ человѣкомъ не можетъ быть добыта единолично; она есть продуктъ коллективной жизни народа въ его пространственной и временной цѣлости, другими словами, она неотъемлемо присуща общенародной традиціи, и въ иномъ видѣ не существуетъ. Еще иначе это положеніе, съ точки зрѣнія Кирѣевскаго, можетъ быть выражено такъ: живая истина неотъемлемо присуща соборной апостольской церкви въ ея преемственномъ бытіи. Отсюда вытекаютъ для него послѣдствія огромной практической важности: во-первыхъ, неприкосновенность традитивнаго развитія націи; во-вторыхъ, безусловная независимость церкви, какъ хранительницы преданія въ его чистѣйшей формѣ; въ-третьихъ, внутренняя немощность всякаго бытія, отщепленнаго отъ общенародной жизни и, въ частности, отъ церкви. Отсюда слѣдуетъ, что Петръ, пресѣкшій преемственное развитіе русскаго народа, подчинившій церковь свѣтской державѣ и положившій начало отпаденію образованныхъ классовъ отъ народнаго ствола, причинилъ величайшій вредъ Россіи. Петра Кирѣевскій ненавидѣлъ до такой степени, что, говорятъ, не на шутку огорчался тѣмъ, что самъ носилъ его имя *). Отсюда слѣдовало, наконецъ, что отъ Петра Россія поражена тяжелымъ недугомъ, тогда какъ до него она жила здоровой народной жизнью. Россія неудержимо идетъ къ свой гибели, но исцѣлить ее не могутъ никакія частичныя улучшенія: только тогда, когда не будетъ въ ней никакой иной власти, кромѣ власти единой собор-

*) Буслаевъ, *Мои воспоминанія*, М. 1897, стр. 294.

ной церкви, когда въ этой церкви сольется весь народъ — образованные и необразованные, и когда эта всенародная церковь возстановитъ въ полнотѣ утраченное церковно-народное преданіе, чтобы въ немъ продолжать развитіе, прерванное Петромъ, — только тогда исцѣлится Россія. Итакъ, идеалъ Кирѣевскаго — теократическая республика. Герценъ былъ правъ, когда говорилъ о трагической грандіозности его міровоззрѣнія. Нижеслѣдующія строки покажутъ, какъ глубоко онъ ненавидѣлъ всякій абсолютизмъ, и въ особенности *нѣмецко-русскій*.

Среди неизданныхъ бумагъ П. В. Кирѣевскаго сохранилось два листка, — одинъ исписанный имъ самимъ, другой — рукою Кошелева. Вотъ текстъ перваго, собственноручнаго листка, — его мысли, или афоризмы.

«Равенство всѣхъ вѣръ значитъ не что иное, какъ угнетеніе всѣхъ вѣръ въ пользу одной, языческой: *вѣры въ государство*.

«У насъ есть безчисленное множество свидѣтельствъ, какъ мало человѣкъ можетъ довѣрять собственнымъ силамъ. Доказательствомъ могутъ служить даже старцы, нераздѣльно посвящавшіе всѣ свои силы на борьбу съ своими собственными страстями и не смѣвшіе однако же вести эту борьбу одиноко, безъ опоры испытанныхъ руководителей и товарищей. Много объ этомъ сказано премудрыхъ словъ и св. отцами, и даже въ самомъ Писаніи. Исторія и современность подтверждаютъ то же. — И несмотря на то еще есть люди, которые думаютъ, что верхъ государственной премудрости — предоставить судьбу народа, и даже церкви, безпрепятственному произволу страстей и прихотей одного человѣка.

«Паписты вѣрятъ въ непогрѣшаемость папы; протестанты — въ непогрѣшаемость обще-человѣческаго разума; православные — въ непогрѣшаемость *соборной апостольской* церкви.

«Говорятъ, что не можетъ быть народъ безъ единаго, самовластнаго правителя, какъ стадо не можетъ быть безъ пастуха. — Но пастухъ надъ стадомъ — *человѣкъ;* онъ по самому естеству выше стада, а потому и законный его правитель. Безумно было бы надѣяться на цѣлость стада, еслибы стадомъ быковъ правилъ быкъ, или стадомъ барановъ — баранъ. (Итакъ) Не ясно ли, что это уподобленіе ложное? и кто же, кромѣ Бога, во столько выше человѣка по самому естеству своему, во сколько человѣкъ выше стада животныхъ? Чтобы человѣку стать на это мѣсто, нужно — либо ему возвыситься до Бога, либо народу унизиться на степень животныхъ.

«Говорятъ, что *образованный* долженъ править надъ *необраго-*

ванными. Но кто же поставленъ судьею и цѣнителемъ *образованности?* И по какому *образу* эта *образованность?*

«Говорятъ, что господство одного племени надъ другимъ основано на перевѣсѣ физическихъ и умственныхъ силъ, и особенно умственныхъ. Такъ порода Инковъ была физически и умственно выше перуанцевъ, и потому надъ ними господствовала; такъ англичане господствуютъ въ Индіи и Китаѣ. — Въ этомъ мнѣніи есть правда. Но только эта духовная сила основана не на *образованности*. Это слово, такъ же какъ и слово *просвѣщеніе*, понято очень ложно. Доказательство — духовный перевѣсъ варваровъ надъ *образованнымъ* и *просвѣщеннымъ* Римомъ. Когда это господство естественно — оно и безропотно. Но господство бываетъ и не всегда законное, а иногда основано на ухищреніи *темной силы*. Только одной послѣднею можетъ быть объясненъ перевѣсъ европейскихъ нѣмцевъ надъ русскими славянами».

Другой листокъ, писанный рукою А. И. Кошелева, озаглавленъ: *Мысли П. В. Кирѣевскаго*.

«Языкъ родной процвѣтать не можетъ безъ полноты національной жизни. Что же такое національная жизнь? Она, какъ и все живое, неуловима ни въ какія формулы. Преданіе нужно. Выдуманная національность, національные костюмы, обычаи, остановленные въ извѣстную минуту, перемѣняютъ свой смыслъ и становятся китайствомъ.

«Полнота національной жизни можетъ быть только тамъ, гдѣ уважено преданіе и гдѣ просторъ преданію, слѣдовательно и просторъ жизни. У насъ она парализована нашимъ пристрастіемъ къ иностранному. Большая часть изъ насъ въ дѣтствѣ воспитывается иностранцами, въ обществѣ говорятъ не иначе какъ по французски, и когда читаютъ, то читаютъ исключительно книги иностранныя. А потому удивительно ли, если все родное больше или меньше намъ становится чуждо? Кто не слыхалъ русской пѣсни еще надъ своей колыбелью, и кого ея звуки не провожали во всѣхъ переходахъ жизни, у того, разумѣется, сердце не встрепенется при ея звукахъ. Она не похожа на тѣ звуки, на которыхъ душа его выросла. Либо она будетъ ему непріятна, какъ отголосокъ грубой черни, съ которой онъ ничего въ себѣ не чувствуетъ общаго; либо, если въ немъ уже есть особенный музыкальный талантъ, она ему будетъ любопытна, какъ нѣчто самобытное и странное: какъ пустынная пѣснь Араба, какъ грустная, можетъ быть, послѣдняя пѣсня горнаго Кельта въ роскошной гостиной Англіи. Она ему ничего не напомнитъ.

Подражаніе уже средоточитъ безжизненность. Что живо, то самобытно. Чѣмъ полнѣе существо человѣка, тѣмъ и лицо его выразительнѣе, непохожѣе на другихъ. То, что называется общечеловѣческою физіономіею, значитъ ничто иное, какъ *на одно лицо* со всѣми, т.-е. физіономія пошлая».

VIII.

Было бы грубымъ заблужденіемъ думать, что *идеалъ* Кирѣевскаго лежалъ назади; нѣтъ, тамъ, за Петровской реформой, былъ для него только *образецъ* — образецъ здоровой народной жизни. Онъ сравнивалъ современнаго ему русскаго человѣка съ людьми тѣхъ счастливыхъ временъ, и ужасался его измельчанію, его пошлости и духовной нищетѣ. Заѣхавъ по дѣламъ въ Тулу, онъ рѣшаетъ переночевать здѣсь, чтобы на другой день (это было воскресенье) сходить къ обѣднѣ въ соборъ — «посмотрѣть тульскихъ людей»; онъ всюду «смотрѣлъ» русскаго человѣка — въ лѣтописяхъ, и въ пѣсняхъ, и за обѣдней въ соборѣ. Но тульскіе люди показались ему мелкими людьми, не въ примѣръ предкамъ. «Соборъ Тульскій,— пишетъ онъ, — довольно почтенъ, но люди меня не утѣшили. Кажется, у насъ ужъ вездѣ почтенный стиль нашихъ церквей и величественныя лица древнихъ иконъ, и звуки колоколовъ, и вся эта строгая совокупность церковныхъ впечатлѣній начинаютъ приходить въ рѣзкое разногласіе съ обмелѣвшими физіономіями прихожанъ, въ которыхъ мода потрясла серьезный строй души и заставила искать впечатлѣній полегче и повеселѣе»*).— Тамъ, на здоровой народной почвѣ, и отдѣльная личность раскрывалась свободно во всей полнотѣ своихъ силъ; только общее оздоровленіе народной жизни можетъ снова выпрямить захирѣвшую личность русскаго человѣка. Въ первые дни Крымской войны онъ писалъ: «Надо признаться, что мы всѣ до того отвыкли радоваться, что даже страшно. Въ этомъ, конечно, есть наша вина, потому что, какъ бы ни было велико торжество зла и горя, а все же не одно оно въ Божіемъ мірѣ. Между тѣмъ отвычка отъ радости можетъ сдѣлать душу человѣческую и не способною къ радости, какъ всякая сила можетъ заглохнуть отъ бездѣйствія. Эта мысль меня особенно поразила въ Свѣт-

*) Письмо отъ 25 декабря 1841 г., *Рус. Арх.* 1905, V, 159.

лое Воскресенье, когда пѣли: Се день, его же сотвори Господь, а церковь все-таки полна была будничными физіономіями. *Дай-то Богъ, чтобы магическій звукъ Софійскаго колокола снялъ эту кору съ нашего сердца»**). — Все та же давнишняя его мысль: холоденъ нѣмецъ, — русскому присуща горячность чувства; если онъ сталъ равнодушенъ, то это значитъ, что онъ боленъ; вылечится же онъ тогда, когда звукъ Софійскаго колокола торжествующе разнесется по всей Руси.

Итакъ, повторяю, въ до-петровской старинѣ Кирѣевскій обожалъ не ея конкретное содержаніе, не формы быта, а только ея общія положительныя черты: во-первыхъ, природный душевный строй русскаго человѣка, во-вторыхъ, нормальность развитія, которыя, по его мысли, и взаимно обусловливали, и взаимно питали другъ друга. Единственный разъ, когда онъ самостоятельно выступилъ въ печати, это было съ цѣлью защитить отъ хулителей духовный обликъ древне-русскаго предка, даже не христіанской, а еще языческой, славянской эпохи. Эта статья — единственный подлинный фрагментъ его исторической философіи.

Въ первой книжкѣ «Москвитянина» за 1845 годъ Погодинъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: «Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ, относительно начала». Онъ развивалъ здѣсь модную тогда на Западѣ (Тьерри, Гизо) теорію, которая выводила всѣ формы государственной и общественной жизни западныхъ народовъ изъ начальнаго факта — завоеванія; и далѣе онъ разсуждалъ такъ: Россія не знала завоеванія (призваніе князей было добровольнымъ подчиненіемъ народа); отсюда a priori можно заключить, что наша исторія должна была пойти инымъ путемъ и выработать иныя формы жизни, нежели западныя. Дѣйствительно, разбирая далѣе въ бѣгломъ очеркѣ эти формы у насъ и на Западѣ, какъ-то: власть государя и его отношеніе къ различнымъ классамъ общества, положеніе служилаго класса (феодаловъ, бояръ) и его отношеніе къ государю и народу, и т. п., онъ показываетъ, что въ противоположность западнымъ формамъ, вытекшимъ изъ начала *завоеванія*, т.-е. вражды, наши были обусловлены началомъ *любви*. Въ заключеніе Погодинъ старается исторически осмыслить этотъ фактъ, т.-е. еще болѣе бѣгло объясняетъ, какъ различныя естественныя условія, въ которыхъ приходилось

---

*) Письмо отъ 6 іюня 1853 г., тамъ-же, 171.

жить русскому народу (территорія, климатъ, составъ народонаселенія и пр.), съ одной стороны исключали возможность завоеванія и вражды, съ другой способствовали соціальной солидарности.

Какъ сильно взволновала Кирѣевскаго эта статья, можно видѣть уже изъ того, что въ сравнительно короткое время съ января по мартъ онъ написалъ на нее обширное возраженіе — въ 36 печатныхъ страницъ, ровно вдвое больше самой статьи Погодина. Его отвѣтъ, помѣщенный въ третьей книжкѣ «Москвитянина», озаглавленъ: «О древней русской исторіи (Письмо къ М. П. Погодину)»; какъ уже сказано, статья осталась неконченной.

Взволновала Кирѣевскаго не самая идея Погодина о противоположности западнаго историческаго начала, завоеванія, русскому, отсутствію завоеванія; напротивъ, ее онъ принимаетъ цѣликомъ. Его возмутилъ способъ, которымъ Погодинъ обосновывалъ эту идею, именно, *психологическая* картина древне-русскаго быта, нарисованная имъ. Въ подкрѣпленіе своей теоріи Погодинъ указывалъ на то, что славяне искони были народомъ тихимъ и терпѣливымъ, а древне-русскій человѣкъ еще въ большей степени отличался безусловной покорностью и равнодушіемъ, — что самый климатъ русской равнины, суровый и холодный, заставлялъ обитателей ютиться у домашняго очага, не заботясь о дѣлахъ общественныхъ; поэтому они и приняли чуждыхъ господъ (варяжскихъ князей) безъ всякаго сопротивленія, спокойно подчинились первому пришедшему, и поэтому же безпрекословно, по одному приказанію чуждыхъ господъ, отреклись отъ вѣры отцовъ и приняли христіанство.

Такой хулы на предковъ Кирѣевскій не могъ снести. Здѣсь былъ для него вопросъ жизни и смерти. Вся его любовь, всѣ его надежды зиждились на *его* представленіи о душевномъ строѣ русскаго человѣка. Онъ вѣрилъ и видѣлъ въ исторіи, что русскій человѣкъ именно и великъ между всѣми народами своей нравственной горячностью; безъ этой вѣры могъ ли онъ ждать обновленія родины? А тутъ ему говорятъ, что апатія, равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и пассивная покорность суть отличительныя свойства русскаго народа. Такого обвиненія нельзя было оставить безъ отвѣта.

Погодинъ потомъ очень мѣтко отразилъ нападки Кирѣевскаго. Вы, писалъ онъ, отнимаете у нашего народа *терпѣніе* и *смиреніе*, двѣ высочайшія христіанскія добродѣтели; намъ, православнымъ, не пристало отказываться отъ нихъ и искать другихъ, какими справедливо гордится Западъ. А по существу дѣла — вы ищете въ исто-

ріи подкрѣпленій для вашей гипотезы, вы навязываете исторіи вашу систему *).

Погодинъ былъ совершенно правъ, но Кирѣевскому, защищавшему свою святыню, было не до послѣдовательности и научности. Помимо всякихъ разсужденій и историческихъ доказательствъ, онъ твердо зналъ, знаніемъ вѣры, что русскій народъ горячъ и благороденъ; другимъ онъ не могъ бы его любить, — а онъ любилъ его со всей силой своего непочатаго чувства. Онъ самъ наивно высказываетъ это. Если бы ваше изображеніе русскаго народа было вѣрно, говоритъ онъ Погодину, — это былъ бы народъ, лишенный всякой духовной силы, всякаго человѣческаго достоинства; изъ его среды никогда не могло бы выйти ничего великаго. Если бы онъ былъ таковъ въ первые два вѣка своихъ лѣтописныхъ воспоминаній, то всю его послѣдующую исторію мы бы должны были признать за выдумку, потому что откуда бы взялись у него тогда энергія и благородство? Или онѣ были привиты ему варяжскими князьями?— Очевидно, что Кирѣевскій *исходитъ* отъ нѣкотораго предвзятаго представленія о русской исторіи, какъ исполненной благородства и силы; въ историческихъ фактахъ онъ ищетъ только подтвержденій своей мысли, — а исторіей, при желаніи, можно доказать что угодно. И онъ доказываетъ неудержимо, пригибая исторію, прыгая чрезъ пропасти. Развѣ во время татарскихъ нашествій хоть одинъ русскій городокъ былъ взятъ безъ отчаяннаго отпора? развѣ не продолжалась отчаянная борьба во все время татарскаго владычества? развѣ съ покорностью и равнодушіемъ встрѣтили мы чуждыхъ господъ въ 1612 и въ 1812 годахъ? А что касается готовности нашего народа отречься отъ вѣры по приказанію чуждыхъ господъ, то развѣ мало были залиты кровью этихъ чуждыхъ господъ всѣ тѣ стороны Россіи, гдѣ въ самомъ дѣлѣ чуждые господа думали разрушить православіе, а на его мѣсто ввести унію и латинство? — На послѣдній доводъ Погодинъ остроумно отвѣчалъ: вы забываете, что это было *уже съ христіанской вѣрою*, исповѣданной уже въ теченіе пятисотъ лѣтъ. И опять, Погодинъ былъ правъ, но по-своему правъ былъ и Кирѣевскій. Онъ разсуждалъ не какъ историкъ, а

*) «Отвѣтъ П. В. Кирѣевскому», въ той же книжкѣ «Москвитянина», стр. 47 — 58. Вообще отвѣтъ Погодина написанъ съ необычной для него живостью и остроуміемъ.— Эта полемика вызвала нѣкоторый шумъ въ кружкѣ. Погодинъ горько обидѣлся, И. В. Кирѣевскій велъ съ нимъ переговоры, и пр.; объ этомъ Барсуковъ, *Погодинъ*, т. VIII, стр. 126—129.

какъ психологъ; онъ понималъ, что національный характеръ не мѣняется, и ему во что бы то ни стало нужно было доказать наличность энергіи и благородства уже въ языческій періодъ, чтобы установить полное тождество національной психики, *какъ онъ ее понималъ*, на всемъ протяженіи русской исторіи. Онъ много и настойчиво говоритъ объ этомъ: между первыми двумя вѣками нашей исторіи и послѣдующими нѣтъ существеннаго различія; лѣтописи изображаютъ намъ въ первые два вѣка точно тотъ же характеръ народа и точно то же коренное устройство государственныхъ отношеній, которое мы видимъ и впослѣдствіи; пагубная мысль о противоположности первыхъ двухъ вѣковъ позднѣйшимъ внесена въ нашу исторію Шлецеромъ и другими нѣмецкими изслѣдователями, которые изучали эти два вѣка по скуднымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ совершенно отдѣльно, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, и т. д.

Въ своей статьѣ онъ ставитъ себѣ цѣлью разсмотрѣть, какія перемѣны въ государственномъ устройствѣ русскихъ славянъ произошли отъ призванія варяжскаго княжескаго рода. Онъ ставитъ этотъ вопросъ на сравнительно-историческую почву общеславянской психологіи. Широко пользуясь аналогіями съ древнѣйшей исторіей чеховъ, поляковъ, сербовъ, хорватовъ и пр., онъ рисуетъ яркую картину первобытнаго государственнаго устройства Руси и показываетъ, что на Руси и до Рюрика были князья, существовало единство племенъ и пр.; эта картина ему нужна для того, чтобы доказать ошибочность мнѣнія, будто русское государство было основано варяжскими князьями и будто эти князья, внеся свои понятія въ новооснованное государство, поставили народъ къ себѣ въ подчиненное положеніе. И весь этотъ рядъ доказательствъ имѣетъ въ его глазахъ одинъ смыслъ: защитить древне-русскаго человѣка отъ обвиненія въ равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ и къ своему собственному человѣческому достоинству.

Статья П. В. Кирѣевскаго была для своего времени выдающимся явленіемъ и не прошла безслѣдно. Въ ней впервые изученіе древнѣйшей Руси было поставлено на общеславянскую почву и впервые намѣчена теорія патріархальнаго быта; и то, и другое получило потомъ дальнѣйшее развитіе въ трудахъ К. Аксакова и вошло въ составъ славянофильской доктрины. Самъ Кирѣевскій этой статьей очевидно совершилъ только первый приступъ къ философскому анализу русской исторіи; онъ долженъ былъ въ дальнѣйшемъ провести ту же психологическую нить чрезъ всѣ ея періоды. Тѣмъ

интереснѣе для насъ эта статья. Она показываетъ, что въ исторіи онъ искалъ оправданія своей вѣры и своихъ надеждъ — или, можетъ быть, иначе: что исторіей онъ безсознательно стремился проповѣдовать свою вѣру и внѣдрять свою надежду въ измельчавшихъ русскихъ людей. А можетъ быть, и то, и другое.

Отъ этихъ измельчавшихъ людей Кирѣевскій бѣжалъ въ допетровскую старину, въ лѣтопись, въ пѣсню, — и въ далекую деревенскую глушь, гдѣ русскій крестьянинъ — «вѣрная отрасль своихъ предковъ» — до сихъ поръ «не отступилъ отъ нихъ даже и въ мелкихъ подробностяхъ своего домашняго быта». Этого крестьянина онъ такъ же крѣпко любилъ, какъ ненавидѣлъ городъ, какъ презиралъ городского человѣка, созданіе Петра. Онъ пишетъ однажды брату Ивану, зажившемуся весною въ Москвѣ: «Ахъ, если бы тебѣ можно было поскорѣе въ Долбино, чтобы освѣжиться и отдохнуть отъ всей этой мелочной дряни, къ которой ты никакъ не умѣешь оравнодушиться»*). А въ его предисловіи къ духовнымъ стихамъ есть такія строки: «Вездѣ, гдѣ коснулось деревенскаго быта вліяніе городской моды, соразмѣрно съ этимъ вліяніемъ уродуется и характеръ пѣсни: вмѣсто прежней красоты и глубины чувства — встрѣчаете безобразіе нравственной порчи, выраженное въ безсмысленномъ смѣшеніи словъ, частью перепутанныхъ изъ старой пѣсни, частью вновь нестройно придуманныхъ; вмѣсто прежней благородной прямоты — ужимистый характеръ сословія лакейскаго» **).

IX.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ вопросъ — объ отношеніи Кирѣевскаго къ крѣпостному праву. Если онъ любилъ русскаго мужика, какъ онъ могъ самъ владѣть мужиками? и какъ онъ смотрѣлъ на крѣпостное состояніе крестьянства?

Онъ и здѣсь оставался цѣльнымъ, какъ во всемъ, и не измѣнялъ ни своему общественному идеалу, ни своей любви къ крестьянству. Онъ пламенно желалъ и ждалъ освобожденія крестьянъ, но ставилъ это освобожденіе въ неразрывную связь съ общимъ обновленіемъ русской жизни.

---

*) Лясковскій, 52.

**) «Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн.» 1848 № 9, стр. III предисловія.

Свои мысли о крестьянскомъ дѣлѣ онъ изложилъ, какъ обычно, по случаю, — въ обширномъ письмѣ къ А. И. Кошелеву, 1846 или 1847 года, въ отвѣтъ на соображенія Кошелева о пользѣ частныхъ сдѣлокъ помѣщиковъ съ крестьянами, какъ подготовительной ступени къ государственному освобожденію крестьянъ. Ничто не можетъ дать болѣе яснаго представленія о личности Кирѣевскаго, нежели это письмо. Онъ весь тутъ — со своей простотой и честностью, со своей болью за родину и за мужика, своей ненавистью къ бюрократіи и упорной мечтою о правдѣ и свободѣ для Россіи. Не обинуясь скажу, что это письмо заслуживаетъ мѣста въ исторіи русской общественной мысли. Я сожалѣю, что не могу привести его цѣликомъ: оно очень велико — въ печати оно занимаетъ 7 большихъ убористыхъ страницъ*).

Кирѣевскій начинаетъ съ выраженія своей общей мысли о крѣпостномъ правѣ, «этой глубокой и страшной язвѣ нашего государственнаго и общественнаго быта». Безуміе думать, что правда можетъ быть плодомъ такихъ отношеній, которыя обращаютъ человѣка въ игрушку человѣческихъ страстей и прихотей; такія отношенія глубоко безнравственны, потому что, убивая въ человѣкѣ надежду на правду, они, въ концѣ концовъ, искореняютъ въ немъ и самую любовь къ правдѣ. Никто не можетъ поручиться за себя, что сумѣетъ силою своей воли или своего просвѣщенія удержать свои страсти и прихоти въ должныхъ границахъ, разъ нѣтъ внѣшней и для него самого неодолимой преграды. Итакъ, въ безнравственности крѣпостного права не можетъ быть сомнѣнія. Вопросъ только въ томъ, какія средства должны быть употреблены, чтобы полную зависимость крестьянъ отъ чужихъ страстей и прихотей замѣнить правдою закона.

Если бы дѣло стало только за великодушіемъ отдѣльныхъ лицъ, вопросъ рѣшался бы просто. Несмотря на всю нашу несомнѣнную испорченность, еще нашлось бы не мало русскихъ дворянъ, которые согласились бы пожертвовать своими правами и выгодами, чтобы перевести своихъ крестьянъ подъ власть закона. Но, спрашивается, что дало бы обѣимъ сторонамъ такое частичное освобожденіе? Улучшитъ ли оно положеніе крестьянъ отдѣльнаго помѣщика, и будетъ ли помѣщикъ избавленъ отъ безнравственнаго положенія въ обществѣ? — Къ несчастію, дѣло гораздо сложнѣе.

---

*) Оно напечатано въ *Рус. Арх.* 1873 II, столб. 1345—59.

Выйдя изъ-подъ власти помѣщика, крестьянинъ поступитъ не подъ защиту закона, а подъ такой же произволъ такихъ же безнравственныхъ чиновниковъ, которые, къ тому же, мѣняясь безпрестанно, не будутъ имѣть надобности щадить мужика, какъ источникъ своихъ дальнѣйшихъ доходовъ, и не будутъ опасаться ожесточенія деревни. Слѣдовательно, для крестьянъ это будетъ значить то же, что вмѣсто одной пьявки нажить десять одну за другою, а для помѣщика — то же, какъ если бы онъ продалъ свое имѣніе; онъ *себя* избавилъ бы отъ хлопотъ, но нисколько не выгородилъ бы себя изъ общей порчи и отвѣтственности неправеднаго общества. Всякаго уваженія достойны тѣ, которые заботятся о водвореніи законности въ отношеніяхъ отдѣльныхъ помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ, равно какъ и тѣ, которые идутъ въ государственную службу, чтобы по крайней мѣрѣ въ своемъ узкомъ кругѣ истребить злоупотребленія чиновничества. Но существенной пользы для Россіи нельзя ждать ни отъ тѣхъ, ни отъ другихъ, потому что всѣ усилія отдѣльныхъ людей неизбѣжно сокрушаются давленіемъ общей массы, уже разъ принявшей ложное направленіе. А исправить общее направленіе русской жизни не по силамъ частнаго человѣка: это можетъ быть совершено только правительствомъ. Крѣпостное состояніе не такого рода зло, которое могло бы быть исправлено отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ злоупотребленій, полицейскихъ и общественныхъ, и именно потому оно не можетъ прекратиться мало-по-малу, а должно быть исправлено не иначе, какъ съ утвержденіемъ и всѣхъ прочихъ отношеній, сообразныхъ съ этой перемѣною, слѣдовательно не иначе, какъ одною общею правительственною мѣрою. Если бы даже правительство провело только одну эту мѣру (уничтоженіе крѣпостного права), безъ одновременнаго преобразованія прочихъ частей государственнаго строя, — она неминуемо *уже сама* привела бы его къ дальнѣйшей реформѣ, то-есть къ преобразованію суда и чиновничества; въ этомъ случаѣ власть поступила бы такъ, какъ Юлій Цезарь, когда въ рѣшительную минуту битвы онъ бросилъ знамя своего легіона въ непріятельскіе ряды и тѣмъ рѣшилъ побѣду. Положеніе Россіи сейчасъ не менѣе критическое, чѣмъ было тогда положеніе Цезаря. Взаимная порча крестьянъ и помѣщиковъ развивается съ такой ужасной быстротой, что требуетъ немедленной помощи. Крестьянскій вопросъ — только часть общаго вопроса о водвореніи законности въ Россіи. «Не только я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, — говоритъ Кирѣевскій, — которые думаютъ, будто бы нашъ народъ еще не созрѣлъ для законности, но думаю напротивъ, что

онъ стоитъ на той ступени, что еще не утратилъ къ ней способности, которую съ каждымъ годомъ утрачиваетъ больше и больше». Надо прибавить, что, по мнѣнію Кирѣевскаго, крестьянамъ при освобожденіи должна быть отдана *половина земли*, и, повидимому, онъ думалъ — *безъ выкупа*.

Если бы отъ Кирѣевскаго и о немъ до насъ не дошло ничего больше, кромѣ этого письма, и тогда мы должны были бы признать въ немъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ образовъ русской исторіи.

Самъ онъ, вѣрный себѣ во всемъ, при такихъ взглядахъ, разумѣется, не могъ освободить своихъ крестьянъ. Онъ не дождался государственнаго акта объ эмансипаціи, котораго такъ нетерпѣливо ждалъ, но, по крайней мѣрѣ, еще видѣлъ зарю освобожденія. За полгода до смерти, въ началѣ 1856 года, онъ писалъ матери: «Дай-то Богъ, чтобы оправдались слухи объ эмансипаціи! Во что бы то ни стало, а это потребность самая вопіющая. Мы съ Ив. В. Павловымъ сговариваемся подать на выборахъ голосъ въ эту сторону» *). Каковы были его отношенія къ его крестьянамъ, объ этомъ легко догадаться, зная его убѣжденія и цѣльность его характера. Люди, знавшіе его, разсказываютъ, что въ голодный 1840 годъ онъ роздалъ все, что у него было въ амбарахъ, не только своимъ крестьянамъ, но и приходившимъ изъ другихъ селъ **). Дѣло у него не расходилось съ мыслью и словомъ. Въ томъ письмѣ къ Кошелеву онъ между прочимъ писалъ: «Гдѣ мірская сходка еще существуетъ, какъ обломокъ древнихъ, тысячелѣтнихъ привычекъ народа, тамъ она конечно имѣетъ существенную важность, *и совѣстливый помѣщикъ долженъ почтительно хранить ее*, какъ основу будущей законности». Года три спустя послѣ того, какъ было писано это письмо, Кирѣевскому пришлось какъ-то дать совѣтъ сестрѣ, Маріи Васильевнѣ, по одной сложной жалобѣ нѣкоторыхъ крестьянъ ея деревни. Жили въ этой деревнѣ трое сиротъ, 2 мальчика и дѣвочка, племянники кормилицы маленькаго сына И. В. Кирѣевскаго; Марья Васильевна приказала купить имъ лошадь міромъ; міръ положилъ, чтобы лошадь купилъ бывшій староста, за которымъ числилось 80 рублей долга

---

*) Неизданное письмо отъ 14 февр. 1856 г.

**) Лясковскій, 57. Марковичъ въ *Рус. Бес.* 1857 II 18. П. В. Кирѣевскому принадлежали — въ Орловскомъ уѣздѣ дер. Кирѣевская Слободка въ 106 душъ, и въ Кромскомъ уѣздѣ сельцо Рубча въ 179 душъ, всего 285 душъ.

міру, и бывшій староста отдалъ свою лошадь, положивши ее въ 70 руб. Теперь же, когда оба мальчика нанялись у міра пасти скотъ за 35 руб., то теперешній староста эти деньги съ міра собралъ, изъ нихъ 21 рубль, какъ и слѣдовало, вычелъ съ сиротъ на подушное, а остальные 14 рублей незаконно отдалъ прежнему старостѣ за лошадь, потому что онъ ему родня. Поэтому родные кормилицы, у которыхъ и жили сироты, просили помѣщицу приказать отдать эти 14 р. сиротамъ на рукавицы, обувь и пр., какъ ими заработанныя. Далѣе, просили они, чтобы помѣщица приказала заплатить сиротамъ тѣ деньги, которыя имъ долженъ Иванъ Нефедовъ,— 40 руб. Наконецъ, третье дѣло было такое: свекоръ той же кормилицы имѣетъ свою покупную землю; изъ нея онъ продалъ часть другому мужику, Ларіону Финагѣеву, уже давно, за 500 руб.; но Ларіонъ Финагѣевъ денегъ тѣхъ не отдавалъ, а пользуется землей уже около десяти лѣтъ, всякій годъ обѣщая отдать деньги. Но такъ какъ онъ очень богатъ и къ тому же былъ родня большей части бурмистровъ за эти годы, то его нельзя было принудить къ уплатѣ; поэтому свекоръ кормилицы просилъ теперь Марью Васильевну приказать Финагѣеву или заплатить деньги, или вернуть землю съ уплатою за десятилѣтнее пользованіе ею.

Подобныя дѣла обычно рѣшались распоряженіемъ помѣщика. Въ данномъ случаѣ этого можно было тѣмъ скорѣе ждать, что жалоба исходила отъ людей, близкихъ помѣщику, — отъ родныхъ кормилицы, жившей въ домѣ Ивана Васильевича; самыя эти жалобы сообщилъ сестрѣ именно Ив. Вас., со словъ пріѣхавшаго изъ деревни мужа кормилицы. Ничего не было бы проще, какъ самой Маріи Васильевнѣ, или Петру Васильевичу, управлявшему ея имѣніемъ, рѣшить дѣло самовластно, — и, конечно, въ пользу кормилицыныхъ родныхъ.

Свое письмо къ сестрѣ съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла И. В. послалъ сначала Петру Васильевичу, какъ ея управляющему, съ тѣмъ, чтобы П. В. далъ свое заключеніе. И вотъ П. В., пересылая ей письмо брата, приложилъ свое мнѣніе*). «Жалобы кормилицына мужа, — писалъ онъ, — кажутся мнѣ основательными, если только онъ говорилъ правду; но такъ какъ нельзя безусловно положиться на слова одного мужика, а заочно разобрать дѣло трудно, то въ этомъ случаѣ всего лучше положиться на рѣшеніе *міра*. А потому

*) Неизданное письмо къ М. В. Кирѣевской, отъ 28 февр. 1849 г.

приказать старостѣ, чтобы онъ созвалъ міръ и спросилъ: 1) Правда ли, что Иванъ Нефедовъ долженъ кормилицынымъ сиротамъ 40 р. асс.? — и если міръ подтвердитъ, то приказать, чтобы онъ немедленно заплатилъ. 2) Правда ли, что Ларіонъ Финагѣевъ купилъ землю у кормилицына свекра за 500 р. асс. и денегъ не заплатилъ? — и если міръ подтвердитъ, то приказать Ларіону либо немедленно заплатить, либо немедленно же возвратить землю, заплатя за всѣ годы, въ продолженіе которыхъ онъ пользовался, и заплатить столько, сколько міръ положитъ. 3) Если староста былъ долженъ міру 70 р. асс., то 14 р., отданные старостѣ, ему не слѣдуютъ, а должны быть возвращены сиротамъ. Надобно приказать, чтобы всѣ эти дѣла непремѣнно были разобраны *міромъ* и чтобы мірской приговоръ былъ исполненъ».

X.

Крѣпки были пращуры и дѣды, плотно и увѣсисто сидѣли еще отцы въ своихъ широкихъ креслахъ и колымагахъ; если бы не больничный тифъ 1812 года, Василій Ивановичъ Кирѣевскій навѣрное дожилъ бы до Маѳусаиловыхъ лѣтъ. Петръ Кирѣевскій нажилъ не много: сорока восьми лѣтъ онъ сошелъ въ могилу, и уже задолго раньше болѣлъ. Душевная жизнь, по иному сложная, чувство болѣзненно-чуткое и тревожное, рано изнурили тѣло.

Онъ началъ серьезно хворать уже въ концѣ 40-хъ годовъ, а съ 1853-го у него часто повторялись мучительные припадки какой-то болѣзни, которую врачи опредѣляли то какъ ревматизмъ, то какъ болѣзнь печени. Онъ переносилъ эти припадки одинъ въ своей Слободкѣ, иногда по-долгу дожидаясь врача, безъ всякой мнительности, только досадуя каждый разъ на болѣзнь, какъ на помѣху, и огорчаясь тѣмъ, что она дѣлаетъ его «кислымъ» или «прѣснымъ». Роднымъ онъ писалъ въ это время трогательныя письма, въ которыхъ завѣрялъ, что говоритъ всю правду о своей болѣзни, и умолялъ не безпокоиться. Его письма къ роднымъ вообще удивительно хороши, — столько въ нихъ любви, нѣжности и доброты. Въ одномъ изъ этихъ писемъ къ матери*) есть такія строки (обращенныя къ Екат. Ив. Елагиной, женѣ его единоутробнаго брата Василія): «А это какъ же могло быть, чтобы я на тебя сердился, голубушка Катя?

*) Неизд. письмо отъ 23 дек. 1854 г.

хотя ужъ и давно ты ко мнѣ не писала, но я изъ этого не заключалъ, чтобы ты обо мнѣ забыла, а только ждалъ, что авось-либо дескать захочется и ей написать». Таковъ тонъ его писемъ.

11 іюня 1856 года внезапно умеръ въ Петербургѣ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій. Этой потери Петръ не могъ перенести. 4-го ноября въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появился некрологъ П. В. Кирѣевскаго, написанный Кавелинымъ. «25-го октября, въ пять часовъ утра, скончался въ своей орловской деревнѣ П. В. Кирѣевскій, пережившъ своего брата, И. В. Кирѣевскаго, лишь нѣсколькими мѣсяцами. Коротенькое письмо, изъ котораго заимствовано это печальное извѣстіе, содержитъ немногія объ этомъ подробности: Петръ Васильевичъ умеръ съ горя отъ кончины брата, котораго нѣжно любилъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и четырехъ дней онъ страдалъ разлитіемъ желчи, страшно мучился отъ этой болѣзни и находился въ мрачномъ состояніи духа; но до конца всегдашняя, чрезвычайная кротость ему не измѣнила. Онъ умеръ въ совершенной памяти, съ полнымъ присутствіемъ ума; за минуту до смерти перекрестился и самъ сложилъ на груди руки, въ томъ положеніи, какъ складываютъ ихъ обыкновенно покойникамъ»*). Его послѣднія слова были: *Мнѣ очень хорошо***). При немъ были мать, братья Елагины и др. Похоронили его въ Оптиной пустыни, рядомъ съ могилою брата.

Должно быть, горько ему было думать на смертномъ одрѣ о томъ, какая участь ждетъ его сокровище — его пѣсни. Правда, онъ оставлялъ ихъ въ вѣрныхъ рукахъ; тутъ были его ближайшіе помощники — П. И. Якушкинъ и М. А. Стаховичъ, и два его брата Николай и Василій Елагины. Но онъ успѣлъ приготовить къ печати только 839 пѣсенъ: кто обработаетъ, и кто *въ состояніи* обработать по его способу остальныя тысячи? И когда дождутся они печати? — Но случилось худшее, нежели онъ могъ ожидать. Случилось, во-первыхъ, что часть его собранія *пропала*. Когда, послѣ его смерти, Якушкинъ приступилъ къ разборкѣ его бумагъ, онъ замѣтилъ огромный недочетъ: «по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ стопъ бумаги, исписанной пѣснями, не оказалось; потомъ я узналъ, — пишетъ

---

*) С.-Пет. Вѣд., № 242-й за 1856 г.; перепечатано въ *Соч.* Кавелина, т. II, стр. 1219 — 1222.

**) Это писала Авдотья Петр. Погодину, см. Барсуковъ, *Погодинъ*, т. XIV, стр. 580.

Якушкинъ, — что сверхъ этой страшной потери пропало еще множество бумагъ покойнаго Петра Васильевича, оставленныхъ имъ въ Москвѣ»*). А потомъ Якушкинъ былъ оттертъ отъ этой работы, драгоцѣнное собраніе попало въ безконтрольное вѣдѣніе Безсонова, и если бы Кирѣевскій могъ, вставъ изъ гроба, увидѣть, *какъ* издалъ Безсоновъ его пѣсни, онъ пожалѣлъ бы, можетъ быть, что онѣ не всѣ пропали.

XI.

Прослѣживая жизненный путь Кирѣевскаго, читая и перечитывая груду пожелтѣлыхъ листковъ его писемъ, невозможно отдѣлаться отъ страннаго, почти жуткаго чувства. Въ Кирѣевскомъ есть что-то призрачное, пугающее; за дѣловитой полнотой его жизни чувствуется зіяющая пустота, за твердостью его воли — безличность. Знаешь навѣрное, что онъ былъ, видишь и осязаешь то, что онъ сдѣлалъ, и все-таки впечатлѣніе призрачности упорно остается, несмотря на всю достовѣрность.

Двадцати одного года, изъ-за границы, Кирѣевскій пишетъ: «Только здѣсь, гдѣ я раздвоенъ, гдѣ лучшая часть меня за тысячи верстъ, вполнѣ чувствуешь, осязаешь эту громовую силу, которая называется судьбою, и передъ ней благоговѣешь; чувствуешь полную безсмысленность мысли, чтобы она была безъ значенія, безъ разума, и остается только одинъ выборъ между вѣрою или сумасшествіемъ. Что до меня касается, то я спокоенъ, какъ только можно быть, и дѣлаю все, что могу, чтобы вытѣснить изъ сердца всякое безплодное безпокойство, оставя одну молитву». Точно сказочный Китежъ: городъ погрузился въ озеро, замерла жизнь, — только среди мертвой тишины надъ невозмутимой гладью слышится по временамъ призрачный звонъ колоколовъ — безмысленная молитва Кирѣевскаго.

Въ каждомъ человѣкѣ внутри есть его подлинное *я*, засыпанное, какъ обваломъ, заглушенное, большею частью ему самому невѣдомое. Случается, собственный поступокъ или какое-нибудь потрясающее несчастіе вдругъ расколетъ шелуху, и подлинная личность вдругъ освободится, и человѣкъ познаетъ, *чего онъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ;* обычно же голосъ этого истиннаго *я* только искаженно про-

*) П. И. Якушкинъ, *Сочиненія*, Спб. 1884, стр. 463.

никаетъ сквозь плотную броню нивѣсть откуда отложившихся на немъ наслоеній, — мнѣній унаслѣдованныхъ, впитанныхъ съ молокомъ матери, воспринятыхъ изъ воздуха; но онъ все-таки проникаетъ, и это его приказамъ, хотя и искаженнымъ, повинуется въ жизни человѣкъ.

Странное дѣло: въ Кирѣевскомъ какъ-будто совсѣмъ не было этого внутренняго *я*; онъ метафизически безличенъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ такъ жилъ. Ни на одномъ его желаніи или поступкѣ не видно печати ирраціонально-личной воли; напротивъ, всѣ его желанія и поступки — и порознь, и въ своей послѣдовательности — строго раціональны, какъ система, а поскольку воля еще пыталась утверждать себя, онъ сознательно подавляетъ ее, и съ полнымъ успѣхомъ. Двадцати съ лишнимъ лѣтъ, когда внутреннее *я* всего властнѣе говоритъ въ человѣкѣ, онъ отрекся отъ счастія и отъ самостоятельной мысли о путяхъ провидѣнія, и это удалось ему такъ легко, что нельзя не удивиться; онъ дѣйствительно всю остальную жизнь прожилъ въ «вѣчно-однообразномъ движеніи» и молитвѣ, ни разу не протянулъ руку за личной радостью и не возсталъ мыслью противъ судьбы, вообще ничего не пожелалъ изъ личной своей воли —вѣрный знакъ, что та личная, внутренняя его воля отъ природы была чрезвычайно слаба.

Вотъ въ чемъ призрачность Кирѣевскаго. Онъ не самъ существовалъ, хотя бы въ той малой мѣрѣ, въ какой существуетъ каждый изъ насъ: духъ цѣлаго народа въ его тысячелѣтней исторіи, сгущаясь, достигъ олицетворенія въ этомъ человѣкѣ, и *личнаго* въ Кирѣевскомъ было не больше того, сколько нужно было, чтобы только быть человѣку, — минимумъ воли, минимумъ вожделѣній, самосохраненія, ирраціональной мысли. И такъ какъ личность все-таки была, то она тяжко томилась, порабощенная высшему опредѣленію его существа; оттого такъ печаленъ образъ Кирѣевскаго, оттого кажется, что жизнь непрерывно терзала и мучила его пассивное и слабое личное *я*, какъ мачеха — беззащитнаго ребенка. Повторяю: есть что-то страшное въ этомъ зрѣлищѣ человѣка, самой природой такъ абсолютно предназначеннаго не *быть*, а служить орудіемъ внѣ-личныхъ, историческихъ силъ. Таковъ, повидимому, общій законъ; только утративъ свою личность, утвердишь ее навѣки; но къ этому надо быть призваннымъ. Зерно ложится въ землю и умираетъ, чтобы взойти многозернистымъ колосомъ, и Христосъ долженъ былъ дважды умереть — въ пустынѣ и на крестѣ, чтобы воскреснуть въ милліонахъ и милліонахъ душъ.

О Кирѣевскомъ можно было сказать библейскимъ словомъ: изъ земли ты взятъ, и въ землю вернулся. Подавивъ въ себѣ, такъ рано, послѣдніе остатки индивидуальности, онъ сталъ безличенъ, но вмѣстѣ и удивительно цѣленъ, какъ воплощеніе народной стихіи. Этой стихіей были всецѣло пропитаны его чувства и его мысль. Онъ обладалъ безпримѣрнымъ чутьемъ народнаго, сильнѣе всего на свѣтѣ любилъ русскій народъ и все, имъ созданное, истину и красоту понималъ только въ тѣхъ формахъ, какія придалъ имъ русскій умъ; и безъ сомнѣнія, и чувствовалъ онъ и мыслилъ по-народному, и даже въ самомъ этомъ добровольномъ обезличеніи невольно слѣдовалъ какому-то тайному закону русскаго національнаго духа.

Именно на этой стихійной цѣльности Кирѣевскаго основано его историческое значеніе. Не собираніемъ народныхъ пѣсенъ, не изслѣдованіями въ области русской исторіи онъ исполнилъ свое жизненное призваніе, но тѣмъ, что въ опредѣленный моментъ онъ явился среди русскаго образованнаго общества какъ живое воплощеніе русскаго народнаго духа и какъ живая связь между народомъ и этимъ оторвавшимся отъ народа обществомъ. Что́ люди лишь частично угадывали и любили въ исторіи, въ бытѣ, преданіяхъ и пѣсняхъ народа, то здѣсь предстало, какъ самородный слитокъ, въ живой личности, — и тѣмъ доступнѣе было имъ почувствовать въ ней эту стихію, что человѣкъ, въ которомъ она олицетворилась, былъ для нихъ свой, ровня по образованію и образу жизни. У насъ нѣтъ данныхъ, по которымъ мы могли бы опредѣленно указать, какіе положительные элементы внесъ Кирѣевскій въ славянофильство и вообще въ русское общественное сознаніе; но совершенно ясно, что его личность должна была оказать на современниковъ огромное *чувственное* дѣйствіе въ смыслѣ сближенія съ народомъ и уясненія роли народа въ общемъ прогрессѣ націи. Я думаю, что исторически вѣрно и безъ преувеличенія опредѣлю значеніе Кирѣевскаго, если скажу, что онъ былъ основателемъ нашего новѣйшаго народничества въ обоихъ смыслахъ этого слова: какъ временнаго общественнаго движенія, и какъ руководящаго начала всей общественной мысли.

ПОЭМЫ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Стихи Тургенева, сколько мнѣ извѣстно, ни разу не были подробно изслѣдованы. Въ его біографіяхъ и въ исторіяхъ литературы о нихъ говорится мелькомъ. Они вообще находятся въ пренебреженіи: въ большихъ собраніяхъ сочиненій Тургенева ихъ вовсе нѣтъ. Публика, вѣроятно, совсѣмъ ихъ не читаетъ; по крайней мѣрѣ, второе отдѣльное изданіе ихъ, напечатанное лѣтъ двадцать назадъ, до сихъ поръ не распродано.

Это жаль; нѣкоторыя части тургеневскихъ поэмъ очень хороши и, во всякомъ случаѣ, не уступаютъ по цѣнности инымъ его разсказамъ, усердно читаемымъ понынѣ. Но объ этомъ что же говорить! русскаго читателя не вразумишь. У насъ, какъ и вездѣ, есть нѣсколько десятковъ канонизированныхъ произведеній родной литературы, знакомство съ которыми считается обязательнымъ для всякаго просвѣщеннаго человѣка. Но образованный нѣмецъ или англичанинъ и за предѣлами своего канона довольно ровно знаетъ, по крайней мѣрѣ, самое выдающееся, что создано второстепенными поэтами его страны; а чего не знаетъ, то на досугѣ старается прочитать. У насъ *старое* читаютъ только подростки, до тѣхъ поръ, пока выполнятъ каноны; а затѣмъ подъ старымъ проводится черта, за которую уже никто потомъ не возвращается: все вниманіе обращено впередъ — къ самому свѣжему, къ послѣдней новинкѣ моды или рынка. На Западѣ тоже читаютъ Стриндберга, Уайльда, Гамсуна, но тамъ такихъ повальныхъ увлеченій новинками не бываетъ; зато сочиненія старыхъ родныхъ писателей то и дѣло выходятъ новыми изданіями. У насъ забыты десятки высоко-талантливыхъ произведеній, — что же удивительнаго, что забыты только милыя, только задушевныя поэмы Тургенева!

Но біографамъ Тургенева слѣдовало бы хоть по долгу службы знакомиться съ этими поэмами. Нельзя же начинать изученіе его

творчества сразу со *второго* періода, какъ это теперь обычно дѣлается, т.-е. съ «Записокъ охотника»; былъ первый періодъ, онъ представленъ стихами, — съ нихъ и надо начинать; и заранѣе ясно, что изученіе ихъ должно дать что-нибудь для пониманія *всего* Тургенева. Цѣль моей замѣтки — обратить вниманіе на этотъ пробѣлъ*).

---

14 января 1840 года Павелъ Ивановичъ Кривцовъ писалъ брату Николаю изъ Петербурга**): «Je quitte Pbrg en compagnie de Jean Tourguéneff qui vient avec moi jusqu'à Rome pour y passer un mois, ensuite il parcourera un peu l'Italie et retournera ensuite à Berlin pour y terminer ses études. C'est un garçon de science et d'esprit — но настоящій Ленской, студентъ Геттингенской. J'ai été charmé de pouvoir lui être un peu utile et lui rendre ce que le père avait fait pour moi. Si vous voyez sa mère à Moscou, dites lui mes compliments, mais empechez la de venir en Italie». Это была уже вторая заграничная поѣздка Тургенева. На этотъ разъ онъ прожилъ около полугода въ Италіи и полгода въ Берлинѣ, гдѣ занимался философіей, древними языками, исторіей, и въ особенности Гегелемъ. Въ Римѣ онъ близко сошелся со Станкевичемъ, въ Берлинѣ жилъ въ одной квартирѣ съ Бакунинымъ. Черезъ годъ онъ вернулся въ Россію, провелъ зиму 1841 г. и весну въ Москвѣ, сблизился съ Грановскимъ, Кавелинымъ, славянофилами, и когда зимою 1842 г. пріѣхалъ въ Петербургъ опредѣляться на службу, былъ уже весьма мало похожъ на того наивнаго романтика и «маменькина сынка», какимъ изображалъ его Кривцовъ. У насъ есть его характеристика этого времени — въ письмѣ Бѣлинскаго къ Боткину отъ 31 марта 1843 г.: «Я нѣсколько сблизился съ Тургеневымъ. Это человѣкъ необыкновенно умный,

---

*) Я говорю преимущественно объ изданіяхъ послѣднихъ лѣтъ. Такъ, И. И. Ивановъ въ своей обширной біографіи Тургенева (1896 г.) даже не перечисляетъ его поэмъ (мимоходомъ названа одна «Параша»), В. Ѳ. Саводникъ начинаетъ характеристику его творчества прямо съ «Записокъ охотника»; то же самое дѣлаютъ А. Е. Грузинскій (ст. «И. С. Тургеневъ» въ «Исторіи русской литературы XIX в.», подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, вып. 15-й и 16-й), В. В. Каллашъ въ третьемъ томѣ Незеленова, П. С. Коганъ и др. Всего показательнѣе то, что выходящій теперь «Словарь литературныхъ типовъ», въ выпускѣ, посвященномъ Тургеневу, просто-напросто пренебрегъ дѣйствующими лицами его поэмъ.

**) Это письмо не издано.

да и вообще хорошій человѣкъ. Бесѣда и споры съ нимъ отводили мнѣ душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всемъ соглашаются съ тобою, или, если противорѣчатъ, то не доказательствами, а чувствами и инстинктомъ, — и отрадно встрѣтить человѣка, самобытное и характерное мнѣніе котораго, сшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры. У Тургенева много юмору... Русь онъ понимаетъ. Во всѣхъ его сужденіяхъ виденъ характеръ и дѣйствительность. Онъ врагъ всего неопредѣленнаго, къ чему я, по слабости харак. тера и неопредѣленности натуры и дурного развитія, довольно падокъ».

Какъ разъ въ то время, какъ писались эти строки, Тургеневъ печаталъ свою первую поэму — «Парашу». Ея анализъ ближе познакомитъ насъ съ начинающимъ авторомъ.

«ПАРАША».

Тургеневъ какъ-то позднѣе характеризовалъ свои поэмы въ такихъ словахъ:

Бывало, я писалъ стихи для славы,—
И тѣ стихи, въ невинности моей,
Я въ Божій міръ пускалъ не безъ приправы
«Глубокихъ и значительныхъ» идей...

Такая гражданская, публицистическая идея есть и въ «Парашѣ», и самъ Тургеневъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ задачу своей поэмы именно въ томъ, чтобы демонстрировать въ образахъ эту идею. Но, какъ это часто бываетъ, его усилія пропали даромъ: идея «спадаетъ ветхой чешуей» и предъ глазами зрителя стоитъ въ ослѣпительной наготѣ сама жизнь, какъ Фрина передъ судьями. Тургеневъ задался цѣлью *разсуждать*, и думалъ, что *изображеніе* ему нужно только какъ матеріалъ для разсужденія; въ дѣйствительности же его внутренней потребностью было какъ разъ только изобразить, воспѣть красоту созерцаемой жизни. Она, а не идея, и стала сюжетомъ его поэмы, вопреки его собственному намѣренію.

Онъ хотѣлъ показать, какъ расцвѣтаетъ въ любви богатая женская душа, и что изъ этого выходитъ въ условіяхъ русской жизни. Соотвѣтственно этому замыслу поэма распадается на двѣ части: на картину, и на демонстрацію идеи, — распадается въ точномъ смыслѣ слова, потому что, насколько картина сочна и жизненна, настолько худосочно и вяло разсужденіе.

Эта картина расцвѣта женской души, столько разъ потомъ повторенная Тургеневымъ, носитъ здѣсь, въ первой редакціи, нѣкоторыя черты, позднѣе исчезающія въ творчествѣ Тургенева. Его рисунокъ еще неловокъ, пріемы наивны, но отъ всей картины вѣетъ такою свѣжестью, она озарена такимъ нѣжнымъ утреннимъ свѣтомъ, которые не только сами по себѣ очаровательны, но, что важнѣе всего, гораздо болѣе соотвѣтствуютъ характеру изображаемаго сюжета — первой женской любви,—нежели горячія краски и густой, сладкій ароматъ его позднѣйшихъ повѣстей.

Поэма построена точно по хріѣ: сначала портретъ героини, потомъ ея душевное состояніе наканунѣ любви, затѣмъ романъ, и, наконецъ, развязка; но такъ какъ эта послѣдовательность — естественная, то разсказъ течетъ непринужденно. Узелъ драмы —въ душевномъ складѣ героини. Параша — дочь степного помѣщика, выросшая въ деревнѣ. Ей 20 лѣтъ. Это глубокая, страстная и цѣломудренная натура, — вмѣстѣ и бархатъ, и сталь. Ея лицо, дышавшее задумчивой грустью, наводило на мысль, что ей суждено страданіе, въ ея задумчиво-спокойномъ взглядѣ «я видѣлъ», говоритъ авторъ,

Возможность страсти горестной и знойной,
Залогъ души, любимой Божествомъ.

Она сама знала, что идетъ на испытанье, но спокойно шла, и была дѣтски-весела. Разсказъ застаетъ ее въ роковой моментъ, когда избытокъ силъ, еще не найдя исхода, томитъ ее безпричиннымъ волненьемъ, — она плачетъ, сама не зная о чемъ, ей грезится дивная страна, и кто-то милый голосомъ призывнымъ такъ чудно поетъ... она стоитъ, какъ очарованная, и вздыхаетъ, ея сердце полно мучительной и грустной тишиной. Она — вся ожиданіе, вся — напряженіе, «какъ вечеръ предъ грозою, какъ майская томительная ночь».

Въ эту минуту, конечно, и появляется герой. Кто онъ — это безразлично. Онъ недостоинъ ея, да она и не его полюбитъ: какъ сказалъ А. Толстой, «лишь тайныхъ думъ, страданій и блаженства онъ для нея отысканный предлогъ». Они знакомятся въ полѣ, потомъ онъ дѣлаетъ визитъ ея родителямъ. Это посѣщеніе — центральная часть поэмы: тутъ рѣшается судьба Параши. Эти восемнадцать строфъ принадлежатъ къ лучшему, что вообще написано Тургеневымъ; я перечитываю ихъ безъ конца, и не могу насытиться ихъ красотою — столько въ нихъ тонкой психологической наблюдательности, и такъ обвѣянъ этотъ реализмъ нѣжнѣйшей, благоухан-

нѣйшей поэзіей. Какое наслажденіе слѣдить эту смѣну чувствъ въ стыдливо-замкнутой Парашѣ! Его ждутъ — онъ обѣщалъ пріѣхать. Отецъ надѣлъ новый фракъ, няня хлопочетъ за чаемъ, Параша, съ цвѣткомъ за поясомъ, сидитъ возлѣ матери, блѣдная, взволнованная. Она тревожится: его все нѣтъ; потомъ ее понемногу беретъ дѣвическая злость. Мать спрашиваетъ: «что ты такъ грустна?» — Параша вздрагиваетъ, слабо улыбается и идетъ къ пяльцамъ; шьетъ, наклонивъ голову, и думаетъ: «Ну, что-жъ? онъ не придетъ...» Вдругъ топотъ у крыльца — это онъ. Онъ входитъ, завязывается обычный разговоръ, — онъ ни слова не говоритъ съ Парашей, даже не смотритъ на нее, «но всѣ его движенья, звукъ голоса, улыбка — дышитъ все сознаніемъ внезапнаго сближенья». Она тронута, умилена: какъ нѣжно онъ щадитъ ее! какъ онъ томится тайнымъ ожиданьемъ! Она молча смотритъ на него, не понимая своего сердца. Потомъ онъ заговорилъ съ нею, и смыслъ его словъ ей и страненъ, и понятенъ, она боится его и тайно рада своей робости; ихъ глаза случайно встрѣтились, она не сразу опустила взоръ, потомъ встала, порывисто приласкалась къ отцу и тихо улыбалась и, говоря о *немъ*, нечаянно обмолвилась: «онъ».

А онъ, сухая, эгоистическая натура, въ комъ дешевый скептицизмъ давно истребилъ поэзію сердца, — онъ неожиданно самъ взволнованъ. Съ удивительной прелестью показываетъ Тургеневъ, какъ подъ лучами *ея* любви расцвѣтаетъ любовь въ этой скупой и холодной душѣ. Онъ страстно наслаждается, чувствуя на себѣ ея задумчиво-внимательный, ребяческій и вмѣстѣ женскій взглядъ; онъ самъ въ эту минуту дѣлается чище, проще, — «онъ весь пылалъ святымъ и чистымъ жаромъ, онъ покорялся весь душѣ другой». «Весело должно быть», поясняетъ Тургеневъ,

Разгаръ любви слѣдить въ душѣ прекрасной,
Подслушать вздохъ, задумчивую рѣчь,
Подмѣтить взглядъ довѣрчивый и ясный,
Былое сбросить все, какъ ношу съ плечъ,
Случайности предаться безъ возврата
И чувствовать, что жизнь полна, богата,
И что способность празднаго ума
Смѣяться надо всѣмъ — смѣшна сама.

Потомъ прогулка вдвоемъ — я сожалѣю, что не могу выписать здѣсь это восхитительное описаніе лѣтняго вечера и сада. Параша ясна и проста, въ ней сердце пылаетъ невѣдомымъ, томительнымъ ог-

немъ, она вся расцвѣтаетъ, и онъ, любуясь ею, отдается очарованію любви.

И, можетъ быть, онъ началъ понимать
Всю прелесть первыхъ трепетныхъ движеній
Ея души... и, сталъ въ немъ утихать
Крикливый рой смѣшныхъ предубѣжденій.
Но *ей одной* доступна благодать
Любви простой, и дѣтской, и стыдливой...
Нѣтъ! о любви не думаетъ она,
Но, какъ листокъ блестящій и счастливый,
Ее несетъ широкая волна...

Онъ цѣлуетъ ея руку — въ невинномъ разговорѣ они возвращаются домой, голосъ бѣдной дѣвушки звучитъ едва исчезнувшимъ испугомъ, ея горячая рука слегка дрожитъ: она ввѣряется ему, стыдливо отдается сближенію, — она любитъ.

«Бѣдная дѣвушка» — это слова Тургенева. Ему кажется, что въ эту ночь, когда ей снится *онъ* — герой ея романа, — надъ нею, спящей, звучитъ чей-то смѣхъ и насмѣшливый голосъ говоритъ: какъ въ темный вечеръ раскрываются цвѣты душистыхъ липъ и на нихъ жадно налетаютъ пчелы, такъ и ты, милое дитя, стоишь теперь въ полномъ цвѣтѣ, и вотъ къ тебѣ прилетѣлъ «женихъ»: раскройся же, цвѣтокъ! То-есть, ты не вольна въ своемъ чувствѣ — ты покорствуешь общему закону: бѣдная, счастливая Параша!

Этотъ космическій финалъ, несомнѣнно навѣянный первой частью гетевскаго «Фауста» (исторіей Гретхенъ), чудесно заканчиваетъ пьесу. Сюжетъ поэмы, какъ элементъ созерцанія, теперь исчерпанъ. Что еще можно прибавить къ нему? Исторія первой дѣвичьей любви представлена вполнѣ, въ своей внутренней и внѣшней закономѣрности; это самодовлѣющій, замкнутый въ самомъ себѣ процессъ, въ которомъ никакія послѣдствія ничего не могутъ измѣнить, потому что онъ весь — въ данномъ моментѣ, и въ этомъ моментѣ — абсолютенъ. Остановись Тургеневъ здѣсь, его «Параша» была бы художественнымъ перломъ. Но онъ хотѣлъ сдѣлать больше: по его замыслу эта картина расцвѣта женской любви должна была играть служебную роль по отношенію къ «идеѣ» поэмы.

Для самой этой картины личныя свойства героя по существу безразличны: тутъ важенъ лишь тотъ минимумъ благопріятныхъ условій, который позволилъ бы Парашѣ влюбиться; все остальное не имѣетъ значенія. Герой Парашина романа могъ быть и хорошимъ человѣкомъ, и негодяемъ, могъ самъ влюбиться, могъ и остаться

равнодушнымъ: картина расцвѣта любви въ Парашѣ отъ этого не измѣнилась бы. Правда, столкнувъ ее именно съ человѣкомъ холоднымъ, неспособнымъ къ любви, Тургеневъ достигъ особеннаго эффекта: это дало ему возможность обнаружить покоряющее могущество женскаго чувства, — эффектъ восхитительный, но цѣликомъ принадлежащій къ самому явленію, только еще рельефнѣе обнаруживающій его природу.

Но какъ разъ на этихъ личныхъ свойствахъ героя Тургеневъ и построилъ свою идею. Параша стоитъ, такъ сказать, внѣ времени: ея характеръ и ея романъ одинаково на мѣстѣ и въ 1820, и въ 1860 году. Другое дѣло—герой. Онъ человѣкъ опредѣленнаго поколѣнія, именно тургеневскаго, «человѣкъ 30-хъ годовъ». Какъ историческій типъ, онъ очень хорошо обрисованъ Тургеневымъ. Онъ богатъ, служилъ въ военной службѣ, потомъ отъ скуки поѣхалъ за границу, тамъ бродилъ съ грустной улыбкою, смотрѣлъ на все холодно и насмѣшливо, и вывезъ оттуда запасъ безплодныхъ словъ и пустыхъ сомнѣній. Онъ всю свою жизнь питался чужимъ умомъ и ни одной мысли не пережилъ въ себѣ органически. У него самолюбивая, холодная душа, онъ часто веселъ, но его веселость безотрадна, онъ никого не любитъ, но люди его любятъ за свободную безпечность, онъ не очень уменъ, но вполнѣ владѣетъ всѣмъ, что ему дано отъ Бога; его привычное отношеніе къ людямъ и вещамъ — насмѣшка: онъ мѣтитъ въ бѣсы.

Такой человѣкъ, разумѣется, не пара Парашѣ. Можетъ ли онъ беззавѣтно откликнуться на ея цѣльное чувство? Онъ весь изъѣденъ рефлексіей, въ немъ не осталось ничего непосредственнаго. Правда, онъ не можетъ устоять противъ чарующей прелести ея глубокаго, стыдливаго волненья, но онъ *не хочетъ* отдаться чувству; онъ разсуждаетъ съ циническимъ благоразуміемъ: «это кстати: до осени мнѣ не будетъ скучно въ деревнѣ», и позже, уѣзжая: «что жъ! она единственная дочь, а отецъ богатый человѣкъ... при томъ она мила»... — и «гонитъ прочь другія, неумѣстныя мечтанья, отзвучія давно минувшихъ дней». Того ли заслуживала Параша? И что сулитъ ей союзъ съ такимъ человѣкомъ?

Въ этомъ и состоитъ идея поэмы. Тургеневъ хотѣлъ показать, какъ безплодно гибнутъ *на русской почвѣ въ современную ему эпоху* богатыя возможности, заключенныя въ душѣ Парашъ. Въ эту ночь послѣ прогулки, когда Параша уснула въ креслѣ и во снѣ видѣла *его*, поэту кажется, что сатана стоитъ, опершись на заборъ, и на-

смѣшливо слѣдитъ за Парашею и ея героемъ; но нѣтъ! онъ смотритъ не на нихъ —

Россія вся раскинулась, какъ поле,
Передъ его глазами въ этотъ мигъ.
И, какъ блестятъ надъ тучами зарницы,
Сверкаютъ злобно яркія зѣницы,
И страшная улыбка проползла
Медлительно вдоль губъ владыки зла.

Драма въ томъ, что никакой драмы не произошло. Какой чудесной трагической красотой могла бы расцвѣсть душа Параши при иныхъ условіяхъ! Еще въ началѣ поэмы, говоря о лицѣ Параши, предвѣщавшемъ страдальческую участь, Тургеневъ замѣчаетъ: «Мнѣ было больно и смѣшно: *вѣдь въ наши дни спасительно страданье*». Но никакихъ страданій ей не пришлось испытать: едва расцвѣвъ, она отцвѣтетъ въ мѣщанскомъ счастіи. Года черезъ полтора они поженились, отецъ построилъ молодымъ обширный и удобный домъ, жизнь Прасковьи Николавны потекла плавно, и даже мужъ весьма любилъ и уважалъ ее. Правда, она не очень счастлива, ее временами тревожатъ воспоминанія, но и это, конечно, пройдетъ. «Но—Боже!— говоритъ Тургеневъ, —

то ли думалъ я, когда,
Исполненный нѣмого обожанья,
Ея душѣ я предрекалъ года
Святого благодатнаго страданья!
Съ надеждами разставшись навсегда,
Свыкался я съ суровымъ отчужденьемъ,
Но въ ней ласкалъ послѣднюю мечту
И на нее съ таинственнымъ волненьемъ
Глядѣлъ, какъ на любимую звѣзду....
И что жъ? я былъ обманутъ такъ невинно,
Такъ просто, такъ естественно, такъ чинно,
Что въ истинѣ своихъ желаній я
Сталъ сомнѣваться, милые друзья.

И вотъ что ей сулили ночи той,
Той лѣтней ночи страстныя мгновенья,
Когда съ такой тревожной быстротой
Въ ея душѣ смѣнялись вдохновенья....

Мнѣ жаль ее.... Быть можетъ, если бъ рокъ
Ее повелъ другой-другой дорогой....

Если переложить эти стихи на прозу, ихъ смыслъ таковъ: я давно потерялъ надежду на мужскую половину моего поколѣнія; расцвѣтъ человѣчности мнѣ казался возможнымъ только въ женщинѣ— она, думалъ я, богатая непосредственнымъ чувствомъ, одна еще можетъ внести жизнь и душу въ наше измельчавшее общество. Но я ошибся: ей мѣшаетъ въ этомъ ея собственная неразвитость и пошлость мужчины. — Вотъ почему сатана смѣется не только надъ Парашей и ея героемъ, но надъ всей Россіей. Въ первомъ изданіи «Параша» имѣла эпиграфъ изъ Лермонтова: «И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно». Здѣсь все удареніе на *мы* — мы, т.-е. *наше поколѣніе*.

Вотъ мысль, которую Тургеневъ хотѣлъ доказать своей поэмой. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ такъ называемой «гражданской» идеей. Я думаю, никто не будетъ оспаривать, что это былъ очень неудачный замыселъ. Изобразить во всей его внутренней закономѣрности стихійное явленіе, и свести эту героическую пѣснь на гражданскую ламентацію — почти то же, что захотѣть привязать веревочку къ хвосту кометы. Тургеневъ и самъ чувствовалъ это несоотвѣтствіе: формулируя свою «идею» (въ приведенныхъ сейчасъ курсивомъ стихахъ), онъ не рѣшился говорить ясно, — получился какой-то туманный намекъ. Онъ началъ, тотчасъ въ смущеніи осѣкся, и поспѣшилъ вернуться къ тому, что и есть подлинный сюжетъ его поэмы,— къ личности Параши. Въ результатѣ, какъ и слѣдовало ожидать, его умничанье пропадаетъ даромъ: читатель едва замѣчаетъ «идею», ради которой онъ такъ старался, но то, чѣмъ онъ самъ былъ сердечно увлеченъ — именно расцвѣтъ чувства въ Парашѣ и судьба ея любви, — встаетъ передъ читателемъ съ неотразимой и увлекающей убѣдительностью живой красоты.

И вотъ что характерно для «Параши». Вліяніе сороковыхъ годовъ, вліяніе Станкевича, Бѣлинскаго и др., наложило неизгладимую печать на Тургенева: по существу чуждый всякимъ гражданскимъ мотивамъ, чистый художникъ, т.-е. созерцатель, онъ на всю жизнь усвоилъ себѣ сознаніе обязанности вкладывать въ свои произведенія общеполезную мысль. Все, что онъ напишетъ позднѣе, будетъ, какъ и «Параша», — «не безъ приправы «глубокихъ и значительныхъ идей». Въ дѣйствительности же онъ всю жизнь будетъ любить одно: женщину; расцвѣтъ женской души навсегда останется главнымъ предметомъ его интереса, — только это онъ и будетъ рисовать съ любовью, въ силу непреодолимой внутренней потребности. Но со временемъ «идея» получитъ большую власть надъ нимъ;

въ угоду ей онъ каждый разъ будетъ дѣлать видъ, что картина женской любви нужна ему только какъ матеріалъ для нѣкоторой идейной демонстраціи, и потому онъ будетъ рисовать эту картину съ видомъ объективности, которой фактически въ немъ вовсе нѣтъ. Это вноситъ въ тонъ его позднѣйшихъ повѣстей ту нотку художнической неискренности и нечистаго отношенія къ женщинѣ, которая многихъ чуткихъ людей отталкиваетъ отъ Тургенева.—Въ эпоху «Параши» идея еще не поработила его, оттого онъ здѣсь еще откровененъ: онъ не скрываетъ своей собственной влюбленности въ изображаемую имъ женщину, — напротивъ, онъ подчеркиваетъ эту влюбленность. Это одна изъ самыхъ очаровательныхъ особенностей «Параши». На всемъ протяженіи поэмы Тургеневъ устанавливаетъ какое-то *свое* отношеніе къ героинѣ, намѣренно окутывая его дымкой неясности, недоговоренности. Можно представить себѣ, что онъ самъ былъ сосѣдомъ Параши и тайно вздыхалъ по ней. Съ первыхъ же строкъ онъ говоритъ о Парашѣ:

Она — предметъ и вздоховъ, и заботъ,
Предметъ стиховъ моихъ довольно смѣлыхъ, и пр.

И дальше: глядя на ея руку, я иногда хотѣлъ... ея лицо мнѣ нравилось... я больше всего любилъ ея задумчиво-спокойный взглядъ... въ этотъ чудный часъ я хотѣлъ бы встрѣтить васъ (о, барышня моя)... я на нее глядѣлъ бы цѣлый вѣкъ, и т. д. И потомъ эта загадочная строчка: Параша съ героемъ, вечеромъ, идутъ по саду, и Тургеневъ вспоминаетъ, какъ онъ самъ много лѣтъ назадъ ходилъ по такому саду, мечтая о небывалой женщинѣ и о поздней прогулкѣ,—«*И это все сбылось, о Боже мой!*»—какъ будто это *онъ* идетъ съ Парашей по саду. И потомъ, когда Параша отдается любви, поэтъ съ такою нѣжностью и болью склоняется надъ нею!

Сонъ
Ее застигъ; во снѣ явился — онъ.
Онъ.... грустно мнѣ; туманятся слезой
Мои глаза.... Гляжу я: у окошка
Она сидитъ на креслахъ...
Невольный страхъ
Меня томитъ...

Онъ лично влюбленъ въ Парашу, какъ будетъ потомъ влюбленъ во всѣхъ своихъ героинь — и въ Лизу, и въ Елену, и въ Асю, и въ

Марью Павловну. Но сейчасъ его влюбленность еще нѣжна и романтична. Есть время въ жизни мужчины, когда молодость съ ея чистотою, съ ея теплымъ и довѣрчивымъ чувствомъ уже прошла, но холодъ еще не совсѣмъ сковалъ сердце; жаль ушедшей юности, воспоминаніе о ней еще свѣжо, оно умиляетъ, смягчаетъ душу. Въ такое время писалъ Тургеневъ свою «Парашу». Онъ вспоминаетъ въ ней «блаженство прежнихъ дней», тѣхъ дней, когда любовь легко, какъ птица, расширяетъ крылья, когда на душѣ и страстно, и свѣтло. Эти дни для него прошли:

Да, вы прошли и не вернетесь вновь,
Часы молитвъ таинственныхъ и страстныхъ,
Безпечная, свободная любовь,
Порывы думъ, младенчески прекрасныхъ...
Все, все прошло, горитъ упорно кровь
Глухимъ огнемъ...

Этой элегической умиленностью — послѣднимъ отблескомъ былой чистоты — окрашено его отношеніе къ Парашѣ. Своихъ позднѣйшихъ дѣвушекъ онъ любитъ иначе: жадно и скрытно, почти жестоко. Любовь 40—50-лѣтняго мужчины — не та, что въ 23 — 24 года; тутъ дѣйствительно «горитъ упорно кровь глухимъ огнемъ»...

Но важно замѣтить, что уже въ «Парашѣ» сказались — и частью откровеннѣе, чѣмъ въ позднѣйшихъ повѣстяхъ — основныя черты тургеневскаго творчества. Уже здѣсь онъ старается подчинить элементъ созерцанія разсудочной идеѣ; уже здѣсь увлекающій его элементъ созерцанія—тотъ же, что и позднѣе: дѣвушка и первый расцвѣтъ ея любви; уже здѣсь женщинѣ безусловно отдается первенство передъ мужчиной за силу ея нераздѣльнаго чувства.

Я знаю, что мой взглядъ на Тургенева идетъ вразрѣзъ съ общепринятымъ мнѣніемъ. Самымъ существеннымъ въ его творчествѣ считаютъ именно «идею». Въ свое время его идеи дѣйствительно входили въ умственный оборотъ и, можетъ-быть, сыграли свою роль; теперь отъ нихъ никому не тепло, онѣ выдохлись давнымъ-давно, а живымъ и жгучимъ для всѣхъ осталось въ его твореніяхъ то, что онъ дѣйствительно любилъ: женщина и ея любовь. Сказать, что пѣвцомъ женщины сдѣлала Тургенева его чувственность, его эротизмъ, котораго, конечно, нельзя отрицать, — значитъ еще не все объяснить. Онъ воспѣваетъ не женщину, не ея обаяніе; въ спокойномъ состояніи, хотя бы и прекрасная, она оставляетъ его равнодушнымъ: она представляетъ для него поглощающій интересъ только

въ ту минуту, когда любовь раскрываетъ въ ея сердцѣ всю полноту напряженнаго, изумительно-богатаго, непочатаго чувства. Отъ этого зрѣлища онъ не можетъ оторваться, онъ снова и снова въ разныхъ образахъ вызываетъ его передъ собою, чтобы падать ницъ предъ солнцемъ любви, чтобы грѣть въ его лучахъ свое холодѣющее сердце. Отчего это? развѣ ничто другое не грѣетъ его — идеалъ, мысль, красота природы и искусства? Въ одномъ изъ писемъ къ Віардо Тургеневъ говоритъ о волненіи, которое вызываетъ въ немъ видъ зеленой вѣтки, рисующейся на голубомъ небѣ: его волнуетъ именно контрастъ между этой маленькой вѣткой, въ которой бьется слабая и все же въ данную минуту торжествующая жизнь, — и вѣчной, пустой безпредѣльностью неба: «Я не выношу неба, но жизнь, ея реальность, ея капризы, ея случайности, ея привычки, ея быстро преходящую красоту, — все это я обожаю». Этотъ страхъ предъ безконечностью и ея земнымъ обликомъ — смертью — никогда не оставлялъ Тургенева: вотъ почему онъ такъ любилъ любовь, и именно беззавѣтную женскую любовь, какъ высшее на землѣ воплощеніе самоутверждающейся жизни. Ему было жутко въ этой безконечности, куда онъ брошенъ, почва ускользала у него изъ-подъ ногъ, люди, вещи—все становилось призрачнымъ въ его глазахъ: какое же счастье было видѣть это увѣковѣченіе мгновенія, эту торжествующую надъ безпредѣльностью полноту человѣческаго чувства! *Есть* жизнь, не все расплывается, какъ дымъ, — вотъ ея неразложимое ядро: полная счастья и грезъ душа впервые полюбившей Параши. У Тургенева были очень сложные счеты съ безконечностью, о чемъ здѣсь не мѣсто говорить; напомню только «Призраки», «Довольно» и послѣднія произведенія. Онъ любилъ жизнь неспокойно, неувѣренно. Этотъ прославленный реалистъ вовсе не имѣлъ въ себѣ того врожденнаго и крѣпкаго чувства реальности, какое было, напримѣръ, у Толстого въ первую половину его жизни. Онъ потому и сталъ реалистомъ, что долженъ былъ безпрестанно ощупывать дѣйствительность, чтобы убѣдиться, что она еще есть, не разсѣялась. Въ ней были для него элементы болѣе и менѣе прочные, и изъ нихъ самымъ прочнымъ, а потому и самымъ успокоительнымъ, была женская любовь въ моментъ ея раскрытія.

Но довольно о «Парашѣ». Я ничего не сказалъ о внѣшнихъ художественныхъ достоинствахъ этой поэмы, — да и что сказать? Характеристика не передастъ всей прелести ея колорита и деталей. Для меня «Параша» полна поэзіи. Лучшее, что было въ Тургеневѣ, полностью сказалось уже здѣсь, и сказалось такъ легко,

по-молодому задушевно и беззавѣтно! Позднѣе Тургеневъ сталъ рафинированнымъ художникомъ, знающимъ эффекты и разсчитывающимъ ихъ; здѣсь этого еще нѣтъ. Особенно хороши въ «Парашѣ» описанія природы. Вотъ для примѣра одна строфа.

А между тѣмъ ночь наступаетъ... Въ рядъ
Вдали ложатся тучи. Ровной мглою
Наполненъ воздухъ... Липы чуть шумятъ,
И яблони надъ темною травою,
Раскинувъ вѣтки, высятся и спятъ.
Лишь изрѣдка промчится легкій трепетъ
Въ березахъ; тамъ за рѣчкой соловей
Поетъ себѣ — и слышенъ долгій лепетъ,
Немолчный шопотъ дремлющихъ степей.
И въ комнату, какъ вздохъ земли безсонной,
Влетаетъ робко вѣтеръ благовонный —
И манитъ въ садъ, и въ поле, и въ лѣса,
Подъ вѣчныя, святыя небеса.

Не говоря уже о вѣрности и прелести цѣлаго, какъ точно подмѣчены здѣсь подробности картины! Яблони стоятъ неподвижно, липы ровно шумятъ, въ листвѣ березъ точно время отъ времени пронесется вздохъ. И самое лучшее — то, что эта отчетливость деталей не подчеркнута, какъ позднѣе всюду у Тургенева и какъ теперь обыкновенно у Бунина, а дана на ходу рѣчи, какъ нѣчто заурядное.

«РАЗГОВОРЪ».

Если «Параша» — уголокъ цвѣтущей и благоухающей степи, то «Разговоръ»—голый и скучный пустырь. «Разговоръ» написанъ года полтора послѣ «Параши». Въ этотъ промежутокъ времени произошло важное событіе въ жизни Тургенева: онъ познакомился и сблизился съ Бѣлинскимъ. Знакомство состоялось еще до выхода въ свѣтъ «Параши», вѣроятно въ самомъ началѣ 1843 г. Въ майской книгѣ «Отечеств. Записокъ» Бѣлинскій напечаталъ восторженную статью объ этой поэмѣ; въ теченіе ближайшей зимы они сблизились, а лѣтомъ 1844 г., живя по сосѣдству на дачѣ, сошлись окончательно: здѣсь Тургеневъ, по его словамъ, до самой осени почти каждый день посѣщалъ Бѣлинскаго. «Я полюбилъ его искренно и глубоко; онъ

благоволилъ ко мнѣ» *). Въ это время Бѣлинскій, по словамъ Тургенева, былъ снова поглощенъ «вѣчными» вопросами — о существованіи Бога, о безсмертіи души, о смыслѣ жизни и проч.; но ихъ разговоры касались, разумѣется, и другихъ темъ, преимущественно литературныхъ. «Лѣто стояло чудесное — и мы съ Бѣлинскимъ много гуляли по сосновымъ рощицамъ, окружающимъ Лѣсной институтъ... Мы садились на сухой и мягкій, усѣянный тонкими иглами мохъ — и тутъ-то происходили между нами»—*шестичасовыя*, какъ говоритъ раньше Тургеневъ, бесѣды.

Въ это самое лѣто и былъ написанъ Тургеневымъ «Разговоръ»: его «Посвященіе» помѣчено іюлемъ, вся поэма — 20-мъ августа 1844 г., въ Парголовѣ. Мы не можемъ судить, въ какой мѣрѣ отразилось на этой поэмѣ *содержаніе* разговоровъ, которые вели Тургеневъ съ Бѣлинскимъ, но вліяніе этихъ разговоровъ несомнѣнно сказалось въ общемъ характерѣ ея. Ни раньше, ни позже Тургеневъ такъ не писалъ; здѣсь уже не то, что художественный сюжетъ борется съ идеей, — здѣсь просто нѣтъ никакого художественнаго сюжета, а есть одна голая идея, и больше ничего. Не удивительно, что вмѣсто «поэмы» получилась безвкусная и нудная рацея, которую даже въ первый разъ трудно дочитать. «Разговоръ» писанъ рѣшительно *invita Minerva*. Весь рой маленькихъ подмастерьевъ Музы, обыкновенно съ увлеченіемъ трудящихся надъ отдѣлкою художественнаго произведенія, надувшись, покинулъ поэта; ему ничего не удается: всякій его образъ тусклъ, описанія безжизненны, эпитеты плоски и странны, стихъ (а это стихъ Лермонтовскаго «Мцыри»!) прозаиченъ и сухъ.

Старикъ-отшельникъ послѣ долгой и горячей молитвы вышелъ изъ своей пещеры; день кончается, красота заката, миръ и нѣга, разлитые въ природѣ, умиляютъ старика. Вдругъ изъ-за кустовъ показался нежданный гость — молодой человѣкъ, когда-то, юношей, приходившій къ отшельнику. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, его жизнь «завяла», и вотъ его опять потянуло къ старику. Строфа, въ которой Тургеневъ описываетъ эту встрѣчу, можетъ служить образцомъ неумѣлости и безвкусицы; даже мастерство

---

*) Тургеневъ «Соч.», изд. Маркса, т. XII, стр. 21 и сл. А. Н. Пыпинъ: «Бѣлинскій», 2-е изд., 1908 г., стр. 443, 451. Тургеневъ постоянно смѣшиваетъ лѣто 1843 г., когда Бѣлинскій жилъ въ Москвѣ, съ лѣтомъ 1844-го, къ которому и относится ихъ сближеніе.

рисовальщика на этотъ разъ измѣнило ему — его рисунокъ здѣсь до послѣдней степени нескладенъ, угловатъ, нелѣпо-судороженъ. Вотъ эти стихи:

И назвалъ онъ себя... Узналъ
Его пустынникъ; быстро всталъ,
Далъ гостю руку. Та рука
Дрожала... голосъ старика
Погасъ... Но странникъ молодой
Поникъ печально головой,
Пожалъ болѣзненно плечомъ
И тихо вздрогнулъ... и потомъ
Взглянулъ медлительно кругомъ,
И говорили взоры тѣ
О безотрадной пустотѣ
Души, погибшей, какъ и всѣ:
Во всей, какъ водится, красѣ.

Но почему же они ведутъ себя такъ странно, зачѣмъ разыгрываютъ эту комическую пантомиму, не произнеся еще и двухъ словъ?— Вотъ почему: они не просто отшельникъ и молодой человѣкъ, — они — *типы двухъ поколѣній;* оттого они и ведутъ себя не какъ живые люди, а церемоніально-глубокомысленно, какъ подобаетъ ихъ символическому естеству. Такъ они и на всемъ протяженіи поэмы остаются двумя говорящими абстракціями, и ни на минуту не сходятъ съ ходуль.

Идея поэмы, какъ это сразу видно, заимствована изъ «Думы» Лермонтова; но это не важно: Лермонтовъ характеризовалъ новое поколѣніе только въ общихъ чертахъ, описательно, — Тургеневъ изображаетъ его конкретно, представляя портретъ его типичнаго представителя, и для наглядности еще сопоставляетъ его со столь же типичнымъ представителемъ предшествующей эпохи.

Портретъ, нарисованный Тургеневымъ, въ цѣломъ совершенно соотвѣтствуетъ общей характеристикѣ, которую далъ Лермонтовъ. Этотъ молодой человѣкъ 40-хъ годовъ, едва вступивъ въ жизнь, уже инвалидъ. Онъ неизлѣчимо боленъ. Бѣлинскій, въ статьѣ о «Разговорѣ», опредѣлилъ его болѣзнь такъ: «болѣзнь нашего вѣка,— апатія чувства и воли при пожирающей дѣятельности мысли». Это не совсѣмъ вѣрно, вѣрна только вторая часть этого опредѣленія. Чувство и воля въ этомъ человѣкѣ находятся въ постоянномъ возбужденіи, тѣмъ болѣе остромъ, что они никогда не могутъ достигнуть полноты: ихъ парализуетъ неустанная, болѣзненно-безсонная, мелочная работа разсудка. Онъ говоритъ отшельнику: Богъ

зажегъ во мнѣ пытливый духъ, но не далъ мнѣ силы; меня сгубилъ безплодный жаръ упорныхъ, мелочныхъ страстей... Онъ разсказываетъ о своей любви: онъ любилъ и былъ любимъ, но въ лучшія минуты его томила тоска до слезъ, и, въ концѣ-концовъ, онъ безъ всякой надобности покинулъ любимую дѣвушку. Онъ никогда не жилъ въ данной минутѣ, внутренняя тревога всегда гнала его вдаль. Онъ ни во что не вѣритъ, презираетъ людей, ничего не можетъ и не хочетъ дѣлать; вѣра, идеализмъ, любовь къ людямъ, способность къ работѣ — все убито въ немъ рефлексіей.

Полную противоположность ему представляетъ старикъ. Судя по его разсказу, онъ былъ здоровая, цѣльная натура. Онъ до дна выпивалъ всякое наслажденіе, жилъ всѣмъ существомъ въ каждой минутѣ, любилъ беззавѣтно, восторженно вѣрилъ въ добро, зналъ упоеніе борьбы. Ему страшно и больно смотрѣть на этого хилаго юношу; онъ думалъ: насъ смѣнитъ бодрое, сильное племя, и надъ родиной взойдетъ ясный день; и вотъ передъ нимъ жалкій представитель этого новаго поколѣнія; надежды старика жестоко обмануты, міръ покрылся тьмою передъ нимъ, — онъ проклинаетъ молодого человѣка и гонитъ его отъ себя. А этотъ ему въ отвѣтъ: твои упреки справедливы, но теперь я спрашиваю васъ, наши предки: что вы сдѣлали для насъ? Можете ли вы сказать: вотъ насколько выросъ народъ благодаря нашимъ доблестнымъ трудамъ! Нѣтъ, и вы, какъ ваши внуки, спѣшили на покой послѣ суетливой, но пустой работы. Уже восходитъ заря надъ родной страною, но когда раздастся первый крикъ молодой жизни, — онъ не долетитъ до насъ:

Не переживъ унылой тьмы,
Съ тобой въ могилу ляжемъ мы —
Замретъ упорная тоска;
Но будетъ намъ земля тяжка...

Этими словами о близости дня Тургеневъ, повидимому, хотѣлъ указать на оторванность образованныхъ («интеллигенціи») отъ родной почвы: страна оживаетъ несмотря на ихъ безсиліе, — другими словами, они — отломанная вѣтвь цвѣтущаго дерева.

Этотъ безнадежный прогнозъ — итогъ всей поэмы. Такимъ образомъ, «Разговоръ» оказывается прямымъ продолженіемъ «Параши»: мысль, выраженная тамъ лишь частично, здѣсь раскрыта полностью,—именно, мысль о хилости *мужской* части современнаго Тургеневу поколѣнія. Герой «Разговора» — разновидность того же типа, который представленъ героемъ «Параши», или, вѣрнѣе, оба

они больны одной и тою же «болѣзнью вѣка», но въ героѣ «Разговора» болѣзнь показана въ наиболѣе острой, окончательно выраженной ея формѣ.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, въ какой мѣрѣ Тургеневъ точно воспроизвелъ современную ему дѣйствительность, т.-е. согласуется ли нарисованный имъ типическій портретъ со всѣми остальными данными, какія представляютъ исторія и литература для характеристики психологическаго типа людей 40-хъ годовъ: это — задача историка. Исторія литературы ставитъ себѣ иную цѣль; она разсматриваетъ художественное произведеніе не какъ изображеніе дѣйствительности, а какъ отраженіе внутренняго міра художника, какъ актъ раскрытія и самопознанія его личности; поэтому она не интересуется тѣмъ, вѣрно ли поэтъ воспроизвелъ картину дѣйствительности, — она старается лишь прочитать въ произведеніи художника его вольную или невольную повѣсть о самомъ себѣ. Такова и моя задача въ отношеніи поэмъ Тургенева.

Съ этой точки зрѣнія «Разговоръ» не представляетъ никакихъ трудностей для пониманія: онъ, можно сказать, слишкомъ ясенъ, ясенъ какъ протоколъ. Если бы еще оставалось какое-нибудь сомнѣніе, оно окончательно устраняется «Посвященіемъ», которое Тургеневъ предпослалъ своей поэмѣ. Всякое художественное произведеніе можно сравнить съ партитурой, которую прочитать можетъ только тотъ, кто сумѣетъ по ней самой опредѣлить ея ключъ. Этотъ *личный* ключъ въ «Разговорѣ» не приходится искать: Тургеневъ самъ добросовѣстно надписалъ его сверху. Вотъ это «Посвященіе».

Одинъ, передъ нѣмымъ и сумрачнымъ дворцомъ
Бродилъ я вечеромъ, исполненный раздумья;
Блестящій пиръ утихъ; дремало все кругомъ —
И замеръ громкій смѣхъ веселаго безумья.
Среди таинственной, великой тишины
Березы гибкія шептались боязливо,
И каменные львы глядѣлись молчаливо
Въ стальное зеркало темнѣющей волны.
И спящій міръ дышалъ безсмертной красотой...
Но глазъ не подымалъ и проходилъ я мимо;
О жизни думалъ я, объ Истинѣ святой,
О всемъ, что на землѣ навѣкъ неразрѣшимо.
Я небо вопрошалъ... *и тяжко было мнѣ* —
И вся душа моя пресытилась тоскою...
А звѣзды вѣчныя спокойной чередою
Торжественно неслись въ туманной вышинѣ.

Это — программа поэмы: то же противопоставленіе минувшей эпохи съ ея беззавѣтнымъ и безпечнымъ отношеніемъ къ жизни, и новаго человѣка, внутренно разорваннаго; и здѣсь Тургеневъ прямо называетъ *себя* однимъ изъ такихъ новыхъ людей. Онъ говоритъ о себѣ, и его исповѣдь заключаетъ въ себѣ двѣ части: во-первыхъ, признаніе нѣкотораго факта, во-вторыхъ, объясненіе этого факта. Когда человѣкъ говоритъ: мнѣ тяжко, моя душа пресыщена тоскою, онъ этимъ только констатируетъ свое душевное состояніе, и тутъ нѣтъ мѣста ни критикѣ, ни спору. Другое дѣло — объясненіе. Чѣмъ обусловлена тоска Тургенева? Онъ самъ говоритъ — неразрѣшимостью послѣднихъ вопросовъ. Но такъ ли это? Не было ли, наоборотъ, самое его углубленіе въ эти вопросы — симптомомъ, а вовсе не причиною его болѣзни? Къ тому же, эти размышленія «о жизни, объ Истинѣ святой, о всемъ, что на землѣ навѣкъ неразрѣшимо» могли быть навѣяны Тургеневу его бесѣдами съ Бѣлинскимъ, котораго какъ разъ въ это лѣто, когда писался «Разговоръ», болѣе всего занимали «тѣ вопросы, которые, не получивъ разрѣшенія или получивъ разрѣшеніе одностороннее, не даютъ покоя человѣку, особенно въ молодости: философическіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ Божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п.» («Воспоминанія о Бѣлинскомъ»); эти-то вопросы они преимущественно обсуждали въ своихъ долгихъ бесѣдахъ. Какъ бы то ни было, *объясненію* Тургенева нельзя придавать большой цѣны. Въ самой поэмѣ онъ ничего не говоритъ о причинахъ болѣзни, а даетъ только ея подробную клиническую картину; и по отношенію къ нему самому для насъ важенъ только самый фактъ его болѣзненнаго состоянія.

Историкъ разскажетъ намъ, что этой «болѣзнью вѣка» страдалъ не одинъ Тургеневъ, но большая часть передовыхъ людей его времени; онъ приведетъ цѣлый рядъ аналогичныхъ свидѣтельствъ, отъ «Думы» Лермонтова (1838 г.) до «По поводу одной драмы» Герцена (1842 г.), гдѣ эта болѣзнь описана почти тѣми же словами, какъ у Тургенева; онъ приведетъ и самыя эти слова о рефлексіи, кончающіяся признаніемъ: «вмѣсто того, чтобъ наслаждаться жизнью, мы мучимся». Весь «Разговоръ» есть одна сплошная жалоба, личная жалоба Тургенева, на боль этой внутренней разорванности, въ каждой строкѣ его слышится страстная тоска по непосредственности, по цѣльности. Онъ чувствуетъ себя отщепенцемъ отъ природы; міръ дышитъ безсмертной красотою, звѣзды спокойной чредою торжественно несутся въ вышинѣ, — а его ничто не радуетъ, онъ бродитъ

праздно, не подымая глазъ. Въ немъ непоправимо нарушено естественное равновѣсіе душевныхъ силъ; какъ ракъ истощаетъ человѣка, такъ въ немъ разсудокъ поглощаетъ всѣ соки личности; безплодная рефлексія разлагаетъ всякое переживаніе и тѣмъ обезсиливаетъ его дѣйствіе на душу: *вотъ почему дѣйствительность призрачна для него* — и отсюда же, разумѣется, утрата вкуса къ жизни. Его изнуряетъ der dialectische Vampyr des inneren Menschen.

Стихотвореніе «Толпа», написанное незадолго до «Разговора» (1843 г.)*), не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ героѣ этой поэмы Тургеневъ изображалъ самого себя: обѣ характеристики совпадаютъ абсолютно. Достаточно привести нѣсколько строкъ изъ «Толпы», чтобы это стало ясно.

Среди людей, мнѣ близкихъ... и чужихъ,
Скитаюсь я безъ цѣли, безъ желанья.
Мнѣ иногда смѣшны забавы ихъ,
Мнѣ самому смѣшныя мои страданья.
Страданій тѣхъ толпа не признаетъ...

Онъ презираетъ эту тупую, сытую толпу и скрываетъ отъ нея свои мысли и чувства, а мечтать про себя или бесѣдовать съ друзьями — это ребячество онъ давно оставилъ;

А потому... *мнѣ жить не суждено,*
И я тяну съ усмѣшкой торопливой
Холодной злости, злости молчаливой,
Хоть горькое, но пьяное вино.

Итакъ, я говорю, что та «болѣзнь вѣка», которую Тургеневъ изобразилъ въ характерахъ героя «Параши» и героя «Разговора», была прежде всего болѣзнью самого Тургенева. Вѣрно ли онъ обобщилъ ее, распространивъ съ себя на всѣхъ, этотъ вопросъ насъ здѣсь не занимаетъ; во всякомъ случаѣ онъ исходилъ изъ наблюденій надъ самимъ собою. Это подтверждается всѣми отзывами о Тургеневѣ, какіе дошли до насъ отъ того времени, т.-е. отъ первой половины 40-хъ годовъ. Намъ говорятъ, что онъ отталкивалъ отъ себя людей оригинальничаньемъ, неискренностью, циническою насмѣшливостью,

*) Вѣроятно, зимою 1843; оно посвящено Бѣлинскому, см. *Былое* 1906, кн. 3.

дѣланнымъ презрѣніемъ къ толпѣ, что чрезъ всѣ проявленія его существа проходилъ какой-то необъяснимый фальшивый тонъ: все это были признаки внутренней неуравновѣшенности, постояннаго *сознанія своей личности.* Характеристика молодого Тургенева, которую даетъ Анненковъ («Молодость И. С. Тургенева»), мѣстами точно совпадаетъ съ портретомъ героя «Параши», — напримѣръ, когда Анненковъ говоритъ: «Онъ осмѣивалъ тихія и искреннія привязанности, къ которымъ иногда самъ приходилъ искать отдыха и успокоенія, глумился надъ простыми сердечными вѣрованіями, начало и развитіе которыхъ, однако же, тщательно разыскивалъ, примѣривалъ къ себѣ множество ролей и покидалъ ихъ съ отвращеніемъ, убѣдясь, что онѣ показались всѣмъ не дѣломъ, а геніальничаніемъ, и скоро забывались»; эти строки — почти пересказъ тѣхъ строфъ «Параши», гдѣ авторъ знакомитъ читателей со своимъ героемъ. Значитъ, Тургеневъ умѣлъ тонко наблюдать и анализировать свою «болѣзнь». Дѣйствительно, въ статьѣ о переводѣ «Фауста» Вронченко, написанной тотчасъ послѣ «Разговора» (напечатана въ январьской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1845 г.), онъ описываетъ ее съ увѣренностью знатока. «Мефистофель — бѣсъ каждаго человѣка, въ которомъ родилась рефлексія; онъ — воплощеніе того отрицанія, которое появляется въ душѣ, исключительно занятой своими собственными сомнѣніями и недоумѣніями... Онъ ѣдокъ, золъ и насмѣшливъ; люди, которые, по словамъ Пушкина, встрѣчаются съ этимъ демономъ, страдаютъ, но ихъ болѣзненныя страданія не возбуждаютъ нашего глубокаго участія». И дальше Тургеневъ какъ бы тайно намекаетъ на обѣ свои поэмы: «Притомъ, сколько такихъ страдальцевъ, поносившись съ своимъ горемъ, какъ «съ писаной торбой», внезапно превращаются въ добрыхъ и здоровыхъ пошлецовъ»: это герой «Параши»; «да и тѣ изъ нихъ, которые до конца дней своихъ вянутъ и сохнутъ, какъ надломанная вѣтка, — признаемся откровенно, — и тѣ возбуждаютъ въ насъ одно лишь преходящее сожалѣніе»: эта вторая разновидность — герой «Разговора». Самъ Тургеневъ не сталъ ни тѣмъ, ни другимъ, но онъ *былъ* и тѣмъ, и другимъ, соединяя въ себѣ и пошлыя, и трагическія стороны этого внутренняго разлада.

Установивъ этотъ фактъ, мы пріобрѣтаемъ важное средство къ распознанію закономѣрности многихъ чертъ въ личности и творчествѣ Тургенева, которыя до сихъ поръ могли казаться необъяснимыми или разрозненными. Мы понимаемъ теперь зависть и обаяніе,

которыя внушалъ ему Станкевичъ, эта благодатно-цѣльная, гармоническая натура. Какъ извѣстно, Станкевичъ послужилъ Тургеневу прообразомъ для Покорскаго; но, кажется, въ литературѣ еще не указывалось, что и образъ Станкевича, и даже отчасти его біографія (исторія его разрыва съ Бакуниной) дали Тургеневу матеріалъ для «Андрея Колосова». Эта первая прозаическая повѣсть Тургенева, написанная въ томъ же году, что и «Разговоръ» (1844 г.), имѣетъ для насъ особенную цѣнность, потому что она есть не что иное, какъ иллюстрація къ тогдашнимъ размышленіямъ Тургенева о его душевной болѣзни. Здѣсь выведены два молодыхъ человѣка: Колосовъ и самъ разсказчикъ. Колосовъ — воплощенная гармонія духа: ясный, свободный, счастливый человѣкъ, безъ тѣни фальши; каждый его поступокъ и каждое слово легко и свободно, но вмѣстѣ съ тѣмъ непреодолимо, вытекаетъ изъ невѣдомой глубины его духа, и самъ онъ не размышляетъ о своихъ чувствахъ; рефлексія ему совершенно чужда, — онъ просто слѣдуетъ своему чувству, словно исполняя законъ природы. А самого себя разсказчикъ рекомендуетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я принадлежу къ числу людей, которые любятъ размышлять о собственныхъ ощущеніяхъ, хотя самъ терпѣть не могу такихъ людей»: точь въ точь какъ Тургеневъ. И вотъ оба выявляютъ свое естество на одномъ и томъ же жизненномъ дѣлѣ: оба любятъ, и заходятъ далеко въ своей любви, и оба должны порвать. Но какъ безконечно различны ихъ чувства и поступки! Колосовъ любитъ ясно, наслаждается своей любовью, но и остается свободнымъ въ ней; а когда его чувство гаснетъ, онъ такъ же просто порываетъ, безъ угрызеній, безъ крикливой фальши, не поддаваясь «мелкому самолюбію — мелкимъ хорошимъ чувствамъ: сожалѣнію и раскаянію». Напротивъ, разсказчикъ за все время своего романа не знаетъ ни одной безмятежной минуты; онъ непрерывно роется въ своихъ чувствахъ и предается «различнымъ соображеніямъ»: во-первыхъ, его мучитъ мысль, что онъ не любимъ, и т. д.; во-вторыхъ, его радуетъ довѣренность Вари; въ-третьихъ, въ-четвертыхъ, и проч. Онъ любитъ какъ-то рабски, жалко, мизерно, — и когда наступаетъ время порвать съ дѣвушкой, онъ дѣлаетъ это некрасиво, съ ложью и трусостью; и въ результатѣ онъ самъ резюмируетъ: «Я разыгралъ плохую, крикливую и растянутую комедію, а онъ (Колосовъ) такъ просто, такъ хорошо прожилъ это время». По-истинѣ, въ лицѣ этого разсказчика Тургеневъ не пощадилъ себя; зато какимъ ореоломъ окруженъ Колосовъ! Онъ прекрасенъ, и обаянію его красоты поддаются всѣ; самое его присут-

ствіе придаетъ стройность и изящество бесѣдѣ и веселью. «Вы не можете себѣ представить, какъ охотно всѣ мы покорялись этому человѣку. Мы какъ-то невольно любовались имъ», говоритъ разсказчикъ; въ 1856 году Тургеневъ то же самое скажетъ о Станкевичѣ: «Невозможно передать словами, какое онъ внушалъ къ себѣ уваженіе, почти благоговѣніе» *): такова власть благодати. Самъ разсказчикъ, конечно, влюбляется въ Колосова, какъ въ женщину, — какъ Тургеневъ въ Станкевича, и въ обоихъ случаяхъ Станкевичъ-Колосовъ, ровно ласковый со всѣми, сначала равнодушенъ къ своему поклоннику и только позже сближается съ нимъ.

Такъ Тургеневъ, исходя изъ личнаго опыта и изъ размышленій о самомъ себѣ, пришелъ, путемъ субъективно-заинтересованнаго наблюденія, къ тому сложному обобщенію, результатомъ котораго явился типъ «лишняго человѣка». Въ позднѣйшихъ повѣстяхъ Тургенева, гдѣ этотъ типъ уже объектированъ и живетъ своей самобытной жизнью, нелегко подмѣтить тѣ личные элементы, изъ которыхъ онъ образовался. «Параша» и «Разговоръ» чрезвычайно облегчаютъ эту задачу: здѣсь мы можемъ наблюдать самый процессъ отдѣленія типа отъ личности его творца. Теперь мы можемъ понять и ту, странную на первый взглядъ, мысль Тургенева о двойственности образованнаго русскаго общества, которая, какъ мы видѣли, проведена уже въ «Парашѣ» и которой онъ остается вѣренъ всю жизнь. Онъ дѣлилъ составъ этого общества именно по признаку внутренней цѣльности: направо—женщина, прекрасная и сильная въ своей непосредственности, налѣво — дряблый, путающійся въ своихъ чувствахъ, обезволенный рефлексіей мужчина **).

«ПОМѢЩИКЪ».

«Помѣщикъ», писанный въ 1845 г., есть *сатирико-физіологическая* поэма или сатирическій эпосъ: разсказъ о томъ, какъ сытый, самодовольный, живущій одною утробою помѣщикъ, пользуясь

---

*) «Воспоминанія И. С. Тургенева о Н. В. Станкевичѣ», «Вѣстникъ Европы» 1899 г. I, стр. 14.

**) Это замѣтилъ уже Анненковъ: «Молодость И. С. Т.», тамъ же, 1884 г. II, стр. 460.

временной отлучкой своей грозной супруги, замыслилъ съѣздить къ веселой вдовѣ по сосѣдству, въ родѣ того, какъ котъ подбирается къ крынкѣ, чтобы лизнуть запретной сметаны; какъ въ дорогѣ ломается ось у тарантаса, какъ неожиданно налетаетъ, возвращаясь, жена, и, мгновенно сообразивъ преступный умыселъ супруга, съ грубымъ окрикомъ усаживаетъ его, виновато-покорнаго, въ свой экипажъ и увозитъ обратно домой. Поэма написана легкимъ и, мѣстами, красивымъ стихомъ и, какъ жанровая картинка уѣздныхъ нравовъ, очень недурна. Но сатира Тургенева поверхностна и прѣсна; тамъ, гдѣ она впадаетъ въ ироническій тонъ, она сбивается на дешевую карикатуру, напримѣръ, въ такихъ мѣстахъ (помѣщикъ утромъ за чаемъ):

Онъ кушалъ молча, не спѣша;
Курилъ, поглядывалъ безпечно...
И наслаждалась безконечно
Его дворянская душа;

или:

...коротенькія ручки
Сложивъ *умильно* на брюшкѣ,
Помѣщикъ подошелъ къ рѣкѣ....

Тамъ же, гдѣ Тургеневъ хочетъ подняться до высокой сатиры, онъ достигаетъ еще меньшаго эффекта, потому что за его сатирою не чувствуется страстнаго одушевленія; такова, напримѣръ, строфа, гдѣ, описывая кабинетъ помѣщика, онъ, по поводу гипсоваго бюста, стоящаго на шкапу, внезапно разражается негодованіемъ:

Увы! безсильно негодуя,
На ликъ задумчивый гляжу я...
Быть можетъ, этотъ истуканъ —
Эсхилъ, Сократъ, Аристофанъ...
И передъ нимъ уже седьмое
Колѣно тучныхъ добряковъ
Растетъ и множится въ покоѣ
Среди не чуждыхъ имъ клоповъ!

Только одно мѣсто поэмы дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Среди безотрадныхъ картинъ провинціальной пошлости опять, какъ въ «Парашѣ», встаетъ предъ Тургеневымъ лучезарный образъ дѣвушки, способной на страданье, — его «послѣдняя мечта»: если *она* не выведетъ русское образованное общество на путь человѣч-

ности, то все пропало. Во всей поэмѣ только эти двѣ строфы (въ описаніи уѣзднаго бала) дышатъ истиннымъ одушевленіемъ:

Но вотъ среди толпы густой
Мелькаетъ быстро передъ вами
Ребенокъ робкій и нѣмой,
Съ большими, грустными глазами.
Ребенокъ!... Ей пятнадцать лѣтъ.
Но за собой она невольно
Влечетъ васъ... За нее вамъ больно
И страшно... Блѣдный, томный цвѣтъ
Лица,—печальный слѣдъ сомнѣній
Тревожныхъ, раннихъ размышленій,
Тоски, неопытныхъ страстей,
И взглядъ внимательный — все въ ней
Вамъ говоритъ о самовластной
Душѣ... Ребенокъ бѣдный мой!
Ты будешь женщиной несчастной...
Но я не плачу надъ тобой...
О, нѣтъ! пускай твои желанья,
Твои стыдливыя мечты
Въ суровомъ холодѣ страданья
Погибнутъ... не погибнешь ты.
Безъ одобренья, безъ участья,
Среди невѣждъ, осуждена
Ты долго жить... Но ты сильна,
А сильному не нужно счастья...

«АНДРЕЙ».

Тертулліанъ сказалъ: Sunt in amore gradus, — foemina in summo stat. Это убѣжденіе, въ тѣ годы, о которыхъ идетъ рѣчь, было у Тургенева больше, чѣмъ мыслью: оно имѣло для него острый, поглощающій личный интересъ. Я оставляю въ сторонѣ чувственную основу его тяготѣнія къ женщинѣ; важно то, что женщина занимала совершенно исключительное мѣсто въ его міроощущеніи и сознательномъ мышленіи. Въ его сложномъ отношеніи къ ней неразрывно переплелись троякаго рода нити: психологическая, метафизическая и соціальная. Мучительно страдая отъ собственной раздвоенности, онъ обожалъ въ ней красоту и силу непосредственнаго чувства, *природной цѣльности въ человѣкѣ;* далѣе, изнуряемый призрачностью всего сущаго (а это чувство было въ немъ слѣдствіемъ той же раздвоенности), онъ находилъ хотя бы минутную отраду въ зрѣлищѣ

цѣльной женской любви, *какъ единственной неразложимой реальности;* наконецъ, въ своихъ размышленіяхъ о родной странѣ, признавъ раздвоенность и внутреннюю хилость, которыя ощущалъ въ себѣ, общимъ признакомъ всей мужской половины своего поколѣнія, онъ естественно долженъ былъ видѣть въ здоровой цѣльности женщины единственный залогъ правильнаго общественнаго развитія, *единственный ферментъ человѣчности*, рождающейся въ страданіи, или, какъ сказали бы теперь, въ «душевной драмѣ».

Изъ этого круга идей взяты, какъ мы видѣли, темы трехъ первыхъ поэмъ Тургенева. Къ нимъ непосредственно примыкаетъ «Андрей», писанный въ 1845 г., вѣроятно, послѣ «Помѣщика», помѣченнаго мартомъ этого года. Здѣсь Тургеневъ вернулся къ тому же сюжету, который былъ имъ разработанъ въ «Парашѣ», т.-е. къ своей завѣтной мысли о превосходствѣ женщины надъ мужчиною, обнаруживающемся всего больше въ любви; но теперь онъ уже счелъ возможнымъ придать этому положенію болѣе общій смыслъ, удаливъ всѣ временныя, исключительныя условія. Въ «Парашѣ» и герой, и героиня — квалифицированные типы: онъ — человѣкъ, изъѣденный рефлексіей, она — глубокая, богатая душевными силами натура; такимъ образомъ, Параша имѣетъ двойной шансъ превосходства надъ героемъ. Теперь Тургеневъ произведетъ экспериментъ любви надъ двумя средними и равными натурами, и результатъ будетъ тотъ же, чѣмъ и обнаружится извѣстная универсальность закона. Эта перестановка вопроса явилась у Тургенева, очевидно, результатомъ двойного умственнаго процесса: во-первыхъ, большій опытъ позволилъ ему обобщить первоначальную идею; во-вторыхъ, тотъ же опытъ заставилъ его отказаться отъ ложной символизаціи идеи и вступить на путь реализма. Въ этомъ отношеніи «Андрей» представляетъ собою въ творчествѣ Тургенева громадный шагъ впередъ. Всѣ главныя лица его первыхъ трехъ поэмъ — абстрактные символы, носители различныхъ частей идеи: герой и героиня «Параши», старикъ и молодой человѣкъ въ «Разговорѣ», помѣщикъ — все это не индивидуальные, а типологическіе образы; индивидуализація выступаетъ въ этихъ поэмахъ только тамъ, гдѣ не замѣшана идея, т.-е. въ обрисовкѣ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ. Напротивъ, въ «Андреѣ» обобщеніе идеи идетъ объ руку съ реализмомъ формы; здѣсь не только мужъ героини (второстепенное дѣйствующее лицо), но и она сама, и Андрей — не голые символы, а живые люди, вполнѣ обыкновенные и вполнѣ своеобразные каждый по-своему. Въ этой поэмѣ Тургеневъ впервые нашелъ свою ма-

неру — манеру бытового реализма, такъ что «Андрей» является звеномъ, соединяющимъ его первыя поэмы со всѣмъ длиннымъ рядомъ его позднѣйшихъ повѣстей и романовъ изъ жизни русскаго образованнаго общества.

И здѣсь я опять долженъ сказать то же, что раньше сказалъ о «Парашѣ»: «Андрей» свѣжѣе, наивнѣе и чище, чѣмъ эти позднѣйшія повѣсти о любви; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ художественномъ отношеніи безконечно выше «Параши», потому что любовь Параши есть схема дѣвичьей любви, тогда какъ Андрей и Дуня влюбляются и любятъ индивидуально. Будь «Андрей» болѣе сжатъ (въ немъ около 130 восьмистрочныхъ строфъ и очень мало дѣйствія), его надо было бы признать одною изъ лучшихъ повѣстей Тургенева по поэтичности колорита, по тонкости психологіи и мѣткой изобразительности. Я излагаю здѣсь только мое личное впечатлѣніе; эстетическій разборъ этой, какъ и остальныхъ поэмъ, не входитъ въ мою задачу: онъ требуетъ особаго изслѣдованія, параллельнаго тому, которое предлагается здѣсь.

Фабула «Андрея» такъ же несложна, какъ фабула «Параши». Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ; Андрей, молодой человѣкъ изъ дворянъ, влюбляется въ молоденькую жену одного изъ мѣстныхъ обывателей, «неслужащаго дворянина», и встрѣчаетъ взаимность, но, не рѣшаясь идти противъ мнѣній свѣта, боясь и ее обречь на позоръ, послѣ нѣкотораго колебанія уѣзжаетъ; вотъ и все.

Тургеневъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать Андрея среднимъ, нормальнымъ типомъ русскаго человѣка своей эпохи. До сихъ поръ онъ изучалъ *реакцію на любовь* мужчинъ, заѣденныхъ рефлексіей; теперь онъ намѣренно беретъ человѣка, чуждаго рефлексіи, — и это обстоятельство онъ усиленно ставитъ на видъ. Андрей характеризуется не положительно, а въ своихъ отрицательныхъ особенностяхъ — по контрасту съ тѣми «героями времени», героями «Параши» и «Разговора»: онъ — человѣкъ *безъ* разочарованія, *не* влюбленный въ отчаяніе, *не* лелѣющій своего страданія; онъ нехотя занимается собою, *не* важничаетъ, *не* бранитъ людей и ничего не презираетъ. Это добрый, честный, немного застѣнчивый, склонный къ мечтательности человѣкъ, ничѣмъ не замѣчательный, но здоровый, съ сердцемъ на надлежащемъ мѣстѣ. Такой же средній типъ и Дуня. Въ ней нѣтъ ничего демоническаго; «даръ страданія» ей совершенно чуждъ; она безмятежно любитъ мужа, держитъ домъ въ порядкѣ, въ ней много «здраваго разсудка». До встрѣчи ни она,

ни Андрей не помышляли о любви; но они молоды и полны нерастраченныхъ силъ, а мужъ пошлъ и скученъ. Любовь разгорается ровно съ обѣихъ сторонъ, и наконецъ наступаетъ минута, когда оба сознаютъ свое чувство. Здѣсь-то сразу и обнаруживается различіе. Дуня разражается *сладкими* слезами, какъ въ жизни плачутъ только разъ:

Она не вспомнила, что никогда
Съ Андреемъ ей не жить, что не свободна
Она, что страсти слушаться—бѣда,
И что такая страсть или безплодна,
Или преступна... *Женщина всегда*
Въ любви такъ безкорыстно-благородна,
И предаются смѣло, до конца,
Одни простыя женскія сердца.

Другое дѣло Андрей; какъ онъ ни простодушенъ, этой цѣльности въ немъ нѣтъ:

все предвидѣлъ онъ: позоръ борьбы,
Позоръ обмана, дни тревогъ и скуки,
Упрямство непреклонное судьбы,
И горькія томленія разлуки,
И страхъ, *и все, чѣмъ прокляты рабы...*
И то, что хуже-хуже всякой муки:
Живучесть пошлости...

Конечно, говоритъ Тургеневъ, есть и другой выходъ; есть сильные люди, равнодушные къ тому, «чѣмъ сердцу милы *дозволенныя* радости людей»: они живутъ на свободѣ и въ «могуществѣ спокойнаго сознанья» просто не чувствуютъ цѣпей. Но — «Андрей героемъ не былъ»: онъ за себя и за нее трусливо отрекается отъ счастія. Тургеневъ показываетъ намъ обоихъ спустя три года. Сломленъ страданьемъ, Андрей безъ цѣли скитается по Европѣ: «онъ не забылъ... забыть не въ нашей власти!» Въ Миланѣ онъ неожиданно получаетъ письмо отъ Дуни, и это письмо — его приговоръ. Онъ не любилъ ея! Если бы онъ любилъ, развѣ онъ могъ бы оставить ее въ жертву двойной мукѣ — разлуки съ нимъ и пошлости ея уѣздной жизни? Въ то время, какъ она вся ввѣрялась ему, онъ колебался и разсуждалъ, обманывая себя сознаніемъ своего благородства; а ему не доставало не жестокости, не смѣлости, а просто любви. Такъ, вмѣсто свободы и счастія и просвѣтляющаго страданія для обоихъ, что *могло бы* родиться изъ ихъ любви, родилось рабское, мѣщанское горе, какое-то медленное удушье, безсмысленное, уни-

зительное; и виноватъ въ этомъ — мужчина, точнѣе — русскій мужчина. Тургеневъ первоначально озаглавилъ эту поэму: «Любовь»; это — исторія типичной, *средней* любви на русской почвѣ. Любовь для Тургенева — только реактивъ, дающій ему возможность опредѣлить сравнительную упругость и силу мужской и женской души; и его выводъ здѣсь, какъ и въ прежнихъ случаяхъ, всецѣло въ пользу женщины: это его крѣпчайшее и субъективно центральное убѣжденіе.

Я, конечно, далеко не исчерпалъ художественнаго содержанія поэмъ Тургенева, да это и не было моей цѣлью. Мнѣ нужно было только исполнить по отношенію къ нимъ первую и главнѣйшую задачу историка литературы, именно найти ихъ *личный ключъ*, — а такой ключъ, какъ сказано, долженъ и можетъ быть подысканъ для всякаго художественнаго произведенія. Разборъ этихъ поэмъ приводитъ къ заключенію, что основнымъ фактомъ душевной жизни Тургенева въ первой половинѣ 40-хъ годовъ было болѣзненное чувство своей внутренней разорванности. Это чувство было въ немъ такъ исключительно остро, такъ преобладало надо всѣми другими, что опредѣлило его сознательный критерій нормальнаго и ненормальнаго, добра и зла: ненормально всякое существо, лишенное внутренней цѣльности (я, и вся мужская половина моего поколѣнія), нормаленъ только тотъ, въ комъ есть эта цѣльность (Станкевичъ и всякая дѣвушка).

Этотъ выводъ кажется на первый взглядъ исторически-невѣроятнымъ. Вѣдь идею внутренней цѣльности, какъ мѣрила душевнаго здоровья, написало на своемъ знамени славянофильство, и именно въ тѣ самые годы, когда Тургеневъ сочинялъ свои поэмы. Близость Тургенева къ этому кругу идей бросается въ глаза. Что же это: значитъ Тургеневъ былъ славянофиломъ? — Но историкъ не найдетъ здѣсь ничего страннаго. Онъ сопоставитъ тургеневскую тоску по цѣльности съ цѣлымъ рядомъ аналогичныхъ явленій той эпохи, — съ жаждою самозабвенія въ поэзіи Огарева, съ завѣтомъ Станкевича — охватывать жизнь разомъ, изъ живого непосредственнаго чувства, съ грустнымъ раздумьемъ, проходящимъ красною нитью чрезъ «Дневникъ» Герцена (1842 — 1845 гг.)—о томъ, что мы не умѣемъ жить всѣмъ существомъ въ каждой данной минутѣ; онъ покажетъ, что это болѣзненное чувство внутренняго распада было обще всему поколѣнію, и, можетъ быть, онъ сумѣетъ до-

казать, о чемъ мы теперь только въ общемъ догадываемся, что славянофильство и западничество психологически были лишь двумя различными, на различныхъ метафизическихъ основаніяхъ, путями къ выходу изъ этой общей всему поколѣнію муки внутренняго распада.

Какъ бы то ни было, правильность вывода неоспорима, и въ этомъ — главное значеніе поэмъ для исторіи творчества Тургенева: его душевный недугъ и его сознаніе этого недуга выступаютъ здѣсь яснѣе, нежели въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ. И понятно почему: во-первыхъ, въ тѣ годы (1842 — 1845) Тургеневъ какъ разъ переживалъ періодъ осознанія собственной личности, какой неизбѣжно переживаетъ всякій мыслящій человѣкъ на рубежѣ между юностью и зрѣлымъ возрастомъ, и потому чувствовалъ свой недугъ несравненно острѣе, чѣмъ въ поздніе годы, когда постепенно, какъ и всякій человѣкъ, привыкъ къ себѣ, сжился со своими склонностями и недостатками; во-вторыхъ, и самое его литературное творчество, вначалѣ сравнительно непосредственное, со временемъ осложнилось множествомъ не-личныхъ мотивовъ: гражданскими и гуманитарными идеями, бытовой фотографичностью (подъ вліяніемъ физіологической беллетристики 40-хъ годовъ) и пр., и оттого уже менѣе ясно отражало въ себѣ личность самого художника. Что состояніе и мысль, о которыхъ идетъ рѣчь, не могли исчезнуть у Тургенева и позднѣе, за это порукою самое существо дѣла. И они дѣйствительно отразились въ его дальнѣйшемъ творчествѣ — не только косвенно: дѣленіемъ русскаго общества на двѣ части по признаку внутренней цѣльности и культомъ влюбленной дѣвушки, —но и непосредственно, чего мы, можетъ быть, и не подозрѣвали бы, если бы поэмы не дали намъ въ руки конецъ этой нити — одной изъ главныхъ, какія образовали «основу» тургеневскаго творчества. Впослѣдствіи эта нить обыкновенно бывала переплетена съ другими или заткана почти до неузнаваемости (хотя пристальный анализъ несомнѣнно обнаружитъ ея присутствіе во всѣхъ лучшихъ произведеніяхъ Тургенева); но по временамъ она опять выступала наружу, и притомъ на протяженіи всей его литературной дѣятельности. Въ подтвержденіе моей мысли укажу на «Поѣздку въ Полѣсье» (1857 г.) и «Живыя мощи» (напечатана въ 1874 г.).

Я говорилъ уже, что чувство внутренняго распада сопровождалось у Тургенева чувствомъ своего распада съ жизнью, съ природою. Когда на ряду съ естественнымъ чувственно-волевымъ центромъ личности образуется въ человѣкѣ и другой, незаконный

центръ—разсудка, тогда цѣльность впечатлѣній исчезаетъ; непосредственное воспріятіе дѣйствительности становится невозможнымъ, такъ какъ оно въ самомъ зародышѣ разбивается разсудочнымъ анализомъ. Оттого такой человѣкъ теряетъ чувство реальности: въ немъ испорченъ самый механизмъ, которымъ субъектъ непосредственно воспринимаетъ реальность вещей. Отсюда развивается тяжелая метафизическая тоска. Въ то время, какъ здоровый человѣкъ инстинктивно ощущаетъ законность своего существованія и безъ рефлексіи течетъ въ общемъ потокѣ бытія, человѣкъ раздвоенный внутренно силится разумомъ вправить себя въ общее русло, мучится вопросомъ о смыслѣ жизни или сознаніемъ ея безсмысленности и, чувствуя себя не органической частью цѣлаго, а отщепенцемъ, *видитъ* это цѣлое передъ собою и *боится* его. Именно это состояніе раздвоенной души съ удивительной отчетливостью изображаетъ «Поѣздка въ Полѣсье». Тургеневъ выводитъ предъ нами вереницу здоровыхъ, внутренно цѣльныхъ людей, которые *спокойно* живутъ въ дремучемъ бору Полѣсья; эта «первобытная, нетронутая сила» ихъ не пугаетъ: они просто не видятъ ея, потому что они — въ ней, они органически съ нею едины; мы сказали бы: космическая жизнь непосредственно циркулируетъ въ нихъ, какъ воздухъ — въ нашихъ легкихъ. Но вотъ вошелъ въ это нетронутое царство природы онъ, Тургеневъ, человѣкъ съ раздвоенной душой, вышавшій изъ природнаго строя. Онъ разумомъ — внѣ ея, *и оттого онъ видитъ ея лицо*. Оно ужасно, это лицо, —кровь стынетъ въ его жилахъ; это не лицо матери, а грозное, холодное лицо безстрастнаго владыки. Ему трудно вынести этотъ взглядъ «вѣчной Изиды»; въ его сердце неотразимо проникаетъ чувство своего одиночества, своей слабости и ничтожности, его душа никнетъ и замираетъ въ ощущеніи «непрестанной близости смерти».

Если этотъ страхъ — одинъ изъ симптомовъ болѣзни, то вотъ и другой, не менѣе обыкновенный: чувство болѣзненности прошлаго. Это чувство знаютъ многіе люди. Эта боль воспоминанія чужда здоровому духу, потому что онъ всѣмъ существомъ жилъ въ каждомъ мгновеніи; но кто жилъ ущербно, — а такъ живетъ всякій раздвоенный духъ, — тому позднѣе жестоко мстятъ не до дна изжитыя минуты, мстятъ именно этимъ чувствомъ безплодно-прожитой жизни, незамѣтно ушедшихъ и неиспользованныхъ дней. Оставшись одинъ въ дремучемъ бору, охваченный вѣяньемъ смерти, Тургеневъ вдругъ, «какъ бы повинуясь таинственному повелѣнію», начинаетъ припоминать свою жизнь. «Я сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ, глядѣлъ съ изумленіемъ и усиліемъ, точно всю жизнь свою я передъ

собою видѣлъ, точно свитокъ развивался у меня передъ глазами. О, что я сдѣлалъ! невольно шептали горькимъ шопотомъ мои губы. О, жизнь, жизнь, куда, какъ ушла ты такъ безслѣдно? Какъ выскользнула ты изъ крѣпко-стиснутыхъ рукъ? Ты ли меня обманула, я ли не успѣлъ воспользоваться твоими дарами?... О, неужели нѣтъ надежды, нѣтъ возврата?» — Такъ, *страхомъ* и *раскаяніемъ* наказывается внутренній распадъ. Цѣльное существо не знаетъ ни того, ни другого, — ни прошлое, ни будущее не мѣшаютъ ему жить въ настоящемъ*). Именно такъ живетъ Ефремъ, котораго Тургеневъ, можетъ быть, съ умысломъ противопоставилъ себѣ въ этомъ разсказѣ.

Надо удивляться художественной силѣ Тургенева, которая позволила ему, какимъ онъ былъ, представить въ «Живыхъ мощахъ» противоположный себѣ полюсъ *абсолютной цѣльности духа*. Картина, изображенная въ этомъ разсказѣ, имѣетъ міровое значеніе. Тургеневъ показываетъ намъ человѣка, который, находясь въ исключительныхъ условіяхъ, сумѣлъ окончательно истребить въ себѣ *второй* центръ душевной жизни — разсудокъ. Это былъ актъ самосохраненія, подобно тому, какъ ящерица отрываетъ свой ущемленный хвостъ. Ось разсудка — личное «я»; перебирать обрывки личнаго прошлаго, праздно пересматривать бѣдныя сокровища настоящаго, предугадывать возможности будущаго — такова повседневная работа ума. Лукерьѣ въ ея положеніи эти картины кинематографа могли доставлять только острое страданье, — и она подавила въ себѣ разсудокъ: «Я такъ себя пріучила: не думать, а пуще того — не вспоминать». Разсказчикъ прерываетъ ее характернымъ для Тургенева вопросомъ: «Какъ ты можешь помѣшать, чтобы мысли тебѣ въ голову не шли?» — чего не отдалъ бы онъ за это умѣнье! — И она отвѣчаетъ: «а такъ, лежу я себѣ, лежу-поле-

---

*) Такъ у Тютчева:

Не о *быломъ* вздыхаютъ розы
И соловей въ ночи поетъ;
Благоухающія слезы
Не о былomъ Аврора льетъ;
И *страхъ* кончины неизбѣжной
Не свѣетъ съ древа ни листа:
Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,
Вся въ *настоящемъ* разлита.

живаю — и не думаю; *чую, что жива, дышу — и вся я тутъ*. Смотрю, слушаю». Удивительныя слова! Откуда Тургеневъ могъ узнать это? — И вотъ, когда умолкло однообразно-тревожное дребезжаніе разсудка, которое дробитъ и заглушаетъ музыку сферъ, — смотрите, какъ преобразилась Лукерья. Ея ужасная жизнь не только сдѣлалась безбольной, — нѣтъ, гораздо больше того: ея душа стала какъ сообщающійся сосудъ съ космосомъ. Свободно и легко входятъ въ нее волны міровой жизни — звуки, запахи. «Кротъ подъ землею роется — я и то слышу. И запахъ я всякій чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый... Пчелы на пасѣкѣ жужжатъ да гудятъ; голубь на крышу сядетъ и заворкуетъ; курочка-насѣдочка зайдетъ съ цыплятами крошекъ поклевать; а то воробей залетитъ или бабочка — мнѣ очень пріятно». Она не любитъ жизни, любить можно только то, что внѣ насъ: она, заглушивъ въ себѣ разсудокъ, слилась съ жизнью. И эта жизнь, такъ непосредственно циркулирующая чрезъ ея душу, — какими дивными видѣніями она сказывается въ ней! Я не смѣю пересказывать ея сновидѣній (Тургеневъ сообщаетъ ихъ три), — они полны нездѣшней красоты и нездѣшняго смысла; во снѣ ей сообщается и срокъ ея смерти. И не только во снѣ, — она и на яву слышитъ неземные голоса: «Лежу я иногда такъ-то одна... и словно никого въ цѣломъ свѣтѣ кромѣ меня нѣту. Только одна я — живая! И чудится мнѣ, будто что меня осѣнитъ... Возьметъ меня размышленіе — даже удивительно!... Придетъ словно какъ тучка, прольется, свѣжо такъ, хорошо станетъ, а что такое было — не поймешь!»

Тургеневъ изобразилъ здѣсь не индивидуальный случай, а классическій образецъ свободнаго духа. Этотъ законъ былъ хорошо извѣстенъ индійскимъ мудрецамъ. «Это одна изъ важнѣйшихъ доктринъ gnani, — говоритъ Карпентеръ, — что власть изгонять мысль, а если понадобится, то и убить ее на мѣстѣ, *должна* быть достигнута. Разумѣется, искусство это требуетъ практики, но, разъ достигнутое, оно, какъ и всякое другое искусство, теряетъ все, что въ немъ было таинственнаго и труднаго. И оно достойно усилій. Можно, въ самомъ дѣлѣ, сказать, что жизнь собственно и начинается только тогда, когда эта способность завоевана... Она не только освобождаетъ человѣка отъ умственныхъ мукъ (составляющихъ по меньшей мѣрѣ девять десятыхъ всѣхъ страданій жизни), но она даетъ ему такую концентрированную силу въ умственной работѣ, которой раньше онъ совершенно и не зналъ». По окончаніи каждой систематической умственной работы, когда другой пока нѣтъ, «машина

должна стать, — стать совершенно. Тогда наступаетъ очередь знанія, которое нисходитъ на насъ уже независимо отъ мысли: когда шумъ работы въ мастерской затихъ, въ раскрытое окно слышны тихіе звуки долины и далекаго морского берега — неясный отзвукъ болѣе божественнаго знанія, растущаго по мѣрѣ того, какъ біеніе мысли затихаетъ, — необыкновенныя озаренія, необыкновенныя пониманія и ощущенія... Сперва они кажутся чудесными, но это не такъ. Ничего чудеснаго нѣтъ въ нихъ, потому что они всегда тутъ, какъ звѣзды всегда на небѣ. Если и есть тутъ чудо, то это наше поразительное невниманіе къ нимъ. Въ этомъ... космическомъ сознаніи человѣка скрыты мельчайшія, самыя разнообразныя и широко хватающія озаренія и проникновенія — нѣкоторыя изъ нихъ своей быстротой и тонкостью превосходятъ все, что есть въ первичномъ, индивидуальномъ сознаніи, — но мы не обращаемъ на нихъ вниманія, такъ какъ мысль, какъ клоунъ, всегда поетъ и кувыркается предъ нами и мѣшаетъ намъ слышать»*). Эти строки—точно обобщенное истолкованіе образа Лукерьи изъ «Живыхъ мощей».

Было бы величайшей ошибкою выводить изъ моихъ словъ, будто я считаю Тургенева врагомъ мысли. Всякій знаетъ, что онъ преклонялся предъ культурою, предъ наукою, предъ интеллектуальными цѣнностями. Здѣсь не мѣсто разбирать этотъ сложный вопросъ— какъ уживался въ немъ культъ мысли съ тоскою по душевной цѣльности. Повидимому, онъ дѣлилъ всю сферу мысли чисто-механически на двѣ группы: на систематическое и цѣлесообразное мышленіе, которое есть благо, и на безплодную рефлексію, т.-е. праздное и безпорядочное вращеніе мысли вокругъ собственнаго *я*, что̀ есть зло. Если это вѣрно, то надо будетъ признать, что Тургеневъ не продумалъ вопросъ до конца, потому что эти двѣ категоріи мышленія нераздѣльно-едины въ корнѣ, и исцѣленіе мышленія можетъ произойти не отъ подавленія одной изъ двухъ его категорій, рефлексіи, а отъ оздоровленія ихъ общаго ствола или корня.

---

*) *Эдв. Карпентеръ:* «Я есмь», перев. съ англ. И. Наживина, стр. 27 — 30 (глава изъ книги Карпентера: From Adam's Peak to Elephanta.)

ГЕРЦЕНЪ и ЗАПАДЪ.

(Глава изъ біографіи А. И. Герцена.)

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ государства, т.-е. со временъ отдаленнѣйшей древности, существуютъ и международныя отношенія правительствъ; а съ тѣхъ поръ, какъ за спиною правительствъ стали пробуждаться народы, возникаетъ общеніе демократій. Старое слово, что насиліе разъединяетъ, свобода соединяетъ, оправдалось и здѣсь. Можетъ быть, нигдѣ природа государства не обнаруживается такъ обнаженно, какъ въ международной политикѣ. Въ ней все — мерзость и зло: ея цѣль — корысть, средства дѣйствія — едва прикрытыя ложь и хитрость въ мирѣ, и голый цинизмъ силы въ войнѣ. Полную противоположность ей представляетъ та новая, демократическая международность, коренящаяся въ общемъ стремленіи національностей къ свободѣ и праву. Ея синонимъ — солидарность народовъ; это — раціоналистическая сторона того же вселенскаго идеала, который на религіозной почвѣ проводится христіанствомъ.

Я говорю здѣсь, разумѣется, не о стихійномъ процессѣ сближенія и смѣшенія націй, который идетъ, непрерывно усиливаясь, на всемъ протяженіи исторіи, который въ наши дни достигъ колоссальныхъ размѣровъ и въ которомъ участвуютъ тысячи слѣпыхъ силъ, — личныя сношенія людей, умственное и литературное общеніе народовъ, торговля, биржа, пути сообщенія и т. п. Я говорю только объ одномъ изъ рычаговъ этого невидимаго всечеловѣческаго механизма — о *сознательныхъ* усиліяхъ, направленныхъ къ созданію международной солидарности.

Основатели религій, мыслители и поэты во всѣ времена проповѣдовали единство человѣчества, пророчествовали «о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ единую семью соединятся», но широкое активное движеніе, ставящее себѣ эту цѣль, возникло лишь въ XIX вѣкѣ, въ тѣснѣйшей связи съ революціоннымъ броженіемъ, волновавшимъ Европу всю первую половину этого столѣтія.

Для насъ, русскихъ, спеціальный интересъ представляетъ вопросъ о томъ, какъ вошла въ эту вольную семью европейскихъ демократій русская демократическая интеллигенція. Этому вопросу и посвящены предлагаемыя страницы. Отвѣтить на него — значитъ разсказать отрывокъ изъ біографіи Герцена.

II.

Я хочу показать, какимъ образомъ Герценъ сталъ первымъ и донынѣ непревзойденнымъ посредникомъ между демократической Европой и русской интеллигенціей. Онъ занялъ это мѣсто въ силу исключительно благопріятныхъ условій двоякаго рода — общеисторическихъ и личныхъ.

1848-й годъ былъ *геджрой* въ исторіи европейской международной демократіи. Что самая революція, прокатившаяся тогда волною по всей Западной Европѣ, носила яркій отпечатокъ международности, что послѣдовавшая за нею реакція съ небывалой силой засвидѣтельствовала солидарность деспотическихъ правительствъ, — это общеизвѣстные факты. Но дѣло собственно не въ нихъ; эти вспышки международности погасли вмѣстѣ съ самымъ пожаромъ, и въ дальнѣйшемъ и народы, и власть надолго разобщились между собою. Гораздо важнѣе самихъ фактовъ оказались ихъ моральные результаты, тѣ, если можно такъ выразиться, сѣмена международности, которыми революція 1848—49 гг. оплодотворила въ Европѣ тысячи и десятки тысячъ индивидуальныхъ сознаній. Въ этой революціи были такъ тѣсно переплетены интересы различныхъ странъ и народностей, — Франціи и Италіи, Италіи и Австріи, Австріи и Пруссіи, Польши и всѣхъ другихъ, — что, когда схлынула революціонная волна и все стало на прежнія мѣста, въ представленіяхъ передовой части европейскаго общества идея свободы оказалась нераздѣльно слитой съ понятіемъ круговой поруки народовъ. Самымъ ходомъ борьбы, въ пылу побѣдъ и пораженій, былъ выкованъ своего рода

международно-демократическій идеалъ, и его, какъ святыню, унесли въ изгнаніе тысячеголовыя разноязычныя полчища эмигрантовъ, которыя въ 1849 году наводнили Швейцарію и потомъ Англію. Эта текучая община взыскующихъ свободы просуществовала лѣтъ десять-пятнадцать; и если мысль и чувство ея членовъ были съ самаго начала сильно окрашены интернаціонализмомъ, то совмѣстная жизнь въ эмиграціи, это безпрестанное общеніе людей, принадлежавшихъ къ разнымъ національностямъ, но объединенныхъ въ чужой странѣ общностью участи и стремленій, развили эту тенденцію въ нихъ до крайней степени.

Можно безошибочно сказать, что никогда ни раньше, ни потомъ чувство международной демократической солидарности не расцвѣтало такъ пышно, какъ въ этихъ эмигрантскихъ кружкахъ въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ послѣ 1848 года. Атмосфера была до такой степени насыщена космополитизмомъ, что избѣгнуть его вліянія было рѣшительно невозможно: онъ окрасилъ мышленіе даже такихъ умовъ, гдѣ для него, казалось, не было никакой почвы. Лучшій примѣръ — Прудонъ. Этотъ крѣпкій и трезвый мужицкій умъ, весь сосредоточенный въ положительномъ, былъ безконечно далекъ отъ романтической мечтательности и, конечно, никто не заподозрилъ бы его въ склонности къ утопіямъ. И дѣйствительно, въ задачахъ дня, въ вопросахъ тактики, онъ остается самымъ ярымъ «реальнымъ политикомъ»; въ этомъ отношеніи онъ представлялъ полный контрастъ съ большинствомъ эмигрантовъ, которые стремились сдѣлать элементъ международности орудіемъ самой борьбы. Его письма конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ полны рѣзкихъ нападокъ на этихъ космополитовъ, на Мадцини, Кошута и др. Своимъ нелѣпымъ фантазерствомъ они, по его мнѣнію, нанесли непоправимый вредъ своимъ странамъ и революціи. Если бы,—пишетъ онъ однажды *)—Кошутъ думалъ побольше о своей родинѣ, ввѣрившей ему свою судьбу, и поменьше о всемірной республикѣ, царь никогда не вмѣшался бы, и Венгрія была бы свободна: «интересы революціи требуютъ болѣе узкой, пожалуй даже болѣе эгоистической политики, но примѣняемой съ умомъ и во-время». И однако по общему своему міровоззрѣнію Прудонъ— такой же космополитъ, какъ Мадцини, съ той только разницей, что идею солидарности демократій онъ выводитъ не изъ апріорныхъ по-

*) P.-J. Proudhon, «Correspondance», t. IV, Paris, 1875, стр. 93.

ложеній, а изъ фактовъ. Въ 1851 году онъ пишетъ бѣжавшему изъ Франціи Шарлю Эдмонду въ отвѣтъ на его письмо изъ Ниццы, принадлежавшей тогда пьемонтскому королю: «Ваши злоключенія доказали намъ то, что вообще нетрудно замѣтить,—что полиція разныхъ правительствъ соединилась теперь противъ всемірной демократіи и что, слѣдовательно, гуманитарное единство Европы получило свое первое посвященіе отъ самой реакціи. Съ тѣхъ поръ, какъ короли, капиталисты и попы признали себя солидарными и, значитъ, рабочіе и свободомыслящіе также стали солидарны,—границы національностей исчезли, и въ Европѣ остался одинъ народъ, какъ со временемъ одинъ народъ будетъ на всемъ земномъ шарѣ. Надо вычеркнуть изъ Гражданскаго уложенія параграфы 1-й и 2-й о французскомъ подданствѣ. Право гражданства принадлежитъ всякому человѣку во всякой культурной странѣ, гдѣ онъ находится»,— и, увлеченный логичностью своей мысли, Прудонъ справедливо восклицаетъ: «Понимаете, какъ это просто?—Говорю вамъ торжественно: до этого не дошли еще ни Маццини, ни Ледрю-Ролленъ» *). А въ августѣ 1852 г., въ дни наибольшаго торжества реакціи, Прудонъ съ увѣренностью рисуетъ картину лучезарнаго будущаго: революція идетъ и идетъ, ея ничто не остановитъ, ей служитъ все — смѣшное и великое; «она все вовлечетъ въ себя, и въ результатѣ будетъ то, о чемъ я всегда говорилъ вамъ: народы смѣшаются, государства исчезнутъ, воцарится экономическая гарантія или взаимность, и личность освободится совершенно. Одинъ невидимый организмъ, вмѣщающій въ себѣ и оживляющій весь человѣческій муравейникъ, — такимъ представляется мнѣ будущее» **).

Если идейно даже такой непокорный умъ, какъ Прудонъ, былъ захваченъ общимъ влеченіемъ, то въ нервной обстановкѣ эмиграціи оно претворялось въ чувство, въ страсть, и при всякомъ удобномъ поводѣ стремилось выказаться на дѣлѣ. Здѣсь международность была настроеніемъ, которое направляло мысль, пропитывало чувство, опредѣляло поступки. Ею окрашена вся исторія тогдашней эмиграціи, не только официальная (потому что эмиграція имѣла и свою внѣшнюю политику), но и внутренняя, бытовая. Я приведу нѣсколько наудачу взятыхъ примѣровъ, которые могутъ дать наглядное представленіе объ этой космополитической атмосферѣ; такихъ эпизодовъ можно набрать въ тотъ періодъ тысячи.

---

*) Ibid., t. IV, стр. 89.
**) Ibid., стр. 316 (письмо къ Герцену).

12 іюня 1849 года въ Café Lamblin въ Парижѣ собрались эмигранты разныхъ странъ съ цѣлью выработать текстъ протеста отъ лица европейской демократіи противъ занятія Рима французскими войсками; на слѣдующій день, въ знаменитой демонстраціи 13-го іюня, кончившейся такъ плачевно, кучка эмигрантовъ шла непосредственно за вождями толпы. Что въ попыткахъ національныхъ возстаній принимало участіе тогда множество иностранцевъ, это достаточно извѣстно; еще въ польской экспедиціи Лапинскаго, въ 1863 году, участвовали — кромѣ 164 поляковъ — 22 француза, 16 итальянцевъ, 3 англичанина, 3 нѣмца, 2 швейцарца, 2 русскихъ, 2 бельгійца, 2 венгра, 1 голландецъ и 1 кроатъ, а на собраніи у Герцена, гдѣ обсуждался планъ этой экспедиціи, были — кромѣ Герцена и Огарева, Лапинскаго и Цвѣрчакевича — еще Маццини, Ледрю-Ролленъ и Марксъ. Когда въ началѣ Крымской войны у поляковъ явилась мысль воспользоваться этой войною для возстанія, и, чтобы добиться отъ союзниковъ хотя бы только моральной поддержки, Ворцель выступилъ въ цѣломъ рядѣ англійскихъ городовъ съ рѣчами, стараясь повліять въ этомъ смыслѣ на общественное мнѣніе Англіи, — его сопровождалъ въ этой поѣздкѣ, на ряду съ нимъ агитируя за Польшу, Кошутъ; и тотъ же Ворцель на смертномъ одрѣ потребовалъ отъ Маццини торжественной клятвы, что Польша не будетъ забыта при пробужденіи народовъ, и Маццини написалъ клятву на листѣ бумаги и прочелъ умирающему.

Передъ внѣшнимъ міромъ эта разноплеменная эмиграція старается выступать какъ одно цѣлое. Она имѣла и свое представительство: таковъ былъ Центральный европейскій комитетъ въ началѣ 50-хъ годовъ въ Лондонѣ, состоявшій изъ Маццини, Арнольда Руге, Ледрю-Роллена, Кошута, Ворцеля и Братіано, таковъ былъ Международный комитетъ 1855 года тамъ же, и т. д. Эти комитеты выступали съ манифестами, обращенными то къ европейской демократіи, то къ обществу той или другой страны, устраивали митинги и банкеты международно-демократическаго характера. Такъ (и это одинъ примѣръ изъ многихъ), въ послѣднихъ числахъ февраля 1855 года въ передовыхъ лондонскихъ газетахъ появилось слѣдующее объявленіе: «Въ память великаго революціоннаго движенія 1848 года. Солидарность народовъ. Во вторникъ, 27 февраля 1855 года, въ St. Martin's Hall, Long-Acre, состоится международный банкетъ въ соединеніи съ публичнымъ митингомъ. Къ участію приглашены слѣдующіе видные представители европейской демократіи: *Франція* — Луи-Бланъ, Викторъ Гюго, Барбесъ, Феликсъ Піа, Ледрю-Рол-

ленъ, Распайль, Эйженъ Сю, Пьеръ Леру. *Германія* — Кинкель, Марксъ, Руге, Шапперъ. *Италія* — Пьянчани, Саффи, Маццини, Телеки. *Венгрія* — Кошутъ. *Польша* — Ворцель, Зено Свентославскій. *Россія* — Герценъ. *Англія* (чартисты) — У. Кёнингемъ, Дж. Финленъ, Куперъ, Майнъ-Ридъ и др.» И въ рѣчи, произнесенной на этомъ банкетѣ, Герценъ говорилъ: «Посмотрите на эту залу, посмотрите на эти обломки всѣхъ бурь, изгнанниковъ всѣхъ странъ, старыхъ бойцовъ и молодыхъ ратниковъ противъ всѣхъ тиранствъ, сошедшихся праздновать страницу изъ лѣтописи революціи...» и т. д. Для служенія дѣлу всемірной свободы возникаетъ рядъ газетъ. Еще въ 1848 г. въ Парижѣ на деньги Ксаверія Браницкаго основывается газета «La Tribune des Peuples» — во множественномъ числѣ — «международный Монитёръ движенія и прогресса», и на первомъ редакціонномъ ужинѣ были представлены, по словамъ Герцена, всѣ европейскія націи «отъ Сициліи до кроатовъ»; другой такой же органъ международной демократіи, но уже на трехъ языкахъ, основали въ 1849 г. въ Женевѣ Струве и Гейнценъ; въ «Voix du Peuple», который издавали въ 1849 — 50 гг. Прудонъ и Герценъ, иностранный отдѣлъ носилъ заглавіе: «Всеобщая политика. — Солидарность народовъ». Можно было бы собрать не мало примѣровъ въ доказательство того, что и внѣшній міръ признавалъ единство европейской демократіи; однимъ изъ самыхъ курьезныхъ былъ обѣдъ, устроенный въ 1854 году американскимъ консуломъ въ Лондонѣ изгнанникамъ всѣхъ странъ, на которомъ присутствовали Герценъ, Маццини, Кошутъ, Ледрю-Ролленъ, Гарибальди, Орсини, Ворцель и Пульскій; это былъ «дипломатическій обѣдъ врагамъ всѣхъ существующихъ правительствъ».

Внутри своего круга эмиграція держалась, разумѣется, какъ одна большая семья или какъ колонія соотечественниковъ въ чужой странѣ, и этому не мѣшали ни безконечныя сплетни, ни обиды, ни теоретическое разномысліе. Болѣе состоятельные эмигранты по мѣрѣ силъ поддерживали матеріально неимущихъ товарищей безъ всякаго различія національности, и то же чувство родства въ общемъ стремленіи часто давало нуждающимся смѣлость *требовать* помощи у богатыхъ. Подъ протестомъ противъ пущеннаго одной англійской газетой слуха, будто Бакунинъ былъ шпіономъ, подписались, кромѣ Герцена и Головина, еще Ворцель и Маццини; это было какъ бы общее дѣло, задѣвавшее честь всей семьи. Когда въ 1851 году въ Ниццѣ умерла мать Гарибальди, нести покойницу были приглашены эмигранты разныхъ странъ; тутъ было нѣсколько

итальянцевъ, два француза, полякъ и русскій. Одну семью видѣлъ въ эмиграціи и Гарибальди, мечтавшій собрать всѣхъ этихъ разноплеменныхъ изгнанниковъ на три-четыре корабля и образовать «плавучую революцію, готовую пристать къ тому или другому берегу». Эти мелкіе факты всего лучше характеризуютъ настроеніе эмиграціи. В. Гюго обыкновенно начинаетъ свои письма къ Герцену словами: «дорогой согражданинъ!» — и однажды онъ пояснилъ это обращеніе: «Я называю васъ согражданиномъ, потому что у васъ и у меня — одна мысль: будущее, и подъ ногами одна почва— единеніе человѣчества».

III.

Въ эту-то вольную общину людей, страстно преданныхъ каждый собственной національности и вмѣстѣ съ тѣмъ до мозга костей проникнутыхъ чувствомъ демократической солидарности народовъ, въ самый разгаръ эмиграціи вступилъ Герценъ. Онъ провелъ въ этомъ кругу, исключительно въ немъ, лѣтъ семь (1849—1855), до пріѣзда въ Лондонъ Огарева и начала своей широкой журнальной дѣятельности, когда русскіе интересы, русскія знакомства и сношенія всецѣло поглотили его. Эти семь лѣтъ онъ волей-неволей жилъ въ тѣснѣйшемъ единеніи съ всесвѣтной эмиграціей. Слѣдуя общему потоку, онъ изъ Парижа, ея первоначальнаго центра, послѣ 13 іюня 1849 г. перебрался въ Швейцарію и затѣмъ отсюда въ Англію. Онъ узналъ ее, какъ никто; во второй половинѣ «Былого и Думъ» онъ далъ настоящую физіологію эмиграціи во всѣхъ ея національныхъ, идейныхъ и бытовыхъ разновидностяхъ, такъ что эти главы являются, вѣроятно, наилучшимъ въ литературѣ источникомъ для изученія эмиграціи 50-хъ годовъ.

Все способствовало тому, чтобы Герценъ занялъ въ этомъ обществѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. Его открытая, симпатичная личность съ перваго взгляда располагала къ нему всякаго; что плѣняло въ немъ больше всего, это — самая задушевная доброта въ соединеніи съ сильнымъ умомъ и неистощимымъ остроуміемъ. Онъ былъ интереснѣйшій собесѣдникъ съ глазу на глазъ и увлекательный causeur въ многолюдномъ обществѣ; онъ, повидимому, любилъ говорить и любилъ блеснуть. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ не было и тѣни благёрства. Подъ легкой шуткой, за быстрымъ каламбуромъ всякому была видна въ немъ богато-одаренная, внутренно свободная натура, а въ

серьезномъ разговорѣ или въ писаніяхъ онъ выказывалъ такую высоту полета и такую мощь остраго, глубоко-оригинальнаго ума, которыя внушали иностранцамъ почтеніе, граничившее съ поклоненіемъ. О знаніяхъ нечего и говорить: по широтѣ образованности онъ стоялъ на уровнѣ самыхъ передовыхъ умовъ своего времени. И ко всему этому присоединялась рѣдкая въ русскомъ человѣкѣ общительность. Герценъ разговорится со всякимъ — это видно даже изъ его собственныхъ разсказовъ, — онъ любитъ людей и чувствуетъ себя съ ними легко, какъ и они съ нимъ; у него тьма знакомыхъ, пропасть друзей, и онъ мастерски держится на границѣ между фамильярностью и самоуваженіемъ. Онъ любитъ людей съ терпимостью, поэтому кругъ его знакомствъ вмѣщаетъ въ себѣ элементы, противоположные между собою и съ нимъ самимъ; но эта терпимость — такъ явно плодъ добраго сердца, а не равнодушія, что она никого не оскорбляетъ, напротивъ, она импонируетъ и обязываетъ къ уваженію.

Однихъ этихъ душевныхъ качествъ было бы достаточно, чтобы выдвинуть Герцена и сдѣлать его однимъ изъ центровъ во всякомъ обществѣ; но на ряду съ ними онъ располагалъ еще и нѣкоторыми внѣшними данными, спеціально важными въ томъ кругу, гдѣ ему пришлось вращаться. Герценъ былъ и остался московскимъ бариномъ, аристократомъ; онъ вынесъ изъ дому ту культурную благовоспитанность и ту манеру спокойнаго самоутвержденія, которыя даются только воспитаніемъ. Въ нестрой толпѣ эмигрантовъ это было не малымъ преимуществомъ. Притомъ онъ былъ человѣкъ со средствами; это давало ему возможность жить открытымъ домомъ, принимать у себя въ опредѣленные дни множество гостей, устраивать при случаѣ званые обѣды (какъ, напримѣръ, по поводу пріѣзда въ Лондонъ Гарибальди или по случаю освобожденія крестьянъ). Мало того: онъ могъ широко помогать неимущей эмигрантской братіи — и этому обстоятельству онъ въ значительной степени былъ обязанъ своей популярностью среди эмиграціи; письма къ нему корифеевъ эмиграціи полны просьбъ о помощи тому или другому изгнаннику, пострадавшему за свободу своей страны; тутъ и французскій торговецъ винами, и піанистка итальянка, и венгерскій артиллеристъ, не говоря уже о полякахъ. Онъ и прямо поддерживаетъ матеріально освободительное движеніе во Франціи, въ Италіи: въ 1849 г. онъ далъ 20.000 франковъ Прудону на изданіе газеты «Voix du Peuple», въ 1852-мъ — Маццини на итальянское дѣло около 200 фунт. стерл. и т. д. Наконецъ, немалую услугу оказала Герцену

и его необыкновенная способность къ изученію языковъ: онъ совершенно свободно владѣлъ, устно и письменно, всѣми главными европейскими языками. Юліусъ Роденбергъ, дивясь, разсказываетъ, что въ одномъ салонѣ (въ Лондонѣ) Герценъ при немъ въ одинъ вечеръ разговаривалъ сряду по-русски, французски, англійски, нѣмецки, итальянски и испански. Это характеризуетъ, между прочимъ, и составъ самого салона.

Очень естественно, что при такихъ данныхъ Герценъ не только быстро и совершенно акклиматизировался въ эмигрантской средѣ, но и сдѣлался однимъ изъ ея центровъ. Вотъ живая картина его жизни, показаніе очевидца; рѣчь идетъ о первыхъ годахъ пребыванія Герцена за границей. «Домъ его, — разсказываетъ Густавъ Рашъ, — который онъ пріобрѣлъ въ одной изъ аллей Елисейскихъ полей, былъ открытъ изгнанникамъ самыхъ различныхъ національностей: тамъ можно было встрѣтить нѣмцевъ, итальянцевъ, поляковъ, румынъ, сербовъ, венгровъ. Каждый день столъ накрывался на двадцать приборовъ для бѣднякоъ, которые садились за него, быть-можетъ, потому, что у нихъ не было средствъ пообѣдать въ ресторанѣ. Чтобы получить доступъ въ домъ Герцена, не нужно было никакой рекомендаціи, никакихъ представленій. На вспомоществованіе этимъ изгнанникамъ Герценъ истратилъ въ 1848 и 1849 гг. много тысячъ. Черезъ мои руки прошли значительныя суммы, которыя онъ выдавалъ мнѣ для вѣнскихъ эмигрантовъ, которыхъ онъ зналъ только по имени, при чемъ я не имѣлъ даже права, при передачѣ этихъ суммъ по назначенію, сказать, отъ кого онѣ идутъ. Многіе содержались исключительно на его счетъ; жены двухъ австрійскихъ эмигрантовъ разрѣшились отъ бремени въ его домѣ, потому что дома у нихъ не было для этого надлежащихъ удобствъ». Въ 50-хъ годахъ, въ Лондонѣ, жизнь въ домѣ Герцена уже не носила этого цыганскаго характера, была и болѣе замкнута, и болѣе упорядочена; для пріема былъ отведенъ одинъ день въ недѣлю — воскресенье, и въ этотъ день, по свидѣтельству Н. А. Огаревой-Тучковой, домъ съ утра начиналъ наполняться эмигрантами, изъ которыхъ иные проводили здѣсь весь день. Въ Лондонѣ Герценъ съ самаго начала занялъ мѣсто въ первомъ ряду эмиграціи, въ числѣ ея корифеевъ, какъ Маццини, Кошутъ, Ворцель, Ледрю-Ролленъ, Луи-Бланъ. Эти люди, являвшіеся признанными вождями освободительнаго движенія въ своихъ странахъ, не смѣшивались съ рядовой эмиграціей и, вовсе не будучи близки другъ другу, тѣмъ не менѣе составляли какъ бы одну группу, именно въ силу своей принадлеж-

ности къ высшему рангу европейской демократіи. Герценъ былъ безпрекословно принятъ въ этотъ тѣсный кружокъ просто ради своихъ личныхъ качествъ, и онъ вступилъ въ него съ полнымъ сознаніемъ своего права. Онъ сразу сталъ на равную ногу съ генералами революціи, и своей личностью, своимъ поведеніемъ, своими писаніями съумѣлъ внушить имъ всѣмъ симпатію и уваженіе, а многимъ изъ нихъ — удивленіе и горячую дружбу. Его переписка свидѣтельствуетъ о такой силѣ обаянія, которая можетъ считаться безпримѣрной. Все, что было выдающагося въ европейской демократіи, дружески протягивало ему руку. Его любили Гарибальди, Маццини и Саффи, Квадріо, Медичи, Пизакане, Козенцъ, Піанчани изъ итальянцевъ, Ворцель, Гюго, Карлъ Шурцъ, Карлейль, Фогтъ, Джемсъ Фази, Фридрихъ Кашъ, Луи-Бланъ, Кинэ, Мишле, Пьеръ Леру, Прудонъ и множество другихъ; общій тонъ ихъ писемъ къ нему, при всемъ несходствѣ пишущихъ, — неоспоримое признаніе въ немъ прекраснаго, добраго человѣка и замѣчательнаго мыслителя, писателя, борца за свободу. Передовая фаланга Европы признала его своимъ, и его рѣчамъ среди нея было обезпечено серьезное вниманіе.

IV.

Самымъ фактомъ своего вступленія въ генеральный штабъ европейской революціи Герценъ былъ, такъ сказать, рукоположенъ въ представители русской демократіи. Пусть еще никто изъ его новыхъ товарищей не подозрѣвалъ существованія таковой, но они всѣ были революціонными вождями въ своихъ земляхъ, въ ихъ кругу каждый былъ зачисленъ по своей національности, — значитъ, та же таксировка распространилась на Герцена. Въ общихъ чертахъ, кончено, знали, что въ Россіи неблагополучно, помнили имена Пестеля и Рылѣева. Притомъ Герценъ явился въ Европу изъ «тюрьмы и ссылки» и сразу заговорилъ самымъ радикальнымъ языкомъ о европейскихъ и русскихъ дѣлахъ, а по переѣздѣ въ Лондонъ основалъ на собственныя средства вольную русскую типографію; вокругъ него толпился своего рода штабъ изъ Сазонова, Савича, Головина и проч.: слишкомъ достаточно основаній, чтобы признать его такимъ же выразителемъ думъ русскаго передового общества, какими сами они чувствовали себя по отношенію къ своимъ родинамъ. Еще въ 1850 г. Маццини приглашаетъ Герцена

войти представителемъ Россіи въ Европейскій комитетъ; въ Лондонѣ Герценъ неизмѣнно исполняетъ эту роль на всѣхъ эмигрантскихъ манифестаціяхъ, — какъ, напримѣръ, на томъ февральскомъ митингѣ 1855 г., о которомъ выше была рѣчь; въ 1861 году Гарибальди, желая выразить свое негодованіе по поводу варшавскихъ убійствъ, обращается съ открытымъ письмомъ къ Герцену, и т. д., и т. д. Онъ сдѣлался какъ бы олицетвореніемъ Россіи въ глазахъ радикальныхъ людей Запада.

А съ тѣмъ вмѣстѣ для ихъ сознанія это означало, что въ кругъ западно-европейскихъ демократій вступаетъ новый членъ — русская демократія. До сихъ поръ они не видѣли никого, кто могъ бы навести ихъ на мысль о существованіи въ Россіи такой передовой группы. Изъ людей большого калибра Герцену предшествовали Николай Ивановичъ Тургеневъ и Бакунинъ. Но первый отсталъ отъ движенія радикальной политической мысли, да и держался вдали отъ боевыхъ круговъ; Бакунинъ же, все время, что они его знали, былъ всецѣло поглощенъ западной освободительной борьбой, и если не совсѣмъ сливался съ ними, то только потому, что мечталъ о будущемъ свободномъ славянствѣ. Только Герценъ, вступивъ въ ихъ ряды, олицетворилъ для нихъ новую Россію.

Это былъ капитальный фактъ, но только фактъ, и не больше. Останься Герценъ симпатичнымъ и щедрымъ русскимъ бариномъ или ограничься онъ одною русской дѣятельностью, — этотъ фактъ оказался бы безплоднымъ. Какъ ни блистательна была эта его дѣятельность, западные люди не могли бы оцѣнить ни ея содержанія, ни ея роли въ Россіи и, главное, остались бы въ прежней неизвѣстности относительно существованія въ Россіи сознательнаго общественнаго слоя.

Но если стеченіемъ исключительно счастливыхъ обстоятельствъ Герценъ былъ поставленъ въ самое выгодное положеніе между Европой и Россіей, то надо и ему воздать справедливость: онъ сознательно использовалъ это положеніе, затративъ большую долю своей энергіи на сближеніе западной демократіи съ русской. Онъ самъ позднѣе дѣлилъ свою заграничную дѣятельность на два періода: до 1857 года — русская пропаганда на западѣ; затѣмъ, по смерти Николая, когда русское общество, пробуждаясь, стало искать свободной рѣчи, мы, говоритъ онъ, «оставляя Западъ, обратили наше слово къ Россіи».

V.

Когда Герценъ явился за границу, въ дѣлѣ ознакомленія Западной Европы съ Россіей еще почти ничего не было сдѣлано. Правда, на западныхъ языкахъ уже существовали, и имѣли довольно широкое распространеніе, двѣ хорошія книги о Россіи — Кюстина (1842 г.) и Гакстгаузена (1847 г.); но обѣ онѣ давали только частичные вертикальные разрѣзы — первая чрезъ правящій классъ, вторая — чрезъ сельскую общину. Цѣлой же картины, и, главное, картины *движенія* народной жизни, не только не было, но отсутствовали даже элементарныя свѣдѣнія хотя бы только объ основномъ характерѣ этого движенія, — а безъ нихъ и данныя Кюстина и Гакстгаузена оставались какъ бы висящими въ воздухѣ.

Въ 1851 году человѣкъ сильнаго ума и обширныхъ знаній, историкъ Мишле, написалъ сравнительную характеристику польской и русской народностей. Его цѣль была — ободрить порабощенную Польшу, указавъ ей ея историческую миссію; для этого и понадобилась ему Россія. Онъ отнесся къ своей задачѣ въ высшей степени добросовѣстно: перечиталъ, по его собственнымъ словамъ, все, что было написано о Россіи на европейскихъ языкахъ, не исключая, разумѣется, Кюстина и Гакстгаузена; слѣдовательно, больше, чѣмъ онъ, не могъ знать о Россіи ни одинъ европеецъ. И вотъ, безошибочно можно сказать, что въ настоящее время средній европейскій журналистъ имѣетъ болѣе правильное представленіе о движеніи умовъ въ Китаѣ, нежели какое составилъ себѣ Мишле о современной ему Россіи. Я изложу вкратцѣ его характеристику русскаго народа въ «Легендѣ о Косцюшко», чтобы показать всю глубину этого типичнаго для тогдашней Европы невѣжества.

Его основная мысль, выраженная сразу во введеніи, состоитъ въ томъ, что на сѣверѣ есть только одинъ живой народъ — поляки, Россія же почти не существуетъ, она мертва. Дѣло въ томъ, что русскій народъ былъ призванъ осуществить идею патріархальной власти, но подъ гнетомъ своего жестокаго правительства онъ утратилъ эту идею, не пріобрѣтя однако, взамѣнъ ея, того, что составляетъ основу существованія европейскихъ народовъ, — идеи закона; теперь Россію можетъ воскресить только ея сестра — Польша, олицетворяющая синтезъ обоихъ этихъ началъ (патріархальности и закона). Поэтому Польша должна жить, объ этомъ умоляютъ ее всѣ куль-

гурные народы; на ней великая всемірно-историческая миссія — спасти несчастный русскій народъ отъ окончательной моральной гибели, и чѣмъ онъ падаетъ ниже, тѣмъ священнѣе, нужнѣе и предопредѣленнѣе существованіе Польши.

Въ особой главѣ, озаглавленной: «Все въ Россіи — призракъ и ложь», Мишле развиваетъ свое сужденіе о Россіи. У русскихъ, говоритъ онъ, много хорошихъ качествъ, но людьми ихъ все-таки трудно признать: они лишены того, что составляетъ главное отличіе человѣка, — нравственнаго чувства и понятій правды и добра. Сверху до низу вся Россія обманываетъ и лжетъ; это какая-то фантасмагорія, миражъ, царство призраковъ. Русская душа абсолютно лишена устойчивости; вы хотите приневолить ее — она скользнетъ и увернется. Да и чѣмъ ее можно принудить? администраціей?— но русскій чиновникъ такъ же безсовѣстенъ, легкомысленъ и жаденъ, какъ подданные. Здѣсь вообще все — ложь и иллюзія: община только кажется общиной, помѣщикъ — отцомъ крестьянъ, священникъ — служителемъ Бога, царь — самодержцемъ; это какое-то crescendo обмана. Люди ли это? или песокъ, или вода?—Нѣтъ, песокъ устойчивѣе и вода менѣе обманчива. Отравленная сама, Россія растлѣвающимъ образомъ дѣйствуетъ на другіе народы: она распространяетъ вокругъ себя тонкій ядъ лжи, она вполнѣ оправдываетъ чье-то глубокое изреченіе: «Россія — это холера».

Мишле отказывается признать какое бы то ни было различіе между офиціальной Россіей и русскимъ народомъ; они для него — одно, и онъ заявляетъ это формально. Интеллигенціи онъ не видитъ въ Россіи. Онъ самъ зналъ высоко образованныхъ и благородной души русскихъ, но всѣ они, говоритъ онъ, такъ много жили жизнью и книгами Запада, что совершенно утратили свой первоначальный обликъ: это — блестящіе французы, но не русскіе. То же самое онъ долженъ сказать о декабристахъ: они были больше всемірными, нежели русскими гражданами, и дѣло ихъ было не революціей, а мятежомъ. Даже въ русской литературѣ (въ 1851 г.!) онъ отказывается видѣть что-либо другое, кромѣ простой подражательности.

Изъ этихъ посылокъ онъ выводитъ такой прогнозъ. На Западѣ, когда о человѣкѣ говорятъ, что онъ скептикъ, это никогда нельзя понимать буквально: скептикъ въ исторіи, онъ остается твердо вѣрующимъ въ химіи, въ физикѣ и т. п. На Западѣ всякій человѣкъ во что-нибудь вѣритъ, душа никогда не остается пустою. У русскихъ же, въ этомъ невѣжественномъ, варварскомъ мірѣ, гдѣ власть

зорко блюдетъ за пустотою душъ, ничто не удерживаетъ человѣка на покатой плоскости сомнѣнія, такъ что, если это положеніе дѣлъ продлится, Россія явитъ міру страшное зрѣлище демагогіи безъ чувства, безъ мысли, безъ принциповъ. Ее и міръ можетъ спасти отъ этого только Польша.

Такъ писалъ о Россіи — уже послѣ Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго — первоклассный европейскій ученый. И этотъ жестокій приговоръ надъ цѣлымъ народомъ свидѣтельствовалъ не только о незнаніи, но и о злобѣ, и эта злоба противъ Россіи была такъ же повсемѣстна въ Европѣ, какъ и это незнаніе о ней.

Усмиреніе Венгріи русскимъ оружіемъ ошеломило западный міръ. Русскій царь, издавна бывшій оплотомъ абсолютизма въ Европѣ, доказалъ наглядно свою готовность перевести въ случаѣ надобности эту моральную поддержку на языкъ картечи и штыковъ. Случилось то, что никому и не мерещилось: въ разгарѣ западной борьбы на боевую арену Запада шагнулъ и сталъ между домашними врагами чужой, ужасный, непонятный восточный Калибанъ; русскій царь, «первый жандармъ вселенной», сдѣлался первостепеннымъ и очень реальнымъ факторомъ внутренней жизни Запада. И не только короли заискивали предъ Николаемъ, не только мѣщане, по выраженію Герцена, «становились на свои жирныя колѣнки и звали русскія пушки на защиту собственности и религіи»: такъ велико было моральное дѣйствіе этого факта, что сама демократія была готова признать въ русскомъ штыкѣ верховнаго рѣшителя западныхъ судебъ. Одни, какъ Мишле, съ ужасомъ предвидѣли день, когда русскія полчища смерчемъ пройдутъ по Европѣ и истребятъ всѣ ростки свободы и человѣчности; другіе, напротивъ, пророчили старой, феодальной Европѣ гибель отъ русскаго меча, которому-де предназначено очистить почву для новаго строительства. Но и тѣ, и другіе, и весь западный міръ вообще, до ободренныхъ королей и мѣщанъ включительно, равно видѣли въ Россіи только грубую, кромѣшную силу. Для нихъ, какъ для Мишле, Николай, его войско и Россія сливались въ одно. Отсюда ненависть и злоба противъ Россіи всѣхъ сознательныхъ элементовъ европейскаго общества.

И въ этомъ отношеніи моментъ какъ нельзя болѣе благопріятствовалъ пропагандѣ Герцена. Западный человѣкъ слишкомъ занятъ, онъ плохо слушаетъ, когда ему говорятъ о томъ, въ чемъ онъ не заинтересованъ лично и сейчасъ. Но въ 1849—1855 гг. мысль о Россіи, какъ кошмаръ, давила западную демократію, психическая

почва была ненавистью и страхомъ разрыхлена для воспріятія, и потому, когда Герценъ заговорилъ о Россіи, западные люди стали дѣйствительно слушать.

VI.

Въ томъ письмѣ, озаглавленномъ «Прощайте!», которымъ Герценъ 1 марта 1849 г. изъ Парижа сообщалъ своимъ русскимъ друзьямъ, что рѣшилъ остаться на чужбинѣ, онъ выставилъ двѣ задачи, какъ объективный смыслъ своего рѣшенія. Изъ нихъ главною было, конечно, желаніе ускорить силою свободнаго слова русское освободительное движеніе. Высказавъ это, Герценъ продолжаетъ: «Для русскихъ за границей есть еще другое дѣло. Пора дѣйствительно знакомить Европу съ Русью. Европа насъ не знаетъ; она знаетъ наше правительство, нашъ фасадъ, и больше ничего... пусть узнаютъ европейцы своего сосѣда; они его только боятся, — надобно имъ знать, чего они боятся».

Герценъ потомъ многократно повторялъ эту мысль о настоятельной необходимости познакомить Западъ съ Россіей. Какой пользы онъ ждалъ отъ этого? У него были, очевидно, какія-то реальныя соображенія, и очень вѣскія, судя по страстности его тона въ этихъ случаяхъ.

Рѣчь шла, какъ разумѣется само собою, о сближеніи передовой Европы съ передовой Россіей, западной интеллигенціи съ русскою. По мнѣнію Герцена, это сближеніе представляетъ одинаковый жизненный интересъ для обѣихъ сторонъ, прежде всего потому, что у нихъ общій врагъ — реакція, главнымъ же столпомъ реакціи является русскій абсолютизмъ. Онѣ естественныя союзницы; побѣда европейской демократіи надъ реакціей могущественно двинетъ впередъ дѣло русскаго освобожденія, и, наоборотъ, прочность самовластія въ Россіи парализуетъ силу западной революціи. «Европа никогда не станетъ свободной иначе, какъ чрезъ освобожденіе Россіи»: одного этого было бы достаточно, чтобы для Европы стало важно знать, каковы шансы и условія освобожденія Россіи. А русскому народу нужно выйти изъ его одиночества, перестать быть пугаломъ для западныхъ народовъ; узнавъ его, передовая Европа не откажетъ ему въ своей симпатіи и моральной поддержкѣ, и это придастъ бодрости русскимъ борцамъ.

Но это не все. У европейской демократіи и русской — не только одинъ врагъ, но и общая цѣль: эта цѣль — соціализмъ въ широ-

комъ смыслѣ, т.-е. разрушеніе всего соціально-экономическаго строя, выросшаго на почвѣ «культурной антропофагіи», и созданіе разумныхъ человѣческихъ отношеній и логическихъ формъ общежитія. Тутъ-то оказывается, что Россія и Западъ — не только попутчики, но что русскій народъ призванъ отчасти сыграть для всего человѣчества роль вожатаго къ цѣли, такъ что знакомство съ Россіей является для Запада и положительно дѣломъ первостепенной важности.

Нужна была, конечно, большая смѣлость, чтобы выступить передъ Европой съ такимъ страннымъ заявленіемъ. Россія, эта чума народовъ, — укажетъ имъ путь? варварская, полуживотная, тонущая въ деспотизмѣ, — она колыбель разума и правды? Самъ Герценъ не сразу рѣшился высказать всю свою мысль: въ его первомъ обращеніи къ западнымъ людямъ (это было его открытое письмо къ Гервегу, 1849 г.) его голосъ звучитъ еще робко, — онъ указываетъ только на *общія* преимущества русскаго народа — на необремененность наслѣдственную и свѣжесть русской психики. Только годъ или больше спустя онъ впервые заявитъ, что русская сельская община — ключъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса. Съ тѣхъ поръ онъ упорно, въ теченіе 20 лѣтъ, повторяетъ это вслухъ Европы. Въ 1865 году онъ писалъ Эдгару Кинэ: «До сихъ поръ на Россію смотрятъ какъ на лавину, угрожающую паденіемъ. Мы хотимъ показать, что подъ снѣгомъ есть земля, владѣемая иначе, чѣмъ историческая земля стараго міра. Такова была причина, которая заставила меня въ 1851 году написать длинное письмо къ знаменитому другу вашему (теперь и моему, скажу я) Мишле. Вообще, послѣ неудачи февральской революціи я только объ одномъ этомъ и проповѣдую...» На русской общинѣ Европа для Герцена отождествлялась съ Россіей, здѣсь западная революція и русское освободительное движеніе сливались для него въ одномъ руслѣ, чтобы далѣе течь широкимъ историческимъ потокомъ разумной, гуманной жизни — къ новымъ общечеловѣческимъ цѣлямъ.

Важно указать на то, что, при всей своей странности по содержанію, формула прогресса, провозглашенная Герценомъ, была чрезвычайно удобопонятна для западнаго человѣка: она была выражена въ терминахъ его собственнаго міропониманія. Герценъ не даромъ прошелъ школу западнаго мышленія. Когда послѣ 1848 года онъ произвелъ переоцѣнку цѣнностей, — критеріи остались у него тѣ же, онъ только перемѣнилъ объекты цѣнности. Онъ мыслилъ въ категоріяхъ Запада, и даже можно сказать, что, благодаря чрез-

вычайной отчетливости, а также послѣдовательности и безстрашію его мысли, его міросозерцаніе донынѣ остается непревзойденнымъ образцомъ европейскаго позитивнаго мышленія XIX столѣтія. Формула прогресса, предложенная имъ (русское общинное владѣніе, какъ прообразъ будущаго соціальнаго строя), имѣла въ своемъ основаніи двѣ идеи: идею соціализма и идею національно-исторической миссіи. Обѣ эти идеи принадлежали, такъ сказать, къ постоянному инвентарю тогдашняго мышленія въ передовыхъ кругахъ Европы, особенно въ томъ кругу, гдѣ пришлось вращаться Герцену, — въ эмиграціи. Что значила тогда идея соціализма, нѣтъ надобности объснять; она была молода и лучезарна, она всходила надъ Европой, какъ побѣдное солнце; люди молились ей и пѣли ей гимны. Идея національной миссіи имѣла не меньшую власть надъ умами; какъ извѣстно, съ Запада заимствовали ее и наши славянофилы. Въ частности для эмиграціи она являлась незамѣнимой опорой: въ ней національная задача оправдывалась и освящалась общечеловѣческимъ идеаломъ. Неудивительно, что сильнѣйшіе умы несли ей дань покорности. «Мацциии мечталъ Италіей освободить человѣчество, Ледрю-Ролленъ хотѣлъ его освободить въ Парижѣ», — это съ грустной насмѣшкой разсказываетъ самъ Герценъ, — и даже Прудонъ безъ разсужденій принималъ, что центръ міровой революціи — Парижъ.

VII.

Между тѣмъ представленіемъ о Россіи, которое имѣла тогдашняя Европа (мы видѣли его на примѣрѣ Мишле), и тѣмъ новымъ, которое хотѣлъ внушить ей Герценъ, была пропасть. Черезъ эту пропасть Герценъ перекинулъ стройный мостъ изъ фактовъ и идей; намъ нужно взглянуть, какъ онъ это сдѣлалъ.

Его аргументація была основана на нѣсколькихъ положеніяхъ, тѣсно связанныхъ между собою. Онъ исходитъ изъ той мысли, что у Европы нѣтъ никакихъ основаній съ презрѣніемъ смотрѣть на Россію: не только не подобаетъ ей, въ виду торжествующей всюду реакціи, кивать на русскій деспотизмъ, но и въ цѣломъ, на пути къ идеалу свободы и равноправія, она нисколько не опередила Россію. Тамъ и здѣсь царитъ феодально-монархическій строй, въ западномъ правѣ не больше справедливости, чѣмъ въ русскомъ безправіи, а въ западной нравственности не больше гуманности и гораздо больше лицемѣрія, чѣмъ въ русской. Главное же, ни

Западъ, ни Россія не рѣшили основной антиноміи между личностью и государствомъ; передъ этимъ вопросомъ начинается ихъ равенство. Иными словами — они равны передъ соціализмомъ, которому принадлежитъ будущее; только на этой почвѣ ихъ можно сравнивать.

Это — первая, общая посылка Герцена; вторая имѣетъ своимъ предметомъ уже только Россію.

Онъ начинаетъ съ установленія кардинальнаго факта — коренного различія между Россіей официальной и Россіей народной. Европейцы знаютъ только первую и отожествляютъ съ нею всю страну; но это — глубочайшее заблужденіе.

Что же такое русскій народъ? Это, прежде всего, народъ безъ культурнаго прошлаго: полная чуждость цивилизаціи и политическимъ движеніямъ Европы характеризуетъ его тысячелѣтнюю исторію. Отсюда, разумѣется, невѣжество, грубость нравовъ и неустроенность во всѣхъ отношеніяхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это странное и печальное прошлое надѣлило русскій народъ двумя драгоцѣнными дарами. Первый изъ нихъ — дѣвственная свѣжесть, необремененность русской психики; и это есть первое преимущество русскаго народа передъ Западомъ съ точки зрѣнія общей задачи. Современный строй, неправедный и неразумный, держится не матеріальной своей прочностью, а тѣми корнями, которые онъ на протяженіи столѣтій пустилъ въ психику западнаго человѣка, — этими навыками, традиціями, предразсудками, комплексами чувствъ и настроеній, съ которыми человѣку тѣмъ труднѣе бороться, что обыкновенно онъ даже не сознаетъ ихъ. Русскій человѣкъ свободенъ отъ этихъ пристрастій, онъ варварски непредубѣжденъ; ему легче, чѣмъ кому-нибудь, идти логически до конца въ разрушеніи стараго міра.

Второй кладъ, вынесенный русскимъ народомъ изъ его прошлаго, это его сельская община, которую цивилизація конечно разрушила бы, какъ она повсюду разрушила общину на Западѣ. Община же русская—это неупорядоченный, но все-таки коммунизмъ въ приложеніи къ землѣ. Такимъ образомъ, до чего Западъ только дошелъ теоретической мыслью, то въ Россіи — дѣйствительность. Русскій аграрный соціализмъ и отвлеченный соціализмъ Запада должны слиться; на пути практическаго осуществленія русскій народъ указываетъ тотъ выходъ, котораго тщетно ищетъ Западъ. Кромѣ того, такъ какъ задача будущаго — соединить общинный строй съ личной свободой, то только совмѣстными усиліями Европа

и Россія могутъ достигнуть этой цѣли, потому что первая выработала идеалъ личной свободы, вторая сохранила у себя общину. — Роль русской интеллигенціи Герценъ опредѣляетъ такъ: «Мы, русскіе, прошедшіе черезъ западную цивилизацію, мы не больше, какъ средство, какъ закваска, какъ *посредники между русскимъ народомъ и революціонной Европою*». Этими словами онъ опредѣлилъ свое собственное мѣсто въ строю.

Изложенные сейчасъ тезисы Герценъ двадцать лѣтъ твердилъ европейцамъ на всевозможные лады, то освѣщая ими настоящее и будущее Запада, то наполняя ихъ, какъ рамку, картиной историческаго развитія Россіи; и даже тамъ, гдѣ онъ не выставлялъ ихъ формально, — все равно, ими было пропитано рѣшительно каждое слово, обращенное имъ за эти годы къ Европѣ. Это былъ правильный и настойчивый походъ на общественное мнѣніе передовой Европы. Я назову только главные этапы этой кампаніи:

1849 г., осень, — обширная статья о Россіи въ трехъ нумерахъ прудоновской «Voix du Peuple».

1850 г., начало, — изданіе «Vom andern Ufer» съ приложеніемъ той же статьи по-нѣмецки.

Въ томъ же году — изданіе «Briefe aus Frankreich und Italien.»

1851 г. — «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» по-нѣмецки въ «Deutsche Jahrbücher».

— Та же книга по-французски (она выдержала затѣмъ еще два изданія — въ 1853 и 1858 гг.).

— Письмо къ Мишле («Le peuple russe et le socialisme». 2-е изданіе въ 1855 г.).

1854 г. — Письмо къ Линтону («La Russie et le vieux monde»).

— Изданіе «Russlands sociale Zustände».

1857 г. — Письмо къ Мадцини, «Sulle presenti condizioni della Russia», въ «Italia del Popolo», № 18.

1858 г. — «La France ou l'Angleterre?»

1859 г. — «La conspiration russe de 1825, suivie d'une lettre sur l'emancipation des Paysans en Russie» (то же и по-нѣмецки).

1864 г. — «Nouvelle phase de la littérature russe» *).

---

*) 1862 г. Огаревъ, Essai sur la situation russe (въ видѣ письма къ Д. С. Миллю).—Въ 1863 — 65 гг. выходила въ Брюсселѣ французская La Cloche подъ ред. La Fontaine'a (переводъ статей изъ русскаго Колокола).

1868 г. — «Колоколъ» по-французски, 15 нумеровъ, и въ первыхъ нумерахъ — пространная, страницъ въ 25, статья «Prolégomenes», съ неутомимымъ упорствомъ повторяющая тѣ же тезисы, которые впервые сполна были изложены Герценомъ 17 лѣтъ назадъ, въ «Du développement des idées révol.».

Сюда надо прибавить изданные самимъ Герценомъ или подъ его наблюденіемъ многочисленные переводы «Былого и Думъ», «Camicia rossa», «Записокъ Екатерины» и проч., и проч. Онъ не только *объяснялъ* европейцамъ Россію, — онъ хотѣлъ и *показать* имъ ее такою, какъ она есть. Французскій переводъ «Былого и Думъ», выходившій при близкомъ участіи Герцена, такъ и былъ озаглавленъ, во свидѣтельство показательнаго характера книги: «Le Monde Russe et la Révolution. Mémoires de A. Hertzen». — La Révolution — это значило здѣсь: «всемірная революція».

VIII.

Всѣ эти годы Герценъ держится, какъ официальный посланникъ народной, не-правительственной Россіи при европейской демократіи. Онъ не ограничивается писаніемъ систематическихъ статей и книгъ, цѣль которыхъ, какъ онъ однажды выразился, — «учить Европу Россіи»: онъ пользуется также всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы разсѣять въ западномъ обществѣ предубѣжденія противъ Россіи. Его «Le peuple russe et le socialisme» было отвѣтомъ на ту «Легенду о Косцюшко» Мишле, гдѣ русскій народъ провозглашался умершимъ. Придравшись къ вопросу Линтона: «какова, по вашему мнѣнію, будущность Россіи», онъ пишетъ «Le vieux monde et la Russie». Когда Кинэ въ своей книгѣ о революціи указалъ на только что совершившееся освобожденіе русскихъ крестьянъ съ землею, какъ на шагъ антикультурный, ибо посягательство на принципъ собственности, по его мнѣнію, — гибель личной свободы, Герценъ поспѣшилъ написать ему письмо все на ту же безсмѣнную тему: «мы представляемъ починъ *иного* отношенія человѣка къ почвѣ», и д. т. Въ концѣ 1863 года, въ разгаръ муравьевскихъ звѣрствъ, усмирявшихъ мятежную Польшу, Герценъ обращается къ Гарибальди съ открытымъ письмомъ-статьею. И дѣйствительно, онъ не могъ молчать. Послѣ столькихъ усилій объяснить Европѣ коренное различіе между русскимъ правительствомъ съ одной стороны, и русской интеллигенціей—съ другой, все грозило погибнуть: какъ

могла теперь Европа вѣрить этому различію, видя отношеніе къ Польшѣ русскихъ газетъ и общества? Развѣ Россія не оказалась вполнѣ солидарной со своимъ правительствомъ? «Свирѣпости правительства, крикъ развратнаго и подлаго журнализма, рукоплесканія толпы растлѣнной или обманутой заставляютъ думать, что вообще *русское движеніе* было или преднамѣреннымъ обманомъ, или мечтой больного воображенія. Этого мы вынести не можемъ. Мы себя чувствуемъ слишкомъ живыми для того, чтобы позволить себя молча похоронить. И я пишу къ вамъ для того, чтобъ свидѣтельствовать, что мы вовсе не умерли, что движеніе русское вовсе не подавлено и вообще по сущности своей *неподавляемо*».— И дальше слѣдовалъ опять очеркъ русскаго народнаго соціализма и хода русской освободительной борьбы.

Онъ не ограничивался и одной литературою. Мы уже говорили о томъ, что онъ выступалъ въ качествѣ представителя Россіи на разныхъ митингахъ, банкетахъ и пр. Извѣстна исторія посѣщенія его дома Гарибальди весною 1864 года. Приглашая къ себѣ итальянскаго героя, пріѣздъ котораго сводилъ съ ума весь Лондонъ, всю Англію, устраивая у себя въ домѣ примиреніе Гарибальди съ Маццини, которое завтра должно было стать извѣстнымъ всему міру, Герценъ имѣлъ въ виду и Россію; онъ такъ и сказалъ Гарибальди: «въ эту черную полосу для Россіи ваше посѣщеніе будетъ имѣть особое значеніе, вы посѣтите не одного меня, но друзей нашихъ, заточенныхъ въ тюрьмы, сосланныхъ на каторгу». И онъ могъ быть доволенъ результатомъ: оба — и Гарибальди, и Маццини — въ своихъ тостахъ у него, воспроизведенныхъ затѣмъ всѣми газетами Европы, послали привѣтъ той Россіи, которой онъ былъ представителемъ. Гарибальди сказалъ: «Выпьемъ за *юную* Россію, которая страдаетъ и борется, какъ мы, и побѣдитъ, какъ мы, — за новый народъ, который, освободившись и одолѣвъ Россію царскую, очевидно, призванъ играть великую роль въ судьбахъ Европы»; и Герценъ, глубоко взволнованный, отвѣтилъ ему благодарностью отъ имени будущей Россіи, живущей въ сознаніи народа и интеллигенціи.

Точно такъ же, приступая къ изданію «Полярной Звѣзды», онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы вызвать на этой почвѣ международную демократическую манифестацію въ пользу Россіи. Онъ очень хорошо зналъ, что тѣ корифеи западнаго революціоннаго движенія, которыхъ онъ приглашалъ къ сотрудничеству, не будутъ присылать ему статей, но онъ зналъ также, что всѣ они напишутъ

ему «открытыя» письма, а ему только это и было нужно. Онъ достигалъ этимъ двухъ цѣлей: лишній разъ торжественно доказать европейскому обществу демократическую солидарность Запада и юной Россіи, и импонировать западными авторитетами русскому читателю. Онъ не ошибся: они всѣ отвѣтили «для печати», — Мишле, Прудонъ, Таландье, В. Гюго, Маццини; и во всѣхъ этихъ письмахъ выражалась та же мысль, которую такъ ревностно пропагандировалъ онъ самъ: идея революціонной солидарности всѣхъ народовъ, *включая Россію*. «Круговая порука связуетъ наши цѣли,—писалъ ему Прудонъ, — надежды наши смѣшиваются. Съ одного конца Европы до другого та же мысль, какъ молнія, озаряетъ всѣ свободныя сердца. Не говоря другъ съ другомъ, не переписываясь, хотимъ мы того или нѣтъ, мы другъ другу сотрудники». А Мишле выразился еще опредѣленнѣе: «Теперь,—писалъ онъ,—самые простѣйшіе люди начинаютъ догадываться, что освобожденіе Россіи необходимо для всемірнаго освобожденія». — И сообразно своей двоякой цѣли Герценъ тотчасъ напечаталъ эти письма—для европейцевъ въ «Athenaeum'ѣ», для русскихъ — въ первой книжкѣ «Полярной Звѣзды».

IX.

Какъ же отнеслись западные люди къ пропагандѣ Герцена?

Самъ Герценъ подъ конецъ жизни оглядывался на *эту* свою дѣятельность съ тяжелымъ, почти безнадежнымъ чувствомъ; ему казалось, что онъ ничего не достигъ, что старое непониманіе Россіи и старая ненависть къ ней стоятъ незыблемо. Этому предмету посвящено его пятое «Письмо къ путешественнику» въ «Колоколѣ» 1865 года. Онъ приводитъ здѣсь, между прочимъ, письмо, написанное имъ года три назадъ къ одной его пріятельницѣ-англичанкѣ. «Позвольте мнѣ напомнить начало нашего знакомства. Вы протянули мнѣ руку, не зная меня лично, и протянули ее во имя дѣла, которое я дѣлалъ, и во имя міра, о которомъ я свидѣтельствовалъ. Не знаю, какимъ вдохновеніемъ, какимъ наитіемъ вы почувствовали живые всходы подъ нашими снѣгами и отгадали, что мрачный и нѣмой міръ нашъ не отходилъ, а нарождался. Вы привѣтствовали его во мнѣ, когда я случайно попался на вашей дорогѣ, и я безконечно вамъ благодаренъ за это, — но что сдѣлали другіе? Что сдѣлала *старая гвардія* цивилизаціи, съ которой я сблизился на ея Ватерлооскомъ

полѣ, что сдѣлали покрытые сѣдинами и шевронами колонновожатые рода людского, которые завели его въ болото и потеряли путь? — Сначала они меня слушали съ тѣмъ молчаніемъ, съ которымъ слушаютъ, находясь не въ авантажѣ, даже безвредныхъ сумасшедшихъ. Потомъ, когда половина предсказаннаго стала осуществляться, они, какъ римскіе сенаторы въ дѣлѣ Сципіона, закрыли глаза...»

Онъ говоритъ, что не разъ спрашивалъ своихъ западныхъ друзей: «Что вамъ нравится въ моихъ статьяхъ? Дайте себѣ отчетъ, и вы увидите, что мы стоимъ на противоположныхъ полюсахъ. Вы или увлекаетесь дружбой ко мнѣ, или моимъ слогомъ; сущность моей мысли не принята вами и скорѣе противна вамъ, чѣмъ симпатична. Для меня это безконечно печально, печально за васъ и за вашихъ, и я васъ прошу: не восхищайтесь моими статьями или поймите ихъ. Въ 1848 году вы сдѣлали fiasco — затѣмъ реакція, апатія: на землѣ имперія порядка, на небѣ воздушный шаръ соціальныхъ теорій, плавающій по воздуху безъ вожжей, руля и почвы, куда бы спуститься. Вы всѣ говорите, что видите прошлыя ошибки, что ищете новыхъ рѣшеній, вы всѣ жалуетесь, что старинныя стѣны и развалины вамъ не даютъ ступить шага, вы ждете въ раздумьи и не можете ума приложить, что дѣлать. Являются какіе-то люди, которые приносятъ вамъ вѣсть о странѣ, въ которой существуютъ искони задатки иного соціальнаго устройства, на поляхъ которой нѣтъ развалинъ, а есть только-что поставленные острожные частоколы, нѣтъ устарѣлыхъ правъ, а есть надоѣвшее безправіе, нѣтъ консервативныхъ вѣрованій, а есть силой удерживающія цѣпи и веревки. Что же вы сдѣлали съ этими вѣстями? Изслѣдовали ли вы — справедливы или ложны показанія этихъ людей и въ чемъ состоитъ это *естественное* рѣшеніе вопроса? — Нѣтъ».

На этомъ исполненномъ горечи «нѣтъ» мы можемъ оборвать цитату. Горечь Герцена очевидно была результатомъ ошибки: непринятіе западной демократіей его *мысли* о Россіи онъ счелъ за глухоту ко всему, что онъ проповѣдовалъ.

Въ русской пропагандѣ Герцена за границей мы естественно должны различать двѣ стороны: во-первыхъ, ея ядро — идею Герцена о предстоящей роли русскаго народа во всемірной революціи, и, во-вторыхъ, всю совокупность этой пропаганды, начиная съ общаго духа, проникавшаго ее, и кончая той массой конкретныхъ фактовъ по внутренней исторіи Россіи, которую Герценъ, стремясь обосновать свою идею, попутно вводилъ въ сознаніе европейцевъ.

Они не взяли ядра, но пропаганда сдѣлала свое дѣло. Имъ было невозможно вслѣдъ за Герценомъ признать въ русской общинѣ ключъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса: мы знаемъ теперь, что эта славянофильская идея не оправдалась и для самой Россіи. Между тѣмъ Герценъ, для котораго будущность Европы, соціализмъ и русская община представляли одно логическое цѣлое, Герценъ «понявшими русскій вопросъ» считалъ только тѣхъ, кто принялъ его евангеліе, его ученіе о русской общинѣ. Мы скорѣе должны удивляться, что такіе люди все-таки нашлись среди европейской демократіи, хотя и въ маломъ числѣ: такова была, какъ видно, та англичанка, таковъ былъ французскій радикальный журналистъ Торэ, написавшій въ 1852 году Герцену замѣчательное письмо по поводу «Du développement des idées révolutionnaires en Russie».

И тѣмъ не менѣе западные демократы слушали рѣчи Герцена о Россіи съ большимъ вниманіемъ. Имъ дѣйствительно открывалось здѣсь что-то новое: не какое-нибудь лѣкарство противъ соціальнаго зла, нѣтъ! — но имъ почувствовалось вѣяніе какого-то новаго духа и обрисовались черты неизвѣстнаго имъ до тѣхъ поръ освободительнаго движенія.

Когда Кинэ писалъ Герцену, что каждый номеръ французскаго «Колокола» былъ для него «лучезарнымъ сѣвернымъ сіяніемъ въ нашей западной ночи», когда Мишле писалъ ему по прочтеніи его «Le peuple russe et le socialisme»: «вы, очевидно, въ извѣстномъ смыслѣ — авангардъ человѣчества», они не имѣли въ виду ничего конкретнаго, ничего логическаго: въ ихъ словахъ сказалось только общее впечатлѣніе мощи и своеобразности русскаго духа; въ писаніяхъ Герцена они впервые услыхали свѣжій и терпкій запахъ того, что Мишле однажды мѣтко назвалъ темнымъ океаномъ народной Россіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ фактахъ, которые сообщалъ имъ Герценъ, они впервые начали различать на русской равнинѣ слѣды знакомаго и дорогого имъ движенія къ свободѣ и правдѣ. Оказывалось, что этотъ варварскій народъ, которымъ пугаютъ Европу, самъ томится, самъ подавленъ деспотизмомъ; оказывалось, что меньшинство его заодно съ европейской демократіей борется во имя свободы. Въ 1863 году Гарибальди писалъ Герцену: «Да, Герценъ, вѣрю вамъ и знаю, что народъ русскій несчастенъ и имѣетъ высокія стремленія, какъ всѣ народы... знаю, что и на вашей родинѣ бродитъ духъ воли и будущаго». Если европейская демократія стала не только вѣрить въ

это, но и *знать*, знать, какъ нѣчто, что̀ есть и что можно осязать, то это была заслуга Герцена, этого онъ добился своимъ неутомимымъ повѣствованіемъ о русской пѣснѣ, о Пушкинѣ и Гоголѣ, декабристахъ и петрашевцахъ, Петрѣ Великомъ и т. д. И — last, not least — это *знаніе* явилось въ значительной мѣрѣ результатомъ знакомства передовой Европы съ нимъ самимъ. Онъ заложилъ въ сознаніи западныхъ людей основы знакомства съ подлинной Россіей, пониманія нуждъ и стремленій русскаго народа, и на этомъ фонѣ его собственная дѣятельность осмыслилась для нихъ въ своей русской перспективѣ, — и, наоборотъ, его личное обаяніе и блескъ его несравненнаго таланта съ самаго начала подкупили мыслящую Европу въ пользу русской интеллигенціи.

Его личность во всѣхъ отношеніяхъ послужила живымъ звеномъ между западной демократіей и русской. Въ такомъ *физіологическомъ* дѣлѣ, какъ національная рознь, ежедневныя личныя впечатлѣнія являются, безъ сомнѣнія, самымъ сильнымъ реактивомъ; живое общеніе людей всего вѣрнѣе разрушаетъ окаменѣлые навыки вражды и непониманія. Мы видѣли, какъ благопріятно былъ поставленъ Герценъ на Западѣ для такого общенія, и видѣли, какія прочныя симпатіи онъ завоевалъ себѣ среди передовой фаланги европейскаго революціоннаго движенія. Но и внѣ эмиграціи, въ кругу людей, съ которыми онъ не сталкивался лично, его имя пріобрѣло почетную извѣстность въ Европѣ; мы говоримъ, разумѣется, о демократически-настроенныхъ кругахъ. Въ 1868 году онъ посѣтилъ Эльзасъ, побывалъ въ Кольмарѣ и Мюльгаузенѣ, осмотрѣлъ знаменитый пансіонъ Жана Масэ въ Бебленгеймѣ, — и вотъ что онъ писалъ тогда Огареву: «Радушіе вездѣ большое, и Шофуръ правъ; онъ въ отвѣтъ на мою просьбу о рекомендаціи къ Масэ написалъ: «вотъ вамъ записка, mais je m'en garde bien de me donner le ridicule de vous recommander — votre nom suffit en France,—и безъ хвастовства —оно выходитъ такъ». Это подтверждается подробнымъ разсказомъ Н. А. Огаревой - Тучковой, сопровождавшей его въ этомъ путешествіи. И такъ какъ онъ былъ русскій человѣкъ и русскій дѣятель, то съ симпатіей къ нему въ душу западнаго человѣка безсознательно входила нѣкоторая близость къ русскому вообще, — къ самому представленію о русскихъ вещахъ и русскомъ человѣкѣ.

И его же личность, его умъ и талантъ внесли первыя вѣрныя *сознательныя* черты въ это ихъ представленіе. Онъ во многихъ отношеніяхъ явился передъ ними живой иллюстраціей тѣхъ свойствъ

русскаго человѣка, которыя онъ такъ упорно ставилъ имъ на видъ. Одно изъ основныхъ положеній его западной пропаганды заключалось въ томъ, что образованный русскій — самый независимый человѣкъ въ мірѣ, что онъ одинъ способенъ идти до конца въ разрушеніи стараго неразумнаго строя, его идеологіи и его нравственности. И онъ блестяще доказалъ это свое положеніе личнымъ примѣромъ, — ибо кто изъ западныхъ людей его времени такъ сполна осудилъ на смерть старую Европу? Вотъ нѣсколько строкъ изъ одного его неизданнаго письма (къ Е. Ѳ. Коршу изъ Лондона, 27 декабря 1855 г.) — характеристика положенія дѣлъ на Западѣ: «Жизнь здѣсь скучна — въ родѣ того положенія, которое имѣютъ черви въ сырѣ; искры, тѣни здороваго, могучаго, обѣщающаго нѣтъ. Гюго прекрасно характеризовалъ какъ-то, говоря объ Англіи, — c'est un grand peuple-bête. Консерваторы и радикалы — все дрянь, да дрянь посредственная еще. Эмиграціи не лучше — отъ нихъ тоже ничего не ждите: мертвые, погребающіе сами себя. Послѣдняя надежда на французскихъ пролетаріевъ и хлѣбопашцевъ; изъ ихъ союза подъ знаменемъ коммунизма не выйдетъ никакого построенія — но они покончатъ старыя формы, въ которыхъ нельзя дышать. Формы эти однѣ и тѣ же у васъ и у насъ, только у васъ онѣ, какъ Камаринскій мужикъ, цинически голы, пахнутъ кулакомъ и сивухой, а у насъ здѣсь гуманно-противны (вы знаете превосходное выраженіе: humanaille), отравляютъ, какъ стрихнинъ, безъ знака, душатъ съ бархатцемъ, — да еще одно, что впрочемъ мнѣ нравится: здѣсь намъ, какъ гладіаторамъ въ Римѣ, позволяютъ передъ смертью публично побороться — «ну, оно и лестно», какъ говорилъ Языковъ».—Передъ этимъ «нигилизмомъ» отшатнулись бы въ страхѣ самые крайніе изъ западныхъ разрушителей; и эту правду, хотя и не въ такой рѣзкой формѣ, Герценъ неустанно твердилъ въ лицо Европѣ. И кто еще такъ безпощадно разоблачалъ иллюзіи, предразсудки, внутреннія противорѣчія западнаго радикализма? Мишле, обвинявшему русскій народъ въ равнодушіи къ истинѣ и правдѣ, онъ отвѣчалъ: о *какой* истинѣ и правдѣ вы говорите? истина и правда старой Европы для насъ — неправда и ложь. Когда Карлейль написалъ ему, что чтитъ въ Россіи *талантъ повиновенія*, «талантъ, необходимый всѣмъ націямъ, всѣмъ существамъ», Герценъ отвѣтилъ: «Талантъ повиноваться въ согласіи съ нашей совѣстью — добродѣтель, но талантъ борьбы, который требуетъ, чтобы мы не повиновались противъ нашей совѣсти,—тоже добродѣтель». Иконоборецъ Прудонъ,

не смѣющій внести свободу въ бракъ, Кинэ, не смѣющій внести разумъ въ собственность, Луи-Бланъ, революціонеръ на поверхности и консерваторъ въ основахъ міровоззрѣнія, и т. д., и т. д.,—они всѣ были очень робки въ сравненіи съ его скептицизмомъ и его независимостью. Онъ говорилъ имъ все это въ лицо, и развѣ они могли отрицать его правоту? Они были физіологически связаны и не могли вырвать изъ себя старыхъ привычекъ чувства и мышленія, но это не мѣшало имъ очень хорошо видѣть его варварскія преимущества—свѣжесть и смѣлость въ исканіи истины. Такимъ образомъ, онъ явился для нихъ первымъ наглядным воплощеніемъ русской психики, съ которою потомъ глубже, но въ томъ же направленіи, познакомитъ ихъ русскій романъ, — въ смыслѣ неподкупной, беззавѣтной провѣрки освященныхъ культурою цѣнностей, сначала въ предѣлахъ позитивизма, а потомъ и съ точекъ зрѣнія, лежащихъ внѣ его.

Въ обращеніи «Къ нашимъ», которымъ Герценъ заканчивалъ первую книжку «Полярной Звѣзды», онъ писалъ: «...Если бы когда-нибудь мы могли сказать себѣ, что мы сколько-нибудь способствовали къ основанію русской пропаганды за границей и взаимному пониманію вашему съ революціонной Европой, — цѣлая жизнь, пожертвованная одной мысли, была бы заплачена». Мы скажемъ теперь, что онъ сторицей оплатилъ свою жизнь на другихъ поприщахъ — какъ мыслитель и какъ дѣятель въ русской освободительной борьбѣ, — но, безъ сомнѣнія, при оцѣнкѣ его исторической роли не должна быть забыта и эта его дѣятельность, международно-демократическая..

Свободная Россія не забудетъ, что онъ вспахалъ и посѣялъ на европейской нивѣ первый сѣвъ пониманія русской народности и впервые возбудилъ въ европейцахъ интересъ къ ней и теплое братское чувство. Доказать объективными данными успѣшность его западной пропаганды, конечно, невозможно: многое ли вообще можно доказать въ области широкихъ умственныхъ вліяній? — здѣсь рѣшающее значеніе имѣетъ общій характеръ картины. Объективно удостовѣрить можно одно — что при своей жизни Герценъ достигъ большой и почетной извѣстности въ передовыхъ кругахъ европейскаго общества; объ этомъ свидѣтельствуютъ письма къ нему иностранцевъ, ихъ воспоминанія о немъ, статьи, посвященныя ему въ европейской печати и въ энциклопедическихъ словаряхъ, современные отзывы о его произведеніяхъ и пр. Но то поколѣніе западныхъ людей, которое знало его и внимало ему, умерло, а его вліяніе, т.-е.

дѣйствіе его пропаганды и его личности, исторически продолжаетъ жить, распылившись въ западной атмосферѣ и тысячью невѣсомыхъ частицъ насытивъ западную журналистику, вообще психику западнаго общества въ его отношеніи къ Россіи. Когда пришелъ на Западъ И. С. Тургеневъ, ему уже было нетрудно: онъ сталъ дѣйствовать въ атмосферѣ, подготовленной Герценомъ. И всѣ дальнѣйшія явленія этого порядка: громадное вліяніе русскаго романа на Западѣ (Тургеневъ, Достоевскій, Толстой и вплоть до новѣйшихъ), острое, хотя и неширокое вліяніе ученій Толстого, все это было лишь продолженіемъ дѣла, начатаго Герценомъ. И надо прибавить: стихійнымъ продолженіемъ дѣла, начатаго имъ сознательно, потому что, въ отличіе и отъ Тургенева, Герценъ былъ донынѣ единственнымъ русскимъ, который сознательно поставилъ себѣ цѣлью сблизить западную демократію съ новой Россіей и дѣйствовалъ въ этомъ направленіи активно и методически.

Какъ объективная цѣль, идея сліянія народовъ неизмѣнна, но въ своихъ субъективныхъ воплощеніяхъ она развивается во времени, мѣняя формы, подобно всѣмъ извѣчнымъ началамъ нравственности. Въ эпоху Герцена она носила чисто-демократическій характеръ и была сильно окрашена утопизмомъ; съ тѣхъ поръ она отлилась въ другую форму. Демократическая солидарность народовъ и теперь дорога всякому мыслящему человѣку, но она отступила на второй планъ передъ другой, ближе осуществимой идеей — международной солидарности соціализма. И если мы уже теперь видимъ Россію полноправнымъ членомъ этой новой лиги народовъ, то — какъ это ни кажется спорнымъ на первый взглядъ—нѣтъ никакого сомнѣнія, что ея свободному принятію въ это международное братство очень много способствовали предшествовавшіе этапы сближенія Россіи съ Западомъ, и въ первой линіи — Герценъ.

Нижеслѣдующія письма западныхъ людей къ Герцену представляютъ большой историческій интересъ. Принадлежа, за малыми исключеніями, перу радикальныхъ дѣятелей тогдашней Европы, они въ своей совокупности даютъ такое живое, наглядное представленіе о кругѣ, въ которомъ вращался тамъ Герценъ, о нравахъ, интересахъ и работѣ тогдашней европейской демократіи и особенно ея передовой фаланги — эмиграціи, какого не могутъ дать даже блестящіе литературные очерки самого Герцена. Многое въ немъ самомъ становится понятнымъ только на этомъ фонѣ. Кромѣ того,

они содержатъ, разумѣется, богатый фактическій матеріалъ, какъ для характеристики его отношеній къ его западнымъ друзьямъ, такъ и для исторіи его личныхъ дѣлъ и настроеній *).

ПРУДОНЪ.

1.

Годы 1848 - 1850 — кульминаціонный пунктъ жизни и дѣятельности Прудона. Февральская революція застала его совершенно сложившимся, но еще мало популярнымъ писателемъ. Онъ былъ до сихъ поръ только теоретикомъ; въ своихъ главныхъ двухъ сочиненіяхъ: «Что такое собственность» и «Система экономическихъ противорѣчій», онъ подвергъ безпощадному анализу основные устои современной соціальной жизни, и людямъ, дорожившимъ свободою мысли, его имя было уже хорошо извѣстно. Ему было почти 40 лѣтъ; періодъ критической мысли для него завершился: его тянуло къ положительной, творческой, по возможности практической дѣятельности. Съ этимъ переходнымъ моментомъ въ его личномъ развитіи и совпала февральская революція. Онъ ринулся въ борьбу со всей энергіей большой нетронутой силы. Несокрушимая убѣжденность, острый аналитическій умъ, темпераментъ борца, первоклассный литературный талантъ — такія данныя не могли не выдвинуть его сразу. Въ серединѣ апрѣля началась журнальная дѣятельность Прудона изданіемъ «Représentant du Peuple». Пламенно проповѣдуя *соціальную* революцію, онъ въ ея интересахъ ратовалъ противъ *политическаго* доктринерства и революціонной традиціи, а когда обманутые временнымъ правительствомъ рабочіе вызвали ужасную іюньскую рѣзню, онъ съ такой силой обрушился на реакцію, что газета была закрыта. За немногіе мѣсяцы ея существованія онъ сталъ признаннымъ вождемъ пролетаріата. Еще въ мартѣ делегаты рабочихъ, засѣдавшіе въ Люксембургскомъ дворцѣ, вычеркнули его имя изъ списка кандидатовъ въ Національное Собраніе, а 5-го іюня, на дополнительныхъ выборахъ, онъ уже былъ выбранъ 78 тысячами голосовъ депутатомъ отъ департамента

*) Письма эти воспроизводятся здѣсь съ рукописи, разумѣется въ переводѣ. Подлинники ихъ были предоставлены мнѣ покойнымъ проф. А. А. Герценомъ.

Сены. Теперь онъ продолжалъ борьбу одновременно въ собраніи и въ газетѣ. Въ концѣ августа былъ закрытъ «Représentant du Peuple», а въ сентябрѣ начала выходить новая газета Прудона, «Peuple», тиражъ которой достигалъ 70.000 экземпляровъ; здѣсь, между прочимъ, онъ окончательно разработалъ свой завѣтный планъ мѣнового банка и открылъ подписку на его акціи. Статьи Прудона въ этой газетѣ — непревзойденные образцы боевой публицистики. Съ безпредѣльнымъ напряженіемъ силъ, съ неистощимой страстью, дисциплинированной научнымъ умомъ, онъ безъ устали велъ борьбу на два фронта — противъ реакціонной буржуазіи и противъ безпочвеннаго радикализма, игравшаго ей въ руку, и ярость обоихъ становъ, казалось, только удваивала его энергію: «Я живу въ огнѣ, какъ саламандра», писалъ онъ въ эти дни. Его предсказанія оправдались вполнѣ; доктринерство и реакція соединенными силами похоронили республику: палата, увлеченная безумной импровизаціей Ламартина, вотировала прямое избраніе президента, и 10 декабря 1848 года страна пятью милліонами голосовъ выбрала Луи Бонапарта, который не замедлилъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ протянуть руку реакціи. Прудонъ уже въ январѣ открылъ противъ него рѣзкую кампанію въ «Peuple»; результатомъ было то, что въ февралѣ Національное Собраніе постановило предать его суду за оскорбленіе президента, и въ мартѣ онъ былъ приговоренъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію и штрафу. Мѣсяца два онъ скрывался, то въ Бельгіи, то въ самомъ Парижѣ, но наконецъ въ первыхъ числахъ іюня былъ взятъ. «Peuple» все время выходилъ неукоснительно, и почти ежедневно въ немъ появлялись статьи Прудона, пока въ день неудачной демонстраціи 13-го іюня отрядъ національныхъ гвардейцевъ, ворвавшись въ редакцію «Peuple», не разбилъ типографскіе станки и не разбросалъ шрифтъ. Въ этотъ же день газета была пріостановлена формально. Прудонъ и не думалъ складывать оружіе. Для возобновленія газеты нужно было внести залогъ въ 24.000 франковъ; Прудонъ изъ тюрьмы лично и чрезъ друзей обращался къ разнымъ лицамъ, и вотъ, по предложенію общаго пріятеля, Сазонова, эту сумму согласился дать Герценъ. Такъ нашъ изгнанникъ сталъ соиздателемъ третьей Прудоновской газеты «La Voix du Peuple».

До этого Герценъ только раза два встрѣтилъ Прудона у Бакунина и вовсе не былъ съ нимъ близокъ. Но онъ давно зналъ и цѣнилъ его, какъ писателя, а въ данный моментъ, при тѣхъ взглядахъ,

какіе сложились у Герцена подъ вліяніемъ европейскихъ событій 1848—49 гг., въ Европѣ, можетъ-быть, не было человѣка, чья политическая дѣятельность вызывала бы въ Герценѣ бо́льшую симпатію, нежели дѣятельность Прудона.

Ихъ сближала, разумѣется, не общность положительныхъ стремленій. На что могъ надѣяться Герценъ въ ближайшемъ будущемъ, видя повсемѣстное торжество реакціи въ Европѣ и мертвый штиль, царившій въ Россіи? Онъ стоялъ, какъ Моисей, передъ разбитыми скрижалями, еще потрясенный крушеніемъ великихъ надеждъ, и маленькая идея дарового кредита, которую съ такимъ одушевленіемъ проповѣдовалъ Прудонъ, какъ панацею, имѣющую спасти міръ, должна была казаться Герцену дѣтской игрушкой. Ихъ сближала общая религія свободы и, въ особенности, одинаковое пониманіе того, что такое свобода.

Изъ горькихъ испытаній революціоннаго года Герценъ вынесъ эту свою вѣру не только нетронутой, но еще очищенной и просвѣтленной. Если до сихъ поръ онъ обожалъ свободу въ ея традиціонныхъ формахъ — партійнаго радикализма, республики, революціи, — то теперь онъ на дѣлѣ узналъ, какъ легко духъ свободы покидаетъ эти формы, уступая мѣсто пристрастію, корысти и произволу. Онъ понялъ, что истиннымъ врагомъ свободы является не что-либо конкретное, не старый политико-экономическій укладъ, основанный на насиліи, а самый этотъ духъ нетерпимости и насилія, еще болѣе опасный въ *своихъ*, нежели въ противномъ станѣ. Все его «Съ того берега» (1848—49 г.) — вдохновенный гимнъ истинной свободѣ въ разумѣ и совѣсти, звучащій бодрой вѣрою изъ самой глубины отчаянія.

Совершенно такое же пониманіе свободы выработалъ себѣ Прудонъ еще задолго до революціи. Когда въ 1846 г. Марксъ пригласилъ его къ сотрудничеству въ Deutsch-französische Jahrbücher, Прудонъ въ отвѣтномъ письмѣ писалъ ему, между прочимъ, — и съ какой радостью Герценъ подписался бы подъ этими строками! — «Покажемъ міру примѣръ мудрой и осмотрительной терпимости, но остережемся (потому что мы стоимъ во главѣ движенія) — сдѣлаться вождями новой нетерпимости; не будемъ выдавать себя за апостоловъ новой религіи, хотя бы то была религія логики или разума»; и дальше: «Я полагаю, что мы не должны объявлять революціонное дѣйствіе средствомъ къ реформѣ, потому что это средство — не что иное, какъ призывъ къ насилію и произволу, словомъ—противорѣчіе».

Этими принципами было опредѣлено все направленіе журнальной дѣятельности Прудона въ 1848—49 гг. Мы видѣли, что онъ направлялъ свои удары столько же противъ политическаго радикализма, сколько противъ реакціи, и обоихъ возстановилъ противъ себя одинаково. Онъ съ самаго начала указывалъ на опасность революціонныхъ средствъ и пріемовъ. «Февральская революція,— говоритъ онъ, — разыгралась подъ звуки марсельезы и старыхъ республиканскихъ гимновъ. Снова воспоминаніе, снова противорѣчіе!.. Марсельеза не просвѣщаетъ, а оглушаетъ гражданъ. Кто поетъ ее, тотъ творитъ реакцію и смуту». Онъ писалъ, обращаясь къ радикаламъ: «Вы ищете свободы, равенства и братства, вы хотите организовать трудъ! И у васъ нѣтъ другого орудія, какъ насиліе, другого авторитета, какъ диктатура, другого принципа, какъ страхъ, другой теоріи, кромѣ штыка!» Съ самаго начала онъ предостерегалъ Францію противъ увлеченія политикой, доказывалъ народу, что сѣющій насиліе пожинаетъ не свободу, а насиліе же, и предсказывалъ въ результатѣ борьбы партій неизбѣжный деспотизмъ. Когда эти партіи заявляютъ, что соціальная революція — цѣль, а политическая — средство, то это все равно, говоритъ онъ, какъ если бы они сказали: предоставьте намъ власть надъ вашей жизнью и вашимъ имуществомъ, и мы сдѣлаемъ васъ свободными; «то же самое уже шесть тысячъ лѣтъ говорятъ намъ цари и священники». Вмѣсто того, чтобы пріучить народъ самому организоваться, вмѣсто того, чтобъ аппелировать къ его опытности и уму, отъ него требуютъ только власти и силы; между тѣмъ всякое правительство, даже самое радикальное, по самой своей природѣ враждебно той истинной, свободной, творческой революціи — соціальной,— которая одна можетъ дать намъ свободу. Когда предсказанія Прудона оправдались и Франція въ лицѣ Луи Бонапарта пріобрѣла новаго господина, Прудону оставалось только указать, что узурпація 2-го декабря—логически-точное слѣдствіе направленія, которое приняла общественная жизнь страны за послѣднее время: всѣ партіи составляли заговоры, готовились къ переворотамъ, мечтали о диктатурѣ—и успѣхъ, какъ естественно, достался самому смѣлому или наиболѣе сообразительному.

Всѣ эти мысли были, какъ разъ въ это время, самыми завѣтными мыслями Герцена. Онъ долженъ былъ съ глубокой отрадой читать пламенныя передовыя Прудона въ «Représentant du Peuple» и въ «Peuple» и съ братскимъ участіемъ слѣдить за его дѣятельностью въ собраніи, за его борьбой и гоненіемъ. Подводя итогъ 1849

году, онъ писалъ въ Omnia mea mecum porto: «Прошедшій годъ, чтобъ достойно окончиться и исполнить мѣру всѣхъ нравственныхъ оскорбленій и пытокъ, представилъ намъ страшное зрѣлище: *борьбу свободнаго человѣка съ освободителями человѣчества.* Смѣлая рѣчь, ѣдкій скептицизмъ, безпощадное отрицаніе, неумолимая иронія Прудона возмутила записныхъ революціонеровъ не меньше консерваторовъ; они напали на него съ ожесточеніемъ, они стали за свои преданія съ неподвижностью легитимистовъ, они испугались его атеизма и его анархіи, они не могли понять, какъ можно быть свободнымъ безъ государства, безъ демократическаго правленія; они съ удивленіемъ слушали безнравственную рѣчь, что республика для людей, а не люди для республики. И когда у нихъ не достало ни логики, ни краснорѣчія, они объявили Прудона подозрительнымъ, они его предали революціонной анаѳемѣ, отлучая отъ православнаго единства своего... И вотъ вамъ крестовые рыцари свободы, привилегированные освободители человѣчества! Они боятся свободы; имъ надобенъ господинъ для того, чтобъ не избаловаться, имъ нужна власть, потому что они не довѣряютъ себѣ».

Вотъ на чемъ основывалась солидарность Герцена съ Прудономъ: на общей ненависти — равно къ поработителямъ и къ освободителямъ человѣчества, на общемъ культѣ истинной, неподдѣльной свободы. Это и было главной причиной, побудившей Герцена бросить деньги на вѣрную потерю, чтобы дать возможность Прудону продлить борьбу еще на нѣсколько мѣсяцевъ.

Я говорилъ уже: подобно тысячамъ своихъ современниковъ, Герценъ сознавалъ себя свидѣтелемъ и участникомъ одной всемірной революціи, — не въ томъ, наполовину символическомъ, смыслѣ, какой обыкновенно придается понятію міровой борьбы за свободу и равенство, а въ самомъ конкретномъ и дѣловомъ. Старый феодально-монархическій міръ, выросшій на почвѣ порабощенія человѣка человѣкомъ, готовъ рухнуть; его мѣсто долженъ занять осмысленный укладъ жизни—соціализмъ, и мы наканунѣ этого переворота: въ 1847 г. Герценъ, какъ и вся тогдашняя демократія, вѣрилъ, что онъ совершится завтра; но и послѣ великой катастрофы 1848—49 г. онъ считалъ побѣду дѣломъ сравнительно близкаго будущаго. Эта революція, по его мысли, не только универсальна въ своей сущности, но и фактически всѣ культурные народы, включая, разумѣется, и Россію, связаны въ ней круговой порукою. При такомъ взглядѣ на дѣло Герценъ

естественно долженъ былъ принимать близко къ сердцу перипетіи западной борьбы; вотъ почему итальянское дѣло было ему «близко, какъ родное», — и почему онъ рѣшилъ дать деньги на газету Прудона.

2.

По разсказу Герцена въ «Быломъ и Думахъ» и по сохранившимся подлиннымъ бумагамъ мы можемъ возстановить исторію его переговоровъ съ Прудономъ. Они начались, повидимому, чрезъ общаго друга, Шарля Эдмонда (Хоецкаго). Надо думать, что Ш. Эдмондъ, посовѣтовавшись съ пріятелемъ Герцена, Сазоновымъ, находившимся въ Парижѣ, написалъ соотвѣтственное письмо Герцену въ Женеву, — и къ этому письму Прудонъ сдѣлалъ слѣдующую приписку (она сохранилась въ альбомѣ Герцена съ помѣткою: 1849 г.): «P. S. Вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію Шарля Эдмонда о необходимости безотлагательно приступить къ изданію новой демократической газеты. Законы о печати не должны насъ останавливать; задача не въ томъ, чтобы возбудить народъ паѳосомъ, а въ томъ, чтобы уяснить самой буржуазіи ея истинные интересы. Главное, надо не дать демократіи впасть въ отчаяніе, что неизбѣжно случится, если не объяснять ей изо дня въ день положеніе вещей и смыслъ событій».

Эта конкретная, мѣстная цѣль для Герцена отступала далеко назадъ передъ общими интересами свободы, и въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ онъ озаботился ясно подчеркнуть это. Онъ выражалъ согласіе внести требуемую сумму подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему предоставлено было право помѣщать свои и чужія статьи и завѣдовать всѣмъ иностраннымъ отдѣломъ, и при этомъ указывалъ, что *онъ* считаетъ основной задачей газеты: подобно Прудону, онъ съ радостью видитъ, какъ разваливается старый міръ, — и онъ думаетъ, что ихъ призваніе — возвѣщать этому міру его близкую кончину. «Ваши соотечественники, — продолжалъ онъ, — далеки отъ того, чтобы раздѣлять эти идеи. Я знаю одного свободнаго француза, — это васъ. Ваши революціонеры — консерваторы. Они христіане, не зная того, и монархисты, сражаясь за республику. Вы одни подняли вопросъ негаціи и переворота на высоту науки, и вы первый сказали Франціи, что нѣтъ спасенія внутри разваливающагося зданія, что и спасать изъ него нечего, что самыя его понятія о свободѣ и революціи проникнуты консерватизмомъ и реакціей.

Дѣйствительно, политическіе республиканцы составляютъ не больше, какъ одну изъ варіацій на ту же конституціонную тему, на которую играютъ свои варіаціи Гизо, Одилонъ Барро и др. Вотъ этотъ взглядъ слѣдовало бы проводить въ разборѣ послѣднихъ европейскихъ событій, преслѣдовать реакцію, католицизмъ, монархизмъ не въ ряду нашихъ враговъ — это чрезвычайно легко, — но въ собственномъ нашемъ станѣ. Надобно обличить круговую поруку демократовъ и власти. Если мы не боимся затрогивать побѣдителей, то не будемъ бояться изъ ложной сантиментальности затрогивать и побѣжденныхъ».

Прудонъ, какъ и надо было ожидать, отвѣчалъ полнымъ согласіемъ на такую постановку вопроса. «Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе насчетъ такъ называемыхъ республиканцевъ; разумѣется, это одинъ видъ общей породы доктринеровъ. Что касается этихъ вопросовъ, намъ не въ чемъ убѣждать другъ друга. Во мнѣ и въ моихъ сотрудникахъ вы найдете людей, которые пойдутъ съ вами рука въ руку».

Среди бумагъ А. И. Герцена сохранился подлинникъ его договора съ Прудономъ; этотъ любопытный документъ заслуживаетъ быть приведеннымъ полностью.

«Нижеподписавшіеся Александръ Герценъ, домовладѣлецъ, живущій въ Парижѣ на улицѣ (пропускъ) *), и П. Ж. Прудонъ, журналистъ и бывшій депутатъ, живущій въ Парижѣ на улицѣ Мазасъ 70, а нынѣ находящійся подъ заключеніемъ въ Консьержри, условились о слѣдующемъ.

«Нижеподписавшіеся имѣютъ намѣреніе сообща основать въ Парижѣ ежедневную газету подъ названіемъ «La Voix du Peuple». Для осуществленія этого плана они заключили между собою слѣдующее соглашеніе.

«Ст. 1-ая. Г. Герценъ обязывается въ возможно кратчайшій срокъ внести въ казну 24000 фр., требуемые закономъ, какъ залогъ за названную газету.

«Ст. 2-ая. Во все время, пока означенная сумма будетъ оставаться, какъ залогъ, въ государственномъ казначействѣ, администрація газеты уплачиваетъ г. Герцену дополнительный процентъ за нее въ размѣрѣ 5 годовыхъ.

---

*) Герценъ скрывалъ фактъ покупки дома въ Парижѣ или, по крайней мѣрѣ, мѣстонахожденіе этого дома. См. М. К. Лемке, «А. И. Герценъ въ Европѣ», «*Міръ Божій*», 1906 г., окт., стр. 54.

«Ст. 3-ая. Г. Герценъ обязывается, сверхъ того, не требовать ея возвращенія ранѣе пяти лѣтъ, считая съ нынѣшняго числа. Однако г. Прудонъ вправѣ вернуть ее и раньше этого срока, заявивъ о томъ за три мѣсяца впередъ, и начисленіе процентовъ прекращается въ день уплаты капитальной суммы.

«Ст. 4-ая. Такъ какъ законъ о залогахъ требуетъ, чтобы поручитель являлся собственникомъ четвертой части залоговой суммы, то г. Герцену будетъ выдано формальное удостовѣреніе о принадлежности ему трехъ четвертей залога, внесеннаго въ казну, и въ удостовѣреніи будетъ указано, что его право подлежитъ удовлетворенію преимущественно передъ всякимъ другимъ.

«Ст. 5-ая. Общее завѣдованіе редакціей газеты «La Voix du Peuple» предоставляется исключительно г. Прудону.

«Ст. 6-ая. Что касается редакціонной части, то г. Герценъ оставляетъ за собою право во всякое время доставлять статьи по общей политикѣ; эти статьи должны быть помѣщаемы въ газетѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ неудобство будетъ очевиднымъ, или когда ихъ напечатаніе можетъ повлечь за собою судебную кару. Въ этомъ отношеніи обѣ стороны имѣютъ руководствоваться ст. 5-ой.

«Ст. 7-ая. Г. Прудонъ обязывается посвящать все свое вниманіе названной газетѣ и дѣлать все зависящее отъ него для ея успѣха.

«Ст. 8-ая. Такъ какъ предпріятіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, является по своей природѣ дѣломъ коммерческимъ, то оно можетъ потребовать соглашеній съ третьими лицами, имѣющихъ выразиться въ формальныхъ договорахъ. Опредѣленіе условій такихъ договоровъ предоставляется исключительно г. Прудону.

«Ст. 9-ая. Во всякомъ случаѣ онъ теперь же принимаетъ на себя обязательство тратить доходы предпріятія единственно на распространеніе тѣхъ идей, органомъ которыхъ будетъ газета, или — если на то представится возможность и удобство — на основаніе банка, предназначеннаго организовать и развивать даровой кредитъ.

«Ст. 10-ая. Такъ какъ г. Герценъ намѣренъ участвовать въ данномъ дѣлѣ лишь на правахъ финансирующаго предпріятіе, то ему въ возможно кратчайшій срокъ будутъ даны гарантіи, установленныя ст. 4-ой.

«Писано и подписано въ двухъ экземплярахъ въ Парижѣ г. Прудономъ 14 августа 1849 года». Подпись: П.-Ж. Прудонъ.

Пробный нумеръ «Voix du Peuple» вышелъ 20 сентября 1849 г., а съ 1-го октября газета начала выходить ежедневно. Она прекратилась вслѣдствіе цензурныхъ репрессій 14 мая 1850 г. на 223-мъ нумерѣ. Все время ею руководилъ изъ тюрьмы Прудонъ.

Задачей «Voix du Peuple» онъ ставилъ — содѣйствовать примиренію классовъ. Онъ хотѣлъ уяснить народу, что реакція, монархія, государственные перевороты черпаютъ силы исключительно въ антагонизмѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ, что въ разжиганіи этого антагонизма — вся тактика контръ-революціи. Это «примиреніе классовъ» являлось для Прудона, конечно, не самоцѣлью, а лишь необходимой предпосылкой истинной, соціальной революціи. Въ концѣ октября онъ писалъ одному другу: «Voix du Peuple» идетъ тихо. Мнѣ нужно провести такія большія идеи, что приходится быть до-нельзя осторожнымъ. Одни говорятъ, что я мѣняюсь, другіе — что я продаюсь, третьи — что я трушу, четвертые — что тюрьма убиваетъ меня... Истина въ томъ, что, такъ какъ цѣль у меня высокая и далекая, и такъ какъ я не хочу промахнуться, то я долженъ быть такъ же плосокъ и благодушенъ, какъ «Siècle» *).

Газета шла отлично — отъ 35 до 60 тысячъ нумеровъ въ день, но штрафы истощали кассу и постепенно съѣдали залогъ, а по мѣрѣ того, какъ «Voix du Peuple» становилась все неудобнѣе для правительства, оно тѣснило и самого Прудона: перевело его изъ одной парижской тюрьмы, гдѣ онъ содержался очень льготно, въ другую, худшую, а потомъ и вовсе увезло изъ Парижа — въ Дулланскую тюрьму. Кромѣ передовыхъ по вопросамъ дня, Прудонъ напечаталъ въ «Voix du Peuple» двѣ знаменитыя серіи политическихъ статей — противъ Бастіа, «о даровомъ кредитѣ», и противъ Луи Блана, «о пользѣ государства въ настоящемъ и возможности его въ будущемъ». Мѣновой банкъ и анархія — это и были тѣ «увѣсистыя идеи», которымъ онъ былъ теперь преданъ безраздѣльно.

Герценъ едва ли сколько нибудь серьезно вліялъ на общее веденіе газеты. Первые три мѣсяца (до конца декабря) его даже вовсе не было въ Парижѣ, онъ жилъ въ Женевѣ, потомъ ѣздилъ въ Цю-

*) Correspondance de P. J. Proudhon, v. III, p. 38 — 39.

рихъ къ матери, и вообще все время, до апрѣля 1850 г., былъ занятъ хлопотами по своимъ денежнымъ дѣламъ. Къ тому же, въ его семейной жизни было неладно: «штиль между двухъ ударовъ грома, штиль давящій, тяжелый, но не казистый...» говоритъ онъ объ этомъ времени. Онъ разсказываетъ, что по его предложенію иностранный отдѣлъ «Voix du Peuple» былъ порученъ Сазонову, который однако уже черезъ мѣсяцъ передалъ его Хоецкому, не ужившись съ Прудономъ. Этотъ иностранный отдѣлъ носилъ характерное двойное заглавіе: «Всеобщая политика. — Солидарность народовъ». Здѣсь, въ трехъ нумерахъ за ноябрь и декабрь 1849 г., была напечатана обширная статья Герцена о Россіи за подписью: «Русскій».

Это было первое публичное обращеніе Герцена къ западнымъ людямъ. Вступая въ компанію съ Прудономъ, онъ имѣлъ въ виду, разумѣется, послужить не только дѣлу свободы вообще, но и особенно дѣлу русской свободы. И вотъ онъ взялся за перо, чтобы завоевать русскому народу подобающее ему мѣсто въ ряду другихъ народовъ, борящихся за свободу, мало того, — чтобы показать демократической Европѣ, насколько она сама заинтересована въ исходѣ русской борьбы. Позднѣе онъ еще не разъ возвращался къ этимъ вопросамъ, — тѣмъ любопытнѣе эта первая, неувѣренная попытка ихъ рѣшенія, гдѣ еще можно разглядѣть самый процессъ рожденія его идей *).

Онъ чрезвычайно искусно облекъ свое разсужденіе въ форму письма къ западному демократу, что̀ даетъ ему возможность сразу стать на одну плоскость съ нимъ и такимъ образомъ сразу завязать узелъ общихъ судебъ Европы и Россіи. Онъ начинаетъ съ того, что оба они — изгои: вы, говоритъ онъ, ушли, если не тѣломъ, то духомъ, изъ вашего стараго монархически-феодальнаго міра, гдѣ почернѣлыя и потрескавшіяся отъ времени стѣны ежеминутно грозятъ

---

*) Статья эта въ русской печати неизвѣстна, не вошла ни въ одно изданіе сочиненій Герцена и не была отдѣльно издана ни имъ самимъ, ни послѣ него. Она носитъ форму письма къ тогдашнему другу Герцена, Гервегу; въ Voix du Peuple адресатъ помѣченъ только иниціалами (A. G. H.). Въ 1850 г. Герценъ напечаталъ ее по нѣмецки въ видѣ приложенія къ Vom anderen Ufer (Гамбургъ, Hoffmann und Campe), подъ заглавіемъ «An Georg Herwegh, съ подписью «Варваръ», и съ помѣткою — не «Лондонъ», какъ въ Voix du Peuple, а «Монтре».—Отрывокъ отсюда—о сельской общинѣ — Герценъ перепечаталъ потомъ въ приложеніи къ Du développement des idées révolutionnaires en Russie.

паденіемъ и гдѣ вамъ было до-нельзя душно; я же не вынесъ тепловлажной атмосферы нашего недостроеннаго зданія, насыщенной испареніями извести, — и вотъ, выйдя изъ двухъ противоположныхъ пунктовъ — вы изъ госпиталя, я изъ дѣтскихъ яслей, — мы сошлись въ одной и той же точкѣ, оба чуждые своей родинѣ, оба на чужбинѣ. Но, установивъ общее сходство положеній, Герценъ спѣшитъ указать и на существенное различіе: его положеніе выгоднѣе, ему не пришлось выдержать такой трудной внутренней борьбы; мы, русскіе, морально свободнѣе европейцевъ, и не только потому, что мы были избавлены отъ тѣхъ тяжкихъ испытаній, чрезъ которыя суждено было пройти Западу, но и потому, что у насъ нѣтъ прошлаго, которое властвовало бы надъ нами. Наша исторія бѣдна, и первымъ условіемъ нашего обновленія было — отречься отъ нея совершенно; у насъ осталось отъ нашего прошлаго только національный бытъ, національный характеръ и государственная форма; все остальное — вопросъ будущаго.

Итакъ, позиція русскаго частью даже выгоднѣе позиціи западнаго человѣка; но въ какомъ отношеніи? передъ какимъ дѣломъ они равны, для какого дѣла русскій поставленъ удобнѣе? Рѣчь идетъ, очевидно, о нѣкоемъ общемъ идеальномъ дѣлѣ — о всемірно-исторической борьбѣ за свободу; и дальше, говоря объ этомъ дѣлѣ, Герценъ уже больше не отдѣляетъ себя отъ своего собесѣдника-европейца, и все время говоритъ объ обоихъ: мы. Мы, это люди будущей свободы, все равно — русскій, или нѣмецъ; не съ точки зрѣнія русскаго, а съ точки зрѣнія демократа, исключительно въ видахъ общей борьбы за свободу, Герценъ и ведетъ свое разсужденіе о Россіи.

Въ немногихъ словахъ онъ набрасываетъ картину положенія дѣлъ въ Европѣ. Чудный весенній сонъ 1848 года быстро разсѣялся; старая Европа, обезсиленная, апатичная, стоитъ на краю обрыва, и Россія готовится столкнуть ее въ бездну, какъ злой мальчишка, ведущій къ пропасти слѣпого нищаго. Хуже всего то, что и большинство демократовъ умышленно закрываютъ глаза. Человѣкъ вообще не любитъ истины, — а когда она идетъ въ разрѣзъ съ его желаніями, когда она разрушаетъ его любимѣйшія мечты, когда усвоить ее онъ можетъ лишь цѣною своихъ надеждъ и иллюзій, тогда онъ чувствуетъ къ ней ненависть, какъ будто она виновата. Реакція торжествуетъ по всей линіи, а демократы считаютъ ее чѣмъ-то случайнымъ и скоропреходящимъ. Лишь немногіе изъ нихъ понимаютъ, что реакція сильна потому, что революція оказалась слаба: поли-

тическіе демократы испугались соціалистическихъ демократовъ, и революція сломилась, обрушившись на самое себя.

Что же дальше? Примиреніе невозможно, всѣ мосты между прошлымъ и будущимъ разрушены. Или старая Европа падетъ подъ ударами соціализма, какъ палъ Римъ подъ натискомъ христіанства, или же она побѣдитъ его и уцѣлѣетъ со своей рутиной вмѣсто идей и дряхлостью вмѣсто энергіи, и, какъ новая Византія, будетъ влачить черезъ вѣка апатичное существованіе, предоставивъ развитіе, будущность, жизнь другимъ народамъ и странамъ. Можетъ быть, впрочемъ, не случится ни то, ни другое, а воцарится надолго хаосъ непрерывной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, ожесточенная и пустая смута, которая приведетъ къ деспотизму и взаимному истребленію. Точно предвидя ужасы подавленія коммуны, Герценъ пророчитъ время слезъ и страданій, стоновъ и зубовнаго скрежета. Уже іюньскіе дни показали, какъ велика накопленная злоба. Третье сословіе, потратившее въ теченіе вѣковъ столько труда и усилій, чтобы добыть хоть немного свободы, готово опять пожертвовать всѣмъ. Оно видитъ, что на почвѣ законности, на которой стояли еще Полиньякъ и Гизо, ему не удержаться, — и оно сознательно отступаетъ къ временамъ Варѳоломеевой ночи, Тридцатилѣтней войны и Нантскаго эдикта, за которыми виднѣются варварство, разрушеніе, новыя скопленія народовъ и слабые зачатки новаго міра. Историческое зерно зрѣетъ медленно; понадобилось пять вѣковъ тьмы, чтобы сколько-нибудь организовать христіанскій міръ, а передъ тѣмъ пять же вѣковъ длилась агонія римскаго міра.

Трудное, печальное время! Все рушится, все кипитъ въ безплодномъ волненіи, самыя мрачныя предчувствія оправдываются съ ужасающей быстротой. Вспоминая свой третій діалогъ, «Consolatio», писанный шесть мѣсяцевъ назадъ, гдѣ ставился вопросъ, есть ли еще что дѣлать, Герценъ замѣчаетъ, что теперь этотъ вопросъ уже не имѣетъ смысла: теперь люди уже начинаютъ спрашивать себя, можно ли жить. Франція сдѣлалась западной Австріей и все глубже погружается въ грязь и безчестіе. Прусская сабля останавливаетъ послѣднія движенія нѣмецкой революціи, Венгрія истекаетъ кровью подъ топоромъ вѣнчаннаго палача, Швейцаріи грозятъ войною со всѣхъ сторонъ, Римъ гибнетъ геройски, наложивъ печать вѣчнаго позора на чело Франціи, бывшей до сихъ поръ любимицей народовъ. Для свободомыслящаго, который не хочетъ преклониться передъ силою, нѣтъ во всей Европѣ другого убѣжища, какъ только палуба корабля, готоваго отплыть въ Америку.

Говорятъ, что гибель Франціи грозитъ опасностью всему человѣчеству; и это было бы вѣрно, если бы подъ человѣчествомъ надо было разумѣть только германо-романскую Европу. Такъ ли это? Дѣйствительно ли все, что лежитъ за предѣлами нашего міра, — лишнее и ненужное? Катонъ пронзилъ себѣ грудь мечомъ, потому что Римъ погибалъ и потому что онъ не видѣлъ въ мірѣ ничего, кромѣ Рима; но правъ оказался не онъ, а Тацитъ, кинувшій взоръ за предѣлы римскаго міра и не убоявшійся признать, что будущее принадлежитъ варварамъ — германцамъ. Судьбы человѣчества не ограничены Западной Европой. Если она не съумѣетъ обновиться путемъ соціальнаго преобразованія, — преобразуются другія страны, и есть уже одна, которая готова къ этому, и другая, которая готовится: первую—Соединенные Штаты—Европа знаетъ, второй — Россіи — не знаетъ вовсе. Между тѣмъ Россія идетъ на Европу, вѣрнѣе уже пришла, уже врѣзалась въ нее, ведомая Габсбургами и Гогенцоллернами. Но Цезарь лучше зналъ галловъ, нежели Европа — русскихъ.

И точно: пока Западная Европа вѣрила въ себя, пока будущее представлялось ей, какъ линія ея собственнаго развитія, она не могла заниматься Восточной Европой. Но теперь обстоятельства измѣнились: это надменное пренебреженіе уже не къ лицу теперешней Европѣ; оно смѣшно, какъ высокомѣріе кастильскаго гидальго, на которомъ сапоги безъ подошвъ и рваный плащъ. Европѣ стало нечѣмъ гордиться передъ Россіей. Упрекайте русскихъ, сколько хотите, въ томъ, что они рабы; они въ свою очередь спросятъ васъ: а вы — свободны? Они могутъ даже прибавить, что Европа никогда не освободится иначе, какъ чрезъ освобожденіе Россіи; и вотъ почему ей полезно нѣсколько ближе познакомиться съ Россіей.

Герценъ разсказываетъ дальше, какъ впечатлѣніе поразительной фигуры Петра возбудило въ европейцахъ интересъ къ Россіи, какъ этотъ интересъ поддержали Екатерина II и побѣдитель Наполеона — Александръ, какъ потомъ его же союзъ съ европейской реакціей впервые пробудилъ въ европейцахъ враждебное чувство къ Россіи, и какъ, наконецъ, жестокое усмиреніе Польши поселило въ ихъ сердцахъ глубокую ненависть къ ней. Онъ характеризуетъ европейскую литературу о Россіи и подробно останавливается на книгахъ Кюстина и Гакстгаузена. Первый видѣлъ тронъ, второй общину, но оба не замѣтили, что въ русской жизни есть нѣчто болѣе высокое, чѣмъ община, и болѣе сильное, нежели царская власть, что̀ трудно выразить словами, еще труднѣе указать пальцемъ. Это —

та глубоко-скрытая и не сознающая себя сила, которая такъ чудно сохранила русскій народъ подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкой бюрократіи, которая, наперекоръ унизительной дисциплинѣ крѣпостного права, сохранила крестьянину его открытое, прекрасное лицо и живой умъ, которая на царскій приказъ образоваться отвѣтила вѣкъ спустя колоссальнымъ явленіемъ Пушкина, и которая среди всѣхъ историческихъ превратностей поддерживаетъ въ русскомъ народѣ непоколебимую вѣру въ себя.

Оправдается ли эта вѣра? Герценъ думаетъ, что да. Залогъ великой будущности русскаго народа онъ видитъ въ общинѣ. Онъ даетъ подробный очеркъ общиннаго строя, подчеркивая элементы соціализма въ немъ, и приходитъ къ выводу, что полудикій укладъ русской жизни болѣе соотвѣтствуетъ идеалу, взлелѣянному Европой, нежели культурный бытъ романо-германскаго міра: что̀ для Запада—лишь надежда, къ которой направлены его усилія, то — дѣйствительность нашихъ первыхъ шаговъ на міровой сценѣ; угнетенные абсолютизмомъ императорской власти, мы тѣмъ не менѣе идемъ навстрѣчу соціализму, какъ древніе германцы, поклонники Тора и Одина, шли навстрѣчу христіанству.

Но община, говоритъ Герценъ, отучая отъ личной иниціативы и замыкая кругъ интересовъ, убаюкивала русскій народъ, и сонъ его становился все глубже, пока наконецъ Петръ грубымъ толчкомъ разбудилъ часть націи. Онъ вызвалъ искусственно нѣчто въ родѣ борьбы и антагонизма, и именно въ этомъ провиденціальный смыслъ петербургскаго періода русской исторіи. Петръ сдѣлалъ большую ошибку: онъ не понялъ, что тѣ элементы европейской цивилизаціи, которые вызывали его удивленіе, не только не обусловлены существовавшими тогда въ Европѣ политическими формами, но, напротивъ, стоятъ въ прямой оппозиціи къ этимъ формамъ, и что послѣднія сами обречены смерти; онѣ ждали только своего Петра I — великой революціи, — чтобы исчезнуть. Ослѣпленный Западомъ, Петръ принялся его копировать; ненавидя все старо-русское, какъ дурное, такъ и хорошее, онъ подражалъ всему европейскому, хорошему, какъ и дурному. Добрая половина чужеземныхъ формъ, перенесенныхъ имъ въ Россію, была совершенно чужда духу русскаго народа. Онъ хотѣлъ сломить, разсѣять всеобщій застой и апатію, которые видѣлъ вокругъ себя, — и, рѣшивъ обновить кровь, текущую въ русскихъ жилахъ, взялъ для этого старую испорченную кровь, прививъ тѣмъ нашему молодому организму дряхлость Европы.

Реформа Петра разслоила Россію на три группы: правительство, интеллигенцію и народъ. Народъ остался тѣмъ же; благодаря своему пассивному сопротивленію и силѣ характера онъ уцѣлѣлъ морально и сохранилъ свой общинный строй — залогъ будущаго. Дворъ и правящіе классы остались вѣрны формальному наслѣдію Петра, той внѣшней государственной цивилизаціи, которая, въ видѣ заимствованнаго съ Запада канцеляризма, сочеталась съ московскимъ деспотизмомъ въ петербургское императорство. Духу Петровской реформы осталась вѣрна интеллигенція. Въ ней—зерно и умственный центръ будущей русской революціи. Ея положеніе въ высшей степени трагично: она чужда народу, потому что ея отцы и дѣды примкнули къ цивилизующему правительству, и чужда правительству, потому что она дѣйствительно цивилизовалась. 14-го декабря она вызвала официальную Россію на бой. Декабрьскимъ возстаніемъ закончился первый этапъ петербургскаго періода. Вопросъ былъ рѣшенъ: своей активной ненавистью къ деспотизму образованный классъ доказалъ, что онъ догналъ своихъ западныхъ братьевъ, что онъ одушевленъ тѣми же чувствами и мыслями, какъ Ріего, Конфалоньери и карбонаріи.

И вотъ правящая Россія стоитъ между двухъ буферовъ — между Россіей общинной и Россіей мыслящей, ненавидимая обѣими и гнетя обѣ. Первая пассивна, вторая активна, и противъ нея-то, обезумѣвъ отъ ярости, свирѣпствуетъ правительство. Но воздвигая гоненіе на культуру, оно подрубаетъ тотъ самый сукъ, на которомъ оно сидитъ. Оно забыло, что оно родилось въ Петербургѣ, что оно—правительство цивилизованной Россіи, что оно связано обязательствами, которыя оно приняло на себя передъ европейской цивилизаціей. Уничтожая культуру, оно роетъ себѣ могилу, но и позволяя ей расти, оно готовило бы себѣ гибель. Возможно, впрочемъ, что подъ давленіемъ невыносимаго гнета Россія распадется на части; возможно и то, что она просто ринется впередъ безъ оглядки и нетерпѣливымъ движеніемъ сброситъ съ себя своего неловкаго всадника.

Герценъ спрашиваетъ себя въ заключеніе, какова же всемірно-историческая идея русскаго народа? Въ этомъ первомъ своемъ обращеніи къ западнымъ людямъ онъ еще не рѣшается открыто выразить свою гордую патріотическую мысль. Онъ указываетъ, главнымъ образомъ, на общія преимущества Россіи: она выступаетъ на міровую арену въ блескѣ молодости и свѣжихъ силъ, когда остальные народы, уставъ отъ долгой, бурной жизни, уже жаждутъ покоя.

А что до пресловутаго преимущества Европы — до ея свободы, — то что сталось съ нимъ? надо быть слѣпымъ или лицемѣромъ, чтобы замѣчать царизмъ только подъ 59° сѣверной широты. Издѣвайтесь сколько хотите надъ смиренной покорностью русскихъ и возмущайтесь русскимъ абсолютизмомъ, но научитесь же различать деспотизмъ подъ всякой личиной, которую онъ одѣваетъ, будь то президентъ республики, временное правительство или національное собраніе. Стыдно въ 1849 году, послѣ утраты всѣхъ надеждъ и всѣхъ пріобрѣтеній, передъ трупами павшихъ и разстрѣлянныхъ, при видѣ сосланныхъ и гонимыхъ изъ страны въ страну, цѣпляться, какъ прежде, за либеральный конституціонализмъ, за эту платоническую и безплодную любовь къ политикѣ. Тотъ оптическій обманъ, посредствомъ котораго рабству придавали видъ свободы, разсѣялся, маски упали, и мы теперь доподлинно знаемъ, чего стоитъ республиканская свобода Франціи и конституціонная свобода Германіи, мы видимъ теперь (или, если не видимъ, то это наша вина), что всѣ существующія правительства, отъ самаго скромнаго швейцарскаго кантона до самодержца всея Руси, — лишь варіаціи одной и той же темы: «надо пожертвовать свободой порядку, личностью обществу, и стало быть, чѣмъ сильнѣе правительство, тѣмъ лучше». Если тяжело жить въ Россіи, то и въ Европѣ не легче: она стала похожа на Петербургъ, и иныя мѣста въ ней стали хуже Петербурга.

Герценъ еще не рѣшался сказать, что въ русской общинѣ — ключъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса для всѣхъ народовъ.

4.

Какъ извѣстно, въ «Voix du Peuple» была напечатана и статья Герцена о Донозо Кортесѣ, составившая потомъ послѣднюю главу «Съ того берега»; она появилась въ нумерѣ отъ 15 марта 1850 г. и подписана: I—r, docteur en théologie. Эта статья, написанная, какъ разсказываетъ самъ Герценъ, по предложенію редакціи газеты, держится въ сферѣ общихъ идей: это—отвѣтъ соціалиста апологету реакціи, варіація излюбленной Герценомъ темы о сходствѣ соціализма съ зарождавшимся христіанствомъ.

«La Voix de Peuple» прекратилась въ маѣ 1851 г., а въ іюнѣ Герценъ былъ высланъ изъ Франціи. Ближайшіе два года онъ прожилъ въ Ниццѣ. Это было самое страшное время его жизни, отсюда уѣхала

отъ него Наталія Александровна къ Гервегу, здѣсь разразился надъ ними, по ея возвращеніи, ударъ 16 ноября 1851 г., здѣсь, полгода спустя, умерла Н. А. — Прудонъ эти два года провелъ въ тюрьмѣ — частью въ Консьержри, частью въ Сенъ-Пелажи; срокъ его заключенія кончился только въ іюнѣ 1852 г.

23 марта 1851 года Герценъ писалъ Прудону:

«Давно уже я собираюсь напомнить вамъ о себѣ, но въ моей душѣ такое vacuum horrendum, я такъ боленъ и, если не впалъ въ малодушіе, то, по крайней мѣрѣ, жизнь мнѣ такъ опротивѣла, что я не находилъ ничего, что̀ стоило бы сообщить вамъ. Наше время принадлежитъ къ тѣмъ изнурительнымъ эпохамъ, о которыхъ исторія ничего не говоритъ, въ которыя ничего не случается, но въ которыя годъ все-таки состоитъ изъ 365 дней и человѣческое сердце дѣлаетъ свои 60 ударовъ въ минуту. Это — эпохи субъективныхъ страданій, лиризмъ которыхъ выдыхается, не достигая даже сухого почетнаго упоминанія въ лѣтописи. По счастію, отрадное извѣстіе о малюткѣ нашего друга Эдмонда оживило насъ на нѣсколько часовъ, и я пользуюсь этимъ поводомъ, чтобы пожать вамъ руку и поблагодарить васъ также съ нашей стороны за ваше дружеское содѣйствіе, потому что и мы съ женой имѣемъ нѣкоторыя права на маленькую Марію... Вы должны скоро перемѣнить тюрьму. Дай Богъ, чтобы большая не показалась вамъ болѣе непріятной, нежели маленькая. Пьемонтъ — все-таки лучшій уголокъ Европы. Можетъ быть, мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ здѣсь? Привѣтствую васъ отъ всей души».

Отвѣчалъ ли Прудонъ на это письмо, неизвѣстно, но въ ноябрѣ, узнавъ отъ общихъ друзей о несчастіи, постигшемъ Герцена (16-го ноября утонула мать Герцена, его сынъ Коля и воспитатель послѣдняго Шпильманъ), Прудонъ написалъ ему то удивительное письмо, которое самъ Герценъ напечаталъ потомъ (въ переводѣ) въ пятой книжкѣ «Полярной Звѣзды». Это письмо — вмѣстѣ плачъ и проклятіе. Съ безпредѣльнымъ участіемъ, съ глубокой скорбью Прудонъ оплакивалъ ударъ, павшій на Герцена. Потеря друга напомнила ему собственныя потери—самоубійство брата, преждевременную смерть отца и матери, замученныхъ проклятымъ режимомъ; раскрылись старыя раны, и онъ съ бѣшенствомъ посылаетъ проклятія ненавистному Молоху, отнимающему у насъ все, что намъ дорого, — потому что и въ горѣ, постигшемъ Герцена, онъ видитъ слѣдствіе все той же бездушной силы, которою онъ самъ запертъ въ тюрьму. «Въ чемъ разница между крестьяниномъ, у

котораго сынъ взятъ въ солдаты, хозяйство разорено налогами и пр., который ломится подъ тяжестью безвыходнаго положенія,— и вами, обреченнымъ на скитанье изъ страны въ страну, на всѣ случайности переѣздовъ, у котораго часть семьи гибнетъ въ волнахъ?.. О, сколько слезъ и крови, въ которыхъ я имѣю право спросить отчета у гнетущей силы!.. Такъ много, что я отчаиваюсь при жизни свести счеты и только повторяю съ псалмопѣвцемъ: Beatus qui retribuet tibi retributionem tuam, quam retribuisti nobis!»

Это письмо было датировано 27 ноября 1851 г., и Герценъ въ Ниццѣ получилъ его почти одновременно съ потрясающимъ извѣстіемъ о переворотѣ 2-го декабря. Подъ двойной тяжестью личнаго и общаго горя онъ отвѣчалъ Прудону 26-го декабря:

«Благодарю васъ искренно за ваше прекрасное письмо отъ 27 ноября; оно было для меня благотворно. Ваше сочувствіе мнѣ дорого; оно сдѣлало мнѣ мои страданія менѣе тягостными, болѣе человѣчными.

«Вы говорите мнѣ: «Торопитесь оплакать ваши домашнія горести, потому что, если вамъ не вернетъ спокойствія крайнее напряженіе умиротворяющаго разума, вы увидите скоро такія вещи, которыя сдѣлаютъ ваше сердце нечувствительнымъ для всѣхъ вашихъ бѣдъ».

«Эти пророческія слова оправдались страшнымъ образомъ, и умиротворяющему разуму не пришлось сдѣлать крайнихъ усилій. У меня больше нѣтъ слезъ. Мнѣ кажется иногда, что ужасная катастрофа, лишившая меня матери, ребенка и друга, случилась уже очень давно. Со времени этого кораблекрушенія успѣлъ потерпѣть крушеніе цѣлый міръ. Горькая участь — перейти непосредственно отъ погребенія своихъ близкихъ на общія похороны, не давъ ни часу отдыха разбитому сердцу!

«Крушеніе этого міра всѣ предвидѣли, но горе всегда поражаетъ, какъ что-то неожиданное. Діалектическіе выводы не утѣшаютъ. Больше двухъ лѣтъ назадъ вы сказали: «Не Катилина у вашихъ воротъ, а смерть!» Тогда она постучалась, теперь она отперла ворота. Царство буржуазной революціи прошло, царство фрондирующаго либерализма, риторическаго республиканизма, словъ и абстракцій — кончилось. Буржуазія продала свободу, честь, словомъ—все, чтобы сохранить свои деньги и монополіи,—что жъ! развѣ не справедливо, чтобы за эту симонію она была наказана безграничнымъ рабствомъ? Она боялась чрезмѣрной сво-

боды—и добилась чрезмѣрнаго деспотизма, боялась варварства снизу—и достигла варварства сверху, не хотѣла ничего уступить народу — и вотъ народъ спокойно смотритъ, какъ разстрѣливаютъ республиканцевъ во имя порядка. Существовала ли когда-нибудь на свѣтѣ болѣе тощая, болѣе жалкая идея, нежели идея порядка? Порядокъ и скупость взамѣнъ престола и церкви! Но принципъ католической монархіи былъ въ тысячу разъ болѣе поэтиченъ и соціаленъ. Манія порядка и барышничества—вотъ чума, губящая этотъ міръ; онъ умираетъ безобразно, но въ общемъ это убиваетъ его не хуже, нежели его убилъ бы коммунизмъ,— и въ результатѣ его судьбы исполнятся. Но надо предоставить мертвымъ хоронить мертвецовъ.

«Какъ намъ было бы отрадно знать, что вы внѣ Парижа и Франціи! Парижъ — это Іерусалимъ послѣ Іисуса; слава его прошлому, но это — прошлое.

«Теперь остается еще только одинъ культурный уголокъ, одна консервативная страна — Англія. Только тамъ личность можетъ быть свободна. Внѣ Англіи существуетъ одна только Россія — юная Россія петербургская и старая французская. Между ними, какъ тряпка межъ двухъ алмазовъ, — Германія, лимфатическая, трансцедентальная и пассивная. Мы можемъ различать сквозь варварство, поглотившее континентъ, красную нить прогресса, но безъ принужденія невозможно вести человѣческую жизнь среди необузданной низости, среди этой оргіи произвола.

«Вы сдѣлали безмѣрно много. Вы употребили всѣ усилія, чтобы показать Франціи приближающуюся опасность. Вы указали средства спасенія и перехода. Вамъ удивлялся весь міръ отъ Москвы до Нью-Іорка. Но, говоря откровенно, — поняла ли васъ Франція? Когда вы говорили о мирѣ, она слышала призывъ къ войнѣ, когда вы проповѣдывали примиреніе, она принимала ваши слова за крикъ ненависти.

«Теперь troppo tardi — катастрофа разразилась, венсенскіе казаки и попы порядка одержали верхъ. Отвернемся отъ печальнаго зрѣлища охваченнаго безуміемъ міра и постараемся освободить и спасти самихъ себя, если мы не съумѣли спасти міръ.

«Жму вашу руку съ искренней, глубокой симпатіей. Разсчитывайте на меня. Я былъ бы радъ доказать вамъ на дѣлѣ мою дружбу и преданность».

Все это время до переѣзда Герцена въ Лондонъ отношенія между нимъ и Прудономъ поддерживались чрезъ Шарля Эдмонда, ко-

торый жилъ, какъ и Герценъ, въ Ниццѣ, и съ которымъ Прудонъ былъ въ постоянной перепискѣ. Чрезъ него Прудонъ то и дѣло посылаетъ поклоны Герцену, чрезъ него привлекаетъ Герцена къ сотрудничеству въ проектируемыхъ имъ изданіяхъ: Исторіи современной демократіи, Всеобщемъ біографическомъ словарѣ, и т. п. По выходѣ изъ тюрьмы (въ іюнѣ 1852 г.) Прудонъ тотчасъ принялся хлопотать о возстановленіи въ правахъ своихъ ближайшихъ друзей — Pilhes'a, Duchêne'a, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, и Ш. Эдмонда и Герцена, лишенныхъ права жить въ предѣлахъ Франціи. Извѣщая объ этомъ Герцена, онъ пишетъ ему 7 августа 1852 г.: «Запрещеніе въѣзда во Францію безполезно для вашей славы и для нашего дѣла; продолжайте ваши переѣзды; но необходимо, чтобы вы могли пріѣзжать въ Парижъ, потому что, въ концѣ-концовъ, только здѣсь человѣкъ свободенъ и только здѣсь мыслятъ *)». Эти хлопоты, конечно, не привели къ положительному результату, — да Герцену онъ уже и не былъ нуженъ: въ серединѣ августа онъ уѣхалъ въ Лондонъ, и на многіе годы.

5.

Прошло три года. Лѣтомъ 1855 г. Герценъ, предпринимая изданіе «Полярной Звѣзды», въ числѣ другихъ славныхъ иностранцевъ, пригласилъ къ сотрудничеству и Прудона. Роли перемѣнились, теперь въ бой ополчался Герценъ — и замѣчательно, что Прудонъ счелъ нужнымъ предостеречь его противъ той самой опасности, на которую шесть лѣтъ назадъ, при основаніи «Voix du Peuple», указывалъ ему Герценъ. Онъ выражаетъ готовность участвовать въ журналѣ Герцена,—разумѣется, ихъ дѣло общее, дѣло свободы; но онъ долженъ напомнить Герцену, кто истинный врагъ. «Наше положеніе ужасно трудно! Вы пока еще заняты правительствами, а я, напротивъ, смотрю на управляемыхъ. Не слѣдуетъ ли, прежде чѣмъ нападать на деспотизмъ притѣснителей, напасть на деспотизмъ освободителей? Видали ли вы что-нибудь ближе подходящее къ тираніи, чѣмъ народные трибуны, и не казалась ли вамъ иной разъ нетерпимость мучениковъ такъ же отвратительной, какъ бѣшенство ихъ гонителей? Деспо-

*) Corresp., t. IV, p. 317.

тизмъ оттого такъ трудно сокрушить, что онъ опирается на внутреннее чувство своихъ антагонистовъ, я долженъ бы сказать — своихъ соперниковъ, такъ что писатель, дѣйствительно любящій свободу, истинный другъ революціи, часто не знаетъ, въ какую сторону ему направлять свои удары, въ скопище ли утѣснителей, или въ недобросовѣстность утѣсненныхъ. Вѣрите ли вы, напримѣръ, что русское самодержавіе произведено одной грубой силой и династическими происками?.. Смотрите, нѣтъ ли у него сокровенныхъ основаній, тайныхъ корней въ самомъ сердцѣ русскаго народа? Я спрашиваю васъ, какъ одного изъ самыхъ откровенныхъ людей, которыхъ я зналъ,—неужели вы не приходили въ негодованіе, въ отчаяніе отъ притворства, отъ маккіавелизма тѣхъ, которыхъ такъ или иначе европейская демократія признаетъ или *выноситъ* своими главами? Не надо распадаться передъ непріятелемъ, скажете вы; но, любезный Герценъ, что̀ страшнѣе для свободы — распаденіе или измѣна?

...«Сдѣлаемъ союзъ, какъ Бертранъ дю Гекленъ и Оливье де Клиссонъ, за свободу quand même, противъ всѣхъ живыхъ и мертвыхъ. Будемъ поддерживать дѣло освобожденія, откуда бы оно ни шло и какимъ бы образомъ оно ни являлось, и будемъ безъ пощады сражаться противъ предразсудковъ, хотя бы мы ихъ и встрѣтили у нашихъ единомышленниковъ и братьевъ» *).

Герценъ тотчасъ отвѣчалъ на это письмо:

«Дорогой и уважаемый другъ! Я отдалъ бы Богъ знаетъ что, чтобы пожать вамъ руку по прочтеніи вашего письма. Грустно, что мнѣ ни разу не довелось жить сколько-нибудь продолжительное время въ одномъ городѣ съ вами. У меня есть тщеславная увѣренность, что даже среди вашихъ друзей лишь немногіе понимаютъ васъ лучше и съ бо̀льшимъ діалектическимъ сочувствіемъ, нежели я. Вы одни — я столько разъ говорилъ это другимъ, что не могу не сказать этого и вамъ — вы одни являетесь *автономнымъ* мыслителемъ революціи; у большинства остальныхъ — готовая, законченная, безусловная система идей. Они похожи на протестантскихъ священниковъ, которымъ позволено разсуждать до богословскаго шлагбаума; достигнувъ его, они принуждены жевать жвачку въ видѣ безконечныхъ варіацій на старыя темы съ арабесками и риторикой. Этого довольно, чтобы показать вамъ, что я очень хорошо

*) Письмо отъ 23 іюля 1855 г., «Пол. Зв.» V, стр. 225 — 227.

понялъ вторую часть письма; я также живу почти въ полномъ обособленіи.

«Благодарю васъ отъ всего сердца за готовность поддержать нашъ журналъ. Ваше имя — уже важный залогъ успѣха, — васъ обожаютъ на сѣверѣ. Но позвольте мнѣ настаивать на статьѣ; у васъ еще много времени до 1-го декабря. Разрѣшите мнѣ два-три раза напомнить вамъ объ этомъ.

«Что касается Россіи и славянства, то мой взглядъ на нихъ едва ли можно назвать идеалистическимъ или «exaltado». Вотъ мои основныя положенія: 1. Сельская община, опирающаяся на постоянный передѣлъ земли между хлѣбопашцами, и рабочая артель, основанная на раздѣлѣ заработка, не уравнительномъ, но по согласію всѣхъ, — даютъ мнѣ право заключать, что въ самой природѣ славянскаго племени заложены элементы соціализма. 2. Государство — ни до Петра I, ни послѣ никогда не было въ силахъ искоренить эти элементы. Государство сдѣлалось очень сильнымъ, очень централистическимъ, послѣ Петра I оно стало искусственнымъ (что̀ станутъ дѣлать теперь, вернувшись къ раціонализму, — я не знаю); государство все спаяло — и Николай, послѣдній неограниченный самодержецъ, уже не зналъ, ни что ему дѣлать, ни куда идти *). 3. Я думаю, что безъ участія западныхъ соціалистическихъ идей у славянскихъ народовъ никогда не хватитъ пылкости, чтобы отъ патріархальнаго коммунизма перейти къ сознательному соціализму. Россія скромнѣе Савойи и не farà da se; ей нужны сочувствіе и помощь европейскихъ народовъ. Но, съ другой стороны, я убѣжденъ, что свободная свобода не воцарится на Западѣ, пока Россія будетъ оставаться какъ бы солдатомъ на службѣ петербургскаго императора. Послѣ смерти Николая уже все пошатнулось. Александръ колеблется между Нессельроде и Ермоловымъ, между своимъ братомъ Константиномъ и стаей нѣмецкихъ родственниковъ. Онъ добръ и слабъ, плачетъ съ офицерами, цѣлуется съ солдатами; онъ разрѣшилъ солдатамъ (въ Россіи это равносильно конституціи) разстегивать воротникъ и всѣмъ желающимъ—курить на улицѣ. И Украйна встаетъ, а крѣпостные говорятъ: мы готовы идти умирать подъ Севастополемъ, но барщины работать не будемъ. Можно ли наказывать за это въ военное время?

---

*) *Прим. Герцена.* Хотя еще возможенъ царь-мужикъ, съ бородой и тройной силою.

«Прощайте, дорогой другъ, — не забывайте меня! Мысль о томъ, что вы немного меня любите, будетъ утѣшать меня за непонятную для меня ненависть многихъ. Во всякомъ случаѣ, не забывайте, что вы имѣете во мнѣ не только поклонника, но и друга».

6.

Послѣдняя пара писемъ Герцена и Прудона, которою мы располагаемъ, относится къ марту 1860 г., когда Герценъ напомнилъ о себѣ Прудону, прислав ему чрезъ одного русскаго письмо и французскій экземпляръ «Былого и Думъ». Прудонъ тотчасъ отозвался дружескимъ письмомъ. Это было время наибольшей силы Герцена; его «Колоколъ» не только пользовался громаднымъ вліяніемъ въ Россіи, но являлся и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ демократическихъ органовъ Европы, — и зоркій Прудонъ спѣшилъ использовать эту новую силу въ интересахъ общаго дѣла свободы. Онъ приступалъ въ это время къ печатанію выпусками второго изданія своей книги «De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise» съ поправками и обширными дополненіями въ каждомъ выпускѣ. И вотъ онъ предлагаетъ Герцену время отъ времени перепечатывать въ «Колоколѣ» кое-что изъ этихъ выпусковъ, обѣщая съ своей стороны цитировать въ нихъ Герцена. Этимъ было бы положено начало единенію Франціи съ Россіей; мы найдемъ, пишетъ онъ, корреспондентовъ — нѣмцевъ, фламандцевъ, голландцевъ, можетъ быть также англичанъ, швейцарцевъ, австрійцевъ, итальянцевъ, испанцевъ, американцевъ, грековъ и т. д. — и при нѣкоторомъ усердіи мы можемъ въ шесть мѣсяцевъ покрыть нашей сѣтью всю Европу *).

На это приглашеніе Герценъ отвѣчалъ изъ Лондона, Park-House, 23-го марта:

«Только что получилъ ваше письмо и тотчасъ отвѣчаю. Искренно благодарю васъ за приглашеніе помѣстить что-нибудь въ вашемъ изданіи. Но долженъ вамъ сказать, что я и мой другъ Огаревъ завалены работой (у насъ на рукахъ «Колоколъ», «Полярная Звѣзда» и «Голоса изъ Россіи», все это мы одни редактируемъ, а въ «Колоколѣ» и «П. Звѣздѣ» основныя статьи пишутся нами же). Но вотъ что могу вамъ предложить — переводъ (приспособленный для фран-

*) Corresp. IX, стр. 347 — 350.

цузской публики) серіи писемъ о «Россіи и Польшѣ». Эти письма будутъ отвѣтомъ на три или четыре статьи, опубликованныя поляками въ Парижѣ *). Надо сообщить вамъ основную мысль этихъ писемъ. Въ моихъ глазахъ Польша представляетъ собою *старую цивилизацію* въ славянскомъ мірѣ, — и это при всей ея трагической красотѣ, при всѣхъ преимуществахъ несчастія, съ ея героическими воспоминаніями, стремленіемъ къ свободѣ, просвѣщеннымъ католицизмомъ и радикальной аристократіей; все это прекрасно, но все это не жизнеспособно. *Мы*, русскіе, ненавидимъ свое двойное прошлое: московское преданіе и петербургскую *статистику;* мы — изгои человѣчества, наше племя — помѣсь съ татарами, финнами, туранскими народами. Западная цивилизація становится намъ ненавистной, разъ она колеблется перейти Рубиконъ и вступить въ соціализмъ. Мужицкій, раскольничій, сельскій народъ не имѣетъ ничего общаго съ Петербургомъ. Наша аристократія — это *татары, произведенные въ нѣмцы.* Народъ выставляетъ, вмѣсто *права на трудъ*, даровое *право на землю*, общинный строй, раздѣлъ земли, общее владѣніе и артель.

«Если это подходитъ для васъ, я примусь за переводъ. Но за время пребыванія въ Лондонѣ я забылъ французскій языкъ, такъ что придется выправить слогъ и орѳографію.

«Я поговорю о вашемъ изданіи въ «Колоколѣ»: васъ любятъ и почитаютъ въ Россіи. Вашими врагами въ Россіи являются экономисты, сторонники полнаго laissez-faire, либералы оттѣнка Ламартинъ — Одиллонъ Барро; но быть предметомъ ненависти этихъ кретиновъ — чистое удовольствіе.

«Имѣется ли проспектъ вашего изданія? Я напечаталъ бы его въ «Колоколѣ». Если вы будете называть имена вашихъ сотрудниковъ, назовите и меня. Огаревъ (онъ занимается спеціально общиннымъ, экономическимъ и административнымъ устройствомъ въ Россіи) — одинъ изъ самыхъ выдающихся людей — хочетъ прислать вамъ кое-что и впередъ вамъ напишетъ.

«Нашъ Людовикъ XVI **), Александръ, хоть и дуется на насъ, но читаетъ насъ неизмѣнно. Съ мѣсяцъ тому онъ написалъ на од-

---

*) Герценъ говоритъ, безъ сомнѣнія, о тѣхъ двухъ своихъ письмахъ «Россія и Польша», которыя были напечатаны въ №№ 65 — 67 «Колокола» за 15 марта и 1 апрѣля 1860 г.

**) Такъ назвалъ Александра II въ своемъ письмѣ Прудонъ.

номъ докладѣ внутр. дѣлъ: «Я читалъ это въ «Колоколѣ» еще двѣ недѣли назадъ». Онъ начинаетъ безумствовать: произведенъ рядъ арестовъ и затѣянъ политическій процессъ — первый за это царствованіе».

7.

Какъ показываетъ письмо Прудона къ Герцену отъ 21 апрѣля 1861 г. (въ отвѣтъ на утраченное письмо Герцена отъ 13-го) *), сношенія между ними не прекращались и позднѣе. Въ пятой книжкѣ «Полярной Звѣзды» (1859) Герценъ напечаталъ ту часть «Былого и Думъ», которая содержитъ разсказъ объ изданіи «Voix du Peuple» и характеристику Прудона. Для насъ неважно знать, вѣрна ли эта характеристика объективно; но она, безъ сомнѣнія, въ высшей степени характерна для самого Герцена. Онъ совершенно игнорируетъ положительную сторону дѣятельности и ученія Прудона: согласно своему общему взгляду на европейскій міръ, онъ видитъ въ Прудонѣ только разрушителя и цѣнитъ въ немъ только идущее до конца безстрашіе аналитической мысли. Онъ говоритъ, что у Прудона нѣтъ никакой системы, что онъ просто изучаетъ и объясняетъ процессъ разложенія старой Европы и въ своей критикѣ не останавливается даже передъ освященными символами и кумирами революціи. Высшая его похвала Прудону — что онъ «перенесъ нравственность на единственную реальную почву—грудь человѣческую, признающую одинъ разумъ и никакихъ кумировъ «развѣ его». И потому онъ прощаетъ Прудону всѣ ошибки и противорѣчія,—но когда Прудонъ, «великій иконоборецъ», испугался освобожденной человѣческой личности, и, освободивъ ее отвлеченно, повелъ на закланіе богу безчеловѣчному, холодному богу *справедливости*, новому кумиру, — Герценъ съ грустью закрылъ его книгу: «Тяжкое... тяжкое время!.. Разлагающій воздухъ его одуряетъ сильнѣйшихъ»...

Прудонъ умеръ 19 января 1865 г. Въ нумерѣ «Колокола» отъ 1-го февраля (л. 194) Герценъ посвятилъ ему коротенькій задушевный некрологъ. Здѣсь — та же оцѣнка, чрезвычайно отчетливая, — не со стороны положительныхъ результатовъ, а со стороны *метода*. «Прудонъ не разрѣшилъ великихъ вопросовъ, не снялъ страшныхъ

*) Corresp. XI, p. 21.

сомнѣній, онъ не основалъ школы, но оставилъ діалектическій таранъ. Можетъ онъ и думалъ, что умѣетъ лечить, но сила его была не въ леченіи, а въ разсѣченіи труповъ. Прудонъ не создавалъ, онъ ломалъ, онъ воевалъ, а главное, онъ двигалъ, онъ все двигалъ, все покачивалъ, все затрагивалъ, отбрасывая условныя уваженія, освященныя навыкомъ понятія и принятый безъ критики церемоніалъ. Надобно вспомнить внутреннюю робость романской мысли — дерзкой снаружи, волнующейся на поверхности, быстро несущейся въ извѣстномъ слоѣ, и упорно хранящей въ глубинѣ своей завѣтныя начала, занесенныя вѣковой тиной, — туда-то и проникалъ Прудонъ, и несмотря на крикъ негодованія и скрежетъ зубовъ, своей крѣпкой, плебейской, крестьянской рукой толкалъ эти мнимые клады въ общій потокъ. Это была своего рода *ликвидація* — нравственно недвижимыхъ имуществъ».

МИШЛЕ *).

Весною 1851 г. Мишле лихорадочно работалъ надъ своими «Демократическими легендами» — серіей біографій героевъ и мучениковъ революціи, куда должны были войти очерки по исторіи освободительнаго движенія въ Италіи, Румыніи, Польшѣ, Россіи. Онъ всюду собиралъ матеріалы; ему и лично помогали указаніями — для Италіи другъ Маццини, Аккурси, для Румыніи — Братіано и г-жа Розетти, для Польши — Мицкевичъ. Очевидно, въ связи съ этими его розысками стояло и его знакомство съ Герценомъ. Послѣдняго привелъ къ нему, 17 іюня 1851 г., Бернацкій, и Герценъ принесъ съ собою и передалъ Мишле свою только что вышедшую французскую брошюру о развитіи революціонныхъ идей въ Россіи. Три дня спустя Мишле отдалъ ему визитъ. Завязавшееся такимъ образомъ личное знакомство скоро прервалось, такъ какъ Герценъ уѣхалъ въ Ниццу.

Осенью въ фельетонѣ газеты «Avénement du peuple» были напечатаны упомянутыя выше статьи Мишле о Косціюшкѣ — пер-

---

*) Единственно сохранившіяся 6 писемъ Герцена къ Мишле и 1 письмо друга Герцена, Гаука, писанное по просьбѣ и со словъ Герцена, напечатаны впервые зятемъ Герцена, Г. Моно, въ «La Revue» 1907, №№ 10 и 11. Тридцать писемъ Мишле къ Герцену были у меня въ подлинникахъ.

вая изъ его «Сѣверныхъ демократическихъ легендъ». Это была не простая біографія. Цѣль Мишле заключалась въ томъ, чтобы высказать порабощенной Польшѣ свое горячее сочувствіе и особенно свою вѣру въ ея будущее, въ ея великое всемірно-историческое назначеніе. Для этого ему пришлось, какъ мы видѣли, развить полную философію русской и польской исторіи: эта философія исторіи и являлась основнымъ содержаніемъ очерка, біографія же Косцюшко служила лишь иллюстраціей къ ней.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мишле — цѣликомъ или въ изложеніи—читалъ знаменитое «Философическое письмо» Чаадаева (онъ и упоминаетъ о немъ) и именно отсюда заимствовалъ свои главныя мысли о русскомъ народѣ. Но онъ самостоятельно обосновалъ и дополнилъ ихъ, а главное—горькое проклятіе Чаадаева подъ его перомъ превратилось въ безпощадный и враждебный приговоръ. Что внушило гуманному, благородному, мягкому Мишле эту жестокость и злобу, съ которыми онъ предсказывалъ или, вѣрнѣе, констатировалъ духовную гибель русскаго народа?—Тутъ соединились разныя причины. Главною изъ нихъ было, разумѣется, состраданіе къ Польшѣ и естественная ненависть къ ея поработителямъ. Далѣе, Мишле приступилъ къ размышленію о Россіи не только безъ знакомства съ нею, но такъ сказать, во всеоружіи невѣжества: перечитавъ все, что было писано о ней европейцами, прочитавъ даже знаменитую книгу Гакстгаузена о русской общинѣ (она вышла въ 1847 году), Мишле, конечно, не узналъ психологіи русскаго народа, но зато пріобрѣлъ увѣренность въ своихъ сужденіяхъ о ней, и это увѣренное невѣжество, въ соединеніи съ галльской склонностью къ стройнымъ схемамъ, позволило ему на почвѣ чаадаевскихъ посылокъ воздвигнуть такую философію русской исторіи, въ которой нѣтъ ни русскаго, ни обще-историческаго правдоподобія. Наконецъ, не осталось безъ вліянія и то, что эти статьи писались наканунѣ переворота 2-го декабря; душа Мишле была полна горечи и острой ненависти къ деспотизму, надвигавшемуся на Францію, и къ деспотизму вообще,—а это неминуемо должно было придать сугубую страстность его враждѣ къ царской Россіи.

Но въ послѣдней главѣ, какъ бы желая смягчить свой приговоръ, Мишле заявляетъ, что онъ далекъ отъ безнадежности чаадаевскаго взгляда на Россію: онъ видитъ искру подъ гробовой плитой. Къ этимъ словамъ онъ сдѣлалъ такую выноску: «Эта искра — не въ той ли она чудесной брошюрѣ, которая только что появилась?

Авторъ, русскій по рожденію, но отчасти и съ благороднѣйшей рейнской кровью въ жилахъ, пишетъ на нашемъ языкѣ съ поразительной силой, которая разоблачаетъ его анонимъ и обнаруживаетъ всюду пламеннаго патріота. Я десять разъ перечитывалъ ее съ изумленіемъ. Мнѣ чудилось—древніе герои Сѣвера безпощаднымъ мечемъ начертали здѣсь приговоръ этому жалкому міру... Увы! Это приговоръ не одной Россіи, но и Франціи и Европѣ. — «Мы бѣжимъ изъ Россіи, говоритъ онъ; но Россія — всюду, Европа — тюрьма». — Но пока въ Европѣ есть такіе люди, еще нельзя отчаяваться». — Мишле говорилъ здѣсь о французской брошюрѣ Герцена.

Какъ извѣстно, Герценъ отвѣчалъ на «Легенду о Косцюшкѣ» статьею «Русскій народъ и соціализмъ», которая донынѣ печатается съ подзаголовкомъ: «Письмо къ Мишле».

Но переписка между ними завязалась уже раньше. Первое письмо Мишле къ Герцену, жившему тогда въ Ниццѣ, не датировано.

«Я былъ счастливъ, — писалъ Мишле, — по крайней мѣрѣ отчасти выразить въ моихъ польскихъ и русскихъ легендахъ мое глубокое уваженіе къ вашему таланту и характеру. Надѣюсь при случаѣ поговорить о вашей книгѣ обстоятельно и *по душѣ*.

«Пожалуйста, не судите этихъ легендъ по крайне неточному тексту, который появился въ газетѣ. Я собираюсь перепечатать ихъ книгою, и не премину доставить ихъ вамъ очищенными отъ типографскихъ и многихъ моихъ собственныхъ ошибокъ. Я вычеркну особенно мой несправедливо рѣзкій отзывъ о русской литературѣ. Мнѣ жаль сказаннаго мною о славныхъ патріотахъ, великая заслуга которыхъ заключалась въ томъ, что они своими головами приподняли этотъ страшный ледяной сводъ и открыли хоть малую щель, чтобы погребенный народъ могъ нѣсколько вздохнуть.

«Мнѣ говорили, что вы собираетесь напечатать нѣкоторыя замѣчанія на мои легенды. Если это такъ, каковы бы они ни были, я буду вамъ благодаренъ за эту высокую честь и приложу всѣ старанія, чтобы дать вашей критикѣ возможно большее распространеніе.

«Вѣрьте, что узы, соединяющія меня съ вами, слишкомъ прочны, чтобы какое-нибудь внушеніе литературнаго тщеславія могло порвать или ослабить ихъ. Меня связываетъ съ вами и общность убѣжденій, и общность друзей, память Бакунина и всѣхъ великихъ патріотовъ нашего времени, русскихъ и польскихъ».

Этимъ письмомъ, повидимому, и было положено начало перепискѣ. Герценъ отвѣчалъ, и слѣдующее письмо Мишле уже было отвѣтомъ на его письмо. У нихъ оказалось много общихъ интересовъ и, очевидно, также теплое взаимное чувство. Со стороны Мишле письма такъ и посыпались; послѣ перваго, сейчасъ цитированнаго, они слѣдуютъ другъ за другомъ въ такихъ разстояніяхъ: 21 и 27 октября, 3, 7, 11, 17, 21, 30 ноября.

Здѣсь рѣчь идетъ о разныхъ предметахъ. Кто-то, общій знакомый, вѣроятно участникъ революціи 48 года, томясь въ тюрьмѣ, по слухамъ началъ выдавать; Герценъ, повидимому, посылаетъ Мишле статейку, гдѣ опровергаетъ эти слухи, съ просьбою помѣстить ее въ какой-нибудь газетѣ посмѣлѣе; такъ надо понять начало письма Мишле отъ 21-го октября. Онъ пишетъ, что употребитъ всѣ старанія, чтобы статейка была помѣщена, и что надѣется на успѣхъ: «Они нерѣшительны и робки, но напечатаютъ. Я думаю въ post-scriptum'ѣ сказать нѣсколько словъ о нашемъ несчастномъ; хочу сказать, главное, что изъ него невозможно извлечь что-либо по той простой причинѣ, что онъ ничего не зналъ. Всѣ знали его непринужденность, открытый характеръ и героическую нескромность, и никто не рискнулъ бы довѣрить ему что-нибудь. Эта ужасная вѣсть рѣзнула меня по сердцу. Я утѣшалъ себя мыслью, что онъ умеръ. Насколько это было бы лучше, нежели стать игрушкою тигровъ!..»

По поводу толковъ о намѣреніи Николая отмѣнить крѣпостное право Мишле высказываетъ предположеніе, что царь старается только запугать дворянство, но въ сущности ничего не думаетъ сдѣлать для крестьянъ; желая опровергнуть эти вредные слухи съ фактами въ рукахъ, онъ проситъ у Герцена совѣта и литературныхъ указаній. Онъ спрашиваетъ, имѣются ли портреты Пестеля, Рылѣева и Бакунина (онъ хотѣлъ бы помѣстить ихъ въ своемъ «кіотѣ»), добивается знать, вѣритъ ли Герценъ слуху о смерти Бакунина, проситъ у него біографическихъ свѣдѣній о Бакунинѣ, чтобы воспользоваться ими при переизданіи своихъ Сѣверныхъ легендъ, сообщаетъ ему о своихъ хлопотахъ по разсылкѣ «Развитія революціонныхъ идей въ Россіи» во французскія газеты для отзыва (конечно, по просьбѣ Герцена).

Между ними, повидимому, было условлено, что рукопись своей критики на «Легенду о Косцюшкѣ» Герценъ пришлетъ Мишле, который постарается помѣстить ее въ какомъ-нибудь изъ передовыхъ французскихъ органовъ печати. Въ началѣ ноября статья была въ

рукахъ Мишле. Восторгъ Мишле не зналъ границъ. 3-го ноября, тотчасъ по полученіи рукописи, онъ пишетъ Герцену: «Каждое ваше слово — *дѣло*. На этотъ разъ ваша рѣчь тронула меня до слезъ. Нѣтъ, вы не погибнете. Мы спасемся всѣ вмѣстѣ. Франція воскреснетъ въ 52 году, и міръ еще будетъ жить. Вы, очевидно, въ извѣстномъ смыслѣ, — авангардъ человѣчества. Избави меня Богъ спорить съ тѣми, кто занимаетъ этотъ почетный постъ! Еще до полученія вашихъ замѣчаній я исправилъ сказанное мною о русской литературѣ». Онъ пишетъ, что въ новомъ изданіи своей легенды онъ публично выразитъ Герцену свою благодарность и изложитъ свои сомнѣнія по частнымъ пунктамъ, самую же статью Герцена постарается устроить въ какой-нибудь ежедневной газетѣ, если же не удастся, то въ журналѣ.

На это письмо (гдѣ Мишле, между прочимъ, просилъ у Герцена біографическихъ свѣдѣній о Бакунинѣ и пр.) Герценъ отвѣтилъ 7-го ноября.

«Не могу передать, — пишетъ онъ, — какъ благотворно было для меня ваше письмо; оно меня глубоко тронуло. Позвольте мнѣ пожать вашу руку съ благодарностью, почтеніемъ и дружбой.

«Я еще вѣрю въ 1852 годъ, и если я въ концѣ своего письма говорю объ ожидающей насъ гибели, то я имѣлъ при этомъ въ виду только насъ, русскихъ. Мы — авангардъ арьергарда; намъ, какъ русскимъ, не остается ничего другого, какъ служить примѣромъ, подобно Пестелю, Муравьеву, Бакунину.

«Вотъ біографическія свѣдѣнія о нашемъ несчастномъ другѣ *). Послѣ-завтра пришлю вамъ біографическія свѣдѣнія о Петрашевскомъ и позволю себѣ при этомъ доставить вамъ еще нѣсколько экземпляровъ моего писанія, такъ какъ боюсь, что Франкъ можетъ получить его только черезъ недѣлю **).

«Здѣсь критикуютъ мой французскій слогъ, и я сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ. Одинъ изъ моихъ польскихъ друзей, Хоецкій, былъ такъ добръ, что выправилъ мою рукопись; тѣмъ не менѣе въ ней есть ошибки, и я долженъ просить васъ о снисхожденіи. Когда

---

*) Въ это время распространился слухъ, что Бакунинъ умеръ въ заключеніи.

**) Парижскій книгопродавецъ, которому Герценъ, чрезъ посредство Мишле, поручилъ разослать свою брошюру «Du développement des idées révol. en Russie» въ редакціи французскихъ газетъ.

я пишу по-русски, я совершенно свободенъ, я чувствую себя въ своей сферѣ и даю себѣ волю, не думая о расположеніи словъ.

«Жду вашихъ замѣчаній, они будутъ для меня драгоцѣнны. Я много вамъ обязанъ, потому что послѣднее время я былъ погруженъ въ болѣзненную апатію. Вы меня разбудили, и, больше того, — ваше послѣднее письмо, полное сочувствія, согрѣло мнѣ сердце; спасибо вамъ.

«Привѣтствую васъ отъ всего сердца. А. Герценъ.

«Постараюсь достать портреты нашихъ мучениковъ, они существуютъ, но добыть ихъ изъ Москвы нелегко».

Въ отвѣтномъ письмѣ Мишле благодарилъ Герцена за біографическія свѣдѣнія о Бакунинѣ.

«Только что,— пишетъ онъ 11-го ноября,—съ радостью получилъ вашу прекрасную замѣтку, полную душевной теплоты и благородства, какъ все, что вы пишете. Скажу откровенно, я считаю васъ однимъ изъ самыхъ выдающихся писателей на нашемъ языкѣ; кто же осмѣлится васъ исправлять? Я извлеку большую пользу изъ этого прекраснаго письма для тѣхъ немногихъ словъ, которыя я говорю о Бакунинѣ въ концѣ моихъ «Русскихъ мучениковъ», первый экземпляръ коихъ вы скоро получите. Но необходимо, чтобы оно, кромѣ того, было напечатано *цѣликомъ* въ газетахъ съ прибавкою нѣсколькихъ словъ въ началѣ и въ концѣ. Мнѣ очень хочется, *если вы позволите это*, сдѣлать изъ него такое употребленіе, которое, я увѣренъ, пришлось бы по душѣ бѣдному Бакунину, если бы онъ былъ живъ: именно, использовать ваше письмо для прокормленія семьи, умирающей съ голоду. Я поручу его пополненіе одному бѣднягѣ, заслуживающему впрочемъ всякаго уваженія, Леону Ноэлю, которому приходится содержать жену, дѣтей, отца и мать. Онъ помѣститъ его или въ Avénement, или въ National. Въ газетахъ уже было кое-что о Бакунинѣ, но, я думаю, онѣ не откажутся помѣстить такую подробную, вразумительную и краснорѣчивую замѣтку, какъ ваша. Отвѣчайте мнѣ объ этомъ какъ можно скорѣе. Я ничего не предприму до полученія вашего согласія». Герценъ прислалъ ему, кромѣ того, еще статью, написанную какимъ-то русскимъ; судя по тому, что Мишле называетъ ее «извлеченіемъ изъ прусскаго сочиненія», это было, вѣроятно, изложеніе извѣстной книги Гакстгаузена о русской общинѣ. Мишле пишетъ, что для газеты статья слишкомъ велика, и предлагаетъ напечатать изъ нея пару отрывковъ — объ освобожденіи крѣпостныхъ и о финансахъ, — но при-

бавляетъ: можетъ быть какой-нибудь журналъ, напримѣръ «La Liberté de penser», согласится взять и всю статью цѣликомъ.

Въ отвѣтъ на это Герценъ пишетъ 15-го ноября, все изъ Ниццы:

«Прошу васъ располагать моей небольшой замѣткой о Бакунинѣ по вашему усмотрѣнію. Ея цѣлью было — облегчить вамъ вашу работу о немъ; вы нашли ее недурной, — это все, чего я желалъ. Если теперь это воспоминаніе о другѣ и мученикѣ можетъ еще послужить средствомъ помощи несчастному, я буду искренно радъ.

«Однако, отдавая замѣтку въ печать, слѣдовало бы оговорить, что она недостаточна; я здѣсь совершенно лишенъ возможности навести точныя справки (такъ, послѣ взятія Праги онъ жилъ не въ Кеттенѣ, какъ сказано у меня, а въ Дессау!).

«Въ нѣмецкихъ газетахъ появились извѣстія, что онъ умеръ *«отъ водянки»*. Неужели это вѣрно? Бѣдный Бакунинъ! Посылаю вамъ небольшой эскизъ *), набросанный *моей женой* по памяти; онъ довольно похожъ.

«Что касается остальныхъ статей, то я былъ бы радъ, если бы отрывки изъ нихъ появились въ какой-нибудь газетѣ и, по возможности, вся статья—въ «Liberté de penser». Авторъ этихъ двухъ статей, мой соотечественникъ, — дѣятельный и еще только начинающій работникъ; это будетъ для него поощреніемъ, котораго онъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ. Его имя пока—тайна.

«Кстати объ имени; мое письмо о Бакунинѣ я просилъ бы подписать моимъ псевдонимомъ *Искандеръ;* такъ подписано все, что я напечаталъ по-русски.

«Ваши письма я получилъ, думается, всѣ. Письмо отъ 3-го ноября запоздало на день,—но тогда была очень дурная погода. Что касается Пьемонта, то здѣсь письма не вскрываются: палата отказала министерству въ правѣ на это. Но письма, которыя я получаю изъ Парижа, очень часто носятъ подозрительные слѣды, тогда какъ письма изъ Швейцаріи и Англіи всегда хорошо запечатаны.

«Привѣтствую васъ отъ всего сердца. А. Герценъ.

«Извѣстіе касательно имени Польши **) кажется мнѣ сомнитель-

---

*) Портретъ Бакунина.

**) Мишле спрашивалъ: правда ли, что русское правительство (какъ сообщала Ростокская газета) окончательно рѣшило переименовать Польшу въ *Новороссію?*

нымъ, такъ какъ и въ прошломъ году передъ новымъ годомъ говорили то же самое. Впрочемъ, нѣтъ жестокости и нелѣпости, которыя были бы совершенно невозможны для Николая и его министровъ.

«Два слова о моемъ французскомъ языкѣ, къ которому вы такъ снисходительны. Я дѣйствительно пользуюсь нѣкоторымъ успѣхомъ, какъ стилистъ, въ русской литературѣ. Въ 49-мъ году я впервые попробовалъ написать нѣсколько статей по-нѣмецки и по-французски, но тотчасъ убѣдился, что мнѣ не хватаетъ глубокаго и точнаго знанія этихъ языковъ. Я бралъ ихъ смѣлостью и не могъ заставить себя взвѣшивать слова, когда чувство и мысль били черезъ край; но я непремѣнно долженъ поручать кому-нибудь исправлять матеріальную сторону языка. Я борюсь за мой слогъ съ моими друзьями-исправителями, какъ храбрый рыцарь, — но смиренно уступаю, гдѣ дѣло касается subjonctif'а.

«Вы можете освѣдомиться у г. Бернацкаго, находитъ ли онъ набросокъ *Бакунина* достаточно схожимъ.

«7-го или 8-го я послалъ вамъ подъ бандеролью еще три экземпляра моей брошюры. Получили ли вы ихъ? Спрашиваю объ этомъ, опять-таки, чтобы провѣрить почту».

Въ половинѣ ноября, въ «Avénement», конечно стараніями Мишле, были помѣщены обширныя выдержки изъ письма Герцена къ Мишле съ замѣткой отъ редакціи: «Чтеніе «Демократическихъ легендъ» г. Мишле, помѣщенныхъ въ «Avénement», вызвало со стороны одного изъ наиболѣе выдающихся патріотическихъ писателей Россіи отвѣтъ, трогательное краснорѣчіе котораго заставитъ биться всѣ сердца. Спѣшимъ представить отрывки изъ него друзьямъ свободы во всѣхъ странахъ» *). — Теперь Мишле предлагалъ большую статью Герцена о Бакунинѣ отдать (какъ сказано, съ поправками Ноэля) въ «National», и тамъ же помѣстить другую полученную имъ одновременно статью Герцена—о Петрашевскомъ. Но обѣ статьи, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, оставались въ рукописи еще лѣтомъ слѣдующаго 1852 года, когда Мишле писалъ Герцену, что его статья о Бакунинѣ («передѣланная на мой ладъ») и статья о Петрашевскомъ будутъ напечатаны «на-дняхъ» **).

---

*) Avénement du peuple, № 63, отъ 19-го ноября 1851 г.

**) Статья о Бакунинѣ, повидимому, такъ и не попала въ печать. Въ

Правда, въ промежуткѣ обоимъ было не до литературы. 16-го ноября погибли въ кораблекрушеніи мать Герцена, его младшій сынъ и воспитатель послѣдняго; вскорѣ затѣмъ другого рода горе поразило Мишле: 2-го декабря Людовикъ Наполеонъ объявилъ себя господиномъ Франціи.

21-го ноября другъ Герцена, Гаукъ, писалъ изъ Ниццы Мишле:

«Нашъ другъ Герценъ получилъ вчера ваше письмо отъ 17-го. Онъ не въ силахъ отвѣчать вамъ лично; его постигло большое горе. Его мать и восьмилѣтній сынъ, проживъ нѣсколько недѣль въ Парижѣ, возвращались въ Ниццу. 15-го они отплыли изъ Марселя на пароходѣ la Ville de Grasse, который направлялся въ Каннъ. На слѣдующій день, въ 4 часа утра, это судно столкнулось близъ Гіерскихъ острововъ съ шедшимъ изъ Генуи пароходомъ la Ville de Marseille. Ударъ былъ такъ силенъ, что первое судно, разрѣзанное надвое, пошло ко дну. Мать и сынъ Герцена погибли; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о ихъ судьбѣ, — даже ихъ трупы не найдены. Погибшій мальчикъ Герцена былъ глухо-нѣмой отъ рожденія, благодаря превратностямъ, которыя Герценъ и его жена претерпѣли по милости русскаго правительства. Тѣмъ не менѣе, одному учителю изъ Цюриха (который, повидимому, тоже погибъ въ этомъ кораблекрушеніи) удалось научить ребенка говорить совершенно свободно. Умъ и грація, которые обнаруживалъ этотъ ребенокъ, дѣлали его вдвое дороже родителямъ. Тщетно Герценъ ѣздилъ въ Гіеръ — онъ тамъ ничего не нашелъ, никакого слѣда погибшихъ. Если вамъ случится говорить объ этой катастрофѣ съ Бернацкимъ, будьте такъ добры, предупредите его, что г-жа Рейхель, которая, какъ вамъ извѣстно, близка къ семьѣ Герцена, еще ничего не знаетъ объ этомъ несчастіи. Ей не хотятъ сообщить его вдругъ, въ виду состоянія ея здоровья.

«Въ вашемъ письмѣ отъ 17-го вы пишете, что присланная вамъ статья не можетъ быть напечатана, такъ какъ подъ нею нѣтъ подписи, и упоминаете о достойномъ молодомъ человѣкѣ, о которомъ вы, повидимому, писали Герцену въ одномъ изъ предшествующихъ писемъ. Такъ какъ нашъ другъ не получилъ никакого письма, гдѣ бы упоминалось о какомъ-нибудь молодомъ человѣкѣ, то онъ

январѣ 1855 года Мишле пишетъ Герцену, что хотѣлъ помѣстить «нашу статью о Бакунинѣ» въ одномъ журналѣ, но редакторъ отвѣтилъ ему, что не желаетъ закрывать своему изданію доступъ въ Россію.

заключаетъ отсюда (какъ, впрочемъ, вы уже указывали ему), что одно ваше письмо къ нему пропало. Прошу васъ смотрѣть на статьи, которыя онъ прислалъ вамъ, какъ на предназначенные для васъ матеріалы, и слѣдовательно поступать съ ними по вашему усмотрѣнію, — передѣлывать, исправлять и подписать какъ найдете нужнымъ. Авторъ послѣдней статьи, принужденный сохранять строжайшее инкогнито, прислалъ свою рукопись Герцену съ просьбою располагать ею совершенно свободно. Документы, помѣщенные въ приложеніи, переведены подъ присмотромъ Герцена; письмо Бѣлинскаго было даже лично прочитано его авторомъ нашему другу. Поэтому онъ отвѣчаетъ за достовѣрность этихъ документовъ.

«Герценъ шлетъ вамъ свой привѣтъ».

Вслѣдъ за тѣмъ, 30-го ноября, написалъ Мишле и самъ Герценъ.

«Одинъ изъ моихъ друзей, — писалъ онъ, — извѣстилъ васъ о несчастіи, постигшемъ мою семью. Мнѣ было невозможно самому написать вамъ и поблагодарить васъ за ваше письмо отъ 15-го ноября.

«Теперь я возвращаюсь къ жизни съ сердцемъ, полнымъ безграничной боли и безсильнаго гнѣва. Самое обидное въ этихъ роковыхъ несчастіяхъ — то, что даже нельзя бороться; не имѣешь даже утѣшенія ненавидѣть своего врага, проклинать и осыпать бранью своего мучителя. Физическій міръ — это полу-организованный хаосъ, упроченный безпорядокъ, слѣпое, пьяное, тупое и неразумное движеніе ощупью.

«Я потерялъ мать, восьмилѣтняго сына и друга. Это былъ воспитатель моего сына, молодой человѣкъ 25 лѣтъ. Прекрасно умѣя плавать, онъ могъ спастись и уже схватилъ веревку, когда моя мать, увлекаемая теченіемъ, крикнула: «Спасите ребенка!» Видя, что никто не можетъ передать ему дитя, молодой человѣкъ отпустилъ веревку, бросился къ ребенку и взялъ его на руки, и въ эту минуту пароходъ исчезъ подъ водою. Имя этого доблестнаго юноши — Іоганнъ Шпильманъ.

«Если у васъ есть знакомый скульпторъ, я воздвигъ бы памятникъ этому преданному другу у Гіерскаго маяка. Какая группа! Мать, въ минуту смерти думающая только о внукѣ и умоляющая спасти его, юноша, погибающій, чтобы спасти его, и ребенокъ, прекрасный какъ ангелъ. Я далъ бы 15—20 тысячъ франковъ за такой памятникъ; больше не могу. Это — сцена изъ интимной жизни изгнанниковъ, гонимыхъ врагами семьи и нравственности...

«Я буду очень благодаренъ г. Ноэлю, если онъ подпишетъ статьи

своимъ именемъ; вообще, поступайте съ ними по вашему усмотрѣнію и сохраните мнѣ вашу дружбу.

«Съ искренней симпатіей жму вашу руку. А. Герценъ.»

Въ этотъ самый день, 30-го ноября, Мишле отвѣчалъ Герцену на письмо Гаука. «М-г Мишле, узнавъ о страшномъ несчастіи, постигшемъ m-г Герцена, пораженъ глубокой скорбью. Онъ знаетъ несокрушимую силу его характера и надѣется, что и на этотъ разъ онъ устоитъ противъ судьбы. Какъ перенесла m-me этотъ ужасный ударъ?» А спустя пять недѣль послѣ декабрьскаго переворота, 10-го января 1852 г., онъ пишетъ: «Если можете, извѣщайте меня о вашемъ здоровьи и здоровьи вашей супруги. Мое сердце съ вами. Я раненъ, *но не мертвъ*. Какъ я хотѣлъ бы, чтобы вы были здѣсь; я сказалъ бы вамъ всю мою мысль. Состояніе больного вовсе не безнадежно. Не придавайте кризису слишкомъ большого значенія. Эту микстуру надо было проглотить; онъ принялъ ее потому, что хотѣлъ выздоровѣть. Безъ этого сильнаго рвотнаго онъ навсегда остался бы прикованнымъ къ постели: это метода Разори — 500 гранъ рвотнаго... Лишь только рвотное подѣйствуетъ,—а этого недолго ждать, — онъ совершенно оправится». Это письмо, писанное эзоповскимъ языкомъ, подписано одной только буквой М.: такъ приходилось остерегаться въ тѣ мрачные дни, когда людей во Франціи хватали тысячами и судили военно-административнымъ судомъ безъ права обжалованія.

16-го марта Мишле, обезпокоенный молчаніемъ Герцена, проситъ у него свѣдѣній о состояніи здоровья Наталіи Александровны. При этомъ онъ разсказываетъ исторію того рисунка, который онъ на-дняхъ послалъ Герцену. За столомъ у него шелъ разговоръ о несчастіи, постигшемъ Герцена, и особенно о словахъ послѣдняго въ письмѣ къ Мишле: «Я погибъ вмѣстѣ съ цѣлымъ міромъ» (J'ai péri avec un monde). Среди находившихся здѣсь друзей былъ извѣстный скульпторъ Огюстъ Прео (Préaut): онъ-то, подъ впечатлѣніемъ этого разговора, и набросалъ рисунокъ: *Скорбь, владѣющая міромъ, терзающая его и приводящая его въ движеніе;* она попираетъ ногами земной шаръ, который вертится, не подвигаясь впередъ; даль — это либо море, либо Сибирь, вообще — безплодная безконечность, по выраженію Гомера. «Примите этотъ рисунокъ, какъ свидѣтельство горячей симпатіи, которую питаетъ къ вамъ здѣсь все, что мыслитъ, какъ залогъ глубокой связи между великими художниками и славными патріотами всѣхъ странъ».

Герценъ посвятилъ Мишле и въ ту исторію увлеченія Наталіи

Александровны Гервегомъ, которая разсказана въ ненапечатанной доселѣ пятой части «Былого и Думъ». Эта исторія вообще получила большую огласку въ эмигрантскихъ кругахъ, и Герценъ глубоко страдалъ отъ кривотолковъ, отъ инсинуацій своихъ недруговъ или друзей Гервега. Болѣзненная чуткость, съ которою онъ воспринималъ все касавшееся этого дѣла, лишала его самообладанія и толкала на ложные шаги; онъ метался, какъ раненный звѣрь, изнемогая отъ боли и ярости, и если уцѣлѣлъ и не надѣлалъ безумствъ, то это была заслуга нѣсколькихъ вѣрныхъ друзей, которые своимъ сердечнымъ участіемъ поддержали и сдержали его. Къ числу этихъ друзей принадлежалъ и Мишле. Съ горячей любовью и нѣжной деликатностью писалъ онъ къ Герцену въ эти дни. Онъ самъ, уже почти старикъ, переживалъ тогда тяжелое время. Въ 1851 году онъ за пропаганду демократическихъ идей былъ лишенъ каѳедры въ Collége de France, — теперь, въ іюнѣ 1852 г., за отказъ дать присягу онъ потерялъ свою службу въ Національномъ архивѣ и принужденъ былъ покинуть Парижъ.

2-го мая 1852 года умерла Наталія Александровна, а въ концѣ іюня Мишле изъ Нанта писалъ Герцену: «Нечего говорить вамъ, съ какимъ глубокимъ волненіемъ я узналъ объ этомъ новомъ несчастіи, постигшемъ васъ. Чувство вашего положенія превозмогло мою собственную грусть, — ибо что я потерялъ въ концѣ концовъ? Возможность жить въ Парижѣ, возвышенное общеніе съ публикою, которымъ я жилъ такъ давно, наконецъ мое трудовое уединеніе въ архивѣ, гдѣ я провелъ 22 года. Нѣтъ, все это ничто въ сравненіи съ невыразимой скорбью, павшей на васъ. Братъ! я давно написалъ бы вамъ, если бы не это разореніе моего очага. Въ два мѣсяца я трижды мѣнялъ мѣсто жительства: изъ Терна въ Парижъ, и изъ Парижа въ Нантъ. Два обстоятельства побудили меня поселиться здѣсь. Во-первыхъ, дешевизна жизни (мой небольшой доходъ цѣликомъ уходитъ на уплату двумъ пансіонамъ за моихъ дѣтей); во-вторыхъ, въ нантскомъ архивѣ я нахожу цѣнные документы для окончанія моей исторіи революціи, что возьметъ у меня, можетъ быть, годъ, если только улучшеніе общихъ условій не позволитъ мнѣ вернуться въ Парижъ. Я хотѣлъ бы быть съ вами и видѣть вашу душу, знать, какъ ваше мужественное сердце переноситъ эти великія страданія; это дало бы мнѣ силу для меня самого. Я увѣренъ, что испытаніе не превышаетъ вашихъ силъ. Magno magna. Съ тѣхъ поръ, какъ и я сталъ изгнанникомъ, я чувствую себя въ болѣе тѣсномъ обще-

ніи съ вами, и тѣмъ болѣе братски я жму вашу руку, дорогой и великій патріотъ».

Въ отвѣтъ на письма Герцена о дѣлѣ Гервега Мишле писалъ: «Ради Бога, не думайте, что у меня на одну минуту возникло сомнѣніе въ отношеніи тѣхъ интимныхъ и печальныхъ обстоятельствъ, о которыхъ вы мнѣ писали. Очевидно, я дурно выразился въ моемъ письмѣ. Напротивъ, во мнѣ нѣтъ ничего, кромѣ безусловнаго довѣрія и благоговѣнія къ вамъ. Да, именно благоговѣніе чувствую я, читая вашъ возвышенный манифестъ о союзѣ Россіи съ Польшею. Эти строки исторгаютъ слезы нѣжности и удивленія». Другой разъ онъ пишетъ, очевидно о томъ же дѣлѣ: «Позвольте мнѣ дать вамъ братскій совѣтъ. Изложивъ ситуацію тѣмъ изъ нашихъ друзей, которые пользуются нравственнымъ авторитетомъ, — бросьте дѣло; когда ожидаемыя обстоятельства явятся, оно пойдетъ своимъ путемъ. Первая забота демократіи будетъ состоять въ томъ, чтобы очиститься и запретить безчестнымъ людямъ вмѣшиваться въ ея дѣла». Въ этомъ письмѣ Мишле сообщаетъ, что онъ установилъ въ своемъ салонѣ на первомъ мѣстѣ портретъ «нашего Бакунина». Этотъ портретъ рисовала для него осенью 1851 года Наталія Александровна, — и потому, говоритъ Мишле, онъ дорогъ ему вдвойнѣ: ради Бакунина и ради нея. Онъ кончаетъ письмо словами: «Сердечно жму вашу руку, дорогой другъ и дорогой братъ».

Къ одному изъ тѣхъ мѣстъ переписки, гдѣ рѣчь идетъ о Гервегѣ, Г. Моно дѣлаетъ такое поясненіе: «Рѣчь идетъ объ одномъ другѣ, вѣроломно обманувшемъ довѣріе Герцена; послѣдній ограничился тѣмъ, что изложилъ его поведеніе своимъ друзьямъ по эмиграціи, которые и объявили его исключеннымъ изъ ихъ круга». Нижеслѣдующее письмо Герцена чрезвычайно важно для уясненія его собственнаго поведенія въ этомъ дѣлѣ. Оно писано уже изъ Лондона, 13-го октября 1853 г.

«Дорогой и уважаемый другъ, — пишетъ Герценъ. — Большой радостью было для меня получить ваше доброе письмо отъ 13-го сентября, тѣмъ болѣе, что мое послѣднее письмо, изъ Люцерна, должно было показаться вамъ страннымъ; и оно дѣйствительно было таково.

«Подавленный рядомъ несчастій, превышающихъ человѣческія силы, я не вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что я дѣлалъ тогда. Окруженный гробами, жертва предательства и клеветы, я слѣдовалъ своему инстинкту. Я хотѣлъ передать на судъ нашей общины мое личное страданіе. Я хотѣлъ разоблачить всю низость, все вѣ-

роломство изверга; я хотѣлъ морально уничтожить его. Это удалось мнѣ только на-половину. Мои друзья благородно поддержали меня своимъ участіемъ, но они еще слишкомъ слабы, чтобы защитить кого-нибудь изъ своей среды. Вѣра въ возможность такого суда была моей послѣдней иллюзіей. Еще полный моей неотвязной мысли, я рѣшился написать вамъ въ прошломъ году мое послѣднее письмо. Въ вашемъ отвѣтѣ мнѣ послышалась нѣкоторая нерѣшительность. И что мудренаго? Вы такъ мало знали меня со стороны характера. Однако я счелъ нужнымъ замолчать на время; ваше послѣднее письмо расторгаетъ мое молчаніе.

«У меня остались на свѣтѣ только мои дѣти и мой трудъ. Я много работалъ этотъ годъ. Я устроилъ на собственный счетъ русскую типографію; она вполнѣ оборудована и работаетъ очень хорошо. Начиная отъ матрицъ и семи шрифтовъ и кончая факторомъ и наборщиками — все было трудно достать. Я соединилъ эту типографію съ типографіей польской централизаціи въ знакъ союза и полнаго единенія революціонной Польши съ нами.

«Затѣмъ я написалъ и издалъ двѣ брошюры по-русски, а теперь мы печатаемъ цѣлый томъ. До сихъ поръ еще ни разу не существовало свободной и независимой русской типографіи. Я пришлю вамъ нѣсколько образчиковъ.

«Въ Лондонѣ жить хорошо. Я узналъ Англію и вообще англо-саксонскую расу — людей дѣла, практической поэзіи и постной свободы. Осмѣлюсь сказать: я думаю, что годъ, проведенный здѣсь, сильно измѣнилъ бы ваше мнѣніе объ этомъ народѣ.

«Мы вступаемъ въ новый фазисъ: партіи блѣднѣютъ и выдыхаются; все это отходитъ въ прошлое. Люди, идеи, теоріи, знамена, стремленія—все износилось, и изъ того, что дѣйствовало въ *прологѣ*, въ *первый актъ* не перейдетъ ничего.

«Ради Бога, извините меня передъ г. Прео; вы не представляете себѣ нашего бродячаго существованія, какъ мы скитаемся изъ страны въ страну, оставляя всюду половину книгъ, вещей и пр. Я приложу всѣ старанія, чтобы отыскать рисунокъ г. Прео въ Швейцаріи, хотя я вовсе не отказался отъ мысли воздвигнуть памятникъ; но прикованный теперь къ Англіи, я принужденъ отсрочить ея осуществленіе.

«Посылаю вамъ переводъ небольшой моей статьи въ отвѣтъ полякамъ, и нѣкоторыя подробности о задачахъ типографіи, взятыя изъ одной англійской газеты.

«Моя брошюра о Россіи вышла вторымъ изданіемъ. Я ее

также пришлю вамъ; а пока примите увѣреніе въ моей искренней дружбѣ. А. Герценъ».

Три недѣли спустя, 9-го ноября, получивъ отвѣтъ на это письмо, Герценъ писалъ:

«Уважаемый другъ, я только-что получилъ вашу записку; вы осыпаете меня знаками дружбы. Не знаю, какъ васъ благодарить. Небольшая статья «Alliance» была *русскимъ* отвѣтомъ на адресъ, составленный польскими демократами. Починъ исходилъ отъ нихъ, выраженіе благодарности отъ насъ.

«Располагайте замѣткой о Бакунинѣ и Петрашевскомъ, какъ желаете. Онъ (Бакунинъ) — не въ Шлиссельбургѣ, онъ въ казематахъ петербургской крѣпости. Говорятъ, что съ нимъ обращаются недурно и что его не пытали.

«Гдѣ же это будетъ напечатано? Напишите мнѣ, пожалуйста.

«Я издаю теперь третью русскую брошюру — собраніе разсказовъ. Нѣсколько образчиковъ изъ нея печатаются и въ нѣмецкомъ переводѣ. Я могъ бы прислать что-нибудь для фельетона по-французски, но сомнѣваюсь, будетъ ли оно принято. Преданный вамъ А. Герценъ.

«Я сегодня опять напишу относительно рисунка Рибейролю на Джерсеѣ».

Послѣ этого письма наступаетъ долгій перерывъ въ перепискѣ. Она возобновилась по почину Герцена въ началѣ 1855 года. Изъ этихъ позднѣйшихъ писемъ Герцена сохранилось только одно — его отвѣтъ на то «открытое письмо», которымъ Мишле привѣтствовалъ его мысль объ изданіи «Полярной Звѣзды» и которое Герценъ въ неполномъ переводѣ напечаталъ въ первой книжкѣ «Полярной Звѣзды». Письмо Герцена помѣчено 8-мъ іюля 1855 г. изъ Ричмонда.

«Дорогой и уважаемый другъ! Вы доставили мнѣ великую радость. Въ эти печальные и мрачные дни, когда живешь только гнѣвомъ и горечью, большое утѣшеніе — доставить ближнему минуту чистаго, безоблачнаго счастія. Вы сдѣлали это вашимъ письмомъ, которое я тотчасъ перевелъ и которое будетъ напечатано въ первомъ нумерѣ *Полярной Звѣзды*. Не знаю, какъ васъ благодарить. Вы ничего не забыли (оттого, что помните сердцемъ) — ни Бакунина, ни слабѣющую руку *), ни крестьянина въ его общинѣ. Благодарю

*) Т.-е. портретъ Бакунина, набросанный Н. А. Герценъ незадолго до ея смерти.

васъ отъ всего сердца. Для насъ важно, чтобы голоса въ родѣ вашего поддерживали насъ своей симпатіей. Этотъ лѣнивый народъ, славянинъ, «усыпляющій себя собственной пѣсней», по выраженію одного лѣтописца временъ Багрянородныхъ, нуждается въ сильной и энергичной мысли Запада. Славянскій міръ никогда не сумѣетъ развить свою дикую, врожденную соціалистическую основу безъ той революціонной идеи, которая паритъ надъ Западомъ, какъ его безсмертная душа. Мы не претендуемъ на пресловутое fatà da se помимо солидарности и единенія народовъ; мы останемся угрожающимъ полчищемъ подъ властью кнута, ставшаго скипетромъ. Вы сами сказали это въ вашемъ письмѣ. Да, великій экономическій вопросъ разрѣшится семейно; это вопросъ внутренній, касающійся каждаго члена.

«Послѣдній годъ былъ для меня необыкновенно важенъ. Только теперь у меня есть осязательныя доказательства, что я не даромъ пожертвовалъ всей моей жизнью съ 16-лѣтняго возраста, и оживая послѣ ряда несчастій, испытанный самымъ тягостнымъ скептицизмомъ, я встрѣчаю Надежду. И я буду упорнѣе, чѣмъ когда-нибудь, продолжать мой путь. Я на всѣ лады повторяю русскимъ, что соціальная идея, выработанная Западомъ, — единственное средство раціонально развить *способности* и *соціальные нравы* славянъ. Со смерти Николая спящій великанъ начинаетъ подавать признаки жизни. Въ высшей степени необходимо, чтобы обреченное меньшинство видѣло сочувствіе со стороны Запада. Съ этимъ сознаніемъ гораздо легче идти въ Сибирь.

«На обложкѣ перваго нумера *Звѣзды* будетъ изображено созвѣздіе *Малой Медвѣдицы* — вверху полярная звѣзда, остальныя пять окружаютъ медальонъ съ пятью профилями *Пестеля*, *Муравьева* и др., внизу подпись: «Убиты 25 іюля 1826 г.». Пять звѣздъ созвѣздія точно соотвѣтствуютъ числу казненныхъ. Я передалъ Саффи ваше письмо. Съ его статьей о «Renaissance» была долгая исторія (статья превосходная; кромѣ того манчестерскій колледжъ пригласилъ Саффи прочитать курсъ объ итальянской литературѣ XV вѣка). Саффи хочетъ посвятить одну лекцію вашей книгѣ, равно какъ и книгѣ Кинэ. Когда это будетъ напечатано, мнѣ будетъ пріятно послать вамъ экземпляръ. Редакторъ отказался напечатать конецъ, потому, я думаю, что нашелъ его *не достаточно христіанскимъ*, тогда какъ вся статья — совершенно *антихристіанская*.

«Интересуются ли у васъ ожесточеннымъ сопротивленіемъ, которое англійскій народъ оказываетъ глупому закону о праздно-

ваніи воскресенья? Пожалуйста не вѣрьте газетамъ. Это — очень серьезное и глубокое движеніе. Прошлое воскресенье въ Гайдъ-паркѣ текла кровь; теперь народъ хочетъ напасть на клубы въ Пэль-Мэль. Суть дѣла — не въ кабачкахъ: англійскому народу надоѣла олигархія, и онъ, какъ ребенокъ, пользуется первымъ попавшимся предлогомъ, чтобы надуться, но не надо забывать, что прошлое воскресенье въ Гайдъ-паркѣ было больше ста тысячъ человѣкъ, и только шестьсотъ полисменовъ, а бывшіе тамъ солдаты стали на сторону народа. Теперь законъ отмѣненъ, но народъ не уступаетъ, и такъ какъ право мирно собираться безусловно санкціонируется закономъ, то полиціи предстоитъ немало хлопотъ. Представьте себѣ паркъ, обширностью превосходящій Елисейскія поля; здѣсь по воскресеньямъ парадируетъ въ экипажахъ знать, и вотъ несмѣтная толпа народа кричитъ среди свиста: «Go to church! go to church!» потомъ отворяетъ дверцы, заставляетъ аристократовъ выйти и подъ хохотъ 50-тысячной толпы посылаетъ ихъ къ обѣднѣ. Эту пріятную прогулку продѣлалъ и герцогъ Бедфордъ съ супругою. Полиціи удалось сбросить въ Серпентайнъ нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на набережной канала; очень боюсь, что сегодня всей полиціи придется, на манеръ фараона, пѣшкомъ перейти Серпентайнъ. Поэтому кончаю мое непомѣрно длинное письмо. Завтра добавлю, чѣмъ кончилась демонстрація.

«Понедѣльникъ. Не случилось ничего особеннаго; правительство удалило полицію. Однако толпа разбила всѣ окна въ самомъ аристократическомъ кварталѣ, — въ Belgravia и Euston Square.

«Не смѣю спросить васъ о состояніи вашей больной *). Ваши слова такъ печальны. Можетъ быть эта мягкая погода поможетъ ей?

«Жму вашу руку съ сердечной дружбой. А. Герценъ.

«Я долженъ еще сдѣлать одно признаніе. Я не могъ подавить въ себѣ чувство, котораго вы не осудите, и переводя ваше письмо, опустилъ двѣ или три фразы, слишкомъ лестныя для меня. Искренно благодарю васъ за нихъ; я хочу сохранить ихъ для себя, какъ подарокъ. Въ своей русской статьѣ я даю въ переводѣ изъ «Renaissance»: «Prescription de la nature» и «La Sorciére», а изъ текста—часть открытія Италіи. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ вашей «Réforme».

Послѣ этого переписка, то учащаясь, то снова прерываясь на-

*) Дочь Мишле умирала отъ чахотки.

долго, тянется до конца жизни Герцена. За эти 15 лѣтъ накопилось, со стороны Мишле, 16 писемъ.

Теперь это была обыкновенная дружеская переписка двухъ писателей, сердечно симпатизирующихъ другъ другу и глубоко уважающихъ одинъ другого, но раздѣленныхъ пространствомъ и разностью умственныхъ интересовъ. Мишле неизмѣнно посылаетъ Герцену каждую свою новую книгу и при этомъ обыкновенно въ письмѣ объясняетъ ея характеръ или цѣль; часто онъ проситъ у него содѣйствія по разсылкѣ своихъ книгъ англійскимъ редакціямъ. И точно такъ же Герценъ посылаетъ ему свои писанія и изданія, и Мишле заботится о появленіи отзывовъ во французскихъ журналахъ и старается пристроить у издателей французскій переводъ «Тюрьмы и ссылки».

Онъ по старому обожаетъ Герцена, какъ человѣка и писателя, и по прежнему съ интересомъ слѣдитъ за русскими дѣлами. «Мое сердце среди васъ», пишетъ онъ однажды. Онъ проситъ свѣдѣній о дѣятельности лондонской типографіи. «Это мнѣ нужно знать ради великаго дѣла — и ради васъ, дорогой другъ, чье благородное сердце послѣ столькихъ несчастій нашло въ немъ убѣжище». «Какъ обстоитъ дѣло съ вашей «Полярной Звѣздой» и другими вашими изданіями? Это меня крайне интересуетъ. Удалось ли вамъ завязать сношенія съ этимъ темнымъ и неизмѣримымъ океаномъ—Россіей? Говорятъ, что есть сердца, бьющіяся за свободу, — но въ какомъ кругу?» — и онъ радуется отвѣту Герцена, что «Полярная Звѣзда» пріобрѣла друзей въ Россіи, и отъ души привѣтствуетъ зарю русскаго пробужденія; онъ увѣренъ, что при такихъ условіяхъ Герценъ долженъ былъ стать въ Россіи «королемъ сердецъ и властителемъ умовъ». Онъ былъ счастливъ, узнавъ, что Бакунинъ живъ: «Его легенда, его заключеніе, его смерть—все это сотни разъ вспоминалось мнѣ ночью». Когда въ 59-мъ году Герценъ прислалъ ему портреты свой и Чаадаева, онъ писалъ: «Сердечно благодарю васъ за прекрасныя гравюры. Похожъ ли вашъ портретъ? или васъ такъ измѣнила борода? Портретъ Чаадаева изумителенъ. Онъ запечатлѣнъ глубокой мыслью невѣдомаго міра». Получивъ лондонское изданіе записокъ Екатерины II, Мишле пишетъ: «Я рѣдко читалъ что-нибудь болѣе интересное и что лучше позволяло бы въ извѣстныхъ отношеніяхъ нащупать самую основу натуры, нежели ваши *Мемуары* Екатерины. Вы вѣрно сказали въ вашемъ чудесномъ введеніи: во всемъ этомъ недостаетъ одного—Россіи. Дина-

стическое таинство созданія наслѣдника *во что бы то ни стало* было уже раньше постигнуто одной датской королевой, но здѣсь оно было осуществлено, по признанію самой паціентки, гораздо лучше. Все это замѣчательно, да недурно и то, что она говоритъ дальше,—что первый мужчина былъ не важенъ, и второй былъ неважень, такъ—шутъ гороховый, и третій плохъ (это о Понятовскомъ); это должно было внушить паціенткѣ отчаянное презрѣніе къ мужчинамъ. По одному слову уже можно догадаться, что, примирившись со столькими вещами, она пойдетъ и на убійство Петра III. Это настоящая заслуга съ вашей стороны, и большое мужество. О такихъ вещахъ династіи помнятъ вѣрнѣе, нежели о какой бы то ни было политической оппозиціи». Искреннимъ и теплымъ чувствомъ проникнуты строки Мишле, когда онъ касается личности Герцена. Въ 1861 г., по выходѣ во французскомъ переводѣ перваго тома «Былого и Думъ», онъ пишетъ: «Я только что съ живѣйшимъ интересомъ прочелъ вашу прелестную книгу. Въ ней тысяча вещей, трепещущихъ жизнью; еврейскіе мальчики, встрѣча съ женщиной вечеромъ — исторгаютъ слезы. Необыкновенно трогательно любовное свиданіе на кладбищѣ. Все это такъ живо напомнило мнѣ самыя тяжкія ваши страданія, — мое сердце скорбитъ о нихъ; и у меня есть драгоцѣнное напоминаніе объ этой прелестной женщинѣ — портретъ Бакунина, который она была такъ добра нарисовать для меня». Иногда письма Герцена служили ему поддержкою въ его собственныхъ скорбяхъ; такъ было, когда онъ потерялъ дочь, такъ и въ другой разъ онъ пишетъ: «для меня утѣшеніе въ моихъ тѣлесныхъ немощахъ получить письмо въ родѣ вашего и чувствовать, что *наша церковь*, православная церковь, крѣпнетъ и сплачивается».

Когда Герценъ умеръ, Мишле было уже 72 года. Два года спустя, находясь временно во Флоренціи, гдѣ сынъ Герцена, Александръ Александровичъ, былъ профессоромъ университета, онъ перечиталъ свои письма къ Герцену и, возвращая ихъ, писалъ А. А-чу, что они напомнили ему его «страсть» къ его отцу и къ Мицкевичу, изъ которыхъ каждый воплотилъ въ себѣ сліяніе Россіи съ Польшею. «Господи! какъ я ихъ любилъ! И какой идеалъ будущаго!» Напомнили они ему и многое другое; въ Пизѣ, куда онъ ѣдетъ теперь, онъ хотѣлъ бы опять почитать о Россіи: «не знаете ли вы тамъ кого-нибудь, кто хоть немного интересуется этими вещами?»

В. ГЮГО, КИНЭ, ЛУИ-БЛАНЪ И ДР.

1.

Былъ ли Герценъ лично знакомъ съ В. Гюго, мы не знаемъ. Приступая къ изданію «Полярной Звѣзды», онъ въ числѣ другихъ демократическихъ знаменитостей Запада просилъ о сотрудничествѣ и Гюго, и послѣдній — тогда самъ изгнанникъ — отвѣчалъ съ Джерсея (25 іюля 1855 года) восторженнымъ согласіемъ, котораго, разумѣется, не предполагалъ осуществить. Отрывокъ изъ этого письма Герценъ напечаталъ въ первой книжкѣ «Пол. Зв.», значительно смягчивъ въ своемъ переводѣ его необузданную риторичность.

Сохранилось, кромѣ этого, еще пять писемъ Гюго къ Герцену *); почти всѣ они писаны въ отвѣтъ на присылку послѣднимъ его новыхъ книгъ и статей. Такъ, по поводу статьи Герцена «Смерть Ст. Ворцеля», онъ писалъ ему 15-го марта 1857 г.:«Дорогой изгнанникъ и дорогой братъ по скитаніямъ! Благодарю за ваши великія и благородныя слова о доблестномъ умершемъ. Вы сказали о Ворцелѣ, какъ Ворцель сказалъ бы о васъ. Но вы — живите. Живите для борьбы, которой нужны свѣтлыя сердца и лучезарные умы, какъ ваши. Жму вашу руку. Викторъ Гюго». Годъ спустя, очевидно по полученіи «La France ou l'Angleterre?» Гюго пишетъ (13-го апрѣля 1858 г.): «Ваше сочиненіе, мой доблестный и дорогой согражданинъ, существенно, какъ мысль, и сильно, какъ убѣжденіе. Я называю васъ согражданиномъ, потому что у васъ и у меня — одна мысль: будущее, и подъ ногами одна почва — единеніе человѣчества. Вы освѣтили положеніе яркимъ лучемъ; я согласенъ съ вами почти во всемъ, и отъ полнаго сердца, съ кликомъ: смѣло впередъ! посылаю вамъ братское рукопожатье». Любопытно впечатлѣніе, вынесенное французскимъ поэтомъ изъ чтенія 1-го тома «Былого и Думъ», который вышелъ по французски въ 1860 г. 15 іюля этого года Гюго пишетъ Герцену: «Дорогой соотечественникъ по изгнанію (потому что изгнаніе — нынѣ отечество всѣхъ честныхъ душъ) — жму вашу

*) См., кромѣ того, «Колоколъ» № 6 (1 дек. 1857 г.) и № 35 (1 февр. 1859 г.).

руку. Благодарю васъ за прекрасную книгу, которую вы прислали мнѣ. Ваши воспоминанія — это лѣтопись счастья, вѣры, высокаго ума и добродѣтели. Вы мастеръ мыслить и страдать — два высшихъ дара, какими можетъ быть надѣлена душа человѣка. Поздравляю васъ отъ глубины сердца. Въ этой прекрасной и доброй книгѣ я пожалѣлъ лишь объ одной страницѣ (218); вы, больше чѣмъ кто-нибудь, были достойны оцѣнить великое поколѣніе 1830 года, которое во Франціи довершило революцію дѣла революціей идей, которое сразу породило соціализмъ и романтизмъ, т.-е. новый міръ съ его евангеліемъ, и которое нынѣ продолжаетъ свое апостольство сопротивленіемъ и свое служеніе — изгнанничествомъ. Когда-нибудь васъ охватитъ желаніе воздать ему справедливость, и вы прославите юношество 1830 гг. и заклеймите молодежь 1860-хъ. За исключеніемъ этой страницы, повторяю, ваша книга восхищаетъ меня отъ начала до конца. Вы внушаете ненависть къ деспотизму, вы помогаете раздавить чудовище; въ васъ соединились неустрашимый боецъ и смѣлый мыслитель. Я съ вами. Викторъ Гюго». Нѣсколько лѣтъ спустя, получивъ отъ Герцена остальные томы французскаго перевода «Былого и Думъ» и медаль въ память десятилѣтія вольной русской типографіи въ Лондонѣ, Гюго писалъ Герцену (16-го мая 1864 г.): «Дорогой соотечественникъ по изгнанію! Мнѣ подобаетъ благодарить васъ, и я благодарю васъ за медаль, благодарю за ваши прекрасныя воспоминанія, продолженіе которыхъ я буду читать съ тѣмъ же сочувственнымъ и глубокимъ интересомъ, съ какимъ читалъ начало; благодарю васъ, наконецъ, и особенно за то, что вы — вы, краснорѣчивый и доблестный человѣкъ, служащій дѣлу народовъ, русскій, реабилитирующій Россію, писатель во имя прогресса и свободы, апостолъ-патріотъ и космополитъ».

Въ февралѣ 1863 года, въ разгаръ польскаго возстанія, Герценъ напечаталъ въ «Колоколѣ» (листъ 156-ой) обращеніе Гюго къ русскому войску. Сохранилось письмо, при которомъ Гюго послалъ Герцену это воззваніе: «Мой доблестный братъ по борьбѣ и испытаніямъ! Одинъ русскій офицеръ написалъ мнѣ, прося о тѣхъ строкахъ, которыя я посылаю вамъ здѣсь. Напечатайте ихъ, воспользуйтесь ими, если думаете, что это можетъ быть небезполезно. Будемъ помогать другъ другу. Мы всѣ — одинъ народъ, и законъ — одинъ: пока нѣтъ свободы — освобожденіе, по освобожденіи — прогрессъ. Я слѣжу за вашей краснорѣчивой и побѣдоносной пропагандой; я рукоплещу вамъ и люблю васъ. В. Гюго».

2.

Въ «Посмертныхъ сочиненіяхъ» Герцена есть *примѣчаніе* о Луи-Бланѣ, болѣе содержательное, чѣмъ цѣлая біографія, и опять-таки необыкновенно характерное для самого Герцена и его отношенія къ Европѣ. «Когда я ближе познакомился съ Луи-Бланомъ,—пишетъ онъ,—меня поразилъ внутренній невозмутимый покой его. Въ его разумѣніи все было въ порядкѣ и рѣшено; тамъ не возникало вопросовъ, кромѣ второстепенныхъ, прикладныхъ. Умъ его, подвижной въ ежедневныхъ дѣлахъ и подробностяхъ, былъ японски неподвиженъ во всемъ общемъ. Эта незыблемая увѣренность въ основахъ, однажды принятыхъ, слегка провѣтриваемая холоднымъ раціональнымъ вѣтеркомъ, прочно держалась на нравственныхъ подпорочкахъ, силу которыхъ онъ никогда не испытывалъ, потому что вѣрилъ въ нее. Мозговая религіозность и отсутствіе скептическаго сосанія подъ ложечкой обводили его китайской стѣной, за которую нельзя было забросить ни одной новой мысли, ни одного сомнѣнія».

Письма Луи-Блана къ Герцену, немногочисленныя и случайныя, любопытны тѣмъ, что непосредственно вводятъ насъ въ интересы, печали и дрязги той эмигрантской массы, среди которой Герценъ жилъ въ Лондонѣ. Вотъ два смежныхъ письма отъ 18 и 20 февраля 1857 года. Гражданинъ Кадэ, изгнанникъ, находится въ отчаянномъ положеніи; онъ безъ средствъ, а въ Бирмингемѣ ему навѣрное обѣщано мѣсто, которое обезпечитъ ему безбѣдное существованіе, но ему не на что добраться изъ Лондона въ Бирмингемъ. Луи-Бланъ его лично не знаетъ, но, довѣряя предетавленной имъ рекомендаціи, самъ помогъ ему пятью шиллингами и проситъ о помощи для него и Герцена: «Въ числѣ тѣхъ изъ насъ, у кого великодушное сердце и кто менѣе бѣденъ, я назвалъ васъ, хотя хорошо знаю, какія тяготы вы несете и какъ много вы уже сдѣлали для нашихъ товарищей. Простите. Съ такой просьбою можно обратиться лишь къ человѣку, котораго уважаешь и любишь». Герценъ немедленно отозвался, прося Луи-Блана вручить гражданину Кадэ за его счетъ фунтъ стерл. Луи-Бланъ благодаритъ его, и тутъ же пишетъ: «Очень сожалѣю, что не былъ на погребеніи нашего бѣднаго друга Ворцеля, но я тутъ ни при чемъ, такъ какъ ни-

чего не зналъ: распорядители похоронъ либо забыли, либо не сочли нужнымъ извѣстить меня». Слѣдующее затѣмъ письмо, отъ 21 апрѣля 1858 г., опять просьба о помощи французскому эмигранту, бывшему кавалерійскому офицеру, высланному изъ Брюсселя за то, что имѣлъ у себя складъ джерсейской газеты «L'Homme». Далѣе Луи-Бланъ пишетъ: «Съ живѣйшимъ интересомъ прочиталъ я вашу краснорѣчивую брошюру (рѣчь идетъ о «La France ou l'Angleterre?»). Въ ней есть страницы, которыя я радъ былъ бы считать своими и гдѣ ваше сердце билось въ унисонъ съ моимъ. Но вы почти склонны думать, что Франція умерла, я же вопреки всей видимости чувствую въ ней жизнь. Что касается вашего утвержденія, что философія соціализма вся воплощена въ Прудонѣ, то я по совѣсти не могу согласиться съ вами. Скажу вамъ даже откровенно, что не понимаю этого. Но да здравствуетъ свобода мнѣній! Tradiditis mundum disputationibus eorum».

Осенью 1860 г. между Герценомъ и Луи-Бланомъ возникла переписка, отъ которой уцѣлѣло только одно письмо послѣдняго (отъ 31 окт.) и предметомъ которой послужилъ, какъ видно, неблагопріятный отзывъ Герцена о французской революціонной власти 48 года. «Дорогой Герценъ,—пишетъ Луи-Бланъ.—Ваше письмо доставило мнѣ большое удовольствіе. Я, разумѣется, ни одной минуты не думалъ, что ваше вступленіе относилось *лично* ко мнѣ, но я долженъ былъ думать, судя по тексту, что вы нападаете на временное правительство 48 года. Хотя я принадлежалъ къ меньшинству въ этомъ правительствѣ и роль моя въ немъ была отъ начала до конца оппозиціонной, тѣмъ не менѣе я не могу не признавать несправедливыми тѣ упреки, которыми теперь принято осыпать это правительство, остающееся все-таки однимъ изъ лучшихъ, какія знаетъ исторія. Оно могло сдѣлать и гораздо больше, и гораздо лучше, пусть: не мнѣ отрицать это; но оно сдѣлало много, установивъ за два мѣсяца республику въ странѣ, еще глубоко взволнованной трагическими воспоминаніями 93 года, и если она была низвергнута, то отвѣтственность за это не можетъ падать на временное правительство, миссія котораго окончилась 4 мая 1848 года. Судить его надо по тѣмъ указамъ, которые оно обнародовало въ краткій промежутокъ двухъ мѣсяцевъ, а между ними нѣтъ ни одного, который не являлся бы торжественной данью верховенству разума и человѣческому достоинству. Его великой ошибкой было то, что оно удалилось слишкомъ рано, грѣхъ, во всякомъ случаѣ,

довольно необычный для правительства. Въ заключеніе прошу васъ простить мою обидчивость, обусловленную ничѣмъ инымъ, какъ любовью къ справедливости».

3.

Въ той же мѣрѣ, какъ съ Луи-Бланомъ, Герценъ былъ близокъ въ Лондонѣ и съ другими выдающимися представителями французской эмиграціи. Онъ сохранилъ на память — и вклеилъ въ свой альбомъ автографовъ — письмо Ледрю-Роллена, рекомендующаго ему превосходное бургонское, которое берется доставлять одинъ его знакомый, эмигрантъ и прекрасный патріотъ, — коротенькую записочку (просьбу сообщить адресъ Виллиха) французскаго коммуниста Бартелеми (1854 г.), позднѣе казненнаго въ Англіи, записку Рибейроля, редактора джерсейской газеты «l'Homme», извѣщающаго, что не можетъ сегодня прислать, какъ обѣщалъ, неизданные стихи В. Гюго, такъ какъ еще не получилъ изъ Бельгіи корректурнаго оттиска, и т. д. Всѣ они съ нимъ на короткой ногѣ, всѣ обращаются къ нему со словами «дорогой Герценъ», или, по крайней мѣрѣ, «дорогой гражданинъ». Его общительность далеко оставляетъ за собой границы теоретическаго согласія: онъ пріятель и съ буржуазными республиканцами, и съ якобинцами соціализма, и Бартелеми кончаетъ свою записочку къ нему увѣреніемъ въ искреннемъ уваженіи и дружбѣ, тотъ самый Бартелеми, который въ своей ненависти къ буржуазіи и буржуазному радикализму доходилъ до готовности истребить и Гюго, и Маццини, и Кошута, потому что—говорилъ онъ (и какъ близка была эта мысль Герцену!) — «чтобы революція десятый разъ не была украдена изъ нашихъ рукъ, надобно дома, въ нашей средѣ, сломить голову злѣйшему врагу. За прилавкомъ, за конторкой мы его всегда найдемъ,—въ своемъ станѣ слѣдуетъ его побить!»

4.

Переписка Герцена съ Кинэ относится къ послѣднимъ годамъ жизни перваго. Они познакомились, безъ сомнѣнія, еще въ началѣ 50-хъ годовъ (Кинэ былъ лучшимъ другомъ Мишле). Когда въ 1865 г. вышла знаменитая книга Кинэ о революціи, Герценъ

написалъ ему письмо, которое затѣмъ самъ напечаталъ въ «Колоколѣ», въ 5-мъ своемъ «Письмѣ къ будущему другу» («Кол.» 213, отъ 1 февраля 1866 г.). Въ этой книгѣ онъ опять увидѣлъ примѣръ западнаго человѣка, наполовину освободившагося внутренно, но неспособнаго освободиться вполнѣ, останавливающагося въ суевѣрномъ почтеніи передъ идеей собственности,—и онъ считаетъ своимъ долгомъ сказать Кинэ, что для того, чтобы выйти изъ разваливающагося зданія старой Европы, надо перешагнуть черезъ эту идею, и что на это способна только юная Россія со своимъ общиннымъ строемъ. Сохранился отвѣтъ Кинэ на это письмо. 4 января 1866 г. онъ писалъ Герцену: «Было бы очень досадно, если бы ваше письмо оказалось только для меня; мнѣ больше всего жаль, что оно появится по-русски. Вы имѣете за себя традицію, фактъ, очень мало извѣстный намъ. Многіе изъ насъ обнимаютъ облако: сведите ихъ на землю». Очевидно, Герценъ сообщалъ Кинэ, что письмо его будетъ напечатано въ «Колоколѣ».

Въ эти годы они, повидимому, не разъ видались въ Швейцаріи, гдѣ жилъ тогда добровольнымъ изгнанникомъ Кинэ и куда часто наѣзжалъ Герценъ. Такъ, въ цитированномъ сейчасъ письмѣ (изъ Вейто) Кинэ пишетъ Герцену, что ждетъ его у себя завтра.

Годъ спустя въ томъ же Вейто жилъ и Мишле. Однажды Герценъ прочиталъ ему, въ присутствіи Кинэ, переводъ своей статьи «Мазурка», напечатанной въ «Колоколѣ» отъ 15 іюня 1867 г. — и оба они стали настойчиво убѣждать его послать эти блестящія страницы въ какую-нибудь парижскую газету. Но «вѣтеръ былъ неблагопріятенъ» — газета отказалась напечатать статью. Года полтора спустя, въ началѣ января 1869 г., т.-е. тотчасъ по прекращеніи французскаго «Колокола», Герценъ получилъ отъ Кинэ слѣдующее письмо: «Одно слово—и тысяча пожеланій для васъ. Никто больше меня не сожалѣетъ о прекращеніи «Колокола». Его ничто не замѣнитъ. Мнѣ нужно поблагодарить васъ за пріятные часы, которыми я обязанъ вамъ. Каждый вашъ нумеръ былъ лучезарнымъ сѣвернымъ сіяніемъ въ нашей западной ночи. Я прошу васъ дать намъ по крайней мѣрѣ переводъ той неподражаемой «Мазурки», которую вы читали намъ въ Вейто». Когда затѣмъ Кинэ снова подтвердилъ эту просьбу при личномъ свиданіи въ Женевѣ, Герценъ рѣшилъ исполнить ее. Всѣ эти подробности мы узнаемъ изъ предисловія Герцена къ отдѣльному французскому изданію «Мазурки», помѣченнаго 29 мая

1869 г. въ Женевѣ. Это рѣдкое теперь изданіе представляетъ собою тоненькую брошюрку всего въ 8 стр. подъ заглавіемъ: «La Mazourka», un article du «Kolokol», dédié avec profonde sympathie et respect à Edgar Quinet par Alexandre Herzen (Iskander). Письмомъ отъ 16 іюня Кинэ благодарилъ Герцена за это посвященіе, и въ заключеніе писалъ отъ своего лица и отъ имени своей жены: «Какимъ вечеромъ мы обязаны вамъ! Какіе разсказы, какія краски, какая жизнь! Все это до сихъ поръ еще оживаетъ во мнѣ при всякомъ поводѣ. Если въ Брюсселѣ (куда ѣхалъ Герценъ) я смогу быть вамъ полезенъ чѣмъ-нибудь, это будетъ честью для меня. Дайте мнѣ только знать. Добраго здоровья, счастливаго пути, и возвращайтесь къ намъ поскорѣе».

ГАРИБАЛЬДИ.

Отъ героевъ пера и слова мы переходимъ къ людямъ практическаго дѣла — къ итальянскимъ борцамъ за свободу. И хотя Герценъ по натурѣ и роду своей дѣятельности самъ принадлежалъ къ первымъ, но ни одинъ изъ нихъ не привлекалъ его къ себѣ такъ, какъ эти агитаторы, заговорщики и солдаты. Онъ высоко цѣнилъ Прудона, уважалъ Мишле, удивлялся таланту Гюго, — но влюбленъ онъ былъ въ Гарибальди и съ одушевленіемъ онъ говорилъ о дѣятельности Маццини, о характерѣ Орсини, о подвигахъ Пизакане и Чичероваккіо. Тутъ сказалось, разумѣется, и обычное обаяніе смѣлаго дѣла для всякой гамлетовской натуры, но были и другія причины. Какъ это ни странно, итальянскій народный характеръ безъ сомнѣнія ближе къ русскому, нежели какой-либо другой національный характеръ въ Европѣ, и точкой сходства—это можетъ показаться еще болѣе парадоксальнымъ—является какая-то простота, отсутствіе рисовки, честность чувства и его проявленія у обоихъ; есть разница въ темпераментѣ, но и только; итальянецъ страстенъ, и тѣмъ увлекаетъ русскаго, тогда какъ французъ риторичень и кажется фальшивымъ. Именно этой чертой психическаго родства объясняется, вѣроятно, и то обстоятельство, что на поприщѣ революціонной дѣятельности русскіе сближаются съ итальянцами чрезвычайно легко и тѣсно: стоитъ вспомнить Бакунина, Льва Мечникова, Степняка. Да и вообще, ни одно освободительное движеніе не представляетъ такого сходства съ нашимъ — и по общему характеру, и по типамъ бор-

цовъ, — какъ итальянское, при всемъ различіи между освобожденіемъ внѣшнимъ и внутреннимъ.

Но и помимо этихъ общихъ причинъ, самыя личности итальянскихъ друзей Герцена были таковы, что при одномъ перечисленіи ихъ именъ понятнымъ становится очарованіе, которое они производили на него. Они не только блещутъ всемірной славой, эти имена Гарибальди, Маццини, Орсини, Саффи; звукъ ихъ именъ не только вызываетъ въ памяти картины необыкновенныхъ дѣлъ и необыкновенныхъ превратностей, безпримѣрнаго героизма и титанической борьбы: главное то, что ихъ образы сіяютъ въ прошломъ такой удивительной человѣческой красотой, передъ которой не меркнетъ развѣ только плеяда нашей «Народной Воли». Въ нихъ сочеталась великая духовная мощь съ необычайной чистотой характера; это были люди большого калибра, исключительно одаренные въ смыслѣ ума и воли, и вмѣстѣ—идеалисты чистѣйшей воды, такъ что вся сила была гармонически подчинена въ нихъ высокому стремленію духа, свѣтлой мечтѣ человѣческой. И все это во-внѣ было такъ строго и просто, такъ ласково и *грустно*, какъ пѣсни генуэзскихъ рыбаковъ. Ихъ дѣятельность была элементарна: заговоры, возстанія, походы; но мыслили они глубоко и сложно, и далеко заглядывали вдаль. Въ будни люди суроваго практическаго дѣла, они въ свободныя минуты оказывались на одномъ уровнѣ съ самыми передовыми умами вѣка, — и даже впереди многихъ, либо свободою духа, какъ Гарибальди, либо глубиною прозрѣнія, какъ Маццини. Такимъ образомъ, они и умственно были по плечу Герцену.

Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ Гарибальди, послѣдней легендарной личности въ исторіи Европы, народному герою, всю жизнь служившему свободѣ народовъ — въ родной Италіи, въ Южной Америкѣ, во Франціи, — республиканцу и демократу до мозга костей. Его Герценъ любилъ всего нѣжнѣе и восторженнѣе.

Они познакомились въ Лондонѣ въ 1854 году. Гарибальди было уже подъ пятьдесятъ. За нимъ было 20 лѣтъ борьбы и скитаній, смертный приговоръ и тысячи смертельныхъ опасностей, Южная Америка и геройская оборона Рима въ 49 году; онъ былъ кумиръ итальянскаго народа и герой въ глазахъ всего міра, его статуэтки продавались по всей Европѣ. Онъ опять провелъ теперь четыре года въ Южной Америкѣ, куда уѣхалъ послѣ потери Рима и любимой Аниты; весною 1854 г. онъ вернулся оттуда въ Европу, приведя изъ Бостона въ Лондонъ американскій корабль

Commonwealth,—и тутъ-то, въ Индійскихъ докахъ, Герценъ былъ представленъ ему Гаукомъ и Орсини.

Герценъ въ разныхъ мѣстахъ разсказалъ, какое впечатлѣніе простоты и силы произвелъ на него этотъ герой, «цѣликомъ взятый изъ Корнелія Непота», какъ они завтракали вчетверомъ въ его каютѣ, какъ Гарибальди въ тотъ же день, засидѣвшись поздно въ Лондонѣ, ночевалъ у Герцена, и на слѣдующій день пошелъ гулять съ Сашей, сыномъ Герцена, и съ прогулки принесъ къ обѣду сдѣланный въ городѣ дагерротипъ Саши. Ихъ раздѣляло, казалось бы, непреодолимое пространство. Прошлое и дѣятельность — все было у нихъ различно. Одинъ — человѣкъ практическаго и грубаго дѣла, простой морякъ и вождь ополченій, другой—аристократъ по привычкамъ, человѣкъ мысли и нервъ, гибкій, тонкій, изящный умъ... Значитъ, сильна же была въ обоихъ та общая черта, которая ихъ связала,— преданность дѣлу свободы,—и, очевидно, прекрасна была въ своемъ существѣ, подъ внѣшнимъ блескомъ, личность Герцена, если такъ сразу, несмотря на всѣ различія, полюбилъ его мудрый и простой народный герой Италіи! А что онъ полюбилъ его отъ души, объ этомъ свидѣтельствуютъ два письма Гарибальди, писанныя имъ Герцену тотчасъ послѣ этого перваго знакомства. Первое помѣчено: Лондонъ, 14 марта 1854. Повидимому, Саша Герценъ и Мальвида Мейзенбугъ (гувернантка дѣтей Герцена) посѣтили Гарибальди на его суднѣ, тогда какъ самъ Герценъ принужденъ былъ остаться дома. «Соотечественникъ», о которомъ говорится и въ этомъ, и въ слѣдующемъ письмѣ,—тотъ бѣглый русскій матросъ, котораго Гарибальди, по просьбѣ Герцена, нанялъ къ себѣ и который еще до отплытія сбѣжалъ съ корабля, бросивъ свои пожитки (Герценъ разсказалъ этотъ эпизодъ въ «Лондонской вольницѣ 50-хъ годовъ»).

«Дорогой Герценъ, — пишетъ Гарибальди *). — Ваше нездоровье лишило меня удовольствія видѣть васъ, и я сержусь на него за это; надѣюсь, что оно смилостивилось и теперь уже оставило васъ. M-lle и Александръ сдѣлали все, чтобы оживить и украсить каюту Commonwealth'a. Вашъ соотечественникъ ведетъ себя прекрасно и я надѣюсь, что мы всегда будемъ друзьями. Мнѣ,

*) Всѣ письма итальянскихъ друзей Герцена писаны по-французски, исключая одно письмо Гарибальди, 1863 г., писанное по-итальянски.

конечно, нѣтъ надобности въ немъ, чтобы вспоминать васъ, но я чувствую къ нему расположеніе, потому что онъ отъ васъ. Если успѣю, то буду у васъ; во всякомъ случаѣ я вашъ другъ навѣки. Вашъ Дж. Гарибальди».

Второе письмо датировано 26-мъ марта; оно писано уже изъ Ньюкестля, куда, по пути къ берегамъ Италіи, Гарибальди зашелъ изъ Лондона за углемъ. «Какъ вы уже вѣрно знаете теперь, вашъ соотечественникъ остался въ Лондонѣ; признаюсь, это было мнѣ очень досадно. Часть его вещей осталась здѣсь, и я хотѣлъ бы знать, думаете ли вы прислать его сюда, или я долженъ доставить вамъ его вещи? Напишите мнѣ вашъ адресъ; я не совсѣмъ увѣренъ въ немъ. Сердитесь ли вы на меня за то, что я не написалъ вамъ тотчасъ? Будьте терпѣливы. Я сердцемъ вашъ другъ. Что подѣлываютъ Александръ, любезная гувернантка и ваши прелестныя дѣвочки? Я надѣюсь увидѣться съ вами въ Ниццѣ, и это будетъ праздникомъ для меня. Прощайте, милый Герценъ, не забывайте вашего Дж. Гарибальди».

Но Герценъ надолго основался въ Лондонѣ, и они снова увидѣлись только десять лѣтъ спустя.

За этотъ промежутокъ они дважды обмѣнялись письмами. Первый разъ это было въ дни, равно памятные для обоихъ — въ апрѣлѣ 1861 года. Извѣстно, чѣмъ былъ 60-й годъ въ жизни Гарибальди и въ нераздѣльно слившейся тогда съ нею исторіи Италіи; въ этотъ годъ Гарибальди освободилъ пол-Италіи и, ставъ ея невѣнчаннымъ королемъ, такъ же просто отдалъ ненужную ему корону Виктору-Эммануилу, какъ на другой день послѣ коронованія послѣдняго рано утромъ отплылъ на Капреру съ мѣшкомъ нужныхъ ему для посѣва бобовъ. Это было въ ноябрѣ 1860 г., и въ январѣ слѣдующаго Герценъ писалъ: «Гарибальди сдѣлался еще больше «лицомъ изъ Корнелія Непота»; онъ такъ антично великъ въ своемъ хуторѣ, такъ простодушно, такъ чисто великъ, какъ описаніе Гомера, какъ греческая статуя. Нигдѣ ни риторики, ни декорацій, ни дипломатіи, — въ эпопеѣ онѣ были ненужны».

Въ мартѣ открылся въ Туринѣ первый парламентъ созданнаго имъ итальянскаго королевства, и въ началѣ апрѣля Гарибальди прибылъ въ Туринъ, чтобы занять свое мѣсто въ качествѣ депутата отъ Неаполя. Онъ только временно промѣнялъ мечъ на трибуну: онъ весь былъ во власти одной жгучей мысли — освободить Римъ.

И тутъ-то, тотчасъ по пріѣздѣ въ Туринъ, узнавъ впервые о русскихъ событіяхъ — о тѣхъ варшавскихъ убійствахъ, которыми обагрены были руки, только что расковавшія русскихъ крестьянъ— онъ еще до своего знаменитаго появленія въ парламентѣ (первые дни въ Туринѣ онъ былъ прикованъ къ постели жестокимъ припадкомъ ревматизма и явился въ парламентъ только 18-го апрѣля), — уязвленный за русскій народъ и за Польшу, 13-го написалъ письмо Герцену, которое телеграфъ разнесъ по всему свѣту раньше, чѣмъ оно дошло до Герцена. Онъ писалъ: «Любезный Герценъ! Недавно слово освобожденія крестьянъ въ Россіи было принято съ восторгомъ и удивленіемъ всей Европой. Государь, начавшій и совершившій это великое дѣло, уже однимъ этимъ поставилъ себя въ числѣ величайшихъ благодѣтелей человѣчества. А теперь — я это говорю съ горестью — доброе дѣло запятнано невинной кровью. Теперь долгъ всѣхъ, которые рукоплескали великому поступку, поднять голосъ проклятія на совершителей отвратительнаго злодѣйства. Пусть вашъ журналъ, справедливо оцѣненный въ Россіи, передастъ слово сочувствія отъ народа итальянскаго несчастной и героической Польшѣ и слово благодарности тѣмъ храбрымъ воинамъ русскимъ, которые, какъ Поповъ, сломали свою саблю, чтобъ не обагрить ее въ крови народа; передайте съ тѣмъ вмѣстѣ крикъ негодованія народовъ европейскихъ противъ виновника гнусной бойни».

Герценъ напечаталъ это письмо въ ближайшемъ же нумерѣ «Колокола» (отъ 1 мая) вмѣстѣ со своимъ отвѣтомъ, гдѣ присоединялъ свой голосъ къ проклятію Гарибальди.

Второй разъ это было въ концѣ 1863 г., въ разгаръ польскаго возстанія или, вѣрнѣе, жестокой расправы, слѣдовавшей за нимъ. 21 ноября Герценъ изъ Флоренціи обратился къ Гарибальди съ обширнымъ письмомъ, предназначеннымъ для печати и дѣйствительно напечатаннымъ нѣсколько позднѣе въ «Колоколѣ» (отъ 15 января 1864 г.). «Я собирался посѣтить васъ, — писалъ онъ; — мнѣ хотѣлось еще разъ пожать вашу руку съ глубокимъ уваженіемъ и полнымъ сочувствіемъ. Я слышалъ, что вы не забыли меня. Но обстоятельства устроились иначе, я покидаю Италію раньше чѣмъ думалъ, и хочу воспользоваться поѣздкой къ вамъ общаго друга нашего, чтобъ посѣтить васъ письменно». Его письмо, говоритъ онъ, имѣетъ особую цѣль. Свирѣпость правительства, подлые крики газетъ и рукоплесканія деморализованной и обманутой толпы могутъ вну-

шить Западу мысль, что всѣ толки о русскомъ освободительномъ движеніи были или преднамѣреннымъ обманомъ, или бредомъ больного воображенія. «Этого мы вынести не можемъ. Мы себя чувствуемъ слишкомъ живыми для того, чтобы позволить себя молча похоронить. И я пишу къ вамъ для того, чтобъ свидѣтельствовать, что мы вовсе не умерли, что движеніе русское вовсе не подавлено и вообще по сущности своей неподавляемо». И сказать это онъ хочетъ именно ему, *мужу народовъ*, радѣтелю и кумиру народныхъ массъ: онъ, мужъ красной рубахи, не вправѣ не знать, что дѣлается въ темныхъ глубинахъ русскаго народнаго моря. — И дальше слѣдуетъ сжатый очеркъ «соціальной религіи русскаго народа» — сознанія права на землю — и обусловленнаго этой религіей неудержимаго процесса, первымъ этапомъ котораго было уничтоженіе крѣпостного права, вторымъ будетъ политическая эмансипація. Въ заключеніе Герценъ характеризуетъ отношеніе къ польскому возстанію различныхъ слоевъ русскаго общества; правительство дьявольской хитростью добилось того, что въ народѣ, сначала безучастномъ, вспыхнула ненависть противъ поляковъ: оно стало выдавать польское возстаніе за шляхтскій и католическій мятежъ, а себя самого — за защитника польскаго крестьянства и православія.

Гарибальди отвѣчалъ на это письмо 23 декабря съ Капреры, и отвѣчалъ такъ, какъ Герценъ, повидимому, не ожидалъ. «Я получилъ ваше дорогое письмо, — писалъ онъ; — для меня оно документъ. Да, Герценъ, вѣрю вамъ и знаю, что народъ русскій несчастенъ и имѣетъ высокія стремленія, какъ всѣ народы, и что онъ неповиненъ ни въ виленскихъ истязаніяхъ, ни въ варшавскихъ висѣлицахъ; я знаю, что и на вашей родинѣ бродитъ духъ воли и будущаго, я помню многихъ офицеровъ, которые предпочли Сибирь и смерть преступному палачеству въ Польшѣ, святыя имена Попова и Арнгольта глубоко отпечатлѣлись въ памяти моей; ихъ имена будетъ повторять исторія вмѣстѣ съ именами ихъ товарищей по мученичеству. Но мнѣ кажется, что Польша, въ которой бичуютъ женщинъ и вѣшаютъ юношей, должна была бы возбудить состраданіе народа русскаго, по крайней мѣрѣ, въ той благородной части его, къ которой вы принадлежите, и въ ней возбудить протестъ болѣе торжественный, чѣмъ слова». — Эти строки обожгли Герцена неотразимой правдой, и въ статьѣ, которою онъ сопроводилъ отвѣтъ Гарибальди въ «Колоколѣ» (1 февраля 1864 г.), онъ писалъ, что при чтеніи ихъ у него навернулись горькія слезы стыда и боли.

Заступникъ народовъ взглянулъ на дѣло практически—и задѣлъ страшно-болѣзненную струну въ душѣ Герцена.

Нѣтъ сомнѣнія, что нравственный обликъ и жизнь Гарибальди вообще возбуждали въ Герценѣ горькое чувство: ему, русскому лишнему человѣку, такъ далеко оторванному отъ народа и такъ больно сознававшему эту оторванность, нельзя было не чувствовать зависти при видѣ дѣятеля истинно-народнаго, въ которомъ непосредственно и прямо циркулировали кровь и психика родныхъ народныхъ массъ. И далѣе: съ этимъ болѣзненнымъ чувствомъ своего соціальнаго одиночества въ Герценѣ еще съ давнихъ лѣтъ, съ Москвы и Новгорода, соединялось горькое сознаніе, что практическое дѣло для него невозможно, что онъ на всю жизнь обреченъ только мыслить и писать; и несомнѣнно, что даже въ годы наибольшаго успѣха «Колокола», горечь практическаго безсилія не покидала Герцена. Вотъ почему онъ былъ влюбленъ въ Гарибальди, какъ ни въ кого изъ современныхъ ему борцовъ за свободу человѣчества. Въ его глазахъ Гарибальди былъ окруженъ двойнымъ ореоломъ — органическаго единства со своимъ народомъ, и *дѣйственнаго* служенія своей идеѣ.

Съ этой точки зрѣнія необыкновенно любопытенъ разсказъ Герцена о знаменитой поѣздкѣ Гарибальди въ Англію въ апрѣлѣ 1864 г., его великолѣпная Camicia rossa. Здѣсь все одинаково характерно: и какъ велъ себя Герценъ въ тѣ памятные дни, и какъ онъ разсказываетъ о нихъ. Онъ не видѣлъ Гарибальди съ того перваго свиданія въ 1854 году. Пріѣздъ итальянскаго героя, безпримѣрныя въ англійской исторіи овація, которыхъ онъ сталъ предметомъ, были для Герцена какъ бы личнымъ праздникомъ; онъ съ гордостью и восхищеніемъ описываетъ ихъ, и не устаетъ любоваться своимъ любимцемъ. Когда онъ говоритъ о личности Гарибальди, въ его голосѣ есть какой-то піетэтъ, вообще несвойственный ему: можно подумать, что Гарибальди въ его глазахъ — существо другой, высшей породы. Онъ жадно ищетъ въ его лицѣ «секретъ той силы», которая все покоряла ему — кучку рыбаковъ въ Ниццѣ, его пестрое войско въ походахъ, народныя массы всѣхъ странъ. Гарибальди задумался на минуту—«по его лицу, какъ тучи по морю, пробѣгаютъ какія-то мысли»; и это не просто мысли, хотя бы глубокія и сложныя, — нѣтъ: это душевныя движенія, невѣдомыя обыкновеннымъ людямъ; глядя на его задумчивость, Герценъ спрашиваетъ себя: «ужасъ ли то передъ судьбами, лежащими на его плечахъ,

передъ тѣмъ народнымъ *помазаніемъ*, отъ котораго онъ уже не можетъ отказаться? Сомнѣніе ли послѣ того, какъ онъ видѣлъ столько измѣнъ, столько паденій, столько слабыхъ людей? Искушеніе ли величія?..» Герценъ зналъ близко всѣхъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, но *такъ* онъ ни на кого не смотрѣлъ и ни о комъ не разсказываетъ. Въ своей восторженной влюбленности онъ доходитъ до восхищенія самымъ *костюмомъ* своего кумира, и дважды возвращается къ этому предмету: «Костюмъ его, скажу еще разъ, необыкновенно идетъ къ нему и необыкновенно изященъ; въ немъ нѣтъ ничего профессіонно-солдатскаго и ничего буржуазнаго, онъ очень простъ и очень удобенъ», и т. д.

Да, этотъ костюмъ — символъ: вотъ почему онъ восхищаетъ Герцена; «въ красной рубашкѣ народъ узнаетъ себя и своего». Гарибальди для Герцена — великій плебей, которому подобаетъ и плебейское платье. Это просто человѣкъ, человѣкъ изъ народа, схватившійся за оружіе, чтобы прогнать разбойниковъ изъ отчаго дома; именно въ этомъ своемъ чувствѣ онъ слился съ народомъ и принялъ отъ него помазаніе, именно это поняла толпа «тѣмъ ясновидѣніемъ, тѣмъ откровеніемъ, которымъ нѣкогда римскіе рабы поняли непонятную тайну пришествія Христова и толпы страждущихъ и обремененныхъ, женщинъ и старцевъ, молились кресту казненнаго». Это можетъ показаться смѣшнымъ, но Герценъ даже ничтожное количество кражъ въ толпѣ при семи-часовомъ тріумфальномъ въѣздѣ Гарибальди въ Лондонъ объясняетъ этой народностью Гарибальди: англійская толпа груба, сборища ея не обходятся безъ дракъ и, главное, многочисленныхъ кражъ, — но на этотъ разъ порядокъ былъ удивительный: «народъ понялъ, что это *его* праздникъ, что онъ чествуетъ одного изъ *своихъ*, что онъ больше, чѣмъ свидѣтель».

Все время пребыванія Гарибальди въ Англіи Герценъ поглощенъ имъ однимъ. Культъ знаменитостей нимало не былъ въ натурѣ Герцена, — напротивъ, обычно онъ склоненъ скорѣе къ ироніи и непочтительной остротѣ: это былъ у него своего рода point d'honneur, непринужденность свободомыслящаго человѣка. Но тутъ онъ оставилъ въ сторонѣ всѣ соображенія, даже почти самолюбіе; онъ бѣгаетъ за Гарибальди, какъ влюбленный мальчикъ, и потомъ безъ прикрасъ разсказываетъ это. На англійскомъ берегу Гарибальди высадился въ Соутгемптонѣ, откуда черезъ нѣсколько дней долженъ былъ пріѣхать въ Лондонъ. Герцену невтерпежъ дождаться, онъ

бросается въ Соутгемптонъ; узнавъ, что Гарибальди уѣхалъ на о. Уайтъ, онъ спѣшитъ туда, попадаетъ въ Коусъ въ 9 час. вечера, ночуетъ въ отелѣ, на завтра встаетъ въ 6 часовъ, и въ 7, наконецъ, добивается видѣть Гарибальди. Что ему собственно нужно было? —Онъ хотѣлъ предупредить Гарибальди о тѣхъ интригахъ, которыя ждутъ его на англійской почвѣ и цѣль которыхъ — очернить въ его глазахъ Маццини и пр. Но въ Лондонѣ было довольно итальянскихъ патріотовъ, друзей Гарибальди и Маццини, которые, конечно, не преминули бы это сдѣлать (напримѣръ, Саффи), и чужеплеменному Герцену, казалось бы, незачѣмъ было забѣгать и соваться въ чужія дѣла. Мало того: послѣ свиданія Герценъ заходитъ въ ресторанъ пообѣдать и, пробѣгая «Times», встрѣчаетъ въ немъ гадкую статью, полную восторговъ передъ Гарибальди и инсинуацій на Маццини; онъ требуетъ бумаги и пишетъ горячее письмо секретарю Гарибальди, прося его прочесть статью въ «Times» генералу: «Мнѣ 52 года, — пишетъ онъ въ этомъ письмѣ, — но признаюсь, что слезы негодованія навертываются на глазахъ при мысли объ этой несправедливости», и пр. — Кончился этотъ день тѣмъ, что обратно чрезъ Соутгемптонъ въ Лондонъ Герценъ попалъ ночью и, не найдя комнаты въ гостиницѣ, только въ 3-мъ часу ночи добрался до постели въ грязной комнатѣ какого-то французскаго ресторана. Герценъ жилъ тогда въ Теддингтонѣ, небольшомъ городкѣ, верстахъ въ 20 отъ Лондона.

Дальше: по пріѣздѣ Гарибальди въ Лондонъ Герцена осѣнила счастливая мысль — устроить у себя дома оффиціальное примиреніе Гарибальди съ Маццини, пригласивъ обоихъ на обѣдъ. Согласіе обоихъ было получено, — но какихъ усилій стоило ему уладить это дѣло, какую борьбу пришлось ему выдержать съ окружающими Гарибальди, сколько дипломатическаго искусства пустить въ ходъ по мелочамъ! Онъ кое-что разсказываетъ, вдвое больше угадывается за его строками. А потомъ — это приглашеніе Ледрю-Роллена, котораго Гарибальди хотѣлъ видѣть, хлопоты по заказу обѣда, пріѣздъ Герцена въ Лондонъ за своимъ гостемъ, чтобы везти его къ себѣ, и пр., и пр. Конечно, Герценъ искренно хотѣлъ помочь примиренію Гарибальди и Маццини; безъ сомнѣнія также онъ былъ правъ, когда, приглашая Гарибальди, говорилъ, что этотъ визитъ къ нему великаго человѣка будетъ ободреніемъ вообще для всѣхъ борцовъ за свободу въ Россіи; была тутъ, конечно, и доля тщеславія, —

но главнымъ стимуломъ, несомнѣнно, было это обожаніе Гарибальди, о которомъ мы выше говорили. Въ домѣ Герцена Гарибальди пробылъ едва ли больше полутора часовъ, а мѣсяцъ спустя Герценъ въ такихъ выраженіяхъ отзывался объ этомъ днѣ: «День этотъ удался необыкновенно и былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ, безоблачныхъ и прекрасныхъ дней послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Въ немъ была удивительная ясность и полнота, въ немъ была эстетическая мѣра и законченность, очень рѣдко случающіяся... Такіе дни представляютъ вершины... дальше, выше, въ сторону — ничего, какъ въ пропѣтыхъ звукахъ, какъ въ распустившихся цвѣтахъ». А на слѣдующій день послѣ посѣщенія, 18 апрѣля, Герценъ написалъ письмо къ Гарибальди, гдѣ говорилъ между прочимъ: «Вамъ я обязанъ лучшимъ днемъ моей зимы, днемъ ясности безусловной, и за то еще разъ обнимаю васъ съ пламенной благодарностью, съ глубокой любовью и безграничнымъ уваженіемъ» *).

Есть что-то трогательное въ этомъ смиреніи и обожаніи, съ которыми великій русскій интеллигентъ-мыслитель преклонился предъ человѣкомъ *народа* и *дѣла*.

Они увидѣлись потомъ еще разъ, должно быть, мимолетно, въ февралѣ 1867 г. въ Венеціи, но объ этомъ свиданіи мы ничего не знаемъ.

МАЦЦИНИ.

Легко представить себѣ, что передъ лицомъ Гарибальди, невольно сравнивая себя съ нимъ, Герценъ чувствовалъ себя маленькимъ и мелкимъ; эта великая плебейская простота и цѣльность, эта неподдѣльная наивность, которой онъ не перестаетъ восхищаться въ Гарибальди, словно уличали его самого, и ему, можетъ быть, становилось стыдно собственной сложности, самооглядки, рефлексіи.

Нѣчто подобное, но въ другомъ родѣ, переживалъ онъ, вѣроятно, и въ общеніи съ Маццини. Это былъ фанатикъ и аскетъ, человѣкъ

---

*) Въ тотъ же самый день, 18-го, Герценъ описалъ этотъ обѣдъ въ письмѣ къ сыну, Александру Александровичу, находившемуся тогда во Флоренціи; это письмо въ переводѣ было напечатано 24-го апрѣля въ Il Progresso, № 24.

непреклонной воли и страстной энергіи, съ горящими черными глазами на исхудаломъ лицѣ, весь устремленный на одну цѣль, о которомъ можно было сказать словами русскаго поэта:

Онъ зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть.

Этой единой упорной и пламенной думѣ онъ былъ обязанъ своимъ магическимъ вліяніемъ на людей, и она-то придавала такую красоту его образу. Если Гарибальди творилъ матеріалъ для эпоса, то Мацціни самъ былъ Symphonia heroica. Здѣсь было чему позавидовать. Самымъ своимъ существованіемъ Мацціни создавалъ единство Италіи. Въ 1861 году, когда пол-Италіи уже было освобождено подвигами Гарибальди, но Римъ еще находился во власти папы, Герценъ въ прелестномъ художественномъ образѣ такъ опредѣлилъ роль Мацціни: «Односторонній, вѣчно занятый одной идеей, вѣчно на стражѣ и готовый... Мацціни не спитъ. День и ночь, ловя рыбу и ходя на охоту, ложась и вставая, Гарибальди и его сподвижники видятъ худую, печальную руку Мацціни, указывающую на Римъ, — и они пойдутъ туда!» По широтѣ и свободѣ ума Герценъ стоялъ несравненно выше Мацціни, ему была жалка догматичность и ограниченность его идей о «религіи долга», объ «освобожденіи міра Италіей»; но, кто знаетъ,— чего не отдалъ бы онъ, будь на то его власть, за это могучее лучеиспусканіе индивидуальной воли, болѣе неотразимое, чѣмъ доводы самыхъ блестящихъ статей! Онъ многократно писалъ о Мацціни, и каждый разъ въ его характеристикѣ рельефно выступаютъ двѣ черты, точно двѣ стороны монеты: манія, какъ несвобода духа, и манія, какъ нравственное величіе. Въ его глазахъ Мацціни — человѣкъ *одержимый* своей идеей, ея рабъ, но зато ею покоряющій массы. Онъ говоритъ объ его упорствѣ въ стремленіи къ единству Италіи: «Въ этомъ непреклонномъ постоянствѣ, въ этой вѣрѣ, идущей наперекоръ фактамъ, въ этой неутомимой дѣятельности, которую неудача только вызываетъ и подзадориваетъ, есть что-то великое и, если хотите, что-то безумное. Часто эта-то доля безумія и обусловливаетъ успѣхъ, она дѣйствуетъ на нервы народа, увлекаетъ его. Великій человѣкъ, дѣйствующій непосредственно, долженъ быть великимъ маньякомъ». Передавая свой разговоръ съ Мацціни о Леопарди, онъ говоритъ, что отрицательное отношеніе Мацціни къ этому замѣчательному поэту его

не удивило: такому человѣку не могли быть понятны эти ядовитыя раздумья и сомнѣнія. Маццини нападалъ на Леопарди съ ожесточеніемъ; «мнѣ было, — говоритъ Герценъ,—очень досадно; разумѣется, онъ на него очень сердился за то, что онъ ему не годился на пропаганду... Это возмутительное стѣсненіе личностей, подчиненіе ихъ категоріямъ, кадрамъ, точно историческое развитіе — барщина, на которую сотскіе гонятъ, не спрашивая воли, слабаго и крѣпкаго, желающаго и не желающаго». Но вотъ другой разговоръ — и другая сторона медали: первое свиданіе Герцена съ Маццини послѣ основанія итальянскаго королевства въ 1861 году. Маццини только что вернулся изъ Неаполя, гдѣ Гарибальди вѣнчалъ двойной короной Виктора-Эммануила. Маццини не хотѣлъ довольствоваться полу-побѣдой: онъ требовалъ тотчасъ же похода на Римъ; это было неудобно и опасно, Гарибальди отвернулся отъ патріота-фанатика, пьемонтское правительство травило его, неаполитанская чернь, подстрекаемая агентами Кавура, подступала къ дому, гдѣ онъ жилъ, съ криками: «Смерть Маццини!» — и онъ вернулся въ Лондонъ, чтобы продолжать свой медленный и упорный подкопъ къ Риму. Герценъ видѣлся съ нимъ тотчасъ по возвращеніи. «Сердце щемило, когда я его увидѣлъ, — говоритъ Герценъ; — *я все же ждалъ найти его грустнымъ, оскорбленнымъ въ своей любви»;* но Маццини встрѣтилъ его восторженнымъ крикомъ: «итакъ, наконецъ-то сбывается!» и съ гордостью и любовью говорилъ о Гарибальди, объ освобождающейся Италіи. Герценъ повторяетъ: «Слушая его, я хотѣлъ поймать одну ноту, одинъ звукъ обиженнаго самолюбія, и не поймалъ». Характерно, что онъ искалъ этого; человѣку типа Маццини такая мысль и не пришла бы въ голову.

Герценъ познакомился съ Маццини въ Женевѣ въ 1849 году и видѣлся съ нимъ тогда раза два; потомъ, въ 1850 г., Маццини, тайно находясь во Франціи, присылалъ за нимъ, сообщилъ ему планъ основанія въ Лондонѣ международнаго комитета и спрашивалъ, согласится ли онъ участвовать въ этомъ комитетѣ, какъ представитель русской демократіи; годъ спустя, осенью 1851 года, когда комитетъ былъ основанъ, они обмѣнялись по этому поводу письмами, при чемъ Герценъ отклонилъ предложеніе Маццини *). Осенью 1852 г., переселившись въ Лондонъ, онъ одинъ изъ

*) Его письмо приведено въ гл. XL «Былого и Думъ».

первыхъ своихъ визитовъ сдѣлалъ Маццини, который, по его словамъ, принялъ самое теплое и дѣятельное участіе въ несчастіяхъ, постигшихъ за послѣдній годъ семью Герцена (притомъ, итальянскіе друзья Маццини поручили Герцену ознакомить послѣдняго съ положеніемъ дѣлъ въ Италіи, гдѣ Герценъ прожилъ передъ этимъ два года). Въ ближайшія десять лѣтъ, живя оба въ Лондонѣ, они видѣлись довольно часто и во всякомъ случаѣ держались на дружеской ногѣ. Герценъ нѣсколько разъ отмѣчаетъ, что при встрѣчахъ Маццини протягивалъ ему *обѣ* руки; и сохранившіяся письма къ нему Маццини свидѣтельствуютъ о чувствѣ, которое можно назвать братской любовью въ истинѣ, и которое въ дни испытаній умѣло находить слова, полныя нѣжнаго и глубокаго участія.

Таково было письмо, которое Маццини послалъ Герцену 27 мая 1852 года, тотчасъ послѣ смерти Наталіи Александровны: Маццини былъ, повидимому, освѣдомленъ о семейной драмѣ, предшествовавшей ея концу. «Братъ мой,—писалъ онъ,—я только изъ газетъ узналъ о случившемся. Гаукъ больше не писалъ со смерти вашей Наталіи. Все это время я оставался въ неизвѣстности; теперь роковая вѣсть дошла до меня. Я не собираюсь васъ утѣшать; васъ могутъ утѣшить только Богъ да ваши дѣти. Я хочу только сказать вамъ, что страдаю за васъ и съ вами. Я понимаю всѣ ваши страданія,—больше того: я чувствую незаполняемую пустоту, чувствую ту черную тѣнь, которая ложится на всю жизнь и обрекаетъ на изгнаніе душу, какъ царь обрекъ на изгнаніе ваше тѣло. И когда насъ поражаетъ не рука судьбы, а рука человѣка, рука негодяя, что-нибудь, чего можно было избѣгнуть и что ускорило катастрофу, — тогда горечь во сто разъ горше, и безвѣріе отчаянія грозитъ человѣку. Я чувствую все это, и все-таки хочу сказать вамъ: мужайтесь! страдайте, но не падайте духомъ; каковы бы ни были ваши вѣрованія, страдайте такъ, какъ этого хотѣла бы она. Мнѣ всегда казалось, что смерть любимыхъ нами должна въ особенности дѣлать насъ лучшими. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы мы могли впадать въ грѣхъ, въ косность, въ себялюбіе, когда между нами и будущимъ міромъ стоитъ ангелъ. Живетъ ли этотъ ангелъ только въ воспоминаніи, какъ вы думаете, или онъ живетъ и бодрствуетъ болѣе реально, какъ вѣрю я, вашъ долгъ тотъ же: дѣлать все, что могло бы вызвать улыбку на ея лицѣ, и не дѣлать ничего, что она при жизни осудила бы. Вотъ все,

что я хотѣлъ напомнить вамъ, мой другъ, и крѣпко пожать вамъ руку въ знакъ уваженія и любви. Это рукопожатіе человѣка, который хорошо знаетъ жизнь и ея скорби, который жаждалъ привязанностей и неизмѣнно видѣлъ ихъ крушеніе, который страдалъ и чувствуетъ чужое страданіе. Что вы думаете теперь предпринять? Гаукъ писалъ, что если несчастіе случится, вы уѣдете въ Америку. Не уѣзжайте туда! Останьтесь въ Европѣ, съ нами, старыми борцами. Что вы найдете въ Америкѣ? Свободу? Но развѣ она не съ вами? Задача въ томъ, чтобы создавать свободу гдѣ ея нѣтъ. Помогайте мнѣ въ этомъ. Вамъ, какъ и мнѣ, осталось одно—культъ великой идеи, культъ не созерцательный по-восточному, но по-европейски дѣйственный и стойкій безъ конца, до побѣды. Помогайте мнѣ и пріѣзжайте ко мнѣ, или поселитесь въ Швейцаріи; вы будете тамъ полезны и будете видѣть меня. Простите, мой другъ. Любите меня, какъ я люблю васъ».

Бо́льшая часть сохранившихся писемъ Маццини къ Герцену писаны въ Лондонѣ и адресованы здѣсь же, въ тѣ предмѣстья Лондона, гдѣ обыкновенно жилъ Герценъ; поэтому всѣ они помѣчены только днемъ недѣли, безъ указанія мѣсяца и года. Они очень хорошо рисуютъ отношенія и интересы, связывавшіе Герцена съ Маццини.

Вотъ рядъ писемъ Маццини, относящихся къ 1854 г., ко времени передъ самымъ началомъ Восточной войны; упоминаемый въ нихъ адресъ къ русскимъ солдатамъ — безъ сомнѣнія та прокламація, которая находится теперь на стр. 320 — 326-ой V тома женевскаго изданія сочиненій Герцена, подъ заглавіемъ: «Вольная русская община въ Лондонѣ — русскому воинству въ Польшѣ»; она помѣчена 26 марта 1854 г.

«Любезный Герценъ. Кошутъ пишетъ мнѣ, «что онъ берется переправить 50 или 100 экземпляровъ чрезъ Константинополь и столько же чрезъ Бѣлградъ, что онъ будетъ радъ васъ видѣть, если вы сдѣлаете ему честь посѣтить его, и что онъ хотѣлъ бы знать ваши соображенія о томъ, что́, по вашему мнѣнію, можно было бы сдѣлать въ Россіи при предстоящемъ кризисѣ», и «что онъ былъ бы радъ знать содержаніе прокламацій, такъ какъ самъ не владѣетъ русскимъ языкомъ». Это все, теперь рѣшеніе за вами. Простите, тороплюсь. Вашъ другъ — Іосифъ». Здѣсь была рѣчь еще не о прокламаціи къ русскимъ солдатамъ въ Польшѣ, а о какой-то другой, предшествовавшей той. Вѣроятно спустя нѣсколько недѣль Мац-

цини писалъ: «Кошутъ вамъ напишетъ. По его словамъ, все это произошло оттого, что вы не подписали внизу ваше имя, чтобы перенести его наверхъ. Если онъ извинится передъ вами въ письмѣ, будьте снисходительны къ нему: въ настоящую минуту необходимо, чтобы всѣ патріоты — русскіе, венгры, поляки, румыны — отбросили всякую частную мысль и служили всѣ одной — Добру. Работаете ли вы надъ вашимъ обращеніемъ къ русскимъ солдатамъ? Это какъ разъ то, что намъ нужно. Ваше предыдущее пошло частью чрезъ Константинополь, частью чрезъ Бѣлградъ, но съ каждымъ днемъ становится вѣроятнѣе, что загремятъ пушки. До свиданія. Простите, что не навѣщаю васъ; я заваленъ дѣломъ по горло. Вашъ братъ І. Маццини». Еще спустя короткое время писано третье письмо. «При первой возможности доставьте мнѣ рукописный экземпляръ вашей прекрасной прокламаціи къ русскимъ солдатамъ въ Польшѣ. Я предпочитаю, чтобы въ наши итальянскія газеты она попала отъ насъ, а не изъ «Nation». Велите переписать ее на тонкой бумагѣ, чтобы можно было послать ее по почтѣ». Дальше, намекая безъ сомнѣнія на предстоявшую экспедицію Орсини, онъ пишетъ: «Мой другъ, минута торжественна. Я не говорю вамъ: «помогите мнѣ», но говорю: «постарайтесь найти какую-нибудь поддержку нашимъ друзьямъ». Имъ дѣйствительно нужно — и это важно для насъ всѣхъ—послать нѣсколько человѣкъ. Было бы несчастіемъ, если бы это имъ не удалось. Европейская демократія должна теперь сдѣлать крайнее усиліе, или навсегда сложить оружіе».

Вотъ письмо типичнаго содержанія: просьба помочь вдовѣ итальянскаго эмигранта, хорошо знающей музыку и умирающей съ голода съ тремя дѣтьми. Вотъ просьба о сотрудничествѣ въ «Italia del Popolo» по части успѣховъ освободительной идеи въ Россіи. «Вы могли бы присылать по корреспонденціи каждый мѣсяцъ или каждыя три недѣли. Но если вы думаете, что моральный результатъ не окупитъ этого, пришлите, по крайней мѣрѣ, одну, чтобы доставить удовольствіе другу». Вотъ прекрасное, полное страсти письмо 1855 года, которымъ Маццини, приглашенный къ участію въ «Полярной Звѣздѣ», благословлялъ начинаніе Герцена. Въ статьѣ о Ворцелѣ Герценъ разсказываетъ, что вскорѣ по своемъ пріѣздѣ въ Лондонъ онъ по собственному почину предложилъ Маццини на итальянское дѣло, «которое — прибавляетъ онъ — мнѣ близко, какъ родное», единовременно десять процентовъ со своего дохода, что составило около 200 ф. ст.

Слѣдующее письмо Маццини относится, повидимому, къ 1859 году. «Любезный другъ. Обращаюсь къ вамъ съ просьбой, не безъ смущенія, которое велитъ мнѣ преодолѣть безусловный долгъ. По причинамъ, которыя было бы безполезно излагать здѣсь въ подробности, такъ какъ обращеніе мое къ вамъ носитъ чисто личный характеръ, но которыя до нѣкоторой степени должны быть вамъ ясны изъ положенія дѣлъ въ Италіи, мнѣ нужны деньги. Нѣсколько англичанъ, которые собираютъ ихъ для меня, хотѣли обратиться и къ вамъ; но я предпочитаю писать вамъ прямо. Хотите ли оказать *мнѣ* денежную поддержку на дѣло свободы въ размѣрѣ, какой найдете удобнымъ для себя? Это разъ навсегда; я никогда не повторю этой просьбы. Я колебался, но потомъ сказалъ себѣ, что если бы вы потребовали отъ меня того же для Россіи, я далъ бы вамъ, что могъ бы, — и взялся за перо. Я не сдѣлалъ бы этого, если бы вы все еще теряли на вашихъ русскихъ изданіяхъ; но я знаю отъ васъ, что расходы покрываются и что Трюбнеръ уже получаетъ съ нихъ барышъ. Черкните мнѣ два слова и вѣрьте моей дружбѣ къ вамъ. І. М.»

Герценъ назвалъ какъ-то Маццини аскетомъ итальянскаго освобожденія; такимъ и рисуется онъ въ рѣдкихъ своихъ письмахъ къ Герцену. Онъ велъ въ Лондонѣ замкнутый образъ жизни и жилъ единственно для своего дѣла. «Умоляю васъ, — пишетъ онъ однажды Герцену, — не давайте моего адреса никому безъ исключеній. Вы дали его Г., я просилъ Г. сохранить секретъ, и онъ это сдѣлаетъ, но другіе этого не сдѣлаютъ. Если политическіе фланеры начнутъ наводнять мое убѣжище — я погибшій человѣкъ. *Говорить о политикѣ* для меня отвратительно. Я печаленъ, мнѣ нужно одиночество, — вотъ почему я никогда не выхожу днемъ, а вечеромъ иду лишь два шага — къ Стансфильдамъ. Можетъ быть мое душевное состояніе трудно понять, но оно — фактъ. Необходимо, чтобы мое мѣстопребываніе оставалось тайной. Если вы случайно дали кому-нибудь мой адресъ, скажите тѣмъ людямъ, что я перемѣнилъ квартиру; я буду вамъ признателенъ. Когда вы пишете мнѣ, адресуйте не на мое имя, а на имя С. Я не могу пріѣхать въ Ричмондъ, но навѣщайте меня, когда бываете въ городѣ». Другой разъ, благодаря Герцена за подарокъ (портретъ Ворцеля), Маццини пишетъ: «Я все надѣялся увидѣть васъ у Каролины Стансфильдъ, но тщетно. Вы замуровались въ вашей русской пропагандѣ, какъ я — въ моихъ попыткахъ дѣйствія въ Италіи. Но вы обѣщали мнѣ время отъ времени писать письма

объ отголоскахъ событій въ Россіи для «Italia del Popolo», и написали только одно. Я никогда не выхожу изъ дома, — развѣ иногда часовъ въ 9 вечера въ пивную. Если бы я бывалъ гдѣ-нибудь, то былъ бы у васъ. Почему вы не бываете по пятницамъ у Каролины Стансфильдъ? Мы всѣ собираемся тамъ—Квадріо, я и еще 5—6 итальянцевъ». Чѣмъ была для Маццини Италія, показываютъ слѣдующія строки изъ одного его письма къ Герцену: «Признаюсь вамъ, для меня загадка, какъ вы можете не понимать, что узелъ европейскаго вопроса находится сейчасъ въ Италіи, — сейчасъ или завтра, это безразлично. Тамъ будетъ разрушена австрійская имперія, тамъ будетъ низвергнуто папство, тамъ раздастся сигналъ къ разгрому Турціи, которая со всѣхъ сторонъ, половиной своего народонаселенія, связана съ Австріей. Не будь я итальянцемъ, я бы съ тѣмъ же одушевленіемъ посвятилъ себя итальянскому дѣлу. Это убѣжденіе и даетъ мнѣ смѣлость просить помощи у людей, преданныхъ, какъ вы, дѣлу европейской свободы; мнѣ кажется, что каждый изъ нихъ, какова бы ни была его спеціальная цѣль, долженъ принять участіе въ крестовомъ походѣ противъ Австріи и Бонапарта».

Между убѣжденіями Герцена и Маццини уже въ это время была цѣлая пропасть; весь поглощенный идеей политическаго освобожденія народовъ, Маццини враждебно относился къ соціализму, который не только казался ему помѣхою этому дѣлу, но и глубоко претилъ его религіозному чувству. Отношеніе къ соціализму вообще дѣлило тогдашнюю эмиграцію на два враждебныхъ стана, и если въ отдѣльныхъ случаяхъ они соединялись для совмѣстныхъ дѣйствій, то не иначе, какъ на точно выговоренныхъ условіяхъ теоретической солидарности. Въ этомъ отношеніи любопытно одно недатированное письмо Маццини. «Любезный Герценъ, — пишетъ онъ.—Я говорилъ съ Ледрю (Ролленомъ), и вотъ результатъ нашего разговора. Обнародовать воззваніе или адресъ къ Франціи за подписью трехъ или четырехъ человѣкъ, живущихъ въ Лондонѣ, значило бы до нѣкоторой степени обнаружить предъ французскимъ обществомъ тотъ недостатокъ активнаго единенія, который мы какъ разъ хотимъ устранить. Надо или ничего не дѣлать, или сдѣлать больше этого. Настоящимъ событіемъ, внушительнымъ актомъ, который взволновалъ бы общественное мнѣніе и поразилъ бы воображенія, было бы воззваніе, подписанное 20 — 24 именами, сплошь извѣстными и имѣющими какъ бы оффиціальный характеръ въ глазахъ французскаго народа, какъ В. Гюго,

Шельхеръ, Луи-Бланъ, Феликсъ Піа, Барбесъ, Шарра, Араго, Кинэ, 10—12 представителей провинцій, и т. п.—Итакъ, возможно ли это? Если кто-нибудь хочетъ и можетъ взяться за это, Ледрю-Ролленъ съ радостью подпишетъ такое заявленіе. Практически наилучшимъ способомъ было бы составить текстъ воззванія и разослать его въ копіяхъ для подписи. Собрать всѣхъ этихъ людей въ одномъ мѣстѣ немыслимо. Есть ли кто-нибудь, кто взялся бы составить текстъ? Вы знаете, что̀ Ледрю понимаетъ подъ общей почвой. Это показали наши коллективныя воззванія, и я устно изъяснилъ вамъ, о чемъ тутъ должна быть рѣчь. Свобода, республика, революція не для какой-нибудь касты, а для всѣхъ и черезъ всѣхъ, — далѣе, солидарность народовъ, всемірная республика, священный союзъ народовъ и сверхъ всего реабилитація Франціи, находящейся теперь въ упадкѣ и униженіи: таковы должны быть основные пункты; во всемъ остальномъ каждый остается независимымъ. Еще разъ, осуществимо ли это? Ледрю готовъ участвовать, но только въ этихъ предѣлахъ. Манифестація неполная, мѣстная, которая походила бы на аффишированіе квадрумвирата или квинквевирата, ему не по душѣ, и я думаю, онъ правъ. Сообщите мнѣ ваше мнѣніе объ этомъ дѣлѣ».

Съ отъѣздомъ Герцена изъ Англіи сношенія между нимъ и Маццини повидимому прервались; изъ позднѣйшихъ лѣтъ сохранилось только одно письмо Маццини, писанное, вѣроятно, въ 1868 или 69 г., когда Маццини, отказавшись принять амнистію, скитался и продолжалъ агитировать, упорно ожидая, когда Италія получитъ свой Римъ — и республику. «Любезный другъ,— пишетъ онъ ,— я получилъ ваше милое письмо изъ Ниццы. Я былъ боленъ и не могъ видѣть Т., который проѣхалъ, не останавливаясь. Теперь больной или здоровый я долженъ уѣхать по требованію Сенъ-Готардской лиги, которой нужны итальянскіе капиталы. Я остался бы наперекоръ правительству, если бы у меня была цѣль; но я не люблю позировать моей скромной личностью; поэтому я уѣду куда-нибудь, не слишкомъ далеко. Что бы они ни дѣлали, мы быстро подвигаемся къ республикѣ въ Италіи, и я чувствую потребность по мѣрѣ силъ помочь поставить локомотивъ на рельсы; разъ онъ станетъ на рельсы, найдется довольно людей, чтобы толкать его. Мое здоровье разрушено. Какъ подкопанное дерево, я стою, потому что стою, но первое дуновеніе вѣтра опрокинетъ меня; и если при моей жизни что-нибудь совершится въ Италіи, одна недѣля дѣятельности убьетъ меня. Да и

пора; каждый годъ уноситъ кого-нибудь изъ моихъ друзей... И безпрестанно вспоминается мнѣ одинъ стихъ Оссіана, т.-е. въ переводѣ Чезаротти:

E sento gli anni bisbigliar passando:
Perchè canta costui? *).

А пока прошу васъ напомнить обо мнѣ вашимъ дочерямъ и г-жѣ Огаревой, которой я, повидимому, скоро надоѣлъ. Гдѣ она? Саффи почти мнѣ не пишутъ. Я ни одной минуты не вѣрилъ въ просьбу объ амнистіи. Мы глубоко расходимся на религіозной почвѣ и частью даже на политической, и я сожалѣю объ этомъ; но я знаю васъ и никогда не сомнѣвался въ васъ съ точки зрѣнія характера. Я ни съ М., ни съ Кр., но національное чувство, даже доведенное до крайности, — залогъ польской побѣды; поэзія — другой залогъ. Что бы вы ни говорили, всѣ великія революціи въ Европѣ совершитъ національность; вы знаете, что это для меня — идея коллективной миссіи, общаго долга,—и только. Безъ этой идеи возможны только рабскіе мятежи, спартанскія войны. Вы видите только соціальный вопросъ; и я не хуже васъ чувствую, что основная цѣль—освобожденіе труда: но цѣль не совпадаетъ со средствомъ; ради соціальнаго вопроса, слава Богу, никогда не возникало крупной революціи. Я говорю «слава Богу», потому что въ такомъ движеніи доминировала бы корысть и оно дало бы намъ въ итогѣ буржуа въ блузахъ, новый эгоизмъ взамѣнъ стараго. Со времени Мараѳона всѣ великія событія вызывались національностью или религіей: англійская революція, сѣверо-американская, возстаніе Нидерландъ противъ Испаніи, Испаніи противъ Наполеона въ 1808 году, греческая революція и т. д. Но оставимъ это. Обнимемъ другъ друга во имя Свободы; это не цѣль, но великая исходная точка. Пишите мнѣ время отъ времени; я хотѣлъ бы слѣдить за вами въ вашихъ скитаніяхъ, знать, въ Женевѣ ли вы или въ Брюсселѣ. Я стараюсь всегда читать, что вы пишете. Вашъ І. Маццини»,

Эти послѣдніе годы (Маццини умеръ въ 1872 г.) съ Маццини жилъ, дѣля его непреклонныя убѣжденія и судьбу, его вѣрный старый другъ Маурицio Квадріо, тоже съ давнихъ лѣтъ прія-

*) «Слышу, какъ годы шепчутъ, проходя: почему поетъ этотъ?»

тель Герцена и Огарева. Въ числѣ его уцѣлѣвшихъ писемъ къ Герцену есть три письма 1868 — 9 гг., хорошо рисующія и самихъ этихъ старыхъ борцовъ, и ихъ позднюю симпатію къ Герцену. 29 ноября 1868 г. онъ пишетъ Герцену изъ Лугано: «Мы очень признательны Огареву и вамъ за добрую память, которую вы храните о насъ. Мы уже давно не имѣли прямыхъ извѣстій отъ васъ, но намъ было бы невозможно забыть такихъ людей и друзей, какъ вы, и ваши имена часто повторялись въ нашихъ бесѣдахъ. Впрочемъ, былъ и третій, который по временамъ являлся разсказывать намъ о васъ; это былъ «Колоколъ» — La Cloche, — который, будучи всеязычнымъ, былъ понятенъ и Маццини.—Я радъ сообщить вамъ, что Маццини находится на пути къ выздоровленію. Онъ былъ серьезно боленъ и мы провели нѣсколько недѣль въ сильнѣйшемъ страхѣ. Онъ и теперь еще очень слабъ и ему трудно писать; вотъ почему онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за вашу добрую память». Однако въ концѣ письма Маццини написалъ нѣсколько словъ: «Благодарю васъ и Огарева отъ всего сердца за выраженіе вашей дружбы. Она мнѣ дорога. Я очень слабъ и не могу долго писать. Но я цѣню и люблю васъ. Іосифъ».—9 мая 1869 года Квадріо писалъ Герцену, опять изъ Лугано: «Маццини уже нѣсколько дней въ постели по причинѣ болѣзни, которая время отъ времени мучаетъ его. Она не такъ серьезна, какъ послѣдней осенью, но все-таки онъ принужденъ лежать въ постели и не можетъ писать. Онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за память и просить васъ напомнить о немъ вашей семьѣ и Огареву. Швейцарія сгибается передъ итальянскимъ королемъ и требуетъ отъ Маццини, чтобы онъ оставилъ территорію республики; какъ только онъ будетъ въ силахъ, онъ уѣдетъ назадъ въ Лондонъ. Римъ хочетъ избавиться отъ опасности, которою грозитъ ему Ганнибалъ... — Ни Маццини, ни я никогда, ни на минуту, не усумнились въ васъ или Огаревѣ въ отношеніи борьбы за свободу, и когда до насъ дошли слухи о вашемъ возвращеніи въ Россію, мы только смѣялись. Мы рады, что борьба не утомила васъ и что вы опять взялись за ваше славное перо. Не устали и мы, и ужъ, разумѣется, не пали духомъ, а будемъ стойки до конца». — Они до зимы пробыли въ Лугано. 2 октября М. А. Бакунинъ писалъ Огареву изъ Локарно: «Благодарю тебя за письмо къ молодому старику Quadrio... Съ старикомъ мы пожалуй и немного поспорили, но легко, не слишкомъ углубляясь въ задорный вопросъ о Libertá и Socialismo. Онъ

все такъ же крѣпокъ и здоровъ и все такъ же неутомимо и неугомонно работаетъ» *). Въ началѣ ноября Бакунинъ снова пріѣхалъ въ Лугано съ намѣреніемъ поселиться здѣсь, но не нашелъ подходящей квартиры и, по совѣту итальянскихъ друзей, рѣшилъ вернуться на зиму въ Локарно. Объ этомъ 6-го ноября Квадріо пишетъ Герцену (или Огареву), выражая надежду, что климатъ Локарно, защищеннаго горами отъ сѣверныхъ вѣтровъ, окажется благопріятнѣе для Бакунина, нежели луганскій. «Бакунинъ привезъ мнѣ ваше письмо, и я благодарю васъ за память. Въ мои годы человѣкъ живетъ воспоминаніями, а хорошія хранитъ тщательно; а кто зналъ васъ, тотъ не можетъ не хранить память о васъ. Мнѣ 70-й годъ, и старость даетъ мнѣ себя чувствовать всѣми своими непріятными предостереженіями; но я могу работать, я сохранилъ мою вѣру въ торжество справедливости: она такъ же жива во мнѣ, какъ была въ 20 лѣтъ. У меня есть добрые друзья, которые меня любятъ, я бѣденъ, но доволенъ немногимъ, — мой закатъ озаренъ блѣднымъ солнечнымъ лучомъ, и я не могу пенять на свою долю». Эти послѣднія слова написаны по-итальянски, тогда какъ все письмо — французское; чтобы довершить многоязычность своего письма, Квадріо дальше выписываетъ на память по-русски, съ ошибками конечно, полдюжины стиховъ изъ «По улицѣ мостовой» и «Не садись на эту вѣтку». «Недавно, — прибавляетъ онъ,—я взялъ басню о соловьѣ и его клѣткѣ (кажется, Крылова) темою для статьи или проповѣди итальянцамъ, которые довѣрились злому охотнику—монархіи. Если моя болтовня васъ раздражаетъ, подумайте о моихъ 70 годахъ.—Нѣтъ, я не болтаю: это вспоминаетъ сердце; вотъ слово «соловей» напомнило мнѣ славнаго Соловьевича. Я видѣлъ его въ 1860 году и полюбилъ его. И сердце мое наполняется печалью, потому что уже нѣтъ дорогого энтузіаста».

ДЖ. МЕДИЧИ.

Лично, интимно, у Герцена за границей не было болѣе близкихъ и болѣе задушевныхъ друзей, чѣмъ итальянскіе рево-

*) «Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену», подъ ред. Драгоманова, стр. 228.

люціонеры,—не Гарибальди и не Мадцини, слишкомъ индивидуальные, да и слишкомъ занятые для частной дружбы, а люди второго ранга сравнительно съ тѣми, но крупные люди, чьи имена освобожденная Италія свято хранитъ въ своей памяти. Съ нѣкоторыми изъ нихъ Герценъ сблизился еще въ первую свою поѣздку въ Римъ, въ годъ революціи; но особенно тѣсно эти итальянскіе друзья сомкнулись вокругъ него въ 1850—52 гг., въ Ниццѣ и Генуѣ, и ихъ теплому участію онъ много былъ обязанъ въ несчастіяхъ, которыя такъ щедро излились на него въ эти два года. Это были: Саффи, Мордини, Медичи, Пизакане, Козенцъ, Орсини и др. Со всѣми съ ними Герценъ остался въ дружбѣ до своей или ихъ смерти. Ихъ всѣхъ онъ сдѣлалъ намъ родными, чудно изваявъ ихъ нѣжно-печальные образы на страницахъ «Былого и Думъ».

Одна изъ самыхъ привлекательныхъ фигуръ между ними—Джакомо Медичи, сподвижникъ Гарибальди, бывшій вождемъ римскихъ легіонеровъ во время обороны Рима въ іюнѣ 1849 года, прославившійся геройской защитой Vascello. Этотъ воинъ и трибунъ былъ поэтъ и мечтатель, съ нѣжной душой, съ кроткими глазами, съ изящными манерами: такимъ изображаетъ его Герценъ. Они сблизились въ началѣ 50-хъ годовъ. Лѣтомъ 1852 года Герценъ, только что похоронившій жену и страшно потрясенный, провелъ съ Медичи нѣсколько недѣль въ Генуѣ. Онъ потомъ съ благодарностью вспоминалъ добро, которое сдѣлалъ ему тогда Медичи своимъ теплымъ и полнымъ такта участіемъ,

Вотъ письмо, которое написалъ ему Медичи 6 ноября того же года изъ Генуи въ Англію, куда незадолго передъ тѣмъ уѣхалъ Герценъ.

«Милый другъ, первое письмо, которое вы написали мнѣ изъ Лондона, дало мнѣ почти увѣренность, что я буду имѣть радость опять видѣть васъ въ Генуѣ. Теперь все измѣнилось — вы пишете объ Америкѣ! Не ѣздите туда, милый Герценъ, вернитесь сюда, у васъ есть здѣсь истинные друзья. Подумайте и о томъ, что наша боевая арена—Европа; если борьба начнется въ Италіи, мы братски подадимъ другъ другу руки, мы вмѣстѣ будемъ жить боевой, бурной жизнью; это будетъ новая жизнь для насъ, полная поэзіи и чувства, которая каждый мигъ будетъ напоминать намъ: ты — сильный. Тогда кончится эта нерѣшительность, гдѣ одни толкаютъ насъ направо другіе налѣво, и гдѣ наша воля, имѣющая цѣль, гибнетъ въ бездѣйствіи. — Другъ

С. говорилъ мнѣ о васъ; я знаю, какую помощь вы оказали нашей кассѣ, и отъ всего сердца благодарю васъ. Имѣете ли вы извѣстія объ Энгельсонѣ? Я довольно давно писалъ ему въ Женеву и удивляюсь, что нѣтъ отвѣта. — Козенцъ, Пизакане, Меццокаппо и др. поручили мнѣ передать вамъ ихъ привѣтъ; мы всѣ васъ любимъ, какъ брата».

ФЕЛИЧЕ ОРСИНИ.

Тогда же, въ 1851 — 52 гг., сблизился Герценъ и съ Орсини, этимъ идеальнымъ типомъ карбонарія, однимъ изъ самыхъ безстрашныхъ людей среди богатыхъ безстрашіемъ героевъ освобожденія Италіи, сложившимъ голову на гильотинѣ въ 1858 году за неудачное покушеніе на Наполеона III. Въ тѣ трудные дни, въ Ниццѣ, и Орсини принялъ горячее участіе въ дѣлахъ Герцена.

Кто читалъ очеркъ Герцена объ Энгельсонѣ, тотъ помнитъ, конечно, эпизодъ размолвки между Герценомъ и Орсини. Эта исторія, довольно типичная для эмигрантскихъ круговъ, состояла въ слѣдующемъ. Въ Женевѣ распространился слухъ, что Орсини — австрійскій шпіонъ. Это была, разумѣется, дикая нелѣпость; но вскорѣ затѣмъ чудесное спасеніе Орсини изъ крѣпости въ Мантуѣ (а онъ былъ посаженъ туда послѣ одной изъ своихъ безумныхъ попытокъ вызвать возстаніе въ Италіи) какъ-будто подтвердило эти нелѣпые толки. Какъ бы то ни было, Герценъ однажды въ разговорѣ передалъ этотъ слухъ Энгельсону, съ которымъ былъ тогда еще очень близокъ. Когда вскорѣ затѣмъ между ними произошелъ разрывъ, Энгельсонъ въ своей неврастенической страстности передалъ Орсини слова Герцена — и не какъ слухъ, а какъ утвержденіе, припутавъ сюда еще и Саффи. Орсини былъ, разумѣется, страшно уязвленъ, чуть было не вызвалъ на дуэль и Герцена, и Саффи, но послѣдніе объяснились съ нимъ, онъ назвалъ Энгельсона, и дѣло кончилось миромъ.

Тѣ письма, которыми обмѣнялись по этому поводу Орсини и Герценъ, сохранились. Вотъ письмо Орсини (8 сентября 1856 г.); оно написано на очень дурномъ французскомъ языкѣ.

«Милостивый государь. Мнѣ нужно разъясненіе, и я довѣряю вашему благородству и вашей чести, что вы объяснитесь со мною откровенно.

«Я мужчина; у меня есть опытъ, хотя добытый въ суровой школѣ; я питаю къ вамъ дружеское чувство и думаю, что доказалъ вамъ его со времени нашего знакомства въ Ниццѣ; это должно служить вамъ порукой, что я не способенъ затѣять скандалъ съ кѣмъ бы то ни было. Я узналъ, что въ декабрѣ 1854 г., какъ разъ когда я находился въ заключеніи въ Германштадтѣ, вы сказали ни болѣе ни менѣе, какъ *что я — австрійскій шпіонъ* и *на хорошемъ жалованьи*, и что вамъ это было передано г-мъ Саффи. Это сообщилъ мнѣ случайно одинъ изъ моихъ друзей, бывшій нѣкогда вашимъ другомъ; я нисколько не сомнѣваюсь въ правильности его утвержденія, такъ какъ знаю его за благороднаго человѣка и такъ какъ, убѣждая меня не придавать значенія этому дѣлу, онъ въ то же время разрѣшилъ мнѣ воспользоваться его именемъ, если это понадобится.

«Я былъ крайне удивленъ. Бесѣдуя съ вами такъ искренно, какъ я привыкъ говорить со всѣми, я не могъ предполагать, что человѣкъ подобный вамъ, который выдаетъ себя за главу партіи, который долженъ знать, что такое партія, и который называетъ себя моимъ другомъ,—повторяю, я не могъ допустить, чтобы вы оказались способны съ такой легкостью возвести обвиненіе въ *подлости* на меня, человѣка, который всю свою жизнь пренебрегалъ всякимъ общественнымъ положеніемъ, чтобы служить идеѣ и родинѣ, который приносилъ *реальныя*, а не *воображаемыя* жертвы, страдалъ въ тюрьмахъ, а не въ гостиныхъ и библіотекахъ. Но, съ другой стороны, я долженъ отчасти васъ извинить: это—дѣло г-на Саффи, вращающагося въ нашемъ кругу.

«Словомъ, необходимо, чтобы вы письменно заявили мнѣ, что именно Ауреліо Саффи сказалъ вамъ слова, повторенныя вами одному изъ вашихъ друзей, котораго я обязываюсь тотчасъ назвать по вашему требованію.

«Я хочу разобрать это дѣло, хочу открыть источникъ, откуда оно произошло, хочу видѣть то тайное и темное, что есть въ нѣдрахъ нашей собственной партіи. Это мой долгъ по отношенію ко мнѣ самому, къ моимъ друзьямъ, готовымъ отдать за меня жизнь, и къ самой партіи, которой я членъ.

«Полагаюсь на вашу честь, что вы совершенно ясно объясните мнѣ то, что я имѣю право знать; пока прошу васъ пожать руку вашему другу, который съ вами, и вѣрить моему уваженію и дружбѣ».

Герценъ немедленно отвѣчалъ (9 сентября):

«Милостивый государь. Вы безусловно вправѣ поставить мнѣ предлагаемый вами вопросъ. Такъ вотъ до чего дошли ненависть и клевета! Я понялъ, отъ кого вы слышали фразу, о которой рѣчь.

«Я завтра переѣзжаю со всей семьей въ Путней, дайте мнѣ два дня срока, и я объясню вамъ все, пока же могу васъ увѣрить моей честью, что никогда ни Саффи, ни я не придавали вѣры чему-либо, что могло бы набросить тѣнь на васъ.

«Я сдѣлаю все возможное, чтобы раскрыть эту интригу. Я готовъ представить самое формальное опроверженіе въ присутствіи какихъ угодно свидѣтелей. Я прошу у васъ только два дня, и пока немного довѣрія.

«При первой возможности я побываю у васъ утромъ.

«Огаревъ проситъ меня передать вамъ его привѣтъ и жметъ вашу руку. Въ заключеніе искренно благодарю васъ за довѣріе, которое вы оказали мнѣ своимъ письмомъ».

Черезъ два дня Саффи и Герценъ явились къ Орсини съ объясненіемъ, которымъ и кончилось дѣло.

САФФИ.

Еще одинъ прекрасный образъ, увѣковѣченный для насъ Герценомъ, — Маркъ Аврелій Саффи. Въ 1849 году, въ періодъ кратковременнаго существованія римской республики, онъ входилъ въ составъ тріумвирата, управлявшаго Римомъ (вмѣстѣ съ Маццини и Армеллини), и завѣдовалъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Съ начала 50-хъ годовъ и онъ жилъ въ Англіи; онъ, кажется, состоялъ преподавателемъ въ одномъ изъ оксфордскихъ колледжей. Въ домѣ Герцена онъ былъ какъ родной, при ближайшемъ участіи Герцена и Огаревыхъ состоялась его женитьба. *) Его письма къ Герцену чарующъ спокойной простотой и задушевностью тона, но по содержанію они не представляютъ интереса. Приведу изъ нихъ только одно, характеризующее Саффи и его отношеніе къ Герцену.

---

*) См. «Воспоминанія» Н. А. Огаревой-Тучковой, М., 1903, стр. 133—135.

«Дорогой Герценъ, — пишетъ онъ 4 ноября 1853 года изъ Оксфорда. — Пишу вамъ два слова, чтобы изъ глубины моего уединенія напомнить о себѣ вашей дружеской памяти. Я здѣсь одинокъ и печаленъ, городокъ этотъ ветхъ и далекъ отъ всякаго дуновенія жизни и будущаго. Это городъ монашескій. Здѣшніе колледжи—монастыри, гдѣ ѣдятъ и душатъ мысль и совѣсть подъ заплѣсневѣлыми формулами королевской церкви. Однако здѣсь есть нѣсколько юношей съ душой, способной любить и предчувствовать,—и въ этихъ душахъ можетъ совершиться революція, какой старая Англія и не подозрѣваетъ. Съ ними я могу еще кое-когда разговаривать на человѣческомъ языкѣ. Послѣ этой мрачной картины вы спросите меня, почему я заточилъ себя въ этотъ моральный Шильонскій замокъ. Причина въ слѣдующемъ,— она нѣсколько матеріальна, но отъ этого не менѣе вѣска: я даю здѣсь уроки и тѣмъ могу избавить мою мать отъ денежныхъ жертвъ, которыя были бы ей тяжелы при экономическихъ условіяхъ, въ какихъ она находится. Все остальное время совершенно въ моемъ распоряженіи, и это одиночество было мнѣ, можетъ быть, даже необходимо. Послѣ того какъ человѣкъ долгіе годы участвовалъ во внѣшнихъ кризисахъ жизни, полезно немного сосредоточиться и стать на независимую точку зрѣнія, чтобы правильнѣе судить о вещахъ. Именно это и дѣлаетъ мнѣ пріятнымъ мое пребываніе въ Оксфордѣ, несмотря на его дурныя стороны».

ВЕНГРЫ. — НѢМЦЫ. — КАРЛЕЙЛЬ. — ТОРЭ.

У наслѣдниковъ А. И. Герцена хранится составленный имъ самимъ альбомъ автографовъ, гдѣ вклеены по одному или по нѣсколько писемъ къ нему его знаменитѣйшихъ современниковъ. Отъ многихъ онъ и получилъ только по одному письму, да и тѣ по содержанію не представляютъ интереса. Они любопытны только для характеристики той атмосферы многосторонникъ связей и общей симпатіи лучшихъ людей его времени, которою былъ окруженъ Герценъ въ изгнаніи. Кошутъ письмомъ, исполненнымъ уваженія, рекомендуетъ ему какого-то артиллериста; другой знаменитый боецъ за освобожденіе Венгріи, Клапка, знакомитъ его письменно съ однимъ изъ своихъ боевыхъ товарищей; Фрейлигратъ извѣщаетъ его о пріѣздѣ Клапки въ Лондонъ; швейцарскій

революціонеръ и президентъ Джемсъ Фази пріятельской записочкой назначаетъ ему свиданіе; Карлъ Шурцъ, участникъ баденскаго возстанія и освободитель Кинкеля, позднѣе сенаторъ и министръ внутреннихъ дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, недавно умершій,—въ 1855 г. пишетъ Герцену въ Лондонѣ, что принужденъ внезапно уѣхать въ Мальвернъ и оттуда назадъ въ Америку: «Вы не примете это за исполненіе простой формальности, — пишетъ онъ, — если я скажу вамъ, какой большой радостью было для меня сблизиться съ вами. Я всей душой надѣюсь, что этотъ мой короткій пріѣздъ сюда не будетъ послѣднимъ. Какъ я слышалъ, ваше рѣшеніе оставить Англію въ этомъ году нельзя считать окончательнымъ, итакъ, я можетъ быть еще застану васъ здѣсь по возвращеніи изъ Америки. Во всякомъ случаѣ, мы еще встрѣтимся когда-нибудь въ жизни и будемъ рады другъ другу». Здѣсь же — то письмо Карлейля, которое Герценъ самъ напечаталъ въ пятой книжкѣ «Полярной Звѣзды».

Въ заключеніе приведу въ выдержкахъ письмо одного забытаго теперь французскаго радикальнаго журналиста, тоже эмигранта въ Лондонѣ — Торэ, писанное въ концѣ 1852 года. Герценъ зналъ Торэ еще съ Парижа; тонъ письма, какъ увидитъ читатель, совершенно пріятельскій. Это письмо замѣчательно, прежде всего, какъ превосходный образчикъ того космополитически-революціоннаго настроенія, которое царило тогда въ европейской эмиграціи и которое такъ сильно отразилось на Герценѣ; затѣмъ любопытенъ и отзывъ о книжкѣ Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» (она вышла въ 1851 г.)

«Любезный Герценъ, я только-что съ величайшимъ интересомъ прочиталъ вашу книгу, проливающую яркій свѣтъ на Восточную Европу, которая несомнѣнно будетъ играть главную роль въ революціи 19-го столѣтія. Франція и западная часть Европы, кажущаяся центромъ или, по крайней мѣрѣ, боевой ареной революціи, живутъ въ неизъяснимой и роковой апатіи и невѣжествѣ межъ двухъ элементовъ, которыхъ онѣ не понимаютъ и которые между тѣмъ представляютъ собою оба конца революціонной цѣпи, — между Россіей и Америкой.

«Древняя міровая традиція учитъ насъ, что человѣчество подвигается на земномъ шарѣ съ Востока на Западъ; это очевидный фактъ, обладающій всей достовѣрностью историческаго закона: Индія, Персія, Египетъ, Этрурія, Греція, Римъ — тутъ вся исторія

древности. Человѣчество воспламеняется о свѣточъ Востока и безпрестанно оборачивается, чтобы передать свѣтъ Западу. Оно, можетъ быть, уже не разъ обошло земной шаръ. Болѣе пятнадцати лѣтъ назадъ я смутно выразилъ въ «Encyclopédie Nouvelle» эту идею, которая подтверждается и уясняется всѣми современными событіями. Итакъ, что же станутъ дѣлать по ту сторону океана всѣ эти милліоны европейскихъ эмигрантовъ? Что дѣлала здѣсь Россія въ началѣ этого вѣка и какая роль предназначена ей въ предстоящей великой разрухѣ? Бѣдные революціонеры, видящіе только узкій кругъ Франціи и смежныхъ съ нею странъ, только небольшую, теперь распавшуюся кучку народностей, которая составляла раньше католическій міръ, мечутся болѣзненно и слѣпо, такъ какъ не охватываютъ взоромъ всю совокупность революціи. Такъ-называемая «европейская демократія», хотя и кажется обширной, все еще погружена въ обособленность и эгоизмъ. Предразсудки ревниваго національнаго чувства и высокомѣрной цивилизаціи все еще мѣшаютъ имъ подняться на высоту дѣйствительно всемірной, общечеловѣческой мысли, —потому что теперь рѣчь идетъ именно о человѣчествѣ. Теперь преобразуется весь старый укладъ жизни—религіозный, политическій, экономическій, какъ въ эпоху римскаго упадка; всѣ народы захвачены этимъ процессомъ перерожденія, и каждый имѣетъ сказать какое-нибудь слово, чтобы разрѣшить загадку и побѣдить сфинкса.

«Въ этомъ отношеніи ваша книга драгоцѣнна и совершенно нова. Въ ней равно отразились историкъ и философъ, политикъ и истинный революціонеръ. Было бы въ высокой степени полезно, если бы всѣ, у кого есть идеи, такимъ же образомъ слагали ихъ на алтарь всеобщей революціи. Апостолы и борцы, разсѣянные по всѣмъ путямъ гоненіями стараго міра, могли бы достигнуть истины и побѣды, если бы соединили свои умы и свое мужество. Но мы сидимъ замкнуто каждый въ своей крохотной кельѣ, вмѣсто того, чтобы сложить въ одинъ великій священный костеръ всѣ наши яркіе факелы. Почему мы не передаемъ другъ другу тѣ знанія, которыя мы пріобрѣли ученьемъ и размышленіемъ? Вѣдь каждый изъ насъ стоитъ на другой точкѣ зрѣнія, каждому его національность, воспитаніе и жизненный опытъ дали иныя способности, другое призваніе. Революціонеры могли бы теперь образовать одинъ большой соборъ,

гдѣ были бы представлены всѣ отдѣльныя ноты человѣческой жизни и гдѣ, безъ сомнѣнія, онѣ обрѣли бы свою гармонію...

«Какимъ же способомъ можно сблизить идеи и освѣтить ихъ одну другою? Какъ организовать взаимное обученіе обширной политической богемы, блуждающей въ изгнаніи и призванной со временемъ обучить народы? Какъ жаль, что мы не пользуемся, по крайней мѣрѣ, нашими встрѣчами внѣ нашихъ отчизнъ, чтобы пріуготовить ту общую отчизну, которую мы ищемъ, — свободу и истину! Среди временныхъ неудачъ революціи и соціализма больше всего огорчаетъ меня мысль, что всѣ эти побѣжденные нынѣшняго дня не укрѣпляются, чтобы побѣдить въ близкомъ будущемъ. Отдѣльныя личности и народы рискуютъ впасть въ тѣ же ошибки, которыя только что поглотили безслѣдно столько жертвъ, столько страданій и героизма. Если бы соціализмъ былъ понять въ своей всеобщности, онъ спасъ бы будущую революцію. Но, къ несчастію, большинство революціонеровъ не заботится о томъ, чтобы что-нибудь понять.

«...Ваша книга меня поразила. Въ то время какъ Франція и западная часть Европы составляютъ свои крохотные революціонные проекты, въ то время какъ наиболѣе смѣлые мыслители революціи включаютъ въ движеніе будущаго три или четыре народа, какъ напримѣръ, Францію, Италію, Германію,— и считаютъ, что это уже очень много съ ихъ стороны, а на Россію смотрятъ лишь какъ на врага, — вы вдругъ заявляете: «Осторожнѣй! Насъ здѣсь *пятьдесятъ милліоновъ*, тоже людей! Въ вашихъ глазахъ мы не больше, какъ угроза. Но вы ошибаетесь; революція, которой вы считаете себя представителями, гораздо шире: ею охвачено все человѣчество! И мы, кого вы называете варварами, мы такъ же близки къ истинѣ, какъ вы, образованные. Мы, можетъ быть, ближе къ соціализму, чѣмъ вы. У насъ нѣтъ, какъ у васъ, массы учрежденій, которыя стѣсняли бы насъ, и, наоборотъ, у насъ много старыхъ учрежденій, наивныхъ и зачаточныхъ, которыя легче могутъ быть обращены на службу новому, нежели вся мишура вашей цивилизаціи. Вы воображаете себя великими философами, и не знаете даже того, что вотъ уже тридцать лѣтъ наша страна служитъ ареною борьбы для всѣхъ вашихъ идей и кладбищемъ для борцовъ и героевъ, которые страдали и умерли за эту же истину». Вотъ что вы открываете западнымъ революціонерамъ, которые и не подозрѣвали, что ихъ дѣло имѣетъ такіе

размѣры. Потому-то и было бы полезно, чтобы такую книгу, какъ ваша, прочитали всѣ безпокойные умы, ищущіе смысла и средствъ революціи, всѣ впавшіе въ унынie, которые въ виду частичнаго и временнаго пораженія не догадываются, что революція неотвратима и что она оживетъ всюду, каковы бы ни были промахи и ошибки людей, неумѣлость и трусость партій.

«Теперь позвольте мнѣ также сказать вамъ, что ваша книга недостаточно ясна для людей, не посвященныхъ заранѣе въ столь мало извѣстную исторію Россіи. Вы удивительно схватили глубокія черты, характеризующія вашъ народъ, и его традиціи, предрасполагающія его къ новизнѣ; но для воспитанія читателя были бы нужны болѣе систематическое изложеніе и болѣе выпуклый анализъ. При небольшомъ усиліи эта книга могла бы стать моральной исторіей и живымъ портретомъ Россіи, а въ настоящемъ своемъ видѣ она заставляетъ обо многомъ догадываться, потому что авторъ считаетъ своего читателя уже освѣдомленнымъ и внушаетъ желаніе узнать все. Пишите же другія книги: у васъ есть много о чемъ намъ разсказать. Сожалѣю, что у меня нѣтъ газеты или журнала, которые были бы мнѣ открыты: я непремѣнно напечаталъ бы изложеніе вашихъ «Революціонныхъ идей въ Россіи».

ЗАМѢТКИ.

Н. И. Тургеневъ въ молодости.

Весною 1911 года вышелъ первый томъ издаваемаго особою комиссіею при Академіи Наукъ «Архива братьевъ Тургеневыхъ». Главное содержаніе этого большого тома составляютъ дневники Николая Ивановича Тургенева за 1806 — 1811 годы. Н. И. Тургеневъ занимаетъ видное мѣсто въ первомъ ряду умственныхъ дѣятелей Александровскаго времени; человѣкъ большого ума и широко образованный, онъ, безъ сомнѣнія, и вообще благотворно вліялъ на русскихъ людей и русскія дѣла, какъ въ личномъ общеніи, такъ и въ своей государственной службѣ; въ частности же его главной заслугой, какъ извѣстно, является его убѣжденная, настойчивая, неумолчная въ теченіе многихъ лѣтъ пропаганда идеи освобожденія крестьянъ. Но все это — и вліяніе, и пропаганда, и общественная дѣятельность—относится уже къ позднѣйшимъ, зрѣлымъ годамъ его жизни. Здѣсь, въ первомъ томѣ «Архива», мы знакомимся съ Тургеневымъ-юношей, Тургеневымъ-студентомъ, въ возрастѣ отъ 17 до 22 лѣтъ *). Никакого общественнаго интереса, въ обычномъ смыслѣ этихъ словъ, настоящій томъ не представляетъ; но онъ представляетъ большой историко-психологическій интересъ.

Предъ нами московскій юноша изъ зажиточной и просвѣщенной семьи, получившій тщательное воспитаніе подъ руководствомъ отца (извѣстнаго масона, директора московскаго университета, И. П. Тургенева) и отъ отца же усвоившій серьезные интересы и гуманное направленіе мысли. Начало дневника совпадаетъ съ мо-

---

*) Н. И. Тургеневъ родился въ 1789 г.

ментомъ окончанія Н. Тургеневымъ Университетскаго пансіона; послѣ этого онъ еще $1^1/_2$ года проводитъ въ Москвѣ, слушая лекціи въ университетѣ, а въ половинѣ 1808 года уѣзжаетъ въ Гёттингенъ, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ проходитъ университетскій курсъ; съ отъѣздомъ изъ Гёттингена обрывается напечатанный пока дневникъ. Всѣ эти годы Тургеневъ усердно работаетъ: очень много читаетъ, дѣлаетъ выписки изъ читаемыхъ книгъ, записываетъ лекціи, учится языкамъ, подъ конецъ пишетъ диссертацію. Но его занятія исторіей, правомъ и финансами насъ не занимаютъ: намъ интересна только его внутренняя, душевная жизнь за эти годы.

Странное дѣло: дневникъ молодого Тургенева на всемъ своемъ протяженіи исполненъ такой мрачной меланхоліи, какой никто не могъ бы предполагать въ здоровомъ и прилежномъ юношѣ. Если на первыхъ страницахъ дневника тяжелыя настроенія Тургенева и имѣли реальную причину (болѣзнь и вскорѣ послѣдовавшая смерть горячо любимаго отца), то ею все-таки нельзя объяснить *универсальность* его пессимизма. Какъ бы тяжело ни было личное горе, въ 17-тилѣтнемъ человѣкѣ оно обыкновенно локализуется и не влечетъ за собою перерожденія всей душевной организаціи. Но и спустя четыре года по смерти отца Тургеневъ совершенно такъ же безнадежно смотритъ на жизнь, и если усиленныя занятія въ Гёттингенѣ даютъ ему временный покой и забвеніе, то въ сознаніи онъ остается попрежнему крайнимъ пессимистомъ.

Онъ часто, особенно въ началѣ, жалуется на скуку; первая тетрадь дневника, 1806—7 гг., даже такъ и озаглавлена: *Моя скука;* позднѣе, въ Гёттингенѣ, онъ счастливъ тѣмъ, что поглотившая его работа спасаетъ его отъ скуки. Но скука—не точное слово; его душевное состояніе—не скука, а тоска, ипохондрія, наполовину нервнаго, наполовину философскаго происхожденія, иначе говоря — «міровая скорбь».

Онъ не видитъ въ мірѣ ничего свѣтлаго, ничего утѣшительнаго; жизнь кажется ему юдолью страданій, царствомъ безсмысленной и жестокой случайности. Человѣкъ терпитъ неисчислимыя бѣдствія, его радость минутна, надежды обманчивы, и труды, и подвиги, и славу — все поглощаетъ смерть. «Брошенный неумолимымъ рокомъ въ безконечное пространство міра, человѣкъ вездѣ встрѣчаетъ скуку (въ самомъ обширномъ смыслѣ)... Скажи, философъ, гдѣ щастіе, гдѣ спокойствіе?... нѣтъ словъ для выраженія всей скуки, всѣхъ ужасовъ, испытываемыхъ человѣками, нещастными произведеніями сего міра. Глупые люди, почитающіе сей свѣтъ лучшимъ и совершеннымъ, нещастные зараженные оптимизмомъ, — станете ли еще

утверждать намъ справедливость своей системы? Никакой Цицеронъ, никакой Рафаэль не можетъ изобразить всѣхъ бѣдствій человѣческихъ — трудъ напрасный. Но, скажетъ какой-нибудь Панглосъ: ты говорилъ это во время твоего нещастія, послужившаго тебѣ же къ пользѣ, а въ веселый часъ, въ иное время станешь говорить противное. — Нѣтъ, нѣтъ, какъ бы я ни былъ веселъ, какъ бы ни былъ щастливъ, всегда, при сей ужасной мысли о нещастномъ человѣчествѣ, сердце мое содрогнется». Эти строки были писаны дѣйствительно въ дни личной скорби, но совершенно такъ же высказывается Тургеневъ и въ спокойномъ состояніи, два-три года спустя. Провожая 1810-й годъ, онъ пишетъ: «Идетъ время, проходятъ дни за днями, годы за годами, и мы непримѣтно приближаемся къ той ужасной неизвѣстности, поглощающей и всѣхъ, и вся въ неизмѣримой пучинѣ вѣчности. Сіе приближеніе, составляющее жизнь человѣческую, подлинно непримѣтно. Нещастія заставляютъ людей чувствовать, что они живутъ; щастіе ихъ усыпляетъ — жестокая участь бѣдныхъ смертныхъ!» Его поражаетъ странный механизмъ человѣческой жизни: человѣкъ вѣчно стремится къ счастію, вѣчно надѣется, — ни одна надежда не оправдывается, а онъ все надѣется; ежедневно на нашихъ глазахъ смерть сметаетъ плоды трудовъ человѣческихъ, и, бросивъ горсть земли на могилу усопшаго, мы тотчасъ начинаемъ снова суетиться о мірскомъ и забываемъ объ участи, общей всѣмъ смертнымъ. Эта безпечность спасительна для людского рода, безъ нея все остановилось бы, и конечно она вложена въ насъ вѣчной мудростью, но отъ этого жизнь человѣческая не становится лучше. Оттого философъ не можетъ безъ содраганія смотрѣть на людскую толпу: какъ жалки ихъ утѣхи, какъ ничтожно то, въ чемъ они находятъ сладкое забвеніе! «Люди! люди! престаньте раздирать нѣдра свои и напоять землю кровію вашею (и) себѣ подобныхъ. Взгляните, взгляните на своихъ собратій человѣковъ, утопающихъ въ пучинѣ золъ и нещастій. Постыдитесь самихъ себя, собственнаго своего безумія!»

Эти мысли не изрѣдка посѣщаютъ Тургенева — онѣ преслѣдуютъ его, онѣ возникаютъ въ немъ по всякому поводу и сплошь да рядомъ безъ всякаго повода. 2-го мая 1807 года онъ сидитъ на балконѣ (въ Петербургѣ, на Фурштатской), покуривая трубку. Первый предметъ, представляющійся его глазамъ, есть Таврическій садъ. Это названіе приводитъ ему на память Потемкина; онъ начинаетъ размышлять о судьбѣ этого человѣка — о его быстромъ возвышеніи и конечномъ паденіи: «Вотъ участь человѣка: блеснетъ—

и потухнетъ на вѣки». Съ Таврическаго сада онъ переводитъ взглядъ на Реформатскую церковь, и сердце его мгновенно сжимается скорбью: какъ слѣпы и жестоки люди! Богъ единъ, но они раздѣлились на враждующія церкви, и кровь лилась рѣками. Чтобы освободиться отъ этихъ гнетущихъ мыслей, онъ отвернулся отъ кирки и увидѣлъ Литейную, — «и сердце мое при семъ имяни облилось кровію. Улица сія получила свое имя отъ литейнаго двора. Тутъ льютъ пушки, пули, бомбы и все, принадлежащее къ Артиллеріи. — Что? для чего льютъ это? Для того, чтобъ убивать людей, себѣ подобныхъ... Война! война! При семъ имяни сердце чувствительное содрогнется! Величайшее зло изъ всѣхъ золъ земныхъ! Зачѣмъ воюютъ и проливаютъ кровь? Гоняются за славой, за пустой славой». — «Вотъ ужасныя мысли, занимавшія меня на балконѣ; но трубка выкурилась и возвратила меня въ мою комнату, возвратила меня скукѣ. Но скука лучше ужаса».

Такъ все питаетъ въ немъ меланхолію. Описываетъ ли онъ въ дорожномъ дневникѣ водопадъ на рѣкѣ Наровѣ, — громады водъ, стремящихся наперерывъ погрузиться въ вѣчность, — онъ неизмѣнно вспомнитъ: «Люди всегда торопятся, и туда же!» видитъ ли полуразвалившійся домъ у дороги, — мысль его тотчасъ пробуждена: «О время! Что устоитъ противъ, чего не измѣняетъ роковая коса твоя!» Съѣздилъ изъ Берлина въ Потсдамъ — и по возвращеніи, описывая видѣнное тамъ, неизмѣнно прибавитъ: воображалъ ли я когда-нибудь быть въ Потсдамѣ, видѣть дворцы прусскихъ королей и пр.? «Такъ человѣкъ не знаетъ сегодня, что съ нимъ будетъ завтра».

Въ этомъ мірѣ случайности, смерти, страданій и человѣческаго безумія онъ чувствуетъ себя, конечно, очень плохо. На что опереться, въ чемъ искать утѣшенія? Еще будь у него вѣра, — съ нею легче жить; но у него нѣтъ вѣры. Онъ *хочетъ* вѣрить, что есть Провидѣніе, но *видитъ* онъ только—Рокъ. Въ высшей степени замѣчательна слѣдующая запись, помѣченная 14 января 1807 года, 11 часовъ ночи: «Все безмолвствуетъ, но душа моя въ волненіи; я бесѣдую самъ съ собою. Никогда не былъ я такъ растроганъ, какъ теперь. Я сказалъ передъ засыпаніемъ: *дай, Господи, въ нощь сію сохранитися мнѣ безъ грѣха*, и что-то почувствовалъ необыкновенное; зачалъ читать: *Тебѣ Бога хвалимъ* и прочелъ все со слезами; просилъ Бога о помилованіи моего отечества. Мысли атеистическія отравляли мое моленіе, бесѣдованіе съ Творцемъ Природы. Я рыдалъ, просилъ Всемогущаго, чтобъ научилъ меня вѣрить. Я гово-

рилъ въ величайшемъ волненіи духа: Тебѣ ли, о слабой смертный, испытывать неисповѣдимое? Ты ли, ты ли, ты ли, о слабой смертный! — Боже, Боже! — ты ли дерзаешь сомнѣваться въ Существѣ Существа Непостижимаго? Ты ли, ты ли, ты ли, о слабой смертный! Боже, Боже! Сердце чисто во мнѣ созижди и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Не отвержи мене отъ лица Твоего, и духа Твоего Святаго (есть ли Онъ есть) не отыми отъ мене. Господи, иже пресвятаго твоего духа въ третій часъ, и проч. — О, чрезвычайное волненіе души моей! Никогда, никогда этого со мною не случалось» (но онъ тутъ же приписываетъ: «Случалось, да не помню»). И вслѣдъ затѣмъ онъ пишетъ длинное стихотвореніе-молитву, гдѣ есть такія строки:

Содѣлай, чтобы я, погрязшій въ тьмѣ порока,
Возникъ изъ глубины житейской суеты
И Провидѣнія бъ не чтилъ я волей Рока!
Есть въ свѣтѣ Богъ! Есть Богъ — и всѣ щастливы мы.

Это сомнѣніе присуще ему неизмѣнно. Въ другомъ мѣстѣ онъ заступается за суевѣрія простыхъ людей: кто можетъ опредѣлить, чему должны люди вѣрить? если просвѣщенные вѣрятъ въ единаго Бога, то гдѣ ручательство, что и они не ошибаются въ понятіи Творца? Въ концѣ-концовъ онъ выработалъ себѣ религіозное убѣжденіе, раціоналистическое по смыслу и утилитарное по назначенію: мы не знаемъ причины, почему мы брошены въ этотъ міръ, но мы должны вѣрить, что Богъ, безконечно добрый и безконечно мудрый, устраиваетъ все съ благимъ намѣреніемъ, а такъ какъ здѣшняя жизнь очень дурна, то мы должны вѣрить въ будущую жизнь, лучшую настоящей, т.-е. въ безсмертіе нашей души.

Такая нарочитая, выведенная изъ посылокъ вѣра, разумѣется, была безсильна укрѣпить душу, дать силы на жизнь. Итакъ, чѣмъ же жить? Надеждою, какъ всѣ люди? Но Тургеневъ былъ убѣжденъ, что надежда, и вообще обманчивая, его обманываетъ еще горше, чѣмъ другихъ: чего бы онъ ни ждалъ, то уже навѣрное не случится. Онъ начинаетъ просто бояться жизни; «и для того-то, — пишетъ онъ,—боюсь ожидать чего-нибудь хорошаго, и если когда ожидаю чего-нибудь хорошаго, то вспомня о моемъ ожиданіи, стараюсь отвратить его, какъ будто бы это могло отвратить происшествіе. Какая мѣлкая слабость!»—и какая болѣзненная мнительность въ 18 лѣтъ! Въ болѣе спокойномъ состояніи онъ поетъ гимны надеждѣ, какъ единственной утѣшительницѣ человѣка, но опять-таки при-

знается, что онъ только *вѣритъ* въ надежду, но рѣдко надѣется. Подчасъ энергія на жизнь совсѣмъ изсякаетъ въ немъ; жизнь кажется ему несносной, отвратительной. Весною 1807 года, въ Петербургѣ, онъ доходилъ до мысли о самоубійствѣ; 22 марта этого года онъ писалъ въ дневникѣ: «Какъ скучно жить на семъ свѣтѣ, хотѣлъ бы съ нимъ проститься не натуральнымъ образомъ, прервать насильно нить нещастной и скучной жизни». Четыре года спустя, въ Гёттингенѣ, онъ пишетъ: «Часто досадую я на мой характеръ, но его и самъ не понимаю. Часто находятъ на меня минуты, въ которыя всѣ окружающіе предметы дѣлаются отвратительными; на все досадую, а между тѣмъ не знаю подлинной причины сего. Иногда бездѣлицы, совершенно незначущія, взглядъ, слово, дѣлаютъ меня на нѣсколько часовъ мрачнымъ...» Здѣсь явно чувствуется болѣзненная нервная возбудимость; но замѣчательно то, что нервность молодого Тургенева порождаетъ въ немъ не мажорныя, а неизмѣнно минорныя, ипохондрическія настроенія.

Мучительно страдая отъ этихъ настроеній, онъ самъ много размышлялъ о своемъ характерѣ. Источникомъ своихъ страданій онъ считаетъ излишнюю чувствительность сердца. Онъ хотѣлъ бы быть твердъ какъ дерево, какъ камень. Онъ говоритъ себѣ: сердце дано человѣку Творцомъ на то, чтобы чувствовать Его благость и наслаждаться жизнію; почему же *мнѣ* сердце дано на то, чтобы ежеминутно раздираться печальными размышленіями, почему мнѣ суждено всегда чувствовать одно непріятное? и онъ молится: «Всемогущій! Сотвори, да сердце и чувства мои оживотворяютъ, а не уничтожаютъ меня, — да содѣлаютъ жизнь мою сносною!» Разъ въ немъ нѣтъ живой вѣры, его единственное спасеніе (онъ это хорошо понимаетъ) въ стоическомъ самообладаніи; и уже теперь ясно, что именно въ этомъ направленіи пойдетъ его душевное развитіе. Онъ пока еще далекъ отъ спокойнаго стоицизма, но время отъ времени у него вырываются бурныя вспышки самоутвержденія наперекоръ року и Провидѣнію, и, съ другой стороны, въ его размышленіяхъ о его личной будущности ему предносится стоическій идеалъ самоотреченія въ служеніи долгу. Такая вспышка Прометеева огня, вызовъ небу и судьбѣ, — запись, сдѣланная въ Потсдамѣ въ 1808 году. Онъ легъ спать, но ему не спалось, онъ думалъ о Москвѣ; вдругъ пришла ему въ голову, по обыкновенію, мрачная мысль: что если бы онъ теперь получилъ извѣстіе о смерти одного изъ близкихъ ему людей? «А! думалъ я, я бы сталъ отвѣчать, что это извѣстіе произвело во мнѣ страшный ужасъ, страшное волненіе, но что

я перенесъ его хладнокровно. Пусть, написалъ бы я въ отчаяніи, пусть люди питаются пустою мечтою, которую они зовутъ Провидѣніемъ: естьли оно существуетъ, то пусть смѣется надъ бѣдными муравьями, ползающими на этой поганой землѣ, пусть забавляется ихъ судьбою, пусть ругается бѣдными смертными, но я останусь непоколебимъ, и при таковыхъ ударахъ можно бы всегда лишать себя жизни!»

И вотъ, съ тѣми данными о себѣ, которыя уже были ему ясны, онъ размышляетъ о планѣ своей дальнѣйшей жизни. Особенно часто эти мысли посѣщали его подъ конецъ его гёттингенской жизни. Онъ знаетъ, что причина его страданій — печальныя размышленія, источникъ которыхъ — чувствительное сердце. При каждомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, даже при простомъ созерцаніи ея, въ немъ поднимается рой мрачныхъ чувствъ и безотрадныхъ мыслей; итакъ, быть можетъ, для него лучшее—уйти изъ міра въ тишину, въ безвѣстность, въ дремотный покой. Но удастся ли ему и тутъ забыться? скроется ли онъ отъ зрѣлища чужихъ несчастій и не будетъ ли оно и тутъ тревожить его чувство и мысль? Есть другое, болѣе дѣйствительное средство: ему нужно устроить свою жизнь такъ, чтобы совсѣмъ заглушить мрачный голосъ, звучащій внутри его; значитъ, ему нужно жить въ шумѣ и бореніяхъ свѣта, въ непрестанномъ волненіи. Такая жизнь ему претитъ, — онъ хотѣлъ бы перваго, т.-е. идилліи, но она несовмѣстима съ его мрачнымъ характеромъ. «Заботливая жизнь, исполненная безпрерывныхъ безпокойствъ и даже опасностей, нужна или можетъ быть полезна для мрачнаго духа, смотрящаго на все съ горкостію и какимъ-то негодованіемъ и зараженнаго меланхоліею... Въ безпрерывныхъ заботахъ жизнь моя протечетъ непримѣтно, я не буду имѣть времяни обращать вниманія на себя и видѣть въ полнотѣ свое нещастье: жизнь пройдетъ, какъ безпокойный сонъ»; и онъ говоритъ, обращаясь къ самому себѣ: «Тебѣ надобно жить въ безпрестанномъ забвеніи самаго себя; надобно только стараться съ злобнымъ удовольствіемъ сталкивать съ себя дни и годы и съ остервененностію приближаться къ гробу».—Нещастный характеръ!» Эти строки писаны въ началѣ 1811 года. Тургеневу шелъ уже 22-й годъ; онъ до тонкости узналъ себя и сумѣлъ найти подлинный корень своего недуга. Его горе—отъ мысли, ему нужно только не размышлять; счастія ему не будетъ, но самозабвеніе можетъ дать ему по крайней мѣрѣ относительный покой. Въ маѣ этого же года, вернувшись съ вечерней прогулки и записавъ грустныя мысли, возникшія у него на прогулкѣ, онъ кон-

чаетъ свою запись словами: «Щастливы тѣ, кои смотрятъ на захожденіе солнца и — ни о чемъ не думаютъ!» Если бы спросить теперь Тургенева, кѣмъ онъ хотѣлъ бы быть, онъ не колеблясь отвѣтилъ бы: непосредственнымъ человѣкомъ, не раздвоеннымъ, съ *единымъ* центромъ душевной жизни. У него ихъ два: одинъ законный — это природный разумъ, воля Бога въ человѣкѣ, другой беззаконный — разсудокъ.

Въ эти самые годы складывались общественные взгляды Тургенева, и, какъ естественно, они съ самаго начала приняли то самое направленіе, въ какомъ шли его личная внутренняя жизнь и личное самосознаніе. Еще до того, какъ онъ созналъ характеръ своей болѣзни, онъ чувствомъ уже влекся къ душевной цѣльности, инстинктивно обожалъ ее. Не въ книгахъ Руссо, а въ собственномъ чувствѣ нашелъ онъ мѣрило для расцѣнки человѣческихъ дѣлъ, — Руссо могъ только уяснить ему его смутно сознаваемую правду. Это мѣрило — природа, т.-е. тотъ самый природный разумъ, вложенный Богомъ въ человѣка; онъ *одинъ* долженъ опредѣлять собою поведеніе людей; разсудокъ долженъ быть только его слугою. Вотъ слова Тургенева: «Мнѣ кажется, что люди до тѣхъ поръ не могутъ быть щастливы (я разумѣю вообще, а не въ особенности, — т.-е. родъ человѣческій), пока они не придутъ въ натуральное существованіе, т.-е. пока всѣ ихъ поступки, дѣла важныя и мѣлкія, однимъ словомъ *все* не будетъ согласоваться съ Природою... Законъ человѣка натуральнаго (естьли можно такъ сказать) находится у него въ сердцѣ: такой законъ не можетъ быть несправедливымъ или опаснымъ по тому самому, что онъ есть законъ сердца, совѣсти. Онъ вопіетъ, даже и у самаго злодѣя, вопіетъ изъ глубины сердца, закрытаго для добродѣтели и человѣколюбія... Тогда, повторю еще, тогда будутъ щастливы смертные, когда Природа будетъ закономъ ихъ существованія, а разумъ — подпорою сего закона». Какъ примѣръ такого закона, онъ приводитъ «правило»: не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ другой дѣлалъ. Ту же мысль онъ выразилъ и въ стихахъ:

Законъ Природы — есть святѣйшій,
Которой *всѣ* должны хранить,
А разумъ истинный, чистѣйшій
Щитомъ *закона* долженъ быть
(Или: *Закона духомъ долженъ быть*).

Онъ самъ, въ своемъ сочувствіи угнетеннымъ классамъ народа,

въ своемъ рано (уже 1810 г.) созрѣвшемъ рѣшеніи посвятить свою жизнь «улучшенію состоянія земледѣльцевъ», т.-е. уничтоженію крѣпостного права, руководился именно этимъ голосомъ сердца, закономъ Природы.

Не знаю, какъ для другихъ, — для меня исторія душевной жизни молодого Тургенева имѣетъ поглощающій интересъ. Этотъ старый дневникъ кажется мнѣ драгоцѣннымъ документомъ по вопросу, который я считаю кореннымъ для всей міровой цивилизаціи, — по вопросу о расколѣ между органическимъ разумомъ и дискурсивнымъ, логическимъ мышленіемъ въ человѣкѣ. Эта тяжба уже столѣтія идетъ на всемъ протяженіи культурнаго человѣчества, время отъ времени устанавливается сравнительное равновѣсіе двухъ борющихся силъ, — тогда людямъ становится легче жить, — затѣмъ опять одолѣваетъ одна сторона, и такъ борьба идетъ все crescendo. Мы переживаемъ, кажется, одинъ изъ сильнѣйшихъ кризисовъ этой борьбы; обѣ стороны напрягаютъ крайнія усилія, чтобы отстоять свои позиціи. Нѣтъ основаній думать, что міръ близокъ къ развязкѣ, — довольно и того, если опять наступитъ временный покой, уже на высшей ступени. Эта борьба совершается стихійно въ глубинѣ отдѣльныхъ душъ, но и мы сами — не только жертвы и зрители, мы и участники ея. Если въ цѣломъ исходѣ борьбы моя роль ничтожна, то она все же дѣйствительна, какъ роль отдѣльнаго солдата въ сраженіи; а главное, для меня лично—отъ меня зависитъ все, и поскольку я въ себѣ сумѣю дать побѣду внутреннему голосу или разсудку, постольку помогу торжеству того или другого во всемъ человѣчествѣ. И вотъ, знать донынѣшній ходъ этой борьбы— дѣло первостепенной важности. Тяжба эта не была простымъ пререканіемъ, топтаньемъ на мѣстѣ; на протяженіи временъ и поколѣній обѣ стороны послѣдовательно раскрывали свои врожденныя силы, и въ борьбу вовлекались все болѣе сложные, все болѣе глубокіе элементы человѣческой воли и человѣческаго разсудка, такъ что каждый фазисъ борьбы былъ инымъ, прогрессивнымъ. Мы бредемъ ощупью по нашей дорогѣ, а если бы мы знали исторію этой борьбы, мы стали бы дѣлать наше дѣло какъ зрячіе. Поэтому все, что можетъ служить къ составленію такой исторіи, драгоцѣнно, и поэтому драгоцѣненъ и дневникъ Тургенева.

Эта общечеловѣческая борьба шла, и идетъ, разумѣется, и въ русскомъ обществѣ, и здѣсь приняла своеобразныя формы, — какія, объ этомъ еще нельзя судить. Надо тщательно собирать и изучать матеріалъ о каждомъ отдѣльномъ, возможно - маломъ

этапѣ этой борьбы на русской почвѣ. Дневникъ Тургенева поможетъ узнать въ этомъ смыслѣ русское общество на порогѣ 19-го столѣтія. Борьба, о которой идетъ рѣчь, каждый разъ избираетъ своей ареною наиболѣе чуткія организаціи: только ихъ душевная драма и является показательной. Нечего и говорить о томъ, какъ важна порою, по существу дѣла, исторія внутренней жизни отдѣльнаго исключительнаго человѣка, не укладывающагося въ рамку своего времени. Но для общей исторіи вопроса важны среднія изъ тѣхъ показательныхъ личностей, и важны не по одиночкѣ, а въ сопоставленіи со своими собратами по мѣсту и времени; только тогда можно на нихъ изучить данный фазисъ борьбы.

Я знаю, какъ осторожно надо обращаться со словами «типъ» и «типичный», и тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь сказать, что чувства и мысли, волновавшія Н. Тургенева въ 1806—1811 гг., были въ высшей степени типичны для его сверстниковъ изъ того же общественнаго круга. Изъ поэзіи, дневниковъ и переписки того времени можно извлечь огромный сводъ высказываній, совершенно тождественныхъ тѣмъ, какія мы читаемъ въ дневникѣ Тургенева. Дѣло, конечно, не въ сходствѣ отдѣльныхъ чувствъ или размышленій, а въ тожествѣ общаго настроенія и вытекающей изъ него системы воззрѣній. Самая разительная аналогія — это Батюшковъ. Онъ на два года старше Тургенева; при всемъ различіи натуръ, воспитанія и занятій, на общей почвѣ принадлежности къ одному и тому же поколѣнію и одному культурному кругу, равно какъ и одноороднаго чтенія (Руссо, Шатобріанъ и пр.), оба переживаютъ одну и ту же драму и проходятъ одинъ и тотъ же путь мысли. Въ стихахъ Батюшкова — та же скорбь о бѣдственной судьбѣ человѣка, о бренности всего земного:

Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ,
Всѣ дни утратами считаемъ...

Увы, здѣсь всякъ отягощенъ
Ярмомъ печалей и цѣпями...

словомъ, то же скорбное раздумье Мельхиседека о жалкой судьбѣ человѣческой; въ его статьяхъ и письмахъ — то же, какъ у Тургенева, меланхолическое философствованіе по поводу видѣннаго, та же горечь въ разсужденіяхъ о злобѣ и суетности людей и та же личная безрадостность и безнадежность. Видъ Вольтерова замка, видъ писемъ Вольтера, лежащихъ на столѣ, погружаютъ Батюшкова

въ глубокую печаль. «Въ нихъ (въ письмахъ Вольтера) все напоминаетъ о временахъ прошедшихъ, о людяхъ, которые всѣ исчезли съ лица земного со своими страстями, съ предразсудками, съ надеждами и съ печалями; неразлучными спутницами бѣднаго человѣчества. Къ чему столько шума, столько безпокойства? Къ чему эта жажда славы и почестей? спрашиваю себя, и страшусь найти отвѣтъ въ собственномъ моемъ сердцѣ». Письма Батюшкова съ 1809 года полны такихъ признаній: «Я становлюсь въ тягость себѣ... Я пилъ горести, пью и буду пить... Жить скучно; ничто не утѣшаетъ. Время летитъ то скоро, то тихо; зла болѣе, нежели добра; глупости болѣе, нежели ума; да что и въ умѣ?.. Радостей, клянусь тебѣ небомъ, давно не знаю... Локкъ говоритъ мнѣ: для счастія своего ищи, ищи истины. Но гдѣ она? Былъ ли онъ самъ меня счастливѣе?.. Есть ли у меня желанія? Есть ли надежда? Я часто себя спрашиваю, и отвѣчаю: нѣтъ!» и т. п., во множествѣ (а я цитировалъ еще только раннія письма Батюшкова, до 1813 года). И онъ, какъ Тургеневъ, алкаетъ «твердости духа», которой часто не имѣетъ, «будучи (рина боговъ!) чувствителенъ къ огорченіямъ», — и его снѣдаетъ *мысль*. Это — самое большое его страданіе. При видѣ непрочности всего земного, суетности міра и собственной слабости онъ теряется, *его умъ гибнетъ среди сомнѣній*, меркнутъ всѣ прелести жизни и геній поэзіи въ горести гаситъ свой свѣтильникъ. Батюшковъ не обладалъ тою силою аналитической мысли, которая дала возможность Тургеневу распознать причину его страданій: разсудочное мышленіе, рефлексію; но инстинктивно онъ нашелъ тотъ же путь, какъ и Тургеневъ, — именно бѣжать отъ мысли внутрь себя, къ своему природному «я»; стоило ему «вопросить гласъ совѣсти своей»,—

И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды.

Удивительное сходство Батюшкова съ Тургеневымъ объясняется тѣмъ, что существуютъ извѣстныя обязательныя ассоціаціи чувствъ и идей, которыя въ общихъ чертахъ неизмѣнно и въ неизмѣнной послѣдовательности навязываются и несходнымъ людямъ, разъ есть на лицо соотвѣтственная предпосылка, т.-е. одинаковое въ цѣломъ міроощущеніе. Это общее *было* у Тургенева и Батюшкова, было оно и у многихъ другихъ русскихъ образованныхъ людей того времени; не даромъ Батюшковъ въ 1811 году называетъ свой вѣкъ «вѣкомъ меланхоліи», когда-де всякому позволено предаваться мрачнымъ размышленіямъ о бренности вещей. Тутъ было вліяніе

западныхъ идей, но оно только потому оказалось заразительнымъ, что пало на предрасположенную почву, а въ этой предрасположенности — все дѣло.

П. И. Пестель.

Книга Н. П. Павлова-Сильванскаго «Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ» принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ работъ по исторіи декабрьскаго возстанія, какія мы имѣемъ. Въ ней данъ полный текстъ показаній Пестеля «Слѣдственному Комитету» 1826 г., систематически дополненный его отдѣльными отвѣтами и протоколами очныхъ ставокъ; впереди приложенъ прекрасный очеркъ жизни Пестеля, въ концѣ — различные матеріалы, уясняющіе роль Пестеля въ Тайномъ обществѣ и его личность. Такимъ образомъ, въ основной своей части эта книга — первоисточникъ. Въ послѣднее время профессоромъ Довнаръ-Запольскимъ и другими опубликованы показанія многихъ декабристовъ; но ни одно изъ нихъ, ни всѣ они въ совокупности, не могутъ сравниться по важности съ показаніями Пестеля, какъ потому, что онъ являлся безспорно крупнѣйшей личностью между заговорщиками, такъ и потому, что ничьи показанія не были такъ полны, такъ добросовѣстны и не захватывали такъ глубоко сущность дѣла. Они не проливаютъ новаго свѣта на движеніе двадцатыхъ годовъ—въ этомъ отношеніи все главное уже извѣстно и новыхъ открытій трудно ждать; но они разъясняютъ множество подробностей, устанавливаютъ правильную перспективу (напримѣръ, для исторіи развитія республиканской идеи въ кругу декабристовъ), а главное — они впервые непосредственно знакомятъ насъ съ Пестелемъ, впервые позволяютъ намъ взглянуть ему въ лицо, услышать его голосъ. Какъ ни важна исторія общественныхъ идей и настроеній,—самымъ цѣннымъ и самымъ любопытнымъ въ ней все-таки остается живая личность, носительница этихъ идей, да и самый процессъ развитія общественной мысли мы по существу можемъ изучить только въ его индивидуальныхъ проявленіяхъ, въ той сложной игрѣ личныхъ чувствъ, мыслей, стремленій, изъ которой рождается общее умонастроеніе. Надо признать, что съ этой стороны декабристы еще мало изучены. Мы хорошо знаемъ исторію ихъ заговора, мы до мелочей изслѣдовали ихъ политическія воззрѣнія, но какъ они человѣчески росли и жили, какъ образовался типическій душевный складъ декабриста, какъ ихъ мысль вы-

ростала изъ личнаго опыта,—объ этомъ мы почти ничего не знаемъ. Они остаются для насъ дѣятелями, и мы не видимъ людей. Отчасти виною этому свойство нашихъ матеріаловъ. Свѣдѣній, современныхъ движенію, сохранилось чрезвычайно мало, и почти всѣ они касаются организаціи и общихъ идей; «человѣческихъ документовъ», которые позволили бы заглянуть въ интимную жизнь личности, среди нихъ нѣтъ почти вовсе. Нравственный обликъ декабриста приходится возстановлять либо по косвеннымъ указаніямъ, либо по матеріаламъ позднимъ и невѣрнымъ, каковы ихъ показанія на слѣдствіи и старческія воспоминанія. Тѣмъ съ большей жадностью мы вглядываемся въ каждую черту, которая можетъ уяснить намъ этотъ обликъ.

При чтеніи показаній, данныхъ декабристами «Слѣдственному Комитету», каждый разъ неотступно встаетъ вопросъ: чѣмъ объяснить ихъ откровенность, ихъ готовность разсказать судьямъ *все*, на каждомъ шагу дѣлавшую ихъ доносчиками? Молчалъ одинъ Лунинъ, мало говорилъ Якушкинъ, — всѣ остальные, и между ними люди сильнаго нравственнаго закала, точно на перебой признавались и оговаривали, напрягали память, уличали другъ друга и всячески старались ввести слѣдователей во всѣ подробности движенія. И надо замѣтить, большинство дѣлало это совершенно чистосердечно, т.-е. отнюдь не съ цѣлью обѣлить себя, по крайней мѣрѣ, безъ такого сознательнаго умысла. Въ этомъ смыслѣ процессъ декабристовъ, вѣроятно, не имѣетъ себѣ подобія въ исторіи политическихъ процессовъ. Что вопросъ, о которомъ мы говоримъ, не безразличенъ, показываетъ его постановка въ популярной литературѣ. Передъ нами «Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ», изд. Гранатъ, т. I. Авторъ обширной статьи о декабристахъ рѣшаетъ вопросъ безъ колебаній: декабристы вели себя позорно, выдавали безъ оглядки, одни — поддавшись ловкимъ увѣщаніямъ Николая, большинство— просто изъ страха: «Животный страхъ смерти *многими* изъ декабристовъ овладѣлъ до такой степени, что жизнь себѣ они стремились купить цѣной самыхъ откровенныхъ и детальныхъ показаній не только того, что они знали, но порой и того, о чемъ ихъ не спрашивали и о чемъ они совсѣмъ не имѣли никакихъ свѣдѣній... Трубецкой и *многіе другіе* въ своихъ показаніяхъ утратили всякую мѣру нравственнаго чувства и показывали то, что свойственно лишь людямъ, страдающимъ полнымъ отсутствіемъ элементарной порядочности въ отношеніяхъ не только къ близкимъ, но и вообще къ людямъ». Въ заключеніе авторъ считаетъ нужнымъ обобщить эту

оцѣнку: «Однимъ словомъ—декабристы во время дознанія съ головой повыдавали другъ друга и проявили слишкомъ мало самой простой человѣчности и порядочности». И тутъ же авторъ изъ всѣхъ выдѣляетъ Пестеля, который-де, хотя тоже всѣхъ выдалъ, но выдавалъ спокойно и съ достоинствомъ.

Не говоря уже о нелѣпости этой огульной оцѣнки, естественно было спросить себя: если «всѣ» выдавали изъ животнаго страха смерти, то почему выдавалъ Пестель, который, по собственному признанію автора, былъ чуждъ всякаго страха, не заискивалъ и не раскаивался? Дѣйствительно, примѣръ Пестеля имѣетъ въ данномъ случаѣ показательное значеніе. Пусть нѣкоторые изъ декабристовъ въ самомъ дѣлѣ признавались изъ трусости, но вотъ человѣкъ, не боявшійся кары, — и онъ оказался откровеннѣе всѣхъ (какъ извѣстно, «Донесеніе слѣдственной комиссіи» основано главнымъ образомъ на показаніяхъ Пестеля); значитъ, былъ же какой-то другой могучій стимулъ, кромѣ трусости, побуждавшій декабристовъ быть откровенными, а если такъ, то эпитетъ трусости надо оставить въ сторонѣ, или по крайней мѣрѣ обращаться съ нимъ осмотрительно. Само собою разумѣется, что не одинъ Пестель былъ свободенъ отъ «животнаго страха смерти». Пестель писалъ родителямъ изъ тюрьмы, 1 мая 1826 г.: «Не знаю, какова будетъ моя участь; ежели смерть, то приму ее съ радостью, съ наслажденіемъ: я утомленъ жизнью, утомленъ существованіемъ». То же самое еще сильнѣе высказалъ Рылѣевъ въ знаменитомъ стихотвореніи, написанномъ также въ казематѣ:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?
. . . . . .
Весь міръ — какъ смрадная могила,
Душа изъ тѣла рвется вонъ,— и т. д.

Но Рылѣева авторъ цитированной выше статьи отводитъ; по его словамъ, Николай, рѣшивъ добиться откровенности Рылѣева, «сдѣлалъ это до чрезвычайности просто: Николай *купилъ* Рылѣева за 2000 руб., которые онъ передалъ его семьѣ на содержаніе». Это дурно сказано и по существу глубоко невѣрно. Но Пестеля вѣдь нельзя заподозрѣть ни въ какой корысти; чѣмъ же объяснить его откровенность?

Припомнимъ исторію признанія Пестеля. На первомъ допросѣ послѣ ареста, въ Тульчинѣ, онъ отозвался полнымъ незнаніемъ:—

ни къ какому тайному обществу не принадлежу и не принадлежалъ, и ни о какомъ ничего не знаю. Это показаніе было дано 22 декабря 1825 г., когда Пестель, безъ сомнѣнія, еще не зналъ о петербургскомъ возстаніи. По пріѣздѣ въ Петербургъ, 4 января, онъ дѣлаетъ уже полное признаніе, краткое по объему, но вполнѣ откровенное, въ высшей степени содержательное и полное именъ. Это показаніе онъ кончаетъ словами: «Вотъ все, что въ теперешнее время припоминаю и могу показать; но, желая государю доказать мое искреннее чистосердечіе и признаніе, буде угодно узнать отъ меня, что, можетъ, я запомнилъ, то готовъ во всемъ сказать все, что видѣлъ и знаю». Черезъ два дня, въ собственноручномъ дополнительномъ показаніи, онъ объясняетъ, что у него плохая память на имена, такъ что въ этомъ отношеніи онъ могъ легко сдѣлать ошибки: «но ежели окажется темнота или недоумѣніе по таковому случаю, то разными другими обстоятельствами могу представить дополнительныя объясненія». Наконецъ, главныя свои показанія Пестель далъ письменно (собственноручно) въ промежутокъ времени съ 13 января по май 1826 г.; мы уже говорили объ ихъ обстоятельности: въ изданіи Павлова-Сильванскаго они занимаютъ около ста большихъ страницъ очень убористаго шрифта. И здѣсь, кончая свой отвѣтъ на вопросы Комитета, онъ опять заявляетъ, что всѣ ошибки, могущія встрѣтиться въ его показаніяхъ, происходятъ единственно «или отъ недоумѣнія, или отъ запамятованія», такъ какъ онъ всѣми силами старается доказать свое чистосердечіе и безпрекословно готовъ сознаться во всемъ, что до него касается.

Ясно, что Пестелемъ руководила какая-то мысль, притомъ, какъ уже сказано, — не личнаго свойства, а такъ какъ показанія многихъ другихъ декабристовъ носятъ совершенно аналогичный характеръ, то мы вправѣ заключить, что эта мысль была у нихъ общею; всѣ они старались на слѣдствіи 1) доказать свое чистосердечіе, 2) дѣйствительно, и въ подробностяхъ, ознакомить правительство съ исторіей заговора.

Мы никогда не поймемъ ихъ поведенія на слѣдствіи, если останемся на поверхности фактовъ и если будемъ оцѣнивать эти факты съ нашей, современной точки зрѣнія. Политическому дѣятелю нашихъ дней откровенность декабристовъ передъ властью не можетъ не казаться странною, и онъ естественно склоненъ отнести ее на счетъ слабости характера, личныхъ соблазновъ и проч. Но историкъ обязанъ смотрѣть глубже: здѣсь, какъ и во всемъ другомъ, онъ долженъ исходить изъ психологіи дѣйствующихъ лицъ. Міровоззрѣніе

декабристовъ во многомъ отличалось отъ нашего, и одной изъ главныхъ чертъ различія является ихъ и наше отношеніе къ власти,— не къ власти вообще, а къ русской правительственной власти. Эту демаркаціонную черту провело какъ разъ событіе 14-го декабря и его послѣдствія. Историческое значеніе этого событія именно заключается въ томъ, что оно вскрыло противоположность интересовъ — правительства съ одной стороны, общества — съ другой, и такимъ образомъ раздѣлило Россію на два *сознательно*-враждебныхъ лагеря. Эта катастрофа сдѣлала то, что испуганная власть, въ лицѣ императора Николая, впервые начала сознательно и систематически вырабатывать свою боевую систему, съ которою она вскорѣ сливается безраздѣльно, а это въ свою очередь повлекло за собою такое же сознательное оппозиціонное самоопредѣленіе общества. До 14-го декабря боевой тактики не существовало ни съ той, ни съ другой стороны. Для того, чтобы родилось то острое озлобленіе противъ власти, которое укоренилось позднѣе, должно было сложиться представленіе о ея своекорыстіи,—а это представленіе было чуждо декабристамъ. Ихъ отрицательное отношеніе къ русской власти было частью идеологическаго свойства (они ненавидѣли «тиранна» по Плутарху и французскимъ книгамъ), частью конкретнаго, поскольку они осуждали направленіе правительственной политики. Какъ разъ средняго элемента — того живого *чувства* ненависти, которое обнимаетъ равно и самый институтъ, и его временное воплощеніе, — въ декабристахъ не было. Для того, чтобы понять это, даже нѣтъ надобности вспоминать ихъ личный опытъ,— національный подъемъ двѣнадцатаго года, личность Александра, и т. п.: достаточно припомнить вообще руководящую роль русской власти въ дѣлѣ просвѣщенія на протяженіи всего предшествующаго вѣка и обусловленное этимъ фактомъ единомысліе съ нею передовыхъ круговъ общества. Этого обстоятельства не надо забывать; оно опредѣлило и политическіе взгляды Пушкина, которые тоже, какъ и поведеніе декабристовъ на слѣдствіи, внѣ этой психологической связи легко могутъ быть истолкованы ошибочно, корыстными мотивами, что и дѣлалось сплошь и рядомъ.

Сообразно съ такимъ общимъ отношеніемъ къ власти, и самый заговоръ декабристовъ вовсе не былъ направленъ противъ власти, какъ таковой. Мысль о томъ, что извѣстный государственный строй по существу исключаетъ возможность глубокихъ политическихъ и соціальныхъ реформъ, о какихъ они мечтали, была чужда декабристамъ. Это обстоятельство имѣетъ капитальное значеніе. Даже

Пестель, болѣе всѣхъ склонявшійся къ республикѣ, былъ увѣренъ (это его подлинныя слова), «что всѣ отрасли правленія, все устройство народа и всѣ степени правительства, исключая верховной власти, могутъ въ извѣстномъ какомъ-нибудь государствѣ быть учреждены одинаковымъ образомъ, хоть верховная власть будетъ заключаться въ самодержавномъ монархѣ, хоть въ конституціонномъ государствѣ, хоть въ избирательномъ или республиканскомъ сословіи». И мы знаемъ, что въ выборѣ формы правленія декабристы искали преимущественно удобствъ, перебирая регентство, республику, воцареніе императрицы Елизаветы Алексѣевны и пр. Въ нихъ не было принципіальной вражды къ русской государственной власти, какъ не было и личной ненависти къ ней.

Этими психологическими фактами и было обусловлено, въ общемъ, ихъ поведеніе на слѣдствіи. Они были глубоко проникнуты мыслью, что предметъ ихъ стремленій есть вмѣстѣ съ тѣмъ правильно понятый интересъ власти; они психологически отождествляли себя съ этой властью и, безъ преувеличенія можно сказать, относились къ ней съ сыновнимъ чувствомъ. Весь ихъ заговоръ представлялся имъ какъ бы семейнымъ дѣломъ между ними и ею. Вотъ почему имъ и на умъ не приходило скрывать что-нибудь. *Напротивъ*, пусть царь знаетъ, что они—вовсе не его враги; они съ радостью разскажутъ ему все, что было,—свои мысли, намѣренія и поступки; и далѣе—пусть онъ не думаетъ, что они изверги,—они благородные люди, и они докажутъ ему это полной искренностью своихъ показаній. Имъ нужно было какъ-разъ внѣдрить въ царя это чувство общаго имъ и ему интереса, они въ его руки отдавали теперь, послѣ неудачи заговора, дѣло Россіи, и они изо всѣхъ силъ старались доказать ему, что они—его друзья, и друзья, не запятнанные низостью.

Какъ извѣстно, Николай быстро уловилъ ихъ тонъ и сдѣлалъ все, чтобы поддержать это настроеніе. Они писали ему обширнѣйшія записки о недостаткахъ правленія и о нужныхъ реформахъ; онъ подолгу обсуждалъ съ ними эти вопросы; онъ говорилъ Каховскому: «Я самъ есть первый гражданинъ отечества»; онъ старательно избѣгалъ всего, что могло бы показать имъ какую-нибудь принципіальную разницу между нимъ и ими. Напротивъ, онъ все время держался въ роли отца, который хочетъ того же, что и они, и даже готовъ посовѣтоваться съ ними, но который долженъ наказать ихъ за ихъ своевольный и опрометчивый поступокъ. Этимъ онъ пріобрѣталъ нравственное право на ихъ откровенность. Той же цѣли слу-

жили и различныя милости отеческаго характера — двѣ тысячи рублей семьѣ Рылѣева, слова Штейнгелю: «твои дѣти будутъ мои дѣти», и пр. И въ результатѣ онъ съ избыткомъ получилъ, что ему нужно было: полную откровенность всѣхъ, раскаяніе и преданность многихъ. Признаніе декабристовъ было только продолженіемъ ихъ дѣла.

М. И. Глинка.

Какъ видно, первому тому писемъ Глинки, изданному въ 1907 году подъ редакціей г. Финдейзена, не суждено имѣть продолженія. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Уже первый томъ, обнимающій среднюю часть жизни Глинки — отъ 18-ти до 43-лѣтняго возраста (1822—1847 гг.),—ближе знакомитъ насъ съ личностью Глинки, чѣмъ всѣ его біографіи, чѣмъ воспоминанія его друзей и даже его собственныя «Записки».

Эти письма возбуждаютъ странное и сложное чувство, которое вѣрнѣе всего можно опредѣлить, какъ разочарованное недоумѣніе. Если бы подъ каждымъ изъ нихъ не стояла обычная подпись: *Михайла Глинка*, невозможно было бы повѣрить, что эти строки писаны тою же рукой, которая начертала крючки и знаки «Руслана и Людмилы». Ни яркой мысли, ни мѣткаго слова, ни шутки, ни особенной задушевности; вялая, тягучая рѣчь, вмѣсто мыслей—нехитрыя соображенія, вмѣсто чувствованій—заурядныя жалобы, узкій и скучный кругозоръ, бѣдные интересы... Можно съ увѣренностью сказать, что такихъ сѣрыхъ, «мѣщанскихъ» писемъ не писалъ у насъ ни одинъ изъ видныхъ дѣятелей литературы или искусства, и если бы то былъ не Глинка, прочитать цѣлый томъ такихъ писемъ было бы очень скучно.

Но это—подлинный Глинка,—и оцѣнка сразу мѣняется: скучное становится характернымъ, психологически-интереснымъ; за строками этихъ неповоротливыхъ, безцвѣтныхъ писемъ вы ищете черты крупной личности, величайшаго музыкальнаго генія Россіи. И мало-по-малу предъ внимательнымъ взоромъ эта личность вырисовывается очень выпукло со своей общечеловѣческой стороны, и попутно выступаютъ яркія черты быта и времени.

Для историка послѣднее, конечно, всего важнѣе. Историкъ русскаго общества, характеризуя нашу общественную атмосферу 30-хъ—40-хъ годовъ, безъ сомнѣнія, остановится и на Глинкѣ. Почему Пушкинъ задыхался въ этой атмосферѣ и былъ ею отравленъ, почему

бѣжалъ изъ нея Гоголь? — Глинка также бѣжалъ изъ нея. Здѣсь виною былъ не гнетъ деспотизма, но нравственное состояніе общества, конечно, тѣсно связанное съ этимъ гнетомъ, въ итогѣ имъ и обусловленное. Кашперовъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Глинкѣ (въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 года) разсказываетъ, что Глинка не разъ говорилъ ему: «J'ai toujours été maltraité moralement». Кашперовъ поясняетъ это горькое признаніе: за композиторомъ не хотѣли видѣть человѣка; Глинка самъ былъ изъ хорошаго общества, былъ пріятель Пушкина и Жуковскаго, а петербургскій «свѣтъ» нимало не цѣнилъ его нравственнаго достоинства и послѣ восторженной оваціи оскорблялъ его пренебрежительною любезностью свысока или прямой грубостью,—и, припоминая разсказы Глинки, пояснявшіе ту французскую фразу, Кашперовъ удивляется, какъ онъ выдержалъ такъ долго эту нравственную каторгу. О ней, хотя только въ общихъ словахъ, но достаточно ясно говорятъ теперь письма Глинки. Пушкинъ съ бѣшенствомъ надѣвалъ (и почти не надѣвалъ) камеръ-юнкерскій мундиръ; Глинка вначалѣ силится «быть какъ всѣ»: онъ хочетъ завоевать себѣ приличное положеніе. «По воскресеньямъ и праздникамъ я ѣзжу въ Аничковскій дворецъ къ обѣднѣ, и хотя трудно быть затянутымъ въ мундиръ, зато лестно находиться въ присутствіи Императора и думать, что исправно исполняешь свою должность». И еще въ 1841 г., написавъ хоръ для выпуска дѣвицъ изъ Екатерининскаго института, онъ чрезвычайно доволенъ, что на публичномъ экзаменѣ, гдѣ исполнялся этотъ хоръ, ему отвели почетное мѣсто между инспекторомъ и инспектрисой, въ томъ самомъ ряду креселъ, гдѣ сидѣли герцогъ Ольденбургскій и герцогъ Дармштадтскій: «всѣ эти знаки расположенія Двора и публично оказанный почетъ меня радуютъ, *и могу смѣло сказать вамъ, что я поставилъ теперь себя на такой ногѣ, какъ только можетъ гражданинъ и человѣкъ*». — Но это длится не долго; въ томъ же 1841 г. онъ рѣшаетъ уѣхать за границу, и одной изъ главныхъ причинъ этого рѣшенія онъ въ письмахъ неизмѣнно выставляетъ нравственную духоту, весь укладъ русской общественной жизни. «*Для меня не можетъ быть счастія въ Россіи* — вспомните судьбу мою, и вѣрно сами съ этимъ согласитесь; за границей надѣюсь найти спокойствіе, тамъ климатъ лучше и люди не такъ связаны предразсудками, какъ здѣсь»... «Благодарю судьбу, что могу улетѣть изъ Россіи, гдѣ съ моимъ характеромъ и въ моихъ обстоятельствахъ жить невозможно». Онъ повторяетъ эту мысль неоднократно; особенно же онъ убѣжденъ,

что Россія негодна для его творчества. Перечисляя въ письмѣ къ матери мотивы, побуждающіе его ѣхать, онъ пишетъ: «Наконецъ, искусство—эта данная мнѣ небомъ отрада—гибнетъ здѣсь отъ убійственнаго ко всему прекрасному равнодушія. Если бы я не провелъ нѣсколько лѣтъ за границей, я не написалъ бы *Жизни за Царя*,—теперь вполнѣ убѣжденъ, что *Руслань* можетъ быть оконченъ токмо въ Германіи или Франціи». Сестрѣ и мужу ея онъ пишетъ: «...Пріѣзжайте, пріѣзжайте, мои друзья, увезите меня далеко отсюда—я достаточно терпѣлъ эту гнусную страну—довольно съ меня! У меня сумѣли отнять все, даже энтузіазмъ къ моему искусству—мое послѣднее прибѣжище».—Это, кажется, самыя взволнованныя строки на протяженіи 276 страницъ настоящаго тома писемъ; какъ не вспомнить здѣсь Пушкинское «чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ!»—Этотъ ядъ не только отравлялъ личную жизнь,—онъ проникалъ въ самые творческіе замыслы генія. Весною 1841 г. Глинка собирается надолго поселиться въ Малороссіи и не иначе вернуться въ Петербургъ, какъ съ оконченной оперой (онъ тогда писалъ «Руслана»), «чтобы тѣмъ заградить уста недоброжелательству и злобѣ»; онъ не хочетъ уѣхать изъ Парижа, «не сдѣлавшись извѣстнымъ»,—«не столько,—прибавляетъ онъ,—для себя, сколько для моихъ недоброжелателей»,—и добившись этой извѣстности въ Парижѣ, онъ доволенъ не столько ею самой, сколько тѣмъ, что теперь уже ему не смогутъ сказать, какъ говорили въ Петербургѣ, что онъ не осмѣлится выступить со своей музыкой въ Парижѣ, что тамъ его охаятъ. Много горечи должно было накопиться въ душѣ этого смирнаго, благодушнаго человѣка, чтобы изъ-подъ его пера могли выливаться такія признанія: «безъ ужаса о Петербургѣ не могу подумать».

Не менѣе цѣнный матеріалъ даютъ письма и для личной характеристики Глинки. Они не вносятъ ничего существенно новаго въ его знакомый обликъ, но портретъ какъ бы оживаетъ, черты становятся пластичнѣе и глубже. Что-то косное, тяжеловѣсное, неодухотворенное наполняетъ этого человѣка; онъ безпомощенъ физически, онъ шагу не можетъ ступить безъ няньки, и жизнь его складывается по волѣ людей и случая; даже тамъ, гдѣ ему удается сдѣлать нѣсколько послѣдовательныхъ усилій, онъ потомъ, оглядываясь на нихъ, самъ простодушно удивляется, какъ это ему хорошо удалось. Смирнѣйшее простодушіе и наивность—вообще его отличительныя черты. Онъ, что называется, мухи не обидитъ,—совершенный ребенокъ, любящій игру и веселье и плаксиво жалующійся,

когда что не по немъ. Онъ мало сознателенъ и не стремится осмыслить жизнь, но, какъ «рыба ищетъ, гдѣ глубже», такъ онъ, по какому-то неотразимому инстинкту, ищетъ безпечальности, т.-е. такихъ внѣшнихъ условій, которыя давали бы ему ровное и благодушное настроеніе. Въ этомъ стремленіи уйти отъ жизненныхъ тревогъ и борьбы слились дворянская неприспособленность къ жизни и царственная безмятежность артистической натуры. Если вчитаться въ эти письма, артистичность натуры вообще выступаетъ множествомъ мелкихъ, но характерныхъ чертъ: общая мѣшковатость въ Глинкѣ удивительнымъ образомъ сочетается съ крайней нервной возбудимостью; онъ самъ пишетъ о себѣ: «я скоръ и пылокъ», и говоритъ о своемъ «необузданномъ воображеніи»; онъ чрезвычайно легко поддается хандрѣ, унынію, мнительности и т. п. Его настроенія и оцѣнки очень неустойчивы; такъ, путешествуя лѣтомъ 1838 г. по Малороссіи (это была служебная командировка для набора голосовъ въ пѣвческую капеллу), онъ до половины путешествія наполняетъ свои письма жалобами на тоску, скуку, разстройство нервовъ; еще въ серединѣ іюня онъ пишетъ: «Малороссія, вопреки общему мнѣнію, грязна, вонюча, глупа и скучна»; а въ сентябрѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ сообщаетъ малороссійскимъ пріятелямъ, что принужденъ съ грустью оставить мысль о покупкѣ имѣнія въ *милой* Малороссіи!

Его дворянско-артистическая безпомощность ни въ чемъ не сказывается такъ ярко, какъ въ денежныхъ дѣлахъ. Почти всю свою жизнь онъ жилъ, какъ извѣстно, на средства матери. Въ его почтительныхъ и любовныхъ письмахъ къ матери, составляющихъ, вѣроятно три-четверти настоящаго тома, вопросъ о деньгахъ является неизмѣнно главною темою. Онъ тратитъ много и безпорядочно, вѣчно страдаетъ отъ безденежья и не умѣетъ себѣ отказать: «ибо забота доставать деньги,—пишетъ онъ однажды,—принадлежитъ къ самымъ непріятнѣйшимъ въ жизни»; а въ другой разъ, сообщая, что неприсылка денегъ повергаетъ его въ тягостное раздраженіе, онъ простодушно поясняетъ: «я совершенно неспособенъ отказаться отъ удовольствій, доставляемыхъ сезономъ». Отсюда безпрестанныя просьбы о присылкѣ столькихъ-то тысячъ *дополнительно*,—просьбы, сопровождаемыя обыкновенно либо словами душевнаго сокрушенія, либо выкладками и соображеніями неимовѣрной разсудительности; вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ: «...Поэтому, хоть мнѣ это и крайне больно, принужденъ умолять васъ подослать мнѣ еще, не въ счетъ ассигнованнаго, тысячи двѣ или три,—иначе не выбраться

мнѣ изъ Парижа». Иногда онъ называетъ это *секурсомъ*; «...надѣюсь... что по добротѣ сердца вашего *подошлете мнѣ секурсу* къ концу вашего іюля...» И такъ на протяженіи многихъ лѣтъ.

Всего занимательнѣе его письма изъ Испаніи, 1845—1846 гг.: здѣсь онъ передъ нами, какъ живой. Какъ извѣстно, онъ долго готовился къ своему испанскому путешествію и заранѣе изучилъ испанскій языкъ. Въ Парижѣ ему посчастливилось найти и лакея испанца, на полное попеченіе котораго онъ и отдался во время этого путешествія. У этого лакея, Сантъ-Яго Эрнандеца, была сестра въ Вальядолидѣ, замужемъ за адвокатомъ; къ ней-то первымъ дѣломъ и направились путешественники, и подъ ея гостепріимнымъ кровомъ нашъ Михайла Ивановичъ прожилъ безмятежнѣйшимъ образомъ три мѣсяца слишкомъ. Недаромъ онъ съ четырнадцати лѣтъ мечталъ объ Испаніи: не будь онъ однимъ изъ величайшихъ композиторовъ XIX вѣка, для него положительно нельзя было бы найти болѣе подходящаго мѣста, чѣмъ домъ почтенной доньи Маріи въ Вальядолидѣ. Онъ сразу почувствовалъ себя здѣсь въ своей тарелкѣ; это какъ разъ его стихія: люди веселые и беззаботные, никто никого не стѣсняетъ и самъ не стѣсняется, живутъ безъ чванства и заботъ, встаютъ когда случится, въ два часа обѣдаютъ, въ три ложатся спать до шестого часа, а вечеръ отдаютъ веселью. Не прошло и недѣли—уже онъ здѣсь свой человѣкъ, а черезъ мѣсяцъ онъ знакомъ со всѣмъ мѣстнымъ обществомъ, начальникъ области дѣлаетъ ему пріятный визитъ, — и ужъ вотъ нашъ don Miguel на вечеринкѣ у своихъ хозяевъ, по поводу именинъ мужа доньи Маріи, сидитъ за фортепіано, двое студентовъ на гитарахъ ловко аккомпанируютъ ему, и танцы «съ неутомимой дѣятельностью» идутъ до одиннадцати часовъ; дальше — больше, одинъ изъ студентовъ—отличный гитаристъ, «мы съ нимъ отличаемся почти каждый вечеръ»; почти каждый вечеръ проводится у знакомыхъ въ непритязательномъ весельи, «а когда остаюсь дома, собираются у насъ и танцуемъ»,—да, онъ тоже танцуетъ, что давно съ нимъ не случалось,—«и мнѣ здѣсь вездѣ почетъ и ласковый пріемъ». Это было въ 1845 году, когда уже были написаны «Жизнь за царя» и «Русланъ».

А. А. Ивановъ.

Есть нѣчто странно-общее въ судьбѣ Гоголя и Иванова, непосредственно видное всякому, но еще не изслѣдованное. Сверстники,

художники оба, и люди близкіе въ жизни, они оба на половинѣ жизненнаго пути заболѣли тяжелымъ духовнымъ недугомъ, и этотъ нравственный переломъ наложилъ рѣзкій отпечатокъ на художественное творчество каждаго изъ нихъ. Въ этомъ общемъ заболѣваніи сказались, разумѣется, и родство натуръ обоихъ художниковъ, и дѣйствіе на обоихъ одной общей силы—духа времени, въ которое они жили. Мы еще очень далеки отъ того, чтобы понять это общее имъ. Нравственный кризисъ, пережитый Гоголемъ, только въ послѣднее время сдѣлался предметомъ изслѣдованія и еще отнюдь не можетъ считаться выясненнымъ; достаточно сказать, что еще никто не далъ себѣ труда пристально изучить богатый матеріалъ Гоголевскихъ писемъ, тогда какъ только они одни и представляютъ твердую почву для воспроизведенія картины его внутренней жизни. Еще меньше сдѣлано по отношенію къ Иванову. Какъ вообще историки русской мысли до нашихъ дней почти преднамѣренно игнорировали нравственно-философскій элементъ, такъ и біографы Иванова безъ вниманія проходили мимо тяжелаго моральнаго кризиса, перевернувшаго его мышленіе и жизнь. Они всѣ ограничивались сухимъ установленіемъ факта, всѣ приводили однѣ и тѣ же безъ мысли сопоставленныя цитаты, но никто не дѣлалъ попытки разобраться въ этихъ свидѣтельствахъ и дать цѣльную психологическую картину. Первой такой попыткой является изданная въ 1907 году книжка прив.-доц. Н. Романова «Александръ Андреевичъ Ивановъ и значеніе его творчества», и потому, даже не соглашаясь съ его выводами, мы должны ее привѣтствовать.

Начало душевнаго кризиса, пережитаго Ивановымъ, г. Романовъ совершенно справедливо ведетъ отъ революціи 1848 года: видя крушеніе старыхъ формъ общественной и религіозно-нравственной жизни, Ивановъ постепенно сталъ подвергать критическому пересмотру и собственные старозавѣтные взгляды и вѣрованія. Онъ увидалъ ихъ несоотвѣтствіе съ обновляющейся жизнью. Этотъ пересмотръ былъ труденъ и мученъ; при глубокой серьезности и искренности, которыя отличаютъ Иванова, эта переоцѣнка неминуемо должна была тотчасъ захватить то, что составляло смыслъ его жизни, что было почти тождественно съ нею,—вопросъ о цѣли и направленіи искусства. Въ 1851 г. онъ пишетъ Гоголю: «Все, что вы разумѣли о моихъ страданіяхъ, написавъ статью обо мнѣ, составляетъ, можетъ быть, четвертую долю того, что случилось послѣ,—такъ что, выражаясь языкомъ переходнаго человѣка, я уже начи-

наю чувствовать какія-то права на художническую самостоятельность,—и можетъ ли что быть этого справедливѣе? Вѣдь мы уже подходимъ мало-по-малу къ послѣднему вопросу: быть ли живописи, или не быть».

Быть ли живописи или не быть, это значило—что̀ замѣнитъ въ новомъ мірѣ ту силу религіознаго чувства, которая до сихъ поръ являлась душой искусства? есть ли вообще въ этомъ новомъ мірѣ, у его творцовъ и пророковъ, такая могучая нравственная идея, способная властвовать надъ умами и одушевлять искусство,—и если есть, то какова она? Потому что для Иванова было одинаково ясно и то, что безъ такой всевластной идеи искусство существовать не можетъ, и то, что вдохновляющая идея, которою искусство жило до сихъ поръ,—именно, религіозная идея,—утратила свою власть надъ умами.

Извѣстно, что Ивановъ долго и упорно искалъ отвѣта на свой вопросъ, ѣздилъ за этимъ и къ Штраусу, чья книга о жизни Христа произвела на него сильное впечатлѣніе, и къ Герцену въ Лондонъ. Удалось ли ему рѣшить задачу? Г. Романовъ думаетъ, что да, и рѣшеніе это видитъ въ тѣхъ знаменитыхъ рисункахъ къ Библіи, которые относятся къ послѣднимъ десяти годамъ жизни Иванова. Онъ полагаетъ, что религіозная вѣра не умерла въ душѣ Иванова, но только углубилась и нашла себѣ новыя, болѣе объективныя формы художественнаго выраженія. «Эскизы Иванова къ Библіи,—говоритъ онъ,—были естественнымъ и побѣдоноснымъ завершеніемъ долгаго и полнаго страданій пути, которымъ шелъ Ивановъ, какъ художникъ. Въ нихъ-то, наконецъ, его освободившейся отъ старыхъ путъ душѣ удалось въ свободномъ творческомъ порывѣ создать ту самобытную и отвѣчающую духу времени школу, къ выясненію которой онъ стремился съ самаго начала своей художественной дѣятельности».

Дѣло едва ли было такъ просто, какъ изображаетъ его г. Романовъ; напротивъ, все заставляетъ думать, что отвѣта на свой вопросъ Ивановъ не нашелъ и только смертью былъ избавленъ отъ мукъ незнанія, отъ ужаса передъ пустотою, готовой безвозвратно поглотить искусство. Г. Романовъ слишкомъ легко отдѣлался отъ показанія Герцена, которое не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Довольно уже и того, что Ивановъ въ концѣ 1857 года ѣдетъ къ Герцену; въ это время уже были готовы всѣ его эскизы къ Библіи, дошедшіе до насъ: очевидно, Ивановъ не нашелъ въ нихъ успокоенія, если онъ предпринимаетъ трудное для него путешествіе,

въ надеждѣ «зачерпнуть разъясненіе мыслей своихъ»,—а по словамъ Герцена, Ивановъ прямо заявилъ ему, что утратилъ религіозную вѣру. У насъ есть еще одно показаніе (оно осталось неизвѣстнымъ г. Романову, какъ раньше Боткину, Новицкому и другимъ біографамъ Иванова): статья Н. П. Огарева «Памяти художника» въ «Полярной Звѣздѣ» за 1859 г. (кн. V, стр. 238—261). Огаревъ такъ формулируетъ вопросъ, съ которымъ пріѣхалъ въ Лондонъ Ивановъ: «Дайте мнѣ живую мысль, дайте мнѣ живую вѣру, дайте мнѣ живую тему для картины,—или скажите: что—искусство погибло въ наше время? погибло безвозвратно отъ недостатка жизни въ современномъ человѣчествѣ, или отъ того, что жизнь не нуждается въ искусствѣ и всѣ интересы дѣятельности движутся внѣ художественнаго міра?»—«На этотъ запросъ,—говоритъ Огаревъ,—отвѣчать было нелегко; а запросъ былъ страшно искрененъ, въ немъ слышался крикъ сердечной боли, дѣйствительнаго, глубокаго отчаянія. И какъ всѣ безвыходные страдальцы, художникъ сталъ искать себѣ маленькую лазейку, въ которую толкался съ упорствомъ больного. Эта лазейка была *усовершенствованная* историческая живопись». Очевидно, Ивановъ говорилъ Герцену и Огареву о своихъ реалистическихъ рисункахъ къ Ветхому и Новому Завѣтамъ. Это была если и не лазейка, какъ думалъ Огаревъ, то во всякомъ случаѣ и не выходъ; выхода Ивановъ вообще не нашелъ.

Остановившись на эскизахъ, какъ на найденномъ рѣшеніи, г. Романовъ этимъ чрезвычайно сузилъ горизонтъ Иванова. Исканія Иванова были гораздо шире и гораздо сложнѣе. Было бы въ высшей степени любопытно собрать его мысли о новомъ искусствѣ, объ искусствѣ будущаго, разсѣянныя по его письмамъ пятидесятыхъ годовъ и по воспоминаніямъ о немъ. Наравнѣ съ техникой онъ требовалъ отъ художника широкой образованности; художникъ, по его мнѣнію, долженъ пропитаться идеями своей эпохи и быть выразителемъ ихъ, и когда это будетъ достигнуто, тогда искусство, говорилъ онъ, вернетъ себѣ былое значеніе въ общественной жизни, котораго не имѣетъ теперь, потому что не удовлетворяетъ потребности людей; у него явятся и враги, которыхъ оно теперь не имѣетъ, такъ какъ оно будетъ содѣйствовать преобразованію жизни и будетъ подкапываться подъ преданія и предразсудки *).

*) См. М. П. Боткинъ, «А. А. Ивановъ, его жизнь и переписка», 1880, стр. XXXI — XXXIV.

Въ этихъ исканіяхъ Иванова, повидимому, большую роль играли идеи соціализма. Это видно уже изъ того, что со своими сомнѣніями онъ рѣшилъ обратиться именно къ Герцену. Вообще, въ мысляхъ Иванова теперь на первый планъ выступила общественная роль искусства. Его рисунки къ Библіи стояли въ связи съ грандіознымъ планомъ, сложившимся въ его умѣ: по нимъ онъ предполагалъ исполнить рядъ эскизовъ изъ жизни Христа, которые должны были украсить стѣны особаго, посвященнаго этой цѣли зданія. Онъ смутно усвоилъ идею славянофиловъ о всемірно-историческомъ предназначеніи Россіи: она-де призвана «силой божественныхъ откровеній установить вѣчный миръ на землѣ»; и вотъ, ничѣмъ она не можетъ успѣшнѣе содѣйствовать нравственному просвѣтленію людей, какъ устроеніемъ такого христіанскаго пантеона, гдѣ были бы наглядно воспроизведены въ изящныхъ формахъ всѣ книги откровенія. Г. Романовъ приводитъ другой проектъ Иванова, еще болѣе трогательный и нелѣпый: онъ, художникъ, долженъ быть приближенъ къ царю; въ часъ, когда царь грустенъ или разгнѣванъ, художникъ разсказываетъ ему какой-нибудь «эпохическій» фактъ изъ Библіи и подъ конецъ показываетъ оконченный эскизъ, который до того держалъ въ величайшемъ секретѣ; художникъ живетъ подаяньемъ — для этого у него въ домѣ стоитъ кружка, и царь можетъ только быть однимъ изъ милостыно-даятелей; художникъ носитъ бороду и одѣвается въ кафтанъ, чтобы самой внѣшностью своей служить посредникомъ между царемъ и народомъ. «Такимъ образомъ смягчается нравъ царя посредствомъ искусства живописи и располагаетъ его къ благотвореніямъ для своего народа». Тутъ все есть: и славянофильское представленіе о царѣ-отцѣ народа, и мечты Платона о философѣ, какъ руководителѣ тирана, и жажда вмѣшаться въ жизнь, и пламенная вѣра въ просвѣтляющую силу искусства. Эта послѣдняя черта всего поразительнѣе, и она болѣе всего сближаетъ Иванова съ Гоголемъ; оба они подъ конецъ почувствовали себя призванными и способными на нравственное руководительство именно въ качествѣ художниковъ. Въ этомъ отношеніи они безпримѣрны не только въ исторіи западнаго искусства, но и у насъ, гдѣ понятіе художника болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, приближается къ понятію учителя жизни, vates. Такого органическаго самосознанія всемогущей *дѣйственной*, реальной силы искусства, какъ у Гоголя и Иванова, мы не встрѣтимъ ни у Гёте, ни у Достоевскаго или Толстого.

Поэтому г. Романовъ совершенно правъ, когда одной изъ глав-

ныхъ заслугъ Иванова признаетъ то, что онъ первый выдвинулъ вопросъ о цѣнности идей, выражаемыхъ искусствомъ. Какъ разъ эта его вѣра въ могучее жизненное дѣйствіе искусства, о которой сейчасъ была рѣчь, заставляла его, какъ и Гоголя, предъявлять чрезвычайныя требованія къ душѣ самого художника. Онъ долженъ помнить, что въ его рукахъ—могучее, но вмѣстѣ и опасное оружіе; онъ можетъ и губить, и животворить человѣческія души, — и для того, чтобы его вліяніе было благотворно, ему надлежитъ самому подняться на высшую ступень нравственности и пониманія, напитать свою собственную душу передовыми идеями своего времени. Такое же самое требованіе предъявлялъ къ художнику (и по этой же причинѣ) и Гоголь, и надо признать, что это установленіе глубокаго и единственно-правильнаго взгляда на художника является однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ завоеваній русскаго духа. Ни Гоголь, ни Ивановъ изъ пережитаго ими нравственнаго кризиса не вышли побѣдителями, не вынесли новыхъ, совершенныхъ формъ творчества; но оба цѣною тяжкихъ страданій выработали новый идеалъ художника и указали, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать этихъ формъ. Ивановъ, какъ и Гоголь, прекрасно сознавалъ это; за три мѣсяца до смерти онъ писалъ брату: «Если бы мнѣ даже не удалось пробить или намекнуть на высокій и новый путь,—стремленіе къ нему все-таки показало, что онъ существуетъ впереди, и это уже много, и даже все, что можетъ дать въ настоящую минуту живописецъ». Эти строки, кстати, могли бы и однѣ, даже безъ свидѣтельства Герцена и Огарева, служить достаточнымъ опроверженіемъ мысли г. Романова, будто рисунки къ Библіи были для Иванова рѣшеніемъ его задачи.

Исторія душевнаго кризиса, наполнившаго послѣднія десять лѣтъ жизни Иванова, принадлежитъ къ интереснѣйшимъ страницамъ въ нравственной исторіи нашего общества. Ничего не можетъ быть увлекательнѣе и нужнѣе, какъ видѣть и изучить процессъ образованія хотя бы одного творческаго міровоззрѣнія, процессъ, какимъ и былъ этотъ кризисъ Иванова. Попытка г. Романова разобраться въ этомъ эпизодѣ цѣнна уже тѣмъ, что она поставила вопросъ въ полномъ объемѣ; разумѣется, она не будетъ послѣдней.

Докторъ Вернеръ.

«Тѣ, которые были въ 1837 году въ Пятигорскѣ, вѣроятно давно узнали и княжну Мери, и Грушницкаго, и въ особенности милаго, умнаго и оригинальнаго доктора Майера», говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Н. М. Сатинъ *). Въ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о тѣхъ лицахъ, которыя послужили первообразами Мери и Грушницкаго**). Зато мы довольно много знаемъ о Майерѣ, съ котораго Лермонтовъ списалъ своего доктора Вернера: у насъ есть три его характеристики, написанныя людьми, которые находились съ нимъ въ близкой дружбѣ, и въ общемъ совпадающія. Эти матеріалы, вмѣстѣ съ приводимыми ниже письмами самого Майера, даютъ возможность сравнить живое лицо съ его портретомъ, который мы находимъ у Лермонтова, и слѣдовательно бросаютъ свѣтъ на творческую манеру поэта.

И Огаревъ, и Филипсонъ, и Сатинъ, оставившіе намъ воспоминанія о Майерѣ, знали его какъ разъ въ тѣ годы (1837 — 1839), когда наблюдалъ его и когда писалъ свою «Княжну Мери» Лермонтовъ. Вотъ что разсказываетъ о Майерѣ генералъ Филипсонъ (бывшій позднѣе попечителемъ петербургскаго учебнаго округа) ***).

«Изъ новыхъ знакомыхъ особенно замѣчателенъ былъ Н. В. Майеръ. Дружбѣ его я многимъ обязанъ и потому очень бы хотѣлъ изобразить его такимъ, какъ онъ былъ, но едва ли сумѣю: такъ много сталкивалось разнообразныхъ, а нерѣдко и противоположныхъ качествъ въ этой личности, далеко выступавшей изъ толпы.

«Отецъ Майера былъ уважаемый ученый секретарь академіи. Крѣпкаго сложенія, бодрый умомъ и тѣломъ, семидесятилѣтній старикъ не любилъ своего младшаго сына, который ни въ чемъ на отца не былъ похожъ. Ребенокъ провелъ дѣтство въ болѣзняхъ и

---

*) Починъ, Сборникъ Общ. люб. росс. слов. на 1895 г., Москва, 1895 г. стр. 239 и сл.

**) См., впрочемъ, Полн. собр. соч. М. Ю. Лермонтова, изд. Академіи Наукъ, т. IV, 1911 г., стр. 385.

***) Воспоминанія Г. И. Филипсона. «Р. Арх.» 1883 г. № 5, стр. 177—180.

страданіяхъ; отъ золотухи у него одна нога сдѣлалась на четверть короче другой. Только любовь доброй матери могла удержать жизнь въ этомъ тщедушномъ ребенкѣ. Вѣроятно, ей же онъ былъ обязанъ тѣмъ, что на всю жизнь сохранилъ любовь къ Богу и къ людямъ. Первая у него проявлялась съ значительнымъ оттѣнкомъ мистицизма, не имѣющаго, впрочемъ, ничего общаго съ его официальнымъ вѣроисповѣданіемъ. Отецъ его былъ крайнихъ либеральныхъ убѣжденій; онъ былъ массонъ и дѣятельный членъ нѣкоторыхъ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ было множество въ Европѣ между 1809 и 1825 годами. Какъ ученый секретарь академіи, онъ получалъ изъ-за границы книги и журналы безъ цензуры. Это давало ему возможность слѣдить за политическими событіями и за движеніемъ умовъ въ Европѣ. Въ началѣ 20-хъ годовъ онъ получилъ изъ-за границы нѣсколько гравированныхъ портретовъ итальянскихъ карбонари, между которыми у него были друзья. Его поразило сходство одного изъ нихъ, только что разстрѣляннаго австрійцами, съ его младшимъ сыномъ Николаемъ. Позвавъ къ себѣ мальчика, онъ поворачивалъ его во всѣ стороны, осматривалъ и ощупывалъ его угловатую, большую голову и, наконецъ, шлепнувъ его ласково по затылку, сказалъ по-нѣмецки: «однако жъ, изъ этого парня будетъ прокъ!» Съ этого времени онъ полюбилъ своего Никласа, охотно съ нимъ говорилъ и читалъ, и кончилъ тѣмъ, что привилъ сыну свои политическія убѣжденія. Старикъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, добрая жена его умерла, старшій сынъ пропалъ безъ вѣсти, младшій—Николай остался круглымъ сиротой. Онъ получилъ очень хорошее домашнее воспитаніе и поступилъ въ медико-хирургическую академію. Научныя занятія его были неровны, порывисты; если онъ дѣлалъ успѣхи, то только благодаря своему острому уму и огромной памяти. Онъ много читалъ и много думалъ. Въ болѣзненное дѣтство, лишенный возможности раздѣлять игры и забавы своихъ товарищей, онъ создалъ себѣ особый міръ и на всю жизнь остался почти ребенкомъ въ дѣлахъ житейскихъ.

«По выпускѣ изъ академіи, Майеръ поступилъ на службу врачомъ въ вѣдѣніе генерала Инзова, управлявшаго колоніями въ южной Россіи, а оттуда переведенъ въ Ставрополь для особыхъ порученій въ распоряженіе начальника Кавказской области, генерала Вельяминова. Эти порученія были несложны: зимой онъ жилъ въ Ставрополѣ, а лѣтомъ на минеральныхъ водахъ. Онъ сдѣлался очень извѣстнымъ практическимъ врачомъ; особенно на водахъ онъ имѣлъ огромную и лучшую практику, что совершенно его обезпечивало.

Въ общественныхъ удовольствіяхъ онъ не участвовалъ; но можно было быть увѣреннымъ, что всегда встрѣтишь его въ кругу людей образованныхъ и порядочныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и человѣкомъ свѣтскимъ. Во всякомъ обществѣ его нельзя было не замѣтить. Умъ и огромная начитанность вмѣстѣ съ какимъ-то аристократизмомъ образа мыслей и манеры невольно привлекали къ нему. Онъ прекрасно владѣлъ русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками, и когда былъ въ духѣ, говорилъ остроумно, съ живостью и душевною теплотою. Майеръ имѣлъ много успѣховъ у женщинъ и этимъ, конечно, былъ обязанъ не физическимъ своимъ достоинствамъ. Небольшого роста, съ огромной угловатой головой, на которой волосы стригъ подъ гребенку, съ чертами лица неправильными, худощавый и хромой, Майеръ нисколько не былъ похожъ на типъ гостиннаго ловеласа; но въ его добрыхъ и свѣтлыхъ глазахъ было столько симпатичнаго, въ его разговорѣ было столько ума и души, что становится понятнымъ сильное и глубокое чувство, которое онъ внушалъ къ себѣ нѣкоторымъ замѣчательнымъ женщинамъ. Характеръ его былъ неровный и вспыльчивый; нервная раздражительность и какой-то саркастическій оттѣнокъ его разговора навлекали ему иногда непріятности, но не лишили его ни одного изъ близкихъ друзей, которые больше всего цѣнили его искренность и честное прямодушіе. Преданность друзьямъ однажды едва не погубила его. Въ третій годъ бытности на Кавказѣ онъ очень сблизился съ А. Бестужевымъ (Марлинскимъ) и съ С. Палицынымъ—декабристами, которые изъ каторжной работы были присланы на Кавказъ служить рядовыми. Оба они были люди легкомысленные и тщеславные и во всѣхъ отношеніяхъ не стоили Майера. Бестужеву Полевой прислалъ бѣлую пуховую шляпу, которая тогда въ западной Европѣ служила признакомъ карбонари. Доносъ о такомъ важномъ событіи обратилъ на себя особенное вниманіе усерднаго ничтожества, занимавшаго должность губернскаго жандармскаго штабъ-офицера. При обыскѣ квартиры, въ которой жили Майеръ, Бестужевъ и Палицынъ, шляпа найдена въ печи. Майеръ объявилъ, что она принадлежитъ ему, основательно соображая, что, въ противномъ случаѣ, кто-нибудь изъ его товарищей долженъ былъ неминуемо отправиться обратно въ Сибирь. За эту дружескую услугу, по распоряженію высшаго начальства, Майеръ выдержалъ полгода подъ арестомъ въ Темнолѣсской крѣпости».

Немного далѣе, разсказывая о декабристѣ Голицынѣ, который жилъ въ одномъ домѣ съ Майеромъ, Филипсонъ говоритъ: «Каза-

лось бы, у него не могло быть рѣзкихъ противорѣчій съ политическими и религіозными убѣжденіями Майера, но это было напротивъ. Оба одинаково любили парадоксы и одинаково горячо ихъ отстаивали. Спорамъ не было конца, и нерѣдко утренняя заря заставала насъ за нерѣшеннымъ вопросомъ».

Огаревъ познакомился съ Майеромъ (фамилію котораго онъ ошибочно пишетъ *Мейеръ)* въ Пятигорскѣ въ 1838 году. Въ «отрывкѣ изъ своей исповѣди» («Кавказскія воды», въ «Полярной Звѣздѣ» 1861 г.) онъ отводитъ ему много мѣста: «Н. (Николай, т.-е. Сатинъ) привелъ къ намъ доктора,—пишетъ онъ.—Мейеръ былъ медикомъ, помнится, при штабѣ. Необходимость жить трудомъ заставила служить, а складъ ума заставилъ служить на Кавказѣ, гдѣ, среди величавой природы, со времени Ермолова не исчезалъ пріютъ русскаго свободомыслія, гдѣ собирались изгнанники, а генералы, по преданію, оставались ихъ друзьями. Жизнь Мейера естественно примкнула къ кружку декабристовъ, сосланныхъ изъ Сибири на Кавказъ. Онъ сдѣлался необходимымъ членомъ этого кружка, гдѣ всѣ его любили какъ брата. Его некрасивое лицо было невыразимо привлекательно. Волосы, остриженные подъ гребенку, голова широкая, такъ что лобъ составлялъ тупой уголъ, небольшіе глубокіе глаза, блѣдный цвѣтъ лица, толстыя губы, мундирный сюртукъ на дурно сложенномъ тѣлѣ, одна нога короче другой, что заставляло его носить одинъ сапогъ на толстой пробкѣ и хромать... кажется, все это очень некрасиво, а между тѣмъ нельзя было не любить этого лица. Толстыя губы дышали добротой, глубокіе каріе глаза смотрѣли живо и умно; но въ нихъ скоро можно было отыскать слѣдъ той внутренней человѣческой печали, которая не отталкиваетъ, а привязываетъ къ человѣку; широкій лобъ склонялся задумчиво; хромая походка придавала всему человѣку особенность, съ которою глазъ не только свыкался, но дружился. Вскорѣ Мейеръ свелъ насъ съ декабристами; онъ и Одоевскій бывали у насъ почти ежедневно. Они были глубоко привязаны другъ къ другу. Ихъ все соединяло—отъ живой шутки до глубокаго религіознаго убѣжденія, или, лучше, религіознаго раздумья. Христіанское направленіе Мейера было гораздо сложнѣе, я хотѣлъ сказать гораздо личнѣе, христіанскаго самоотверженія Одоевскаго. Мейеръ былъ унылъ; ему нужно было утѣшеніе. Его сердечное благородство и его потребность любви не уживались съ дѣйствительностью. Чтобы выносить хаосъ, ему нужно было единство божественнаго разума и божественной воли; чтобъ не умереть съ отчаянія, ему нужно было безсмертіе души. По-

стоянная Grübelei, раскапываніе собственнаго сердца—безъ сомнѣнія, совершенно чистаго—влекли его къ христіанскому покаянію, а потребность систематической истины, отъ которой онъ, какъ человѣкъ науки, не могъ отклониться, заставляла рыться въ Де-Местрѣ, Сенъ-Мартенѣ и пр. Подъ его вліяніемъ я читалъ Сенъ-Мартена «Des erreurs et de la vérité». Какимъ образомъ я могъ увлекаться этой книгой—теперь это мнѣ едва понятно. Какимъ образомъ Мейеръ могъ мирить съ нею взглядъ Распаля, котораго органическая химія тогда только-что вышла въ свѣтъ, и взглядъ Мажанди («Leçons sur les phénomènes physiques de la vie»)—это для меня еще непонятнѣе.—Мейеръ еще не довольно усталъ для отреченія отъ личнаго счастія; мученичество не сдѣлало изъ него того ровно-самоотверженнаго человѣка, равнодушнаго къ благамъ міра сего, какъ Одоевскій. Мейеръ любилъ женщину и страдалъ безконечно. Эта женщина была мнѣ сродни. Молодая, стройная, съ пылкими черными глазами и черною косою до пятокъ, она по какому-то капризу набросила свою любовь на Мейера,—на Мейера, который считалъ себя уродомъ и не созданнымъ для женской любви. Все перевернулось въ жизни этого человѣка. Но счастье было минутно. Ея татарская натура не могла любить ни долго, ни серьезно. Она только искала наслажденія, и сперва обманываемый, потомъ пренебреженный, Мейеръ страдалъ неимовѣрно. Его мягкое и чистое сердце могло только сломаться въ рукахъ этой женщины, и оно сломилось. Можетъ быть, его живой и сильный умъ со временемъ еще выпутался бы изъ напряженнаго мистицизма и заявилъ бы свою силу; но тутъ ему только оставалось крѣпко схватиться за него, чтобы удержаться въ жизни...не на долго. Онъ потухъ быстро, въ самой цвѣтущей порѣ...»

Сатинъ былъ, повидимому, еще болѣе близокъ съ Майеромъ, чѣмъ Филипсонъ и Огаревъ. «Это былъ,—разсказываетъ Сатинъ,—замѣчательный человѣкъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Въ физическомъ отношеніи Майеръ былъ почти уродъ: одна нога была короче другой болѣе чѣмъ на два вершка; лобъ отъ лицевой линіи выдавался впередъ на неимовѣрно-значительное пространство, такъ что голова имѣла видъ какого-то треугольника; сверхъ этого, онъ былъ маленькаго роста и чрезвычайно худощавъ. Тѣмъ не менѣе своимъ умомъ и страстностью онъ возбудилъ любовь въ одной изъ замыхъ красивѣйшихъ женщинъ, г-жѣ М. Я былъ свидѣтелемъ и повѣреннымъ этой любви. Майеръ, непривычный внушать любовь, былъ въ апогеѣ счастья. Когда она должна была ѣхать, онъ послѣдовалъ за нею въ Петербургъ, но

увы! скоро возвратился оттуда совершенно убитый ея равнодушіемъ. Надъ г-жей М. эта любовь или, правильнѣе, шутка прошла, вѣроятно, безслѣдно; но на Майера это подѣйствовало разрушительно: изъ веселаго, остроумнаго, дѣятельнаго человѣка онъ сдѣлался лѣнивымъ и раздражительнымъ».

Къ Сатину и адресованы помѣщаемыя здѣсь три письма Майера. Они относятся къ лѣту и осени 1838 года. Первое письмо написано по-русски; оно носитъ помѣтку: «26-го іюля, на Шапсухо».

«Безъ вины виноватъ, любезный другъ Николай Михайловичъ, что до сихъ поръ не написалъ вамъ ни строчки, а получилъ отъ васъ уже три грамотки. Довольно трудно объяснить вамъ, почему это такъ, да и безполезно. Я знаю напередъ, что вы не поставите этого на счетъ моей искренной пріязни. Позвольте же отъ всей души обнять васъ дружески, хотя заочно. Зачѣмъ я не съ вами? Я бы отъ многаго отказался, чтобъ провесть съ вами хоть денекъ времени. Здѣсь я усталъ, и усталъ больше морально, нежели физически. Если бъ вы знали, съ какимъ горькимъ убѣжденіемъ я повторяю слова Горскаго: schlecht! schlecht! *). Люди плохи, любезнѣйшій Н. М., очень плохи! Эту выходку противъ нихъ я основываю не на статистическихъ таблицахъ преступленій, а на ихъ безчувствіи, холодности, равнодушіи ко всему человѣческому, на ихъ стараніи затаить, задавить все, что могло бы показать, что они люди, а не скоты. Грустно и досадно! Трудную задачу задалъ тотъ, чьи слова повторили вы въ первомъ письмѣ вашемъ. Вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ,—je cherche, et je ne trouve qu'indifférence et desséchement d'âme, je frappe et personne n'est là pour m'ouvrir! **). А дневныя заботы давятъ больше и больше: некогда подумать объ себѣ, надо думать о *службѣ*... Нѣтъ, дорогой мой, Николай М., если бъ мнѣ надобно было возобновить съ вами нерѣшенный споръ нашъ о любви и ненависти, я бы еще прибавилъ нѣсколько аргументовъ въ пользу того великаго чувства, великаго двигателя, котораго я защищалъ. Любовь есть пища души, а ненависть — горькое, но

---

*) Полковникъ Горскій, у котораго часто бывали въ Ставрополѣ Майеръ и Сатинъ, былъ, по словамъ Сатина, «большой оригиналъ: женившись на нѣмкѣ, онъ выучился только одному слову: schlecht, и повторялъ его à tout propos» («Воспом. Н. М. Сатина», Починъ, 1895, стр. 244).

**) «Я ищу и нахожу лишь равнодушіе и сухость сердца, стучу, и нѣтъ никого, кто бы отперъ мнѣ».

сильное лѣкарство. Помилуйте: какъ же вы хотите кормить больного? Дайте ему прежде понюхать спирту, чтобъ онъ пришелъ въ себя, пустите ему кровь—это рѣдко мѣшаетъ, дайте чистительное. Аппетитъ самъ придетъ. Конечно, полезно напоминать людямъ о любви словами, а еще больше дѣлами; но во сколькихъ фоліантахъ написаны краснорѣчивыя поученія лисицы о смиреніи, кротости и состраданіи? Да, *исторія* — это вещь удивительная для всякаго, у кого есть сердце подъ лѣвой грудью.

«Простите за мою филишшику, любезный другъ Н. М. Я не на вѣтеръ даю вамъ безъ церемоніи это имя. Это второй разъ въ жизни: не отнимите у меня этой радости. Передайте мое душевное привѣтствіе вашему дорогому гостю *). Если вы говорили ему обо мнѣ правду, то не много могли сказать хорошаго. Пусть онъ сохранитъ ко мнѣ нѣсколько пріязни хоть за то, что я васъ люблю отъ всей души.

«Увижусь ли я съ вами въ Пятигорскѣ?.. Не знаю, и сомнѣваюсь. Какъ бы вамъ сказать, отчего я не ѣду? Меня удерживаетъ благодарность къ человѣку, который показалъ мнѣ столько искренней пріязни и довѣрія **), и полное убѣжденіе, что я могу быть здѣсь полезенъ, а теперь, можетъ, и необходимъ. Но, можетъ быть, урвусь на денекъ въ августѣ. Впрочемъ, едва ли.

«Здѣсь мнѣ много работы, но все идетъ хорошо. Я хотѣлъ бы сказать вамъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ лицахъ, да не успѣю.

«Вы опять были больны; когда же это кончится? Непремѣнно ли вы поѣдете къ своему мѣсту, или, можетъ быть, еще разъ зазимуете въ Ставрополѣ? Тамъ бы мы съ вами опять свидѣлись. Въ отпускъ я ѣхать не могу. Ради Бога, напишите мнѣ объ вашемъ житьѣ-бытьѣ, настоящемъ и скоро-будущемъ.

«Я уже говорилъ вамъ, что много работаю, во все лѣто не успѣлъ прочесть ни одной строчки. Въ первый разъ пишу вамъ, и то безъ толку, потому что пароходъ ждетъ. Скучно не скучно, а часто грустно, еще чаще пусто. Есть же вѣдь состояніе и людей, и обществъ, ко-

---

*) Рѣчь идетъ объ Огаревѣ, который въ маѣ пріѣхалъ съ женою Маріей Львовной въ Пятигорскъ, гдѣ въ это время находился Сатинъ. Сатинъ въ «Воспоминаніяхъ» говоритъ, что лѣто 1838 года онъ жилъ въ Пятигорскѣ съ Майеромъ: изъ вышеприведеннаго письма видно, что Майеръ находился въ это время при Вельяминовѣ на р. Шапсухо. Очевидно, онъ осенью все-таки пріѣзжалъ въ Пятигорскъ, гдѣ и познакомился съ Огаревыми.

**) Ген. Вельяминовъ.

торое нашъ наивный рапортъ: *обстоитъ благополучно, новаго ничего нѣтъ!* весьма характеризуетъ.

«Прощайте, любезный другъ Н. М., будьте здоровы. Передайте еще одно искреннее привѣтствіе О. Кланяйтесь М—у. Онъ писалъ мнѣ записочку; ей-Богу не могу теперь отвѣчать. Онъ говоритъ, что не надобно жить долѣе 33 лѣтъ; мнѣ кажется, это правда».

Сбоку приписка по-французски: «Я послѣдовалъ вашему совѣту касательно вашихъ писемъ; дѣлайте то же со всѣми моими».

Слѣдующія два письма писаны по-французски. Начало обоихъ писемъ, гдѣ рѣчь идетъ о болѣзни Сатина и о ходѣ его лѣченія, мы опускаемъ. 17 ноября Майеръ пишетъ Сатину изъ Ставрополя:

«Разскажите мнѣ что-нибудь объ Огаревыхъ. Г-жа Ог. обѣщала прислать мнѣ Жослэна, но не сдѣлала этого. Если вы находите это удобнымъ, передайте ей прилагаемое четверостишіе, посвященное ей Одоевскимъ. Я провелъ восемь дней въ Прочномъ Окопѣ. Погода скверная. Сижу безвыходно въ своей комнатѣ; никто меня не навѣщаетъ. Голицынъ и Кривцовъ кружатся въ вихрѣ свѣтской жизни. Прочихъ моихъ знакомыхъ теперь нѣтъ въ Ставрополѣ.

«Bellizard прислалъ мнѣ нѣсколько книгъ, да еще у меня есть ваши—этого съ меня довольно. *Да поговорить не съ кѣмъ — некому дебитировать парадоксы привычные* *). Генералъ Граббе, человѣкъ, достойный всякаго уваженія, читаетъ и даетъ книги для чтенія.

«Довелось ли вамъ услыхать что-нибудь о г-жѣ М.? Если нѣтъ, не можете ли вы собрать какія-нибудь свѣдѣнія о ней?

«Простите, что пишу такъ мало. Сегодня я не расположенъ разговаривать. Вы знаете мои капризные припадки молчаливости — нынче у меня какъ разъ такой припадокъ».

Это письмо было адресовано въ Тамбовъ, слѣдующее далѣе — въ Симбирскъ; оно помѣчено 24 ноября 1838 года.

Сначала идутъ вопросы о здоровьи и медицинскіе совѣты; далѣе Майеръ пишетъ:

«Позвольте сказать вамъ нѣсколько словъ о себѣ. Я одинъ въ Ставрополѣ; Филипсонъ еще не вернулся, Сальстетъ также, Юревичъ отправился къ ногайцамъ, гдѣ ему поручено произвести обслѣдованіе, Голицынъ завертѣлся въ вихрѣ ставропольскаго свѣта.

«Однако, это одиночество не тяготитъ меня; во-первыхъ, я сплю — и много, затѣмъ я перебираю въ памяти свои проказы прежнихъ

---

*) По-русски въ подлинникѣ.

лѣтъ — здѣсь m-me на первомъ планѣ; я также немного читаю. Сказать по правдѣ и безъ излишняго самомнѣнія, мнѣ нѣтъ надобности много читать; я знаю тьму вещей, затѣмъ у меня много точекъ зрѣнія и такъ-называемыхъ оригинальныхъ идей, которыя не приходятъ въ голову сочинителямъ книгъ. Я читаю, чтобы дать точку опоры моему, можно сказать, болѣзненно-подвижному воображенію, или чтобы отдѣлаться отъ горькихъ и печальныхъ воспоминаній.

«Въ сущности я начинаю думать, что искренно люблю m-me — *вспоминая о ней, сердце какъ бы чѣмъ-то жгучимъ обливается* *), буквально. Постарайтесь узнать, что сталось съ нею — именемъ Бога молю васъ объ этомъ. Если вы желаете мнѣ добра, напишите мнѣ о ней какъ можно подробнѣе.

«Я приготовилъ большое письмо къ Огаревымъ, но не рѣшаюсь его отправить, такъ какъ не вполнѣ увѣренъ, что они будутъ рады ему. Г-жа Огарева — очень милая женщина; это одна изъ тѣхъ граціозныхъ фигуръ, которыя я вызываю въ волшебномъ фонарѣ моихъ воспоминаній; я былъ бы радъ еще разъ встрѣтиться съ нею.

«Я дважды навѣщалъ моихъ пріятелей въ Прочномъ Окопѣ; они дѣйствительно честные люди и питаютъ ко мнѣ сердечную дружбу. Я провелъ съ ними дней десять. Мы много толковали съ Одоевскимъ объ Огаревой — но только хорошее, будьте увѣрены.

«Генералъ Граббе — хорошій человѣкъ и начитанный; онъ мнѣ очень нравится. Мы съ нимъ не сблизились настолько, насколько я былъ близокъ съ покойнымъ Вельяминовымъ доброй памяти. Г-жа Граббе — доброе, наивное, граціозное существо; представьте себѣ Лаццару В. Гюго замужемъ и матерью шестерыхъ дѣтей.

«Едва ли я оставлю Кавказъ раньше года, хотя всѣ убѣждаютъ меня сдѣлать это. А вы—пріѣдете ли вы сюда въ четвертый разъ? и ваши хлопоты насчетъ поѣздки за границу оказались-ли тщетными?

«Кажется, я старѣюсь, потому что становлюсь равнодушенъ. Но 36-й и затѣмъ 38-й годы сломили всю мою энергію; это было тяжелое испытаніе, я плакалъ кровавыми слезами, я пережилъ минуты предсмертной муки — да проститъ Господь виновницѣ моихъ страданій».

Намъ остается добавить нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Николая Васильевича Майера. Въ 1840 году онъ былъ прикоман-

---

*) Тоже.

дированъ къ Н. Н. Раевскому и здѣсь познакомился съ воспитательницей и другомъ жены Раевскаго, Софьей Андреевной Дамбергъ, на которой вскорѣ и женился; у него было двое сыновей-близнецовъ. Майеръ умеръ въ 1846 году. Вдова его долго была директрисой Кушниковскаго института въ Керчи, потомъ до смерти жила съ Раевскою въ Петербургѣ; сыновья ея окончили горный институтъ *).

Если сравнить Вернера съ Майеромъ, то не трудно убѣдиться, что съ внѣшней стороны портретъ поразительно вѣренъ. Лермонтовъ сохранилъ и нѣмецкую фамилію, и врачебную профессію, и малый ростъ, и хромоту, и худощавость, и уродливую форму головы, и волосы стриженные подъ гребенку, и свѣтскія манеры. Сохранилъ онъ въ докторѣ Вернерѣ и нѣкоторыя духовныя черты Майера: острый умъ, скептицизмъ и вмѣстѣ поэтическій складъ души, сарказмъ и любовь къ парадоксамъ, наконецъ, влеченіе къ женщинамъ и способность увлекать женщинъ. И при всемъ томъ, вы сразу чувствуете, что предъ вами другой человѣкъ. Майера люди, близко знавшіе его, характеризуютъ, какъ человѣка остроумнаго, дѣятельнаго, искренняго, съ характеромъ нервнымъ и вспыльчивымъ, разговоръ котораго былъ полонъ живости и душевной теплоты, который любилъ спорить, и спорилъ безъ конца, до утренней зари. Его письма задушевны: онъ счастливъ возможностью назвать кого-нибудь другомъ; съ горечью и грустью говоритъ онъ о томъ, что люди плохи, что они холодны и равнодушны ко всему человѣческому и стараются подавить въ себѣ то, что могло бы показать, что они люди.—Вернеръ не споритъ, потому что заранѣе знаетъ, что обо всемъ можно спорить до безконечности. Онъ изучилъ всѣ живыя струны сердца человѣческаго, какъ изучаютъ жилы трупа, и не тѣшитъ себя иллюзіями. Ничто не можетъ ни сильно обрадовать, ни глубоко огорчить его; печальное для него смѣшно, а смѣшное грустно. Холодность, самообладаніе, эгоизмъ и равнодушіе — это его отличительныя черты. Въ немъ нѣтъ и тѣни искренности и задушевности Майера. И любопытно, что Лермонтовъ, сохранивъ въ Вернерѣ всѣ внѣшнія черты Майера, счелъ нужнымъ измѣнить его глаза. О Майерѣ Филипсонъ

---

*) Воспоминанія Г. И. Филипсона, Р. Арх. 1883 г. № 6, стр. 296, и 1884 г. № 2, стр. 361.

говоритъ: «Въ его добрыхъ и свѣтлыхъ глазахъ было столько симпатичнаго...»; по словамъ Огарева, «его глубокіе каріе глаза смотрѣли живо и умно, но въ нихъ скоро можно было отыскать слѣдъ той внутренней человѣческой печали, которая не отталкиваетъ, а привязываетъ къ человѣку». — У Вернера «маленькіе *черные* глаза, старающіеся проникнуть въ ваши мысли».

Ясно, въ какомъ направленіи Лермонтовъ видоизмѣнилъ живое лицо Майера: онъ сильно окрасилъ его въ печоринскія краски. Вернеръ — больше, чѣмъ пріятель Печорина: это его братъ по крови, и Печоринъ недаромъ характеризуетъ себя и Вернера заодно, какъ людей однородныхъ *). Но онъ гораздо слабѣе Печорина, онъ менѣе цѣленъ; его ледяная оболочка не такъ прочна, и чувство легче прорывается чрезъ нее. Въ немъ нѣтъ законченности Печорина; его глаза «всегда безпокойны», тогда какъ взглядъ Печорина, тоже проницательный, «равнодушно-спокоенъ». Вернеръ и Грушницкій — одинъ подобіе, другой каррикатура Печорина — нужны были Лермонтову для того, чтобы показать распространенность, *типичность* психическихъ чертъ, изъ которыхъ сотканъ Печоринъ, ибо, по мысли Лермонтова, выраженной въ предисловіи къ «Герою нашего времени», Печоринъ—не индивидуальный портретъ, а типическій образъ пороковъ цѣлаго поколѣнія въ «ихъ *наиболѣе полномъ* развитіи».

Сатинъ разсказываетъ, что Майеръ обидѣлся, узнавъ себя въ докторѣ Вернерѣ, и когда «Княжна Мери» была напечатана, писалъ ему о Лермонтовѣ: «Pauvre sire, pauvre talent!» (жалкій человѣкъ, жалкій талантъ).

Домъ Кетчера.

Н. Х. Кетчеръ, неотдѣлимый отъ Москвы московскій старожилъ, штабъ-физикъ, «перепершій намъ Шекспира на языкъ родныхъ

---

*) «Вотъ насъ двое умныхъ людей, — говоритъ Печоринъ доктору; мы знаемъ заранѣе, что обо всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово — для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное намъ смѣшно, смѣшное — грустно, а вообще, по правдѣ, мы ко всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя».

осинъ», «цензоръ нравовъ» и вольный виночерпій въ кружкѣ Грановскаго, Герцена, Бѣлинскаго, — фигура настолько своеобразная и по-своему привлекательная, что, конечно, всякому, кто читалъ что-нибудь о московскихъ кружкахъ 40-хъ годовъ, врѣзались въ память его крупныя, характерныя черты. Въ воспоминаніяхъ о той эпохѣ и въ перепискѣ ея дѣятелей сохранилось множество анекдотовъ о немъ, а Герценъ оставилъ намъ его блестящую характеристику — не столько психологическій портретъ, сколько естественно-историческій очеркъ изъ области зоологіи. Дѣйствительно, въ немъ было что-то мамонто-подобное, какая-то допотопная огромность и безшабашность. Безсребренникъ и вѣчный буршъ, богатырь ростомъ и здоровьемъ, годами не заглядывавшій въ баню и къ цирюльнику, онъ, по словамъ Герцена, «утромъ копался въ саду, сажалъ и пересаживалъ цвѣты и кусты, даромъ лѣчилъ бѣдныхъ людей въ околодкѣ», потомъ переводилъ Шиллера или Шекспира, вечеромъ шелъ въ шероховатомъ пальто верблюжьяго цвѣта изъ-подъ Сокольниковъ на Арбатъ къ пріятелямъ, и здѣсь съ громкимъ хохотомъ разливалъ вино, спорилъ о романтизмѣ, безъ надобности ругалъ и безъ причины обнималъ друзей, и вернувшись домой, «вмѣсто молитвы на сонъ грядущій читалъ рѣчи Марата и Робеспьера». Друзья, которыхъ онъ любилъ «до притѣсненія», платили ему нѣжной привязанностью. До насъ дошла записочка Грановскаго къ женѣ отъ 1848 года, писанная у постели больного Кетчера, при которомъ, кромѣ Грановскаго, безотлучно находились Огаревъ, Сатинъ и Пикулинъ («Письма Грановск.», стр. 294). Теперь, когда наша умственная жизнь распылена, когда нѣтъ и подобія тѣхъ тѣсно-спаянныхъ мыслью и симпатіей кружковъ, намъ любопытно заглянуть въ ихъ интимный бытъ, въ ихъ домашнюю обстановку. Одинъ изъ эпизодовъ этой домашней жизни и предлагается здѣсь вниманію читателей, именно исторія покупки друзьями дома для Кетчера. Нижеслѣдующія письма писаны членомъ кружка, докторомъ Павломъ Лукичемъ Пикулинымъ, занимавшимъ каѳедру на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета.

16 декабря 1852 г.

Любезные друзья Сатинъ и Огаревъ!

Грановскій обѣщалъ сообщить вамъ о нижеслѣдующемъ дѣлѣ, но не сообщилъ. Поэтому я берусь за это. Дѣло идетъ о старикѣ Кетчерѣ *).

*) Кетчеру было въ это время всего около 45 лѣтъ, но онъ былъ старше всѣхъ остальныхъ членовъ московскаго кружка, почему его и называли «старикомъ» и «родителемъ».

Вамъ извѣстно, что Тургеневъ подарилъ Кетчеру свою книгу «Записки Охотника» *). Кетчеръ издалъ ее и думалъ быть богачемъ. Но, за уплатою долговъ своихъ и чужихъ, осталось ему 700 руб. сер., которые онъ положилъ въ банкъ и билетъ отдалъ Серафимѣ **). Въ надеждѣ на богатство бѣдняга мечталъ купить домишко, въ которомъ можно было бы развести садъ, огородъ. Нерѣдко онъ говорилъ мнѣ,что «не дурно бы купить вотъ этотъ домикъ, что стоитъ противъ моихъ оконъ. Вѣроятно, за него возьмутъ не болѣе 2,000 р. с.». За домъ просятъ не двѣ, а четыре тысячи сер. Замолчалъ Кетчеръ о покупкѣ дома, молчитъ о садѣ.

Поэтому, господа, предлагаю всѣмъ пріятелямъ Кетчера, всякому по мѣрѣ силъ, содѣйствовать въ доставленіи старику Кетчеру собственнаго крова. Это его мечта, о которой онъ и не думаетъ теперь. Эта мысль такъ принята всѣми пріятелями Кетчера, что даже Евг. Коршъ проситъ не забыть его сотню рублей.

Считая долгомъ увѣдомить и васъ объ этомъ дѣлѣ, прошу извѣстить меня какъ можно поспѣшнѣе о вашемъ капиталѣ. Жертвуйте сколько можете. Въ настоящее время собрано денегъ: Грановскій 250 р. сер., Ник. Щепкинъ 300, Фроловъ 1.000, Пикулинъ 150. Еще не получили извѣстій отъ двухъ Станкевичей, Мельгунова и васъ. Если отъ васъ получимъ 500 р. сер., то, кажется, наберется 3.000 р. сер. Если у васъ нѣтъ денегъ теперь, напишите, и мы найдемъ. Мы хотимъ это сдѣлать скорѣй.

Комитетъ составленъ изъ Грановскаго, Пикулина, Н. Ф. Павлова и Н. Щепкина. Какъ только будетъ купленъ и отдѣланъ домъ, такъ составляется обѣдъ, куда пригласятъ и Кетчера. Въ началѣ обѣда поднесутъ ему черновую купчую и списокъ друзей, соучаствовавшихъ въ этомъ дѣлѣ. Вѣроятно и вы пріѣдете въ Москву на этотъ праздникъ. Неужели нѣтъ?»

2 февраля слѣдующаго года Пикулинъ уже сообщаетъ Сатину, что «дѣло Кетчера сильно идетъ впередъ». Кромѣ упомянутыхъ выше суммъ, получено еще изъ Парижа: отъ А. Станкевича 1.000 р., отъ Ив. Станкевича 300, отъ Ив. Тургенева 200, да Солдатенковъ далъ 1.000, да столько же обязался внести Сатинъ. Найденъ уже и домъ— не домъ, а цѣлая усадьба, на Новой Басманной, противъ станціи желѣзной дороги: «Земли до трехъ десятинъ, изъ которыхъ двѣ заняты столѣтнимъ лѣсомъ, состоящимъ изъ липы, березы и ели. Прудъ

*) Это было 1-е изданіе «Записокъ Охотника», 1852 г.
**) Жена Кетчера.

до 100 саженъ въ квадратѣ, на немъ островъ съ вѣковыми березами. Въ саду течетъ еще рѣчка Чечёра. На дворѣ три колодца громовой воды. Домъ каменный одноэтажный, стѣны неимовѣрной толщины, но дерево все нужно передѣлать. Цѣна ему до 4½ тыс. сер., да на поправку нужно около 2.000». «Завтра, — пишетъ Пикулинъ, — ѣду съ архитекторомъ сдѣлать смѣту, что будетъ стоить починка дома, и тогда, смотря по деньгамъ, приступимъ къ покупкѣ его. Я хлопочу безъ устали и спѣшу доставить родителю собственный садъ. Весна на дворѣ, пора копать парники, черезъ 3 недѣли сажать сѣмена, а дома нѣтъ. Просто бѣда! Вчера Кетчеръ взялъ у меня цѣлый ящикъ сѣмянъ. «Перебрать ихъ хочу, — говоритъ онъ, — чтобы сѣять у тебя, потому что у меня не стоитъ портить сѣмена: кошки все погадили въ прошломъ году».

Домъ, о которомъ сейчасъ шла рѣчь, былъ назначенъ въ продажу на 31 марта; и вотъ, 5 апрѣля Пикулинъ съ торжествомъ извѣщаетъ:

«Добрый и милый Сатинъ!

Съ радостью спѣшу извѣстить васъ, что *домъ купленъ!* Послѣдніе торги были 31 марта и мы пріобрѣли его за 3.655 руб. сер. Въ понедѣльникъ начнемъ хлопотать о купчей, чтобы къ празднику кончить и поздравить старика съ новосельемъ. Если бы вы пріѣхали! Вотъ былъ бы праздникъ старику. Коршъ и Кавелинъ обѣщались прикатить въ Москву — имъ легко это сдѣлать. Не знаю, какъ устроить этотъ юбилей, и потому прошу вашего совѣта. Дѣло вотъ въ чемъ: такъ какъ этотъ домъ нужно передѣлать внутри, на что потребно, по крайней мѣрѣ, цѣлый мѣсяцъ, то, чтобы не упустить весенняго сезона для сада и огорода, мы полагаемъ объявить объ этомъ старику до отдѣлки дома и до совершенія купчей. Слѣдовательно, старику объявимъ мы на Страстной недѣлѣ, собравъ самыхъ близкихъ его друзей. Потомъ дѣло становится еще затруднительнѣй: какъ объявить ему объ этомъ? Ну, какъ заоретъ и откажется, вотъ бѣда! Дайте совѣтъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что такое дѣло умилитъ добраго Кетчера. Неужели онъ захочетъ оскорбить старыхъ друзей.

Я до сихъ поръ не могу повѣрить, что Кетчеръ — propriétaire. У меня въ головѣ все какъ-то смутно, все не вѣрится, что у Кетчера домъ. Помните ли вы то время, когда бѣдный Коршъ безъ гроша отправлялся со всей семьею въ Петербургъ, кругомъ въ долгу, и какъ объявили пріятели о его положеніи близкимъ его, и какъ въ моихъ глазахъ едва-едва набрали 500 руб. сер., и то съ

какимъ-то молчаніемъ, неохотно. А теперь, когда и пріятелей стало меньше, да и дѣла Кетчера не такъ плохи, какъ были тогда дѣла Корша, и въ продолженіе какихъ-нибудь 2 мѣсяцевъ набрали слишкомъ 5.000 руб. сер.!»

Передача дома сошла однако гладко. 21 апрѣля Пикулинъ пишетъ Сатину:

«Спѣшу обрадовать васъ, что старикъ принялъ домъ съ радостью и со слезами на глазахъ. Вотъ какъ это было. Мы рѣшили объявить ему потихоньку, безъ свидѣтелей, почему отправились къ нему вечеромъ во вторникъ на Страстной и послѣ долгаго молчанія Грановскій сказалъ ему, что друзья его купили ему домъ. Кетчеръ отъ волненія поблѣднѣлъ, потомъ сказалъ намъ: «спасибо, господа, вы меня одолжили такъ, что...» Больше ничего не сказалъ родитель, а только махнулъ рукой. На другой день мы всѣ отправились въ домъ и пробыли въ саду до вечера, хотя еще нѣтъ ни одного листочка, а кой-гдѣ лежитъ и снѣгъ».

По дому предстояло еще много хлопотъ, такъ какъ друзья хотѣли ремонтировать его, снабдить террасою, оранжереей, парниками, новой мебелью и полнымъ хозяйственнымъ инвентаремъ — лодкою, заступами, граблями, лейками и пр., купить растеній для сада и нанять ростовскаго огородника.

Но тѣмъ временемъ дѣло внезапно приняло новый оборотъ, причинъ котораго мы не знаемъ. 16 августа Пикулинъ сообщаетъ:

«Домъ уже купленъ и Кетчеръ живетъ въ немъ вотъ уже 10 дней. Вѣроятно, вамъ извѣстно, что тотъ домъ, который мы уже купили, мы должны были уступить другому. Настоящій домъ Кетчеръ нашелъ самъ и къ крайнему моему прискорбію не хотѣлъ слушать никого и мимо всѣхъ купилъ его; но онъ такъ старъ, что я рѣшительно боюсь за него. Сегодня мы съ подрядчиками осматривали его и рѣшили, что подобный домъ поправлять нечего, а нужно сломать его и выстроить новый. Вотъ бѣда! Кетчеру мы не говоримъ ни слова, да и вы ради Бога не пишите о ветхости его покупки. Онъ повѣсилъ носъ. Вчера мы разсмотрѣли это дѣло съ Грановскимъ и рѣшили идти благословясь впередъ».

Самъ Кетчеръ 11 ноября писалъ Сатину:

«Новаго ничего — живемъ попрежнему, съ тою только разницей, что я въ новомъ домѣ, которымъ до сихъ поръ очень доволенъ, хотя и порядочно возни съ нимъ».

Очевидно, ремонтъ былъ сдѣланъ, и новоселье Кетчера рѣшено

было отпраздновать 31 декабря; это видно изъ послѣдняго находящагося у насъ письма Пикулина, отъ 23 декабря *).

«Сегодня у Грановскаго мы рѣшили порадовать нашего старика Кетчера и выписали изъ Петербурга Корша и, можетъ быть, Кавелина (у котораго, впрочемъ, на-дняхъ долженъ быть наслѣдникъ или наслѣдница); будетъ ли послѣдній, или нѣтъ — мы не знаемъ. Я предложилъ Фролову и Грановскому вызвать и васъ, любезные друзья Сатинъ и Огаревъ; но они рѣшительно приняли мое предложеніе за баснословную вещь. Говорятъ, какъ можно пріѣхать въ Москву изъ Пензы въ 3 дня! Поэтому и оставили васъ въ сторонѣ, написавъ Коршу пригласительное письмо общими силами. Сколько разъ въ бесѣдахъ нашихъ мы вспоминали о васъ! Одинъ разъ хотѣли сдѣлать къ вамъ посланіе, но старикъ не хотѣлъ писать къ Огареву, на котораго, какъ онъ говоритъ, сердитъ и котораго, вѣроятно, принялъ бы въ объятія. Старикъ убѣжденъ, что Огарева не пустятъ. Ахъ, друзья мои, какъ бы хотѣлось, чтобы это письмо дошло во-время. Можетъ быть вы бы пріѣхали, хоть на 2 дня, какъ было бы хорошо! Корша во всякомъ случаѣ мы постараемся придержать до 3 или 4 генваря. Главный сборъ, къ которому мы ждемъ Корша, 31 декабря. Сборъ назначенъ у меня. Вотъ было бы превосходно, если бы вы пріѣхали къ этому дню и вмѣстѣ встрѣтили Новый годъ. Право, господа, это не трудно сдѣлать. Если нужны деньги, то мы ихъ достанемъ. Хоть день, да проведемъ хорошо. Спѣшите, я увѣренъ, что вы не откажетесь, ручаюсь, по крайней мѣрѣ, за Сатина. Огаревъ, неужели ты не пріѣдешь на 2 дня, неужели ты такъ устарѣлъ, что друзья не могутъ имѣть на тебя вліяніе? А какъ обрадуется Коршъ! Теперь въ нашемъ кружкѣ какъ-то весело, всѣ вспоминаютъ старое, Грановскій сегодня даже растрогался до слезъ, вспоминая всѣ похожденія Огарева и Кетчера. Въ этомъ настроеніи онъ бросился писать къ Коршу пригласительное письмо и хотѣлъ то же сдѣлать съ вами, но благоразумный Кетчеръ удержалъ его, сказавъ, что это невозможно. Покажите, добрые друзья, можно это, или нѣтъ? Не обманите ожиданій любящаго васъ

Пикулина.

Они, не мудрствуя, знали секретъ жить по мудрому правилу, которое проповѣдуетъ и Ницше: *надо человѣку имѣть свои праздники!*

---

*) Это письмо было послано съ эстафетой.

ЛЮБОВЬ Н. П. ОГАРЕВА.

I.

31-го марта 1835 года Герцену, Огареву, Сатину и другимъ подсудимымъ по дѣлу о пѣніи пасквильныхъ стиховъ въ Москвѣ былъ въ окончательной формѣ объявленъ приговоръ: Герценъ ссылался въ Пермскую губернію (откуда его, какъ извѣстно, скоро перевели въ Вятку), Огаревъ — въ Пензенскую, т.-е. подъ надзоръ отца, богатаго и вліятельнаго помѣщика этой губерніи. Оба они до приговора высидѣли въ одиночномъ заключеніи восемь мѣсяцевъ. 9-го апрѣля Огаревъ былъ отправленъ въ ссылку.

Ему было двадцать два года, онъ былъ поэтъ и философъ, поклонникъ сенъ-симонизма и нашихъ декабристовъ, сибаритъ и баловень. Его лучезарная юность не была ничѣмъ омрачена; еще ни разу жизнь не требовала его сурово къ отвѣту, ни разу не смутила его дѣтской безпечности не только горемъ или заботой, но даже простымъ принужденіемъ. Легко, какъ веселая прогулка съ друзьями въ лѣтній день, прошли университетскіе годы, еще свободнѣе и веселѣе стало потомъ, когда отецъ жилъ большей частью въ деревнѣ и ничто не мѣшало мечтамъ и пирушкамъ въ дружескомъ московскомъ кружкѣ. И восемь мѣсяцевъ одиночнаго заключенія въ Петровскихъ казармахъ не нарушили праздничнаго колорита этой беззаботной юности: они взвинтили мечтательность до энтузіазма, до упоенія мыслью о мученичествѣ за народную свободу, — даромъ, что все дѣло шло только о пѣніи вольныхъ стиховъ въ пьяномъ видѣ и что заключеніе было не очень тяжело.

Итакъ, ссылка. Это было совсѣмъ не страшно, скорѣе забавно. Герцену въ далекой и чуждой Вяткѣ дѣйствительно приходилось

начинать серьезную жизнь, но Пенза, при тамошнихъ связяхъ и положеніи отца, Пензенская губернія, гдѣ было родное гнѣздо, гдѣ Огаревъ провелъ и часть дѣтства, и всѣ лѣта потомъ, — это развѣ только въ шутку можно было назвать наказаніемъ. Разумѣется, все-таки было досадно: разлука съ друзьями, удаленіе изъ Москвы, скудость и неподвижность провинціальной жизни сулили жестокую скуку. Но у Огарева было, казалось, достаточно ресурсовъ: во-первыхъ, поэзія, во-вторыхъ, фортепіано (онъ былъ страстный музыкантъ), въ-третьихъ — и это стояло на первомъ планѣ — работа надъ созданіемъ грандіозной философской системы, долженствовавшей объяснить бытіе изъ сочетанія матеріи и идеи и дать твердую основу для предстоящей всему дружескому кружку кипучей дѣятельности на пользу человѣчества.

Жандармъ, сопровождавшій Огарева, доставилъ его, повидимому, прямо въ Пензу, гдѣ по зимамъ проживалъ старикъ. Была уже весна, половина апрѣля, и въ Пензѣ молодой Огаревъ пробылъ, вѣроятно, не долго: съ наступленіемъ лѣта отецъ и сынъ перебрались въ деревню, въ помѣстительную барскую усадьбу села Акшена, Саранскаго уѣзда.

Наши свѣдѣнія объ отцѣ Огарева скудны. Повидимому, портретъ его нарисованъ Огаревымъ въ поэмѣ «Радаевъ», но тутъ могутъ быть и черты старика Яковлева, отца Герцена. Человѣкъ, близко знавшій Платона Богдановича Огарева, писалъ о немъ еще въ 1817 году: «онъ не веселаго нрава и нѣсколько гипохондрикъ, но человѣкъ крайне честный и самыхъ добрыхъ правилъ» *). Дальнѣйшіе годы вѣроятно еще только усилили ипохондрію стараго вдовца, а къ тому времени, когда опальный сынъ былъ насильно водворенъ въ родительскомъ домѣ, старикъ былъ уже очень плохъ здоровьемъ: лѣтъ семь назадъ съ нимъ случился апоплексическій ударъ, и съ тѣхъ поръ его организмъ неудержимо разрушался. Приходилось щадить его, да и Огаревъ — какъ это обычно между взрослымъ сыномъ и старикомъ-отцомъ въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ мать рано умерла,—былъ сильно привязанъ къ отцу.

Старикъ, повидимому, съ перваго же дня рѣшилъ повести правильную атаку противъ вкусовъ и занятій сына, неприличныхъ для богатаго наслѣдника и дворянина. Увозя сына изъ Пензы въ

---

*) Письмо Ѳ. А. Голубцова къ М. М. Сперанскому, *Рус. Стар.*, 1902, іюнь, стр. 476.

деревню, онъ постарался окружить его здѣсь веселымъ и беззаботнымъ обществомъ и для этого пригласилъ съ собою нѣсколько молодыхъ родственниковъ обоего пола. Не обошлось дѣло и безъ красивой дворовой дѣвушки, какъ будто случайно выбранной для услугъ молодому барину, — все это, какъ писалъ Огаревъ, «изъ любви ко мнѣ и изъ желанія мнѣ добра, и для того, чтобы освободить мою голову отъ міра идей и изгнать изъ нея всякое подобіе серьезной мысли» *).

Началась неравная борьба, изъ которой не было выхода; отецъ изъ любви на каждомъ шагу подавлялъ волю сына, сынъ изъ любви же уступалъ и уступалъ. Письма молодого Огарева наполняются горькими жалобами. «Ты говоришь,—пишетъ онъ Герцену **),— что я имѣю выгоду быть выше обстоятельствъ... Но теперь и меня закабалили обстоятельства. Вообрази, что я почти ничего не дѣлаю по невозможности. Есть человѣкъ, котораго я люблю, и этотъ человѣкъ уродъ въ нравственномъ отношеніи, и мысль о его смерти связывается съ мыслью о моей будущности. Это ужасно!.. Я сказалъ ему: я поэтъ, а онъ назвалъ меня безумнымъ, онъ назвалъ бреднями то, чѣмъ дышу я. Нѣтъ! силъ недостаетъ терпѣть!» Онъ вспоминаетъ время, проведенное въ тюрьмѣ, — счастливое время, когда мысли кипѣли въ умѣ, — «а теперь все пустѣетъ, умъ тупѣетъ, душа холодна, мысль хочетъ повидаться съ умомъ, а ей говорятъ: дома нѣтъ». Въ другой разъ онъ пишетъ***): «Я не высвободился изъ подъ опеки родительской. Но поди сюда самъ и взгляни на этого старика, семь лѣтъ влачащаго жалкое, болѣзненное существованіе... И если бы я вздумалъ освободиться изъ-подъ опеки его *любви* — не забудь: *любви*, — то ты скажешь мнѣ: безсовѣстный!» Для работы надъ философской системой Огареву нужны были книги — много книгъ, французскихъ и нѣмецкихъ, ему нужны были журналы, нужны были деньги на посылку писемъ къ друзьямъ, что тогда стоило дорого; но именно всего этого не желалъ старикъ, и Огаревъ пересталъ получать деньги на руки, а долженъ былъ брать ихъ у дворецкаго, который, разумѣется, и велъ имъ счетъ. «Чортъ знаетъ, — пишетъ онъ, — я пересталъ быть мотомъ съ тѣхъ

---

*) «П. В. Анненковъ и его друзья», С.-П., 1892, стр. 48.

**) «Изъ переписки недавнихъ дѣятелей», *Русск. Мысль*, 1888, сент., стр. 3—4. Это письмо писано, конечно, въ августѣ 1835 г., а не 36-го, когда Огаревъ уже былъ женатъ.

***) «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 38.

поръ, какъ некусь о чистотѣ души, но мнѣ досадно только то, что, имѣя всѣ способы тратить на вздоръ (который называютъ дѣломъ), не имѣю копѣйки подать нуждающемуся въ ней. Я разъ говорилъ, но теперь уже молчу, не спорю; пусть же исполнится моя преданность къ старику, хвали или брани, а мнѣ опять кажется, что я дѣлаю *такъ*» *).

Не улучшилось положеніе молодого Огарева и въ Пензѣ, куда онъ по осени переѣхалъ съ отцомъ. Напротивъ, здѣсь атака была поведена еще планомѣрнѣе. Анненковъ, основываясь на тогдашнихъ письмахъ Огарева, разсказываетъ, что въ Пензѣ старика окружалъ цѣлый ареопагъ родственниковъ и высокопоставленныхъ лицъ мѣстной аристократіи, «которые всѣ смотрѣли на уединенныя занятія сына, какъ на продолженіе агитаторской мысли, возникшей у него еще въ Москвѣ». Усилія отца, горячо поддерживаемаго въ этомъ отношеніи роднею, направились къ тому, чтобы вовлечь блуднаго сына въ легкій и веселый обиходъ пензенскаго «свѣта». Пришлось подчиниться и въ этомъ. Отказываться отъ приглашеній, манкировать визитами — значило огорчать отца. И вотъ Огаревъ ѣздитъ на балы, дѣлаетъ визиты и, хотя это ему тягостно, хотя онъ презираетъ это пустое общество («лучшій человѣкъ въ Пензѣ — mon valet de chambre», пишетъ онъ однажды) и часто даже не умѣетъ скрыть это **), но молодость беретъ свое: онъ волочится и влюбляется въ пензенскихъ барышень.

Между прочимъ Огаревъ — опять-таки, вѣроятно, по настоянію отца—зачислился въ канцелярію мѣстнаго губернатора «по статистическому кабинету». Служба Огарева была, разумѣется, чистой синекурою: въ его тогдашнихъ письмахъ ни разу не упоминается о какихъ-либо служебныхъ занятіяхъ; но она могла способствовать большему сближенію Огарева съ губернаторскимъ семействомъ, которое, разумѣется, и безъ того знало его, какъ одного изъ самыхъ богатыхъ и видныхъ въ губерніи молодыхъ людей.

Губернаторомъ былъ тогда въ Пензѣ Александръ Алексѣевичъ Панчулидзевъ, дореформенный помпадуръ щедринскаго типа, — важный, надутый, самодержавно правившій своей губерніей съ помощью двухъ-трехъ фактотумовъ (въ томъ числѣ одного чинов-

*) Тамъ же, стр. 39.

**) Одна дама, видѣвшая его въ эту зиму на одномъ изъ пензенскихъ баловъ, разсказываетъ: «онъ былъ молчаливъ, улыбался и имѣлъ важный и холодный видъ». Тамъ же, стр. 47.

ника особыхъ порученій, числившагося *покойникомъ:* онъ спасся отъ уголовнаго преслѣдованія тѣмъ, что былъ показанъ умершимъ), казнокрадъ и взяточникъ на широкую ногу, бравшій съ двѣнадцати губернскихъ откупщиковъ по двѣ тысячи въ годъ, но умѣвшій такъ ловко вести свои дѣла, что до Петербурга ничего не доходило, и кончившій свою карьеру лишь въ 1860 году, послѣ 28-лѣтняго хозяйничанья въ Пензѣ, когда ревизія, назначенная новымъ правительствомъ, заставила сенатъ удалить его отъ должности *). Это былъ, конечно, не такой человѣкъ, которому молодой Огаревъ могъ бы внушать симпатію, и наоборотъ; будь Огаревъ не сынъ богатаго и почтеннаго Платона Богдановича, здѣсь, безъ сомнѣнія, разыгралась бы исторія, совершенно сходная съ той, которая въ это самое время происходила въ Вяткѣ между ссыльнымъ Герценомъ и Тюфяевымъ. Но и помимо мѣстныхъ связей, здѣсь вмѣшались особенныя обстоятельства. Во-первыхъ, Огаревъ былъ музыкантъ, а Панчулидзевъ оказался завзятымъ любителемъ музыки: у него былъ прекрасный, говорятъ, оркестръ изъ своихъ крѣпостныхъ, человѣкъ въ тридцать **), и капельмейстеровъ онъ выписывалъ изъ-за границы; такъ, имъ былъ выписанъ Іоганнисъ, впослѣдствіи дирижеръ московскаго театра, и позднѣйшая дружба Огарева съ Іоганнисомъ началась, вѣроятно, еще тутъ, въ Пензѣ. Музыка въ губернаторскомъ домѣ и была, надо думать, однимъ изъ магнитовъ, притягивавшихъ туда Огарева. Другой притягательной силой оказался цѣлый цвѣтникъ молодыхъ дѣвушекъ, наполнявшихъ губернаторскій домъ; тутъ жили: сестра Панчулидзева, Софья Алексѣевна (на которой позднѣе женился упомянутый выше Іоганнисъ), и четверо молодыхъ его племянницъ — Марія Александровна Ребиндеръ, Лидія Михайловна Сушкова и двѣ Рославлевы, Софья Львовна и Марія Львовна ***). Ссыльный Огаревъ былъ, что называется, первый женихъ въ губерніи, какъ по происхожденію и столичной образованности, такъ въ особенности по богатству. При такихъ условіяхъ губернаторъ, озабоченный судьбою пяти дѣвицъ, долженъ былъ, разумѣется, съ особенной благосклонностью поощрять и жаловать молодого человѣка. И ожидаемое не заставило себя долго ждать:

---

*) О Панчулидзевѣ см. любопытныя «Записки» И. В. Селиванова, *Рус. Стар.*, 1880, іюнь, стр. 289 и сл.

**) Тамъ же, стр. 292.

***) Воспоминанія Г. И. Мѣшкова, рукопись, въ Румянц. музеѣ.

еще въ эту же зиму Огаревъ влюбился, и прежде чѣмъ наступила весна, онъ былъ женихомъ. Счастливицей оказалась младшая изъ Рославлевыхъ, Марія Львовна. Она была старше Огарева, на много ли, мы не знаемъ. Сатинъ — ближайшій тогда, послѣ Герцена, другъ Огарева — говоря о женитьбѣ Огарева, замѣчаетъ: «съ той стороны, разумѣется, не были упускаемы разныя ловушки, которыя не остались безъ успѣха» *).

Огаревъ отнюдь не былъ новичкомъ въ дѣлахъ любви. Въ томъ кругу, гдѣ онъ жилъ, наслѣдственные нравы и обиліе соблазновъ при условіяхъ крѣпостного быта открывали юношѣ невозбранный и легкій путь въ эту сторону, а Огаревъ и отъ природы былъ крайне женолюбивъ. Онъ рано узналъ любовь; онъ каялся потомъ невѣстѣ, что въ 17 лѣтъ имѣлъ отношенія «безъ любви съ обѣихъ сторонъ, постыдный торгъ между неопытнымъ мальчикомъ и публичною дѣвкой; это былъ первый шагъ къ пороку»**). Потомъ у него былъ романъ съ молоденькой родственницей, жившей у нихъ въ домѣ, романъ, кончившійся тѣмъ, что мать увезла бѣдную дѣвушку отъ Огаревыхъ***). Къ студенческимъ же годамъ относится и другой эпизодъ — его связь съ простой дѣвушкой, о чемъ онъ самъ потомъ разсказалъ въ своей автобіографической «Исповѣди лишняго человѣка»; и теперь, очутившись въ «ссылкѣ», онъ, за короткое время до знакомства съ Маріей Львовной, успѣлъ пережить, по крайней мѣрѣ, два увлеченія. Это были двѣ его кузины изъ числа той молодежи, которая, по приглашенію отца, проводила лѣто въ Акшенѣ для развлеченія молодого Огарева. Первое увлеченіе было мимолетнымъ: героиня оказалась «глупа, какъ пробка», но второе ему самому казалось серьезнымъ чувствомъ: «это въ самомъ дѣлѣ любовь», писалъ онъ одному изъ друзей ****).

Здѣсь-то, въ связи съ этой лѣтней влюбленностью, не пережившей и лѣта, впервые всталъ предъ нимъ вопросъ о мѣстѣ, которое должна занять любовь въ его жизни. Этотъ вопросъ съ неизмѣнной правильностью возникалъ передъ каждымъ изъ его современниковъ при первомъ серьезномъ увлеченіи, или даже ранѣе, — такъ ска-

*) «Изъ воспоминаній Н. М. Сатина», *Починъ* на 1895 г., стр. 247.

**) «Изъ перепи. нед. дѣят.», *Рус. Мысль*, 1889, окт., стр. 14 (см. ниже).

***) Объ этомъ эпизодѣ см. Пассекъ II, второе изд., стр. 8, и автобіографію Огарева въ «Поляр. Звѣздѣ» гр. Салiаса, 1881 г., гл. III.

****) Анненковъ, стр. 48.

зать, въ чистой теоріи. Таково было знаменіе времени. Еще неясно сознавая, эти юноши, будущіе идеалисты, были проникнуты страстнымъ чувствомъ своего предназначенія. Они видѣли въ себѣ зачинателей новаго строя: философски истолковать бытіе, сведя дуализмъ матеріи и духа къ органическому единству, и затѣмъ перестроить жизнь логически изъ основной идеи, эта цѣль вдохновляла ихъ почти съ религіозной силой. Они не на шутку чувствовали себя апостолами мірового разума, на которыхъ лежитъ *долгъ* указать путь человѣчеству, и они торжественно и бережно относились къ самимъ себѣ, какъ къ избранникамъ. Отсюда та наклонность къ принципіальному аскетизму, которая такъ странно противорѣчила и бурному волненію ихъ богатыхъ юношескихъ силъ и — въ большинствѣ случаевъ—матеріальнымъ условіямъ ихъ жизни, безпечной жизни въ довольствѣ, въ роскоши, среди легко-доступныхъ наслажденій. Теоретически они всѣ готовились отречься отъ жизни для идеи; поэтому, когда предъ ними вставалъ вопросъ о личномъ счастіи, т.-е., прежде всего, о женской любви, они на первыхъ порахъ рѣшительно отвергали самую мысль о возможности такой измѣны *духу*. И Огаревъ, влюбившись въ кузину, поставилъ себѣ этотъ вопросъ и рѣшилъ его точно такъ же, какъ рѣшили его для себя Станкевичъ или Галаховъ. Барышня была увлекательна — «черный, огненный, восточный типъ», и Огаревъ «наслаждался», но вмѣстѣ съ тѣмъ не находилъ покоя: «это прибавка новыхъ терзаній къ прежнимъ», писалъ онъ другу. И какъ было не терзаться? Вѣдь полюбить — значило измѣнить великому дѣлу. «Я часто думаю: неужели и я могу имѣть страсть *индивидуальную, не основанную на самоотверженіи и на жизни универсальной?* Неужели и я эгоистъ?» Однако на этотъ разъ онъ легко одержалъ побѣду надъ собою — разумѣется, потому, что увлеченіе было не очень сильно. «Но я не долженъ предаваться любви: моя любовь посвящена высшей, *универсальной* Любви, въ основѣ которой нѣтъ эгоистическаго чувства наслажденія; я принесу мою настоящую любовь въ жертву на алтарь *всемірнаго чувства*» *).

Скажемъ заранѣе: въ этой борьбѣ сознанія съ естественнымъ влеченіемъ — весь узелъ драмы, которая пройдетъ предъ нашими глазами. Пока еще Огаревъ не соединился съ женщиной въ прочномъ союзѣ, онъ будетъ теоретизировать о первенствѣ идеи надъ личнымъ

*) Анненковъ, тамъ-же.

чувствомъ, о сліяніи личнаго чувства съ Любовью универсальной и пр. А послѣ соединенія теорія уступитъ мѣсто практическимъ попыткамъ рѣшить тотъ же вопросъ; абстрактный вопросъ о возможности совмѣстить любовь къ опредѣленной женщинѣ съ служеніемъ Духу замѣнится очень конкретнымъ и очень труднымъ: какъ устроить свою жизнь въ томъ случаѣ, если женщина, съ которою ты живешь и которую любишь, не раздѣляетъ твоихъ идеальныхъ стремленій? И если всѣ попытки оказываются безуспѣшными, надо ли порвать эту связь ради идеи? Именно въ такое положеніе попалъ Огаревъ; и мы увидимъ, какъ постепенно развертывалась въ его душѣ эта борьба между сознаніемъ и чувствомъ, какъ онъ сначала пробуетъ сдѣлать женщину участницей своей духовной жизни, потомъ, отчаявшись въ этомъ, пытается просто размежеваться съ нею, отстоять, по крайней мѣрѣ, собственную свободу въ извѣстныхъ предѣлахъ, но и здѣсь терпитъ неудачу, — и какъ онъ все-таки не порываетъ съ нею, научившись въ долгой борьбѣ съ самимъ собою *уважать* жизнь и все живое — не только чужую личность, но собственное элементарное чувство. И въ этомъ выстраданномъ сознаніи, что никакой идеализмъ не даетъ права грубо попирать жизнь, насиловать чувство, предъ нами встанетъ послѣднее завершеніе эволюціи глубоко-жизненной, исторической въ подлинномъ смыслѣ слова. Все личное здѣсь отходитъ на задній планъ — характеръ Огарева, характеръ его жены, всѣ безчисленныя особенности обстановки; чрезъ всю ихъ драму яркой нитью проходитъ историческій процессъ, и личное играетъ здѣсь только ту роль, что оно дало благодарный матеріалъ для олицетворенія этого процесса. Вотъ почему романъ Огарева представляетъ значеніе, далеко превосходящее его анекдотическій интересъ: въ немъ съ рѣдкой наглядностью—по крайней мѣрѣ, одной своей стороною— отразилось умственное движеніе цѣлой эпохи, незабвенной эпохи тридцатыхъ годовъ.

Но вернемся къ разсказу. Любовь къ кузинѣ длилась не долго и, миновавъ, оставила въ сердцѣ, непослушномъ разуму, острое чувство пустоты. Уже въ концѣ августа Огаревъ пишетъ другу: «Еще одна страсть волнуетъ меня: любовь къ женщинѣ. Я вездѣ ищу этой любви, какъ чего-то небеснаго, и, вмѣсто мечтательной Луизы, подвертывается Фаустова Гретхенъ или баядера». Конечно, разумъ осуждалъ эгоистическую, личную любовь; но женской ласки

такъ хотѣлось, и въ концѣ-концовъ всегда оставалась лазейка: личное чувство, пожалуй, еще усилитъ пылъ къ добру,—надо только, чтобы на лицо оказалась дѣвушка, способная раздѣлить твои стремленія.

И вотъ она оказалась тутъ, подъ рукой, въ верхнихъ комнатахъ губернаторскаго дома. Романъ разыгрался со стремительной быстротой. Уже 11-го февраля Огаревъ и Марія Львовна объяснились; объясненіе произошло на балѣ, въ сторонкѣ отъ веселящейся толпы, среди разговора «о мірѣ небесномъ», о свѣтломъ царствѣ будущаго *). 3-го марта Панчулидзевъ доносилъ Бенкендорфу, что находящійся подъ его надзоромъ Николай Огаревъ вошелъ къ нему съ просьбою о позволеніи жениться на дочери саратовскаго помѣщика, надворнаго совѣтника Льва Рославлева, дѣвицѣ Маріи Львовнѣ, имѣя на то согласіе отца своего, дѣйствительнаго статскаго совѣтника П. Огарева, и что таковое разрѣшеніе имъ дано **). Вѣнчаніе должно было состояться въ концѣ апрѣля.

Нижеслѣдующія письма, писанныя въ короткій промежутокъ между обрученіемъ и свадьбой, какъ нельзя лучше рисуютъ душевное состояніе Огарева въ началѣ его романа. Все въ немъ еще смутно, незрѣло, наивно, точно легкій утренній туманъ, пронизанный первыми солнечными лучами. Но въ этихъ пылкихъ мечтаніяхъ, въ этомъ абстрактномъ идеализмѣ уже чувствуются зародыши будущихъ сознательныхъ стремленій, которыя и приведутъ Огарева къ драмѣ.

Письма эти писаны по-французски, частью въ самой Пензѣ, изъ дома въ домъ, частью изъ деревни ***).

1.

Знаешь ли, твоя записка такъ тронула меня, что доставила мнѣ больше удовольствія, нежели твоя вспышка причинила мнѣ огор-

---

*) «Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ», *Русск. Мысль*, 1902, ноябрь, стр. 146—7.

**) М. К. Лемке, «Очерки жизни и дѣят. Герцена, Огарева и ихъ друзей», *Міръ Божій*, 1906, апрѣль, стр. 123.

***) Всѣ письма Огарева къ Маріи Львовнѣ и обратно, приводимыя въ настоящемъ очеркѣ, воспроизводятся съ подлинныхъ рукописей. Тѣ изъ нихъ, которыя въ подлинникѣ писаны по-французски, сообщаются здѣсь въ переводѣ, что, и отмѣчается въ каждомъ случаѣ.

ченія. Но твоя вспышка была законна, и чтобы покончить съ этимъ разномыслiемъ, я хочу разсказать тебѣ все, что могло бы снова вызвать ее, и не будемъ больше говорить объ этомъ.

Пятнадцати лѣтъ я мечталъ о любви чистой и небесной, какую ощущаю сейчасъ; шестнадцати — пылкое воображеніе заставило меня полюбить; меня постигло разочарованіе, подорвавшее мою вѣру въ любовь. Семнадцати лѣтъ я захотѣлъ обладать женщиною и обладалъ ею, безъ любви съ обѣихъ сторонъ — позорный торгъ между неопытнымъ мальчикомъ и публичной дѣвкой. Это былъ первый шагъ къ пороку. Человѣкъ такъ устроенъ отъ природы, что, разъ познавъ женщину, онъ долженъ продолжать. Говорятъ, что это—физическая необходимость; я не вѣрю этому; я убѣжденъ, что чистый человѣкъ долженъ избѣгать всякой связи, чуждой любви, хотя бы въ ущербъ своему физическому благосостоянію. Но я съ жадностью ухватился за тотъ взглядъ — и отдался пороку; иногда меня мучило раскаянье, но большей частью я усыплялъ свою совѣсть.

Можешь ли ты признать истиннымъ чувствомъ тѣ немногія любовныя ощущенія, которыя я испыталъ въ то время? Нѣтъ; это были лишь усилія духа облагородить гнусность поведенія. Могъ ли я долго лелѣять эти мнимыя влюбленія? Нѣтъ: меня не могла удовлетворять женщина, лишенная развитаго ума, женщина, не носящая въ себѣ любви къ прекрасному и великому, чья любовь не возвышается до истинной любви, но есть лишь инстинктъ, лишь предчувствіе чего-то лучшаго, чѣмъ она сама. И я удалялся тотчасъ, когда не могъ преодолѣть отвращенія, истерзавъ себѣ душу мнимой любовью и неумѣстной ревностью. Эти женщины были не по мнѣ.

Единственная, которую я могу истинно любить, это ты, и я клянусь тебѣ, что эта любовь будетъ вѣчною, — клянусь и отдаю себѣ полный отчетъ въ томъ, что это значитъ. Марія, неужели ты можешь думать, что у тебя была предшественница? Нѣтъ, я живу другой жизнью съ тѣхъ поръ, какъ люблю тебя; возьми меня перерожденнаго, и забудь прежняго меня: то былъ почти звѣрь, этотъ — человѣкъ. Не ты должна повергаться къ моимъ ногамъ, а я къ твоимъ — ты чиста, какъ ангелъ, твоя вспышка была вспышкой презрѣнія, которое внушаютъ ангелу человѣческіе пороки. Но прости меня, люби меня, не покидай меня; безъ тебя все для меня кончено. Клянусь, я никогда не обману твоего довѣрія ко мнѣ. Если, прочитавъ это, ты простишь мнѣ мое прошлое, приди, бросься въ

мои объятія, — я чистъ теперь, и да не будетъ больше рѣчи о прошломъ!

Что я долженъ, по-твоему, сдѣлать съ этой дѣвицей? Прогнать ее было бы жестоко. Неужели ты не вѣришь твоему Колѣ? Ея присутствіе мнѣ самому тягостно; но она очень весела; я послалъ ей денегъ, а ей только того и надо. Я толкнулъ ее на позорную дорогу: имѣй же состраданіе ко злу, которое я сдѣлалъ, — я только этого и прошу.

Въ этихъ послѣднихъ строкахъ рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о той связи съ какою-то простой дѣвушкой, которую мы выше упомянули; въ числѣ другихъ своихъ грѣховъ Огаревъ, очевидно, повѣдалъ Маріи Львовнѣ и этотъ. Въ «Исповѣди лишняго человѣка» эта исторія разсказана подробно; вся «Исповѣдь» въ своихъ стихотворныхъ отрывкахъ представляетъ такую точную до мельчайшихъ подробностей автобіографію, что нѣтъ никакихъ основаній усомниться въ вѣрности и этого эпизода. А онъ характеренъ въ высшей степени: въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отразилось то типичное для Огарева и его друзей сочетаніе стоицизма съ бурностью молодыхъ страстей и дворянскимъ, крѣпостническимъ легкомысліемъ разврата, о которомъ мы только что говорили. Вотъ этотъ отрывокъ *).

Едва усы пробилися, какъ пухъ,
А я уже безумно сдѣлалъ мерзость.
Подруга бѣдная безпечныхъ дней,
Забытая, несчастная Анюта,
Приходитъ же однако образъ твой
Тревожить мнѣ конецъ безплодной жизни...
А я любилъ, какъ любятъ въ первый разъ, —
Когда конца любви и не предвидишь.
Позабывалъ я свой научный трудъ
И проводилъ съ тобой и дни и ночи,
Часъ безъ тебя мнѣ былъ невыносимъ...
Но мысль одна и тутъ держалась цѣло
И даже въ страсть вносила жизнь свою —
Мысль о борьбѣ за общую свободу...
И помню я —бывали сны въ ночи
Про будущій переворотъ народный;
И я будилъ тебя и говорилъ
О томъ, какъ міръ быть долженъ перестроенъ

---

*) *Стихотворенія Н. П. Огарева*, М., 1904, т. II, стр. 419—421.

И какъ собой я жертвовать готовъ...
Ты слушала — не знаю, понимала ль,
Въ сочувствіе я вѣровалъ охотно.
Да! Я любилъ въ мальчишескомъ бреду, —
Любилъ съ полгода, да потомъ и бросилъ.
За что? зачѣмъ?.. Соскучился любить?
Ты жъ изъ простыхъ была — легко и бросить.
А впрочемъ, нѣтъ! Разсчета подлаго
Я не имѣлъ, а самъ не зналъ, что дѣлалъ...
Взялся опять за свой научный трудъ,
Но съ этихъ поръ я какъ-то дико, разомъ
Внутри себя духъ стоика носилъ,
И жажду дѣлъ могъ замѣнять разгуломъ —
Карикатурою эпикурейца.
Я бъ могъ сказать, какъ многіе: среда!
Среда... И я — великій человѣкъ —
Силъ не имѣлъ въ ней удержаться чистымъ.
Я помню — разъ на улицѣ я встрѣтилъ
Студента одного... изъ тихонькихъ,
Такъ, дурачка, и подлаго вдобавокъ.
«А знаете вы новость», — говоритъ, —
«Вѣдь родила на-дняхъ Анюта ваша,
Но мальчикъ вашъ не прожилъ даже дня;
Я отъ ея знакомой это слышалъ,
Которую сбираюсь бросить самъ:
Она мнѣ тоже больно надоѣла». —
Я думалъ, я совсѣмъ схожу съ ума, —
Все вспыхнуло — раскаянье и жалость
И даже стыдъ, что съ этакимъ скотомъ
Я становлюсь теперь на ту же доску...
Духъ гордости и тутъ не измѣнилъ!
Нѣтъ, не среда — я, человѣкъ, былъ гадокъ.

2 *).

Малекнисса, 1 марта 1836 г.

Ты требуешь, чтобы я объяснился, Марія. Итакъ, исполняю твое желаніе, и думаю даже, что это необходимо. Но предварительно я долженъ тебѣ сказать, что ты ошибаешься, говоря, что наши сердца больше не бьются заодно, что твое звучало отрицательнымъ тономъ, а мое желало. Нѣтъ, мой другъ, мое

*) Отрывки изъ нижеслѣдующихъ трехъ писемъ были помѣщены въ «Перепи. нед. дѣят.», *Русская Мысль*, 1889, октябрь, стр. 5—7.

сердце также не хочетъ ничего, лишь только я съ тобою, потому что тогда мнѣ чудится, что я у дверей блаженства, и я ничего не желаю; тягостное чувство, которое я испыталъ, было порождено скорѣе воспоминаніемъ, чѣмъ желаніемъ. Зачѣмъ я сказалъ тебѣ это — не знаю, и это мнѣ было больно; какой-то рокъ толкнулъ меня это сдѣлать. Итакъ, слушай.

Представляешь ли ты себѣ ясно человѣка резигнаціи, человѣка, который отказывается отъ всего: отъ наслажденій жизни, даже отъ своей любви къ истинѣ? Онъ требуетъ награды за свое самоотреченіе, — небо отвѣчаетъ ему: надѣйся, — и онъ покоряется. Я былъ такимъ человѣкомъ. Я овладѣлъ истиной, по крайней мѣрѣ той, которая въ наше время могла бы послужить обновленію человѣчества; я отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы осуществить ее, и я рѣшился не наслаждаться, а обречь себя. Тогда во мнѣ жила тысяча противорѣчій: лѣность и дѣятельность, жажда наслажденій и моральная сила; я хотѣлъ любить и боялся любить. Въ это время мы встрѣтились. Я полюбилъ тебя, и я хотѣлъ удалиться, чтобы мое присутствіе не навлекло несчастія на твою голову. Я хотѣлъ этимъ наложить на себя двойное отреченіе: остаться на предначертанной дорогѣ, и никогда не смущать твоего покоя своей любовью. Но эгоизмъ любви одержалъ побѣду, — я не могъ устоять. О, какъ я тебя люблю, мой другъ! Знаешь ли ты, что моя любовь къ тебѣ безгранична? Нѣтъ, клянусь Богомъ, я никогда такъ не любилъ и никогда не полюблю. Чѣмъ болѣе я узналъ тебя, тѣмъ сильнѣе любилъ. Наконецъ, — была ли то сдѣлка съ совѣстью, или искренній крикъ души, — я сказалъ себѣ: столь прекрасная душа должна быть соучастницей великаго назначенія, — она будетъ моей женой! Но однажды я сказалъ тебѣ: моя жизнь будетъ бурна, хотите ли сопутствовать мнѣ? И ты отвѣтила мнѣ: «Думаете ли вы, что у меня не хватитъ силы выдержать?» О, Марія, что я почувствовалъ въ ту минуту, невозможно передать; это было счастіе благодарности, любовь, доходящая до религіозности; я чувствовалъ, какъ вздымается моя грудь, и я могъ только сказать тебѣ: «Благодарю!» Если бъ можно было, я бросился бы тебѣ на шею и плакалъ бы, какъ ребенокъ, и былъ бы счастливъ, какъ богъ. Мнѣ казалось, что ты примкнула ко мнѣ, что и ты посвящаешь себя святому дѣлу, и, чудилось, я чувствовалъ въ тотъ мигъ на нашихъ головахъ благословеніе Бога.

А теперь, Марія, малѣйшая угроза твоему спокойствію заставила бы меня поблѣднѣть!.. О, другъ мой! я не ошибся, сказавъ,

что я долженъ, быть можетъ, вырвать изъ моей книги страницу резигнаціи. Но что дѣлать! Если бы ты не была моей, у меня не хватило бы силъ выполнить мои планы, даже просто жить. И вотъ, случилось... Это — облако на небѣ моего счастія; можетъ быть, это смутитъ и твой духъ, но ты можешь понять, какъ мучительно отказываться отъ своихъ убѣжденій. Но не сердись на меня за то, что я сказалъ тебѣ это, прости меня, утѣшь меня, выйди мнѣ навстрѣчу, когда я вернусь, обними меня со всей любовью, какая въ тебѣ есть, и я все забуду — страданія, планы, небо и землю, — все для тебя, все для тебя, Марія, все для тебя!..

3.

Я зналъ блаженство на землѣ, котораго не промѣняю даже на блаженство рая, блаженство, за которое я могу забыть всѣ страданія моихъ ближнихъ, — всѣ, повторяю, — блаженство, за которое я былъ бы готовъ отдать будущность, если бы она была несовмѣстима съ нимъ; это блаженство, Марія, — наша любовь. О, моя возлюбленная, да сгинутъ эти слова раздора, нарушающія нашъ союзъ, изгонимъ все, что походитъ на злобу, чтобы не исчезла любовь, чтобы она осталась чиста и ясна, какъ прежде. Будемъ бережно лелѣять этотъ цвѣтокъ, нездѣшній цвѣтокъ, чья родина — небо. Марія, у меня навертываются слезы на глазахъ, когда я подумаю, что мы въ ссорѣ! Великій Боже! мы, такъ сильно любившіе другъ друга! Спѣши, спѣши ко мнѣ осушить эти слезы, кинься въ объятія твоего возлюбленнаго, и пусть наша любовь будетъ основою всемірнаго благоволенія.

Марія, я — слабое дитя; не много нужно, чтобы разбить меня. И все-таки во мнѣ еще достаточно хорошаго, чтобы я заслуживалъ быть ввергнутымъ въ ничтожество. Моя любовь глубока, Марія, — вотъ почему мнѣ кажется, что я чего-нибудь стою; но въ то же время она, къ несчастію, лишаетъ меня разсудка, именно потому, что она глубока; я во всемъ вижу посягательства на ея святость, и въ эти минуты безумія мое сердце часто обливается кровью. Будь терпима и милосердна къ этому безумству, Марія. Если я спорилъ нынче, то лишь потому, что считаю свою мысль согласной съ принципомъ добра. Если я ошибался, прости мнѣ, люби меня такъ, какъ тогда, когда ты дала мнѣ это кольцо и этотъ крестъ, который я ношу на шеѣ. Дай мнѣ быть счастливымъ, дай мнѣ сдѣлать тебя счастливою.

Правда, я эгоистъ, но я крѣпко держусь за нашу любовь, потому что это — глубочайшая жизнь моей души. Безъ нея все пусто. Но взвѣсь хорошенько, что̀ ты будешь думать и дѣлать, чтобы не сбиться съ дороги любви универсальной, ибо отнынѣ я буду примѣняться къ тебѣ. Твоя любовь для меня важнѣе, нежели универсальная любовь. Боже благости, прости мнѣ! Вотъ какъ я люблю тебя, Марія.

4.

23 апрѣля, 4 часа утра *).

Вчера я былъ печаленъ, печаленъ, какъ еще никогда. Почему? Не знаю. Конечно, это не была ревность, — я слишкомъ вѣрю тебѣ, чтобы ревновать. Но два чувства, двѣ мысли волновали мой духъ. Я былъ такъ удаленъ отъ тебя въ теченіе всего дня—вотъ одна изъ причинъ моей грусти. Затѣмъ всѣ эти люди, Марія, эти люди, называющіе себя твоими друзьями, — такъ недостойны тебя. Эта дама съ печатью глупости во взорѣ, этотъ господинъ съ маленькими лживыми глазами и толстымъ животомъ, съ физіономіей, обнаруживающей физическіе аппетиты, ужасно раздражали меня. Господи, думалъ я, возможно ли, чтобы этотъ олицетворенный матеріализмъ безнаказанно приближался къ этому существу, столь чистому и святому, которое я называю *моей* Маріей? Другъ мой, рѣчи этого господина меня ужасаютъ; это эгоизмъ, порождающій полный скептицизмъ, но втиснутый въ тѣсную рамку обыденности. Говорю тебѣ, этотъ человѣкъ испугалъ меня, потому что онъ неглупъ. Волна мизантропіи нахлынула на меня, и я не могъ совладать съ нею; мнѣ приходилось дѣлать усиліе надъ собою, чтобы поддерживать разговоръ съ этими людьми. По возвращеніи домой мизантропія обратилась на меня самого, и въ памяти моей воскресла вся лѣтопись моей порочности. Наконецъ мое лихорадочно-возбужденное воображеніе сосредоточилось на самомъ порокѣ, и моя мысль начала купаться въ омутѣ разврата. Въ эту минуту я былъ недостоинъ тебя, Марія. Прости мнѣ это, — можетъ быть, это было вызвано какимъ-нибудь разстройствомъ въ организмѣ. Духъ мой скоро воспарилъ, и теперь я снова твой со всей возвышенностью ума, со всей чистотой и непорочностью души, со всей святой страстью мой любви

*) Это было за три дня до свадьбы.

къ тебѣ. Отъ этого я не сомкнулъ глазъ до сихъ поръ, потому что ко всему этому внутреннему волненію присоединялись еще несносныя прелести моей квартиры.

Теперь покой вернулся въ мою душу. Утро восхитительно. Солнце едва встало и видъ на равнину безподобенъ. Теперь я могу думать о тебѣ и соединять съ тобою всѣ мысли, которыя кишатъ въ моей головѣ, и сливать съ ними грезы о будущемъ.

Черезъ три дня ты будешь моей женой, Марія, черезъ три дня мы всецѣло будемъ принадлежать другъ другу, и отнынѣ наша судьба будетъ едина. Пойдемъ, Марія, исполнять ее. Я чувствую, нѣкій Богъ живетъ и говоритъ во мнѣ; пойдемъ, куда насъ зоветъ его голосъ. Если у меня довольно души, чтобы любить тебя, у меня навѣрное хватитъ и силы, чтобы идти по слѣдамъ Христа — на освобожденіе человѣчества. Ибо любить тебя, значитъ любить все благое, Бога, вселенную, потому что твоя душа открыта добру и способна охватить его, потому что твоя душа вся — любовь. Да, моя любовь къ тебѣ дѣлаетъ меня гордымъ. Нынче я не промедлю минуты, чтобы придти увидать тебя и обнять. Въ твоихъ объятіяхъ, Марія, я чувствую себя — себя и цѣлый міръ идей и любви, и цѣлую будущность, полную величія, — въ твоихъ объятіяхъ я чувствую себя возвышеннымъ, возвышеннымъ, какъ наша любовь. Никто не въ силахъ понять нашу любовь; и пусть ихъ не вѣрятъ, дѣти грязи и праха, пусть тѣшатся своей язвительной улыбкой. Ихъ невѣріе есть невѣріе несчастнаго, отрицающаго все, чтобы освободить свою совѣсть отъ призрака добродѣтели, въ существованіе Бога; они не вѣрятъ, потому что не могутъ любить. Оставь ихъ въ жертву зависти и всѣмъ этимъ мелкимъ терзаніямъ, которыя вызываетъ въ ихъ порочной душѣ видъ добродѣтели. Забудь и презри — я вручаю имъ этотъ даръ отъ всей души.

Наша любовь, Марія, заключаетъ въ себѣ зерно освобожденія человѣчества. Гордись ею! Наша любовь, Марія, это стражъ нашей добродѣтели на всю жизнь. Наша любовь, Марія, это залогъ нашего счастія. Наша любовь, Марія, это самоотреченіе, истина, вѣра въ нашихъ душахъ. Наша любовь, Марія, будетъ пересказываться изъ рода въ родъ, и всѣ грядущія поколѣнія будутъ хранить нашу память, какъ святыню. Я предрекаю тебѣ это, Марія, ибо я пророкъ, ибо чувствую, что Богъ, живущій во мнѣ, предначертываетъ мнѣ мою участь и радуется моей любви къ тебѣ. Прости. Приди въ мои объятія.

II.

Вѣнчаніе состоялось 26-го апрѣля 1836 года въ пензенскомъ каѳедральномъ соборѣ. Мѣсяцъ спустя молодые переѣхали въ одно изъ пензенскихъ имѣній отца, Чертково, для чего Огаревъ взялъ двухмѣсячный отпускъ *).

Что же представляла собою избранница молодого философа, долженствовавшая раздѣлить его великое и суровое назначеніе? Мать Герцена, неизвѣстно какимъ путемъ, получила о ней такія свѣдѣнія: «Невѣста его (Огарева) не молода и не хороша, но какъ образована и умна! Нѣмецкую литературу знаетъ лучше его. Онъ страстно ее любитъ» **). Сохранившійся портретъ Маріи Львовны, масляными красками, писанный вѣроятно вскорѣ послѣ замужества, изображаетъ ее миловидной брюнеткой съ симпатичнымъ, умнымъ, оживленнымъ лицомъ. Ея позднѣйшая пріятельница, А. Я. Головачева-Панаева, говоритъ о ней въ своихъ запискахъ, что она была некрасива, но «въ ея глазахъ было какое-то особенное выраженіе пытливости и пылкости, когда она разговаривала». Что она была умна, объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ, кто ее близко зналъ, какъ Герценъ, Грановскій, Сатинъ, и объ этомъ еще лучше свидѣтельствуютъ ея дневники и письма и письма *къ ней* Огарева и Галахова.

Она была дочерью саратовскаго помѣщика, росла въ богатствѣ и получила, какъ видно, хорошее по тому времени, хотя и безпорядочное образованіе. Она рано потеряла мать***); позднѣе ея отецъ разорился; притомъ—на это есть указанія въ позднѣйшей перепискѣ—ей плохо жилось въ родительскомъ домѣ. Къ тому времени, когда ссыльный Огаревъ попалъ въ Пензу, она съ сестрою уже довольно долго жила здѣсь у дяди (Панчулидзевъ былъ раньше саратовскимъ губернскимъ предводителемъ и въ Пензѣ правилъ съ 1831 года). Анненковъ, опираясь на ея собственныя признанія, сообщаетъ, что «съ молоду она отличалась рѣшительнымъ и взбал-

---

*) М. К. Лемке, цитир. ст., стр. 125.

**) Письмо Наталіи Александровны къ Герцену въ Вятку, 15 апр. 1836 г., Соч. Герцена, русск. изд., VII, стр. 84 и 78.

***) Ея мать, Анна Алексѣевна, сестра Панчулидзева, род. 1793, ум. 1815 г. (см. «Родословіе Вигелей» въ Приложеніи ко 2-му изданію *Воспоминаній* Вигеля).

мошнымъ характеромъ. Очутившись со скудными средствами и въ зависимости отъ постороннихъ лицъ, она устраняла поползновенія общества смотрѣть на нее свысока горделивымъ и презрительнымъ обращеніемъ съ людьми, рѣзкимъ и черезчуръ иногда откровеннымъ словомъ. До самаго замужества она слыла за то, что на свѣтскомъ языкѣ называется «personne fantasque», за фантастическую, невмѣняемую особу»*). Самой рѣзкой чертой ея характера, какъ видно по всей ея дальнѣйшей жизни, было взбалмошное упрямство въ проявленіи своей личности. Въ ней уживались самыя противоположныя влеченія: по натурѣ она жаждала шума, праздниковъ, приключеній, любила роскошь и блескъ, — и въ то же время ее томила какая-то мечта о святости, о красотѣ смиренія и самоотреченія. Она умѣла искренно и беззавѣтно любить, но ни съ кѣмъ не могла ужиться, потому что была совершенно лишена способности сливаться съ чужой личностью; ея любовь представляла рядъ вспышекъ, и въ эти минуты экстаза въ ней раскрывалось, вѣроятно, изумительное богатство духа, полнаго красокъ и огня. Она жила вообще отъ вдохновенія къ вдохновенію, а вдохновлялась она самыми противоположными вещами— внѣшнимъ блескомъ, искусствомъ, идеями, но чаще всего любовью, и никогда нельзя было предвидѣть, куда увлечетъ ее слѣдующій порывъ; а въ промежуткахъ она становилась капризна, неуживчива, упрямо и не слушая настаивала на какомъ-нибудь принципіальномъ рѣшеніи, на своемъ *правѣ*, попираемомъ мужчиной.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она искренно полюбила Огарева и въ одушевленіи этой любви всѣмъ существомъ отдалась его мечтамъ, его душевной жизни, его обстановкѣ. Анненковъ разсказываетъ, что она сумѣла окружить отца, старика Огарева, такимъ вниманіемъ и лаской, что совершенно подчинила его себѣ; и точно такъ же передъ друзьями мужа она сразу выказала себя съ такой выгодной стороны, что возбудила общій восторгъ.

Для этихъ друзей, какъ для самого Огарева, значеніе женитьбы сводилось къ одному основному вопросу: не явится ли она помѣхою къ осуществленію великихъ замысловъ о перерожденіи человѣчества? окажется ли женщина способной слиться съ мужемъ въ его идеалистическихъ стремленіяхъ? Будущая дѣятельность на пользу человѣчества рисовалась имъ пока еще только въ смутныхъ

*) Анненковъ, стр. 60.

чертахъ, но тѣмъ строже, тѣмъ безпощаднѣе были они въ опредѣленіи предпосылокъ этой дѣятельности, изъ которыхъ важнѣйшею являлась любовь. Былъ на-лицо грозный примѣръ: женитьба Вадима Пассека на кузинѣ Герцена Танѣ (извѣстная впослѣдствіи Т. П. Пассекъ) вырвала Пассека изъ ихъ круга, заставила его забыть юношескіе обѣты, превратила его въ обывателя, поглощеннаго семьею и службой. Огаревъ зналъ, что, вступая въ бракъ, онъ долженъ будетъ дать строгій отчетъ друзьямъ, и поспѣшилъ успокоить ихъ увѣреніемъ, что не измѣнитъ общему дѣлу. «Я женатъ съ 26-го апрѣля,—писалъ онъ, вѣроятно, Кетчеру *),— женатъ и счастливъ. Ты писалъ мнѣ, что глаза женщины чаруютъ, и предписывалъ быть осторожнымъ; но я не ошибся въ своемъ выборѣ. Провидѣніе свело насъ, а встрѣтившись, мы не могли не полюбить другъ друга. Да, другъ, другой жены я не могъ бы выбрать и съ другой не могъ бы быть счастливъ, а теперь я счастливъ, совершенно счастливъ. Если при полученіи извѣстія о моей женитьбѣ заронилась въ твою голову мысль сомнѣнія въ твердости твоего друга, то кайся и проси у Бога прощенія; ты меня довольно знаешь, чтобы не сомнѣваться. И вѣрь, что жена моя никогда не совратитъ меня съ пути свыше предназначеннаго, напротивъ, ея любовь очистила мою душу отъ всего порочнаго... Я имѣлъ всегда въ виду жить полною жизнью, развить силу душевную во всѣхъ направленіяхъ, и теперь чувствую, что достиженіе идеала моего — не невозможность. Какъ богата, какъ роскошна во всемъ, что въ мірѣ называютъ прекраснымъ и высокимъ, будетъ жизнь! Мракъ слетѣлъ съ души моей, отчаяніе смѣнилось вѣрою, — только въ такомъ расположеніи духа можно идти впередъ, — и что виною этому? любовь! Да, безъ нея пустота провинціи поглотила бы всего меня, и я не былъ бы ни на что способенъ. Радуйся, другъ, и благодари мою Марію за мое спасеніе!»

То же самое писалъ онъ Герцену, когда въ первый разъ послѣ женитьбы, въ мартѣ 1837 года, собрался написать къ нему **): «Я женился!.. Не смѣй при этомъ словѣ съ горестною улыбкой вспомнить о Танѣ, Танѣ, которая любовью эгоистическою выколдовала

*) Анненковъ, стр. 61.

**) «Изъ переп. нед. дѣят.», *Русск. Мысль*, 1888, сентябрь, стр. 5—6, срав. Герценъ VII, 251, 280—1.

его (Пассека) изъ круга друзей. Моя Марія пожертвуетъ всѣмъ для будущности; не смѣй также сомнѣваться въ твоемъ другѣ; онъ вѣренъ самому себѣ, какъ истина. *Нѣкоторые* сомнѣвались во мнѣ. Но ты — не правда ли? ни на минуту не сомнѣвался; ты лучше знаешь меня... Другъ! я счастливъ ею, люби ее, какъ сестру, она достойна того, я за нее ручаюсь. Я писалъ къ нимъ (т.-е. къ московскимъ друзьямъ), что я счастливъ, но они въ ней видѣли Таню и не радовались моему счастью; они любили во мнѣ орудіе идеи, но не человѣка. Другъ! ты любилъ меня для меня; да, ты будешь радъ, когда я скажу тебѣ: я счастливъ. Ты не скажешь мнѣ неправеднаго укора, ты меня знаешь, ты въ меня вѣришь».

Марія Львовна съ первой минуты поняла, чего отъ нея ждутъ, и, разумѣется, тотчасъ и какъ нельзя искуснѣе вошла въ свою роль. И это вовсе не было притворствомъ съ ея стороны: грандіозность идей, которыя раскрылъ предъ нею Огаревъ, должна была увлечь ея экзальтированный умъ, и вмѣстѣ съ любовью къ мужу и тѣмъ подъемомъ, который она должна была чувствовать въ своей новой обстановкѣ, несомнѣнно внушила ей, по крайней мѣрѣ на время, пылкую приверженность къ этимъ идеямъ. Письмо Огарева къ Герцену сопровождалось другимъ — отъ Маріи Львовны: она давала отчетъ о себѣ лучшему другу мужа. Анненковъ сохранилъ намъ текстъ этого письма. Оно было написано на *трехъ* языкахъ — первыя фразы по-нѣмецки, продолженіе по-русски, конецъ по-французски; и такъ сложна была натура этой женщины, что трудно понять, была ли здѣсь преднамѣренность, съ цѣлью показать Герцену, что предъ нимъ не простушка, или это сдѣлалось само собою, по необыкновенной взбалмошности ума.

«Будь я красива, — писала она *), — тогда былъ бы обманъ, тогда еще могла бы быть опасность. Но жена вашего друга безобразна. Теперь вы спокойнѣе, другъ? (Сверху этихъ строкъ Огаревъ приписалъ, тоже по-нѣмецки: «Все, что здѣсь написано понѣмецки, невѣрно».) Что же могло свести и связать насъ? Онъ былъ дикъ, я съ мужчиной всегда горда. Почти нечаянно вырвавшіяся истины. Правда, Любовь, Вѣра, самоотверженіе, вѣчность были стихіи, въ коихъ я жила съ тѣхъ поръ, что люди и привычка стали задувать во мнѣ огонь воображенія и охлаждать несносную рѣз-

*) Анненковъ, стр. 63—4.

вость. Но простодушіе во мнѣ осталось, и она, и сердце доброе и неутомимое — одни качества или пороки (каждый постигаетъ по-своему) — принесены мною общему другу въ приданое; прибавьте еще любовь безпредѣльную. Вмѣсто того, чтобы нахмуриться, читая ваше письмо, не нарадуюсь, что Н. (Николай) нашелъ помощниковъ и друзей истинныхъ. (Отсюда русскій языкъ замѣняется французскимъ.)

«Выходя замужъ, я понимала, какая мнѣ предстоитъ будущность; но когда однажды постигнешь *эту чистую душу*, которая только и радуется, что радостями ближняго, то вами овладѣваетъ любовь, и чувствуешь въ себѣ способности врачевать ея тоску. Я вообще нетерпѣливаго характера, а нынѣ я соперничаю съ *нимъ* въ терпѣніи и ухаживаніи за его отцомъ, получая въ видѣ награды наслажденіе плакать вмѣстѣ съ *нимъ* и цѣловать его ноги, какъ свидѣтельство моего удивленія. Нужно ли мнѣ говорить вамъ, что другъ вашъ — одинъ изъ самыхъ усердныхъ учениковъ и послѣдователей Христа. Успокойтесь же насчетъ его спутницы, которая нисколько не тщеславна, не легкомысленна, любитъ добродѣтель для нея самой, уважаетъ ваши характеры, господа, и не уступитъ вамъ никогда въ твердости, добротѣ, человѣколюбіи. Каждый вечеръ я молюсь за васъ всѣхъ и призываю на васъ благословеніе Божіе, чтобы оно поддержало васъ на правомъ пути, сохранило Огареву друзей его, а страждущему человѣчеству — его пособниковъ. Я родилась въ роскоши, сведена была обстоятельствами на скудное состояніе въ послѣднее время и съ давнихъ поръ жила сиротой: все это позволило мнѣ очень рано опредѣлять цѣнность людей и вещей. Вотъ почему я была въ состояніи скоро угадать моего друга и теперь принадлежу вамъ. Жизнь для меня привлекательна только съ этой точки зрѣнія — все прочее есть ничто. Если я васъ нѣсколько успокоила, то письмо мое было не напрасно. Еще одно слово. О. принадлежитъ великому дѣлу (à la bonne cause) еще болѣе, чѣмъ мнѣ, а своимъ друзьямъ столько же, сколько и своей возлюбленной. Послѣ всего этого не протянете ли вы мнѣ свою руку?»

Пересылая это письмо своей Наташѣ въ Москву, Герценъ писалъ: «...рѣшилось ужасное сомнѣніе, *кто она*, избранная имъ. Нѣтъ, обыкновенная женщина не можетъ написать *такъ* къ незнакомому, она достойна его».

Первое дѣйствіе драмы вылилось въ героическую идиллію; но въ самомъ ея героизмѣ лежали зародыши будущихъ столкновеній.

III.

У насъ почти совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, какъ жили молодые въ первые два года женитьбы. Огаревъ, повидимому, не тяготился своей ссылкою; онъ писалъ стихи, романъ, драму, трактатъ о воспитаніи, работалъ надъ своей философской системой, и всѣ эти работы бросалъ неоконченными. Бразды хозяйства по прежнему держалъ въ своихъ рукахъ старикъ, и молодые должны были довольствоваться 4 тысячами руб. въ годъ. Въ началѣ 1837 года Панчулидзевъ выхлопоталъ Огареву чинъ коллежскаго регистратора за пятилѣтнюю «службу» и право отлучаться изъ Пензы въ тѣ губерніи, гдѣ были имѣнія его отца *). Этимъ правомъ Огаревъ тотчасъ воспользовался, съѣздивъ съ женою въ рязанскую вотчину, с. Верхній Бѣлоомутъ.

Весною 1838 года, Панчулидзевъ, взявъ у Огарева пять тысячъ взаймы безъ отдачи, вошелъ съ докладомъ о разрѣшеніи ему ѣхать на Кавказъ для лѣченія, приложивъ и медицинское свидѣтельство пензенской врачебной управы. На отпускъ (четырехмѣсячный) послѣдовало высочайшее согласіе, и начальнику кавказскаго жандармскаго округа послано было предписаніе неослабно слѣдить за Огаревымъ во все время пребыванія его на водахъ. Въ началѣ мая Огаревы пустились въ путь **).

Много лѣтъ спустя Огаревъ записалъ свои воспоминанія объ этой поѣздкѣ (очеркъ «Кавказскія воды» въ «Полярной Звѣздѣ» на 1861 годъ). Онъ ѣхалъ на воды для свиданія съ друзьями, Лахтинымъ и Сатинымъ, а больше для того, чтобы разсѣять свою смутную тоску. Это не была тоска по свободѣ или дѣятельности; «это скорѣе была тоска темнаго сознанія, что я свою жизнь пускаю по ошибочной колеѣ». Ему было душно въ атмосферѣ отцовскаго деспотизма и, безсознательно для него, въ немъ уже бродило глухое предчувствіе разлада съ женою, хотя онъ «упорно думалъ, что счастливъ». Какъ-разъ на Кавказѣ, повидимому, впервые ясно обнаружилось несходство ихъ вкусовъ. Въ акшенскомъ домѣ и въ Пензѣ ихъ объединяла оппозиція противъ окружающаго общества; здѣсь этого обруча не было, и, напротивъ, здѣсь они оба, каждый по сво-

*) М. К. Лемке, цит. ст., стр. 126.
**) Тамъ же, стр. 126—7.

ему вкусу, нашли обильный матеріалъ для односторонняго увлеченія: Марья Львовна въ шумной и разсѣянной жизни курортнаго общества, Огаревъ — въ упоеніи восторженныхъ бесѣдъ съ Сатинымъ и декабристомъ А. Одоевскимъ. Давнія мечты Огарева о мученичествѣ за идею проснулись теперь съ новой силой, и на этой почвѣ, подъ вліяніемъ Одоевскаго, въ немъ вспыхнулъ религіозный энтузіазмъ, который долженъ былъ казаться Марьѣ Львовнѣ по крайней мѣрѣ страннымъ: онъ «съ умиленіемъ читалъ Ѳому Кемпійскаго, стоялъ часы на колѣняхъ передъ распятіемъ и молился о ниспосланіи страдальческаго вѣнца... за русскую свободу». Тонкая, едва видная глазу трещина прошла черезъ ихъ любовь. «Какъ ни дружна казалась М. Л. съ людьми, которыхъ я любилъ,— говоритъ Огаревъ, — т.-е. съ Одоевскимъ, Мейеромъ и моимъ неизмѣннымъ Н. (Сатинымъ), сколько ни принимала она участія въ моихъ либеральныхъ стремленіяхъ, но ее влекло въ другую сторону. Ее влекло къ пустой свѣтскости и къ пустымъ удовольствіямъ; я самъ ни прежде, ни послѣ не былъ врагомъ ихъ и могъ предаваться мѣсяцы не только пустымъ, но дикимъ удовольствіямъ; но они не составляли для меня серьезной стороны жизни; для нея, казалось, они были предназначены разыгрывать серьезную сторону, а все дѣйствительно-серьезное только поверхностную сторону жизни. Мое углубленіе въ христіанское покаяніе ей не нравилось не изъ убѣжденія, а потому, что это скучно; сосредоточенность, которую это направленіе на меня навѣяло, она принимала за апатію и скучала; и естественно, чѣмъ больше скучала, тѣмъ больше искала развлеченій. Я смутно чувствовалъ, что между нами ложится черта, которая раздвоится въ бездну; но въ этомъ я самъ себѣ боялся признаться. Я тогда слишкомъ любилъ ее. Мнѣ было больно, и я старался скрывать отъ себя, что мнѣ было больно».

Извѣстіе о новомъ апоплексическомъ ударѣ, постигшемъ отца, заставило Огарева еще до окончанія отпуска поспѣшить домой; онъ уѣхалъ одинъ, Марія Львовна вернулась нѣкоторое время спустя. Старикъ доживалъ послѣдніе дни, и 2-го ноября (1838 г.) его не стало.

Если болѣзнь отца еще до извѣстной степени привязывала Огарева къ родительскому дому, то теперь житье въ провинціальной глуши потеряло всякій смыслъ. Тотчасъ послѣ смерти отца Огаревъ принимается хлопотать о своемъ переводѣ на службу въ Москву подъ предлогомъ болѣзни своей и жены, для чего медицинскія средства города Пензы оказываются недостаточными. Онъ и самъ

написалъ Бенкендорфу, и, главное, поднялъ на ноги всю свою знатную родню — Оленину, князя Гогенлоэ и пр. *). Пока шли эти хлопоты, Огаревы рѣшили, что Маріи Львовнѣ надо съѣздить въ Москву для совѣта съ врачами. По словамъ Анненкова, спутницей и руководительницей ея въ Москвѣ вызвалась быть сосѣдка Огаревыхъ по имѣнію и другъ ихъ дома, Марія Дмитріевна Ховрина, бойкая московская дама, занимавшая видное положеніе въ московскомъ «свѣтѣ». Эта поѣздка не прошла безслѣдно для Маріи Львовны. Въ первый разъ послѣ замужества она очутилась на волѣ съ сознаніемъ своего прочнаго положенія и большихъ матеріальныхъ средствъ. Москва раскрыла передъ нею панораму *настоящей* жизни— шумной, разнообразной, въ блескѣ и весельи, и то, что на время заглохло въ ней, сразу проснулось: у нея закружилась голова отъ соблазна чарующихъ возможностей. Такою, въ легкомъ чаду, встаетъ она предъ нами въ художественныхъ запискахъ пріятельницы Герценовъ, Т. А. Астраковой **). Въ Москвѣ Марья Львовна, разумѣется, намѣревалась познакомиться со всѣми друзьями мужа. Герценовъ еще не было въ Москвѣ. Остальные были предупреждены о ея пріѣздѣ. Встрѣчать ее поѣхали всѣ, и вернулись въ какомъ-то угарѣ; она всѣхъ очаровала умомъ, простотой, привлекательностью, всѣмъ наговорила любезностей, обѣщала побывать у всѣхъ, холостыхъ или женатыхъ, все равно. Къ Астраковымъ она явилась пышная, блестящая, осыпала всѣхъ комплиментами, мѣшая русскій языкъ съ французскимъ, восторженно умилилась хозяйственности Астраковой, когда та сѣла сама разливать чай, потомъ увлекла ея мужа въ гостиную для уединенной бесѣды и, уѣзжая, горячо жала руку хозяйкѣ, увѣряя, какъ она рада, какъ счастлива, что познакомилась съ нею.

Вскорѣ послѣ возвращенія Марьи Львовны въ Акшено, Огаревъ рѣшилъ съѣздить съ нею во Владиміръ — повидаться съ Герценами; друзья не видѣлись со дня объявленія имъ приговора и не знали женъ другъ друга. Изъ Владиміра Огаревъ долженъ былъ поѣхать въ свою рязанскую вотчину Бѣлоомутъ, Марія Львовна — ходатаемъ въ Петербургъ. Это было весною 1839 года.

---

*) Подробности этихъ хлопотъ см. въ указ. ст. Лемке, стр. 236—9.

**) Этотъ отрывокъ изъ записокъ Астраковой вставленъ въ воспоминанія Т. П. Пассекъ, «Изъ дальнихъ лѣтъ», т. II, стр. (нов. изд.) 92—3.

Со времени женитьбы Огарева кончался третій годъ. Какъ нѣжно и глубоко онъ еще въ это время любилъ Марію Львовну, показываетъ стихотвореніе «Станція», написанное имъ въ февралѣ этого года *), во время разлуки съ М. Л. (она еще не вернулась изъ своей поѣздки въ Москву).

Я вспомнилъ, какъ ты здѣсь страдала,
Какъ сердце билось и чело
Болѣзни муки выражало —
И какъ мнѣ было тяжело,
Какъ каждый стонъ подруги милой
Мнѣ скорбно душу волновалъ,
Я то молился, то, унылый,
Себя отчаяньемъ терзалъ.
Но все тогда мнѣ легче было,
Все были вмѣстѣ мы съ тобой,
И все, что сердце такъ любило,
Не разлучалося со мной.
Теперь я на дорогѣ снова,
Но я одинъ, и грустенъ путь,
И не съ кѣмъ нѣжно молвить слова,
Съ любовью не на что взглянуть.
Кругомъ зима, да ночь, да тучи,
Да вьюга снѣгъ мететъ съ земли
И завываетъ вѣтръ могучій,
Да лѣсъ чернѣется вдали.
А въ сердцѣ тайная тревога,
Душа печальна и мрачна!..
О, одинокая дорога,
Какъ ты мучительно скучна!
И ты одна, моя подруга,
И ты грустишь, и въ тяжкомъ снѣ,
Быть можетъ, горестнаго друга
Ты видишь въ дальней сторонѣ.
О! Тяжело намъ разлученье!
Вѣдь насъ навѣкъ въ пути земномъ
Соединило Провидѣнье
Любви негаснущей узломъ.

О свиданіи Огаревыхъ съ Герценами во Владимірѣ (15—19 марта 1839 г.) столько разъ писано, что останавливаться на немъ въ

*) *Русск. Стар.*, 1888, дек., стр. 614. Это стихотвореніе не вошло въ собраніе стихотв. Огарева 1904 года.

подробности здѣсь нѣтъ нужды. Извѣстно, какимъ пламеннымъ счастіемъ наполнились ихъ сердца, какъ всѣ четверо пали на колѣни и молились предъ распятіемъ, и т. д. Въ чаду этого упоенія Марія Львовна, казалось, безповоротно слилась съ остальными тремя въ одно цѣлое, — по крайней мѣрѣ, такъ *имъ* казалось; сама она впослѣдствіи признавалась Герцену, что сцена съ распятіемъ показалась ей натянутой, дѣтской. За пять дней, пролетѣвшихъ какъ мигъ, ни Герценъ, ни его жена конечно не успѣли разсмотрѣть Марью Львовну; если ея голосъ въ первую минуту, какъ Герценъ вспоминалъ впослѣдствіи, рѣзнулъ его по сердцу, то это чувство быстро исчезло въ радостномъ возбужденіи, и Марья Львовна была признана своею, необходимой частью святого союза. Чрезъ два дня послѣ ея отъѣзда Герценъ писалъ ей, что въ ту торжественную минуту предъ распятіемъ совершилась мистерія присоединенія «Наташи къ вамъ и тебя къ намъ»; «Ты вплела твою прелестную жизнь въ его жизнь-поэму, поэму обширную, какъ океанъ и небо, и вмѣстѣ вы стали еще изящнѣе... Слава тебѣ, Марія, Богомъ избранная облегчить жизнь поэта, слава тебѣ!» И Наталья Александровна писала ей: «Къ тебѣ, къ тебѣ, моя Марія, прекрасный другъ! Потребность мѣняться съ тобою мыслями, чувствами развилась еще сильнѣе послѣ нашего свиданія. Мы необходимы другъ другу такъ, какъ Николай необходимъ Александру — и онъ ему. Они тѣсно сплели наши души, они указали имъ одинъ путь, и земной путь намъ одинъ... Мы всѣ четверо — одна душа! Марія, какъ хорошо мнѣ было съ тобой, какъ вольно я переливала мои думы, мою любовь тебѣ; просторно имъ въ твоей груди, она обширна, и всему, всему нашла я въ ней отзывъ полный. Сестра, пойдемъ же всю вѣчность вмѣстѣ во имя Бога, Александра и Николая» *). И московскимъ друзьямъ Герценъ писалъ: «...Что это за женщина Марія Львовна, она выше всякой похвалы. Никъ счастливъ, что нашелъ такую подругу» **).

И самому Огареву на минуту опять показалось, что онъ дѣйствительно счастливъ. Въ тѣ же дни имъ написано извѣстное стихотвореніе: «Благодарю тебя, о, Провидѣнье», — гимнъ любви и дружбѣ, гдѣ дружба олицетворена въ видѣ могучаго дуба, а прообразомъ любви является «магнолія, вѣнецъ всего творенья».

---

*) «Изъ перен. нед. дѣят.», *Русск. Мысль*, 1902, ноябрь, стр. 144—5.
**) Т. П. Пассекъ, «Изъ давнихъ лѣтъ», нов. изд., II, стр. 93.

IV.

Изъ Владиміра, какъ было условлено, Марія Львовна уѣхала въ Петербургъ, Огаревъ — въ Бѣлоомутъ. Онъ ѣхалъ туда за тѣмъ, чтобы приступить къ осуществленію давнишняго своего замысла, чему до сихъ поръ препятствовала власть и, значитъ, жизнь отца— къ освобожденію крестьянъ бѣлоомутской вотчины. Разлука Огаревыхъ продолжалась съ мѣсяцъ; за этотъ промежутокъ и писаны (по-русски) нижеслѣдующія письма Огарева къ Маріи Львовнѣ.

5.

Бѣлоомутъ, марта 21.

Вчера и сегодня писалъ я къ тебѣ, моя Марія, и все, что я писалъ, было такъ грустно, такъ грустно, что мнѣ на себя досадно. Зачѣмъ я огорчаю тебя моей грустью? Это нехорошо. Прости мнѣ. Первая минута разлуки не могла отозваться иначе. Мнѣ нельзя было не высказать кому-нибудь всей скорби, которая свинцомъ лежала на душѣ. И кому же высказать ее, какъ не тебѣ, моему первому другу? Но теперь гнетущая скорбь замѣнилась тихой грустью, всегда мнѣ свойственной. Еще не разъ сожмется сердце, еще не разъ слеза канетъ изъ глазъ; но печаль сердца усладится воспоминаніемъ, но слеза тихо отразитъ прошедшее. Вотъ та комната, гдѣ мы были вмѣстѣ. Здѣсь сиживала ты, здѣсь былъ N., здѣсь мой бѣдный братъ, и тогда, какъ теперь, убитый своимъ ложнымъ положеніемъ. Помнишь ли наши прогулки, нашъ скромный ужинъ, нашу хохотню и наши пренія, нашъ ходъ на колокольню? Боже! какъ это все живо въ моей памяти! И всѣ эти воспоминанія наводятъ на душу что-то свѣтлое, безмятежное. Да, не на что мнѣ жаловаться, нечего роптать на Провидѣніе. Много свѣтлаго имѣлъ я въ жизни, много минутъ, которыя на землѣ захватывали частички изъ царства небеснаго. Наша любовь не есть ли доля изъ міра высшаго? Дружба тоже? Если что было искажено, то это результатъ вліяній внѣшнихъ, чуждыхъ нашей индивидуальной природѣ. Зачѣмъ и какъ явились эти піявицы въ чистомъ ручьѣ, не знаю. Онѣ дали много страданій, нанесли жестокія раны, высосали много хорошаго, влили въ кровь много ядовитыхъ капель. Но вѣрь мнѣ, наши души чисты, и послѣдній часъ омоетъ и залѣчитъ раны раскаяніемъ, и двѣ чистыхъ души

вмѣстѣ явятся подъ благословеніе Христово. О! нашъ послѣдній часъ, моя Марія, смерть въ объятіяхъ другъ друга, послѣдній вздохъ въ послѣднемъ поцѣлуѣ, это будетъ высокое торжество любви. За такую минуту простятся всѣ грѣхи жизни, такая минута радостно отзовется въ душѣ міра. Боже! Боже! со слезами молю тебя— пусть конецъ нашей жизни осуществитъ эту чудесную мечту.

Маша! я отворилъ дверь въ комнату, гдѣ мы спали, и благословилъ мѣсто, на которомъ мы спали, и едва не заплакалъ. Потомъ опять заперъ дверь. Не буду ходить въ эту комнату, не буду спать тамъ. Горькія слезы полились бы, еслибъ я сталъ спать тамъ. Отчаяніе снова овладѣло бы мною. А я не хочу предаваться отчаянію и имъ смущать тебя. Хочу быть твердъ и спокоенъ. Не хочу, чтобъ мои письма мутили тебѣ душу. Хочу, чтобъ они тихо растворяли ее ко всему святому, къ прекрасному міру любви. Хочу, чтобы они наводили тебѣ на умъ думу высокую. Хочу, чтобы слеза, которую ты прольешь, читая ихъ, была слезою не скорби или досады, но тихая слеза любви и умиленія. Маша! Ангелъ мой, поцѣлуй же меня, прижмись сердцемъ къ сердцу, чтобы оба бились въ одинъ тактъ. О, другъ мой, какъ я тебя люблю...

Когда Творецъ въ себѣ къ творенію
Любовь безмѣрную созналъ,
Его съ собой въ соединеніи
Онъ ею свято сочеталъ,
И міръ въ негаснущемъ стремленіи
Къ нему любовью задышалъ.

* * *

Ихъ было двое въ томъ сліяніи,
Въ безмѣрной ихъ любви самой
Ихъ жизни были основанія,
И захотѣлъ Творецъ святой,
Чтобъ всѣ отдѣльныя созданія
Сплелись любовью межъ собой.

* * *

И вотъ въ гармоніи плѣнительной
Любви напѣвы понеслись,
Волна съ волной въ цѣпи стремительной,

И люди братски обнялись,
И съ полнотою упоительной
Всѣ пѣсни въ пѣснь одну слились.

* * *

Но Богъ создалъ *одну* вселенную,
Себѣ подобную создалъ,
И изъ нея къ себѣ нетлѣнную
Любовь любовію воззвалъ,
И ту жъ любовь онъ неизмѣнную
Въ размѣрѣ новомъ начерталъ.

* * *

Отдѣльнымъ въ мірѣ двумъ созданіямъ,
Чтобы — глубоко оживленъ
Ихъ духъ сочувствія сознаніемъ —
Другъ къ другу былъ бы увлеченъ
Любви негаснущимъ желаніемъ,
Какъ міръ къ нему и къ міру онъ.

* * *

И дѣвѣ юноша глубокую
Любовь отъ сердца посвятилъ,
И ту же въ ней любовь высокую
Своей любовью пробудилъ...
Такъ съ неба на землю далекую
Творецъ свой образъ заронилъ.

И Богъ не можетъ жить безъ вселенной, и вселенная безъ него. И вотъ почему, моя Марія, такъ больно сердцу, когда оно еще не любитъ, но только ищетъ любви. И вотъ почему такъ больно сердцу, когда юноша въ разлукѣ съ милой. О, что Богъ сочеталъ, да не дерзнетъ человѣкъ разлучить. Мечта любви вѣчной не есть мечта. Тѣ, которые сознаютъ въ себѣ отраженіе мысли божественной, не должны видѣть предѣла любви. Ихъ любовь должна быть безконечна, какъ любовь Бога къ міру и міра къ Богу, чудная, святая любовь!

Да зачѣмъ же тебя нѣтъ со мною теперь, моя Маша! Когда же я получу отъ тебя письмо? Я заплачу отъ радости. А когда я увижусь съ тобой, о! тогда я стану молиться и благодарить. Теперь прими мое благословеніе. Можетъ быть ты уже спать ложишься.

Теперь 11 часовъ. Прости мнѣ, что я вчера такъ странно адресовалъ письмо. Не умѣю дѣлать пакеты.

Послѣ завтра буду слушать панихиду папенькѣ. Люблю молиться за мертвыхъ; мнѣ кажется, имъ это должно быть такъ сладко. Тутъ же помяну Е. Г. Л *). Она также была однимъ изъ добрыхъ геніевъ моей жизни. Миръ прекрасной душѣ ея!

Прощай, моя Маша, милая Маша, можетъ я усну. Вотъ тебѣ мой поцѣлуй. Спи спокойно. Да приходи же ко мнѣ хоть во снѣ. Давеча я спалъ въ повозкѣ, и мнѣ все снилась ты и они! **) Прощай!..

Утро, 22. Часъ 6½.

Проснулся, больше не могъ уснуть. Что-то дышать тяжело, нездоровится; спать на диванѣ было такъ неловко. Но что толковать объ этомъ, я превозмогу матеріальныя непріятности — и болѣе о нихъ ни слова. Здравствуй, моя Марія, поцѣлуй меня.

Здорова ли ты? Вотъ еще день пройдетъ безъ тебя!..

У Петра Иван. въ комнатѣ ничто не измѣнилось. Тѣ же образа въ золотыхъ ризахъ, тѣ же лампадки передъ ними, тотъ же шкафъ съ фарфоровыми чашками, тотъ же Платовъ виситъ надъ Клеопатрой и Петръ Великій надъ портретомъ хозяйки дома. Прибавилась только одна политипажная картинка площади Monte-Caballo въ Римѣ, присланная при объявленіяхъ о живописномъ обозрѣніи. Къ старымъ декораціямъ явился и новый актеръ играть то комическую роль du seigneur populaire (выраженіе, въ которомъ дерется существительное съ прилагательнымъ), или читать печальный, изъ глубины души какъ стонъ звучащій, монологъ. Но ни слова о скорбномъ. Mille pardons, chère.

Я возлѣ дивана, на которомъ улегся, сдѣлалъ свой кабинетъ, т.-е. уставилъ на крошечномъ столѣ чернильницу съ принадлежностями: печати, и твою между ними, облатки, колокольчикъ, Данте, портретъ, табакерку, Наташину шапочку, часы, портфель и кошелекъ. Тутъ же очистилъ мѣсто для письма, и тутъ же положилъ Евангеліе и Подражаніе І. Х., а на окно уставилъ остальныя книги.

Когда же ты мнѣ напишешь, моя Маша? Когда разскажешь, какъ ты убрала свою комнату, съ кѣмъ ты видѣлась, весело ли тебѣ? Еще день прожду непремѣнно. Какъ это скучно!

---

*) Екатерину Гавриловну Левашову.

**) Т.-е. Герцены.

Петръ Иванов. все такъ же, какъ и прежде, немного потолще Аграфены Григорьевны, которая едва въ дверь проходитъ. У нея болятъ зубы. Купи и пришли мнѣ скляночку зубной мастики у Юнкера — это я ей дамъ въ благодарность за угощеніе.

Какой сегодня день свѣтлый! Какъ все пахнетъ весною! И какъ же мнѣ грустно, моя Марія, что я весну провожу безъ тебя. Какое чудное воспоминаніе пробуждаетъ во мнѣ весна! Лучшее время моей жизни; полное, сердечное сознаніе истинной любви было весною; первый поцѣлуй моей Маріи былъ мнѣ данъ весною. Весна неразлучна для меня съ твоимъ образомъ, и все, все тѣснится въ грудь: и сладкія рѣчи, и долгія рукожатія, и долгіе поцѣлуи, и синенькое платьице, и красненькій платочекъ, и слеза невольно навертывается. А помнишь, какъ мы читали Жака? О! если бъ для твоего счастья нужно было, чтобъ я былъ Жакомъ, я былъ бы Жакомъ; я готовъ на всякую жертву. Но нѣтъ! что я говорю! Развѣ ты можешь любить другого? Развѣ ты можешь найти счастье съ кѣмъ-нибудь, кромѣ Коли? Никогда, никогда!

12 час.

Сейчасъ былъ у обѣдни. Духота страшная. Когда я пришелъ, около меня составилось пустое мѣсто. Страшно мнѣ стало; даже молиться вмѣстѣ со мною не смѣютъ, и я одинъ долженъ былъ молиться, униженный своимъ временнымъ величіемъ. Люди не хотятъ взять меня въ братья. Я отчужденъ отъ нихъ. Что уваженіе безъ любви? Боже, Боже! И во всемъ храмѣ никого, кто бы любилъ меня, — а я, кажется, всѣхъ такъ люблю, такъ чистосердечно всѣмъ желаю добра! Грустно! Грустно!

6.

13 апрѣля, 11 час. вечера.

Еще разъ перечитываю твое письмо и цѣлую его. Но на этотъ разъ я не могу писать. Меня сонъ клонитъ. Вотъ два дня я не могъ заснуть прежде 2 или 3 час. ночи. Лягу и свѣчу погашу, а не спится— мучительная безсонница. Но твое письмо оживило меня. Дитя мое! Въ самомъ дѣлѣ, ты дитя мое. Я твой отецъ духовный. А я твое дитя, я дитя твоего сердца. Счастливы мы, Марія, безмѣрно счастливы. Благословляю тебя, ангелъ мой. Прощай! спи спокойно. Я, кажется, сегодня крѣпко усну. Давно пора, я становился слабъ

отъ безсонницъ. Прощай, Маша, Маша. Скоро вмѣстѣ. Зачѣмъ не завтра? Зачѣмъ нельзя проснуться въ объятіяхъ другъ друга?

14 апр(ѣля), 6½ утра.

Здравствуй, Маша! Сейчасъ проснулся. Все тебя видѣлъ во снѣ, моя милая. Смутенъ былъ сонъ, хорошенько не припомню его, но ты была въ продолженіи всего сна — и этого довольно. Мы были съ тобой въ концертѣ. Потомъ мы съ тобой ссорились за то, что я сказалъ, что терпѣть не могу общества, особенно la haute volée, а кончилось тѣмъ, что мы были съ тобой въ какой-то комнатѣ. Бабочка удивительной красоты, золотистая, ползала по потолку и искала окна вылетѣть и, наконецъ, вылетѣла къ моей великой радости. Я подошелъ къ окну, спрашиваю тебя: это что за бабочка, а нѣсколько бабочекъ висѣли на снурочкѣ, протянутомъ отъ половинки до половинки раствореннаго окна. «Это застегивать пелеринку у платьевъ», — сказала ты. Потомъ я тебя обнялъ, ты поцѣловала меня крѣпко, и я проснулся, и этотъ поцѣлуй до сихъ поръ мнѣ еще чувствителенъ. Давно я не знаю твоего поцѣлуя, давно твоя рука не обнимаетъ меня. Грустно, Маша, очень грустно. Снѣгъ на улицѣ стаялъ. Теперь она начинаетъ быть такою, какъ тогда, когда мы съ тобою здѣсь были. Весна. Какъ же это весною и съ тобой не вмѣстѣ? Всѣ весны я проводилъ съ тобою и всѣ проводилъ дивно хорошо. Когда женихомъ былъ — весна, тамъ еще счастливая весна въ деревнѣ, весна дорогой на Кавказъ и передъ этимъ, когда мы гуляли съ S. и J. Какъ все хорошо было! Вѣдь не безумны ли мы, когда для себя желаемъ перемѣнъ, хотимъ видѣть, что́ — не знаю: людей? мѣста? Но у насъ нѣтъ Италіи, а люди симпатическіе вездѣ встрѣчаются одинъ на 500 т(ысячъ). Одно только— друзей видѣть, моихъ добрыхъ братьевъ, вѣчныхъ спутниковъ.

9 час.

Я все сидѣлъ на крыльцѣ. Какой день — точно лѣто! Скворцы прилетѣли къ своимъ гнѣздышкамъ, которыя имъ люди приготовили надъ жильями. Какъ они милы! Какъ мило распѣваютъ! Я все смотрѣлъ на нихъ. Маша! да зачѣмъ же тебя здѣсь нѣтъ? Какъ ни хороша весна, а все она мнѣ наводитъ грусть на душу. Всѣ прежнія весны приходятъ на память, а теперь тебя нѣтъ, и грустно становится. Дитя мое! дитя мое! Намъ не надо больше разставаться, зачѣмъ разлучать, что Богъ сочеталъ? Всегда вмѣстѣ, Маша, не

такъ ли — всегда вмѣстѣ? Крѣпко обнявшись, совершимъ мы этотъ путь земной и такъ перейдемъ въ вѣчность. Еще много темнаго будетъ въ этой жизни, иначе не бываетъ. Пусть себѣ! Лишь бы душа была свѣтла; лишь бы любовь была свѣтла. Много дурного я дѣлалъ въ жизни, и теперь еще часто есть горькія воспоминанія. Но душа очищается раскаяніемъ, очищается любовью. Вѣдь раскаяніе есть та же любовь къ прекрасному, которая изженяетъ изъ души все дурное, все отвратительное. Чистую душу хочу я принесть тебѣ, моя Марія, на первое свиданье. Въ чистотѣ хочу я поддержать ее до конца. Если Провидѣніе вложило въ меня это желаніе, то оно дастъ мнѣ и силу къ исполненію. Молюсь, надѣюсь и вѣрю. Прости мнѣ все дурное, Маша, благослови на все хорошее. Твое благословеніе мнѣ будетъ свято, я не измѣню ему.

11 час. вечера.

Завтра я получу отъ тебя письмо съ почты. Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду его! Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду возвращенія Алеши. Рѣшится наконецъ вопросъ, который моя безхарактерность дѣлаетъ столь затруднительнымъ. Вообрази, что я теперь каждый день имѣю отъ тебя письма. Я связалъ всѣ въ одну кучку, кромѣ послѣдняго, которое мое любимое (отъ 10 апрѣля). Завтра письмо съ почты, послѣ завтра съ Алешей. Если бъ ты знала, какъ твои письма красятъ мое одиночество. Я оживаю отъ нихъ, становлюсь опять способнымъ къ работѣ, силы возвращаются. Сегодня я много написалъ изъ повѣсти въ стихахъ. Вторая глава почти кончена. За ней послѣдуетъ третья — послѣдняя. Я надѣюсь здѣсь всю кончить. Давеча, послѣ обѣда, я ходилъ гулять. День былъ чудесный. Ока выходитъ изъ береговъ, но ледъ еще не проносило. Еще безхарактерность напала на меня: я сегодня думалъ объ исторіи S. и J.*), и была минута, что я устрашился моего содѣйствія и долженъ былъ упрекнуть себя въ подлости. Ужасно быть человѣкомъ, право, ужасно. Что отчаяваться въ состояніи общественномъ? Ему жить долго, ему путь совершенствованія почти безпредѣленъ. Въ самомъ себѣ можно отчаяваться гораздо справедливѣе. Повторю: если каждый человѣкъ взвѣситъ свою мысль, то каждый сознается, что достоинъ каторги. Ужасно признаться въ этомъ, но это правда.

*) Т.-е. Софіи Алексѣевны Панчулидзевой съ Іоганнисомъ.

Взамѣнъ есть минуты небесной любви. Падшій ангелъ и ангелъ небесный живутъ въ человѣкѣ вмѣстѣ, и мы попеременно достойны ада и рая. Но конецъ всего — рай, этому я вѣрю. Петръ Ивановичъ навѣщаетъ меня каждый вечеръ, и мы говоримъ о дѣлѣ и бездѣльи. Сегодня я просилъ его пріискать мнѣ изъ молодыхъ, порядочныхъ крестьянъ секретаря. Кстати очень догадался. Лучше здѣшнихъ не найдешь.

Какая ночь, Маша! Свѣтлая, полный мѣсяцъ! Безъ тебя онъ мнѣ начался, безъ тебя онъ и кончится. Не даромъ я его увидалъ съ лѣвой стороны. Отчего мнѣ каждый вечеръ становится такъ тяжело? День еще кое-какъ проходитъ въ работѣ. А къ вечеру я утомляюсь и часто не грусть меня беретъ, а просто отчаяніе. Я перестаю думать, перестаю вѣрить, знаю только, что я одинъ, что нѣтъ никого, кто бы любилъ меня, что со мной нѣтъ Маши, — и плакать хочется и не плачется, а только какой-то огонь пробѣгаетъ въ крови, и мнѣ душно, душно нестерпимо. Помню я время казармъ. Право, оно было лучше. Я былъ врозь съ ними, но что-то одушевляло меня. Мученики временъ отдаленныхъ являлись моему воображенью, и я былъ въ какомъ-то непрерывномъ восторгѣ. Восторгъ былъ естественъ, а теперь чувствую, что мой восторгъ натянутъ, что на душѣ скорбь и что я тщетно стараюсь прикрыть ее мнимымъ восторгомъ. Даже моя поэма есть какой-то мнимый восторгъ. Я пишу ее, какъ пьяница пьетъ съ горя. Сколько ни пей, а сверху вина всплываетъ горе. Тяжела минута, когда пьяница очнется: все черное явится еще чернѣй, чѣмъ прежде. Я сегодня рѣшился даже вышить два стакана вина, но оно на меня не дѣйствуетъ. — Марія, Марія! гдѣ ты? Я блуждаю во тьмѣ. Вырви меня изъ этого состоянія. Не дай погибнуть. Письмо еще, хотя письмо, и все завтра, завтра. А сегодня тоска, а сегодня мученье. И какъ-то вдругъ все черное соединяется. Я вижу, какъ ничто не удается въ моемъ дѣлѣ. Я вижу, какъ я ссорюсь съ дядей за S.*) Мнѣ кажется, что я его бью, что это имѣетъ ужасныя послѣдствія, что ты страдаешь. Потомъ кажется, что я у тебя въ ногахъ, прошу любви, а ты говоришь, что я ребенокъ, что я съ ума сошелъ, что ты не умѣешь любить, что ты холодна, какъ ледъ, что ты Lelia. Мало ли что я грежу, точно безумный. Прости меня, Маша, спаси меня. Твое

---

*) Т. е. съ А. А. Панчулидзевымъ за Софью Алексѣевну. Повидимому, Панчул. не соглашался на ея бракъ съ Іоганнисомъ.

письмо мнѣ сладко и горько. Я чувствую, что ты меня любишь, и чувствую, что тебя нѣтъ со мной. Темно, все темно кругомъ меня. Маша, я съ ума схожу. Когда пройдетъ эта ночь?! Я утромъ всегда спокойнѣе. Прощай, Маша, лягу. Принужу себя спать. Маша, Маша! хоть бы слезу твою я почувствовалъ на моихъ щекахъ, — она бы освѣжила меня. И вѣдь какъ вдругъ схватываетъ меня грусть! Боже, прости мнѣ малодушіе! Маша, не сердись на меня. Я люблю тебя. Но я не могу жить безъ тебя, что жъ мнѣ съ этимъ дѣлать? Прощай, прощай! Благословляю тебя. Люби меня. Дай ножки поцѣловать. Кланяйся Аннушкѣ, Маша, обнимаю тебя. Что жъ Алеша не ѣдетъ, Маша? Гдѣ жъ моя вѣра? Воскреси меня, Меричка. Дай поскорѣй прижаться къ твоему сердцу. Вотъ тебѣ двѣ слезы, прощай! Благослови меня. Mon Christ, mon Christ, pardonne moi! Какъ я малодушенъ! Маша, я твой, возьми меня къ себѣ на ручки!

15 апр(ѣля), 6½ утра.

Вотъ я и всталъ. Здравствуй, Мери! Цѣлую тебя тихонько, чтобъ не разбудить. Опять ты во снѣ. Какъ ласкова! лучше, чѣмъ вчера. Но какія странности! папенька былъ живъ. Обѣ тетки пріѣхали къ намъ. Ты что-то ѣла... да; мы обѣдали у Аплечеева! ха-ха-ха!.. Больше ничего не помню. Тьма вздору. Я теперь опять спокоенъ. Утро чудесное! Снѣгъ почти весь стаялъ на улицѣ. Свѣтло. Я сегодня поѣду верхомъ. Сколько я долженъ упрекать себя въ малодушіи! Зачѣмъ я къ тебѣ пишу о минутахъ отчаянной скорби? И зачѣмъ я имѣю ихъ? Грусть тихая, полная безконечной любви,— вотъ мой вѣчный удѣлъ. А отчаяніе — это эгоизмъ; не хочу его.

Сейчасъ я открылъ Imitation de J. C., и вотъ отвѣтъ на всѣ смуты здѣшней жизни, которыя были и будутъ: «Inquietez vous peu de savoir qui est pour ou contre vous; mais donnez tous vos soins à ce que Dieu soit avec vous en tout ce que vous ferez. — Маша! Ну, не высокая ли это книга? Что чище, что выше этого изреченія? А какъ трудно ему слѣдовать! Какъ все хочется позаботиться: не повредитъ ли кто тѣмъ или другимъ. И къ чему? что значитъ этотъ вредъ, если Богъ живъ въ душѣ? Милая Маша, ангелъ мой! Давай вмѣстѣ сильно любить и сильно вѣрить. Изъ земныхъ благъ мы имѣемъ всѣ: другъ друга и друзей. Больше ничего не надо просить у Бога. Теперь только надо Бога взять къ себѣ въ душу. Надо, чтобы духъ Божій сошелъ въ *видѣ голубиномъ*, т.-е. въ видѣ любви. Посмотри, какъ радостно умираетъ Іисусъ на крестѣ, какъ радо-

стно гибнутъ апостолы и мученики, а мы... Боже мой! мы тяготимся всякимъ вздоромъ. Жить въ провинціи насъ мучитъ, мы почти готовы ползать для того, чтобы выбраться изъ нея. Свиданіе съ такимъ или другимъ человѣкомъ насъ мучитъ. Къ дѣламъ мы приносимъ неудовольствіе на ближняго, корысть, досаду. Все насъ мучитъ. Иногда встать съ мѣста, чтобъ поговорить съ кѣмъ-нибудь, насъ мучитъ. Разлука приводитъ въ отчаяніе. Все это какое-то несмиреніе передъ судьбой, все это жестокій эгоизмъ. Довольно, Маша, довольно мы такъ пожили на свѣтѣ. Пора другая приходитъ: давай любить и вѣрить. Давай въ разлукѣ имѣть чувства высокой резиньяціи, въ дѣлахъ принесемъ любовь къ ближнему и la sancta carità. Перестанемъ бояться людей и противопоставимъ имъ спокойствіе духа, ничѣмъ не возмущаемое. Покоримся обстоятельствамъ и противопоставимъ имъ тоже спокойствіе, и ни отъ кого не будемъ ничего требовать и ни въ комъ ничего искать. Искать только въ добрыхъ людяхъ любви. Замѣть — въ добрыхъ, стало— независимо ни отъ мнѣній ихъ и ни отъ степени способностей. Дадимъ людямъ любовь безконечную, научимъ немудрыхъ, утѣшимъ страждущихъ. Дадимъ людямъ пищу духовную настолько, насколько она намъ дана свыше. Сюда, алчущіе и жаждущіе правды, сюда, плачущіе! мы утѣшимъ васъ словомъ Божіимъ, любовью человѣческой. О, Марія! какое дивное спокойствіе нисходитъ на душу, когда она сознаетъ въ себѣ доброту небесную и любовь небесную. Какая дивная слеза умиленія, благодарности пробивается на рѣсницы! На, Маша, возьми ее, она усладитъ тебѣ душу. Марія, Марія, другъ мой, какъ я хорошо тебя люблю сегодня, какъ свѣтло! Не надо скорбѣть, не надо плакать горькими слезами; одна слеза любви и благодарности къ Богу и сознаніе симпатіи между собой дозволены. Это святая слеза. Она на душѣ, какъ свѣтлая росинка на цвѣткѣ. Маша! какъ я силенъ сегодня, какъ я полонъ любви! О, если бъ сегодня ты обняла меня! мы бы знали блаженство ангеловъ.

Сегодня Алеша долженъ выѣхать изъ М. Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду его! Неужели же ты мнѣ напишешь *нѣтъ?* Этого быть не можетъ. Надо, надо кончить это дѣло; я чувствую, это будетъ одинъ изъ хорошихъ поступковъ. Разумѣется, не что-нибудь отличное, потому что я, право, ничего не теряю. — Сегодня выставятъ окно въ той комнатѣ, гдѣ мы спали. Привычка сдѣлала то, что я хожу туда часто. А теперь буду сидѣть у окна и вспоминать, какъ мы здѣсь жили. Маша, еще замѣчаніе. Есть что-то удивительное

въ судьбѣ. Знаешь ли, что насъ Бѣлоомутъ много разрознилъ во мнѣніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь были въ 1837, какъ-то симпатія наша начала расклеиваться, и не одна горькая минута была слѣдствіемъ. И знаешь ли, что Бѣлоомутъ долженъ опять соединить насъ? Мое пребываніе здѣсь, я чувствую это, должно было имѣть вліяніе на твою душу, и отнынѣ мы соединимся въ полную симпатію, въ одну свѣтлую гармонію. Слушай, слушай, Маша, у меня въ ушахъ звенитъ adagio b-дурной симфоніи сладко, сладко, безконечно сладко. Душа моя спокойна, какъ эти звуки. Съ этимъ adagio можно любить и молиться. Обними меня, Марія, обними меня. Крѣпко прижмись къ моему сердцу. Слышишь ли, какъ оно сильно бьется любовью? Чувствуешь, какъ душа тебя любитъ? Марія, Марія, станемъ на колѣни — Боже, я плачу? — станемъ на колѣни, давай благодарить Бога за все: и за эту природу прекрасную, и за музыку, и за дружбу, и за любовь, за полную симпатію нашихъ душъ. Сестра моя, дитя мое, моя Марія, люблю тебя сильно, безконечно, какъ только могу любить. А гдѣ же А.? гдѣ Н.? — N. и тотъ N.? Гдѣ вы всѣ, которыхъ я люблю? Ко мнѣ, ко мнѣ! Будемте счастливы любовью — иже херувимы. Марія! моя дружба къ А. *) есть что-то особенное, рѣдкое, не многимъ даже понятное. Посмотри, какъ удивительно сводила меня судьба съ любимцемъ моего сердца! Я начиналъ читать Шиллера, и что-то еще недавно начинало жить въ душѣ, — явился Зонненбергъ и познакомилъ меня съ А. Зонненб. былъ слѣпымъ орудіемъ Провидѣнія. Я изнывалъ въ заточеніи, а ты подъ гнетомъ нелюбящихъ родителей. Вдругъ насъ обоихъ посылаютъ въ одно мѣсто — и вотъ мы соединены навѣкъ. Удивительно, удивительно! Какая связь должна быть въ судьбахъ человѣческихъ! Какъ выслѣдить пути Провидѣнія въ этомъ лабиринтѣ дѣятелей, Имъ избранныхъ? Съ любовью и удивленіемъ склоняюсь я передъ закономъ, въ насъ развивающимся. Не думай, чтобъ я былъ фаталистъ и отрицалъ волю. Нѣтъ! Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сказалъ «я», онъ созналъ въ себѣ свободу воли. Въ сферѣ своей дѣятельности онъ воленъ. Онъ воленъ уже и потому, что созданъ по подобію Божію. А Провидѣніе необходимо есть законъ, по которому онъ живетъ. Самое то, что онъ воленъ — c'est une loi providentielle. Развитіе его воли совершается въ извѣстномъ порядкѣ. Въ ней развивается Провидѣніе. Въ чело-

*) Т.-е. къ Герцену.

вѣкѣ воля и зависимость отъ Провидѣнія совпадаютъ. Вотъ моя частая молитва: «Боже, дай, чтобъ моя воля была согласна съ цѣлью путей Твоихъ!»

Я выходилъ еще разъ на крыльцо. Ты не повѣришь, какъ эти птички милы, — я готовъ ихъ цѣлый часъ прослушать. Вотъ я и вспомнилъ пѣсню: Прекрасный день. Какъ я былъ счастливъ въ то время, какъ ты ее пѣла! — О, Маша! есть воспоминанія, которыя никогда не исчезнутъ. Букетъ миртъ на балѣ, кольцо на балѣ, потомъ все отъ 11 февр. до 26 апр. и отъ 26 апр. еще столько, столько до нынѣшняго дня! Есть много и горькаго. Надобно признаться, что горькое производилъ я, что горькія воспоминанія ложатся только на меня, ты въ нихъ не виновата. Но за то блаженство, которое я зналъ, можно согласиться носить горькія воспоминанія на душѣ. Блаженство всплываетъ, я хочу забыть черное, я обновленъ. — Но есть и независящее отъ меня, что тяжело вспомнить, — смерть отца. Я часто думаю о немъ. Упрекаю себя, что не довольно часто. Онъ любилъ меня, Маша! Миръ ему! Какъ бы онъ счастливъ былъ, еслибъ я любилъ его такъ, какъ онъ меня!—Я не могъ этого, я не былъ довольно чистъ, чтобъ много любить его. А когда его не стало, то эта мысль тяжело ложится на душу, — и я его начинаю много любить. Прости меня, отецъ мой, прости меня! Миръ душѣ твоей.

7.

Марія! мое пребываніе здѣсь мнѣ сдѣлало великую пользу. Послѣ нашего послѣдняго свиданья я совершенно упалъ духомъ. Твоя послѣдняя слеза осталась у меня на щекѣ и разлука меня мучила. Голова опустѣла, а сердце терзалось. Но дружба воскресила душу, и любовь къ тебѣ перестала быть стремленіемъ мучительнымъ, но стала спокойнымъ сознаніемъ. Я еще выросъ, я это чувствую. О! пріѣзжай скорѣй ко мнѣ, у меня сердце стало широко и полно любовью. Обними Александра, какъ брата, да благословитъ тебя Богъ понять всю святость нашего братства и принять его къ сердцу. Обнимаю тебя, дитя мое. Согрѣй мнѣ сердце любовью, я тебѣ въ вознагражденіе дамъ свѣтъ разума. Женщина — любовь, мужчина — разумъ; только вмѣстѣ мы составляемъ одно цѣлое; когда мы вмѣстѣ, въ насъ живетъ и любовь Бога и разумъ Божественный. Прощай, ангелъ мой. Изъ Саранска стану писать къ тебѣ. Грустно мнѣ возвращаться на мою родину, потому что

глупа она, sauf le respect que je lui dois. Но Богъ разгонитъ уныніе вѣрою, а ты принесешь въ мою пустыню прекрасный цвѣтокъ любви. А съ нашимъ дѣломъ да будетъ, что будетъ. Господи, да будетъ воля Твоя! Благословляю тебя.

Salut et amour éternel.

Приписка внизу другими чернилами:

Gib Geld an Al. wie viel er braucht.

На обратной сторонѣ, вмѣсто адреса, написано:

Маріи.

Оставить до ея пріѣзда въ городѣ блаженной памяти св. Владиміра, въ домѣ незаслужившаго никакой памяти князя Долгорукова, у друзей Александра и Наталіи.

V.

Послѣднее письмо Огаревъ адресовалъ во Владиміръ, потому что было условлено, что Марія Львовна на обратномъ пути изъ Петербурга въ Пензенскую губернію заѣдетъ къ Герценамъ, вѣроятно для того, чтобы сообщить о результатѣ своего ходатайства. Дѣйствительно, въ концѣ апрѣля она была во Владимірѣ; Огаревъ тѣмъ временемъ, кончивъ переговоры съ бѣлоомутцами, вернулся въ Акшено, гдѣ и нашла его Марія Львовна (это село находится въ Саранскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи, оттого онъ и пишетъ, что ѣдетъ въ Саранскъ). Ея хлопоты въ Петербургѣ увѣнчались неожиданнымъ успѣхомъ; повидимому, ей былъ категорически обѣщанъ переводъ мужа въ Москву, и 27-го апрѣля Герценъ уже спрашивалъ Огарева въ письмѣ: «Скоро ли «вы, Колинка», какъ тебя зоветъ Марія, двинетесь?» *).

Герценъ разсказываетъ, что въ это второе свиданіе, когда Марія Львовна заѣхала къ нимъ одна, она показалась ему перерожденною: «Петербургъ и двѣ-три аристократическія гостиныя вскружили ей голову. Ей хотѣлось внѣшняго блеска, ее тѣшило богатство» **).

---

*) «Изъ переписки нед. дѣятелей», *Русск. Мысль*, 1889, окт., стр. 10.
**) Соч. Герц., русск. изд., II, стр. 306.

11 мая Бенкендорфъ представилъ царю докладъ о переводѣ Огарева на службу въ московскій сенатъ, и царь далъ согласіе *). Огаревы, повидимому, недолго мѣшкали: они переѣхали въ Москву еще лѣтомъ, прямо на дачу въ Петровскій паркъ; отцовскій домъ Огарева на Никитской уже былъ проданъ **).

Десять лѣтъ спустя, когда Огаревъ уже давно не жилъ съ женою, на допросѣ въ 1850 году, онъ писалъ: «Когда я былъ въ 1839 г. переведенъ на службу въ правительствующій сенатъ, уже домашняя жизнь моя была рядомъ мелкихъ ежедневныхъ несогласій, которыя, несмотря на тихость моего нрава, возрастали ежедневно»***). Нѣтъ сомнѣнія, что онъ еще сильно любилъ Марію Львовну: объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ его письма и къ ней, и къ Герцену за это время. Повидимому, переѣздъ въ Москву мало его радовалъ; его письма изъ Москвы полны жалобъ на постоянную грусть, апатію, неудовлетворенность. Зато Марія Львовна ожила. Къ зимѣ была нанята дорогая квартира на Арбатѣ и великолѣпно обставлена. Марія Львовна стала дѣлать парадные визиты знакомымъ и роднымъ изъ аристократическаго круга, принимала у себя, выѣзжала на балы и пр. Она требовала, чтобы Огаревъ участвовалъ въ ея затѣяхъ, — онъ уклонялся, уступалъ, и въ обоихъ случаяхъ одинаково мучился. У него былъ свой кругъ друзей: Сатинъ, Кетчеръ, Галаховъ, Бакунинъ, Боткинъ, Катковъ, Іоганнисъ бывали ежедневно, просиживали часы, вели себя какъ дома, и это тяготило его; все было скоро переговорено, и время наполнялось пустыми занятіями: дѣланіемъ куколъ, рисованіемъ шашечницы и т. п.; съ 10 час. утра уже начиналась эта толчея, и такъ шло день за днемъ. Къ этому надо прибавить еще родню Маріи Львовны, часто и подолгу гостившую у Огаревыхъ въ Москвѣ: дѣвицу Больвиллеръ, у которой, писалъ Огаревъ, «сердце — золото, а голова тупа до безконечности», и дѣвицу Панчулидзеву, у которой «ни головы, ни сердца». Однимъ изъ утѣшеній Огарева въ это время была музыка: у нихъ еженедѣльно бывали музыкальные вечера, квартеты и пр., при участіи лучшихъ московскихъ артистовъ. На этихъ вечерахъ бывалъ и Грановскій, характеризовавшій Марію Львовну въ одномъ письмѣ такъ: «умная, свѣтская въ хорошемъ смыслѣ и

*) Указ. ст. Лемке, стр. 141.
**) Анненк., стр. 71, Пассекъ, II, стр. 94 (записки Астраковой.)
***) Лемке, тамъ же, стр. 141.

любезная женщина». Но въ общемъ Огаревъ томился и съ тоскою вспоминалъ о тихой жизни въ Акшенѣ. Въ началѣ зимы онъ писалъ Герцену: «Только и остались у меня свѣтлые часы: рано по утру, когда я пишу, и потомъ, когда случится задушевный разговоръ съ Маріей, гдѣ есть и теплыя слова и горячіе поцѣлуи. Одно въ моей жизни неизмѣнно хорошо — дружба и любовь, любовь и дружба,— и я счастливъ, мирюсь со скукой обыденности; пусть она будетъ вдесятеро скучнѣе, лишь бы я все такъ же могъ на обѣ стороны протянуть руки и встрѣтить крѣпкія рукопожатія» *).

Если бы еще Огаревъ былъ одинъ въ своей мягкой борьбѣ съ Маріей Львовной, дѣло кое-какъ шло бы, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время. Но положеніе крайне обострялось вмѣшательствомъ его друзей, очень скоро ставшихъ во враждебное отношеніе къ Маріи Львовнѣ. Было бы ошибочно возлагать всю вину на нее. Ее не могло не раздражать уже то, что эти друзья совершенно заполонили ея мужа, что они не давали ему быть съ нею и завели цыганскій обиходъ въ ея домѣ; очевидецъ разсказываетъ, что Кетчеръ, вопреки ея просьбамъ, сорилъ табакомъ въ ея великолѣпныхъ комнатахъ, мялъ подушки, ковры, даже ломалъ мебель. А они не довольствовались этой дѣловой оппозиціей, они еще старались возстановить противъ нея мужа. Эти холостые моралисты меньше всего были склонны признавать необходимость компромиссовъ въ отношеніяхъ между мужемъ и женой; у нихъ былъ свой, раціоналистическій кодексъ нравственности, изъ котораго они ничего не хотѣли уступить, и, считая Огарева своимъ, они строго требовали къ отчету не только его самого за его уступки женѣ, но и ее, чей образъ жизни и вкусы шли такъ сильно въ разрѣзъ съ ихъ демократическими стремленіями; тотъ же Кетчеръ *при ней* говорилъ Огареву, что онъ дѣлаетъ глупость, давая волю женѣ, что онъ тряпка и пр. А она и сама къ этому времени была уже идейно вооружена. Въ то время всѣ образованные люди въ Россіи увлекались Жоржъ-Зандъ; Марія Львовна съ жадностью усвоила себѣ эти радикальные взгляды на семейную жизнь, мечты объ эмансипаціи женщины отъ вѣкового рабства, въ которомъ

*) «Изъ перепи. нед. дѣятелей», *Русск. Мысль*, 1889, январь, стр. 2. О жизни Огаревыхъ въ Москвѣ см. также *Русск. Мысль*, 1888, ноябрь, стр. 4—11. Грановскій, *Переписка*, стр. 182, 367—8, Пассекъ, II, 95—6, Анненк., стр. 93—5, Огарева-Тучкова, *Воспом.*, стр. 25.

держитъ ее эгоизмъ мужчины. Къ этимъ мыслямъ она была подготовлена всѣмъ — своей жизнью въ дѣвичествѣ, натурой, наконецъ, радикализмомъ воззрѣній, господствовавшихъ въ томъ кругѣ, куда ввелъ ее со дня замужества самъ Огаревъ. Теперь она имѣла возможность воочію убѣдиться, какова нравственность этихъ мужчинъ на дѣлѣ: вдохновенные разговоры о спасеніи человѣчества, бездѣлье, болтовня и попойки — такова, по крайней мѣрѣ въ ея глазахъ, была жизнь московскихъ друзей Огарева.

При такихъ условіяхъ мирныя отношенія были невозможны. «Друзья», какъ сказано, очень скоро возненавидѣли Марію Львовну. Она, изъ любви къ мужу, повидимому, сдерживала себя, старалась быть любезной, но это плохо ей удавалось, особенно послѣ того, какъ эти друзья начали распространять о ней глупыя сплетни, злостно перетолковывая ея эксцентричныя выходки. Началась открытая борьба — ссоры, колкости, оскорбленія; запальчивость то разгоралась, то гасла, Огаревъ пытался мирить враговъ, и страдалъ, страдалъ... *).

Главнымъ противникомъ Маріи Львовны оказался, конечно, Герценъ. Онъ пріѣхалъ съ женою въ Москву вскорѣ послѣ Огаревыхъ и провелъ здѣсь недѣль пять (конецъ августа и весь сентябрь). Что происходило здѣсь между нимъ и М. Л., мы не знаемъ; но осенью, во возвращеніи во Владиміръ, Герценъ написалъ Огареву письмо, очевидно, жестко обвинявшее Марію Львовну. О содержаніи этого письма мы можемъ судить по отвѣтнымъ письмамъ Огарева. «Твое письмо огорчило меня, — писалъ онъ. — Насколько, суди самъ. Но Богъ тебя прости, хотя оно скверно. Satis». Въ дальнѣйшихъ письмахъ онъ объяснялъ, что выбора между любовью и дружбой для него не можетъ быть: онѣ обѣ нераздѣльны съ его существомъ, онъ не пережилъ бы ни той, ни другой,—но онъ не можетъ допустить, чтобы дружба посягала на его любовь, какъ не допустилъ бы и обратнаго. «Но es ist nicht so arg, — писалъ онъ.— Еще не разъ сойдутся онѣ (т.-е. любовь и дружба) дружелюбно, и будутъ блаженныя минуты. Придетъ время, я сведу ихъ. Ты увидишь, что ты во многомъ ошибаешься, съ обѣихъ сторонъ откроется ошибка, старые друзья вглядятся другъ другу въ лицо и узнаютъ

---

*) Подробности этой исторіи см. въ записк. Астраковой, Пассекъ, II, 95—6, у Герцена, Сочин., II, 306—8, въ воспоминаніяхъ Сатина, *Починъ* на 1895 г., стр. 247, у Анненк., стр. 93—4.

другъ друга. И полноте вы браниться до тѣхъ поръ, пока я вамъ скажу: вотъ она, вотъ онъ»*). Письмо Герцена онъ показалъ женѣ; какое впечатлѣніе оно произвело на М. Л., показываютъ слѣдующія строки изъ письма Огарева къ Герцену: «Ты былъ неправъ въ отношеніи Маріи, это доказываетъ фактъ; но что ты пользы этимъ никакой не сдѣлалъ, какъ возстановилъ ее противъ себя жестоко и, можетъ быть, надолго, это тоже фактъ».

Случай свести ихъ представился очень скоро, въ декабрѣ, когда Герценъ, проѣздомъ въ Петербургъ, рѣшилъ на нѣсколько дней остановиться въ Москвѣ. Но первая встрѣча только ухудшила положеніе. Герценъ пріѣхалъ въ Москву вечеромъ и прямо подъѣхалъ къ Огаревской квартирѣ на Арбатѣ. Огарева не оказалось дома, и Герценъ вызвалъ Марію Львовну. Какъ и надо было ожидать, она приняла Герцена холодно и сухо. Узнавъ отъ нея, что Огаревъ, вѣроятно, у Кетчера, Герценъ по 28-градусному морозу, усталый съ дороги, ѣдетъ на другой конецъ Москвы, къ Кетчеру, и дѣйствительно находитъ здѣсь Огарева, да въ придачу еще Сатина. Но каково его удивленіе, когда послѣ первыхъ же шумныхъ привѣтствій Огаревъ заявляетъ, что долженъ тотчасъ уѣхать — на какой-то вечеръ съ женою!

А потомъ пошли разсказы друзей. Оказывается, его письмо «сдѣлало ужасную сцену». Противъ Маріи Львовны всѣ возстановлены, и онъ въ раздраженіи вѣритъ всему: «Это женщина безъ сердца, безъ ума и даже безъ благопристойнаго поведенія, — писалъ онъ женѣ изъ Москвы (по-французски **),—о ней уже разсказываютъ цѣлыя исторіи». Герценъ былъ такъ разстроенъ, что готовъ былъ на третій день уѣхать въ Петербургъ.

Огаревъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы помирить жену съ другомъ. Марія Львовна наотрѣзъ отказывалась сдѣлать первый шагъ, — она не чувствовала себя ни въ чемъ виноватой. Этотъ отказъ, разумѣется, тоже былъ поставленъ ей въ вину: значитъ, она мало любитъ мужа. Кончилось тѣмъ, что Герценъ самъ попросилъ мира. «Я примирился съ m-me, — писалъ онъ женѣ, — чтобы успокоить его; я видѣлъ, что это необходимо для его любящей души, и сдѣлалъ первый шагъ, принесъ на жертву гордость, оскорбленіе

---

*) «Изъ перепис. нед. дѣят.», *Русск. Мысль*, 1888, ноябрь, стр. 5, 7, 11.

**) Е. С. Некрасова, «Связка писемъ А. И. Герцена», *Съв. Вѣстн.*, 1894, № 7, стр. 199 и сл.

и протянулъ руку, — и тутъ, стало, дружба побѣдила любовь. У меня съ нею было объясненіе. Боже мой, какая горькая чаша достается ему, ежели все останется, какъ есть!» — и онъ прибавляетъ: «Бѣдный, бѣдный Огаревъ, и еще повязка не спала съ глазъ его» *).

Но оказалось, что повязки нѣтъ. Передъ отъѣздомъ Герцена у него былъ задушевный разговоръ съ Огаревымъ. «Онъ звалъ меня поговорить объ этомъ, я сказалъ ему дѣло и спросилъ: «Кто виноватъ?» Слезы были у него на глазахъ, и онъ наконецъ сказалъ: «Que faire? à present on ne peut plus changer». Онъ страдаетъ и мечтаетъ облегчить свою грудь, помиривши насъ; мы помирились, но онъ, навѣрно, не меньше страдаетъ».

Извѣщая Наталью Александровну объ этомъ примиреніи, Огаревъ писалъ: «Ничего не прибавлю къ этому; ты и безъ того поймешь, сколько это для меня значитъ». Написала женѣ Герцена и сама Марья Львовна: «Я долго не отвѣчала вамъ, милая Натали, потому что не могла сообщить вамъ ничего хорошаго и потому что я сердилась на вашего мужа, а о такихъ вещахъ, вы сами знаете, непріятно говорить. Теперь пишу вамъ, чтобы сообщить, что онъ протянулъ мнѣ руку, прося меня прекратить ссору, а я ничего больше и не желала, какъ забыть обиды, тѣмъ болѣе, что нашъ бѣдный Николай, такой нѣжный, такой добрый, жестоко страдалъ отъ этого. Огорчать Колю — преступленіе, и каждый разъ, какъ я его огорчу, я испытываю угрызеніе совѣсти» **).

Зима прошла для Огарева въ мучительныхъ попыткахъ удержать миръ внутри и внѣ своего дома. Положеніе все обострялось, все глубже становился расколъ между нимъ и женою, чаще ссоры, язвительнѣй упреки, произносились непоправимыя слова, и возобновляющіяся вспышки близости или страсти только больнѣе подчеркивали жесткую враждебность отношеній. Поставленный между двухъ огней, между дружбою и любовью, Огаревъ терялъ мужество и своей нерѣшительностью еще больше запутывалъ положеніе. Чтобы заглушить свои мрачныя мысли, онъ началъ кутить, подолгу пропадалъ изъ дому, ночуя у кого-нибудь изъ пріятелей,

*) Тамъ же, стр. 202.

**) «Изъ перепис. нед. дѣят.», *Русск. Мысль*, 1888, декабрь, стр. 12 (письмо — по-франц.). Отвѣтъ Н. А. Герценъ см. тамъ же, 1889, окт., 12—13.

и оттуда посылалъ записки Марьѣ Львовнѣ, похожія на безсильный плачъ ребенка. Каково было его душевное состояніе въ это время, показываютъ двѣ записки, посланныя имъ Герцену въ маѣ 1840 года, одна за другою, въ самой Москвѣ. Весну этого года Герценъ снова провелъ съ семьею въ Москвѣ. Декабрьское примиреніе оказалось непрочнымъ; отношенія между нимъ и М. Л. обострились до крайности; она обвиняла его въ разрушеніи ея семейнаго счастья, а онъ, по собственному позднѣйшему признанію *), былъ жестокъ и безпощаденъ; результатомъ была обоюдная ненависть, доходившая въ М. Л. до того, что ей приходило на умъ отравить Герцена. Записки Огарева **) писаны, очевидно, передъ самымъ отъѣздомъ Герцена изъ Москвы (онъ выѣхалъ отсюда 10 мая).

«Герценъ! Я посмотрѣлъ внутрь себя и мнѣ стало страшно, страшно моихъ страданій. Они становятся нестерпимы. Я не говорилъ съ тобою, но пишу, потому что, если бъ я говорилъ, я залился бы слезами. Моя душа распалась надвое. Вражда между дружбою и любовью разорвала меня. Она съ обѣихъ сторонъ для меня оскорбительна. Не думай, что нахожусь подъ какимъ-нибудь вліяніемъ. У меня есть своя сила, сила контрактивная, я сосредоточенъ въ себѣ, въ моей внутренней жизни, и эта жизнь сильна; я себя сознаю ясно. Не думай, чтобъ я не сознавалъ ясно того, что меня сокрушаетъ. По чистой совѣсти и изъ глубокаго убѣжденія я говорю, что я себѣ ясно опредѣлилъ мой внутренній и мой внѣшній міръ. Но исчезла мой свѣтлая гармонія. Другъ! я страдаю. Боже мой! какъ я мучительно страдаю. Не разсказывай никому, даже никому изъ нашихъ объ этомъ письмѣ. Можетъ быть, слеза пробьется у тебя, читая его. О! какъ я тебя благодарю за эту слезу. Братъ! больно тамъ гдѣ-то внутри. Все горитъ въ груди, то плачется, то все такъ сожмется, что и плакать не могу. Въ жизнь мою я не страдалъ такъ. Но я требую отъ тебя, во имя дружбы, принести мнѣ жертву великую: когда ты придешь къ намъ, отведи Марію въ сторону, протяни ей руку, скажи, что ты просишь забыть распрю, между вами существовавшую, что другъ и жена Николая не могутъ быть врагами, что вы должны соединиться во имя мое. Вотъ видишь, Герценъ, я и теперь плачу. Я ребенокъ, можетъ быть. Но, во имя дружбы, умоляю тебя, соедини

*) Соч. Герцена, II, стр. 307.

**) «Изъ перепис. нед. дѣят.», *Русск. Мысль*, 1889, янв., стр. 9—11.

два разорванные элемента моей души. Положивъ руку на сердце, скажу выводъ, сдѣланный изъ полнаго убѣжденія: у васъ съ обѣихъ сторонъ непростительная ошибка. А мнѣ больно, больно, я задыхаюсь. Я хочу, чтобы дружба соединила разрозненное. Пусть ей эта пальма отдается. Моя дружба мнѣ, старый другъ Герценъ, да или нѣтъ? О! да, да, ты сдѣлаешь это. Да, я не сомнѣваюсь. Я для тебя тоже бы сдѣлалъ, и мнѣ легко было бы сдѣлать. Мнѣ хочется говорить съ тобою. Мнѣ опять грустно станетъ безъ тебя. Когда мы сойдемся en tête à tête? Но никому ни слова объ этомъ письмѣ».

«Теперь не ходи, ни черезъ часъ. Но въ 1-омъ часу я приду къ тебѣ съ тѣмъ, чтобъ у тебя никого не было, скажись abwesend. Я вчера едва могъ понимать, что происходитъ со мною. Изъ концерта ѣхать домой мнѣ было ужасно; я обрадовался, что меня позвали въ гости къ пошлѣйшимъ людямъ, и сталъ играть въ деньги. Тревожное чувство замолчало; но едва я пошелъ домой, весь нашъ вечеръ сталъ передо мной какимъ-то призракомъ. Выходъ! Едва ли возможенъ выходъ. Вся зима прошла въ какихъ-то усиліяхъ поддержать внутреннее спокойствіе. Я не могъ ничего дѣлать. Но вы ее такъ же не знаете, какъ она васъ; вы всегда останетесь чуждыми другъ другу; я былъ на пути потерять дружбу и любовь разомъ; тогда бы я застрѣлился. Вчера я опять нашелъ дружбу. Но внутренняя тишина надолго взволнована. Это не хорошо, тѣмъ болѣе, что ладилъ въ послѣднее время; мнѣ уже казалось, что настанетъ часъ примиренія, теперь все опять разрушено. Объясненіе вчера было некстати; оно могло быть только между нами двумя; оно не было потому, мнѣ кажется, что выказывать личныя страданія недостойно, унизительно для человѣка съ душой; къ тому же всякое слово и близкаго человѣка растравляетъ рану, а не лѣчитъ. Итакъ, около часу я у тебя. Ухъ, другъ, тяжело на сердцѣ. Руки холодны, и какая-то дрожь въ груди, и тоска мучительная. До свиданія!»

Приводимъ (въ переводѣ съ французскаго) нѣсколько записокъ изъ числа тѣхъ, которыя Огаревъ и Марія Львовна писали другъ другу въ самой Москвѣ. Онѣ даютъ ясное представленіе о разыгрывавшейся между ними драмѣ *).

*) Эти городскія записки, разумѣется, не датированы, вслѣдствіе чего нѣтъ возможности расположить ихъ въ правильномъ порядкѣ.

Записки Огарева.

8.

Почему поступки людей не совпадаютъ съ ихъ чувствами? Почему они говорятъ о любви къ ближнему, а не пожертвуютъ и полушкой ради чужого благополучія? Почему они говорятъ о братствѣ, а сердятся на друга, посмѣвшаго въ нуждѣ попросить у нихъ денегъ? Я думаю, потому, что, говоря о чувствахъ, они стыдятся быть дурными, а когда нужно дѣйствовать, у нихъ не хватаетъ силы быть добрыми.

Почему я неспокоенъ? что терзаетъ мое бѣдное сердце? Не знаю; будущее неизвѣстно. Но едва ли меня мучитъ будущее. Есть въ моемъ сердцѣ ядро эгоизма, не дающее мнѣ покоя. Я сомнѣваюсь въ любящихъ меня, и это сомнѣніе — эгоизмъ. Затѣмъ, въ послѣдніе дни я забылъ Христа, и мракъ овладѣлъ моей душой, и спокойствіе, или, вѣрнѣе, ясность, полная вѣры и любви, покинула ее. Бѣдный, падшій человѣкъ! Какъ будто кровь Христа и не была пролита за тебя. Прости меня, Боже! верни мнѣ вѣру и любовь!

Но я вѣрю въ Бога и люблю Христа. Я сомнѣваюсь только въ людяхъ. Они не лучше меня, а я сомнѣваюсь въ себѣ самомъ, какъ же мнѣ не сомнѣваться въ людяхъ? О, бѣдный, падшій человѣкъ! А что дѣлаютъ тебѣ люди? Развѣ у тебя нѣтъ убѣжища во Христѣ? Да ты и не сомнѣвался бы, если бы шелъ къ людямъ съ любовью. Ты, можетъ быть, проливалъ бы слезы, но твоя вѣра, твоя ясность не были бы нарушены. Все дѣло въ томъ, что ты любишь только себя. Прости мнѣ, вѣчная любовь! Прими, Іисусъ, твое бѣдное дитя подъ свое покровительство, очисти его сердце, чтобы онъ могъ воистину быть твоимъ сыномъ!.. Лучше ли я всѣхъ этихъ людей, чьи обольщенія и уколы страшатъ меня? Нѣтъ, я чувствую, что нѣтъ. Въ моемъ сердцѣ живетъ ненависть, и это — не ненависть ко злу, а любовь къ себѣ, и ничего больше. Ein wenig Sauerteig verdirbt das ganze Teig. Прости, прости!..

Наконецъ-то я нашелъ разгадку: это сомнѣніе — не что иное, какъ зависть. Какая мерзость!

Я глубоко недоволенъ или, вѣрнѣе, я глубоко печаленъ, — и на этотъ разъ я чувствую, что эта печаль — не эгоизмъ. Я непрестанно чувствую себя въ противорѣчіи съ самимъ собою. Я не могу слить въ одно любовь божественную и любовь индивидуальную:

онѣ противорѣчатъ другъ другу. Это печально, но твердость будетъ возрастать съ необходимостью. Я научусь достаточно любить Бога, чтобы вносить любовь къ Богу во всякое другое чувство и слить божественную и индивидуальную любовь въ одну любовь. *(Конца нѣтъ.)*

9.

Я не хотѣлъ разыгривать капризнаго ребенка. Но какъ ты хочешь, чтобы сердце не наполнялось печалью, когда человѣкъ чувствуетъ, что загубилъ чужую жизнь? И потомъ ты не хочешь понять, что я не ищу ничего другого, какъ только встрѣтить въ какомъ-нибудь мѣстѣ одного или двухъ симпатичныхъ людей, и что тогда я доволенъ этимъ мѣстомъ, пока меня не охватитъ жажда ѣздить, просто скитаться безъ цѣли. Я лично не былъ бы недоволенъ моимъ пребываніемъ въ Москвѣ, если бы не видѣлъ, что оно тебѣ вредно, — а въ этомъ случаѣ я готовъ жить всюду, гдѣ тебѣ будетъ хорошо. Но и тамъ я не успокоюсь, пока не найду нѣсколько симпатичныхъ людей и свободу мысли, по крайней мѣрѣ, въ уголкѣ комнаты. Я не обольщаюсь насчетъ жизни, Марія, я не требую отъ нея того, чего не жду отъ нея; я крѣпко держусь за то малое, что она мнѣ даетъ. Чего же болѣе? Не могу же я сказать, что желаю того, чего въ дѣйствительности не желаю. Zürne mir nicht.

Въ самомъ дѣлѣ ты хочешь, чтобы я попозднѣе отправился къ Васил., или это шутка? Отвѣть мнѣ на это сейчасъ.

10.

Зачѣмъ думать, что мы не понимаемъ другъ друга? Я не такъ высоко стою, чтобы считать себя непонятымъ. Тебя я понимаю какъ любящую своенравную женщину, жаждущую дѣятельности въ обществѣ, вліянія, успѣха; но я знаю, что любовь господствуетъ надъ всѣмъ въ твоей душѣ. Ты думала, что мои отношенія къ друзьямъ вредятъ моей любви къ тебѣ, и мои дружескія отношенія остались тебѣ непонятными, и этимъ ты нанесла ударъ моему сердцу, такъ какъ съ одной стороны нанесла ударъ святынѣ моихъ привязанностей. А мои друзья естественно должны были смотрѣть на тебя холодно, потому что дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе. Этимъ мои друзья съ другой стороны нанесли ударъ міру, въ которомъ я жилъ.

И вотъ все мое существованіе потрясено. Я думалъ, что окруженъ семьею, — и вижу себя одинокимъ, потому что не смѣю говорить ни о моей любви, ни о моей дружбѣ, и мнѣ не остается ничего другого, какъ уходить въ себя и ненавидѣть себя, потому что все во мнѣ истерзано и разбито. Моя моральная сила таетъ, и я палъ бы, если бы не чувствовалъ, что есть все-таки нѣчто, чему я не измѣнилъ, — это истина, то скрытое Божество, котораго ты не видишь, но которое я знаю и которое проливаетъ миръ въ душу наперекоръ всѣмъ житейскимъ скорбямъ.

11.

Марія, ради Бога, ради нашей любви умоляю тебя — помиримся. Прости мнѣ мои несправедливости, возьми въ свои руки хозяйство, но сохрани мнѣ твою любовь, безъ которой я не могу жить. Ради этой любви прошу тебя, не доводи меня до отчаянія. Сжалься надъ твоимъ бѣднымъ ребенкомъ, который во всемъ мірѣ истинно любитъ только тебя.

12 *).

Ты вѣрно безпокоилась о моемъ отсутствіи, милое дитя, а я не могъ вернуться домой. Мрачная грусть, безнадежность ни съ чѣмъ несравнимая овладѣли мною, и я предпочелъ не показываться. Три долгихъ часа я бродилъ по улицамъ, потомъ я встрѣтилъ кое-кого и пошелъ пить. Мнѣ хотѣлось плакать. Я декламировалъ стихи. Во всемъ этомъ есть что-то очень нечистое, — именно то, что я отъ души презираю этихъ людей за ихъ глупость и пользуюсь ими, какъ средствомъ убѣжать отъ призраковъ, которые меня преслѣдуютъ. Хорошо еще, что нѣкоторые изъ нихъ чувствуютъ поэзію. Я декламировалъ Пушкина и Лермонтова. У меня были слезы на глазахъ, но я ихъ скрылъ. Воробьевъ плакалъ. Никто не догадывался, что у меня адъ въ душѣ. Помогли ли чему-нибудь наши безумства? Нѣтъ. Боже благости, что за состояніе духа! Марія, мой милый другъ! Почему я не могу обратиться къ тебѣ, чтобы ты меня утѣшила?

---

*) Эта записка приведена въ «Перепл. нед. дѣят.», *Рус. Мысль*, *1889*, окт., стр. 16; мы даемъ ее съ поправками по рукописи.

13.

Твои строки исторгли у меня слезы. Но меня и нетрудно довести до слезъ. Меня давно уже преслѣдуетъ неотвязная мысль, вѣрнѣе, неотвязное чувство печали, терзающее меня до изнуренія. Я думаю о моихъ отношеніяхъ къ тѣмъ, кого я люблю. Думаю и думаю, и въ этомъ проходитъ мой день, и я не могу вырваться изъ этого положенія. Не сомнѣвайся въ томъ, что я люблю тебя, — я самъ не сомнѣваюсь въ этомъ. Въ чемъ же причина нашихъ ссоръ? Я скажу тебѣ это. Есть натуры, умѣющія жить только внутренней жизнью; для нихъ искусство и поэзія — единственная сфера, гдѣ они способны двигаться. Таковъ я былъ всегда, таковъ я и теперь. Тебѣ нужно другое. Вотъ источникъ зла. Вотъ причина, почему ты не могла понять моихъ дружескихъ отношеній, понять важность, которую они имѣютъ для меня. Сама того не желая, ты должна была порвать съ моими друзьями, и они — съ тобою, какъ вещи несовмѣстимыя. Я вижу иногда, что ты ихъ не любишь, и это меня страшно огорчаетъ; я вижу, что они не любятъ тебя, и это меня мучаетъ такъ же. Это породило двусмысленность въ моихъ отношеніяхъ съ тобою и съ ними, — у меня постоянно не достаетъ силы быть искреннимъ, и чѣмъ дольше я живу, тѣмъ болѣе затаенной горечи накопляется во мнѣ, и иногда я начинаю думать, что я никого не люблю и что никто меня не любитъ, и, вѣрь мнѣ, Марія, я горько плачу. Но это лишь минутами, а вообще я чувствую, что я созданъ для любви. И я начинаю съ любовью бросаться ко всему, что люблю, — къ тебѣ и потомъ къ нимъ, и тутъ меня охватываетъ неотразимое чувство, что меня отталкиваютъ съ обѣихъ сторонъ, не потому, чтобы я не былъ любимъ, но изъ недостатка симпатіи; а перестать любить какое-нибудь существо, которому я отдалъ столько привязанности, для меня невозможно: я не пережилъ бы этого. Но слушай, не брани меня, слушай. Уѣдемъ отсюда, куда хочешь; мнѣ лично никого не надо, лишь бы я могъ всецѣло принадлежать тебѣ и ты мнѣ. О, Марія, верни мнѣ то, что было! неужели ты думаешь, что во мнѣ мало любви, чтобы и съ своей стороны вернуть тебѣ прошлое? Нѣтъ, я чувствую, ея довольно во мнѣ. Я хотѣлъ бы весь принадлежать тебѣ, а это невозможно всюду, гдѣ находятся тѣ, кого ты считаешь твоими врагами, потому что въ глубинѣ моей души всегда жилъ бы разладъ, котораго не дало бы мнѣ

забыть самое ихъ присутствіе. Я долженъ быть одинъ съ тобою и ты одна со мною, чтобы возстановилась гармонія въ моемъ собственномъ сердцѣ, — тогда я смогу дать тебѣ все, что есть во мнѣ самаго чистаго, наиболѣе святого и яснаго. Марія, Марія, я плачу, плачу. Услышишь ли ты, поймешь ли ты крикъ моего сердца «уйдемъ одни»? Отвѣть мнѣ, все ли ты мой ангелъ, вернешь ли мнѣ мой рай? Будь тѣмъ, чѣмъ можешь, не насилуй себя ни въ чемъ, не нужно жертвы, — жертвы не приведутъ къ добру. Что до меня — я сумѣю всегда сохранять наружное спокойствіе, и хотя бы сердце было разбито на тысячи кусковъ, оболочка останется та же. Больше сосредоточенія, отвращенія, тишины, апатіи — больше, чѣмъ бываетъ у меня временами, — вотъ все, къ чему можетъ привести меня любое несчастіе. А счастье, Марія, счастье — это полное согласіе съ тобою. Если мы когда-нибудь достигнемъ этого, — все уладится. Отвѣчай мнѣ. Но согласіе — это сліяніе душъ, а не тожество дѣйствій.

Записки Маріи Львовны.

14.

Разрушенная душевная близость не воскресаетъ, — вы, можетъ быть, будете смѣяться надо мною, но я, когда думаю о моемъ прошломъ счастіи, плачу. Если бы вашъ отецъ былъ живъ, мое счастіе продолжалось бы до сихъ поръ. Жизнь мрачна, пуста и однообразна, убійственно скучна, и если бы я не вѣрила въ Бога, я чувствовала бы себя очень несчастной. Признаюсь вамъ, это печальный вечеръ, и отнынѣ я начинаю новую жизнь. Богъ дастъ мнѣ силы не стать совсѣмъ дурной и злою. Я давно уже замѣчала, что наше счастье идетъ на убыль. И вы тоже утратили не одну иллюзію. Но только вы менѣе откровенны, чѣмъ я. Какъ хорошо было бы, если бы я заболѣла и всю зиму пролежала въ постели и не видѣла никого, кромѣ Аннушки.

Я желала бы отъ души, чтобы вы полюбили какую-нибудь Наташу; я же чувствую себя неспособной дать вамъ полное счастье,— клянусь. И еще клянусь вамъ, что я страдаю мучительно, видя апоплексическій цвѣтъ вашего лица; я знаю, что ничего не значу для васъ. Отпустите меня назадъ въ деревню, позвольте мнѣ уѣхать за границу, — я все равно не дамъ вамъ счастья.

15.

Помните, какъ вы мнѣ поставили въ вину балъ? А если я поставлю вамъ вопросъ? Если бы у меня были друзья, которые приходили бы утѣшать меня въ ваше отсутствіе, — были бы вы довольны? Балъ — преступленіе, а вино, съ вашего позволенія, нѣтъ? Значитъ, правило распространяется только на васъ? Сколько вѣрованій разрушено въ одинъ вечеръ, — не относительно васъ: я знаю, что вы чисты, — а въ пустое слово «счастье». Галаховъ правъ: счастья нѣтъ, есть лишь минуты удовлетворенности, случайныя и не связанныя. А *полная любовь* — это горькая насмѣшка.

10 час. Если я когда-нибудь васъ покину на нѣсколько часовъ, видя васъ грустнымъ, и не захочу осушить вашихъ слезъ, — я даю вамъ полное право думать, что я охладѣла къ вамъ, или что мы охладѣли другъ къ другу. Отъ охлажденія до моральнаго разрыва только шагъ. Остальное обыкновенно дѣлается само собою. Спасибо.

Марія.

Воскресенье вечеромъ. Желаю вамъ спокойнаго сна и особенно пріятныхъ удовольствій.

Это ли тѣ часы, что сулила любовь? Отпустите меня назадъ въ Чертково. Я буду тамъ счастливѣе. Вы скажете: ревность? Допустимъ, что это правда и что я съ своей стороны дала бы вамъ поводъ ревновать. Были бы вы отъ этого счастливѣе? Во всякомъ случаѣ — благодарю. Если бы я лучше чувствовала себя, я бы дожидалась васъ.

16.

(Стихи — рукою Огарева, остальное — М. Л.)

Я много плакалъ. Тяжкое страданье
Легло на грудь. И какъ пришло оно?
Не знаю я... То есть ли наказанье
За грѣхъ какой, свершенный ужъ давно?
Да! Мнѣ нельзя взглянуть безъ содроганья
На прошлое... Нехорошо оно,
Нечисто... Но тамъ было наказанье,
То съ горемъ новымъ не сопряжено.
А тяжко! все во мнѣ разъединилось,

И вѣра дѣтская и въ счастье, и въ людей
Пропала... Душно... грудь моя стѣснилась!...
Чего-то нѣтъ уже въ душѣ моей...
Постой, постой, все, чѣмъ душа живилась!
Постой на мигъ, блаженство прежнихъ дней!..
О, Боже мой! опять слеза скатилась...

Ты разорвалъ мнѣ сердце этими стихами. Это прощанье мучительнѣе перенести, чѣмъ смерть. И у меня грудь стѣснилась и слеза скатилась *). Скажи же, милый другъ, ты больше не можешь быть полонъ любви, счастья, поэзіи, упоенія и вѣры въ будущее подлѣ твоей Маріи? Я капризна, своенравна, лихорадочно-своевольна, но все это лишь на поверхности, внутри все по прежнему, все это преходяще. Но кто видитъ, что внутри? не минуты ли это эгоистической страсти, самолюбія, соблазна? Тогда надо вооружиться силою и пониманіемъ, — но это приходитъ лишь тогда, когда страсть слабѣетъ, — и вотъ я нынче опять твоя Марія съ сердцемъ, полнымъ самоотреченія. И въ добрый часъ.

VI.

Отъѣздъ изъ Москвы, какъ видно изъ приведенныхъ сейчасъ писемъ, представлялся теперь Огареву единственнымъ средствомъ спасенія. Уже весною 1840 года онъ начинаетъ хлопотать о дозволеніи ему съ женою ѣхать на Кавказъ; но въ отпускѣ ему отказываютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что, будучи переведенъ въ Москву по высочайшему повелѣнію, онъ и отпускъ можетъ получить только тѣмъ же порядкомъ. Въ виду этого Огаревъ подалъ въ отставку и одновременно предпринялъ новыя хлопоты съ цѣлью добиться разрѣшенія сопровождать больную жену для лѣченія за границу**). Поддержать это ходатайство передъ властями должна была сама Марія Львовна, которая и уѣхала для этого въ Петербургъ въ серединѣ мая. Она дѣйствительно нуждалась въ лѣченіи; поэтому было рѣшено, что, въ случаѣ новаго отказа, она поѣдетъ за границу одна. Нижеслѣдующія письма писаны къ ней Огаревымъ частью изъ Москвы, частью изъ пензенской деревни, куда онъ,

*) Эта фраза — по-русски.
**) Указ. ст. Лемке, стр. 144—5.

очевидно, на короткое время съѣздилъ во время этой ея второй поѣздки въ Петербургъ.

17.

Москва, 30 мая.

Вчера цѣлый день не писалъ тебѣ — не былъ расположенъ; безсонница, тоска совсѣмъ замучили меня; а много прекраснаго видѣлъ я въ эти два дня: Кунцево и M-me Allan. Кунцево для меня, кромѣ своего въ самомъ дѣлѣ живописнаго берега, имѣетъ личныя воспоминанія. Тутъ первая отроческая любовь; мнѣ до сихъ поръ сладко смотрѣть на это прошедшее. Pas de jalousie pourtant! Память о первомъ развертываніи душевныхъ силъ — вотъ тутъ что дорого. Но какъ же исказили мое бѣдное Кунцево! Аристократизмъ, боящійся ступить на траву, чтобы не вымочить ногъ, около самыхъ живописныхъ обваловъ подѣлалъ песчаныя площадки въ самомъ варварскомъ вкусѣ; гору обрыли для грота, подъ горой, подъ огромной горой наставили статуй, перегородочекъ, насадили цвѣточковъ, и все это такъ мизерно, что просто досадно и больно! Все жъ это для меня лучшее мѣсто около Москвы; если мнѣ злой рокъ судитъ остаться въ этой вонючей, пыльной, гнилой (но все любимой) Москвѣ, то переѣду въ Кунцево. Вчера былъ бенефисъ M-me Allan: Clemence ou fille d'un avocat и Ange dans le monde, diable à la maison. Нелѣпость французской драмы въ первой пьесѣ достигла высочайшей степени; но M-me Allan была такъ превосходна, что я и К. плакали все время, какъ маленькія дѣти. Мнѣ не трудно было расплакаться: передъ тѣмъ я почти не спалъ ночь, потому что проснулся въ 3 час. по утру и не могъ уснуть, нервы были напряжены, какой-то жаръ томилъ меня. Каждая сцена, полная любви, невольно напоминала мнѣ, что ты не со мной, и я лучше чувствовалъ всю трогательность любви. Мнѣ даже стыдно было — такъ я плакалъ. Во второй пьесѣ M-me Allan была также превосходна; пьеса немного растянута. Въ 1-й пьесѣ съ M-me Allan вызвали Walter'a и Bacon. Надобно замѣтить, что Walter никогда не былъ такъ непростительно гадокъ. Баратынскій при этомъ вызовѣ сказалъ: барыня спрашиваетъ весь туалетъ! Между пьесами мы ходили къ Леоне, гдѣ видѣли la famille Gagarine. M-me Lydie сдѣлала мнѣ честь разговаривать со мною, спрашивала объ тебѣ и о M-lle Sophie. Ея мужъ невзначай съѣлъ мое мороженое, въ чемъ и извинился, какъ учтивому человѣку слѣдуетъ. Вчера я былъ у Дюклу, говорилъ съ нимъ о дѣлахъ. Былъ у кузины Гресперъ, которая звала меня къ себѣ

въ деревню, и я послѣзавтра поѣду. Сессаревскій все еще колеблется. Съѣзжу еще сегодня справиться. Впрочемъ, я почти увѣренъ въ отставкѣ, и отпускъ уже не имѣетъ такой важности. Вотъ тебѣ вся моя внѣшняя жизнь.

Что же касается до моей внутренней жизни, я думаю, ты ее понимаешь. Безпрерывная agitaçia, тоска, сомнѣніе въ будущемъ. Хочется писать стихи, — не пишется. Да и нехорошо, наконецъ, писать о своей грусти, das kann man in guter Prosa sagen, а стихъ пусть отнесется къ художественному произведенію и не будетъ въ зависимости отъ личной слабости. Моя тоска теперь — слабость, безсиліе души, которая не можетъ остаться спокойною при волненіяхъ, нанесенныхъ со внѣ. Мнѣ всегда въ тяжелыя минуты приходитъ на память Христосъ и апостолы. — Боже мой! Откуда взять эту внутреннюю силу? — Маша, Маша! да поѣдемъ ли мы вмѣстѣ? Право, это будетъ несчастье, если не поѣдемъ. По крайней мѣрѣ ужъ ты обѣщайся лѣчиться, какъ должно, и пріѣхать ко мнѣ здоровою. А я — я найму дачу до осени. Да какъ же это я съ тобой не поѣду?! Нѣтъ! этого быть не можетъ. Поѣду непремѣнно.

Сегодня жду денегъ и вышлю тебѣ 22 т. Если ты одна поѣдешь, то этого довольно. Три съ ½ отдамъ Сатин. и остальные долги заплачу, прочее оставлю на всякій случай себѣ. Если деньги привезутъ, завтра же вышлю съ рецептомъ.

Сейчасъ приходилъ гувернеръ для твоей сестры, но менѣе 1000 или 1200 не найдешь человѣка съ *поведеніемъ*.

Поѣду въ сенатъ и что будетъ, напишу тебѣ. Еще гувернеръ. — Боюсь опоздать на почту. Результатъ похожденій въ сенатъ напишу завтра. — Прощай, Мери! Благословляешь ли ты меня на сонъ грядущій, какъ я всегда дѣлаю? Здороваешься ли со мной поутрамъ? Меричка, когда же вмѣстѣ? Прощай!

Salut et amour éternel.

30 Mai. Nicolas.

18.

(6 іюня, четвергъ.)

Вчера вечеромъ я не писалъ къ тебѣ, потому что ночевалъ у К. Мнѣ слишкомъ скучно стало вчера, я не зналъ, куда дѣваться. Твоя записка только что огорчила меня. Неужели ты до 31 ни одного письма отъ меня не получала? И не знаешь, что мнѣ отпуска нѣтъ, что я не могу къ тебѣ пріѣхать, что я бьюсь, какъ рыба объ ледъ, и нѣтъ мнѣ выхода? Впрочемъ, я твое письмо отъ пятницы

получилъ въ среду въ 4 часа, — разсчитывай, я писалъ во вторникъ, ты получишь первое письмо въ воскресенье. Когда же отставка? Прежде вторника, т.-е. 3 дня, она не можетъ выйти изъ Петербурга, и я не увижу ее прежде понедѣльника или вторника и не буду съ тобой прежде пятницы или субботы. Еще недѣля слишкомъ. Боже мой, какъ это нестерпимо грустно! Три недѣли безъ Маши, цѣлыхъ три недѣли!.. Мое терпѣнье исчезаетъ. А сегодня даже и письма отъ тебя не будетъ — четвергъ принесъ бы почту, отправленную въ воскресенье, а въ воскресенье нѣтъ почты. Это нестерпимо! Я цѣлый день не знаю, куда голову преклонить, дѣлаю и говорю тысячу глупостей, и все скучно по горло. Я чрезвычайно благодаренъ Н. обоимъ, они меня почти не оставляютъ и рѣдко поперечатъ въ моихъ фантазіяхъ, ходятъ по 20 вер. пѣшкомъ ради меня, бродятъ цѣлый день ради меня... И мнѣ не совѣстно, и я бы то же сдѣлалъ. Истинное чувство такъ понятно и такъ жалко страдальца, дѣйствительно страдающаго, что нельзя ему отказать ни въ чемъ. А я дѣйствительно страдаю безъ тебя, Маша; я былъ тверже въ нашу первую разлуку, а теперь это невыразимо! Я былъ одинъ и былъ тверже, а теперь я не одинъ, а тоска пуще разбираетъ меня.

Вчера получилъ деньги, но погожу еще твоего письма; если уже мнѣ не будетъ надежды, тогда вышлю.

Маша! Неужели мы разстанемся на 3 или 4 мѣсяца? Ну, да я не хочу говорить объ этомъ. Сердце поворачивается, а надо.

Рѣдко я надѣюсь, чтобы все сдѣлалось, какъ я желаю; большею частью я почти дохожу до отчаянія. Вчера, чтобы ѣхать ночевать къ К., я долженъ былъ заѣхать домой отъ него, чтобы взять твои письма и портретъ, чтобы заглянуть въ нашу спальню и тамъ благословить тебя. И больно мнѣ было не ночевать дома... Маша, я люблю тебя!..

Тутъ письмо прекратилось. — Посылаю тебѣ письмо Галахова и подчеркнулъ то, что служитъ доказательствомъ, что я всегда говорилъ правду.

Что-то хотѣлъ еще сказать, теперь не вспомню. Еще недѣля, цѣлая недѣля, а можетъ и больше, — Боже мой, Маша, какъ грустно! Прощай, душа моя. Осиротѣлъ я безъ тебя, что дѣлать. Хлопочи же скорѣй! Прощай. Цѣлую, обнимаю тебя горячо, сколько люблю. Addio.

Salut et amour éternel. Nicolas *).

---

*) На оборотѣ написано: 1840. La seconde f. que je suis allée a P. g. (это — рукою М. Л.).

7 іюня, ночь.

Былъ въ Останкинѣ. Прихожу домой. Спрашиваю письмо — есть. Ну, слава Богу.

Я ждалъ письма, какъ манны, и много утѣшительнаго на счетъ нашихъ дѣлъ, т.-е. если отставка придетъ къ понедѣльнику, то я во вторникъ могу выѣхать, много въ среду, и въ четвергъ или въ пятницу быть съ тобою. Паспортъ едва ли здѣсь можно получить, надобно прежде быть публиковану 3 раза; впрочемъ, можетъ быть, не буду ждать твоего письма объ этомъ.

Надѣюсь однако, что ты моихъ писемъ не показываешь Столыш. Мнѣ самому жаль, que vous êtes si mal mariées, я и Аѳ. А. — что за мужья въ самомъ дѣлѣ! Эгоизмъ, грязный эгоизмъ — отличительная черта нашихъ характеровъ, имѣющихъ, можетъ быть, болѣе общаго, нежели я думалъ. Да если бы мы давали еще какую нибудь компенсацію, а то одинъ предлагаетъ свои деньги, другой — свою любовь, свою персону, свой міръ фантазій. Жалки мы, когда думаемъ, что этого довольно... Ты была больна, когда писала письмо, — не правда ли? Къ тому-жъ ты тоскуешь, и я тебя морилъ съ тоски, и все это не розоваго цвѣта. Но погоди, когда я буду съ тобой, ты будешь веселѣе. Не правда ли? Вѣдь тебѣ и я нуженъ, ты меня любишь, не правда ли? Я очень радъ, что Волод. сформировался, и буду ему другъ, если онъ тебѣ другъ и если онъ хочетъ моей дружбы. Но все же надѣюсь, что ты ему кольца не оставишь. Маша, Маша! я въ припадкѣ безумія и не хочу бранить тебя, а между тѣмъ сердце надрывается, и я самъ ужъ не знаю, что пишу. И я тебя прошу, какъ ты меня просишь: не брани меня.

Недѣлю еще я буду безъ тебя, цѣлую недѣлю! Боже мой! Маша! Да неужели я свижусь съ тобой только на нѣсколько дней. Если бы ты знала мои мученья, Маша... и эта скука, и твое письмо, и еще такъ долго не видать тебя и не цѣловать тебя, и то, что я нѣсколько дней боленъ, самъ не знаю чѣмъ... О! силъ нѣтъ, силъ нѣтъ! И мнѣ ужъ лучше не перестать ли писать?.. Нѣтъ, — погожу, быть можетъ, успокоюсь. Il ne faut que se concentrer.

Да, Маша, чѣмъ больше я думаю о томъ, что я написалъ тебѣ, тѣмъ больше нахожу причинъ раскаиваться, тѣмъ больше меня береть раздумье: рвать или нѣтъ? Но такъ и быть — оставлю. Пусть каждое впечатлѣніе будетъ тебѣ извѣстно. Теперь, говоря въ болѣе спокойномъ расположеніи духа, твое письмо жестоко

оскорбило меня. Я не его ждалъ. Но прости меня, какъ я тебя прощаю. Люби меня — люби меня, какъ меня любила Маша въ синемъ платьицѣ, въ красномъ платочкѣ, моя добрая Маша, съ сердцемъ полнымъ любви, — люби меня такъ, о, повѣрь, что у меня станетъ любви, чтобы отвѣчать на такую любовь. Грустно что-то, другъ мой. Тяжело одному на свѣтѣ.

2-й часъ, а спать не хочется. Грустно, безконечно грустно. Другъ мой! Была бы ты со мной, было бы кому обвить руку около шеи, какъ ты обѣщалась. Сдѣлаешь ли ты это мысленно, когда прочтешь эти строки? А я, Маша, знай напередъ, что я всегда съ тобой, когда тебѣ грустно. Я такъ не привыкъ съ тобой разставаться, что мысль моя всегда съ тобой, когда тебя нѣтъ возлѣ меня. Часто ты говорила, что я не нуждаюсь въ тебѣ, когда съ ними. Маша, Маша! если бъ ты знала, какъ мнѣ было горько, когда я былъ съ ними, а тебя не было. Всѣ бы вмѣстѣ, своя семья. Но чужая душа потемки, ты мнѣ не вѣрила. Не знаю, вѣришь ли теперь, когда пишу это. Но я передъ тобой, какъ и передъ Богомъ, скажу, что это правда. Тебѣ кажется, что мы уже мѣсяцы въ разлукѣ. Маша! благодарю за эту строчку. А мнѣ, другъ мой, что мнѣ кажется, я ужъ и самъ не знаю; знаю только, что мнѣ больно, и если въ будущемъ еще грозитъ разлука, то это въ самомъ дѣлѣ будетъ несчастье. Что намъ готовится, тучи или ведро, я самъ себя спрашиваю, и голова кружится и даль темна, темна. Давай молиться, Маша!

Уже и совсѣмъ свѣтло. Пора проститься, Маша. Благословляю тебя. Man kann, was man will. Авось ли мы уѣдемъ вмѣстѣ. Мои письма — тебѣ утѣшеніе и благодѣяніе, говоришь ты. Mercі! Я думаю, тебѣ въ нихъ недостатка нѣтъ. Я еще разъ перечиталъ послѣднюю страницу твоего письма, и мнѣ стало легче. Когда же я отсюда уѣду? Когда обниму тебя такъ горячо, какъ бы мнѣ хотѣлось? Прощай, Маша. Цѣлую тебя... Adieu, Mery... Грустно!

8 іюня. Утро.

Здравствуй, Маша. Сонъ болѣе успокоилъ меня. Теперь я совсѣмъ прощаю тебѣ письмо твое и вѣрю твоей любви. Какъ мнѣ жаль, что ты скучаешь, ты себѣ представить не можешь! Ужъ лучше бы мнѣ одному всѣ кресты нести.

Посылаю тебѣ трансфертный билетъ на 4 тыс. рублей серебромъ, что составитъ 14 тыс.; вели съ этимъ адресоваться въ коммерческій ассигнаціонный банкъ и просить, чтобъ тебѣ выдали золотомъ; за

границу нужно золото. Полагаюсь на тебя, что ты во всякомъ случаѣ меня дождешься и безъ меня не уѣдешь.

Дашенька Олсуфьева вышла на-дняхъ замужъ за Кочубея. Я видѣлъ ихъ въ каретѣ. Она очень мила. Онъ имѣетъ одно изъ тѣхъ незначительныхъ лицъ, мимо которыхъ проходишь совершенно равнодушно.

Прощай, моя Меричка, до вечера! Я ужасно поздно проснулся и не соберусь съ мыслями; въ душѣ пусто, а внѣшнихъ случаевъ никакихъ нѣтъ. Прощай, другъ мой, обними меня крѣпко, какъ я тебя обнимаю. Je t'aime. Adieu.

Salut et amour éternel.

Nicolas.

19.

14 Іюня. Вечеромъ.

Марія, пріѣзжай поскорѣе успокоить мою страждущую душу. Я изъ силъ выбился. Всѣ воспоминанія, которыми полно Чертково, встаютъ и мучаютъ одинокое сердце. Я взялъ твое послѣднее письмо ко мнѣ въ Коломну (это мое любимое) и перечиталъ его, и заплакалъ — и стало еще грустнѣе. Нѣтъ, кончено, не могу болѣе жить безъ тебя; еще разлука — и я умру или съ ума сойду или очерствѣю совершенно. Маша, не надо больше разлучаться, не надо, — не правда ли? Если у насъ будутъ отняты средства къ твоему излѣченію, то и я сдѣлаюсь боленъ, и мы умремъ вмѣстѣ, и тамъ будемъ вмѣстѣ. Не хочу жить безъ тебя. Безъ тебя гаснетъ огонь небесный, нѣтъ любви, нѣтъ стремленія къ знанію, нѣтъ стремленія къ творчеству. Хочу себя преодолѣть и писать стихи, — все или съ трудомъ клеится, или вовсе не клеится; душа не можетъ творить. Къ тому же ты ни слова съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала. Развѣ скоро пріѣдешь? Неужели завтра? Завтра 15-е, Маша, неужели завтра? О! пожалуйста, завтра, Маша, завтра ради Христа. Завтра Духовъ день, крещеніе апостоловъ Святымъ Духомъ. О! пріѣзжай завтра, и въ моемъ сердцѣ будетъ тишина, способная наполниться духомъ Божіимъ.

Я сегодня цѣлый день спалъ и мнѣ все спать хочется, голова тяжела. Я радъ сну — все нѣсколько часовъ безъ грусти. Я вечеромъ гулялъ много съ Basil'емъ. Развѣ отъ усталости спать хочется, не понимаю отчего, но мочи нѣтъ. Выкурю трубку и лягу. А еще только 10 часовъ.

Прощай, Маша, даже писать не могу съ нѣкотораго времени. Пустъ, глупъ, ничтоженъ. Одно только: тоска на душѣ невыносимая. Прощай; благословляю тебя, цѣлую тебя, дитя мое, сестра, невѣста, любовница, жена. Маша, люблю тебя больше всего на свѣтѣ.

15-го, вечеромъ.

Прошло и 15-е, а тебя все еще нѣтъ. Когда же, Маша? Теперь я опять у окна вслушиваюсь во всевозможные звуки и жду, не ѣдешь ли ты. Въ деревнѣ поютъ пѣсни. Мѣсяцъ опять глядится въ пруду. Опять соловей на томъ берегу и лягушки сопровождаютъ его хоромъ. Тишина царствуетъ, несмотря на всѣ эти смѣшанные звуки. Это тишина ночи, тишина природы неодушевленной. Она, кажется, борется съ шумомъ людскимъ и пересиливаетъ его. Хороша эта ночь, а тебя все нѣтъ со мною. Я сегодня не менѣе грустенъ, но будто сильнѣе духомъ. Больше любви къ міру въ сердцѣ. Умственная способность дѣятельнѣе. Давеча я плакалъ и молился на образъ Спасителя, что ты мнѣ прислала, и мнѣ стало легче. Мысль снова съ любовью понеслась къ Богу безконечному, и величіе христіанскаго догмата снова овладѣло душой. Я началъ трудиться надъ произведеніемъ, въ которомъ сосредоточится вся моя мыслящая сила, вся сила любви, такъ какъ въ идеѣ, въ немъ развиваемой, сосредоточивается вся моя жизнь.

Да, я чувствую, что это истина, запавшая мнѣ въ душу свыше, и я не долженъ схоронить ее въ душѣ, а высказать людямъ во что бы то ни стало. Прежде всего высказать ее тебѣ, чтобы мы могли идти съ тобой однимъ путемъ, дитя мое. Надо привить эту истину къ твоему сердцу, и тогда изъ него изженутся всѣ желанія пустыхъ наслажденій и единое святое чувство поселится въ немъ. На многое взглянемъ мы съ раскаяніемъ, мы, обновленные въ сердцѣ словомъ Божіимъ. Одной изъ такихъ вещей будутъ мои письма къ графу. Мой инстинктъ меня не обманывалъ; я убѣдился въ ихъ нечистотѣ и увѣренъ, что они не спасутъ насъ. Не намъ искать спасенія въ средствахъ нечистыхъ. Мало вѣры въ насъ, вотъ отчего мы это дѣлаемъ, и послѣдствія жестоко проучатъ насъ. Марія! отдадимъ себя на волю Провидѣнія. Лѣчиться вездѣ можно будетъ. На воды насъ пустятъ, если не этотъ годъ, то на будущій. Здоровье исправится. Но уже болѣе ни за что въ мірѣ я не стану просить графа. Не надѣйтесь на князева и сыны человѣческіе. Марія, обнимемъ другъ друга и идемъ по путямъ, предназначеннымъ Прови-

дѣніемъ. Откинемъ всякую роскошь, употребимъ имѣніе для блага людей и будемъ жить одною любовью къ Богу и къ міру, въ которомъ человѣкъ есть высшее проявленіе идеи Божіей. Любовь къ Богу и любовь къ ближнему, — вотъ въ чемъ должна заключаться наша жизнь, вотъ идея, во имя которой мы были благословлены на вѣчно неразрывный союзъ другъ съ другомъ, вотъ идея, въ силу которой мы можемъ любить другъ друга въ Богѣ. О! возвратись скорѣй, моя Мери. Мое сердце опять стало сильно и полно высокой любовью къ тебѣ, той любовью, которой ангелы любятъ другъ друга на небѣ. Дитя мое, и въ твоемъ сердцѣ я воскрешу эту любовь. Говорю: воскрешу, потому что она есть въ каждомъ сердцѣ человѣческомъ, но по большей части или спитъ, или замерла. Возвратись скорѣй, моя Мери, пусть время, потерянное въ разлукѣ, исчезнетъ въ одномъ жаркомъ поцѣлуѣ, въ одномъ горячемъ объятіи, пусть наши сердца забьются въ одинъ темпъ и слезы радости сольются на щекахъ нашихъ! О! какъ хорошъ будетъ мигъ свиданья! Неужели онъ не придетъ сегодня? Боже, умоляю—сегодня! но да будетъ воля Твоя!

Сегодня надо будетъ писать къ S. Какъ я радъ, что я въ такомъ расположеніи духа, гдѣ спокойствіе неба беретъ верхъ надъ тревогой земной. Вѣдь утѣшить мнѣ надобно его бѣднаго. А его трудно утѣшить. Его положеніе въ самомъ дѣлѣ необыкновенно горько. Мой бѣдный Коля! Какъ найду слова, чтобъ поддержать духъ въ страждущемъ тѣлѣ! Маша! ну, если онъ умретъ? Вѣдь ты не разъ будешь раскаиваться, что мало оказала ему любви. О, святая любовь въ Богѣ! Если бъ ты тогда была одушевлена ею, какъ бы ты пламенно полюбила юношу, стремящагося идти по путямъ Божіимъ!

Я забылъ тебѣ сказать, что когда былъ у Тучкова, то познакомился съ его дѣтьми и проповѣдывалъ старшей чистоту нравственности христіанской. Прекрасная душа у этой дѣвушки, я въ этомъ увѣренъ. И меньшіе очень милы, я съ ними игралъ цѣлый вечеръ.

Но теперь напишу письмо къ S., а тамъ опять поговорю съ тобой. Сегодня мнѣ и спать не хочется...

Писалъ къ S. и сонъ одолѣлъ меня. Не могу болѣе продолжать. Прощай, Мери, дитя мое, благословляю тебя и цѣлую, какъ можетъ цѣловать только тотъ, кто любитъ безмѣрно. О! если бъ нынче ночью ты въ самомъ дѣлѣ пришла взять мой поцалуй и дать мнѣ такой же!

16-е, часъ ночи.

Вотъ я на два дня въ Пензѣ. Я получилъ твою записку. Благодарю, Маша, за послѣднюю страничку больше, чѣмъ за всѣ хлопоты о судьбѣ моей. Я забылъ думать о судьбѣ моей, она меня нисколько не занимаетъ. Насчетъ твоего здоровья я надѣюсь на благость Провидѣнія. Оно не дастъ тебѣ погибнуть и оставить меня одного. Остальное ничего не значитъ. Пенза, Астрахань, Иркутскъ, Тифлисъ—все одно и то же; гдѣ надо быть, тамъ и будемъ, лишь бы духъ Божій нигдѣ не покидалъ души нашей и уста были бы полны словомъ Божіимъ. Благодарю, Марія, за то, что ты хочешь мнѣ отдать мою дѣвочку въ синенькомъ платьицѣ съ красненькимъ платочкомъ и тогдашнюю любовь ея ко мнѣ. О, моя симпатія не остыла—это симпатія отца къ дочери, брата къ меньшей сестрѣ, мужа къ женѣ, симпатія полная, сильная, вѣчная. Но твоя любовь не остыла ли? Вотъ мысль, которая меня мучитъ давно *(конца нѣтъ)*.

VII.

Хлопоты Маріи Львовны не увѣнчались успѣхомъ. Въ іюнѣ Огаревъ получилъ отставку, но за границу его не пустили. Почему М. Л. не уѣхала туда одна, какъ было предположено, мы не знаемъ. Огаревы еще на цѣлый годъ остались въ Москвѣ.

Ихъ семейныя дѣла шли все такъ же, и выхода не предвидѣлось. Будь у нихъ ребенокъ, еще, можетъ быть, все устроилось бы; но они были бездѣтны. Осенью этого года (1840) Огаревъ дѣлаетъ попытку исправить упущеніе природы: онъ усыновляетъ маленькаго племянника Сатина. Они думали, что это внесетъ миръ въ ихъ домъ. «Мы стояли возлѣ его кроватки, обнявшись съ Маріей,—пишетъ Огаревъ Герцену.—Она мнѣ сказала: «это связь между нами», и мы бросились другъ другу на грудь и плакали и мнѣ было сладко. О! будьте вы тысячу разъ благословенны, тѣ, которыхъ я горячо люблю и которые меня любили!» *). Этою же осенью, въ отвѣтъ на незаслуженный укоръ Герцена, онъ пишетъ ему замѣчательное письмо, полное горечи и грусти. Онъ говоритъ, что и дружба,

*) «Изъ перепи. нед. дѣят.», *Рус. Мысль*, 1889, апрѣль, стр. 3.

и любовь не ослабѣли въ немъ, но что онѣ перестали быть для него твердыми оплотами жизни: «Въ душѣ больше одиночества, передо мной дорога грустна и молча я иду между моими спутниками». Никто не виноватъ въ этой драмѣ,—всѣ дѣйствовали не по волѣ, а въ силу своихъ натуръ; виновато больше всего его собственное безволіе, благодаря которому не онъ подчинилъ себѣ и любовь, и дружбу, а онѣ владѣли имъ. И оттого случилось неизбѣжное: «Онѣ не захотѣли спокойно дѣлить царство и сразились въ своихъ владѣніяхъ, т.-е. въ моей душѣ. Если ты читывалъ, что такое поле послѣ сраженія, то можешь догадаться, что такое стала моя душа». Онъ проситъ Герцена вѣрить его дружбѣ — и не дотрагиваться до раны. Зачѣмъ? Онъ хочетъ, хотя минутно, по старому вѣрить и въ великую будущность, и въ возможность полнаго счастья *).

Весною (1841 г.) Огаревъ возобновилъ хлопоты объ отпускѣ за границу, и на этотъ разъ позволеніе было наконецъ дано: 29 апрѣля Николай разрѣшилъ выдать Огареву заграничный паспортъ на 6 мѣсяцевъ**). Для ускоренія процедуры по изготовленію паспорта Марія Львовна раньше Огарева пріѣхала въ Петербургъ, вѣроятно въ первыхъ числахъ мая. Герценъ жилъ тогда въ Петербургѣ. Огаревъ все еще не терялъ надежды примирить жену и друга; въ эти дни онъ писалъ Герцену: «Помогай въ хлопотахъ моей женѣ. Можетъ быть эти обстоятельства сведутъ васъ; если бы вы разстались друзьями, я былъ бы счастливъ. Вотъ тебѣ моя рука: она благороднѣйшая женщина — уваженіе къ ней, да! я этого требую»***). Черезъ нѣсколько дней онъ самъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь у него былъ съ Герценомъ откровенный разговоръ. Онъ ясно формулировалъ свою точку зрѣнія: онъ *не въ правѣ* наказывать разрывомъ женщину только за то, что у нея не оказывается духовной связи съ нимъ, и онъ *не властенъ* порвать съ нею, пока еще въ немъ жива любовь къ ней. Въ запискѣ, которую онъ тутъ же, въ Петербургѣ, послалъ Герцену, онъ писалъ: «Странное дѣло! Пока я ни съ кѣмъ не говорилъ, я внутренно бѣсился. Съ тѣхъ поръ, какъ сказалъ, у меня воскресло къ ней влеченіе, рѣшительное влеченіе. Я все бы ходилъ около нея, какъ около больного ребенка, и утѣшалъ бы ее, ласкалъ бы ее. Неужели я подъ вліяніемъ

*) Тамъ же, стр. 1—2.
**) Указ. ст. Лемке, стр. 146.
***) «Изъ перепис. нед. дѣят.», *Рус. Мысль*, 1889, ноябрь, стр. 1.

Naturgewalt? Можетъ быть, но я еще не знаю, благородно ли высвободиться изъ-подъ этой Naturgewalt... Опять прихожу къ 1-му направленію: оставить судьбу постепенно рушить Naturgewalt, но не понукать ходъ вещей и не ломать индивидовъ. Ей-Богу, это мягче и человѣчнѣе. Не способенъ я ломать, да и только». Дальше онъ пишетъ: «Намедни я прилегъ къ ней на плечо, вспомнилъ все прежнее и записалъ эту минуту, какъ одну изъ послѣднихъ нашего расшатаннаго счастья, но все же блаженную минуту. Что дѣлать? Учи человѣка, какъ хочешь,—пока внутри его не живетъ сила сдѣлать то или другое, ничему его не научишь.

Was Ihr nicht fühlt, Ihr werdet's nie erjagen.

Такъ и я. Все не впрокъ, — нитка тянется и не лопается; придетъ время, она лопнетъ... А жалко расторгнуть что-нибудь. Все былое такъ мило, что съ нимъ индивиду такъ же трудно развязаться, какъ народу съ историческими преданіями. Но я что-то спокойнѣе. Отчего — самъ не знаю. А эти дни я больше люблю ее; кажется, это было бы еще грустнѣе, а нѣтъ, у меня на душѣ легче»*).

Въ эти дни вновь вспыхнувшей нѣжности Марія Львовна обдѣлала одно очень прозаическое дѣло: она потребовала, чтобы Огаревъ обезпечилъ ее матеріально на случай своей смерти, такъ какъ иначе ей пришлось бы получить лишь законную седьмую часть: наслѣдницей Огарева являлась его родная сестра. Въ позднѣйшемъ своемъ показаніи, на слѣдствіи 1850 г., Огаревъ говорилъ: «Я думалъ, что было бы невеликодушно не согласиться на это требованіе, тѣмъ болѣе, что предвидѣлъ нашъ конечный разводъ» **). Между Огаревымъ и его женою была заключена въ Петербургѣ фиктивная сдѣлка, сущность которой явствуетъ изъ слѣдующаго документа ***).

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

«Будучи въ здравомъ умѣ и совершенной памяти, помышляя о могущей послѣдовать мнѣ смерти, учинено сіе духовное завѣщаніе при упрошенныхъ мною свидѣтеляхъ въ слѣдующемъ: Капиталъ, полученный мною въ даръ отъ мужа моего, коллежскаго

---

*) Тамъ же, стр. 2—3.
**) Указ. ст. Лемке, стр. 147.
***) Подлинникъ.

регистратора Николая Платоновича Огарева, сто сорокъ три тысячи рублей серебромъ, на который нынѣ я купила у него, у мужа моего, недвижимое имѣніе, состоящее Пензенской губерніи и того же уѣзда, села: Чертково, Никольское, тоже Смагино, деревни: Рудаковку и Зубаревку, въ коихъ писано по 8-й ревизіи 676 мужского пола душъ съ ихъ семействами и имуществомъ и со всѣми угодьями, въ чемъ учинено между нами запродажное условіе, совершенное въ С.-Петербургской Гражданской палатѣ, во 2-мъ департаментѣ, сего мая 12-го дня 1841 года. Въ случаѣ моей смерти, ежели послѣдуетъ оная прежде полученія мною на оное имѣніе купчей, то капиталъ 143.000 руб. серебромъ, уже отданный мужу моему по упомянутому условію за имѣніе, остается въ его собственность, ежели же по полученіи купчей на упомянутое имѣніе, то оное имѣніе также отдаю ему, мужу моему Николаю Платоновичу Огареву».

Въ серединѣ мая Огаревы выѣхали за границу. Передъ ихъ отъѣздомъ Герценъ помирился съ Маріей Львовной. Второй актъ драмы кончился, — но ихъ предстояло еще цѣлыхъ три.

VIII.

Итакъ, въ маѣ Огаревы изъ Петербурга — и, значитъ, моремъ — выѣхали за границу. Марію Львовну врачи направили въ Карлсбадъ. Огаревъ первое время оставался тамъ съ нею, но затѣмъ перебрался въ Франценсбруннъ (нынѣшній Франценсбадъ), гдѣ жилъ нѣкоторое время одинъ; затѣмъ они опять вмѣстѣ провели нѣсколько недѣль въ Теплицѣ и, кажется, въ Эмсѣ, и, наконецъ, къ зимѣ переѣхали въ Италію. Нижеслѣдующія письма Огарева къ М. Л. писаны въ теченіе этого лѣта.

20.

(1841 г.) Франценсбруннъ. Вечеромъ.

Вотъ я и здѣсь, одинъ, въ крошечной комнаткѣ. Воспоминанія цѣлаго дня тревожатъ меня. Я перебрасываюсь и дальше чѣмъ сегодняшній день. Все мое прошедшее — свѣтлое, полное любви — передо мною. Маша, другъ мой, — моя спокойная наружность тебя обманываетъ, можетъ быть даже и сердитъ. Но я бы дорого запла-

тилъ, чтобъ быть внутри такимъ же спокойнымъ, какъ въ моихъ апатическихъ пріемахъ. Маша — я тебя люблю. Я никогда не могъ отстать отъ привязанностей, которыя были основаны на глубокихъ симпатіяхъ, длились долго и казались безконечны — и, можетъ быть, до сихъ поръ безконечны. Я не отчаяваюсь. Но ты какъ-то не хочешь проникнуть сквозь эту ровную оболочку моего характера, не знаешь, что я страдаю и чѣмъ я счастливъ. Ей-Богу — моя жизнь была такъ широка, такъ широка; всѣ мои связи лежали на такомъ широкомъ основаніи и пророчили такую свѣтлую будущность (свѣтлую по своему человѣческому значенію), что я не могъ никому завидовать и никому желать лучшей участи. Судьба сдѣлала такъ, что ты не захотѣла пристать къ этой жизни, въ которой мы были бы оба такъ полно, такъ высоко-человѣчески счастливы. Я не упрекаю; избави Боже меня дѣлать упреки, можетъ быть я и самъ много и много виноватъ, — и тебя прошу, не пеняй на меня и прости мнѣ. Мы должны все прощать другъ другу — потому что вѣдь между нами любовь не рушилась. Ей-Богу, не рушилась. Я это чувствую, потому что безъ тебя тоскую; думалъ заниматься, работать въ одиночествѣ —и едва ли это будетъ; мнѣ скучно, я неспокоенъ, тоска, да и только. Чувствую, что мы любимъ другъ друга, и по тому, что видѣлъ давеча твои слезы—и тебѣ скучно безъ меня, и у меня слезы навертываются. А вѣдь мы разстались дня на три, на четыре. Неужли это привычка? Быть не можетъ — это сильная привязанность. Боюсь тревожить тебя еще болѣе, а не могу не сказать, что съ наступленіемъ ночи, когда думаю, какъ я лягу и ты меня не поцалуешь, —мнѣ больно. О! сколько вещей, отъ которыхъ мнѣ больно! Но перестанемъ говорить о нихъ. Къ чему тебя тревожить. Обними и поцалуй и благослови меня мысленно, какъ я тебя теперь, и успокоимся.

Франценсбруннъ лежитъ въ долинѣ или, лучше, въ полѣ; это тебѣ понравится. Я вспомнилъ Чертково и тебя. Чертково и ты для меня нераздѣльны. Нигдѣ и никогда я не былъ такъ счастливъ! Дай мнѣ руку и пойми наконецъ, сколько любви въ моемъ рукожатіи. — Около источниковъ паркъ — это мнѣ напомнило Петровское, и едва ли оно лучше. Городокъ очень хорошо выстроенъ, улицы широкія. Квартиръ почти нѣтъ, и я принужденъ былъ поселиться въ конуркѣ — впрочемъ очень чистой, въ почтовомъ домѣ, изъ котораго видъ въ поле. Въ воскресенье уѣзжаетъ какой-то графъ, и я займу его двѣ комнаты au rez de chaussée. Пріѣзжай — намъ будетъ очень уютно и хорошо. Мѣсто такое, какъ ты любишь.

Съ другой стороны городка садъ, напоминающій пензенскій, но хуже, хотя много цвѣтовъ. Вотъ тебѣ вся мѣстность. Теперь мои похожденія. Ѣхалъ я сперва съ двумя нѣмцами; не знаю, какъ ихъ зовутъ, да и знать не хочу. Одинъ отставной воинъ, а другой — прусскій таможенный чиновникъ. Они болтали ужасно много. Послѣ пересѣлъ къ намъ и 3-й нѣмецъ въ бѣломъ пальто и сжалъ мои ноги въ свои огромныя колѣна. Я съ перваго взгляда узналъ, что это дармштадтецъ; онъ и ростомъ, и лицомъ похожъ на принца, который былъ у насъ. Болтовня усилилась съ новымъ товарищемъ. Пиво, пошлая политика, разсужденія о томъ, о чемъ нечего разсуждать — надоѣли мнѣ ужасно. Наконецъ около 4-хъ часовъ мы пріѣхали въ Эгеръ, гдѣ мы обѣдали. Старый офицеръ и дармштадтецъ остались въ Эгерѣ. Я, чиновникъ, дама, похожая на косую нѣмку Блохиной, и молодой человѣкъ до пошлости глупый — отправились въ Франценсбруннъ. Слава Богу, ѣзды менѣе часа. Я, выбравъ пожитки, отправился, — читалъ газеты, изъ которыхъ узналъ, что король Ганноверскій скоро ѣдетъ въ Эмсъ; а выборы въ Англіи, къ радости Гамильтона, идутъ въ пользу тори!! Потомъ встрѣтилъ Laube, который меня познакомилъ съ своей женой. Она далеко не хороша собой, но очень неглупа. Потомъ отправился въ концертъ. Скрипачъ, который былъ въ Карлсбадѣ, очень не дуренъ. Потомъ гулялъ, осмотрѣлъ всѣ источники и заказалъ ванну. Наконецъ явился домой и принялся писать къ тебѣ. Глупый день.

Ну, а ты что — милая моя Маша — вѣрь, что милая — Zweifle an der Sonne Klarheit etc. — О, если бъ я могъ тебя увѣрить, сколько я тебя люблю — да за что же ты мнѣ не вѣришь? Да и то неправда — ты знаешь, что я неизмѣненъ въ привязанностяхъ. А моя привязанность къ тебѣ была лучшая, потому что была моя; общее и личное такъ хорошо сливались. Ну, да что жъ ты дѣлала?... Горы, постгофъ, Голынскій, etc., etc... — Если Брянчан. въ самомъ дѣлѣ нагрубитъ тебѣ — напиши, я прискачу, и клянусь честью, что такъ присрамлю его при всѣхъ, что онъ не будетъ знать куда дѣваться. У меня смерть руки на него чешутся. Je suis rancunier aussi.

Ну! теперь простимся. Лягу спать, хотя не слишкомъ хочется. Авось ли я завтра больше свыкнусь съ моимъ одиночествомъ... Прощай, Маша, милая моя Маша! Цалую тебя въ глазки и губки. Моя любовь съ тобою...

Досадно! письмо будетъ у тебя только послѣ завтра, потому что отходитъ послѣ обѣда. Ты будешь безпокоиться. Это глупо.

Здѣсь видѣлъ я племянника графа Ностица съ женой. Пышно ѣздятъ—en aristocrates.

Прощай!... Цалую Сталиньку. Обнимаю тебя еще разъ. А Галаховъ? Добрый, славный Галаховъ! Если бъ его дружба... Прощай, Маша!

17-е іюля.

Здравствуй, Маша! Сейчасъ воротился съ водъ. Вода чудесная. Мѣсто прекрасное; поле и синія горы вдали; это напоминаетъ Кавказъ. Музыка играетъ не такъ лѣниво, но и не такъ хорошо; впрочемъ, недурно: играли «Норму». Опять воспоминанія — и въ воспоминаніяхъ все ты. Видишь ли, какъ глубоко вкоренена моя любовь къ тебѣ. И отчего же, разставаясь на минуту, — я непремѣнно долженъ писать и много писать къ тебѣ? Отчего эта потребность — если не потому, что я сильно тебя люблю. Я молчаливъ съ тобою — это правда; иногда мнѣ страшно начать говорить; когда моя рѣчь кажется тебѣ несправедливою — мнѣ больно, досадно; я сержусь или страдаю. Не раздѣляйся отъ меня, умоляю тебя; примкни ко мнѣ; право, во мнѣ еще довольно жизни, чтобъ дать жизнь женщинѣ; но для этого надо вѣрить въ меня, взойти въ сферу поэзіи, которая преобладаетъ у меня надо всѣмъ. Да, — ты это сдѣлаешь! Ты будешь моя, совсѣмъ моя? Не правда ли? — Какъ хорошо это открытое мѣсто передъ моими окнами! Какой день свѣтлый! Зачѣмъ мы не вмѣстѣ? Душа раскрылась бы такъ свѣтло, мы могли бы любить такъ много. Еслибъ ты знала, какъ я готовъ прижать тебя къ груди отъ полноты души! Мнѣ хочется молиться сегодня, молиться и плакать, но не отъ скорби, а отъ умиленія и надежды. Неужли наши жизни расшиблены? Нѣтъ — никогда этому не повѣрю. Но если я разбилъ твое существованіе — Маша, это непростительно; да право я неповиненъ; я хотѣлъ беречь тебя для всего лучшаго человѣческаго, божьяго. Не умѣлъ развѣ, былъ неловокъ — но никогда mal-intentionné.

Много хорошенькихъ личекъ и очень мало хорошенькихъ шляпокъ на водахъ. Вчера въ концертѣ тоже уродливыя прически. Но такихъ уродовъ, какъ въ Карлсбадѣ, нѣтъ — здѣсь du comme il faut въ сравненіи съ Карлсбадомъ. Я не искалъ ни съ кѣмъ познакомиться, не хочется, одному еще лучше. Съ Laube едва ли сойдусь очень, боюсь ему надоѣсть, боюсь быть привязчивымъ, не имѣя никакого права на его расположеніе. Но онъ долженъ быть хорошій человѣкъ, судя по рѣчамъ, поступкамъ и роману.

Если табакъ и сигары отъ Галаха придутъ раньше твоей поѣздки сюда, постарайся мнѣ ихъ переслать.

Адресъ мой—im Posthause № 16, а съ воскресенья не знаю какой №.

Прощай! Отдаю письмо на почту. Досадно, что не получишь сегодня. Дама скверная, которая ѣхала со мной изъ Эгера, имѣетъ жестокосердіе жить возлѣ меня и цѣлое утро прегадко играть на гитарѣ.

Прощай, моя милая Маша, другъ мой. Поцалуемся, обнимемся. Цалую Сталиньку. Скажи ему, чтобъ онъ былъ уменъ *). Кланяйся Елагиной, сблизься съ ней. Привези отъ нея мои стихи. Музыку слышно. Прощай!

Пріѣзжай, здѣсь очень хорошо.

21.

18 іюля. Утро.

Хотѣлъ писать тебѣ вчера вечеромъ; но былъ не въ духѣ; лежалъ на диванѣ и не могъ ничего дѣлать и легъ спать въ 10 часовъ. Читалъ и перечитывалъ твое письмо. Je ne te méconnais pas. Ты все же моя милая, добрая, умная, откровенная, прямодушная, mon intéressante Marie. Но многое и многое въ твоихъ мнѣніяхъ основано на условной фантастической жизни общества, а не на внутренней, глубокой, дѣйствительной человѣческой жизни; часто ты непослѣдовательна въ своихъ убѣжденіяхъ, и сердце, умъ съ одной стороны спорятъ съ привычками, вкусами съ другой стороны. Повторю: иногда это меня сердитъ и оскорбляетъ, но по большей части мнѣ это больно, мнѣ тебя жалко, что ты добровольно отказываешься отъ лучшей доли человѣка. Такъ, напр., ты убѣждена въ прогрессѣ — и не можешь мысленно оторваться отъ круга, котораго участь пребывать въ statu quo. Такъ, тебѣ все поэтическое важно, но не занимаетъ тебя. Маша, меня это мучитъ — и не ради себя, а ради тебя; ты лишаешься лучшихъ наслажденій. Повѣрь мнѣ, что эти противорѣчія, которыя существуютъ въ тебѣ самой (если заглянешь въ себя откровенно), — они-то главное противорѣчіе между нами. Но все же хорошая человѣческая сторона и въ

*) Упомянутый выше племянникъ Сатина, взятый Огаревыми на воспитаніе.

тебѣ, и во мнѣ такъ сильна, что мы не можемъ оставаться въ отношеніяхъ тупыхъ и пошлыхъ мужа и жены, а должны быть товарищами, друзьями, любовниками. Дѣло въ томъ теперь, что въ близкихъ отношеніяхъ надо не досадовать другъ на друга, а имѣть другъ на друга теплое вліяніе, полное любви. Оно не можетъ имѣть мѣста, если ты въ меня вѣришь. А я въ тебя вѣрю, право, вѣрю. Да вотъ какъ: если бы ты перестала меня любить en amante и была бы увлечена другимъ, если бъ я вынесъ это — я былъ бы лучшимъ твоимъ другомъ и тотъ долженъ бы сдѣлать тебя счастливою подъ опасеніемъ смертной казни. Въ святость брака я не вѣрю — а въ святость любви вѣрю. У насъ бракъ сдѣлался пугаломъ людей — и мы видимъ узы. Но истинная любовь не надѣваетъ оковъ, но только симпатизируетъ со всѣми движеніями любимой души. Отъ этого привязанность къ людямъ, которые близки къ любимому нами существу. Отъ этого я благословляю Галахова за всѣ минуты душевной симпатіи, которыя ты съ нимъ проводила. Бракъ мѣшаетъ жить, а любовь побуждаетъ къ жизни, дѣлаетъ жизнь гармоническою, полною, необъятно-широкою. Если ты думаешь, что между нами нѣтъ ничего общаго, кромѣ названій мужа и жены — то прогони меня, просто прогони меня, — мужъ человѣкъ невыносимый. Но я, Маша, я полонъ надежды, я глубоко убѣжденъ и въ моей любви къ тебѣ, и въ томъ, что противорѣчія между нами мнимы, что они должны рушиться вслѣдствіе нашихъ благородныхъ натуръ. Гордіева узла я не могу разрубить, на это у меня нѣтъ ни капли геніальной воли. Но я буду всегда вести себя вслѣдствіе твоего желанія: ты приманишь — приду, ты бросишься въ мои объятія — возьму; ты махнешь — отойду, воротишь — ворочусь. Что объ этомъ будутъ думать люди, мнѣ до того дѣла нѣтъ. Не хотѣлось бы, чтобъ они тебя позорили, а меня — сколько имъ угодно; къ этому я совершенно равнодушенъ. Любить par amour propre, pour qu'on dise que j'ai une femme vertueuse, — я не могу; это гадко. Развратъ лучше этого. Маша, Маша! если бъ ты немного захотѣла вникнуть въ мою душу, ты нашла бы, что такое самолюбіе для меня не существуетъ. Нѣтъ! — я тебя люблю, какъ друга, подругу, моего ребенка, которому хотѣлось бы дать мнѣ все возможное человѣческое блаженство — лишь бы только человѣческое, вытекающее изъ святой, вѣчной, божественной натуры человѣка, а не изъ пошлой, условной, ежедневной, формалистической, призрачной жизни общества. Еслибъ я былъ ангелъ, Маша, я бы посадилъ тебя себѣ на крылья унесъ бы на небо. Но и во мнѣ много грязнаго, мелкаго и призрач-

наго; я — ein Mensch der Naturgewalt и не довольно просвѣтлённъ духомъ, чтобъ изъ свѣтлаго сознанія дѣйствовать вслѣдствіе сильной воли. Вотъ, можетъ быть, причина, отчего ты въ меня мало вѣришь. Я на тебя имѣю мало вліянія.

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!

Я часто думаю: зачѣмъ я живу на свѣтѣ? Счастія женщины я не умѣлъ сдѣлать. Отъ этого всѣ мои личныя отношенія сдѣлались для меня мучительны. Оторваться отъ всѣхъ, кто мнѣ близокъ,— что жъ мнѣ тогда дѣлать на бѣломъ свѣтѣ? А любить—больно. Что мое поэтическое и соціальное призваніе? — ничего не значатъ. Въ послѣднее особенно мало вѣры, хотя и много рвенія. Однако во мнѣ есть теплота, жаръ души, сильное стремленіе; иногда я даже живу такою полною жизнью, за минуту которой я не возьму ста тысячъ другихъ жизней. О! не все потеряно, не вѣрю, чтобъ все было потеряно. Съ тобой мы будемъ друзьями, съ друзьями — союзомъ, а все, что во мнѣ хорошаго, выскажется въ стихахъ. Маша, Маша — люби твоего поэта! Послушай: если я и недостоинъ или буду недостоинъ любви—все же люби меня. Но полно толковать на этотъ ладъ; это слишкомъ давитъ душу. Виноватъ ли я, что я сегодня грустенъ? А все эта проклятая слабость характера, подчиненіе der Naturgewalt; между тѣмъ какъ спокойная духовная сила должна бы вести жизнь ровно и стройно.

Когда пріѣдешь? Привези мнѣ фракъ и черный жилетъ, словомъ бальный костюмъ. Здѣсь по субботамъ балъ, на которомъ куча народу; Лаубе пляшетъ; пріѣзжай съ нимъ танцовать; а m-me Laube не пляшетъ, я съ ней буду говорить. Здѣсь живутъ веселѣе; но дамъ больше, чѣмъ кавалеровъ. Дамы любятъ надѣвать вѣнки на вечеръ. C'est joli. Кто-то была съ m-me Nostiz въ вѣнкѣ — очень недурна.

Привези мнѣ пульникъ, мои пули скоро выйдутъ; вчера я отлично стрѣлялъ.

Скоро перейду внизъ и буду ждать тебя.

Прощай, моя милая подруга! Можно такъ назвать? Chère, chère Marie.

Взгляни на Елагину, какъ на женщину, въ которой много чувства, Innerlichkeit, свѣтлаго, живаго человѣческаго чувства, съ ней можно будетъ сойтись. Дочь ея также. А m-lle Mojer не знаю.

Прощай! Цалую Сталиньку.

Тебя цалую и обнимаю. Будь моимъ другомъ, прижми меня къ сердцу, отдай мнѣ твое сердце — ему будетъ тепло отъ моей любви. Прощай!

Кланяйся Елагиной.

Еще замѣчаніе: любовь не исключительна (exclusif), а всеобъемлюща и всепреданна.

22.

Воскресенье, 10 час. веч.

Слѣдуя твоему примѣру, беру маленькій лоскутъ бумаги. Но ты знаешь, я пишу мелко. — Бывало, прощаясь съ тобой, я плакалъ какъ ребенокъ, но никогда разставанье мнѣ не было такъ невыносимо-тяжело, какъ давеча утромъ. Послѣдній разговоръ оставилъ насъ въ какомъ-то неудовольствіи, которое меня мучило и мучитъ. Проклятая пропажа плаща, отвлекая вниманіе другъ отъ друга, довершила горькую холодность прощанья. Маша — повѣрь мнѣ хотя единожды — не такъ мнѣ хочется встрѣчаться, не такъ разставаться, какъ это случается. Когда я ѣду къ тебѣ — мое сердце тепло, мнѣ хочется такъ много любить тебя; когда я уѣзжаю — мнѣ жалко, мнѣ хочется слова любви, мнѣ хочется слезъ; всегда я тронутъ и глубоко тронутъ. А въ этотъ разъ это не просто грустно, нѣжно-грустно было, а тяжело — какъ вотъ когда задыхаешься. Зачѣмъ мы смотримъ другъ на друга какъ враги? Неужли въ насъ нѣтъ элементовъ сближенія? Развѣ въ насъ нѣтъ горячей привязанности другъ къ другу? Развѣ въ насъ нѣтъ широкой любви къ человѣчеству? Развѣ не случается, что одинъ и тотъ же видъ пробуждаетъ въ насъ одинаковое сочувствіе къ природѣ? Развѣ не случается, что одна и та же мелодія намъ одинаково ворочаетъ душу? Развѣ нѣтъ между нами симпатій? Быть не можетъ! Быть не можетъ, чтобъ ты *не хотѣла* сочувствовать со мною; я проклинаю всякое сомнѣніе. Маша — Бога ради — возвратимъ другъ другу нашу прежнюю любовь. Ты мучишься — но пойми хоть разъ, что и мое положеніе невыносимо, что я нѣсколько разъ на день застаю въ себѣ желаніе отжить поскорѣе жизнь, которую я проклинаю. Кончимъ это, Бога ради, кончимъ. Когда я думаю, что можетъ быть время, когда ты не станешь любить меня и я тебя, мнѣ становится страшно, голова кружится, мнѣ кажется, что мы оба дѣлаемъ преступленіе великое. Но какъ все это кончить? Чѣмъ

развязать драму?.. — Не знаю. Разговоры между нами вредны, всѣ споры о прошедшемъ — только взаимныя обвиненія, и, можетъ, въ самомъ дѣлѣ мы оба правы и оба виноваты. Но развѣ, любя, нельзя простить и изгладить изъ памяти все горькое? Что же и за любовь, если она прощать не умѣетъ? Маша, простимъ другъ друга, ради Бога, и не станемъ спорить ни о чемъ. Давай жить, какъ мы прежде жили, душа въ душу. Если у насъ и есть разные вкусы— это вещь совершенно внѣшняя; если они требуютъ удовлетворенія — не надо мѣшать другъ другу; если это въ самомъ дѣлѣ потребность — то будемъ рады, когда кому изъ насъ весело. А если это фантазія, то она пройдетъ. Но изъ любви другъ къ другу не станемъ проклинать что-нибудь такое, что для одного изъ насъ свято, сильный реалитетъ, а не фантазія. Ну, ради Бога, перестанемъ ссориться. Я хочу любви, твоей любви. Я ничего, никакихъ уступокъ и жертвъ не требую; я знаю, что когда кто принесетъ жертву (т.-е. въ самомъ дѣлѣ жертву), то онъ будетъ ненавидѣть того, кому принесъ ее. Не хочу и не приношу жертвъ. Кто требуетъ жертвы — тотъ не любитъ. Но самый малѣйшій шагъ съ твоей стороны, Маша, будетъ для меня неизмѣримо великой милостью, т.-е. движеніемъ любви, за которое я стану передъ тобой на колѣни...

Какъ же мнѣ было тяжело сегодня! Я цѣлый день метался изъ угла въ уголъ и ничего не могъ дѣлать — и все думалъ о тебѣ, о насъ. Куда писать къ Галахову — скажи мнѣ — я отсюду напишу къ нему. — Теперь мнѣ немного лучше. Вечеромъ былъ концертъ, куда я не пошелъ, потому что не намѣренъ слушать флейту. Потомъ была въ залѣ же богемская народная свадьба (вѣрно нарочно кого-нибудь женили, чтобъ показать эрцгерцогу, какъ богемцы женятся). Я думалъ, что надо явиться во фракѣ, и, одѣваясь, прогулялъ свадьбу; а такъ какъ я не эрцгерцогъ, то для меня во второй разъ никого уже не женили. Потомъ былъ балъ, куда отправилась Клопова съ Ивенскими. Я не пошелъ — и безъ того было грустно. Кайзер'gasse была иллюминована, въ саду и въ отдаленьи былъ очень глупый фейерверкъ. Наконецъ все погасло. Одна луна не погасла и такъ хороша, какъ я давно ея не видалъ. Она меня успокоила. Грусть стала тише и не имѣетъ уже этого раздирающаго характера. Но мнѣ все чего-то жаль, да вѣдь какъ жаль! Все гляжу назадъ, и тамъ столько свѣтлаго, счастливаго... Маша! возврати мнѣ мое блаженство! если только хочешь, если только можешь. О! съ какой радостью я откажусь отъ всякія скверны въ моей жизни, отъ склонности къ вину и т. д. (кромѣ убѣжденій, что было

бы ложь непростительная, просто преступленіе), лишь бы ты мнѣ отдала твою любовь, т.-е. мое блаженство.

Но прощай, Маша; я усталъ. Скажи Сталинькѣ, что на нашей квартирѣ куча маленькихъ, миленькихъ, рѣзвыхъ дѣтей.— Прощай, Маша! благословляю тебя. Спи спокойно. Да люби меня, сколько я теперь тебя люблю. Выйдемъ изъ этой борьбы оба очищенные — не такъ ли? Прощай, цалую тебя крѣпко-крѣпко. — Завтра беру ванну въ 8 часовъ и ѣду въ Waldstein до вечера. Но еще скажу слова два. Прощай!

Понедѣльникъ, утро.

Bonjour! Что твое здоровье? Я уже напился воды, выкупался и выпилъ кофій. Хотѣлъ ѣхать куда-нибудь — но еще колясокъ нѣтъ. Будутъ послѣ обѣда. Поѣду послѣ обѣда, если будетъ хорошо. Маша, другъ мой — отвѣчай на это письмо, — но, Бога ради, не жестко, не колко — мнѣ и такъ здѣсь тяжело. Pitié, pitié. Впрочемъ, отвѣчай какъ думаешь. Лжи я не хочу. — Теперь запечатаю письмо и почитаю кое-что. Прощай! Жду отъ тебя записки.

Дай же руку и поцалуй меня.

Вѣришь ли ты мнѣ? Можешь ли ты любить меня? Прощай!

23.

Вторникъ. Утро.

Вчера получилъ твое письмо, пріѣхавъ довольно поздно изъ Гохберга. Mercі! Я былъ радъ этому письму, въ немъ видна любовь,—и вотъ опять надежда на успокоеніе, на примиреніе въ жизни воскресла. Можетъ быть мы опять будемъ счастливы! Жажда блаженства полнаго, роскошнаго, томитъ меня; настоящее положеніе мнѣ нестерпимо. Я зналъ блаженство съ тобою — неужли же не могу знать его съ тобою еще разъ? Странное дѣло: и ты, и я — мы говоримъ о *своемъ* блаженствѣ. Воля твоя, мы оба глубокіе эгоисты и не болѣе... Однако нѣтъ! Что жажда блаженства, какъ не жажда любви? А жажда любви противоположна эгоизму, какъ день ночи. Намъ нельзя искать другой любви, какъ другъ къ другу (если бъ это и случилось, надо стараться изгнать фантазію) — уже потому нельзя, что мы тѣсно связаны воспоминаніемъ и пока — и дай Богъ, чтобъ всегда такъ было — всякая другая любовь для насъ чудовищна. Я говорю о любви въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. о любви муж-

чины и женщины. Маша — надо же наконецъ понять, что любовь мужчины къ женщинѣ мѣшаетъ только любви къ другой женщинѣ, а не любви къ наукѣ или искусству, не мѣшаетъ дружбѣ. Любовь въ сущности одна и та же, но проявленія ея различны. Любовь къ женщинѣ — одно проявленіе; тутъ индивидуальное влеченіе беретъ верхъ надо всѣмъ; тутъ главную роль играютъ личности; мы любимъ именно такую-то женщину, душа особенно расположена къ ней, настроена на извѣстный ладъ. Любовь къ другой женщинѣ уничтожаетъ любовь къ той женщинѣ; оттого въ этомъ случаѣ любовь исключительна; любовь къ двумъ женщинамъ разомъ невозможна, какъ невозможны двѣ болѣзни одинакихъ, какъ нельзя быть разомъ въ двухъ мѣстахъ. Но что бы ты сказала, если бъ любовь къ женщинѣ мѣшала, напр., любви къ музыкѣ? Развѣ бы это не было уродливо? Любовь къ музыкѣ можетъ быть безконечно сильна, но она нисколько не мѣшаетъ безконечно сильной любви къ женщинѣ, потому что проявленія любви различны. Можетъ быть то, что ты этого не хотѣла понять, было причиной многаго темнаго, просто дурнаго въ нашей жизни. Маша! развѣ любовь должна мѣшать жить? Развѣ она должна играть роль ассарагеиг'а? Мы, раздѣленные пространствомъ, оба пришли къ одной мысли: бросить дурное прошедшее и подумать о настоящемъ примиреніи въ жизни и съ жизнью. Ты жалуешься на мою апатичность: теперь — откровенно говоря — распри производятъ во мнѣ эту апатичность; да, мой эгоизмъ дѣлаетъ то, что я затворяюсь въ мой внутренній міръ и страдаю въ немъ одинъ, и страдаю боязнью, чтобъ внѣшнимъ прикосновеніемъ онъ не разрушился, — и молчу и молчу, и боюсь говорить. Скажу болѣе: это состояніе, которое невыносимо, можетъ довести меня до паденія, до разврата, до неистовства. Ты думешь, что я сплю: если я сплю, то я вижу во снѣ что-то черное, страшное, что мнѣ мѣшаетъ дышать. Ты знаешь, какъ трудно переносить cauchemar. Но средство выйти изъ этого положенія? Для меня одно средство жить—я думаю, такъ же, какъ и для тебя, — это жить полно, жить всѣмъ, къ чему есть стремленіе. Маша! неужли мы необходимо должны смотрѣть съ ненавистью на все, что для одного изъ насъ составляетъ полную жизнь? Для меня полная жизнь: въ любви къ тебѣ, въ любви къ искусству, любви къ наукѣ, къ дружбѣ, къ міру духовному. У! какъ хочется пить блаженство полной чашей. Даже страданія духовныя не страшатъ меня — и въ нихъ есть блаженство. Но страданія отъ обстоятельствъ — ужасны, потому что произведены внѣшней необходимостью, а не свободнымъ выборомъ

своего удѣла, потому что они гнутъ, давятъ, морозятъ. Развѣ ты изъ любви ко мнѣ ни къ чему не присоединишься? Ну! да если тебѣ что антипатично, а мнѣ симпатично, — не мѣшай мнѣ симпатизировать — изъ любви ко мнѣ, иначе ты будешь меня гнуть, въ чемъ нисколько нѣтъ любви. А если я изъ любви къ тебѣ откажусь отъ чего-нибудь мнѣ глубоко-симпатичнаго — бойся, Маша — моя любовь исчезнетъ, и я не буду властенъ въ этомъ. Но симпатизировать съ тобой когда хочешь, гдѣ хочешь — я всегда готовъ, всегда безъ всякихъ заднихъ мыслей, съ дѣтской, наивной, горячей привязанностью къ тебѣ. Если тебѣ будетъ весело — я буду радоваться. Если тебя займетъ то, что меня не занимаетъ, я буду радоваться, на тебя глядя. Если ты увидишь мою глупую и грустную фигуру въ праздничномъ обществѣ, не гнушайся мной и не кори меня, и не думай, чтобъ я мѣшалъ тебѣ веселиться; — я буду смотрѣть и любоваться тобой изъ-за угла, никѣмъ не замѣченный; а смѣшонъ я или нѣтъ въ свѣтѣ, что мнѣ до этого за дѣло? Маша! возьми меня съ моей любовью, говори мнѣ, что я могу сдѣлать для твоего наслажденія — я все буду радъ дѣлать, отъ души приму участіе и въ твоихъ занятіяхъ, и въ твоихъ удовольствіяхъ. Но и ты прими участіе въ моихъ наслажденіяхъ, а если не можешь, не хочешь, то не препятствуй мнѣ жить всею жизнью. Дай мнѣ свободно развиваться въ моей жизни, вслѣдствіе моей натуры. Иначе я замру и выдохнусь и исчезну, какъ цвѣтокъ, пересаженный не на свою землю. Маша! не принимай моихъ словъ за мораль. Анализисъ вкорененъ во всѣхъ насъ — и потому не брани, что я анализирую. Это въ духѣ эпохи, слѣдствіе рефлексіи, самосознанія. Я люблю тебя, Маша, вѣрь мнѣ, — я хочу быть твой, но чтобъ и ты была моею.

Съ Гохберга славный видъ, въ родѣ тѣхъ, которые мы видѣли. На горѣ замокъ, полу-древній; въ немъ живутъ. Изъ него видъ еще дальше. Съ башенъ тотъ же видъ. У стѣны садикъ; въ садикѣ бесѣдка; въ бесѣдкѣ сидѣлъ я одинъ, пилъ баварское пиво, писалъ стихи и разсуждалъ съ трактирщикомъ о Наполеонѣ. Замокъ принадлежалъ Пруссіи до 15-го года; съ тѣхъ поръ принадлежитъ Баваріи, но жители пруссаки въ душѣ и не совсѣмъ довольны баварскимъ правительствомъ.

Сейчасъ явилась ко мнѣ барышня (не совсѣмъ пригожая) съ разстроеннымъ видомъ; отецъ ея, курляндецъ, умеръ; мать здѣсь при смерти; ѣсть нечего. Она выпросила у меня 15 гульденовъ, говоря, что она въ 1-й разъ проситъ, что ей это ужасно дико и оскорбительно, и просила меня никому не сказывать,

что она просила денегъ. Я далъ ей деньги. Если она обманывала—тѣмъ хуже для нея. А я стѣснюсь немножко, да и только. Но это дѣлаетъ то, что я не буду имѣть (по моему разсчету) достаточно денегъ, чтобъ расплатиться здѣсь со всѣми. По моему разсчету 20 гульденовъ не достанетъ; теперь у меня съ небольшимъ 50 гульденовъ. За квартиру вѣрныхъ надо будетъ отдать 30. Пришли на всякій случай 25. Лошадь и экипажи всего дороже; ergo я стану рѣдко ѣздить и часто ходить, что и для здоровья полезнѣй; но еще 2 или 3 раза надо будетъ съѣздить.

Книга Feuerbach'a увлекательна. На многое открываетъ глаза. Я постараюсь тебѣ дать объ ней короткій отчетъ. Но едва ли можно сыскать книгу разрушительнѣе для христіанства. Одно заключеніе для себя я вывожу, что мнѣ жаль, что я не рожденъ во время апостоловъ; я былъ бы чудеснымъ христіаниномъ — ein Gemüthmensch. Опять примусь читать.

Прощай, Маша! Цалую тебя, люблю тебя, благословляю тебя. Другъ мой, моя милая — хочешь ли ты въ самомъ дѣлѣ быть моей Машей? Сколько чудеснаго, святаго въ любви! Маша! бросься ко мнѣ на шею. Я какъ-то сегодня спокойнѣе послѣ твоего письма.—Но я совершенно одинъ. Русскіе—не лучше карлсбадскихъ. Грекъ, т.-е. валахъ, не слишкомъ скоро знакомится, да едва ли интересенъ. Молодой человѣкъ меня интересуетъ по наружности; познакомлюсь съ нимъ. Кланяйся Елаг., Галах. Цалую Сталиньку. Прощай, Маша! — До завтра.

24.

Вторникъ, вечеромъ.

Два послѣднія твои письма воскрешаютъ во мнѣ бодрость духа. Я упадалъ, я становился золъ отъ внутренней скорби — теперь мнѣ кажется, будто я лучше. Но мы опять приходимъ на то же: всякій чувствуетъ только свое горе. Но можетъ быть мы оттого и не чувствуемъ страданія другъ друга, что у каждаго свое слишкомъ сильно. Мы оба слишкомъ упрямы, и если ты жалуешься, что я хочу тебя скроить по своей выкройкѣ, — то я могу сказать то же. Другъ мой! поправимъ ошибку — мы въ любви видѣли страсть жгучую, а страсть стремится подчинить себѣ все; гдѣ страсть, тамъ есть господинъ и рабъ. Но прочь рабство! Любовь должна быть соединеніемъ двухъ свободныхъ существъ для взаимнаго блаженства. Не говори, Маша, чтобъ между нами стояло какое-нибудь привидѣніе, ей-Богу—

это твоя фантазія. Между нами нѣтъ никого, кромѣ насъ самихъ, т.-е. взаимнаго неудовольствія собственно нашего, безъ всякаго посторонняго вліянія. Посторонняго вліянія вовсе нѣтъ — я тебѣ это гарантирую. Повторять или не повторять причину нашего неудовольствія? Представить ли тебѣ оправданіе меня передъ тобою — или бросить это, вычеркнуть изъ нашей жизни недоброе и крѣпко прижаться другъ къ другу? Прежде обнимемся и скажемъ: мы другъ для друга необходимы. Врозь мы оба потеряемся — въ пустотѣ, въ развратѣ можетъ быть. Вмѣстѣ мы будемъ взаимнымъ пополненіемъ другъ другу къ полной жизни. Чего нѣтъ у одного, дается другимъ, и жизнь à deux составитъ роскошное единство. Моя пассивная натура ищетъ созерцаній, твоя энергическая натура — дѣятельности. Но человѣкъ исключительно активный и исключительно пассивный равно односторонни. Полный человѣкъ — вмѣстѣ человѣкъ созерцанія и человѣкъ дѣла. Маша! вмѣстѣ мы можемъ быть однимъ полнымъ человѣкомъ. Я принесу мысль и чувство (Gemüth) — ты энергію, и — и — и не правда ли — мы можемъ быть счастливы? Вѣдь намъ уже и потому надо другъ друга, что всякая односторонность не удовлетворяетъ, а мы порознь односторонни. Ты хочешь скорѣе развязки, какъ бы она ни была горька, — и я тоже. Но я не хочу, чтобъ она была горька. Маша! да на кого жъ я тебя оставлю? Кто съ любовью привяжется къ твоему существованію — если не я? Я это знаю и тѣмъ горячѣе жажду примиренія. — Не могу не повторить обвиненій: ты думаешь, что я тебя промѣнялъ на другихъ? Полно, Маша! — Ты хотѣла бы, чтобъ я раззнакомился съ людьми, съ которыми у меня есть сильная симпатія, — и тогда ты повѣрила бы моей любви къ тебѣ. Нѣтъ, Маша, — ей-Богу — тогда-то и не вѣрь ей; тогда я in facto докажу мою неспособность любить кого бы то ни было, сдѣлавъ уступку противъ моего чувства — только ради спокойствія. Спокойствіе — дѣло великое, но его нельзя покупать цѣною внутренней лжи. Я могу скрыть какой-нибудь фактъ ради взаимнаго спокойствія — но скрыть чувство — слишкомъ гадко. Не обвиняй меня! — еслибъ я дѣлалъ, какъ ты хочешь, я былъ бы недостоинъ тебя. — Мой другъ оскорбилъ тебя; но ты его ненавидѣла прежде и сама оскорбила его; если заглянешь въ себя отчетливо — то это такъ *). Мнѣ же не то больно, что ты не любишь именно такаго то человѣка, а то, что ты отвергла мою луч-

*) Рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о Герценѣ.

шую дружбу, слѣдовательно отвергла что-то, что въ моемъ существованіи было свѣтлаго, широкаго, глубокаго. Это было мнѣ оскорбительно; это такъ меня поразило, что можетъ быть я и не умѣлъ хорошо поступить. Прости мнѣ неумѣніе, Маша, прости ради любви — ей-Богу, тутъ нехотѣнія не было, равнодушія не было. Потомъ *вы* спорите обо мнѣ — говорю: *вы* спорите между собою обо мнѣ, потому что это такъ. На это я скажу: берегитесь! вы оба потеряете меня. Я не могу быть кускомъ мяса, которое раздираютъ на-двое. Я просто слишкомъ самолюбивъ, слишкомъ гордъ для этой роли. Я могу любить тогда, когда я свободенъ. Дайте мнѣ волю любить кого хочу — это мое дѣло. А если кто мнѣ сдѣлаетъ предписаніе любить или не любить — я буду упрямъ, я буду жесткъ и золъ, я скорѣе стану ненавидѣть, чѣмъ подчинюсь. Мнѣ нужна воля — тогда мое сердце будетъ тепло, тогда я буду любить, какъ никто изъ васъ любить не можетъ. Маша! прости мнѣ, если я умышленно или неумышленно сдѣлалъ что противъ тебя. Брось распри, дай мнѣ развиваться свободно и садись ко мнѣ на колѣни, прижмись къ моей груди, люби меня, и никто не дастъ тебѣ такой сильной привязанности, такихъ горячихъ поцалуевъ, никто лучше не скажетъ тебѣ, что ты для него лучшее въ жизни. Свобода дѣйствія и любовь непреходящая! вотъ мой лозунгъ. Вѣрь — съ нимъ мы опять возвратимся къ блаженству и соединимся такъ тѣсно, какъ можетъ еще и не бывало. Кажется, я не морализировалъ. Я стану ненавидѣть самаго себя, если и теперь мои слова тебѣ надоѣли. Нѣтъ, Маша, нѣтъ — вѣдь ты любишь меня — вѣдь я тебѣ нуженъ, вѣдь ты моя, моя слеза твоя, моя любовь твоя — я весь твой — ты моя подруга — tu es mon amante — et vive l'amour! Мое блаженство, мое блаженство! — отдай мнѣ его, я умру безъ любви къ женщинѣ — а ты моя избранная — на кого жъ я тебя промѣняю?

Боже мой! свѣча сгорѣла — скоро будетъ темно; а мнѣ еще столько хочется говорить, такъ ласково говорить. Во вторникъ я у тебя. Прежде еще твои письма рѣшатъ мою участь—хочешь ли ты терпѣть меня, какъ я есть? Мои стремленія не слишкомъ ли отвратительны для тебя? Твои для меня нисколько; ты мнѣ слишкомъ необходима, чтобъ я не привязался ко всѣмъ твоимъ желаніямъ; но ради Бога, не разбивай моей внутренней жизни, возьми меня живаго и свободнаго — безъ тебя и безъ моего внутренняго міра я замру, а живой трупъ — сама ты знаешь, какъ для тебя несносенъ. Обними же меня и благословимъ другъ друга. Маша! мы нужны

другъ другу? Не правда ли? Да, да! скажи — да! — Цалую тебя! Свѣча гаснетъ — прощай!

Середа.

Проспалъ. Пилъ воду. Познакомился съ молодымъ полякомъ. Въ немъ все мнѣ нравится: лицо, походка, голосъ. Мы сказали нѣсколько словъ, дальше—больше. Это тотъ самый, съ которымъ Галах. ѣхалъ въ дилижансѣ. — Потомъ писалъ стихи — очень удачно. Потомъ купался и обѣдалъ, и теперь сбираюсь въ Waldsachsen. — Вчера я былъ въ Эгерѣ и видѣлъ развалины. Вліяніе ли Шиллера, или собственно исторіи, но безъ преувеличенія — меня взяло какое-то скорбное чувство и трепетъ въ разрушенномъ замкѣ Валленштейна. Домовая капелла совсѣмъ цѣла. Я думалъ — какъ здѣсь молилась Текла, лучшее созданіе Шиллера. Можетъ быть настоящая Текла была совсѣмъ не то, но я знаю только Шиллерову, и другой мнѣ не надо. Домъ совсѣмъ развалился, не видно, гдѣ была зала и гдѣ другія комнаты. Тутъ былъ убитъ Валленштейнъ. Еще — полуразвалившаяся башня, которая построена изъ лавы и вѣрно служила обсерваторіей герцогу. На развалинахъ я встрѣтился съ богатымъ фабрикантомъ Тауссигъ, который очень добродушенъ; повелъ меня въ ратгаузъ, гдѣ портретъ Валленштейна того времени и картины его убіенія и убіенія его приверженцевъ. Лицо Валленштейна удивительно сильно. Видно властолюбіе и гордость борьбы аристократіи съ самодержавіемъ. Картины уродливы, но говорятъ, что всѣ лица похожи. Тутъ же мечъ Валленштейна, почти съ меня ростомъ; копье, которымъ поразилъ его Деборо. Потомъ рекомендовалъ мнѣ Тауссигъ взглянуть на коллекцію птицъ коменданта Эгера. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательная коллекція, тебя бы это заняло; роскошь цвѣтовъ въ перьяхъ колибри и райскихъ птицъ всего болѣе меня заняла. Потомъ Тауссигъ привезъ меня домой, гдѣ я нашелъ твое письмо и писалъ къ тебѣ. Давеча на водахъ говорилъ съ гр. Озеровской; это очень скучное занятіе, пока плохо знакомъ.

Пора ѣхать въ Waldsachsen. Вечеромъ еще ванна. Но на прощанье еще нѣсколько словъ. Не знаю, довольна ли ты будешь моимъ письмомъ; но знаю одно, Маша, что желаніе быть съ тобою, быть твоимъ, любить и быть любимымъ, желаніе блаженства томитъ меня. На колѣняхъ молю тебя, отдай мнѣ мое блаженство. Не будь глуха на мой крикъ, вѣдь это крикъ несноснаго страданія!..

Прощай! Пора. Цалую и обнимаю тебя крѣпко, какъ только любить умѣю. Прощай!

25.

Середа. Вечеромъ 11 часовъ.

Я ѣздилъ въ Waldsachsen. Дождикъ шелъ. Видѣлъ церковь. Церковь, какъ церковь; образа, статуи и маленькія куклы, т.-е. рѣзьба изъ дерева, сдѣланная пастухомъ въ 17 вѣкѣ, при возобновленіи церкви, разрушенной въ 30-лѣтнюю войну; а построена она въ 11 вѣкѣ. Прежде былъ тутъ монастырь, а теперь бумагопрядильная фабрика. — Пріѣхалъ, нашелъ твое письмо. — Маша! неужли я только дружбу сулилъ тебѣ? Нѣтъ, дружба слишкомъ общее чувство; я сулилъ тебѣ нѣчто гораздо личнѣе — любовь. И теперь сулю, потому что способенъ любить. Нѣтъ! я не разучился любить. Я люблю любовь во всѣхъ ея видахъ и никогда не разучусь — ни любить женщину, ни любить друга, но всегда пойму разницу. Маша! да одна ласка чего стоитъ? (А она невозможна въ дружбѣ). Боже мой! Какъ ты не хочешь понимать меня! Право, грустно! Еще разъ: люди понимаютъ только свои потребности, и нечего винить, когда что другъ въ другѣ остается темно. Видно эгоизмъ въ насъ главное основаніе, Маша! Но не ты ли даешь мнѣ только чувство дружбы? Грустно! Маша! одно только прошу — если ты когда полюбишь любовью не меня — скажи мнѣ. Я ужъ какъ-нибудь справлюсь съ жизнью; какое дѣло, гадка она будетъ или нѣтъ! Но ужъ тотъ-то отвѣтитъ мнѣ жизнію за твое счастіе. О! я чувствую, что былъ способенъ дать блаженство женщинѣ. Горе тому, кто не дастъ тебѣ блаженства, я растерзаю его. Нѣтъ! грустно, Маша, — не хочу писать. Можетъ завтра будетъ лучше. Одно только на прощанье, эти стихи Гете, еще нигдѣ не напечатанные; я ихъ выписалъ за ужиномъ изъ Лейпцигской газеты. Вслушайся, какъ они глубоко хороши:

AN LIEBCHEN.

Das letzte Roth vom Himmel wich,
Da ging ich liebevoll im Grünen;
Ich ging und lobte Gott für dich
Und für die Sterne, welche schienen.

Und plötzlich kam ein Wolkenheer
Und riss hinweg die goldnen Sterne,

Gelinde Lüfte wurden schwer
Und Donner rollten in der Ferne.

Die Stürme heulten auf mich zu,
Die Donner wollten mich erschrecken;
Ich aber liess in frommer Ruh
Ein Lorbeerbäumchen mich bedecken.

Da sass ich in der tiefen Nacht
Und lobte durch die Finsternisse
Den Gott, der jenen Blitz gemacht
Und dieses Herz und deine Küsse.

О, хороша любовь!

Маша! учить я тебя стану чему хочешь. Передамъ и знанье, и сомнѣнье. Но берегись — сомнѣній больше, чѣмъ знанья. Маша! ужъ и такъ грустно на свѣтѣ — что жъ безъ любви-то?

Прощай, Маша! Благословенье и поцалуй на сонъ грядущій.

Четвергъ. Утро.

Туманное небо и на душѣ туманно. Куда дѣваться съ жизнію? Куда убѣжать отъ страданія? Гдѣ спокойствіе? Гдѣ блаженство? Тамъ! въ томъ мірѣ! Но въ томъ мірѣ хорошо настолько, насколько создала его наша фантазія. Отвращеніе отъ смерти, желаніе жить индивидуально заставили людей выстроить себѣ другой міръ и на него возложить всю надежду. А существуетъ ли тотъ міръ — не знаю. Знаю только, что въ этомъ мірѣ неловко. Знаю, что умъ сомнѣвается, что сердце страдаетъ. Знаю, что отъ сомнѣній ума голова горитъ какъ въ огнѣ; знаю, что отъ страданій сердца льются слезы, и все слезы, и вѣчныя слезы. Ребенкомъ я вѣрилъ въ Бога и чорта; уповалъ и боялся. Выросъ — разувѣрился въ чортѣ, а вмѣстѣ съ чортомъ, олицетвореніемъ идеи зла—исчезъ и Богъ, олицетвореніе идеи добра; остались два абстракта—зло и добро. А я больше человѣкъ сердца, чѣмъ человѣкъ ума. Мнѣ нуженъ былъ Богъ личный. Съ отчаяніемъ я бросился въ мистицизмъ, но не выдержалъ. Разумъ взялъ свое, мистицизмъ растаялъ, какъ воскъ на свѣчкѣ. И вотъ я остался жертвой разума, страдая горькой истиной, но все же лучше любя страдать истиной, чѣмъ блаженствовать съ ложью. Ребенкомъ я ненавидѣлъ дядьку; — выросъ — любилъ свободу, бросился въ развитіе гражданственности — и видѣлъ угнетеніе и не могъ помочь людямъ. Ребенкомъ — я любилъ мою мертвую мать, — выросъ — любилъ тебя; мнѣ надо было любить жен-

щину. Но мать моя мертва. А гдѣ любовь наша? Судьба не отдаетъ матери, а ты не отдаешь любви! Боже! какъ горько жить на свѣтѣ. Дружба! Да кто жъ изъ насъ не страдаетъ равно всѣми вопросами? Гдѣ утѣшеніе? Маша! гдѣ утѣшеніе? гдѣ вѣра? гдѣ любовь? Я плачу — ты это чувствуешь.

Я молодъ былъ, была весна,
И я любилъ, и птички пѣли,
Долина жизнію полна,
Деревья шумно зеленѣли.

Прошла любовь, прошла весна
И птички замолчали,
Долина снѣгомъ устлана,
Съ деревьевъ мерзлыхъ листья пали.

И самъ ужъ я сѣдой старикъ,
Мнѣ кровь не согрѣваетъ тѣла;
Я головой на грудь поникъ,
И жизнь мнѣ надоѣла...

А въ Гётевской пѣснѣ сколько блаженнаго спокойствія! Хороша любовь, хороша! Но неужли я оттолкнулъ любовь? Вѣдь я едва ли умѣю ненавидѣть. — Нѣтъ! ей-Богу, я не отталкивалъ любви. Мой мистицизмъ ушелъ — потому что не хотѣлъ ужиться съ разумомъ. Ты ушла, оттого что пренебрегла мои связи истинныя. Но я не виню тебя и не пеняю. Я не переставалъ любить тебя, и не перестаю, и не перестану. Но мнѣ ужасно горько. Хожу по комнатѣ изъ угла въ уголъ и бьюсь объ углы и не хочется разбиться разомъ; лучше долго биться и умереть избитымъ, покрытымъ синими пятнами. Слабость это или сила? или надежда? Быть можетъ надежда! Тамъ, впереди, мелькаетъ какой-то свѣтъ — будто придетъ еще весна, будто придутъ роскошныя объятія любви, будто разумъ найдетъ истину, будто душа успокоится въ развитіи человѣчества. — О! скорѣй бы новую весну! Я зябну и вяну. Кто придетъ на помощь? Маша! придешь ли ты на помощь? Говори, говори — рѣши участь. Я хочу любви — говорю тебѣ — или я совсѣмъ замру. Я хочу движенія въ людяхъ, я хочу истины — или я погибну. Боже мой! я хватаюсь за всѣ предметы, отъ которыхъ жду блаженства — и можетъ быть напрасно! Тоска — да и только.

Тучи прошли, солнце свѣтитъ. Легче мнѣ или нѣтъ? Ничего не знаю.

26.

Entre midi et 1 heure.

Еще нѣсколько минутъ до ванны; еще успѣю сказать тебѣ нѣсколько словъ. Вѣдь любовь наша не прошла? Не правда ли? Мы можемъ еще любить другъ друга, какъ прежде — или еще лучше, полнѣе, чѣмъ прежде? Въ нашей новой любви можетъ быть больше силы и величія? Такъ ли? Отвѣчай мнѣ! Я изнемогаю безъ любви. Если ты неспособна мнѣ дать ничего болѣе, какъ чувство дружбы — скажи откровенно. Не бойся оскорбить меня. Это необходимо для твоего счастія. Ложное положеніе давитъ. Въ твоемъ отвѣтѣ я увижу, каково должно быть мое поведеніе, образъ жизни, — все, что нужно для твоего спокойствія и счастья. Но скажи откровенно. А если можешь мнѣ дать любовь — о! тогда бросься ко мнѣ на шею!

Прощай! Маша — цалую тебя — comme une soeur ou comme une amante — отъ тебя зависитъ. — Я могу согнуть себя для перваго, но гордо и сильно дамъ поцалуй въ послѣднемъ случаѣ. Прощай!

Цалую Сталиньку. Кланяйся Ан. Петр. и Егору. Больше никому не кланяйся.

Елагину жду сегодня — и очень буду ей радъ. Послѣ обѣда пойду стрѣлять въ Эгеръ.

Прощай!

27.

Четвергъ вечеромъ.

Елагина привезла мнѣ твое письмо; почта привезла приписку. Твое письмо длинно и въ немъ сказано много. Долго я не рѣшался отвѣчать, даже хотѣлъ отложить до завтра, но не могу вытерпѣть. Маша! сказать ли правду? Ты, кажется, желаешь, чтобъ я тебѣ сказалъ: я тебя могу любить только какъ друга — можетъ быть потому, что сама не можешь уже мнѣ дать другаго чувства. Пусть такъ! Люби меня какъ друга; насильствовать чувства нельзя —

Признайтесь: страшно схоронить
Любовь, которой сердце жило,
И пошло, холодно забыть
И страсть, и грусть, и все, что мило.
Еще страшнѣй сказать себѣ,
Что все проходитъ непремѣнно,

Что въ человѣческой судьбѣ
Такъ надо, такъ обыкновенно... (Я — Гр. С.) *).

Но пусть такъ! Боже мой, Маша — душа рвется пополамъ. Но ни слова горечи. Свято сохраню то, что ты на меня возлагаешь. Сыграю роль, какъ отличный актеръ, буду другомъ, какаго ты не найдешь еще. И такъ, à bas l'amour ради спокойствія. Боже мой! До чего я дожилъ; лучше бы я не родился. Но это не моя вина, люди родятся не по желанію.

Мнѣ все слышится какая-то музыка, раздирающая душу. Будто отпѣваютъ кого-то. Видно, у меня въ душѣ отпѣваютъ что-то. Вѣчная память!

Но скажи — что ты понимаешь подъ этимъ: отношенія друга? Требую объясненія.

Въ самомъ дѣлѣ, я похожъ на Станю,—въ этомъ ребенкѣ есть лицемѣрство.

Дружба помогаетъ, соболѣзнуетъ, научаетъ, говоритъ правду, безъ опасенія. Дружба нѣжна—до извѣстной степени. А любовь? А роскошныя ночи, гдѣ сладкія слова и сладкіе поцалуи? тутъ вся жизнь человѣка! Selige Gewohnheit des Daseyns, und von dir soll ich scheiden!...

Прощай, Маша, — ich kann nicht mehr. Благословляю тебя, другъ мой, и цалую!..

Пятница. Утро.

Здравствуй, другъ мой!

Давно уже хотѣлъ писать къ тебѣ; но у меня былъ Ройновскій. Въ самомъ дѣлѣ очень хорошій юноша, образованъ и милъ. Я не ошибся. Вчера пріѣздъ Елагиной мнѣ былъ большой отрадой. Я ее очень люблю. Послѣ нея мнѣ стало грустно; одиночество, твое письмо, не сбывшіяся надежды, жизнь пропавшая, растраченная даромъ, все это такъ мѣшалось въ головѣ, что я не могъ тебѣ писать. — Человѣкъ привыкаетъ ко всякому состоянію; было время, и жизнь тюрьмы казалась мнѣ очень естественной; привыкну ко всему. Сегодня я тише; я побѣждаю горечь, я хочу быть нѣжнымъ. Заботливо заняться твоею жизнію, дать тебѣ спокойствіе, насколько могу расширить тебѣ кругъ наслажденій — вотъ, ка-

*) Изъ стих. Огарева «Къ ***» (къ графинѣ Саліасъ).

жется, будетъ мое дѣло Роль отца — моя роль. Отца! Вѣдь и въ этомъ словѣ есть что-то глубокое и могучее. Христосъ не могъ себѣ представить Бога иначе, какъ называя отцомъ — что доказываетъ нѣжность и святость этой связи. Но отецъ живетъ своей жизнію, кромѣ того, что живетъ для сына или дочери. Дѣти живутъ своею жизнію, кромѣ того, что живетъ для сына или дочери. Дѣти живутъ своею жизнію, кромѣ того, что живутъ для отца. Bei Allem dem wird es unheimlich. Все это не то. Я люблю цвѣты пахучіе, а любовь къ женщинѣ — это благоуханіе. Но да будетъ то, чему надо быть. По крайней мѣрѣ теперь я могу доказать тебѣ, насколько я любилъ тебя, могу сдѣлать тебѣ жизнь сносною, можетъ быть счастливою. Будь спокойна, моя Маша, и люби меня насколько можешь. Если будешь счастлива и скажешь, что я тебѣ не нуженъ — я удалюсь; если приманишь, я опять брошусь къ тебѣ и обойму тебя какъ существо, которое я все же любилъ больше всего на свѣтѣ, существо, которому я обязанъ лучшими наслажденіями въ жизни, и къ которому я всегда сохраню уваженіе и глубокую, горячую привязанность — нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь!

Шпрудель тебя безпокоитъ. Ты не пей его ужъ слишкомъ много, чтобъ онъ не надѣлалъ тебѣ вреда. Совѣтую кончить въ понедѣльникъ, чтобъ хотя дня два отдохнуть до дороги. Во вторникъ, entre midi et une heure, я у тебя. Какъ-то ты меня примешь? Куда посадишь? Чѣмъ угостишь? Какъ назовешь?

Мнѣ кажется, ты думаешь, что я сочиняю мои письма, т.-е. выдумываю. Маша! если я скрытенъ — то все же я не лгунъ. Имѣешь ли ты ко мнѣ хотя уваженіе? Дружба безъ уваженія невозможна.

Драма разыгрывалась во мнѣ столько же, сколько въ тебѣ; ты можетъ быть не замѣчала этого. Вышла настоящая bürgerliche Drama—мѣщанская трагедія, домашнія бури и миролюбивая развязка. Всѣ изранены, никто не погибъ.

Какъ бы я желалъ тебя найти спокойною и довольною. Спокойнѣе и довольнѣе меня.

Много Богъ далъ Іову и много отнялъ.

Я не расположенъ писать. Какой-то холодъ ко всему внутри. Перо не ходитъ. Дай руку на прощанье—и поцалуй... но не равнодушно, какъ я тебя цаловалъ, по крайней мѣрѣ какъ тебѣ казалось.

Maximi:

Что мы чувствуемъ относительно другаго, всегда намъ кажется, что и тотъ чувствуетъ относительно насъ.

Но теперь обними съ полнымъ чувствомъ дружбы и впредь ни одного упрека — никогда. Parole d' honneur!

Благодарю Голынск. за дружбу. Стану цалую, радъ, что онъ уменъ. M-me Pelikan мое почтенье.

28.

Четвергъ. 11 час. вечера.

Твое письмо—только подтвержденіе письма, присланнаго съ Елагиной и которое ты обдумала als eine abgemachte Sache. Мое письмо къ тебѣ возбудило въ тебѣ немного болѣе нѣжности — или можетъ быть жалости... Но я не хочу болѣе тревожить тебя моей печалью —

Но пусть она васъ больше не тревожитъ,
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.

Еще съ трудомъ могу побѣдить въ себѣ жажду любви и нѣжности; но was abgemacht, ist abgemacht. Теперь кончено обо мнѣ. Нѣтъ! еще нѣсколько словъ: часы, которые ты отнимала у сна— для другаго, и въ которые я удалялся можетъ быть слишкомъ утомленный тѣломъ — не ставь мнѣ ихъ въ упрекъ. Я и кромѣ того часто удалялся: мнѣ казалось, что вы видите во мнѣ слишкомъ человѣка головы и слишкомъ мало человѣка сердца, а такой человѣкъ только можетъ мѣшать изліянію сердца другихъ. А минуты сердечныхъ изліяній я цѣнилъ и цѣню слишкомъ дорого, чтобъ портить ихъ кому-нибудь, тѣмъ болѣе людямъ, которыхъ я люблю. Прости меня, если это дурно. Не упрекай. Теперь обо мнѣ довольно; поговоримъ о тебѣ. Отнынѣ ты, живя своей жизнью, станешь для меня вѣчной заботой, чтобъ эта жизнь была удачна, а я самъ сотрусь, исчезну — буду въ сторонѣ. Ахъ! Маша — какъ грустно!

Ты хочешь броситься въ область разума; бросить частныя отношенія и отдаться на руки общему. Одно скажу —берегись: наука слишкомъ трудна; наука слишкомъ строга и спокойна до равнодушія. Тебѣ надо не науку — а дѣятельность и чувство, волю и сердце. Разбери себя хорошенько, и увидишь, что я правъ. — Слова: je renonce à une position dans le monde — я не понимаю. Quel monde? Monde aristocratique? Ты имѣешь для этого и средства, и способ-

ности. Не хочешь? другое дѣло. Я, безъ сомнѣнія, на такаго рода position смотрю съ ненавистью, потому что ненавижу стоящую, гніющую, китайскую касту съ наружнымъ лоскомъ полуобразованія. Но каждый человѣкъ имѣетъ une position. Живя съ людьми, онъ долженъ же себя поставить въ какія-нибудь отношенія съ ними. Эти-то отношенія и суть une position. Личность сильная займетъ une position вслѣдствіе своей внутренней силы; личность менѣе сильная — вслѣдствіе наружныхъ обстоятельствъ. Главное дѣло — разгадать себя и, дѣйствуя сообразно своей натурѣ, se faire une position. Выбирай: monde aristocratique, politique, scientifique, artistique. Выборъ обозначитъ и кругъ знакомства, и отношенія къ людямъ. Гдѣ я тебѣ могу быть полезенъ — тамъ и буду.

Я былъ въ Вальдштейнѣ. Усталъ ужасно, много ходилъ. Сейчасъ лягу спать. Вечеръ былъ хорошъ и ночь прекрасная. Мнѣ все грезились знакомые пруды, такіе свѣтлые въ лунныя ночи, и въ сердцѣ было столько свѣтлой любви.

Прощай, Маша! Благословляю и цалую тебя.

Говорятъ, что сегодня суббота, а не пятница. Какъ же это? Впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ суббота. Тѣмъ лучше.

Я былъ у Ройновск. и много говорилъ — и очень имъ доволенъ.

Куча вещей мѣшаются въ моей головѣ. Но ты — главная моя мысль. Мнѣ кажется, что и тебѣ должно быть такъ же горько, какъ и мнѣ. И какъ возстановить тебя? какъ сдѣлать твое счастіе, которое (насколько вижу) отъ меня не можетъ зависѣть? Не знаю. У меня больше выходовъ. Славолюбіе — такъ же выходъ, хотя далеко не удовлетворяетъ такъ, какъ любовь. Видишь ли разницу, Маша, огромную разницу между человѣкомъ, который живетъ въ блаженствѣ, и человѣкомъ, который ищетъ выхода! Одинъ — der Fisch im Wasser, другой — рыба, прыгающая на сковородѣ. Можетъ спрыгнуть — но куда? Попадетъ ли опять въ воду, или ударится о́земь и опять найдетъ себѣ удушливый, противный элементъ? Падшему ангелу жилище — адъ, но все же жилище. Человѣку, который не любимъ — остается самолюбіе. Не говорю, гадкое самолюбіе, но религіозное, такъ сказать, — обожаніе своей человѣчности. Но женщинѣ — выходъ? гдѣ онъ? Общество не дастъ ей спокойствія; а дружба — Маша — дружба далеко не замѣняетъ любви. Дружба есть — а въ душѣ жажда чего-то болѣе женственнаго, жажда томящая, губительная для тѣла — и для ума можетъ быть. Едва ли женщина, если она не нравственный уродъ, можетъ жить однимъ самолюбіемъ. Маша! чего ты захочешь? —

не знаю, не понимаю, это меня мучитъ. — И неужели *я* довелъ тебя до этого состоянія? О! будь же я проклятъ.

Фурьеризмъ — сухъ, воля твоя — сухъ, — это главная его ошибка. Онъ основанъ на разсчетѣ труда и выгоды, онъ не захватитъ въ человѣкѣ стороны сердца, любви, стороны религіозной. Онъ всего менѣе удовлетворитъ женской натурѣ, гдѣ сердце значитъ болѣе ума. Мужчина — туда-сюда; мужчина можетъ иногда довольствоваться дѣятельностью разсудка.

Куда же ты бросишься? — въ религіозность, въ аскетизмъ — въ абстрактъ? — ты тамъ не выдержишь; твоя личность слишкомъ требуетъ реалитета, чтобъ ужиться съ абстрактами.

Въ философію? — Логика слишкомъ трудна и непреклонна.

Въ политику? — Ты будешь гражданкой по чувству — но никогда ничего не разсудишь въ этой области.

Куда? куда? гдѣ выходъ? Маша, мой бѣдный цвѣтокъ — на какой почвѣ отогрѣть тебя? Боже мой — какъ мнѣ грустно! Хочется обнять тебя и долго, долго плакать и глубоко вздохнуть и, можетъ быть, у твоей груди отдышаться еще разъ отъ моего и твоего горя.

Еще два дня — это очень долго — я слишкомъ хочу тебя видѣть. Слишкомъ много сомнѣній и вопросовъ надо чтобъ ты мнѣ разрѣшила. Ужъ не уѣхать ли завтра? — Нѣтъ — такъ и быть — покоряюсь судьбѣ.

Во вторникъ — какъ-то мы встрѣтимся? О — что бы между нами ни было — мы не можемъ встрѣтиться иначе, какъ броситься другъ другу на шею.

До свиданья, Маша. — Цалую тебя.

29.

Суббота.

Скоро полночь. Ни малѣйшаго желанія спать. Вечеръ провелъ съ Петерсономъ; но нашъ tête-à-tête былъ безпрестанно нарушенъ; приходилъ Ройновск. Потомъ мы пошли ужинать. Тамъ балъ — тамъ Дитмаръ. Послѣ ужина гуляли вдвоемъ съ Петерс., а потомъ вдвоемъ съ Дитмаромъ. Въ $^1/_2$ одиннадц. пришелъ домой. Писать не хотѣлось. Какая-то глупость напала. Ничего не могъ дѣлать. Хотѣлось перевести что-то изъ Lenau — не клеится. Думалъ о томъ, о семъ, и рѣшился писать — такъ, что скажется, когда человѣкъ не можетъ связать двухъ мыслей въ головѣ. Давеча мы го-

ворили съ Ройн. о Фаустѣ, Манфредѣ и «Дзядахъ». Онъ не совсѣмъ понимаетъ Фауста. Вотъ послушай. Манфредъ имѣетъ опредѣленное страданіе, — личное, — это его преступленіе. Въ «Дзядахъ» страданіе человѣка въ обществѣ, страданіе человѣка политическаго. Въ Фаустѣ страданіе человѣка какъ человѣка, страданіе человѣческой натуры самой въ себѣ. Ergo — видишь, насколько концепція Фауста выше, насколько задача имѣетъ въ себѣ больше безконечнаго и непреходящаго. Любовь и преступленіе Манфреда могли быть и не быть. Отчизна героя «Дзядовъ» могла или совсѣмъ уничтожиться, или возродиться, и въ обоихъ случаяхъ чувство политическаго гнета исчезаетъ. Тема Фауста вѣчная, какъ человѣческая натура. Но насколько шире, безконечнѣе и вмѣстѣ неопредѣленнѣе тема, — настолько труднѣе выполненіе. Манфредъ возится съ самимъ собою, его чортъ въ немъ самомъ, — это хорошо. Въ «Дзядахъ» черти и ангелы дерутъ пополамъ этого бѣднаго человѣка; это рѣшительно аллегорическія фигуры, которыя не могутъ нравиться — потому что остаются абстрактами, одѣтыми въ кости и кожу, и имъ очень неловко двигаться. Почти то же съ Мефистофелемъ. Мефистофель — внутренній, холодный, сухой анализисъ Фауста, вынутый изъ Фауста и поставленный возлѣ него, какъ особенная личность. Но за то эта личность такъ хорошо проведена, что никакъ не усомнишься въ ея дѣйствительности и не примешь ее за ходячій абстрактъ. Однако Фаустъ (даже и во второй, историко-аллегорической части) — не верхъ современной драмы, именно потому, что Фаустъ, какъ и самъ Гёте — не имѣетъ въ себѣ гражданскаго элемента. Надобно для современной поэмы человѣка, который былъ бы все во всемъ. Страдалецъ міра духовнаго, политическаго и личнаго — вотъ онъ, современный человѣкъ. Куда ему выходъ? Гдѣ примиреніе?—Вотъ мы и возвращаемся къ себѣ самимъ, мы, удрученные во всѣхъ трехъ направленіяхъ. Твое письмо, въ которомъ дышитъ *дружба* ко мнѣ, дышитъ желаніе жизни и часто негодованіе, — тронуло меня. Я уже писалъ тебѣ, какъ я мучусь тобою. Ей-Богу, зарекаюсь сказать слово горькое. А въ отвѣтъ я тебѣ напишу диссертацію; но напередъ скажу, что я недостоинъ во многихъ случаяхъ похвалъ и уваженія, которыми ты меня осыпаешь. Особенно ужъ chasteté не ищи во мнѣ. Сладострастіе, иногда требующее роскоши и нѣги, иногда совершенно брютальное, подчасъ до такой степени затмеваетъ всѣ мои мысли, что я похожъ на сумасшедшаго и горько смѣюсь надъ самимъ собою. Вотъ ужъ этой натуры не передѣлаешь. Воз-

держаніе не есть чистота, chasteté; чтобъ было воздержаніе, надо, чтобъ была нечистота, Unkeuschheit. Воздержаніе — отрицательная chasteté. Человѣкъ, который не пьетъ вина, не есть еще человѣкъ, который не любитъ вина, а только воздерживающійся отъ того, чего ему хотѣлось бы. — Добръ ли я — не знаю. Но нѣжность, Gemüthlichkeit, жизнь сердца, я признаю въ себѣ. Я люблю любовь. — Однако теперь пойду спать. Цалую и благословляю тебя. Я ужасно сухъ сегодня. А диссертація — завтра, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Правда о современномъ человѣкѣ».

Воскресенье.

Моя диссертація остановлена. Петерс. остался за неимѣніемъ коней, и я цѣлое утро провелъ съ нимъ. Я думаю, ты никогда не имѣла такаго сухаго письма отъ меня — и оно же послѣднее. Но диссертацію я привезу самъ во вторникъ. Прощай, Маша — пора въ ванны. Цалую и обнимаю тебя. — Завтра наговорю тебѣ кучу, которую ты прочтешь во вторникъ. Addio, carissima. Спѣшу.

30.

Понедѣльникъ, 6-й часъ вечера.

Я не писалъ сегодня поутру, думая завтра съ зарей пуститься въ путь; но твое письмо останавливаетъ меня. Это очень скучно, потому что здѣсь мнѣ становится скучно — безъ тебя. Другъ мой Маша, слышишь — безъ тебя. Боже мой, да узнай же наконецъ, что во мнѣ происходитъ. Наши противорѣчія мнѣ больны и оскорбительны, и несмотря на нихъ, все, что было между нами свѣтлаго— par contraste — такъ растетъ въ моей душѣ, что я тебя люблю болѣе и болѣе. Ты пишешь о праздникахъ. Что сказать на это? Каждое наслажденіе праздникъ. Неужли у насъ не будетъ праздниковъ? Быть не можетъ. Когда я думаю о тебѣ и думаю, какъ ты одинока, — прижать тебя къ сердцу — вотъ праздникъ. Да, Маша? — не правда ли? Вотъ тебѣ моя слеза въ доказательство. Завтра поутру я стану писать тебѣ большой отвѣтъ на твое письмо — можетъ еще сегодня. Но дѣло въ томъ, что черезъ ½ часа отходитъ почта, и я не могу ничего путнаго сказать спѣша. На — хотя нѣсколько строкъ, и пусть въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ ты еще узнаешь, что я тебя люблю и много, очень много.

Ты лучше должна чувствовать — *въ состояніи* ты ѣхать или нѣтъ. Не рискуй здоровьемъ. Я могу рисковать, потому что увѣренъ, что леченье *мое* безполезно и что я за минуту радости готовъ жертвовать и здоровьемъ, и всѣмъ, что угодно. Вѣдь подъ старость все жъ буду боленъ. Но ты не рискуй. Твоя болѣзнь можетъ перейти въ сильное страданіе, а физическія боли подлы и нестерпимы.

Пиши появственнѣй, я трети не могу разобрать, и бери цѣлый листикъ, чтобъ не писать на сторонкахъ, гдѣ еще труднѣй понять.

Вѣрно Галаховъ самъ пріѣдетъ; въ самомъ-то дѣлѣ, что̀ ему такаго нужнаго. Безъ него ни хуже, ни лучше сожнутъ и вспашутъ.

Жду письма или тебя. Мнѣ тебя хочется. Машенька моя милая, берегись — твое тѣло нѣжно и ты неспособна переносить физическую боль. Скоро ли увидимся? Скучно.

Прощай! цалую и благословляю тебя. Addio, carissima!

Ни съ кѣмъ не знакомъ, кромѣ Laube и Zollbeamten, который ѣхалъ со мной въ Eilwagen и въ самомъ то дѣлѣ не совсѣмъ глупъ.

Dein auf ewig.

31.

Вторникъ.

Читалъ и перечитывалъ твое письмо, и съ которой стороны его ни ворочаю — вездѣ вижу одно: ты страдаешь! Страдаешь отъ меня. Думаешь, что я тебя не понимаю. Это неправда. Объ этомъ я уже писалъ и еще разъ прошу прощенья, что я иногда бывалъ вспыльчивъ и раздражителенъ. Повторяю — это тогда, когда я встрѣчаю въ тебѣ какія-нибудь мнѣнія или чувство не человѣчныя, взятыя прямо изъ условной, эфемерной жизни общества, а не изъ дѣйствительной глубокой человѣческой натуры, изъ дѣйствительности ежедневной, а не изъ вѣчной дѣйствительности души. Я сержусь — потому что встрѣтить это въ тебѣ для меня оскорбительно; ты была лучшимъ украшеніемъ въ моей жизни и подчасъ столько же оскорбляешь меня, сколько самое себя, потому что ты одна изъ чистыхъ, прямодушныхъ и любящихъ натуръ.

Ты жаждешь праздниковъ. Спрашиваешь, гдѣ они, говоришь, что философы ихъ покажутъ тамъ и тамъ, и поди ищи. Положимъ, что я — изъ философовъ. Я скажу, что ихъ не надо искать ни тамъ, ни тамъ, и далеко некуда ходить. Если ты будешь ихъ искать во внѣшности — ты никогда не удовлетворишься. Внѣшнія удо-

вольствія, въ которыхъ глаза или уши участвуютъ безъ соучастія души, — неудовлетворительны, такъ же мало удовлетворительны, какъ хорошій обѣдъ и т. п. Придутъ, потѣшатъ, пройдутъ, и слѣдъ простылъ. Ихъ нельзя назвать наслажденіями, — наслажденія даютъ блаженство. Можно жить для наслажденія, а для удовольствія жить — пошло. Удовольствіе основано на какомъ-то физическомъ эгоизмѣ; блюдо устрицъ, трюфели и мало ли еще что — доставляютъ удовольствіе; далѣе, облагораживаясь, этотъ эгоизмъ, захватывающій все только внѣшнее, — переходитъ въ тщеславіе: у меня, дескать, карета въ 7.000 фр., у меня фракъ изъ Парижа, у меня лакей въ ливреѣ, я завитъ отлично, я очень хорошо любезничаю — и такъ далѣе. Это — удовольствіе, а едва ли наслажденіе. По-моему, это просто униженіе. Развратъ лучше, въ немъ еще есть жаръ, который надо куда-нибудь растратить.

Имѣть женщину можетъ быть удовольствіемъ, но наслажденіемъ — только любить женщину. Вотъ я невзначай приблизился къ концу. Наслажденіе — только въ любви. Все, что наше *я* доставляетъ себѣ одному, для себя подчиняетъ, — приноситъ удовольствіе. Все, гдѣ наше *я* стремится къ чему-нибудь симпатически — даетъ наслажденіе, блаженство. Тутъ-то и праздникъ. Гдѣ жъ искать праздника, какъ не въ самомъ себѣ, въ своей способности любить, въ своемъ расположеніи къ людямъ? Это очень недалёко. Но теперь: что мы назовемъ расположеніемъ къ людямъ? Неужли можно любить Брянчан., Бухгольца и т. п.? Нѣтъ, Маша! расположеніе къ людямъ требуетъ любви къ человѣческой натурѣ, т.-е. къ хорошей, къ божественной натурѣ въ человѣкѣ; требуетъ религіозности, т.-е. глубокаго уваженія къ разуму, къ любви, словомъ — ко всему, что люди придали Богу, какъ аттрибуты, не находя въ самихъ себѣ ничего высшаго. Съ такимъ расположеніемъ ни одна симпатія, ни одно пожатіе руки, ни одинъ взглядъ не проскользнутъ и не ускользнутъ; самое мелкое для внѣшняго человѣка будетъ чрезвычайно важнымъ, доставитъ неизмѣримое наслажденіе, полное блаженство человѣку глубоко чувствующему. Конечно, тутъ и страданія чувствительнѣе, но и въ этихъ страданіяхъ — блаженство, потому что страдаешь не за себя. — Ты ошибаешься — я не живу на крестѣ; можетъ быть, и я не довольно безкорыстенъ для этого. Да потомъ, кажется, въ нашемъ вѣкѣ скорѣе стремятся жить полно, т.-е. не одной стороной страданія, но всѣми сторонами человѣческаго бытія, чѣмъ жить на крестѣ. Новаго Мессіи не жди. Одинъ человѣкъ не будетъ Мессіей. Когда надо было дать людямъ сознаніе

самихъ себя и внести элементъ внутренней любви въ міръ — тогда могъ быть Мессія. А теперь не угодно ли людямъ обойтись безъ дядьки и изъ сознанія уже развитаго и любви уже сознанной создать свой міръ. Вслѣдствіе общественнаго сознанія и любви, политическое положеніе общества должно возбуждать участіе каждаго и быть дѣломъ каждаго. Каждый внесетъ свое. Мысль ли Фурье или другое что осуществится — не знаю; но знаю то, что современный человѣкъ необходимо привязанъ къ соціальному вопросу. Разумное, свободное общество — вотъ задача современная, которая разрѣшится въ будущемъ. Всѣ будутъ работать около этой задачи и только всѣ рѣшатъ ее. Артистъ или мыслитель, каждый будетъ тутъ архитекторомъ или поденщикомъ — все равно. Соціализмъ, который представляетъ разумную волю человѣка, это одна сторона духа; наука, разумъ — другая; искусство, творчество, любовь — третья. Пусть каждый избираетъ одно и работаетъ. Блаженъ, кто заключитъ въ себѣ всѣ три стороны,—его жизнь будетъ самая полная. Но для жизни не нужно быть министромъ, ни ученымъ, ни художникомъ; всѣ три стороны духа и безъ особеннаго званія могутъ существовать въ человѣкѣ. Человѣкъ дѣятельный будетъ въ своемъ родѣ соціалистъ, хотя бы онъ ни разу не былъ ни префектомъ, ни управляющимъ въ с. Стар. Акшенѣ; человѣкъ мыслящій всегда будетъ въ своемъ родѣ ученый, хотя бы никогда не былъ ни Гегелемъ, ни М. П. Погодинымъ; человѣкъ любящій всегда будетъ въ своемъ родѣ художникъ, хотя бы онъ не написалъ ни строки, ни штриха. Жизнь можетъ разнообразно развиваться во всѣ три стороны — и вездѣ будетъ наслажденіе и блаженство, лишь бы слѣдовать движеніямъ этихъ высшихъ человѣческихъ потребностей, этой божественной натурѣ въ человѣкѣ, движеніямъ духа, скажу — святаго духа. Выбирай, что хочешь, и дойдешь до праздниковъ; но толкнуть на выборъ никто не въ состояніи; это только внутренняя потребность. Но горе тому, кто хочетъ подчинить все своему *я* и будетъ искать удовольствія, а не наслажденія. Я имѣю къ этому наклонность, и ты также, и почти всѣ; это — одно изъ удручительно-унижающихъ страданій. Будемъ болѣе человѣчны, и будемъ знать блаженство.

Кажется я ужъ слишкомъ разболтался — и тебѣ надоѣлъ, и самъ усталъ. Стану ждать твоего письма и увижу, что дѣлать. Въ Дрезденъ бы хотѣлось. Но судьба да рѣшитъ. Нельзя — обойдусь.

Сейчасъ получаю твое письмо. Грустно! Но отвѣчать теперь не хочу — ужъ и такъ три страницы, которыя тебѣ надоѣдятъ до смерти.

Préceptes de morale! Я, который ненавижу мораль! Какъ будто сознаніе самого себя — мораль?!

Но надо отвѣчать вотъ на что: какъ это сообразить? Ты пишешь, что шрудель тебя волнуетъ, что Мейснеръ запрещаетъ ѣхать, — и потомъ я долженъ рѣшить, не зная самъ, хорошо или худо рѣшу? Вѣдь не я, а ты пьешь шрудель; а какъ мнѣ хочется въ Дрезденъ, и сказать не могу. Какъ это все сдѣлать? Если я завтра отъ тебя обстоятельно не получу отвѣта, можешь ты ѣхать или нѣтъ, то, если да, я беру экстрапостъ въ 6 час. веч., т.-е. по прочтеніи твоего письма, и въ 12 час. ночи у тебя, и мы тотчасъ же ѣдемъ. Если нѣтъ, то я тебя жду.

Прощай! Да благословимъ другъ друга и обнимемся, какъ тогда, когда ты носила син.... Поцалуй меня! Да еслибъ я былъ къ тебѣ равнодушенъ, развѣ я говорилъ бы хотя одно слово про какое бы то ни было отношеніе? Если я говорю, то потому, что тебя люблю и страдаю.

Прощай, Маша. Маша —люби меня, хотя за горячую слезу, которую я умѣю пролить. Addio.

Если и завтра твое письмо будетъ сбиваться на ни да, ни нѣтъ, то я все-таки пріѣду, и если хочешь ѣхать, то готовь все къ 12 час. ночи.

Въ началѣ декабря Огаревъ разстался съ женою въ Неаполѣ и пустился въ обратный путь. Срокъ его отпуска кончился; онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы скоро вернуться къ М. Л. Очевидно, въ самый день разлуки онъ написалъ ей нижеслѣдующія строки:

«Пишу и плачу. Сердце надрывается, Маша, Маша! Сколько я тебя оскорблялъ и оскорбляю—это высказать нельзя и мнѣ самому невыносимо. Можетъ быть мои стихи встревожатъ и измучатъ, можетъ быть успокоятъ тебя. Не знаю. Но мнѣ нужно ихъ отдать тебѣ. Боже мой! Я чувствую, что я святъ въ душѣ, а между тѣмъ мучу другихъ и мучусь неимовѣрно.

«Еще разъ: прости и благослови меня. Ты мой чистый ангелъ. Душа моей матери живетъ въ тебѣ, моя страдалица. Благословляю тебя, какъ душу моей матери. Сохрани эти строки. Жизнь скоро меня измучитъ до конца. Это тебѣ мое завѣщаніе».

Стихи, о которыхъ говоритъ здѣсь Огаревъ, сохранились въ копіи, писанной Маріей Львовной, и носятъ помѣтку (ея же рукой): «5 Déc. 1841, Naples, à Marie Ogareff». Вотъ они:

Тебѣ я счастья не давалъ довольно,
Во многомъ я тебя не понималъ,
И мучилъ я тебя, и самъ страдалъ...
Теперь я ѣду, другъ мой! сердцу больно...
И я съ слезой скажу тебѣ — прощай!

Никто тебя такъ не любилъ глубоко...
И я молю тебя: ты вспоминай
Меня, мой другъ, безъ желчи, безъ упрека,
Минутамъ скорбнымъ ты забвенье дай
И помни лишь, что я любилъ глубоко
И съ грустію сказалъ тебѣ — прощай!

Теперь блуждать въ странѣ я стану дальней!..
Мнѣ тяжело. Еще лѣта мои
Такъ молоды; но въ жизни я печальной
Растратилъ много вѣры и любви.
Живу я большей частью одиноко,
Все самъ въ себѣ. Но ты не забывай,
Что я, мой другъ, тебя любилъ глубоко
И съ грустію сказалъ тебѣ — прощай!

IX.

Огаревъ ѣхалъ на Римъ, Болонью, Венецію, Тріестъ, Вѣну, Лейпцигъ и Берлинъ. Слѣдующія письма писаны имъ съ дороги и затѣмъ изъ Россіи.

32.

Середа (декабря) 8 *).

Вотъ я и въ Римѣ. Пріѣхалъ грустный, усталый, недовольный. Два дня съ половиной — съ глупѣйшими англичанами и съ моимъ сосѣдомъ сицилiанцемъ (peintre en miniature — много таланта), съ которымъ мы съ трудомъ объяснялись на французскомъ языкѣ. За неимѣніемъ комнатъ на ночлегахъ я спалъ съ нимъ вмѣстѣ и не могъ ни за что приняться — иначе я тебѣ уже нѣсколько разъ

*) Безъ сомнѣнія, описка: среда приходилась 7-го дек. нов. ст. (1841 г.). — Писано на большомъ почт. листѣ съ гравированнымъ видомъ Курзала въ Эмсѣ.

писалъ бы съ дороги. Маша! Знаешь ли ты, что такое одиночество, совершенное одиночество между людьми? Ни одного лица дружнаго, ни одного горячаго рукожатія, ни одного поцалуя, полнаго любви, и въ сердцѣ такая пустота, и въ головѣ такая смѣсь — это невыносимо! — Я думалъ о тебѣ. Что ты теперь? Боже мой! твое одиночество еще хуже. Ты не имѣешь даже этого движенія кареты, которое по неволѣ убаюкиваетъ всѣ чувства, даже воспоминаніе. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что я никогда не могу тебя оставить, и ты меня. Докончимъ нашъ путь вмѣстѣ, онъ вмѣстѣ все же счастливѣе, чѣмъ порознь. Счастья совершеннаго, блажества мечтательнаго я не ищу; его, быть можетъ, вовсе нѣтъ на свѣтѣ. Оно мелькаетъ въ воображеніи первой юности и исчезаетъ съ лѣтами. Покоряюсь судьбѣ — съ желчнымъ ропотомъ конечно, но покоряюсь. Гляжу назадъ, гляжу на настоящее —

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью...

О! Маша, Маша! если бъ намъ обоимъ было по пятнадцати лѣтъ! Какъ чисто, какъ всепреданно бросились бы мы въ объятія другъ друга! Но жизнь и мы сами — по крайней мѣрѣ я самъ — стерли съ души возможность этой дѣтской, полной любви, которая не вѣритъ, что можетъ кончиться, и себялюбіе и какая-то задняя мысль выглядываютъ изъ-подъ лоска, оставленнаго юностью. Грустно! Но это такъ! Иногда мнѣ кажется, что я никому неспособенъ вполнѣ отдать самого себя, кромѣ самого себя, своего самолюбія и человѣчества, которое болѣе или менѣе живетъ во мнѣ, какъ абстрактъ... Но можетъ быть я еще ошибаюсь. Напиши мнѣ, убѣди меня, что я еще ошибаюсь, что во мнѣ много теплаго, юношескаго чувства. Можешь ли ты меня убѣдить въ этомъ? Если бъ ты знала, какъ я страдаю отъ своего собственнаго нравственнаго ничтожества, отъ способности увлекаться низкими страстями, отъ этой глупой слабости характера, которая дѣлаетъ меня, можетъ быть, болѣе себялюбивымъ, неужели я могу быть. Гамлетъ! — ты не читала, не вникала въ Гамлета, — вѣдь это я, чисто я. Это тотъ человѣкъ, который способенъ наплевать себѣ въ лицо за слабость своей души и неспособенъ преодолѣть этой слабости и сдѣлать что-нибудь.

Я взялъ этотъ листъ бумаги, потому что тутъ Эмсъ. Мнѣ хорошо было въ Эмсѣ. Да скажи, Бога ради, отчего всякое воспоми-

наніе о времени, проведенномъ съ тобой, даже грустно, печально проведенномъ, — такъ мнѣ мило, такъ мнѣ дорого, такъ хочется плакать объ этомъ времени? Маша! мы любимъ другъ друга! Чортъ возьми всѣ анализы — мы любимъ другъ друга. Послушай! если бъ я сдѣлался горькимъ пьяницей, распутникомъ, если бъ я безъ памяти влюбился въ другую; если бъ ты безъ памяти влюбилась въ другаго, отдалась другому — еслибъ все это сдѣлалось какъ нельзя хуже, — это были бы уклоненія, и черезъ нѣсколько времени мы опять бы сошлись, обнялись, забыли бы все худое и — любили бы другъ друга. Правда? Я думаю, что правда! Дай мнѣ руку, обними и поцалуй меня! Мы не плакали, какъ разставались, — а теперь, когда думаемъ другъ о другѣ. О, больно, больно! Три мѣсяца, четыре мѣсяца, глупое путешествіе — скучно, досадно! Ну! да надо имѣть твердость мужа. А гдѣ я ее возьму! Ужъ не въ себѣ ли? Какъ же! Какой я твердый человѣкъ! Я смѣшонъ и жалокъ.

Но были хорошія минуты на пути: Molle di Gaeta, Terracina, Идри, Альбано. О! какъ это все хорошо! Какъ Римъ хорошъ съ горы Альбано! Я искалъ Кобылину по всему городку и не нашелъ; говорятъ, она въ Frascati. Костюмъ женщинъ напомнилъ мнѣ Душ. и M-me Salias. Народъ въ римскихъ владѣніяхъ въ 20 разъ красивѣе неапольскаго. Что за чудесныя лица! — Колизей поражаетъ красотой; всѣ развалины Рима удивительно живописны, стоятъ моря Неапольскаго. И какъ живо чувствуешь эту историческую почву! Римъ древній, Римъ Теодориха, Римъ католическій, исторія человѣчества вся тутъ. Но какъ это все грустно! какъ все это пахнетъ могилой! и какъ посмотришь, какой блѣдный цвѣтокъ выросъ на этихъ развалинахъ! Сициліанецъ мнѣ плохо разсказывалъ объ отношеніяхъ Сициліи къ Неаполю. Бѣдная Сицилія, бѣдный Неаполь! Сегодня мы ночевали въ Cisterno. Я вскочилъ въ часъ ночи и намаралъ какіе-то стихи. Потомъ легъ и въ четыре часа былъ опять на ногахъ. Ходилъ по комнатѣ и думалъ о тебѣ. Время шло, я сталъ будить сициліанца. Онъ мнѣ сказалъ: «Et moi — j'étais avec ma pauvre femme!» — «Vous êtes marié?» — «Je suis veuf, monsieur!» — Я чуть-чуть не расплакался и не обнялъ этого бѣднаго человѣка. Вотъ была бы порядочная глупость! Жаль, что не онъ сдѣлалъ твой портретъ: онъ за 200 франковъ сдѣлалъ бы отличную вещь.

Въ Римъ я пріѣхалъ въ три часа. Остановился въ Hôtel Servy. Пообѣдалъ. Пошелъ въ Café. Пошелъ въ другой Café. Нашелъ Etienne'a Мишелева, который завтра везетъ къ тебѣ это письмо.

Пошелъ въ Café Nuovo, гдѣ по крайней мѣрѣ 500 человѣкъ. Театра нѣтъ. Скучно! Походилъ по темнымъ улицамъ. Пришелъ. Пишу. Боже мой, какая тоска! Хочу спать, или нѣтъ, — ничего не понимаю. Мнѣ кажется, ты умнѣе этого письма отъ меня не получишь благодаря вліянію дороги.

Но ты, мой другъ, ищи развлеченія, если только можешь. Ступай въ Парижъ; дѣлай такъ, чтобъ быть счастливой — если можешь. Я бы заложилъ самого себя или бы продалъ, чтобъ ты была совершенно счастлива; я вѣдь такой неуклюжій, что ничего не могу устроить для этого.

Дуаны очень милостивы и безкорыстны.

Прощай! Обними меня, благословимъ другъ друга, поцалуемся. Да какъ же это, три мѣсяца — и даже руки не пожать другъ другу?

Что Сталинька? Сатина нигдѣ нѣтъ. Кланяйся Анетѣ, Мери, M-lle Loulou, M-lle Seidl — ну, всѣмъ.

Прощай! еще разъ цалую тебя! Addio.

(На 4-ой страницѣ листа—стих. «Le Cauchemar.» Сбоку приписка:)

Addio! Завтра чѣмъ свѣтъ Etienne придетъ за письмомъ, а къ послѣ-завтра я приготовлю еще тебѣ письмо. Addio. Цалую тебя.

33.

Четвергъ (8 дек.).

Я спокойнѣй, я разсѣяннѣй. Римъ, Римъ! Только Римъ на свѣтѣ. Что за жизнь для художника! Что за роскошь артистическая! Я ожилъ. Потомъ у меня нашлось маленькое общество русскихъ артистовъ; между ними Матюша Бибиковъ (не думай, чтобъ я пьянствовалъ, не хочу, не стану — ради тебя). Артисты меня оживили. Сколько талантовъ, сколько способностей въ Россіи! О! надежда, надежда! Опять я вѣрю въ будущность моей родины, опять люблю ее, опять чувствую, что во мнѣ есть жизнь молодая, сильная. Но мнѣ грустно! Я желалъ бы слушать музыку и плакать, и много, много плакать. Но Матюша не умѣлъ устроить на сегодняшій вечеръ, чтобъ я могъ слышать русскихъ пѣвцовъ (одинъ Михайловъ, ученикъ и любимецъ Рубини; говорятъ, отлично поетъ). Завтра я ихъ услышу. Кстати — въ субботу я отправляюсь черезъ Болонью въ Венецію, въ Анконѣ мнѣ нечего дѣлать, потому что пароходъ въ Тріестъ изъ Анконы идетъ только 27-го. До Венеціи съ курьеромъ (всегда сопровождаемымъ жандармомъ) — три дня. Былъ на почтѣ — письма отъ тебя не было. Затѣмъ ты не со мною? Я тебя

выучилъ бы наслаждаться искусствомъ. Развей въ себѣ эту сторону, лучшую въ человѣкѣ.

Утромъ былъ въ соборѣ св. Петра. Что за площадь, что за колоннады, что за куполъ! Но онъ невыгодно окруженъ домами, такъ что нѣтъ точки, съ которой было бы видно весь куполъ, а фасадъ самой церкви уродливъ, хотя имѣетъ важность. Но внутри — чудо! Огромно, величаво, благородные размѣры! Но надо все это видѣть, пересказать нельзя. Потомъ я встрѣтилъ Матьё. Кое-какъ пообѣдалъ у ресторатора, гдѣ сбираются всѣ артисты. Русскіе артисты въ Римѣ выше всѣхъ. Потомъ пошли мы въ Ватиканъ. Боже великій! что за зданіе, что за залы! Я видѣлъ Аполлона Бельведерскаго, я видѣлъ «Бойцовъ» Кановы, Лаокоона, я видѣлъ кучу древнихъ статуй. Я потерялся въ этомъ мірѣ. Я отдохнулъ и блаженствовалъ въ созерцаніи. Природа въ Неаполѣ и искусство въ Римѣ — можно прожить вѣкъ въ какой-то блаженной дремотѣ. Когда я пришелъ въ картинную галлерею, уже начинали запирать. Завтра пойду нарочно. Сегодня Ватиканъ былъ открытъ, а завтра надо заплатить. Вообрази, что открытъ съ ½ третьяго до четырехъ часовъ. 1½ или два часа. Какъ глупо! Завтра — форумъ, картины и кн. Трубецкая. Сейчасъ жду Матюшу и Воробьева изъ турнкласса. Ужо́ еще напишу.

Пятница.

Вчера Матьё и Воробьевъ ушли поздно; мы много хохотали, и несмотря на то мнѣ было скучно, и когда я остался одинъ, я впалъ въ хандру невыносимую; не сталъ писать къ тебѣ, а написалъ стихи, которые покажутъ тебѣ расположеніе моего духа. Стихи, которые я тебѣ послалъ въ прошлый разъ, очень скверны, не вписывай ихъ въ тетрадку. А эти впиши. Сегодня я проснулся въ 7 часовъ, и какъ-то мнѣ было легче; я докончилъ картину Неаполя; впиши это вслѣдъ за стихами, которые у тебя подъ заглавіемъ «Неаполь», и выставь надъ ними N 5. Только кончилъ, явился ко мнѣ сицилiанецъ-артистъ, compagnon de voyage, Faia, о которомъ я тебѣ писалъ. Это мнѣ помѣшало писать къ тебѣ. А теперь я отправляюсь въ Ватиканъ.

Когда утро проходитъ, я начинаю тревожиться; тоска и безпокойство растутъ, растутъ, и я не знаю, куда дѣваться. Думаю о тебѣ. Когда представлю себѣ, что ты вечеромъ, усталая, наслушавшись разныхъ несносныхъ пустяковъ, приходишь ложиться одна,— мнѣ такъ хочется плакать, мнѣ такъ тебя жаль; ужъ мнѣ начинаетъ

казаться, что я виноватъ предъ тобой и собою, что уѣхалъ, что можно было бы какъ-нибудь уладить и остаться. А между тѣмъ это судьба. Но куда она выведетъ мою жизнь, эта судьба? Что такое твоя жизнь? Все загадка, все темно; я самъ себя не понимаю. Тоска! тоска!

Ужъ поскорѣй бы быть въ Москвѣ; тамъ по крайней мѣрѣ дружній привѣтъ — а это великое дѣло. Какъ я боюсь потерять внутреннюю полноту, которая меня всегда дѣлала чистымъ и тихимъ; ужасно боюсь! Мнѣ кажется, что жизнь сдѣлала то, что я ни къ людямъ, ни къ вещамъ не приступаю какъ къ святынѣ, не вѣрю и не благоговѣю. А такъ жить слишкомъ горько. Свята любовь, свята дружба! Знаешь ли ты это чувство, когда жмешь кого за руку и чувствуешь въ этомъ рукожатіи какую-то святыню, какое-то таинство великое? Ну, вотъ это-то чувство было во мнѣ, и вотъ оно-то и гаснетъ. Глубина и тишина и свѣтъ пропадаютъ. Неужто я старѣю, Маша?

Ну! прощай, другъ мой! Завтра я еще пошлю тебѣ письмо, послѣднее изъ Рима. Обними меня! Все дальше, все дальше мой путь. Получу ли я отъ тебя письмо здѣсь? Дай Богъ! Не могу долго не знать, что ты дѣлаешь. Прощай! будь здорова, спокойна, тверда, счастлива, если можешь.

Addio, carissima!

34.

Суббота.

Въ послѣдній разъ пишу къ тебѣ изъ Рима! Сегодня вечеромъ я уже буду еще дальше. Какъ грустно покидать Италію! Но ты не будешь грустить по ней, ты никого не оставишь такъ, какъ я тебя, и выѣдешь изъ Неаполя, уѣдешь отъ людей, съ которыми скучала и ничего не имѣла общаго. Но уѣхать отъ тебя, да еще изъ Италіи, да еще въ Петербургъ, это изъ рукъ вонъ. Вчера я видѣлъ картины Ватикана; это чудо — этого я и не воображалъ; это нѣсколько картинъ сряду, стоящихъ Рафаэлевой Мадонны della Sedia, т.-е. еще его двѣ Мадонны и Преображенье. Вѣнчаніе Богородицы, Мадонна Foligno — это удивительно. Рафаэль одинъ изъ всѣхъ живописцевъ схватилъ возможный типъ Христа. Онъ понялъ въ немъ двѣ стороны — любовь и пророческое вдохновеніе, вдохновеніе, которое говоритъ: Я сынъ Божій! Въ этомъ случаѣ Рафаэль болѣе христіанинъ и выше, какъ художникъ, всѣхъ другихъ. Другіе поняли въ Христѣ смиреніе, спокойствіе жертвы; онъ понялъ покой

самосознанія, самоувѣренности, лучше сказать — покой вѣры. Христосъ, вѣнчающій Богородицу, — именно это лицо любящее, но вмѣстѣ съ полнымъ сознаніемъ своей силы; я лучше этого Христа не видалъ. А Мадонна! какая непорочность, какая женственная тишина! Неподражаемо! Лицомъ Христа въ Преображеніи я не совсѣмъ доволенъ: оно также не менѣе выразительно, но на меня оно произвело непріятное впечатлѣніе шириной лица. Но что за композиція! А въ Мадоннѣ Foligno, не говоря уже о самой Мадоннѣ и младенцѣ — что за Іоаннъ Креститель! Вотъ пророкъ-то! — Потомъ Причащеніе св. Іеронима Доминикино, потомъ три ангела на гробѣ Спасителя и Іоаннъ Креститель Guercini и многое еще, Спаситель Correggio — ну! просто ты живешь въ волшебномъ мірѣ. Наконецъ фрески Рафаэля. Нѣтъ, Маша! если ты пріѣдешь въ Римъ, ты проживешь годъ, и никого тебѣ не нужно, и только будетъ хотѣться жить, жить, наслаждаться; вся мелочь, вся грязь жизни пропадутъ; здѣсь становишься безпеченъ, чистъ и глубокъ, какъ художникъ. Даже Матюша Бибиковъ поумнѣлъ и очень порядоченъ, и многое для него доступно, чего я и не думалъ. — Обѣдаемъ мы во 2-мъ часу. Послѣ обѣда я поѣхалъ въ Forum и Колизей. Что передъ этимъ вся Помпея! Ничто. Въ Колизеѣ была процессія монаховъ; заходящее солнце освѣщало одну часть внутренней стѣны; огромныя развалины, на которыхъ всюду наросла трава и плющъ, удивительное освѣщеніе, арки, которыя составляютъ перспективы невообразимыя, — я стоялъ какъ въ какомъ-то волшебномъ снѣ, и чуть не заплакалъ; слезы все жъ были и будутъ выраженіемъ всего лучшаго. Христіанство здѣсь вездѣ настроилось надъ древнимъ міромъ — à la lettre; не говоря о церквахъ, прилѣпленныхъ къ древнимъ портикамъ, — Римъ древній на два аршина глубже въ землѣ Рима христіанскаго. Даже эта superposition des siécles поражаетъ.

А письмо отъ тебя не пришло. Это дурно, Маша! Ну! если ты не писала — это непростительно, потому что теперь до Питера можетъ ничего не будетъ отъ тебя. Да и ты ждешь и не дождешься письма отъ меня; сегодня получишь первое, завтра второе, послѣ-завтра третье. А я — можетъ ни одного! Какъ же это глупо! Положимъ, Римъ оживилъ меня — а дорога можетъ скучнѣе города, — чортъ возьми, какъ несносно. Пиши, Бога ради; по крайней мѣрѣ чтобъ я зналъ, что ты дѣлаешь, и не тревожился и не падалъ духомъ. Мы друзья съ тобой, Маша, дай руку, — въ широкомъ значеніи слова. Много смутнаго прошло по нашей

жизни, не станемъ поминать это; она могла бы быть безконечно полна... но и теперь хорошо! Каждому изъ насъ можно поплакать на груди другаго—а это много, это большее, что жизнь можетъ дать, потому что спокойнаго, свѣтлаго счастія жизнь не можетъ дать. Да будетъ это сказано!

Вечеромъ былъ я у кн. Трубецкой, говорилъ объ искусствѣ; я просидѣлъ больше часа, былъ очень краснорѣчивъ. Потомъ ужиналъ съ артистами. Сегодня укладываюсь, ѣду въ Palazzo Borghese и смотрѣть Моисея Микель-Анджело, обѣдаю, ѣду къ кн. Трубец. за какимъ-то письмомъ, сажусь въ карету и скачу въ Болонью. — Я теперь еще въ горячкѣ послѣ всего, что я вчера видѣлъ, и не могу придти въ настоящую тарелку; а настоящее расположеніе духа — тоска. Слава Богу, что хотя на минуту выходишь изъ нея. Это письмо отправится съ кондукторомъ. Я буду уже въ Болоньѣ, когда оно дойдетъ до тебя. Теперь я нигдѣ не замѣшкаюсь, увлекательнѣе Рима ничего нѣтъ. — Сегодня еще съѣзжу, посмотрю вещи, чтобъ тебѣ что-нибудь послать съ кн. Трубецк., который ѣдетъ въ Неаполь 26-го декабря и ergo къ 29-му доставитъ. Что это будетъ, не знаю; надо разсчитать, чтобъ было хорошо и недорого, потому что почты нестерпимо дороги, — до Болоньи 120 фр. кромѣ ѣды. Прощай! — Прощай, Маша! Обнимаю, цалую и благословляю тебя. Вѣрь — разлука для меня тяжела, вѣрь, что мнѣ жаль оставлять тебя безъ друга; положи голову ко мнѣ на плечо въ воображеніи и отдохни спокойно. Кланяйся Анетѣ и всѣмъ, Мишелю и Ольгѣ, Станю поцалуй, уменъ или нѣтъ — все равно поцалуй, онъ жалокъ. Addio, addio... еще разъ addio.

35.

Болонья, вторникъ (13 дек. нов. ст.)

Вотъ уже другая недѣля, какъ мы разстались, Маша! Уѣхалъ я не далеко; но за то теперь помчусь. Какъ ни ждалъ въ Римѣ письма отъ тебя, но вѣчный «niente» звучалъ мнѣ изъ-за рѣшетки почтамта. Грустно! Можетъ въ Вѣнѣ найду письмо. Да какъ же это такъ долго не знать, что ты дѣлаешь? Я въ какомъ-то странномъ снѣ, гдѣ дивныя мѣста, дивныя статуи, дивныя картины вдругъ смѣняются на одиночество невыносимое, тоска гнететъ, а потомъ опять виды, картины, зданія, статуи. Гдѣ я? что со мною? Я не могу

придти въ себя. Вотъ сегодня я шатался въ Пинакотекѣ съ глупымъ бельгійцемъ и почти не замѣчалъ его; а видѣлъ одни чудеса, видѣлъ мученичество св. Агнесы Доминикино, еще двухъ мучениковъ его, еще Мадонну его же, Цецилію Рафаэля, Богоматерь надъ тѣломъ Іисуса—Гвидо, избіеніе младенцевъ Гвидо, распятіе—Гвидо, Мадонну—Гверчини. Ахъ! Маша! далъ же мнѣ Богъ способность забываться въ этомъ мірѣ! Такъ хорошо становится на душѣ, такъ много задумываешься. Глядя на картины, я много думалъ о христіанствѣ, и именно о христіанствѣ католическомъ. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь убѣдился я въ истинѣ, высказанной Фейербахомъ, что христіанство есть обожаніе des Gemüths. Что можетъ быть такъ gemüthlich, какъ созданіе святой дѣвы, обожаніе непорочной женственности; да посмотри ты на всѣхъ Мадоннъ Рафаэля: какая кротость и чистота, какое умиленіе и молитва въ этихъ лицахъ! Это чистая женщина—это идеалъ женщины! И смотря на эти картины, ты просто убѣждаешься въ истинѣ католической Богородицы; ты не можешь вѣрить, чтобъ это существо было запятнано чѣмъ-нибудь плотскимъ, это поэзія des Gemüths, поэзія женственности. И какая глубокая поэзія въ этомъ соединеніи дѣвы и матери! женской непорочности и женской любви! Чистота, нѣжность, тишина и полнота души женщины — тутъ все есть. И не подумай подойти къ ней съ земной любовью; нѣтъ! на эту женщину довольно смотрѣть, довольно обожать, и поцалуя не нужно, одно колѣнопреклоненіе и безмолвное созерцаніе и только! и довольно!

Das Ewig-weibliche
Zieht uns hinan! (Goethe).

Бракъ — уступка, которую das Gemüth дѣлаетъ тѣлу. Но бракъ съ этой точки зрѣнія нерасторгаемъ, потому что das Natürliche все же теряется im Gemüthlichen; любовь внутренняя (платоническая, христіанская, die Liebe aus dem Gemüthe heraus) освѣщаетъ и просвѣтляетъ все. Эту любовь расторгнуть — грѣхъ. Но нашъ вѣкъ интеллигентный не можетъ дать мѣста этой гордости des Gemüths; у насъ освѣщаетъ и просвѣтляетъ все разумъ, сознаніе, der Geist, который всему покажетъ свое святое мѣсто въ мірѣ и не допуститъ человѣчество остановиться ни на непосредственности чувственности (der Natürlichkeit, — міръ древній), ни на непосредственности чувства (des Gemüths, — міръ христіанскій). Можетъ быть на сознаніи и духѣ разовьется новый міръ, полнѣе и величавѣе міра древняго и міра христіанскаго (конечно, индус-

тріальный фурьеризмъ не есть порожденіе духа). Но элементъ духа не проникъ еще дѣйствительное общество, отъ этого христіанство существуетъ; но элементъ духа (сознаніе) проникаетъ въ общество; отъ этого христіанство болѣе и болѣе становится внѣшней формою. Современному художнику написать Мадонну, или мученика, или чудо — натяжка ума, которая не будетъ внутренно согрѣта. — Не рви этого письма; оно намъ обоимъ послужитъ.

Сейчасъ на улицѣ раздалась неаполитанская пѣсня, и у меня чуть слезы не брызнули. Какъ я глупъ! и въ какомъ хаосѣ моя голова насчетъ моей жизни и моихъ чувствъ и желанія — это просто страданіе!

Я путешествую съ итальянцемъ-негоціантомъ и бельгійцемъ-фабрикантомъ à tiers frais, что сдѣлаетъ, что я до Венеціи доѣду за 15 рублей. Мы выѣзжаемъ въ ночь и послѣ завтра въ Венеціи. Мои товарищи тупы насчетъ искусства, но добрые малые. Бельгіецъ тоскуетъ по Бельгіи и скучаетъ, какъ я же, одиночествомъ. Итальянецъ ѣдетъ по дѣламъ въ Вѣну. Жандармовъ съ нами никакихъ не было; а о разбойникахъ ни слуху, ни духу.

Въ комнатѣ становится темно. Скоро обѣдать. Вечеромъ доконч у письмо къ тебѣ. Пока жму тебѣ руку, душа моя. Въ комнатѣ холодно, и мнѣ чортъ знаетъ какъ скучно и грустно — и некому руку подать...

Вечеромъ.

Я гулялъ по городу съ моими пріятелями-непріятелями. Они встрѣчали друзей — а я былъ одинъ. Скучно! Воротился домой. Сходилъ въ café, почитать procès Quenisset — занятъ. Чортъ возьми! Прошелся по улицѣ, видѣлъ кукольный театръ на площади, — оригинально и смѣшно! Но все же скучно. Пришелъ домой. Спать никакъ не хочется. Виноватъ! спросилъ бутылку вина и пью ее одинъ. Просто для того, чтобъ произвести физическую эксцитацію, которая мѣшала бы совершенной тоскѣ овладѣть мною. Такъ я проведу время до 3-хъ часовъ; а въ 4-мъ уѣду. Чѣмъ больше смотрю въ себя, тѣмъ больше удивляюсь. Что я за странный уродъ! смѣсь самой грубой чувственности и самаго утонченнаго спиритуализма. Право! я истинное выраженіе вѣка, борьба der Natürlichkeit и des Gemüths, не разрѣшенная, но разрѣшаемая въ сознаніи, разумѣ, духѣ. Потому-то и борьба, что это противорѣчіе въ эту минуту разрѣшается, но не разрѣшено; если бъ вовсе не было потребности раз-

рѣшенія — я былъ бы счастливъ въ святости христіанства; если бъ было разрѣшеніе — я блаженствовалъ бы въ новѣйшей философіи. Но я прямое дитя вѣка, борюсь и не нахожу примиренія. Если бъ ты знала это внутреннее страданіе, невозможность побѣдить ни мысль, ни обстоятельства — ты заплакала бы надо мной. Если ты уронишь слезу на эти строки, которыя льются изъ души, я сцалую ее съ твоихъ глазъ, и мнѣ будетъ легче. Я давно не плачу — и мнѣ вдвое тяжелѣе; жизнь утомила и нервы, и душу, и ни на что не нахожу въ себѣ слезъ.

Когда я пришелъ домой, я думалъ о произведеніяхъ искусства и написалъ стихи. Походилъ по комнатѣ и написалъ другіе. Читай ихъ и посмотри, что за уродъ человѣкъ, въ которомъ такая смѣсь ощущеній! И всѣ меня любятъ и хвалятъ! чортъ знаетъ, какъ это досадно! Поймите, ради Бога, что я уродъ нравственный, мученикъ тѣла, души и духа. Пожалѣйте обо мнѣ, а не хвалите меня. Поплачь обо мнѣ, Маша! твои слезы всего отраднѣе. О! если бъ ты была моя Мадонна! Но ты такое же тревожное существо, какъ и я.

1.

Поэзія.

Когда сижу я ночью одиноко
И образы святые въ тишинѣ
Такъ изъ души я вывожу глубоко,
И звонкій стихъ звучитъ чудесно мнѣ, —
Я счастливъ! мнѣ ужъ никого не надо.
Весь міръ во мнѣ! Созданіе души
Самой душѣ есть лучшая отрада,
И такъ его лелѣю я въ тиши...
И вижу я тогда, какъ дерзновенно,
Исполненъ мыслью, дивный Прометей
Унесъ съ небесъ боговъ огонь священный
И въ тишинѣ творитъ своихъ людей...

2.

Тоска.

Дайте же звуки мнѣ, звуки тревожные,
Сдѣлайте такъ, чтобъ расплакался я!
Развѣ не видите, люди холодные, —
Жаркія слезы нужны для меня.

Слезы ль тѣ будутъ — мольбы, умиленія,
Страсти тоскующей, полной огня,
Или страданія, или стремленія, —
Сдѣлайте такъ, чтобъ расплакался я!
Если вы видите, люди холодные,
Если дѣйствительно вы мнѣ друзья,
Дайте же звуки мнѣ, звуки тревожные,
Сдѣлайте такъ, чтобъ расплакался я!..

И ни единаго друга около меня не было. Моя жалоба ударилась объ стѣну и заглохла. Этимъ двумъ стихотвореніямъ разстояніе полчаса. Что за хаосъ, Маша! Пожалѣй обо мнѣ. Теперь я еще могу написать 500 стиховъ, но не стану изъ уваженія къ искусству. Могу написать тебѣ 20 страницъ, но не стану, чтобъ не разорвать твоего сердца. Сейчасъ возьму пакетъ и запечатаю и буду до 3-хъ часовъ ночи шляться изъ угла въ уголъ и топить печь въ моей холодной комнатѣ. Кстати, я сдѣлалъ небольшія поправки въ стихотвореніи «Le Cauchemar» — и не имѣю къ нему ненависти. Чортъ возьми! Неужли я изъ самолюбія говорю о моихъ стихахъ? Еще этого недоставало — глупаго самолюбія!

Прощай! Маша! прощай. Напишу изъ Ровиго и изъ Венеціи. Цалуй бѣднаго Сталю, — мой типъ въ уродливомъ видѣ. Кланяйся Анетѣ, Жоржу, Мишелю, Мери и т. д.—Вамъ все надо служителя. Поищите человѣка!—Я вру! Прощай, Маша! Обнимемся, поцалуемся, благословимся. Чортъ знаетъ какъ скучно... и напиться не могу. Прощай.

Какъ жаль, что браслетъ не скоро придетъ къ тебѣ. Я не узнаю, нравится онъ тебѣ или нѣтъ.

Изъ Тріэста напишу Тучкову.

Addio, chère, chère, très chère enfant.

36.

Венеція 15 (3). Четвергъ.

Вотъ я наконецъ и въ Венеціи! Дорога меня утомила. Мы пріѣхали вечеромъ; солнце садилось. За два льё до Венеціи мы сѣли въ гондолу и поплыли по лагунамъ. По водамъ игралъ лиловый отблескъ, но небо было не совсѣмъ чисто, и Венеція смутно сквозь тумана вставала изъ воды. Я былъ въ очарованьи. Звонъ колоколовъ встрѣчалъ насъ. Мнѣ было хорошо и грустно! Я не говорилъ ни слова съ моими спутниками. А глядя на Венецію, думалъ о тебѣ

и о Неаполѣ, а слушая звонъ колоколовъ, думалъ о Москвѣ и о давно прошедшемъ. Среди самыхъ лучшихъ впечатлѣній я какъ-то умѣю наводить на себя грусть, тревожить себя сомнѣніями и воспоминаніями. Это часто тебя смущало, Маша, и ты сердилась на меня. Но въ воспоминаніи и въ грусти есть что-то такъ глубоко тихое и святое, что не надо слишкомъ винить меня. Стремленіе къ блаженству такъ естественно; а признайся, что всякое блаженство въ будущемъ — фантазія, между тѣмъ какъ блаженство прошедшее — дѣйствительность. Я стремлюсь назадъ, потому что я знаю мое прошедшее блаженство. Самая лучшая минута въ настоящемъ меня уноситъ въ даль блаженную, но все же въ даль прошедшаго блаженства. Когда солнце гаснетъ, мнѣ становится грустно; я помню другія минуты при захожденіи солнца. Помню, какъ мы его провожали когда-то съ балкона маленькаго деревенскаго дома, и отецъ мой былъ тогда живъ, и ты такъ тепло меня любила, и я такъ тепло любилъ тебя, — и я плачу — какъ дитя, почти самъ не зная о чемъ. Потомъ мелькаетъ передо мной синенькое платье и пунцовый платочекъ, и какъ все это было скромно, и какъ все это было тихо и какъ хорошо! и какъ казалось, что ничего въ мірѣ больше не надо! Мертвый человѣкъ прошедшее, Маша! его разбудишь въ воображеніи, а въ самомъ дѣлѣ, какъ ни тревожь его, — лежитъ себѣ не воскресая. Ахъ! Боже мой! какъ я въ то время былъ спокоенъ! какъ чистъ въ душѣ! какъ полонъ теплой вѣры въ жизнь! Стихи я писалъ скверные, а въ душѣ было столько любви и упованія; теперь стихъ мой становится (не всегда) звученъ и полонъ, я это чувствую; а на душѣ тоска и, страшно сказать, кажется — холодъ. Ну, если не холодъ, то по крайней мѣрѣ теплота юноши страшно борется съ опытомъ, съ разувѣреніемъ въ самомъ себѣ, съ скукой жизни. Что изъ меня выйдетъ? Но что бы ни вышло, едва ли лучше того, что во мнѣ было.

Долго мы гуляли по Венеціи. Площадь св. Марка, огромная, съ безсчетнымъ множествомъ освѣщенныхъ лавокъ — чудесно хороша. Бельгіецъ мой удивительно тупъ, ему Венеція нравится какъ только глупому, но доброму человѣку можетъ нравиться. Онъ купилъ черешневый чубукъ и стамбулку и куритъ турецкій табакъ, и въ наслажденіи великомъ. Мой неаполитанецъ — человѣкъ практическій, купецъ настоящій, но добрый малый. Съ нимъ путешествовать очень экономно. Если онъ къ тебѣ явится съ письмомъ отъ меня, — пожалуйста въ мое воспоминаніе прими его хорошенько; онъ очень недуренъ собою, славно говоритъ по-французски и бу-

детъ радъ служить въ чемъ надо, и купитъ мебель, сдѣланную въ Неаполѣ, потому что хочетъ жениться и все говоритъ о своей невѣстѣ. Право, есть добрые люди на свѣтѣ, но какъ они невыносимо скучны—этого высказать нельзя. Есть также и умные люди, которые невыносимо скучны. Но чтожъ изъ этого? Надо жить со всѣми.—Сатина, кажется, нѣтъ въ Венеціи. Мнѣ очень грустно будетъ съ нимъ разъѣхаться. Я очень знаю, что вся его жизнь въ другихъ, а я его любимецъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ, я все писалъ очень скверные стихи, надо въ этомъ сознаться. Но вотъ сегодняшніе не дурны.

(Далѣе слѣдуетъ стихотвореніе Огарева: «Когда тревогою безплодной».)

О тебѣ мнѣ подумать страшно! Ты должна находиться въ такой ужасной пустотѣ, что морозъ бѣгаетъ по кожѣ, когда объ этомъ вздумаешь; а я нерѣдко объ этомъ думаю. Но надо однако намъ обоимъ быть потверже духомъ. Да какъ это сдѣлать, чортъ возьми? Глупыя обстоятельства! скука, досада, все это мѣшается въ головѣ и сердцѣ, и поневолѣ впадаешь въ нестерпимую тоску.

Думаю о нашихъ отношеніяхъ къ Сталинькѣ. Вотъ еще горе и испытаніе! Что онъ? каковъ? Если Циммерманъ его не возьметъ—неужели оставить его съ Анетой? Да какъ же быть съ этимъ, что объ этомъ ребенкѣ можно жалѣть, а любить его нельзя, такая антипатическая натура. А между тѣмъ какая-то отвѣтственность лежитъ на совѣсти. Постарайся его хорошенько пристроить, или не бросай его и таскай съ собой и няней. Да вѣдь это изъ рукъ вонъ несносно, — право, не придумаю, что тутъ дѣлать, какъ поступить благородно, съ любовью — если не къ самому ребенку, то по крайней мѣрѣ къ его дѣтству. — Ну, онъ умретъ безъ тебя! И то ты будешь укорять себя. Où est l'issue?

Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ ты меня обняла и поцаловала теперь! Я бы такъ хорошо заснулъ... Два часа ночи. Спать хочется, и не могу рѣшиться идти. Скучно, а кажется все лучше не спать, лучше прибавить еще строки двѣ къ письму. И ничего ими не скажешь — а все будто легче. Изъ Тріэста, куда я отправляюсь завтра вечеромъ на пароходѣ, — не знаю, успѣю ли написать нѣсколько словъ. Постараюсь. Но въ тотъ же день я долженъ уѣхать въ эйльвагенѣ въ Вѣну. Изъ Вѣны напишу много. Но едва проночую болѣе одной ночи. Надо спѣшить. А возятъ скверно. Можетъ быть въ Вѣнѣ найду письмо отъ тебя. — Свѣча моя догораетъ, Маша! видно надо лечь. Завтра-жъ рано встать и идти смотрѣть Вене-

цію. Запечатаю теперь письмо. Прощай, другъ мой! Благословляю и цалую тебя сотни и тысячи разъ. Маша! другъ мой! Вотъ просто напишешь — Маша! другъ мой, — и какъ-то ужъ легче, будто не такъ одинъ.

Прощай.

Кланяйся всѣмъ. Надѣюсь, что ты сладила съ кн. Долгор. насчетъ моихъ писемъ.

37.

Тріэстъ. 16 (4).

Пишу къ тебѣ отсюда нѣсколько словъ, другъ мой, милая моя Маша! пишу только для того, чтобъ ты не подумала, что я пропалъ въ морѣ. Противный вѣтеръ или, лучше, противная буря сдѣлала то, что вмѣсто семи час. утра мы пріѣхали вечеромъ. Я видѣлъ въ самомъ дѣлѣ бурю на морѣ. Чудесно! Я, ты знаешь, не страдаю на морѣ, и потому цѣлый день просидѣлъ на палубѣ. Качка была такъ велика, что стоять было невозможно, и волны переплескивались черезъ бортъ. Но я наслаждался. Я не боялся, вѣря въ свою звѣзду (je crois à mon étoile), и вотъ я въ Тріэстѣ, гдѣ смотрѣть нечего и, кажется, очень скучно. Завтра въ восемь час. отправляюсь взять мѣсто въ эйльваген̈ѣ, и въ два часа уѣду. — Въ Венеціи я узналъ, что Сатинъ уѣхалъ въ Миланъ. Мнѣ стало грустно. Зачѣмъ судьба не захотѣла, чтобъ я его встрѣтилъ? Я отдохнулъ бы возлѣ его любящаго сердца. Изъ Вѣны напишу и къ нему. Къ тебѣ же я напишу изъ Вѣны предлинное посланіе. А теперь усталъ до смерти и спать хочется. Милый другъ! длинна дорога, скучна дорога. Гдѣ я буду на мѣстѣ? Нигдѣ, кажется. Весь вѣкъ пройдетъ въ томъ, что мѣста себѣ не сыщу.

Прощай! Обнимаю и цалую тебя. Когда-то что-нибудь объ тебѣ узнаю. Пора бы. Прощай! Христосъ съ тобой, Маша моя! Addio! Все дальше и дальше я. Addio!

Кланяйся Сатину и всѣмъ.

Помиришься ли ты съ нимъ во имя мое? Друга моя, не умѣешь ты разгадывать людей.

38.

Тріэстъ. 20 (8) дек.

Еще разъ Тріэстъ. Вчера писалъ тебѣ отсюда, и сегодня еще разъ. Не нашелъ мѣста въ дилижансѣ въ Вѣну, и долженъ былъ цѣлый

день проскучать въ Тріэстѣ. И въ самомъ дѣлѣ проскучалъ. Претошный городъ. Я исходилъ его вдоль и поперекъ; здѣсь рѣшительно меркантильный духъ. И зданія, и люди, и разнообразіе націй — все дышитъ неэлегантнымъ корыстолюбіемъ. Вчера я писалъ къ тебѣ письмо — отвѣтъ, начатый въ Монтрё, — это была лучшая минута изъ всего дня. Ты получишь то письмо въ концѣ января.

Кой-какъ добивая день, я пошелъ вечеромъ въ концертъ. Отрывки изъ «Нормы», славно игранные на флейтѣ Г. Морнизи, вытянули у меня слезинку. Арія была, очень хорошо исполненная, изъ «Норманновъ» Mercadante, мнѣ понравилась. Но кошачій голосъ примадонны и непроходимый оркестръ выгнали меня изъ концерта прежде конца. Итальянская музыка и ты бродите у меня въ головѣ. Съ музыкой легче, грусть тише и тоска не такъ томительна. Въ концертѣ я увидалъ лицо — мнѣ показалось, это Дингельштедтъ (я о немъ тебѣ говорилъ иногда). Я вспыхнулъ или поблѣднѣлъ — не знаю, но знаю, что не могъ свести съ него глазъ. Потребность симпатическаго рукожатія такъ сильно заговорила, что сердце забилось, и я не вытерпѣлъ, подошелъ: — Sind Sie Herr Dingelstedt? — «Nein». — Verzeihen Sie; eine wunderbare Aenlichkeit mit einem alten Freunde... и я ушелъ. Но грудь стѣснилась, душѣ было больно. Давно-прошедшее отозвалось. Раздольная жизнь, тысячи надеждъ, тысячи мечтаній, потомъ луна сквозь замерзшее окно казарменной комнаты, потомъ ты и все-все — и это все такъ разлетѣлось, и я одинъ, въ чужомъ городѣ, съ чужими людьми, сходство, обманувшее меня, и всѣ эти люди, все, что было такъ безмолвно, такъ далеко... Звукъ раздался и смолкнулъ, и ничего не осталось, кромѣ воспоминанія, а широкая дѣйствительность исчезла... Въ какихъ отношеніяхъ я съ моими дорожными товарищами? Надоѣли они мнѣ оба ужасно. Но я ужъ свыкся съ ихъ лицами, мелкими потребностями и простодушнымъ дружелюбіемъ. Мнѣ лучше, когда я могу сказать имъ какую-нибудь глупость. Въ очень оригинальной тавернѣ я встрѣтилъ русскаго, который 25 лѣтъ изъ Россіи и учителемъ англійскаго языка въ Тріэстѣ. Я заговорилъ съ нимъ. Онъ навѣкъ простился съ родиной. Какое впечатлѣніе произвели на него звуки роднаго языка? Что поворотилось въ его сердцѣ? Не знаю... Я больше вижу въ людяхъ, чѣмъ въ нихъ въ самомъ дѣлѣ есть. Можетъ это худо, а можетъ — хорошо. По крайней мѣрѣ въ этомъ есть теплота.

Сатинъ у меня изъ головы не выходитъ. Какъ же это было разъѣхаться? А мы такъ много сдѣлали бы теперь другъ для друга!..

Я тебѣ писалъ въ письмѣ, которое дойдетъ до тебя послѣ, что желаніе и страданіе—одно. О! какъ это правда! Я писалъ, что этому нѣтъ конца, нѣтъ разрѣшенія. Вѣчно желать и страдать. Святость грусти, блаженство стремленій—они тяжелы, но я ихъ беру съ резигнаціей. Слезы изъ глубины души, слезы любви къ чему-то недостижимому—я ихъ люблю. Плачу и благословляю. Во мнѣ нѣтъ желчи. О! я еще чувствую юношескую теплоту, которая можетъ отогрѣть многихъ. Скажи это Сатину.—Вечеромъ хотѣлъ писать къ тебѣ; хотѣлъ писать стихи; но заснулъ. Первую ночь спалъ безъ кошмара.—Мое мѣсто взято. Черезъ 4 часа ѣду. Теперь уложусь. Я очень аккуратно укладываюсь ради тебя. Тучкову писалъ. Схожу купить шубу-бурнусъ,—лучше ничего не нахожу для дороги и дешевле.

Прощай! Прощай, моя Маша! Помни меня, люби меня. Помни любящаго ребенка и во имя любви прощай ему глупости прошедшія и будущія. Обними и поцалуй меня. Дай ручку. Хорошо бы хоть $^1/_4$ часа посидѣть вмѣстѣ. Прощай. Цалую бѣднаго Сталю. Кланяйся всѣмъ. Addio. Благословляю тебя.

39.

Вѣна. 25 (13) дек.

Наконецъ два письма отъ тебя, два письма, которыя дышутъ любовью. Благодарю. Долго я ихъ ждалъ и не былъ покоенъ. Теперь знаю, что ты дѣлаешь, какъ живешь,—и доволенъ, доволенъ тѣмъ болѣе, что ты лучше живешь, нежели я думалъ. Я думалъ—домашнее преслѣдованіе, болтовня—еще болѣе тебѣ надоѣдаютъ. Въ графинѣ Сухт. я находилъ афектацію, которой можетъ быть и нѣтъ, и вѣроятно глухота производитъ un semblant d'affectation. Но скажи ей, что я цалую ея руки за дружбу къ тебѣ.—Ты нашла въ себѣ раскрытое чувство къ изяществу неаполитанской природы... О! въ такомъ случаѣ ты дольше проживешь въ Неаполѣ, чѣмъ думаешь; я не могъ разстаться съ этой природой, теперь не могу ее забыть.—Ты учишься пѣть, ты была на музыкальномъ вечерѣ. Я долго могъ бы прожить этой жизнью. Ѣзди въ музей еще—ужъ будто тебя одну не будетъ это занимать?—никогда не повѣрю. Живи, живи въ этомъ роскошномъ мірѣ прекраснаго, въ природѣ и искусствѣ, и среди одиночества, среди печали—ты все еще вынищешь минуты чудеснаго блаженства. Долгор. говорилъ, что надо жить такъ и потомъ иногда предаваться обществу и шуму людскому,

когда потребность разсѣянія слишкомъ заговоритъ. Я не люблю балъ и не вижу въ немъ поэзіи, или—если вижу—то очень удушливую. Потребность общества выражается во мнѣ иначе,—это потребность сказать и услышать симпатическое слово, или вдругъ увидѣть себя увлеченнымъ какою-нибудь людскою дѣятельностью въ лучшемъ смыслѣ. Есть минуты, когда одиночество тяжело; надо говорить и слушать, — но, ради Бога, не пустословіе, не тупое пустословіе свѣтскихъ людей. Теплыя рѣчи, теплыя рукожатія, остроты въ припадкѣ веселости—безъ претензій, безъ злости, безъ тупости —движеніе гуманное — вотъ чего мнѣ надо. О! какъ жизнь могла бы быть полна, согрѣта, роскошна! И отчего же этого нѣтъ? Зачѣмъ судьба даетъ столько возможности блаженства и такъ мало блаженства въ дѣйствительности? Обстоятельства, люди, ежедневность — все это такъ невыносимо душитъ, душитъ, и едва ли одинъ день можно прожить въ полномъ наслажденіи. Зачѣмъ я *теперь* съ тобой разстался. Знаешь ли, что мы въ послѣднее время много сблизились. Были минуты, когда мы смотрѣли другъ на друга исподлобья — говорю откровенно. Въ Неаполѣ это какъ-то прошло. Въ обоихъ зазвенѣли симпатическія струны, и мы были такъ близки, такіе нѣжные друзья мы были, Маша, — и вотъ надо было уѣхать. Сатинъ пріѣхалъ и не засталъ меня. А я увѣренъ, что въ теперешнемъ положеніи мы могли бы *втроемъ* быть счастливы. Зачѣмъ же обстоятельства мѣшаютъ жить? Страшный и неразрѣшимый вопросъ! Неужели индивидуальность не достойна вниманія свыше? Неужели стройный гармоническій ходъ существуетъ только въ общемъ, а частное, личное — осуждено на страданіе? Да развѣ общее не заключается въ личномъ? Развѣ я не столько же гуманенъ, какъ и человѣчество? Зачѣмъ только личность бродитъ въ безпорядочномъ движеніи и страждетъ, вольно или невольно дѣйствуетъ, и все страждетъ? Но въ письмѣ, которое ты получишь послѣ, я развилъ эту тему. Есть гармонія въ страданіи. Съ полной резигнаціей принимаю и благословляю этотъ удѣлъ — страдать гуманно.

Но надо дать тебѣ отчетъ въ моемъ путешествіи изъ Тріэста въ Вѣну. Проѣхалъ я Карніолію (Каринтію) и Стирію. Это двѣ славянскія страны. Горы и скалы дикія и печальныя, но которыя глубоко трогаютъ душу. Грустно становится, глядя на нихъ, и въ сердцѣ рождается какое-то тоскливое стремленіе къ безконечному. Зачѣмъ пѣснь славянина грустна? Зачѣмъ онъ всегда ходитъ въ раздумьи и тоскуетъ? Зачѣмъ славяне выбрали себѣ мѣстомъ жительства лѣса дремучіе, степи унылыя, горы печальныя? Зачѣмъ они стали на

почву, гдѣ природа тосклива? Русь, Польша, Богемія, Стирія — возьми что хочешь, возьми противоположность лѣсовъ и степей — но вездѣ одно: природа тоскуетъ и человѣкъ тоскуетъ. Знаешь ли, что это историческій вопросъ? Что на этомъ можно гадать загадку славянской будущности? Можно смотрѣть вдаль и многое выводить изъ этого грустнаго, глубоко-внутренняго и вмѣстѣ мощнаго элемента славянскаго поколѣнія. Я призадумался. Мысль о родинѣ проснулась тревожно, и мнѣ хотѣлось въ Россію, скорѣе въ Россію. Я увидѣлъ снѣгъ на полянѣ, и слеза навернулась. Дитя я! глупый ребенокъ! Можетъ быть человѣкъ съ большимъ сознаніемъ способенъ быть космополитомъ; разумно мы принадлежимъ человѣчеству болѣе чѣмъ родинѣ. Но я дорожу моею естественною, не духовною (natürliche, nicht geistige), привязанностью къ родинѣ; эта теплая любовь къ отчизнѣ никогда не погибнетъ, я проживу и умру съ ней. Нѣтъ, чортъ возьми, космополитъ — холодный человѣкъ;— оставляю это разумное существованіе Бак. *), а я чувствую, что принадлежу націи, и это чувство есть великая сила въ моей душѣ. Я стану понимать общій человѣческій элементъ въ народности и стану любить народность. Благословляю мою Россію и не оторвусь отъ нея.

Но наконецъ я въ Вѣнѣ. Прежде всего скажу, что я здѣсь отдохнулъ съ порядочными людьми: съ проф. Нейманомъ и Дворачекомъ. Съ Дворачекомъ я говорилъ по-русски. Хорошъ нашъ языкъ! Въ самомъ языкѣ я вижу элементы великаго развитія, великой будущности. Мы бесѣдовали. Душа отогрѣлась. Крѣпко мы пожали другъ другу руку. — Я былъ доволенъ. Я такъ легко вздохнулъ. Теплая слеза скатилась; ее никто не замѣтилъ; но мнѣ хорошо было. И не надо показывать людямъ слезы, но надо плакать. Плакать — лучшее блаженство въ жизни. Слезы выражаютъ теплоту души, а когда на душѣ тепло, такъ хорошо жить, такъ хочется благодарить Бога за это существованіе. Обними меня, Маша! Иногда я понимаю, что я не совсѣмъ дурной человѣкъ.

Ну! что жъ я еще дѣлалъ въ Вѣнѣ? 1) Отправился къ Сирею. Купилъ пѣнковую трубку съ изображеніемъ Государя и наслѣдника и чубукъ удивительной красоты. Что за работа на трубкѣ! Это — артистическая вещь. Такъ какъ Сире мнѣ досталъ ее, то я долженъ былъ тутъ же заплатить около 500 франковъ. Купилъ на-

*) Бакунину.

стольный коверъ М. А. Купилъ себѣ теплую обувь, — еще кое что. Былъ у Ротшильда за деньгами. Былъ у Струве, нашего Legationsrath'а, по совѣту Неймана. Струве славный человѣкъ. У Вильбанка не былъ. Разъ — никто не знаетъ, гдѣ онъ живетъ, а 2) — право, не къ чему. Вотъ мои похожденія. Теперь болѣе интересныя вещи. Я слышалъ прекрасно-исполненное «Сотвореніе міра» Гайдна. Поговоримъ объ немъ. Двѣ вещи: либретто и музыка. Нѣмцы очень любятъ это либретто. Для меня оно отвратительно. Начинается съ полновѣсныхъ словъ Моисейскаго мірозданія и потомъ расплывается въ повтореніе мелочей и притворно-холодное нѣжничанье Адама и Евы. Музыка начинается торжественно; музыка технически удивительная; музыка часто полная вдохновенія. Но большей частью характеръ торжественности теряется, міръ не благоговѣетъ передъ Творцемъ, но пляшетъ; въ музыкѣ веселость наивно-плясовая. Кажется Гайднъ хотѣлъ выразить радость ощущенія жизни. Но я желалъ бы радость болѣе внутреннюю, болѣе проникнутую благоговѣйнымъ ощущеніемъ жизни. Бетховенъ иначе бы, лучше бы понялъ задачу и со смысломъ болѣе глубокимъ обработалъ бы даже этотъ самый либретто. — Во мнѣ родилась мысль написать новое мірозданіе — въ сторону юдаизмъ и die Mosaische Urkunde. Но въ большомъ сомнѣніи я насчетъ собственныхъ силъ. Трудно философскую задачу выставить въ ясныхъ образахъ, гдѣ бы работа мысли не была чувствительна подъ поэтической формой. Трудно избѣгнуть диссертаціи. Но кто же напишетъ музыку? — Если бы только либретто было удачно, то найдется музыкантъ изъ ряда неизвѣстныхъ; изъ всѣхъ извѣстныхъ никто не можетъ. Да главное дѣло, въ силахъ ли я написать либретто. Стану думать. Я самъ художникъ темный, найдется товарищъ-художникъ также никѣмъ не знаемый и не замѣчаемый, а созданіе можетъ выйти дивное. — Самолюбивъ я или нѣтъ? Право не понимаю. Но есть какое-то упованіе на художническую будущность. Кажется, это сказано откровенно и, можетъ быть, очень самолюбиво и самонадѣянно. Но я это чувствую — хорошо или худо, нѣтъ нужды скрывать передъ тобою. Боже избави полагаться на геніальную будущность, но теплая жизнь художника вѣчно создающаго, вотъ чего я жажду. Наслажденіе въ своихъ созерцаніяхъ и созданіяхъ — вотъ чего я хочу. Міръ творчества — цѣль, пріютъ, вся жизнь тутъ — полная, свѣтлая. Одно меня мучитъ — какъ изгнать самолюбіе и поставить на его мѣсто одну

святую любовь къ искусству? А я ужасно самолюбивъ самъ съ собою. Это скверно и мучительно.

У Сире я прочелъ твое 1-е письмо, дома — 2-е. Еще разъ благодарю, Маша, за любовь. Быть можетъ, еще намъ суждено быть много счастливыми вмѣстѣ. Диссонансы разрѣшатся въ созвучіе. Неужели моя жизнь окончится диссонансомъ, какъ недоработанная симфонія или пѣснь безумца? Не вѣрю, не вѣрю. Не хочу вѣрить. Поцалуй меня, другъ мой.

Я два дня въ Вѣнѣ, и въ 1-й разъ пишу къ тебѣ. Странно! Не могъ приняться за перо. Подержу его надъ листомъ бумаги, да и оставлю. Прости мнѣ это. Желаніе бѣгать по улицамъ, говорить съ новыми знакомцами, смотрѣть, глазѣть — какъ говорится, — волненіе путешественника — вотъ въ чемъ проходилъ день. А съ полуночи до утра я спалъ какъ убитый. — Вѣна хороша какъ городъ, и на улицахъ много движенія. Вчера въ полночь я, поужинавъ съ Н. и Дв., отправился въ церковь Св. Стефана. Благородная готическая наружность, темный сводъ внутри, органъ, движеніе толпы — все это произвело на меня впечатлѣніе. Н. замѣтилъ — грустное впечатлѣніе; какъ вспомнишь, какъ во время оно входилъ въ храмъ съ религіознымъ благоговѣніемъ — и — и — и какая-то струна въ душѣ лопнула и не звучитъ больше.

Твоя исторія съ англичаниномъ смѣшна и досадна. Но насчетъ position dans le monde — я все-таки, грѣшный человѣкъ, ничего не понимаю. Мѣсто при дворѣ и открытый домъ только даютъ право держать въ почтительномъ разстояніи людей. Я не могу дать этого положенія, ты сама знаешь. Гдѣ же тутъ недостатокъ любви? А мѣсто въ своей комнатѣ между хорошими друзьями — я могу дать; а мѣсто на террасѣ Villa Reale и душу, полную чувства, я могу дать, а остальнаго я не понимаю.

Борьба съ моимъ другомъ Мишелемъ мнѣ нравится. Честь и слава Конст. Кланяйся ему.

Благодарю за Сатина. Маша! еще разъ вникни въ эту глубоконѣжную и страдающую душу, и ты, право, горячо протянешь ему руку.

Прощай! Ты получишь изъ Вѣны еще письмо и гостинецъ—въ генварѣ.

Еще разъ становлюсь передъ тобой на колѣни, кладу голову тебѣ на руки и благодарю за любовь, которая дышетъ въ твоихъ письмахъ, и потомъ крѣпко тебя цалую. Мы вѣдь скоро будемъ вмѣстѣ и счастливы. Благословляю тебя, Маша. Прощай. Помни,

люби меня; люби за теплоту моей любви — это лучшее, что во мнѣ есть.

Горькое пьянство мнѣ отвратительно съ поѣздки на Везувій. Не безпокойся объ этомъ — вотъ тебѣ моя рука — не буду пить до самозабвенія. Но за бутылку вина съ симпатическимъ человѣкомъ не отвѣчаю. — Страннику усталому и любопытному нѣтъ времени для женщинъ. Будь спокойна. — Что-то еще хотѣлъ сказать? Забылъ. Addio, carissima; жму тебя къ сердцу — теплому сердцу — Маша, повѣрь — теплому.

Сегодня праздникъ, и я ѣду въ Прагу. Addio! Поцалуй Сталю— кланяйся всѣмъ.

Можешь подѣлиться многимъ изъ письма или всѣмъ съ Сатинымъ, — я, кажется, много уже не способенъ написать къ нему. Но все же довольно. Я его люблю, какъ самаго нѣжнаго брата.

Получишь письмо изъ Праги, Дрездена, Берлина, Риги, Дерпта, etc... etc... Addio!

Наконецъ я разстаюсь съ моими прескучными спутниками.

40.

Прага, 27 (15) дек.

Здравствуй, Маша! Ночь, день и ночь везла меня карета и наконецъ привезла въ Прагу, чтобъ черезъ нѣсколько часовъ увезти въ Дрезденъ. Можетъ ты догадалась написать въ Дрезденъ на имя Майера. Куда бы хорошо сдѣлала. Теперь-то, когда я совсѣмъ одинъ, я опять понимаю сладость писемъ, вещь, отъ которой я было отвыкъ и начиналъ ненавидѣть писать и получать письма. Но когда не съ кѣмъ слова сказать, но когда ни одного близкаго человѣка возлѣ тебя нѣтъ — тоска безъ писемъ. Пиши же какъ можно чаще. Кажется я не оставляю тебя безъ писемъ; много ли, мало ли, сколько успѣваю, столько и пишу.—Здѣсь мнѣ надо посмотрѣть соборъ, говорятъ — замѣчательный. Послѣ кёльнскаго мнѣ нравится вѣнскій. Чудесное зданіе, такъ и врѣзалось въ память. Сколько я ни наслаждался Колизеемъ и римскими развалинами, но чувствую, что, по моей славянской грустной натурѣ, я больше симпатизирую съ развалинами среднихъ вѣковъ, и печальная природа мнѣ ближе къ сердцу, чѣмъ роскошь Италіи. Однако Италія мнѣ показалась какимъ-то волшебнымъ сновидѣніемъ. А здѣсь, въ славянскихъ странахъ, я не во снѣ, а на яву, и все дѣйствительно трогаетъ за

живое. Я ѣхалъ; опять снѣгъ, поле. Что-то родное отозвалось въ душѣ. Я думалъ о Россіи, и двѣ маленькія пьесы спѣлись на какой-то голосъ, «знаемый дѣтьми». Ты ихъ найдешь на 4-й страницѣ этого листка; за послѣднюю я постою, а 1-я — такъ, — puff.

Я радъ — чему? — что со мной нѣтъ ни Балестрера, который привезетъ тебѣ письмо, ни бельгійца. Addio, любезные товарищи; дай Богъ нигдѣ не встрѣтиться! Однако это гадко съ моей стороны. Они меня проводили такъ ласково, съ такимъ участіемъ... Что жъ дѣлать, что они глупы? Право — это неумѣстная гордость и подлость пренебрегать людьми; а съ другой стороны — глупо тратить жизнь съ дураками. Я даже не обѣдалъ съ ними въ послѣдній день вѣнскаго пребыванія, а обѣдалъ съ Нейманомъ и Дворачекомъ. 1000 разъ благодарю Галах. за это знакомство. Они оба меня приняли такъ симпатически и оба такіе славные люди, что я не пропущу случая еще побывать въ Вѣнѣ. Нейманъ великій англоманъ, но пошире, чѣмъ Мишель. Дв. — славянинъ. Къ стыду моему я признаюсь, что совершенно лишенъ благороднаго желанія слитія славянскихъ племенъ; но все же не могу совсѣмъ отдѣлаться отъ большаго участія къ славянамъ, чѣмъ къ другимъ народамъ. Да вѣдь, ей Богу, безъ пристрастія — это великое племя и будетъ еще играть огромную роль въ судьбахъ человѣчества. Въ славянинѣ ты никогда не встрѣтишь нѣмецкой филистрёзности, французской поверхностности, англійскаго себялюбія, итальянской вертлявости; но въ немъ все: нѣмецкій спекулятивный умъ, французская гуманность, англійская практичность, итальянская хитрость. Даже способность музыкальная, гдѣ чувство гармоніи и мелодіи равносильны, ставитъ его выше нѣмцевъ и итальянцевъ въ музыкѣ. Ты скажешь, что славяне ничего еще не произвели въ музыкѣ, какъ нѣмцы или итальянцы; да, славяне еще ничего не произвели. Они еще не жили. Они будутъ жить и производить. Взгляни на русскихъ артистовъ въ Италіи — да кто жъ, какъ не они, во главѣ искусства? — Прости меня, если я тебѣ надоѣлъ этой диссертаціей. Съ вѣнскаго пребыванія и съ путешествія по славянскимъ землямъ я въ припадкѣ славянизма. Даже на многіе народы сталъ смотрѣть съ другой точки зрѣнія. А Россія-то моя — глава, средоточіе всего поколѣнія. Чортъ возьми! не сердись на меня, другъ мой! Я говорю объ этомъ оттого, что я этимъ одушевленъ, просто крылья новыя выросли и я летаю съ гордостью отъ береговъ Адріатическаго моря до Берингова пролива. — Еще мы съ Нейм. говорили о Шекспирѣ и о древнихъ — и мысль моя вертится въ сферѣ искусства соб-

ственно-поэтическаго, искусства, выраженнаго словомъ. — Вѣдь если бъ ты уѣхала, а я остался на мѣстѣ, тебѣ бы во сто разъ было легче, а мнѣ во сто разъ грустнѣе. На дорогѣ все поймаешь какое-то одушевленіе, а на мѣстѣ — одиночество, тоска, — страшно подумать. Бѣдное мое дитя, милая моя Маша! я въ эту минуту страдаю за тебя и за себя. И что жъ Гал.*) къ тебѣ не пишетъ; это скверно! Я бы желалъ тебѣ столько симпатическихъ писемъ, чтобъ ты не видѣла, какъ время идетъ; желалъ бы и симпатическихъ людей, да это еще рѣже писемъ! — Я нѣсколько разъ думалъ о твоей исторіи съ англичаниномъ. Какъ бы не вышли непріятности! Этотъ шутъ можетъ мстить. Охота тебѣ такъ наотрѣзъ оскорблять людей! Охота людямъ привязываться! Ни винить, ни оправдывать не могу. Но жизнь должна научить получше выносить глупыхъ; они не виноваты, что глупы, и можно удаляться тихо, не оскорбляя ихъ. Во всякомъ случаѣ обратись къ Устинову, если встрѣтятся непріятности, и пожми ему отъ меня руку. Я спалъ крѣпко въ кабріолетѣ и грезилъ объ этомъ англичанинѣ и о Плаутинѣ, про котораго не думалъ давно. Видѣлъ во снѣ, что назвалъ его подлецомъ и чуть не прибилъ за то, что онъ издѣвался надъ моимъ отцомъ во время его безумія, и проснувшись, еще пол-часа все былъ сердитъ. —

Сатина обнимаю; напишу ему изъ Берлина, гдѣ надѣюсь встрѣтить много интереснаго. Черезъ три дня я буду въ Берлинѣ. Но думаю ночь провести въ Дрезденѣ, потому что очень устаю. Кланяйся всѣмъ. Поѣзжай въ Парижъ; дорога лечитъ тоску. Но берегись моря; если бъ можно, я желалъ бы, чтобы ты ѣхала сухопутно.

(Далѣе, на 4-й стр. листка, слѣдуютъ стих. Огарева: «Дорога» и «Кабакъ».)

Да, мнѣ многое и многое хочется схватить изъ поэтической грусти и жизни Россіи. Наша народность довольно оригинальна и содержитъ довольно глубокій поэтическій элементъ, чтобъ трудиться представить ее въ поэтическихъ образахъ. И именно надо спуститься въ низшій слой общества. Тутъ-то истинная народность, всегда трагическая. Высшій и средній слой, довольно уродливо проникнутый европейской жизнью, имѣетъ больше комическаго элемента. Да Господи, Боже мой! Мои два послѣднія письма похожи на диссертаціи. Вотъ поймалъ новую идейку и вожусь съ

*) И. П. Галаховъ.

ней.— Прости, Маша! я могу и надоѣсть, настроившись на оный ладъ.

Теперь дай обнять и расцаловать себя, друга моя! Говорятъ, надо нести письмо на почту. Дай понѣжничать съ тобой на прощанье. Какъ же ты далеко отъ своего друга! Часто обнимаю тебя во снѣ, и такъ грустно становится, что на яву и горы и моря насъ раздѣляютъ. И потомъ я все же утомленъ дорогой и съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда могу пріостановиться въ моихъ поѣздкахъ. Четыре мѣсяца скакать безъ умолку!.. Можешь быть увѣрена, что я изъ Карлсбада *) ни на шагъ не тронусь. Скука смертная ѣздить. Отдохнуть возлѣ тебя — хочу, хочу, хочу. Какъ часто я повторялъ это слово: хочу; а судьба все дѣлаетъ на выворотъ. Прощай, Маша! Иду въ соборъ. Дай ручку! благослови и поцалуй меня, какъ я тебя. Пекись о своемъ здоровьи. Прощай! Стаю цалую. Что онъ? — Еще разъ обнимаю Сатина. Прощай, Маша — прощай...

41.

Лейпцигъ, 29 (17).

Я не писалъ изъ Дрездена, потому что не написалось. Пріѣхавъ послѣ обѣда, я вечеромъ пошелъ въ театръ. Давали «Кортеца» — Спонтини. Пѣли скверно. Опера суха и скучна. Безплодный сюжетъ, написанный совершенно филистрёзно, и филистрёзная музыка. Я подарилъ либретто дворнику въ Hôtel de Rome. Итакъ, я былъ опять въ Hôtel de Rome. Но объ этомъ послѣ. Ѣхалъ я съ французомъ, англичаниномъ, графомъ Пахта (губернаторомъ Ломбардіи) и нѣсколькими нѣмцами. Французъ — типъ легкомыслія. Англичанинъ — типъ самой уродливой странности. Гр. Пахта — благовоспитанный человѣкъ, чиститъ ногти на станціяхъ. Нѣмцы тупы изъ рукъ вонъ. Англичанинъ въ foyer въ театрѣ выпилъ по стакану всѣхъ имѣющихся сортовъ сироповъ и съѣлъ 20 пирожковъ; видно, отъ этого ему показалось слишкомъ дорого заплатить три талера за входъ въ галлерею, и мы ходили съ нимъ пополамъ сегодня. Но возвратимся къ вчерашнему дню. — Пришелъ я изъ театра. Въ сосѣдней комнатѣ пѣла англичанка и какой-то теноръ. Дай Богъ имъ здоровья. Я отдохнулъ отъ скучной оперы. Я слу-

*) Т.-е. будущимъ лѣтомъ.

шалъ ихъ и ничего не дѣлалъ. Слушалъ и плакать хотѣлось. Они пѣли Беллини. Пѣли хорошо. Мнѣ такъ было сладко и грустно. Я одинъ — а ихъ двое, да еще поютъ. Снѣгъ шелъ, площадь стала бѣлая. Я стоялъ у окна и слушалъ. Объ чемъ я думалъ, Маша, не знаю. И не знаю, хорошо ли или горько мнѣ было. Знаю, что когда они кончили, я бросился на постель и — заснулъ. Sic transit gloria mundi.

Сегодня всталъ. Хотѣлъ писать къ тебѣ. Явился Адольфъ. Я чуть не расцаловалъ его. Господи Боже мой! какое я дитя. Я радъ броситься на шею каждому, кто мнѣ сколько-нибудь напомнитъ близкаго человѣка. Ужъ вчера я долго смотрѣлъ на домъ, въ которомъ мы жили; а когда увидѣлъ Адольфа — чуть не заплакалъ. Маша, Маша! много горя въ жизни, много и хорошаго! Забудемъ горе. Мнѣ не было хорошо, когда мы были въ Дрезденѣ. Далеко не было хорошо. Мы были вмѣстѣ — и не близки. Но мы были вмѣстѣ, и я только это помню, и мнѣ горько было быть одному. Хорошенькаго мальчика ужъ не было. Мнѣ служилъ какой-то кривой. Очень хорошо служилъ, но мнѣ было досадно, зачѣмъ не тотъ. Если бъ мы вмѣстѣ слушали моихъ сосѣдей, я бы весь былъ въ музыкѣ; а тутъ я погрузился самъ въ себя, думалъ о моихъ личныхъ отношеніяхъ и личныхъ страданіяхъ — и тосковалъ; и музыка заставляла меня думать о чемъ-то ей постороннемъ, между тѣмъ какъ я обыкновенно имѣю даръ, слушая музыку, ни о чемъ не думать, кромѣ музыки. Я же глупо думаю о самомъ себѣ. Мнѣ всегда моя жизнь кажется преступленіемъ передъ самимъ собою; съ одной стороны я вижу заглушенное чувство, съ другой — неразвитую способность, и мнѣ кажется, что то, что Богъ въ меня посѣялъ, упало на безплодную землю. Что дѣлать, другъ мой; анализисъ — въ воздухѣ, а анализисъ самого себя горекъ, убійственъ, а отдѣлаться отъ него нельзя.

Ну-съ! потомъ я пошелъ въ галлерею. Постоялъ передъ «Ночью» Корреджіо, передъ «Нептуномъ» Рубенса и наконецъ передъ Мадонной. Это мой идеалъ. Я лучше ничего не нахожу. Ты станешь смѣяться — а, право, правда: я заплакалъ передъ Мадонной, и мнѣ стало стыдно. Французъ и англичанинъ оба ходили со мной. Французъ глупъ, а англичанинъ непроходимая скотина. Кстати, французъ былъ два года въ Россіи и въ Петербургѣ, знаетъ Баранта, который писалъ «L'Histoire des ducs de Bourgogne», а въ Москвѣ знаетъ Спиро, который писалъ «Отче нашъ» на выставку. Этотъ французъ — истинная середина между Барантомъ и Спиро, т.-е.

онъ ни герцоговъ Бургундскихъ, ни «Отче нашъ» не умѣетъ написать. Что за вздоръ вертится на языкѣ. Но—впередъ моя исторья! Въ два часа пополудни сѣлъ я въ карету, прицѣпленную къ паровой машинѣ, и въ шесть часовъ очутился въ Лейпцигѣ. Одѣлся и отправился къ Петерсону. Петерсонъ на этотъ разъ живетъ въ Дрезденѣ у столяра Diethe, изъ чего ты можешь заключить, что я его не видалъ. Мнѣ это было жалко. Я люблю его. Онъ не уменъ, но глубоко-внутренній человѣкъ (Gemüth-Mensch), а я это уважаю паче всего. Отправился къ Laube — дома нѣтъ. Завтра въ шесть час. утра отправляюсь въ Берлинъ по желѣзной же дорогѣ. Въ Берлинѣ буду въ два часа пополудни и пробуду 1½ дня. Я ужасно радъ видѣть Фролова. Я его люблю и ради него, и ради Галахова.

Возвратясь отъ безуспѣшныхъ визитовъ въ маленькую комнату въ Hôtel de Bavière — я намаралъ три страницы стиховъ и мараю четвертую къ тебѣ. Время ни больше ни меньше, какъ два часа ночи. Спать не хочется. Скучно! Глупая свѣчка не хочетъ горѣть до утра и скоро совсѣмъ уйдетъ въ подсвѣчникъ. Обидно! Замѣчаешь ли ты пустоту въ моемъ теперешнемъ письмѣ? Ну! это оттого, что во мнѣ самомъ теперь пустота. Самое несносное чувство во время безсонницы. Ахъ, Маша, Маша! Кто жъ отогрѣетъ мнѣ душу? Поцалуй меня, другъ мой! — Маленькая комната, въ которой диванъ съ постелью разодвинулись настолько, что можно пройти человѣку. Печка, отъ которой пышетъ, когда затопишь, а перестанешь топить — комната какъ погребъ. Какъ-то вспомнились казармы! Скучно было тамъ и грустно! Да душа-то была какая живая! Бывало, ночь не спишь оттого, что гордо вѣришь въ себя, въ будущность, въ людей и жизнь иную. А теперь не спишь— и вина не пьешь оттого, что тебѣ это прискорбно — разъ, и оттого, что въ нѣмецкомъ городѣ позже 10 часовъ нельзя достать ни полкапли вина. А хорошо бы! бутылка вина дала бы сонъ. Не брани вино, Маша! Древніе создали Вакха, пьянство олицетворили въ богѣ. А греки были народъ умный, изобрѣли гекзаметръ. — Пожалуйста не бранись, когда станешь читать всѣ эти глупости. Подумай, что такое шляться одному по бѣлу свѣту—и прости. Изъ Берлина я пришлю стихи и напишу письмо посноснѣе.

Прощай, Маша! Благословляю тебя. Обними меня, моя бѣдная одинокая друга. Дай тебѣ Богъ побольше свѣтлыхъ минутъ, чѣмъ мнѣ. Цалую тебя. Adieu, Marie! Мерочка!

Прощай, Маша!

Обнимаю Сатина. Кланяйся всѣмъ. Что Станя? Майеру отдалъ 700 фр., 129 за нами.

Въ Берлинѣ отъ тебя письмо — это вѣрно. Мнѣ надо писемъ отъ тебя. Слышишь ли — надо!

Пиши же почаще и почище.

42.

Берлинъ 1 (янв.) 1842—19 (дек.) 1841.

Два письма отъ тебя, и какія нѣжныя! О! Маша, дай броситься къ тебѣ на шею и еще разъ плакать, какъ я плакалъ читая ихъ. Мнѣ стало хорошо и грустно, стало теплѣе на сердцѣ. Я чувствовалъ, что я связанъ съ жизнью тысячью узами, что̀ все-таки не мѣшаетъ жизни быть уродливой смѣсью противорѣчій и внутри, и внѣ. Но противорѣчія, поминутно возникая, поминутно разрѣшаются. Съ жадностью ловлю я каждый мигъ примиренія. Мигъ примиренія — мигъ любви. Что такое любовь, что такое любовь къ женщинѣ? И, Боже мой! Любовь все одна, все одна и та же, отношенія различны. Нѣтъ ни большей, ни меньшей любви. Настоящая любовь всегда безконечна. Я безконечно люблю тебя, Маша! Но какъ? страсть это или влюбленность? Нѣтъ, Маша, это любовь святая, крѣпкая, глубокая. Знаешь ли ты это чувство — когда положишь голову на плечо женщины и чувствуешь, что душа отдыхаетъ? Вотъ моя любовь. Ты поняла, что мы были очень близки въ Неаполѣ, и я это понялъ. Какъ это сдѣлалось? Не знаю. Но знаешь ли, что Италія, несмотря на антипатію, съ которой ты будто бы взглянула на Неаполь, — Италія разбудила въ тебѣ многія хорошія стороны. Право! не оставляй Италіи. Не ищи счастья за морями. Его не поймаешь на большихъ дорогахъ. Счастье внутри. Счастье — или лучше блаженство — это сознаніе любви, это теплая молитва, это тишина и вѣра. Если бъ можно было всегда поддерживать внутри это любящее спокойствіе, которое обнимаетъ весь міръ, свѣтло разливается на все окружающее, страдаетъ терпѣливо, жалѣетъ, груститъ, но не тревожитъ, не рветъ душу на клочки! Если бъ это только можно! Рѣдки эти минуты! Но ихъ скорѣе можно найти подъ яснымъ небомъ, когда солнце грѣетъ, когда море плещется, когда все зелено, — скорѣе, чѣмъ въ шумѣ людскомъ. Останься въ Неаполѣ. Мнѣ кажется, это лучше. Это не принужденіе — Боже избави. Не этого совѣта слушайся, но внутренняго влеченія. Я это высказалъ, потому что ты сама пишешь объ этомъ. А я бы къ

тебѣ пріѣхалъ встрѣтить весну въ Италіи. О! какъ бы это было хорошо! Но ради Бога — поступай какъ желаешь; мнѣ будетъ тяжело, если я остановлю тебя въ томъ, что тебѣ кажется блаженствомъ или наслажденіемъ. Маша! мы во многомъ не поняли другъ друга. Это много горечи влило въ жизнь, много ранъ растравило въ сердцѣ. Но, мнѣ кажется, раны заживаютъ. Мнѣ кажется, мы лучше понимаемъ другъ друга. Я часто думаю о всей твоей жизни; изъ нея вывожу и цѣню каждое твое чувство и поступокъ. Думай такъ же иногда и обо мнѣ. Дай значеніе каждому моему чувству и поступку вслѣдствіе всей моей жизни. Мы еще болѣе сблизимся, и придетъ время, когда настанетъ совершенная гармонія. Черныя пятна мы простимъ другъ другу. Возьмемъ другъ отъ друга все, что въ насъ есть свѣтлаго, широкаго, нѣжнаго, — и хорошо будетъ. Обними меня, поцалуй и благослови. Хорошо жить на свѣтѣ. Не правда ли?

Ну, теперь отчетъ. Я цѣлый день съ Фроловымъ. Мнѣ кажется, мы другъ другу полезны. Этотъ человѣкъ сохранилъ свѣтъ и энергію на днѣ души; тишина просвѣчиваетъ сквозь всѣ горечи, которыя онъ испыталъ. Оттѣнокъ грусти въ его свѣтлыхъ и спокойныхъ глазахъ совершенно выражаетъ его натуру. Вчера мы встрѣтили Новый годъ. Намъ обоимъ было грустно и мы не смѣли высказать этого другъ другу. Это какъ-то трудно дѣлается. Я читалъ стихи. Онъ еще довольно силенъ въ душѣ, чтобъ дѣлать на поприщѣ литературы. Мы говорили о многомъ. Я опять отдохнулъ. Но все какъ-то грустно было. Кстати, поздравляю съ новымъ годомъ. Отчего не встрѣтили его вмѣстѣ? Новой гармоніи съ новымъ годомъ хотѣлъ бы я, — а какая-то разорванность въ душѣ, въ жизни — непреодолима. Я пришелъ домой печальный. Прилегъ на диванъ и нечувствительно заснулъ. И во снѣ ничего не видѣлъ. И вотъ какъ я началъ новый годъ. А ты — ты какъ его начала? Мнѣ кажется, что ты опять не поѣхала на балъ и встрѣтила его одна и плакала и обо мнѣ думала... Но твердость, твердость, Маша! Разсѣйся, когда грустно. Думай обо мнѣ только тогда, когда на душѣ тихо, любовь свѣтла, грусть терпѣлива. А когда тяжело и мечешься во всѣ стороны — разсѣйся, ѣзди, говори, хотя бы это и надоѣдало, но будь въ движеніи; это хорошее лекарство, противное какъ всѣ лекарства, но полезное. — Фр., право, энергическій человѣкъ. Едва ли бы я такъ же переносилъ столько.

Ну — а теперь очень для тебя интересное. Liszt въ томъ же hôtel'ѣ. Я третьяго дня съ нимъ ужиналъ. Онъ тебѣ много и премного

кланяется. Насилу узналъ меня, потомъ изъявилъ радость. За ужиномъ былъ поэтъ Рельштабъ — несносное существо. Сухой критикъ. Ständchen его лучшее произведеніе. Онъ увѣряетъ, что Шубертъ испортилъ его стихи. Дуракъ нестерпимый! Liszt много говорилъ. Но воля твоя — антипатическая натура, натура внѣшняя. Тщеславіе — а внутри пусто. Я не люблю его. Сегодня его концертъ; — грѣшный человѣкъ — иду въ оперу «Норма», которую хорошо даютъ; воля твоя — это простительно. Завтра «Донъ-Жуанъ», послѣ завтра лекція Шеллинга. Въ философіи много дѣется, ворочается и переворачивается. Въ Берлинѣ нѣтъ много жизни на улицахъ — но какъ-то чувствуешь, что мысль жива. Отчего внѣшность Берлина мнѣ напомнила Москву, не понимаю.

Я не очень здоровъ. Схожу къ Шёнлейну и можетъ быть лишніе дня два пробуду въ Берлинѣ. Шёнлейнъ мнѣ дастъ свидѣтельство. Надѣюсь, что ты не станешь безпокоиться.

За симъ, милый другъ, я кончаю письмо и иду къ Liszt'у. Послѣ завтра еще отправлю письмо, и Сатину также. Обнимаю его. Мегсі, что ты съ нимъ хороша. О, Маша! пойми въ немъ дружбу, и многое тебѣ раскроется. Право! говорю это съ сильнымъ убѣжденіемъ.

Слышалъ Naumann'a. Мягко, чисто — глупая композиція и мало тонкости. Слышалъ «Велисарія». Нѣмецкая опера порядочная.

Прощай, Маша! И писать къ тебѣ хочется, и идти хочется къ Liszt'у, и опять какое-то безпокойство на душѣ. Просто я неспособенъ жить одинъ. А иногда съ людьми неспособенъ жить. Все противорѣчія. Прощай, другъ мой, цалую тебя крѣпко. Тутъ другъ твой вздохнулъ. Прощай еще разъ.

Твой Коля.

Слава Богу, что Станѣ лучше. Кланяйся всѣмъ.

...Но помни лишь, что я тебя любилъ глубоко,
И съ грустію сказалъ тебѣ — прощай!

На четвертой страницѣ стихи, писанные въ очень скорбную минуту въ Дрезденѣ. Они войдутъ въ цѣлое.

(Далѣе слѣдуетъ, подъ заглавіемъ «Дрезденъ», стихотвореніе Огарева, извѣстное теперь подъ другимъ, позднѣйшимъ заглавіемъ: «Gasthaus zur Stadt Rom».)

43.

Берлинъ, 4 янв. (1842 г.) (22 дек. 1841 г.).

Маша! милый другъ Маша! Два дня не писалъ къ тебѣ, и самому досадно и грустно. Я знаю, что̀ тебѣ мое письмо. Но я загулялся въ Берлинѣ. Не подумай, чтобъ зашировался. Очень далеко отъ этого. Мы ведемъ съ Фроловымъ самую скромную жизнь. Мы съ нимъ хорошо сошлись. Можетъ быть, я немного полезенъ этому отличному человѣку. Онъ страдаетъ внутренно*), такъ что и здоровье его отзывается (этого не пиши Галахову)—но энергія его даетъ ему силу учиться, трудиться, смѣяться, и поверхностный глазъ не замѣтитъ въ немъ муки. Много надо тебѣ разсказывать. Съ чего начать? Я видѣлъ Каткова—мы поклонились робко, холодно—но поклонились. Глупо или нѣтъ — но я любилъ Каткова, и рука невольно схватилась за шляпу. Мы издалека видѣлись на лекціи Шеллинга. Онъ носитъ бороду и похожъ на артиста; похудѣлъ и похорошѣлъ. Даже не знаю, хорошо ли сдѣлала, что послала ему денегъ. Онъ щекотливъ, и если узнаетъ, очень оскорбится. Я и Фролову не говорилъ объ этомъ. Но почему же ты думала, что я могу быть недовольнымъ этимъ поступкомъ? Маша! если бъ побужденіе сердца, благородное побужденіе было даже невыгодно или обидно для меня, то и тогда бы я смотрѣлъ на него съ уваженіемъ. Бак.**) въ Дрезденѣ. Кажется, онъ мало учится; голова его замѣняетъ ему занятія, но все же это еще болѣе нехорошо. Я познакомился съ Вердеромъ, который очень милъ, но такъ какъ въ пятницу ставится его драма «Колумбъ», то онъ впопыхахъ и суетится ужасно, и въ этомъ много филистрёзности или нѣмецкости (что одно и то же). Намъ эти картины ужасно смѣшны. Познакомился съ книгопрод. Veit. Я печатаю здѣсь мои переводы на нѣмецкій русскихъ поэтовъ и чуть ли не обязался работой, которая впрочемъ мнѣ по сердцу. Сегодня иду знакомиться съ M-lle Frohmann, дочь книгопродавца, который нѣкогда былъ другомъ Шиллера и Гёте. Она дѣвица той же эпохи. Былъ у Листа съ визитомъ. Куча народа. Онъ въ пальто-cloche съ капюшономъ. Обращается со всѣми какъ всегда — знаешь: —

---

*) Фроловъ незадолго передъ этимъ (въ концѣ 1840 г.) потерялъ жену. Она была сестра И. П. Галахова.

**) М. А. Бакунинъ.

я дескать вамъ дѣлаю милость приласкать васъ. Это для меня нестерпимо. Онъ репетировалъ Гуммелевъ Септетъ. Чудесно! Я былъ въ восторгѣ. Чортъ знаетъ, какъ въ этомъ человѣкѣ геніальное перемѣшано съ пошлою аффектаціей, что̀ все-таки составляетъ противную личность. Во время игры явился М-г съ дамой, очень хорошенькой. Окончивъ, Liszt всталъ, взялъ ее за руку и сказалъ: «Ah! bonjour, chère!» У него это перешло въ манеру. А нѣмочка сказала ganz deutsch: «Ach, es war ja so schön!» — Liszt и мнѣ говоритъ: «Ah! bonjour, cher!» Но я не умѣю въ глаза сказать: ach, es war so schön. И потомъ для этого надо маленькій розовенькій ротикъ. А у этой нѣмочки чудесный ротикъ. Я сказалъ Liszt'у, что писалъ объ немъ. Онъ былъ очень доволенъ. Онъ жалко самолюбивъ. Вердеръ замѣчаетъ нравственное паденіе въ обществѣ, которое ставитъ на пьедесталъ съ подобострастіемъ исполнителя-виртуоза, а не творца. Прежде, нежели перейду къ вещамъ, еще скажу о знакомыхъ лицахъ. Здѣсь въ Hôtel de Russie я нашелъ M-r et M-me Olsoufieff et M-lle Salomon. Ха-ха-ха! Дмитрій-царевичъ и маленькая вѣдьма — въ Берлинѣ. Я отправился съ визитомъ — не засталъ. Вечеромъ я читаю Фролову стихи — вдругъ Demetrius самъ лично является. Фроловъ посидѣлъ и ушелъ, и я имѣлъ часа два на плечахъ этого толстаго Obrist von Ols., который глупѣе чѣмъ когда-нибудь. Онъ повелъ меня къ Амаліи. Амалія! о, Амалія! Амалія стара, Амалія дурна, но ея молодое сердце все еще носится въ платонической любви и ея маленькая ручка все еще гладитъ безшерстную спинку Коринны, которая также въ Берлинѣ. Амалія все еще очень зла. Спрашивала про тебя. Дмитрій хочетъ идти къ Шеллингу на лекцію. Ну! будетъ объ нихъ. Ты у меня просишь сплетенъ etc... вотъ ихъ тебѣ. Ну! дальше!

Я видѣлъ «Норму»! Я видѣлъ «Эгмонта»! Я видѣлъ Клару Штихъ. Я слышалъ симфонію. Норма растрогала меня. M-lle Assandri красавица и хорошо поетъ. Но она субъективно поняла Норму; у ней Норма кроткое, нѣжное, любящее существо, а не страстно-благородное. Но почему же не понять ее и такъ? Можетъ такъ она болѣе еще возбуждаетъ симпатіи и сожалѣнья. Adalgisa — M-lle Marziale — поетъ еще лучше, но не хороша. Полліонъ — M-r Rafaele... забылъ фамилію — глупый теноръ, крикунъ. Но Полліонъ долженъ быть глупъ; онъ и въ пьесѣ глупъ; если ты увидишь «Норму» въ Италіи — вспомни меня; Полліонъ глупъ, какъ пробка. Но Норма! Маша! пожалуйста вспомни меня и въ память мнѣ поплачь при «Casta diva» и «Qual cuor tradesti». Это глубоко выхвачено изъ

души. Я возвратился изъ «Нормы» довольно печаленъ. — Ну, — «Эгмонтъ». Что за созданіе! Гёте великій мастеръ. Есть тутъ лицо бродяги, крикуна народнаго. Боже ты мой, какъ это хорошо! Weiss его играетъ безподобно. Клара — M-lle чортъ знаетъ какъ зовутъ — отвратительно манерна. А что это за милое созданіе Клара! Можетъ быть — это лучшее созданіе Гёте. Впрочемъ, не знаю, и Гретхенъ, и Миньона, и Оттилія хороши. Читай по-нѣмецки, Маша! Вотъ тебѣ занятіе. Дивный міръ раскроется передъ тобою. Читай опять «Фауста», «Wahlverwandschaften», «Эгмонта», «Wilhelm Meisters Lehrjahre». Это торжество женщинъ. Клара, Миньона и болѣзненная Оттилія — торжество женственности. Das Ewigweibliche zieht uns hinan!

Я помирился и съ сномъ Эгмонта. Эгмонтъ (Девріенъ) былъ плохъ. Но Альба (Зейдльманнъ) — чудо! Зейдльманнъ малъ ростомъ, плохо сложенъ. Въ Альбѣ онъ кажется огромный, плотный мужчина, точь въ точь старые портреты Альбы. Онъ спокоенъ, важенъ и страшенъ. Весь характеръ и лицо Альбы. Зейдльманнъ геніальный актеръ. Клара Штихъ, о которой много говорилъ Грановскій, показалась мнѣ слишкомъ нѣмецкою, но умной актрисой. Не дурна собой. Комики: Rüthling, Grün и особенно Beckmann превосходны. Мнѣ собственно надоѣла нѣмецкость и типъ нѣмецкихъ лицъ, особенно женскихъ. Льняной цвѣтъ волосъ противенъ. Въ залѣ «Hôtel de Russie» Moser даетъ концерты à grand orchestre. Играли симфонію Гайдна, увертюры изъ «Eurianthe» Вебера и D-dur симфонію Бетховена. D-dur симфонія глубоко потрясла меня. Исполненіе чудесно. Зачѣмъ же тебя здѣсь нѣтъ, Маша? Мы бы такъ могли наслаждаться!

Образъ жизни мой слѣдующій. Поутру отъ 7 до 12 я дома и занятъ. Я много пишу. Въ 12 я съ Фроловымъ и до 12 ночи. Вечеромъ мы всегда въ театрѣ или концертѣ. Сегодня у Листа. Насчетъ Шеллинговыхъ лекцій я завтра напишу Сатину. Прочтешь у него. Обнимаю его. Прошу его не сердиться, что долго не пишу, зная, какъ это для него нужно. Чортъ знаетъ, Маша! глупая страсть писать стихи—цѣлый день съ Фрол.—не даютъ времени. Это гадко. Но впрочемъ отвлеченіе, право, гуманное и можно простить.

Вотъ я будто въ дѣятельности, будто занятъ. И долженъ бы быть спокоенъ, доволенъ. Ничуть! Съ каждымъ наслажденіемъ растетъ страшная тоска. Опера заставляетъ страдать какимъ-то стремленіемъ, трагедія мучитъ, наука наваливаетъ вопросы, разрѣшимые въ четырехъ стѣнахъ кабинета и неразрѣшимые при первомъ шагѣ

въ свѣтъ. Зачѣмъ моя душа такъ глупо сдѣлана, что всякое впечатлѣніе пробуждаетъ печаль? Я думалъ, что я свѣтлая натура, а каждый стихъ мой плачетъ. Странно и страшно жить на свѣтѣ. Есть вещи, отъ которыхъ съ ума можно сойти—и не сходится; отъ которыхъ умереть можно — и не умирается. Есть вещи, которыя могли бы дать блаженство — они не приходятъ. А кажется, чего бы не доставало для счастья? Могу даже имѣть верховую лошадь — какъ говорила покойная тетушка. Нѣтъ! въ самомъ дѣлѣ, ты меня любишь, и я тебя люблю, — и друзья есть, — и все-таки по большей части —

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, —
Такая пустая и глупая шутка.

Отчего это? Впрочемъ, — это не совсѣмъ мой взглядъ на жизнь. Мой взглядъ глубоко грустенъ, но не такъ отчаянно сухъ. Écoutez:

Какъ звукъ, замолкнувшій безслѣдно,
Какъ пробѣжавшая струя,
Огонь потухшій, вспыхнувъ блѣдно,
Исчезнетъ жизнь моя.
Но звукъ исполненъ былъ стремленья,
Кипѣла волею струя,
Въ огнѣ мелькнуло вдохновенье —
И вотъ что жизнь моя...

Я знаю вліяніе, которое произведутъ на тебя эти 8 стиховъ. Но я сцалую твою слезу, Маша! Милый другъ, Мери — ко мнѣ, ко мнѣ! Право, скучно безъ поцалуя. Но я не хочу тебя тревожить. Время утираетъ слезы. А тамъ мы опять увидимся. Да зачѣмъ же время утираетъ слезы? Развѣ оно сильнѣй и любви, и грусти? Глупо!

Много соціальныхъ вопросовъ пробудилось. Гёте въ «Wahlverwandschaften» задѣлъ безсознательно вопросъ о бракѣ, и разрушительно. Странно! Ищешь выхода и себѣ, и людямъ—и не находишь. Жалко себя, жалко людей!

Учишься ли ты по-итальянски? Выучись такъ, чтобъ въ Карлсбадѣ учить меня. Ты мнѣ споешь въ Карлсбадѣ Qual cuor tradesti и народную пѣсню Неаполя, знаешь—конецъ похожъ на конецъ Vi ravviso, luoghi ameni...

Дай ручку, обнимемся и благословимся. Прощай, Маша! Еще разъ напишу изъ Берлина.

Шёнлейнъ былъ. Написалъ свидѣтельство. Мой ревматизмъ,

который я получилъ при переѣздѣ Mon-Cenis, и отъ котораго такъ страдалъ въ Неаполѣ—все продолжается. Но не безпокойся.

Прощай, Маша! добрая, милая. Цалую глазки, ручки и ножки— и губки. Прощай...

Oh! more than tears of blood can tell,
When run from guilt's expiring eye—
Are in that word: farewell, farewell.

44.

Берлинъ, 25 ст. ст. (дек.).

Сегодня у насъ Рождество. Что-то ты подѣлываешь, Маша? Хотѣлъ бы я на тебя взглянуть. Скучно или весело? Грустно или нѣтъ? Мнѣ грустно. Сейчасъ ушелъ Фроловъ. Мы много говорили о Галах., о Гран., о m-me Kenny*). Фроловъ энергическое, но на днѣ души убитое существо, убитое дѣйствительнымъ горемъ. Въ немъ много доброты, много нѣжности. Я на него смотрю съ удивленіемъ и печалью. Онъ мнѣ показываетъ братское участіе. Благодарю его. Я имѣю всѣ свойства ребенка; мнѣ нужно кого-нибудь, на кого опереться; мнѣ тогда легче страдать, а страданіе невольно составляетъ основу моей натуры. Болѣзненная, жалкая натура! Безсиліе — мой девизъ во всемъ. Отъ этого я и Сатинъ такъ сродны. Мы страдаемъ желаніемъ и безсиліемъ. Прости глупое сравненіе: мы смотримъ на жизнь, какъ старикъ на женщину. Старикъ хочетъ любить и не можетъ; мы хотимъ блаженствовать, и не можемъ. Отчего это? право, не знаю. Много вопросовъ мы перебрали съ Фроловымъ, вопросовъ близкихъ къ сердцу. Вопросы неразрѣшимы, выхода нѣтъ. Во всѣхъ насъ настолько гуманности, чтобъ дѣло счастья человѣческаго сдѣлать нашимъ собственнымъ. Всѣ мы больше страдаемъ страданіями людей вообще, чѣмъ нашимъ личнымъ. Въ этомъ есть по крайней мѣрѣ залогъ теплоты душевной, непроходимой. Горько было бы потерять и это. Сухость всего ужаснѣе. Но, слава Богу, она невозможна. Тяжело, когда отъ пріимчивости впечатлѣній и отъ внутренняго огня страдаешь, но тутъ все же есть сознаніе своей гуманной личности, можно смотрѣть на себя безъ омерзѣнія. Ужъ и это утѣшеніе. Въ страданіи есть любовь, а любовь есть отрада. Но все же душно — и негдѣ вздохнуть пошире. Вопросы

*) Другая сестра Галахова.

философскіе мучатъ. Всякое ученіе доходитъ до пустаго формализма, который доказываетъ односторонность. Кажется, это случилось съ гегелизмомъ. Хочешь изъ него выйти, и выходишь только въ личныя требованія, которыя, можетъ, сходятся на потребность личнаго блаженства, и нѣтъ ничего непреложнаго, нѣтъ полной истины. Гражданственность мучитъ. Наконецъ, своя жизнь, свои личныя отношенія мучатъ, и вездѣ одно страданіе. Было время, я умѣлъ много плакать и скоро утѣшался; теперь мало слезъ, но сосредоточенное страданіе становится тоской. Одно творчество, одинъ трудъ извлекаютъ изъ этой тоски. Но каждый стихъ шепчетъ — я тебѣ говорилъ это; и тутъ — только выраженіе того, что̀ внутри. Стало, внутри очень плохо. Но все же легче, когда можно высказаться. Можно принять жизнь съ двухъ сторонъ — съ комической и трагической. «Pathos» трагедіи лежитъ у меня въ основаніи моей натуры. Но я способенъ и къ комизму. И что̀ всего ужаснѣе, что комизмъ еще страшнѣй и мучительнѣй. Это насмѣшка надъ людьми и собой, надъ своимъ и ихъ страданіемъ.

Вчера былъ концертъ Листа. Я восхищался. Но — но — онъ заставилъ пѣть «Rheinweinlied», квартетъ голосовъ безъ оркестра, его сочиненія; мысль та — der Rhein soll deutsch sein. Король присутствовалъ. Послѣ «Septette» Листъ потребовалъ другой рояль. Сегодня я былъ у него. Говорятъ, что въ первомъ роялѣ клавиши были испорчены прежде концерта, т.-е. сломаны молотки. Eine Kabale! Не знаю, насколько этому вѣрить. Но еще разъ — Листъ внѣшняя, антипатическая натура, которая, бывъ гуманной, когда его хвалила Жоржъ-Зандъ, — сдѣлается чѣмъ хочешь, когда будутъ хвалить другіе. Нехорошо это! Я понимаю, отчего Жоржъ-Зандъ съ нимъ разсталась. Онъ игралъ фугу Баха превосходно. Завтра у него репетиція квинтета принца Прусскаго. Пойду. Концертъ черезъ два дня. А я послѣ завтра ѣду. Концертъ въ пользу построенія Кёльнскаго собора.

Сегодня мы были въ Кёнигштадскомъ театрѣ. Бекманъ былъ забавнѣе, чѣмъ когда-нибудь — и никто изъ насъ не вынесъ веселости. Едва пришли ко мнѣ — явился Олсуфьевъ. Warum? — Um dummes Zeug zu plaudern. — Wie gefällt Ihnen dieses? (Поговорка Бекмана). Но скоро ушелъ. И тутъ-то мы говорили объ Галаховѣ. Фролову хочется, чтобъ онъ женился. Трудно. Едва ли онъ полюбитъ, едва ли выберетъ безъ ошибки и едва ли будетъ счастливъ. Мы придумали ему жену со всѣми превосходствами — насколько его любимъ. Но этотъ идеалъ едва ли найдется въ Москвѣ, едва ли

найдется въ Берлинѣ или Парижѣ; еще менѣе въ Пекинѣ; а съ остальными онъ будетъ мученикъ. Странное положеніе!

Долго я еще ходилъ въ раздумьѣ. Но наконецъ спать пора, второй часъ. Не могу ничего болѣе сказать. Хаосъ въ головѣ. Прощай, Маша! крѣпко цалую и благословляю тебя. Грустна одинокая постель. Въ сердцѣ тоже хаосъ. Прощай! до завтра!

27 ст. ст., 6 час. утра.

Здравствуй, Маша, и прощай! Сегодня я ѣду. Не сердись, что я долго прожилъ въ Берлинѣ. Это было полезно. Я ѣду съ полной увѣренностью, что скоро возвращусь. Ѣду — и мнѣ хочется видѣть Россію, быть въ Россіи, въ Москвѣ и т. д. Вчера я былъ въ театрѣ, видѣлъ «Колумба» Вердера. Есть недурныя лирическія мѣста. Все — уродливо. Мнѣ пришлось узнать Вердера только съ комической стороны; онъ впалъ въ жалобы на дирекцію, какъ Іоганнисъ *), хотя содержаніе въ немъ поглубже. Что это дѣлаетъ самолюбіе! Безуміе да и только! «Колумбъ» былъ просто скученъ. Дикіе смѣшны. Сцена ихъ казни не нужна; бунты матросовъ надоѣдаютъ. Два послѣдніе акта длиннѣе предыдущихъ. Не такъ дѣлалъ Шекспиръ. Всегда послѣдніе акты короче. Знаешь ли ты законъ тяготѣнія? Камень, падающій сверху на землю, падаетъ чѣмъ ближе къ землѣ, тѣмъ скорѣе. Развязка происшествій человѣческихъ идетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ ближе къ концу. Шекспиръ зналъ жизнь. «Колумбъ» — эпосъ, а не драма; его можно разсказывать, а не заставлять говорить. Вотъ тебѣ драматургическія замѣчанія — не знаю, кстати или некстати. Такъ пришлось; много думалъ и говорилъ объ этомъ. Нѣтъ вещи, о которой бы я не думалъ и не говорилъ въ продолженіе этого времени. Ну! что жъ изъ этого? Вчера пришло письмо отъ Галахова. Имъ тамъ всѣмъ очень хорошо, тепло, уютно. Да, въ жизни есть что-то противорѣчащее. Какъ сладить? Кто сладилъ? Развѣ тотъ, кто сдѣлался пошлымъ. Нѣтъ! Покорный слуга! А какъ-то такъ много желаешь счастья своимъ друзьямъ. Иногда будущность представляется мнѣ такою дѣятельною. Я берусь за работы. Я созидаю. Я полезенъ. Я учусь и много узнаю. Чаще — начать работы лѣнь; созданіе плоско; пользы никакой, и я ничего не знаю. Unser Wissen ist Stückwerk, сказалъ Шеллингъ. Отрывочныя понятія и никакой

*) Упомянутый музыкантъ, пріятель Огарева.

связи между всѣми. — Я уже тебѣ, кажется, писалъ, что на лекціи у Шеллинга я поклонился Каткову. Я глупъ и дитя. Я любилъ его и простилъ ему. Вчера мы встрѣтились на улицѣ и говорили; онъ былъ учтивъ и въ замѣшательствѣ, но и радость была видна на его лицѣ; я былъ тронутъ, но принялъ видъ спокойный; мы сказали нѣсколько словъ и разошлись. Оскорбленіе, нанесенное Катковымъ, — совершенно личное; ребяческое самолюбіе не могло расшевелить во мнѣ гнѣва, а развѣ сорвать улыбку. Вотъ отчего прощается Каткову. Оскорбленіе, наносимое Бакунинымъ, гораздо хуже. Его нельзя простить; оскорбленіе всему, что̀ въ насъ глубоко человѣческое. Умъ, который такъ великъ, что показываетъ въ человѣкѣ душу; а между тѣмъ души нѣтъ и все лучшее употреблено какъ средство къ достиженію мелкой цѣли. Это оскорбленіе непростительно.

Я все еще не написалъ къ Сатину, сейчасъ стану писать.

Что̀ же еще сказать тебѣ насчетъ берлинскаго пребыванія. Я доволенъ тѣмъ болѣе, что уже послѣ едва ли я поѣду въ Берлинъ. Впрочемъ, ничего не знаю. Многое начинаетъ представляться еще съ другой стороны. Точка зрѣнія мѣняется. Смотришь дальше, но все, что̀ далеко, представляется смутно. Отъ этого тяжело. Древо знанія сгубило Адама и родъ его — и едва ли есть когда этому искупленіе.

Теперь прощай! Еще дальше отъ тебя! Въ холодъ, въ снѣгъ. Учись музыкѣ и итальянскому языку. Живи въ искусствѣ. Этотъ пріютъ всего надежнѣе. Будь покойна насчетъ меня. Я грустенъ, но спокоенъ. Есть какая-то тишина и вѣра на днѣ души. Можетъ и у тебя есть. Лелѣй это чувство, оно разливаетъ свѣтъ даже и тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ скорби. Прощай, Маша! Люби и помни. Обнимемся и благословимся. Моя привязанность къ тебѣ велика; пусть увѣренность въ ней дастъ тебѣ свѣтлое спокойствіе. Мы увидимся какъ только можно скорѣе; можетъ точка зрѣнія на вещи двадцать разъ измѣнится, но любовь останется та же. Я тебя цалую съ какимъ-то благоговѣніемъ. Прощай, Маша! Твой другъ.

Кланяйся всѣмъ. Цалую Станю.

M-lle Frohmann, пожилая дѣвица Гётевскихъ временъ, восхищалась моими нѣмецкими переводами, за что я ее очень полюбилъ — и пѣла, за что я ее возненавидѣлъ. Она дала мнѣ музыкальныя произведенія внука Гёте — Walther Goethe. Я ихъ тебѣ привезу самъ. Скоро ли это будетъ?

Еще разъ цалую тебя, милая моя Меричка.

45.

1 генваря ст. ст. (1842 г.) Россія. Таурогенъ.

Граница переѣхана. Я дома. Съ какимъ чувствомъ я опять увидалъ родину — я самъ не могу дать себѣ отчета. Но въ душѣ было такое волненіе, что мнѣ надо было сидѣть на открытомъ воздухѣ, чтобъ свободно дышать. Прошедшее, настоящее, будущее — все я перебралъ, то грустно, то съ упованіемъ. Но — все надо тебѣ разсказать въ хронологическомъ порядкѣ. Слушай! Фроловъ посадилъ меня въ кабріолетъ почтовой кареты въ Берлинѣ — и мнѣ казалось, что ему было жаль меня, или я свое чувство перенесъ на него. Мнѣ его жаль было безъ сомнѣнія. Онъ ужасно одинокъ въ Берлинѣ. На его письменномъ столѣ портретъ его покойной жены, прямо у него передъ глазами. Онъ часто вздрагиваетъ, вѣчно въ какомъ-то нервическомъ ознобѣ; а голова свѣтла и трудится. Возлѣ меня въ кабріолетѣ толстый бельгіецъ, добрый малый, какъ всѣ бельгійцы; я думалъ, это — такъ... Но къ великой радости — артистъ, ѣдущій давать концертъ въ Петербургъ —кларнетистъ Бланъ. Много болталось о музыкѣ. Въ дилижансѣ куча народа. Аптекарь бранится съ солдатомъ за то, что солдатъ на станціи цалуетъ служанку при г-жѣ аптекаршѣ. Г-жа аптекарша очень хороша собой, и аптекарь цалуетъ ее при всѣхъ съ утра до вечера. Нѣмцы говорятъ, какъ всегда, очень много и очень скучно. Насилу добрались до Кенигсберга. Тутъ Бланъ цѣлое утро игралъ на кларнетѣ. Боже мой, какъ это играетъ человѣкъ! Я былъ въ восторгѣ; это звуки, которые доходятъ до сердца. Я провелъ два блаженныхъ часа, слушая его; это Паганини кларнета. Онъ и дѣйствительно имѣетъ европейскую славу. Вообрази себѣ, что ему 26 лѣтъ, онъ головой меня выше и 3 головами толще; на лицо дашь сорокъ. Лысый. Но простота, добродушіе и глубокая любовь къ музыкѣ заставляютъ любить его. Изъ Кенигсберга въ Тильзитъ — одна ночь. О, ужасная ночь! въ душной каретѣ съ вонючими жидами. Бланъ говоритъ, что ему было тошно. Изъ Тильзита присоединился къ намъ en tiers frais молодой англичанинъ. Одинъ изъ лучшихъ англичанъ, какаго я только встрѣчалъ. Черезъ четыре часа мы были въ Таурогенѣ — первомъ пограничномъ русскомъ городѣ. Таможни учтивы. Комната въ гостиницѣ отличная. Мы выспались. Черезъ два часа ѣдемъ въ Питеръ. Бланъ съ англичаниномъ, а я съ неизвѣстнымъ русскимъ полковникомъ. Я имъ уступилъ пріятность

ѣхать вмѣстѣ, иначе Бланъ былъ бы съ человѣкомъ, не говорящимъ по-французски. Черезъ четыре дня мы въ Петербургѣ.

Ну! теперь поздравляю тебя съ новымъ годомъ. Въ первый разъ провожу его одинъ, безъ близкихъ сердцу. Мы пили шампанское подъ новый годъ съ Бланомъ и англичаниномъ и много пѣли, но весело не было. Англичанинъ знаетъ кучу англійскихъ народныхъ пѣсенъ, которыхъ мотивы очень милы. Потомъ я легъ; долго не спалось. Во снѣ видѣлъ тебя. Проснулся — грустно стало. Я доволенъ, что я въ Россіи; но до сихъ поръ я такъ одинокъ, такъ между чужими, что не образумлюсь. Поцалуй меня, Маша! обними крѣпко — благословимъ другъ друга. Итакъ, 42-й годъ — мы врозь. Что-то не ловко на душѣ. Прощай. Товарищи просыпаются. Одѣваться въ походъ. Addio! вотъ еще стихи на прощанье:

Туманъ упалъ на снѣгъ полей,
И утро дышетъ холодно,
И въ небѣ солнце безъ лучей
Стоитъ, какъ блѣдное пятно.
И горе страннику, чей взоръ
Не видитъ далѣ — близорукъ!
И чьи уста твердятъ укоръ,
Кто духомъ палъ подъ ношей мукъ.
Но вѣрю я, что тамъ лежитъ
Безбрежно-тихій, теплый край,
Гдѣ солнце яркое блеститъ,
Цвѣтетъ и дышетъ вѣчный май.
Сквозь мглу унылую смотрю, —
Душѣ ясна иная даль,
И Бога я благодарю
И за туманъ, и за печаль.

Кланяйся всѣмъ. Цалую Станю. Обнимаю Николая. Всѣмъ счастливый годъ. Въ Питерѣ найду отъ тебя письма.

Прощай! Цалую тебя еще разъ. Addio!

46.

Петербургъ. 10 генв. ст. ст. Hôtel Coulon.

Два дня уже я въ Петербургѣ. — Съ чего начать? Начну съ того, что̀ ближе къ сердцу, — съ твоего письма. Знаешь ли, что я никогда не бывалъ такъ доволенъ твоими письмами, какъ теперь. Ты

никогда не была такъ нѣжна. Я даже нашелъ упрекъ, что не говорю ласковаго слова въ письмахъ. Другъ мой! Это неправда. Я не могъ не быть ласковымъ въ письмахъ, потому что у меня въ душѣ есть ласка; я ее чувствую. Еслибъ мнѣ можно было теперь одинъ часъ держать тебя въ объятіяхъ, поцаловать и плакать — я бы отдалъ годы жизни. Во мнѣ есть въ самомъ дѣлѣ перемѣна, но не въ отношеніи къ тебѣ, а въ отношеніи къ жизни. Не знаю, съ чего у меня такая тоска на душѣ, что я пересказать не могу. Какъ-будто у меня кого-нибудь изъ близкихъ не стало, какъ-будто у меня ничего нѣтъ на свѣтѣ, что̀ бы меня привязывало къ жизни, — вотъ чувство въ этомъ родѣ. Оно невольно должно было высказаться въ письмахъ. Не его ли ты приняла за холодность? Нѣтъ, Маша, тутъ нѣтъ холодности. Я знаю, что это чувство ни на чемъ не основано, совершенно ложно; а между тѣмъ страдаю безконечно. Еслибъ ты на мигъ явилась и сказала бы утѣшительное слово, просто посмотрѣла бы съ любовью — я бы отдалъ годъ жизни. Ужъ не разлука ли наша произвела его? Не знаю. Я думаю, что въ разлукѣ можно быть сильну духомъ. Это какая-то нравственная мучительная болѣзнь. Можетъ быть нервическій припадокъ. Но я ни на что не могу взглянуть, ни на что прекрасное не могу взглянуть, — не почувствовавъ мучительнаго отрицанія. Увижу хорошенькое личико — мнѣ кажется, вотъ она умретъ; увижу хорошаго человѣка — мнѣ кажется, онъ долженъ быть ужасно несчастливъ. Во всемъ мнѣ выказывается темная, отрицательная сторона. Странно и несносно, какъ безсонница. Когда я читалъ твое письмо, мнѣ было легче, потому что я плакалъ. Я чувствовалъ, что меня любятъ. Но въ этомъ домѣ, гдѣ я теперь, столько дурныхъ воспоминаній! Но авось ли дурное не повторится. «Авось» — главное выраженіе жизни русской, да и вообще человѣческой жизни. Наша разлука — не нападай на нее; я не хочу укорять судьбу ни въ чемъ. Разлука показываетъ, что мы любимъ другъ друга. Благодарю судьбу за это. Вычеркну изъ памяти все, что̀ было въ апрѣлѣ и маѣ. Вѣдь мы любимъ другъ друга, Маша? Ты сама это говоришь. И я это говорю. Давай вѣрить!.. Я не могу жить одинъ. Теперь нѣтъ ни одного человѣка, кто бы меня поднялъ духомъ. Я думаю, мнѣ отъ этого такъ тяжело. Ты новый годъ грустно встрѣтила! Бѣдная моя Маша! Я одинъ новый годъ*) встрѣтилъ съ Фроловымъ. Мы оба будто не смѣли сказать, какъ намъ

*) Т.-е. по новому стилю

было тяжело. Другой новый годъ я встрѣтилъ въ Таурогенѣ глупо; я объ этомъ писалъ тебѣ. Кстати, я писалъ тебѣ 3 письма изъ Рима, 1 изъ Болоньи, 1 изъ Венеціи, 2 изъ Тріэста, 1 изъ Вѣны, 3 изъ Берлина, 1 изъ Таурогена. Всѣ ли ты получила? Это письмо идетъ съ Крюковымъ, который будетъ въ Неаполѣ, но письмо пошлетъ прежде. Тебѣ балы сыплются, когда ты ихъ не хочешь. Можетъ быть я много испортилъ твою жизнь; это тяготѣетъ надо мною. Я, пріѣхавъ сюда,— отправился къ Виссаріону *). Онъ въ Москвѣ. Панаевъ и Язык. были мнѣ рады. Панаевъ написалъ повѣсть въ 1 № превосходную. Никогда не писалъ такъ хорошо. Повѣсть называется «Актеонъ»; это — продолженіе «Онагра». Повѣсть вырываетъ слезы. Сегодня я пріѣзжаю къ Носкову. Тихо вхожу въ комнату. Онъ увидалъ меня и бросился ко мнѣ на шею; у него были слезы на глазахъ. Мнѣ стало стыдно, что меня такъ любятъ. Но это была моя лучшая минута въ Петербургѣ. Смотрѣлъ m-me Allan. Она умѣетъ меня трогать ужъ и тѣмъ, что я ее вижу; это субъективно; я съ нею вижу какую-то часть моего прошедшаго — и, самъ не знаю почему, ни одного факта изъ жизни не связывается съ этимъ. Brassant былъ превосходенъ. Я видѣлъ Тальони въ балетѣ: «Dux». Балетъ такъ глупъ, что и Тальони не можетъ произвести большаго впечатлѣнія. Но я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на ея благородную фигуру и граціозныя движенія.

Когда среди людей стою я одинокъ,
И взоръ нечаянно встрѣчаетъ въ ихъ собраньѣ
Красавицу — едва раскрывшійся цвѣтокъ,
Грацьозно-легкое, роскошное созданье, —
Мнѣ вдругъ становится такъ страшно за нее!
Я думаю — какъ локонъ русый посѣдѣетъ,
Чело наморщится, согнется станъ ея,
Померкнетъ ясный взоръ и жизнь оцѣпенѣетъ...
И мало ли съ чего намъ можно постарѣть!
Есть тайная тоска, — съ нея старѣютъ рано;
И мало ли съ чего намъ можно умереть!
Есть скорби тайныя, — съ нихъ умираютъ рано.

Въ 1 № «Сказка для дѣтей» Лермонтова. Это — начало стихотворнаго романа. Это просто роскошь. Ключниковъ здѣсь и не доволенъ имъ. Прости ему Господи. Можетъ быть — самая лучшая пьеса Лермонтова. Я спишу и пришлю тебѣ.

---

*) Т.-е. къ Бѣлинскому.

Володя былъ у меня, я былъ у него, и мы не застали другъ друга. Хастатовъ хлопочетъ. Я имъ очень доволенъ. Но сегодня хотѣлъ меня вести и — я не засталъ его. Виною оказался человѣкъ, который не зналъ, что онъ дома. Я много надѣюсь. Но не иначе могу знать, какъ дня черезъ три, и тогда къ тебѣ напишу. Хастатовъ выходитъ въ отставку. Хочетъ ѣхать за границу. Да, говоритъ, не могу иначе жить — надо, чтобъ я былъ влюбленъ. Такая душка этотъ Хастат.! У Панкратьевой былъ. Она глупа по-прежнему. Больше ни у кого еще не былъ. Постараюсь скорѣй побывать вездѣ и все кончить. Еще праздники мѣшали ради дѣла съ крестьянами*)— ergo ничего не знаю. Столыпиныхъ здѣсь нѣтъ. Они, говорятъ, даютъ балы въ Саратовѣ. — Хастатовъ тамъ былъ, ѣздивъ на Кавказъ хозяйничать. Я веду себя очень аккуратно. Вѣрь, что ради тебя ничего опрометчиваго не сдѣлаю. Но мнѣ здѣсь нестерпимо скучно. Письма на почтѣ отъ тебя не нашелъ; говорятъ, что еще почта не приходила. Какъ же это знать только то, что̀ ты мѣсяцъ тому назадъ дѣлала! Это ужасно! Грановскій такъ счастливъ, какъ достоинъ быть счастливымъ**). Крюковъ превозноситъ его жену. Я очень обрадовался Крюкову. Рѣдкинъ издаетъ журналъ юридическій. Баронъ***) переводитъ и печатаетъ Шекспира. Да! Я желаю видѣть ихъ. Хорошо чувствовать теплое рукожатіе. Но я не знаю — мнѣ вездѣ тошно. Пиши мнѣ о себѣ со всею подробностью. Я умѣю жить такъ, что никакихъ фактовъ не представляется; а внутренняя борьба чувствительна, и только, — и то потому, что больно. Но зачѣмъ я тебѣ пишу то, что̀ не можетъ тебя успокоить. Что̀ же дѣлать, когда въ душѣ ничего другаго нѣтъ! Блѣдное небо и снѣгъ мнѣ милы, но печальны. Кстати, снѣгу почти нѣтъ. Всѣ ѣздятъ на колесахъ по дорогамъ, а въ городахъ на саняхъ очень скверно. Что̀-то будетъ съ будущимъ урожаемъ?

Маша! Поцалуй меня и благослови, какъ я тебя. Отведи мнѣ душу. Я задыхаюсь просто. Мнѣ тебя надо. Особенно теперь надо. Маша! Мы страдаемъ — и насъ нѣтъ другъ съ другомъ! Зачѣмъ это? Прощай!.. Кланяйся Сатину. Изъ сего письма онъ узнаетъ обо всѣхъ.

---

*) Рѣчь идетъ о крѣпостныхъ Огарева (с. Верхній-Бѣлоомутъ, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губ.), которыхъ онъ отпускалъ на волю. Съ цѣлью оформить эту сдѣлку онъ и пріѣхалъ въ Петербургъ.

**) Грановскій женился незадолго передъ этимъ (15 окт. 1841 г.).

***) Н. Х. Кетчеръ.

Поцалуй Станю. Всѣмъ мое почтеніе. Жалко m-lle Seidl. Кланяйся ей отъ меня. Прощай, Маша! Черезъ три дня еще напишу. Addio. Еще разъ цалую...

47.

Москва.

Уже давно я къ тебѣ не писалъ. 1-е — былъ въ дорогѣ, 2-е — почта ходитъ не ежедневно. Пріѣзжаю къ Галахову — нахожу твое письмо. Долго я собирался писать — и не могъ до сихъ поръ; я былъ какъ въ лихорадкѣ, пока читалъ его, и послѣ. Это ужъ такъ невыносимо тяжело, что я не знаю, куда голову преклонить. Сомнѣнія, упреки! Да еще бы съ нѣжностью, а то съ жесткостью — ничѣмъ неоправданной. Я холоденъ, говоришь ты, въ моихъ письмахъ. — Богъ тебѣ судья, Маша; ты будто сердишься за то, что я пишу стихи, и говоришь, что если мнѣ грустно — ну! напишу стишокъ и очень доволенъ. Маша! и ты не видишь, что, слава Богу, есть выходъ изъ жизни въ искусство, и не видишь также, что стихъ не выгоняетъ горя, а возводитъ его до творчества. Ты страдаешь — я это знаю. Я люблю тебя, другъ мой; я бы хотѣлъ, чтобъ каждая минута твоей жизни была счастлива, исполнена любви, широкаго блаженства, и все на свѣтѣ готовъ для этого сдѣлать; но ты сама не потребуешь безчестнаго поступка, а отказаться отъ поэзіи, отъ своей человѣчности — безчестно. Ну! то-есть я не могу равнодушно вспомнить твоего письма; оно меня раздираетъ. Знать тебя несчастливой, страдающей вдалекѣ — невыносимо. Но ты говоришь, что я несчастливъ; — я страдалецъ по своей внутренней натурѣ, ты это знаешь; — а безъ тебя не могу идти дальше въ жизни — и это ты знаешь, и за что же всѣ упреки? Видѣть, что ты мучишься безвыходно, видѣть, что ты съ каждымъ письмомъ больше и больше раздираешь мнѣ душу, — ужасно. Маша, бѣдный, милый другъ мой, прошу на колѣняхъ, со слезами, успокойся, люби меня такъ, чтобъ тебѣ въ голову не пришло упрекать жестко. Поцалуй меня — такъ давно я не прижималъ тебя къ сердцу. Хочется отогрѣть тебя, бѣдный мой ребенокъ, ты тамъ зябнешь одна. — О нападеніяхъ противъ *нихъ**) — не скажу ни слова, потому что мы обѣщались другъ другу не говорить объ этомъ. — Маша! зачѣмъ мутить наши отно-

*) О друзьяхъ Огарева.

шенія жесткими упреками? Развѣ я не знаю, что ты сама не вѣришь ни твоимъ сомнѣніямъ, ни упрекамъ, а вѣришь только, что я тебя люблю, что я стремлюсь къ тебѣ, что броситься тебѣ на шею для меня блаженство. Намъ было хорошо въ Неаполѣ, и ты будто не помнишь и не сознаешь, что мы близки, нужны другъ другу, — а не должны стоять feindselig. Но я и самъ-то боюсь начать упреки. Полно объ этомъ. Сядь ко мнѣ, обними и успокой меня, моя дѣвочка! Мнѣ такъ тяжело, что не знаю, куда дѣваться. Пріѣзжаю къ Галахову. M-me Kenny *) въ чахоткѣ, Фроловъ явился въ Москву, и у нихъ въ домѣ тяжело бывать; а m-me Kenny такъ мила, что-то такое кроткое и милое въ ней. Сестра моя **) разорилась—съ большимъ трудомъ я надѣюсь спасти ей тысячъ шесть доходу. Плаутинъ все проигралъ. Они ѣдутъ въ Кострому, въ деревню къ его матери. Гнусность этого человѣка необычайна. Я былъ всѣмъ этимъ разстроенъ. А тутъ еще твое письмо. Я былъ какъ помѣшанный — не спалъ ночь и не могъ даже писать къ тебѣ; но только въ душѣ копилась горе́чь великая. Хандра нестерпимая мучитъ меня. Да за что же мы оба мучимся, Боже мой? Но скоро мы будемъ вмѣстѣ— можетъ опять будемъ покойнѣе. Намъ хорошо было въ Неаполѣ, Маша. Ради Бога, не забывай этого; вычеркни изъ памяти горькое и оставь только то, гдѣ была любовь, и намъ будетъ хорошо. Я хотѣлъ бы лелѣять тебя, какъ цвѣтокъ, чтобъ тебѣ всегда было тепло и свѣтло; Маша, если не умѣю, если не нахожу въ себѣ достаточно элементовъ, чтобъ сдѣлать твое счастье, если ты страдаешь —не моя вина; желаніе искренно, любовь искренна. Вотъ и все. Если я тебѣ нуженъ, повѣрь, что и ты мнѣ нужна; это всегда взаимно. Ради Бога, оставимъ упреки. Зачѣмъ мучить другъ друга, когда мы можемъ любить другъ друга? Обнимемся, благословимъ другъ друга, и да будетъ съ нами миръ и любовь.

Ну! хочешь московскихъ новостей? Изволь. 1-е — умерли: Варвара Ив. Юшкова, А. Д. Мансурова (de mauv. mal.), Обольянинова, дочь сестры, твоя крестница, мать Кетчера, дочь Щепкина меньшая, la passion de Katkoff, Иванъ Васильевъ Немродовъ, Степанъ Сазоновъ. — Видишь, смертность сильная во всѣхъ сословіяхъ. — Женились: кромѣ Грановскаго — никого. Онъ блаженствуетъ. Барышни же всѣ въ дѣвкахъ. Лиза Бибикова была костю-

*) Сестра И. П. Галахова и покойной жены Фролова.
**) Анна Платоновна, замужемъ за Плаутинымъ.

мирована Перувіанкой съ большими перьями на головѣ. Душа Кобылина больна, и я ее еще не видалъ. M-me Sailhas*) не больна, и я ее видѣлъ. Онѣ ужасно скучаютъ — все однѣ да однѣ. Беременность мѣшаетъ графинѣ выѣзжать. Вообще такъ вездѣ пусто. Домъ Розенбергъ продалъ. Нашелъ я у m-me Sailhas наши старыя мебели. Мнѣ стало грустно. Какъ это все проходитъ — и радость, и горе, — и что̀ изъ этого всего будетъ? Еще кое-что, что̀ опять пройдетъ. Скучно жить на свѣтѣ, господа! Грановскій мнѣ далъ обѣдъ; его жена мила, не хороша собой, но въ ней что-то наивное, gemüthlich, — свѣтленькіе глазки, свѣтлое сердце. Василій Петр.**) далъ мнѣ обѣдъ. Обѣдалъ я у m-me Sailhas съ глазу на глазъ. Ховр. еще не видалъ. M-lle Chouchou***) произвела эффектъ необычайный; она на всѣхъ балахъ, и всѣ отъ нея безъ ума. Léon Gagarine въ гусарахъ гдѣ-то въ Вереѣ. Онъ промотался въ пухъ, имѣетъ актрисъ и ревнуетъ жену такъ, что сжегъ ей плечо сигарой. Онъ проигралъ часы Бугаевскому (который все живъ) и не отдавалъ. А тотъ пріѣхалъ къ Леону, да и взялъ ихъ. Léon сказалъ, что Буг. укралъ у него часы. Потомъ они судились. Доказано, что Леонъ подлецъ. Генералъ ему сказалъ: «Вы надѣетесь на свою знатную родню». А Леонъ отвѣчалъ: «Какое! у меня и теща — Мартынова». Это мнѣ ужасно нравится.

Елагина—славная женщина. Гоголь груститъ—«Мертвыя Души» не прошли. — Ну, что жъ еще? Право не знаю. Тоска смертная. Въ Н. я провелъ время тихо и умно.

Помѣшали. Галаховъ былъ сейчасъ. Онъ благодаритъ тебя за письмо. Онъ очень разстроенъ. M-me Kenny, кажется, хуже. Очень слаба. Гал. напишетъ письмо къ кн. Гагар., за которымъ ты можешь послать въ русское посольство. Письмо къ Тургеневу также отправится — и ты за нимъ пошлешь. Mais c'est une réputation douteuse — слыветъ умнымъ и благороднымъ человѣкомъ, а Богъ знаетъ. Кобылина въ Парижѣ. Адресъ ея: Rue basse du Rempart № 48, M-r le Comte de Naurais, а онъ ужъ и скажетъ, гдѣ ее найти. — Да вотъ бѣда, что отъ Тучкова писемъ не имѣю, а денегъ онъ не высылалъ, хотя онѣ и должны быть, и письмо мое имъ получено. Изъ Бѣло-

---

*) Графиня Саліасъ, писательница (Евг. Туръ), урожденная Сухово-Кобылина.

**) В. П. Боткинъ.

***) Дочь Ховриной, красавица, за которою въ Римѣ, весною 1840 г., ухаживали Станкевичъ и И. С. Тургеневъ.

омута мнѣ на-дняхъ привезутъ. Ты можешь для скорости взять у Ротшильда, а ему вышлю вексель на Турнейзена. Устиновъ и Долгорукій тебѣ это обдѣлаютъ.

Но ты мнѣ не пишешь, ѣдешь ты или нѣтъ, а только Галахову. Маша! гдѣ ты, что ты? Право, такъ грустно, что мочи нѣтъ. Отъ внутренняго волненія съ твоихъ писемъ, разлуки, сестры, etc., etc. — и отъ вчерашней стерляди у Вас. Петр. — я нездоровъ и сижу дома сегодня. Ѣздить скучно. Je suis dans une disposition insoutenable.

Почта ходитъ въ понедѣльникъ и четвергъ. Въ понедѣльникъ пошлю большое посланіе тебѣ. Сегодня цѣлое утро мѣшаютъ, а между тѣмъ пора на почту посылать. И Сатину въ понедѣльникъ напишу. У него ни гроша денегъ, а Астраковъ не можетъ выслать. Но постараемся къ понед. Бѣдный Астрак.! У него водяная (хотя и лучше), и онъ почти помѣшанъ. Нигдѣ ничего утѣшительнаго.

Маша! Хотя бы ты утѣшительное что написала. Прощай, другъ мой, — спѣшу на почту. Обними и поцалуй меня. Маша! да не раздирай меня сомнѣніемъ; я и безъ того въ хандрѣ. Счастливъ я по натурѣ не могу быть. Но много минутъ счастья можешь ты мнѣ дать. Прощай! Люби меня... Цалую тебя 20 т. разъ.

48.

5 (17) февраля.

Гдѣ ты? что ты? Ждалъ долго твоего письма; нѣтъ! Наконецъ рѣшаюсь писать еще разъ въ Неаполь. Лучше еслибъ я получилъ еще письмо; можетъ быть тяжелое, непріятное впечатлѣніе, которое на меня имѣло послѣднее, исчезло бы. Это впечатлѣніе меня преслѣдуетъ. Ты разбранила все, что во мнѣ есть хорошаго; но послѣ этого за что жъ ты меня любишь? Но полно упрекать; скажи лучше, что это писано въ припадкѣ тоски, — и протяни мнѣ ручку. Я же не могу отбиться отъ этого припадка непроходимой хандры. Даже за бутылкой я не веселъ, и не хочется никуда выѣхать изъ дома — да и только. Взялъ у Гранов. книгъ, сижу да читаю. Я долго ѣздилъ, ничего не дѣлая. Голова становится пуста; можетъ и отъ этого такъ нестерпимо скучно, пусто. Выходъ нуженъ; стиховъ что-то не пишется съ тѣхъ поръ, какъ ты въ стихотворствѣ увидѣла удовлетворенный эгоизмъ. Ну! — наука, если не искусство. Фро-

ловъ пріѣхалъ сюда; вотъ человѣкъ сильный; ужъ какъ его горе гнететъ, а ничего не видать; отражается это горе на тѣлѣ—только; онъ, очевидно, самъ боленъ. А мы съ Галах. совсѣмъ не такіе; мы промечемся да и расшибемся. Онъ такъ разстроенъ, что на него тяжело смотрѣть. Они всѣ думаютъ везти m-me Kenny назадъ въ теплую сторону, да едва ли она до весны дотянетъ. А какое у ней славное лицо, несмотря на болѣзнь, и такая кроткая и милая натура. Serge Гал. съ женою здѣсь, носитъ усы, а жену возитъ. Ты не сердись на Jean *), если онъ опять не написалъ; ему бѣдному такъ трудно. Имъ трудно, и, кажется, въ самомъ дѣлѣ, послѣ ихъ несчастій — куда я лѣзу съ моимъ горемъ? А между тѣмъ оно для меня такъ же дѣйствительно и такъ же важно. Фр. говоритъ, что я неизлечимъ, т.-е. тоска моя, т.-е. этотъ Гамлетовскій элементъ—сомнѣніе, рефлексія, Gruebeln. Мой день проходитъ кой-какъ. Нѣсколько разъ обѣдалъ я у Гран., у m-me Sailhas, у сестры, разъ у Ховриной. Видѣлъ Душу К., которая больна, но все такъ же хороша. Душ. Паш. вышиваетъ въ пяльцахъ, танта Ольга похудѣла ужасно. Sophie Pachkoff часъ отъ часу принимаетъ видъ головы, съ которой бился Русланъ. Ужасъ что за величина головы!.. а маленькая мала. — Сестра моя по обыкновенію въ половину понимаетъ или очень хладнокровно принимаетъ будущую бѣдность. Дѣти милы. Иноземцевъ говорилъ про Станю, чтобъ ему масла (huile) давать въ волю, если онъ ѣсть хочетъ, и вообще давать бы ему больше воли во всѣхъ поступкахъ и желаніяхъ. — Ховрина въ большомъ свѣтѣ московскомъ; Chouchou принята съ рукоплесканіемъ, и въ самомъ дѣлѣ славная дѣвочка. Но въ нихъ обѣихъ есть что-то такое остановленное, съ чѣмъ никакъ не сладишь. Lise Чирковъ больна и скучна. Nicanor толстъ невѣроятно. Вообще со всѣми скука неотразимая и невыразимая. Вчера поутру былъ у Чаадаева matinée — скука! M-me Séniavine donne de matinées. Вотъ тебѣ все о Москвѣ и московскихъ. Денегъ мнѣ ни откуда не везутъ и не шлютъ, несмотря на мою (и твою) крайнюю нужду. Представленіе пошло въ Петербургъ. Немедленно жду рѣшенія, т.-е. не жду, а на-дняхъ ѣду въ деревню, но прежде дождусь твоего письма, которое мнѣ необходимо. — Теперь вотъ тебѣ разсказъ о томъ, какъ мои дни устраиваются: отъ 8 до 1 дома — читаю. Отъ часу до 10 вечера внѣ дома. Отъ 10 до часу ночи читаю, потомъ сплю. Три ночи сряду

*) Т.-е. на Ив. П. Галахова.

вижу тебя во снѣ, Маша! Что это значитъ? Я сплю довольно мало, чтобъ ничего не видѣть во снѣ, но теперь все тебя и только тебя вижу, и ты такъ грустна и нѣжна; и, проснувшись, мнѣ тяжело, я еще больше тоскую. Маша! несмотря на то, что я пишу стихи, право у меня много любви и преданности, больше чѣмъ ты думаешь. Исключительности я не понимаю, это правда; но гармонію привязанностей къ людямъ — я бы могъ понять. Да Богу не угодно. Ты меня упрекала въ холодности. Иногда мнѣ самому кажется, что я холоденъ какъ ледъ, оттого, что какая-то пустота и неудовлетворенность въ душѣ; да ужъ многому и не вѣрится. Какое-то удручающее чувство, отъ котораго просто задыхаешься, господствуетъ во мнѣ. Будетъ ли когда выходъ—не знаю, а теперь хоть ложись и умирай, такъ, кажется, только одного и попросишь у Бога, чтобъ никто обо мнѣ не плакалъ.

Вчера обѣдалъ съ Гоголемъ; онъ былъ очень милъ. — Кенъ съ женой въ Парижѣ; они родня Тургеневу.

Я думаю, ты этимъ письмомъ будешь менѣе довольна, чѣмъ какимъ-нибудь. Я и самъ имъ недоволенъ. Да что дѣлать? Нельзя вызвать изъ души чего въ ней нѣтъ. А въ моей душѣ теперь пустота совершенная. Я даже съ трудомъ могу приняться за перо. Что сказать? Что я глупъ и скученъ? Стоитъ ли это того! А больше ничего нѣтъ во мнѣ. Я читаю даже только для того, чтобы не опуститься совсѣмъ, чтобы быть заняту, — принуждаю себя читать. Взялъ нарочно историческія книги, чтобы быть заняту безъ размышленія. Мышленіе вообще, спекуляція — не даетъ мнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, или лучше не дается мнѣ. Жизнь въ дѣятельности человѣческой тяготитъ; личныя отношенія мучатъ. Я не знаю, куда преклонить голову. Скорѣй бы ужъ въ деревню и совершенное одиночество. Да тамъ съ ума сойдешь. — Скорѣй назадъ къ тебѣ. Буду спѣшить. Можетъ быть будетъ лучше. Странное дѣло: я не вижу довольныхъ лицъ. Всѣмъ скучно, грустно, кому отъ чего; кто мучимъ думою, кто — обстоятельствами. Гдѣ свѣтлая молодость, когда все было весело, всему вѣрилось? Всѣ-то мы постарѣли.

Кончу это глупѣйшее изъ глупѣйшихъ писемъ.

Обними и благослови и поцалуй меня, моя Маша! Не брани, а жалѣй. Pitié — я рѣшаюсь уже даже это жалкое чувство вымаливать.

Сат. мы еще не написали, но обнимаемъ его.

Кланяйся всѣмъ. Ховр., кажется, не такъ скуна, да и, можетъ,

съ своей стороны (entre nous soit dit) имѣетъ право быть недовольною Анетой.

Обнимаю тебя! Бѣдный другъ — свою бѣдную Машу. Прощай! Скучно жить на свѣтѣ, господа.

49.

Февраля 12 (24). Москва.

Твоимъ послѣднимъ письмомъ я былъ гораздо довольнѣе, другъ мой! Я вижу, что ты спокойнѣе, да и наслаждаешься хорошими вещами. Музыка и море! — право, мнѣ кажется, ничего больше въ жизни не нужно. Но гдѣ застанетъ тебя мое письмо, не знаю. Гнѣ бы то ни было, лишь бы нашло тебя счастливою. Трудно сладить съ жизнью, трудно примириться въ душѣ съ самимъ собою. Задачи не разрѣшаются, желанія не удовлетворены, настоящее скучно. Къ сожалѣнію, ни ты, ни я, никогда не примиримся съ жизнью. Я отъ нея требую немного — и того она не даетъ; ты требуешь много — и того она не даетъ. До вѣчности далеко, а пока тоска смертная. Вчера однако я провелъ день хорошо. Обѣдалъ у Ботк. и оставался до полуночи. Лангеръ все время игралъ на фисгармоникѣ. Давно я не имѣлъ такаго удовольствія. Тутъ же я встрѣтилъ стариннаго знакомца — Мосолова. Хорошій малый! Счастливый человѣкъ! Артистъ, вѣчно живетъ въ деревнѣ, занимается живописью — и только. Живетъ вдвоемъ, т.-е. съ женой — и больше имъ никого не надо. Я его узналъ третьяго дня въ театрѣ, не видѣвшись лѣтъ десять. Въ театрѣ я былъ только разъ. Давали «Матроса», водевиль, довольно дурно переведенный, но хорошій. Матросъ возвращается на родину послѣ двадцати-лѣтняго плаванія. Его считали умершимъ. Жена его вышла замужъ за другаго. Матросъ скрылъ, кто онъ. Одна дочь его догадалась и бросилась къ нему на шею. Но чтобъ не нарушить спокойствія семейства, Матросъ ушелъ, пока она была въ обморокѣ, — и уже его никто никогда не увидитъ на родинѣ. Щепкинъ игралъ матроса. Я плакалъ, какъ безумный. Я радъ былъ плакать. Слезы какъ-то давно были на душѣ, и будто легче, какъ сплачешь ихъ. Это одна изъ лучшихъ минутъ, проведенныхъ въ Москвѣ. Ты мнѣ столько описывала и свой родъ жизни, и балъ графини Сухтеленъ, и кто у тебя бываетъ, и гдѣ ты бываешь, что я рѣшился писать тебѣ и мои похожденія. Ты же жаловалась, что я никогда не пишу объ этомъ, а пишу только то, что во мнѣ происходитъ. Да какъ же быть, Маша! Фактовъ такъ

мало, а внутри переживается такъ много! Легче ли отъ этого, не знаю; а переживается-то много. Но не хочу тревожить тебя моими тревогами; ужъ и такъ, кажется, я написалъ два сумасшедшихъ письма, которыя вѣроятно не принесутъ тебѣ отрады. Прости мнѣ ихъ, какъ я тебѣ прощаю то письмо, которое меня огорчило и оскорбило. О, Маша! еслибъ ты могла быть счастливою! Вотъ все, что̀ я желаю.

Ну — дальше. Ховрина звала меня вечеромъ, дня два тому назадъ. Пили шампанское за мой пріѣздъ. — Всегда одинъ вопросъ приходитъ въ голову: за что меня такъ любятъ? Я другимъ даю гораздо менѣе. Съ большею частью людей встрѣчаюсь съ какимъ-то неудовольствіемъ. Кажется, вотъ такъ никого бы не надо. Благодарю ихъ всѣхъ, кто мнѣ оказываетъ дружбу; а не могу отвязаться отъ какой-то дикости, нелюдимости. Гадко!

Былъ вечеръ у Елагиной. Она также такъ добра со мной. Правда, и я, если можно сказать такъ, влюбленъ въ нее, т.-е. въ ея свѣтлый умъ и свѣтлое сердце. Вотъ этого-то человѣческаго счастія, т.-е. міра душевнаго, добиваюсь я, да нѣтъ! что-то нейдетъ на ладъ. У M-me Sailhas бываю я довольно часто. Мнѣ тамъ хорошо, свободно, можно говорить вздоръ и видѣть прекрасное лицо, двѣ вещи, которыя доставляютъ великую отраду. У Галах. бываю черезъ день. Сегодня онъ звалъ обѣдать. Я боялся мѣшать имъ, пріѣзжая обѣдать безъ зову; но теперь онъ мнѣ объявилъ, что могу, когда хочу; ergo я буду почти ежедневно. M-me Кешу живетъ и даже мила, но гаснетъ понемногу. Гал. съ ней нѣженъ и заботливъ, какъ только способенъ быть нѣжнымъ и заботливымъ, а это очень много. Фрол. тоже. Но они видимо оба разстроены. Тяжело смотрѣть на нихъ, тѣмъ болѣе, что это люди, которыхъ я горячо люблю. Намедни я заставилъ Г. писать къ тебѣ, думалъ, что его письмо, можетъ, будетъ утѣшительнѣе, чѣмъ мое. Намедни я былъ у Астракова. Мнѣ просто было страшно. Семь мѣсяцевъ тому назадъ видѣлъ здороваго, бодраго человѣка, а нашелъ человѣка, который не имѣетъ жизни на двѣ недѣли. Худъ, желтъ, безъ голосу, безъ силъ, и сердитъ, и — сумасшедшій. Ужасно! Жена его горько плакала. Я пожалъ ей руку. Тяжело; я весь день былъ въ какомъ-то судорожномъ состояніи и отъ того казался веселымъ. M-me Ducloux больна; я все еще не видѣлъ ее. За то Monsieur очень здоровъ, и я его видѣлъ. Видѣлъ Вѣру Толстую; она хотѣла тебѣ писать; похорошѣла. Видѣлъ Анну Матв. — добрая старушка! M-me Хрущовъ est plus bête que jamais, sourde et absurde.

Принялся я здѣсь за работу. Читаю. Я сталъ глупѣть безъ дѣла. Можетъ быть поможетъ. Теперь все еще не справился — такъ все пусто и грустно. Хандра. Я даже боюсь говорить о состояніи духа съ тобой, — хандра моя непріятна. Оттого я стараюсь, чтобъ письмо мое было спокойно и ты не встревожилась бы, читая его, и могла бы безъ заднихъ мыслей наслаждаться моремъ и солнцемъ. Скоро и я буду наслаждаться моремъ и солнцемъ. — Жду окончанія дѣла съ бѣлоомутцами и сестрой. Бѣдная сестра думаетъ, что ѣдетъ на годъ въ деревню, а похоже, что на десять лѣтъ; мнѣ хотѣлось бы увидать, какъ они сядутъ и поѣдутъ, а то все боюсь, чтобъ онъ не проигралъ своей рубашки. Я тебѣ въ понедѣльникъ выслалъ денегъ 2.700 франковъ и тутъ же наконецъ получилъ письмо отъ Тучк., что онъ уже давно выслалъ тебѣ 10 т. руб., вслѣдствіе чего отдай 1.000 рублей Сат., а я здѣсь возьму деньги, которыя ему посылать хотятъ. Одно меня тревожитъ — вѣдь у тебя однако никого нѣтъ въ Неаполѣ, съ кѣмъ ты могла бы провести время хорошо. Ты бранишь, что мало писалъ о Листѣ. Я послѣ больше писалъ. Вотъ еще о немъ: онъ зажился въ Берлинѣ и все еще не бывалъ въ Россіи. Въ Берл. онъ давалъ концертъ студентамъ по 2 грош. входъ. Этотъ благородный поступокъ произвелъ ожидаемый эффектъ, то-есть сказали: ай да Листъ! Право, эта аффектація отвратительна, потому что это Листъ. Онъ могъ бы такъ высоко стоять; а выходитъ—такъ, человѣчекъ.

Вотъ тебѣ нѣсколько стиховъ:

Сосѣдкѣ.

Въ деревнѣ, въ мирномъ уголкѣ—
Я помню—въ дѣтствѣ мы играли,
Въ саду весною—на пескѣ,
По вечерамъ осеннимъ—въ залѣ.
Меня въ столицу увезли.
Я выросъ, вы большія тоже,
Но вы въ деревнѣ расцвѣли
На блѣдный цвѣтъ полей похожи.
Я не забочусь о себѣ.
Нѣтъ нужды, что бъ со мной ни сталось;
Но въ вашей будущей судьбѣ
Прочесть страницу бы желалось.
Что? влюблены вы или нѣтъ?
Мечтаете ли ночью звѣздной?
Иль безъ любви, не зная свѣтъ,

Взросли вы барышней уѣздной?
И только надо, наконецъ,
Вамъ мужа—и безъ нѣжной страсти
Вы побредете подъ вѣнецъ,
Покорны папенькиной власти?
Гадали ль вы про жениховъ?
Что жъ вышло? Тотъ ли, сердцу близкій,
Или сосѣдъ, что любитъ псовъ,
Плечами дюжій, ростомъ низкій?
Да въ нашей грустной сторонѣ,
Скажите, что жъ и дѣлать болѣ,
Какъ не хозяйничать женѣ,
А мужу съ псами ѣздить въ поле?

Это писано дѣвицѣ Ѳоминой, съ которой я встрѣтился въ дилижансѣ; мы разстались, когда ей было года два или три, а мнѣ лѣтъ семь. Ну! я ей этихъ стиховъ не показалъ, да и не покажу, а напечатаю. Второй № *) имѣетъ два моихъ стихотворенія. Мѣшаютъ. Прощай, другъ мой, Маша, обнимаю и цалую, и благословляю тебя. Будь счастлива. Прощай! Станю цалую. Всѣмъ кланяюсь. Будьте веселы. Addio. Дней черезъ пять уѣду. Addio. — Всѣ тебѣ кланяются.

50.

Москва. Февраль.

Все еще Москва. Любовь къ ней, отвращеніе отъ поѣздки въ деревню и Плаутинскія дѣла меня держатъ до послѣ-завтра.

Два письма отъ Маши лежатъ возлѣ меня. Одно она мнѣ приказываетъ разорвать. Не могу. Напротивъ, перечитываю, ищу, спрашиваю самъ себя: où en sommes-nous donc? — и не могу рѣшить задачи, и не знаю выхода. Ты уже давно и часто говоришь, что между нами прошло столько бурь, что мы, ни тотъ, ни другой, не можемъ ихъ забыть; ты говоришь, что мнѣ хорошо и безъ тебя, что я отдалъ тебѣ клочокъ моего сердца, а ты хотѣла полной любви; наконецъ ты говоришь, что ты ужъ теперь не ревнуешь; — и наконецъ, что въ твоемъ сердцѣ стремленія (dahin) ко мнѣ нѣтъ. — Où en sommes-nous donc? — Страшно! — Потомъ: ты страдаешь, сердце рвется — любить и жить полной жизнью. Я тоже страдаю, но мое сердце въ такомъ хаотическомъ состояніи, что я самъ ничего не разбираю въ немъ, несмотря на огромный даръ рефлексіи.—Où en sommes-nous donc? Лѣта не выходъ; напрасно

*) Т.-е. «Отечеств. Записокъ».

ты ждешь старости, чтобы успокоиться. Холодъ, тоска еще тяжеле, чѣмъ неудовлетворенное стремленіе; въ нихъ сожалѣніе и проклятіе на всю прошлую жизнь. А жить надо, а для жизни надо блаженство. Я, съ моей стороны, отъ него отказался, я ему не вѣрю. Было время, когда я вѣрилъ, что любовь и дружба крѣпко свяжутся въ моей жизни, что, силенъ ими, я пойду далеко, буду жить полно, много дѣлать и горячо любить каждое дѣло. Не клочки любви хотѣлъ я дѣлить, но полное, безконечное чувство любви хотѣлъ дать всѣмъ близкимъ, ждалъ гармоніи, а не ревности. Ну! да я отказываюсь отъ блаженства. У меня выходъ есть — in's Allgemeine; боюсь, чтобъ онъ не былъ абстрактенъ, а если и будетъ абстрактенъ, все какъ-нибудь можно прожить и съ абстрактомъ. Любовь къ женщинѣ — самое лучшее чувство на землѣ. Любовь женщины даетъ полное блаженство. Да гдѣ же я найду? Да еще стану ли и искать-то? Ты смотришь на меня, какъ на человѣка, который по натурѣ хорошъ, «могъ бы озарить свѣтомъ сердце женщины», но который не можетъ дать отвѣта на всѣ твои потребности, не можетъ утолить этой жажды чего-то, чего ты сама не въ состояніи опредѣлить. Словомъ — я для тебя какое-то прошедшее, отъ котораго трудно тебѣ оторваться оттого, что все-же es liegt was darin, къ которому ты даже часто чувствуешь влеченіе, человѣкъ, который тебѣ нуженъ, потому что все-же даетъ отвѣтъ на что-нибудь. Любовь это или нѣтъ? Разбери сама. Я скажу тебѣ, что̀ такое: это любовь, но не та, которую обыкновенно понимаютъ подъ словомъ: amour,—не та страсть, гдѣ столько пылу, нѣжности и блаженства; но привязанность глубокая, сильная, нескончаемая. Ради Бога, не теряй ее, не думай обо мнѣ съ ненавистью, прощай, ежели я въ чемъ виновенъ, но смотри на меня, какъ на друга, всегда любящаго, тепло и неизмѣнно. Это чувство даетъ отраду, силу жить дальше. Не знаю, найдешь ли ты когда блаженство, я отъ него отказываюсь. Но дать тебѣ блаженство, ей Богу, еслибъ это сію минуту стоило мнѣ жизни — я умеръ бы очень довольный. А какъ я дамъ тебѣ блаженство? Не знаю. Могу отдать тебѣ все, что̀ у меня есть въ душѣ, да ты этого не примешь; а чего во мнѣ нѣтъ — мнѣ и взять негдѣ. Еслибъ я могъ тебѣ проложить путь къ счастью, — сколько бы это мнѣ ни стоило, я сдѣлаю; могу жертвовать всѣмъ, кромѣ убѣжденій и привязанностей, могу жертвовать жизнью и моей личной честью. — Ну! а какъ знать, что̀ будетъ? — Италія, кажется, имѣетъ на тебя благодѣтельное вліяніе, чувство прекраснаго сильно говоритъ въ тебѣ.

Маша! можетъ быть въ насъ есть еще отголоски другъ другу!.. Есть или нѣтъ — ничего не могу понять; голова моя въ хаосѣ, въ душѣ столько чувствъ противоположныхъ... Одно знаю: все бы отдалъ, чтобъ возвратить хотя на минуту себѣ и тебѣ то чувство любви, съ которымъ намъ когда-то такъ хорошо было; а тамъ ужъ была не была, выноси Господь, куда знаетъ. — Грустно, крѣпко грустно. Другъ мой, дай мнѣ руку. Можетъ быть мы еще много нужны другъ для друга. Вѣдь все же нельзя прожить безъ женщины, которая, хотя не съ любовью, по крайней мѣрѣ съ дружбой, съ участіемъ, съ сожалѣніемъ взглянетъ на тебя, а ты это, можетъ быть, можешь и сдѣлаешь. — Чортъ знаетъ, я расплакался какъ ребенокъ. Что слезы, другъ мой, и къ чему онѣ? — сожмись въ себѣ, да и живи крѣпко. — Не знаю, гдѣ ты, а не хотѣлось бы посылать письмо черезъ третьи руки. — Тучковъ писалъ, что уже давно выслалъ деньги, и потому ты вѣроятно уѣхала. Хотя бы пришло уже письмо ко мнѣ, пока я здѣсь. Я погожу посылать сегодня это письмо. Еще подумаю. Мое письмо не холодно, у меня на сердцѣ горько, а тепло, — и что бы ни было — я благословляю тебя такъ же отъ души, какъ и прежде. Я скоро къ тебѣ буду. Буду спѣшить. Ты одна — безъ друга. Маша, я безхарактеренъ, но, право, кажется не столько, какъ всѣ думаютъ. Я могу быть другомъ, Маша, — больше, могу быть твоимъ ангеломъ-хранителемъ. Ты пишешь о моей склонности къ вину. Правда, можетъ быть есть во мнѣ многое, что мѣшаетъ мнѣ сдѣлать женщину счастливою мной самимъ. Я преданъ страстямъ и случаю. Я кажусь тихъ, а мнѣ безъ разгула жить невозможно. Иной разъ даже нѣтъ силъ противустоять желанію — растратить жизнь въ чемъ-нибудь буйномъ, въ безуміи, которому не было бы границъ. Добродѣтели тутъ нѣтъ, морализмъ условный вытолкнетъ меня, какъ человѣка запятнаннаго; но есть ли тутъ дѣйствительно безнравственность — сомнѣваюсь. Тутъ есть свои гуманныя стороны. Да вѣдь и то — надо же куда-нибудь дѣвать себя. Трудъ — не могу свыкнуться съ трудомъ, не выдерживаю; постараюсь, но не знаю, слажу ли съ трудомъ. А жить-то все же хочется. Разгулъ — замѣна блаженству. Есть въ душѣ какой-то червякъ, который подъѣлъ всякую возможность блаженства. Ну! такъ и гуляй, буйная головушка! Жизнь пройдетъ судорожно. Умру — не пожалѣю о ней, да и не прокляну ее. Спасибо за то, что было. Спасибо за мигъ любви, спасибо за опьяненіе, спасибо за великое чувство любви къ людямъ, которое неизмѣнно прошло по всей жизни.

Астраковъ умеръ полоумный. Жена его — разбитое одинокое существо. Вчера Душа Кобылина разсказывала мнѣ, что одна Ланская была лѣтъ 16-ти. У нея два брата; меньшаго она крѣпко любила. Она играла съ нимъ, хотѣла его щекотать. Онъ бѣжалъ, она за нимъ. Онъ въ свою комнату и бросился на постель. Она схватила пистолетъ со стола и, играя, выстрѣлила. Братъ не вздохнулъ уже ни разу. Она хотѣла броситься въ колодезь. Ее удержали. Она была въ сумасшествіи, которое разрѣшилось въ тихую грусть. Къ старшему брату ходилъ молодой человѣкъ. Она въ него влюбилась. Онъ въ нее. Женились — два мѣсяца полнаго счастья. Братъ ея и мужъ отправляются на охоту. Братъ нечаянно убилъ мужа изъ ружья. Она осталась беременна и съ тѣхъ поръ не говоритъ ни съ кѣмъ ни слова. Случилось это мѣсяца полтора тому назадъ. Хорошо жить на свѣтѣ, Маша? — Нѣтъ, ей Богу, не пожалѣю о жизни. Жизнь — рядъ случайностей безъ смысла, и только.

Однако, когда въ человѣкѣ есть содержаніе, жизнь бы не должна быть рядомъ случайностей. Что жъ наша жизнь? Наша встрѣча? наша любовь? наши раздоры? Неужли случайности? Или все было необходимымъ слѣдствіемъ развитія нашихъ натуръ? Чортъ знаетъ! — Das Grübeln, Гамлетовскій элементъ — мучитъ меня, не наполняя душу и ни чему не помогая. Зачѣмъ же у меня-то такая безплодность? Въ душѣ столько страсти и любви — а жизнь ни къ чорту. Не знаю, понятна ли тебѣ вся горечь, которая меня томитъ. Но знаю, что еслибъ я могъ тебѣ сказать: я страдаю, и ты бы взяла меня за руку и сказала бы мнѣ: мнѣ тебя жаль — легче было бы.

Что я не удовлетворяю всѣмъ потребностямъ твоей души — это мнѣ не оскорбительно. Это фактъ — и только. Это горько, но все же я знаю, что я тебѣ нуженъ, что я могу облегчить тебѣ страданія теплымъ участіемъ. Теплѣе ты едва ли найдешь въ комъ-нибудь участія. Галаховъ человѣкъ съ нѣжной душой, ну, а я все-таки больше къ тебѣ привязанъ. Одно меня оскорбило въ твоемъ письмѣ — это твое влеченіе къ Листу и Каткову. Правда, они много имѣютъ сходства. Но неужели только эти внѣшнія, не проникнутыя никакой любовью натуры тебѣ и нравятся? Болотные огоньки это, Маша. Бѣжать за ними надо по безплодной почвѣ, и только для того, чтобъ увѣриться, что они не существуютъ. Мнѣ прежде казалось, что Катковъ можетъ любить; въ этомъ я долженъ былъ разувѣриться. Поклонился я ему оттого, что нельзя у него отнять по крайней мѣрѣ внѣшняго благородства; а что жъ съ этимъ дѣлать, что въ немъ много сквернаго, и во мнѣ много сквернаго. А

въ Листѣ я ни на минуту не сомнѣвался — это блестящій человѣкъ снаружи, но безъ всякой человѣческой внутренности.

Ты пренебрегла моими друзьями; мнѣ антипатичны тѣ, которыхъ ты любишь. А все же ты иногда стремишься ко мнѣ и требуешь меня — иначе тебѣ горько. Зови, Маша, когда хочешь, я твой. Нуженъ — явлюсь. Надо тебя успокоить — успокою съ любовью, какъ умѣю, но всегда съ любовью. Не нуженъ — стремись, куда влечетъ тебя желаніе. Издали буду смотрѣть на тебя и прибѣгу, какъ скоро ты закричишь: нуженъ!

Я усталъ отъ моего письма. Нѣсколько дней не могъ рѣшиться писать и удалялъ отъ себя минуту, въ которую надо было раскрыть всѣ раны сердца. Теперь все, отъ чего такъ пусто, больно, горько жить на свѣтѣ, вдругъ расшевелилось, и просто даже тѣло ослабѣло. Прощай! Письмо отправлю завтра — и потому еще успѣю написать листокъ. Можетъ скажу что-нибудь по-отраднѣе.

Я помню робкое желанье,
Тоску, сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанья,
Я помню слезы и любовь.
Шло время. Ласки были рѣже,
И высохъ слезъ потокъ живой,
И только оставались тѣ же
Желанья съ прежнею тоской.
Просило сердце впечатлѣній
И теплыхъ слезъ просило вновь,
И новыхъ ласкъ, и вдохновеній,
Просило новую любовь.
Пришла пора, прошло желанье,
И въ сердцѣ стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещетъ горестно оно.

51*).

24 Февраля.

Я все еще въ Москвѣ. Дѣло Плаутинское все еще не кончено. Сегодня или завтра кончится.

Долго я не рѣшался послать тебѣ, другъ мой, письма, уже давно

*) Продолженіе того же письма.

написаннаго. Въ немъ такой хаосъ любви, тоски и слабости, что рѣшительно можно сказать: вотъ это какъ бредитъ человѣкъ! Но я посылаю. Я хочу, чтобъ ты знала, что и я все же не изъ тѣхъ людей, которые отдѣлываются отъ страданій стишками, да и все тутъ. Я хотѣлъ, чтобъ ты знала, что я страдаю глубоко. Твои письма одни за другими бросали меня въ страхъ за тебя, за твою будущность. За себя я не боюсь; въ самомъ дѣлѣ, das Allgemeine ist genug allgemein, чтобъ занять цѣлое существованіе человѣка! Ты же вѣдь въ самомъ-то дѣлѣ не устоишь въ любви къ общему. У тебя свои личныя, неопредѣленныя, часто не-истинныя потребности возьмутъ верхъ надо всѣмъ. Письма, что я получилъ третьяго дня,— я отдалъ читать Галахову. Мнѣ надо было дружеское участіе, и я его въ самомъ дѣлѣ нашелъ въ этой нѣжной и благородной душѣ.— Мы были мирны, близки съ тобой въ Неаполѣ — но тебѣ было скучно, ты тосковала. Теперь меня нѣтъ, ты стремишься ко мнѣ, ты жаждешь, чтобъ я возвратился, долгая разлука тебя пугаетъ. Но, читая твое письмо, мнѣ стало тяжело. Да полно, ко мнѣ ли это стремленіе? Не есть ли это стремленіе къ чему-нибудь, что̀ бъ увлекало, прельщало, овладѣло всѣмъ твоимъ существованіемъ? А я? Да когда же (развѣ давнымъ-давно) я былъ тѣмъ человѣкомъ, который тебя увлекаетъ? — Мнѣ хочется вернуться къ тебѣ; я тебя люблю: отвѣчаешь ли ты мнѣ, что я тотъ человѣкъ, которому ты предашься, котораго голосъ тебѣ будетъ голосомъ истины? Что̀ ни говори, другъ мой, внутренній опытъ все же довольно мнѣ раскрылъ глаза и на вещи, и на людей, что можно иногда со мной и согласиться! Маша! ты хочешь, чтобъ я жертвовалъ тебѣ всѣмъ, подъ-часъ убѣжденіями, всегда друзьями, иногда впадалъ бы въ смѣшное (le ridicule); ну, тогда ты, можетъ быть, на нѣкоторое время не стала бы тосковать. А знаешь, что такое эта жертва? Это не жертва, а подчиненіе. А подчиненіе мужа всегда смѣшно, и ты за него же взглянешь со временемъ на меня съ презрѣніемъ. Если ты любишь меня, стремишься ко мнѣ — ну! и отдайся мнѣ. Повѣрь, что у меня довольно любви, чтобъ дать тебѣ покой и счастье. Не обладаніе нужно въ супружествѣ, но внутренняя связь. Каждому свобода въ извѣстной сферѣ. Любовь мужчины и женщины исключительна для самой себя; она не терпитъ такой же любви къ другимъ; но она даетъ жить свободно всякому человѣческому чувству. Отдайся мнѣ — я не стану мѣшать ни твоей склонности къ свѣту и его забавамъ (только бы ты не ставила меня въ свѣтѣ въ ложное положеніе), да и ты не мѣшай мнѣ любить то и тѣхъ, что и кто важны

въ моемъ существованіи. Не старайся разбивать святыни моей души, а вмѣстѣ со мною пойдемъ съ любовью къ единой истинѣ, по одному человѣческому направленію. Чортъ возьми! Не одна же малодушная тоска живетъ во мнѣ, но и всѣ свѣтлыя гуманныя чувства. Мы можемъ быть счастливы. Иди за мной. Я вернусь къ тебѣ какъ можно скорѣе. Мой отпускъ — почти несомнѣненъ. Неаполь, можетъ быть, пріучилъ тебя любить изящное, жить съ природой. Я тебя глубже введу въ этотъ міръ. Тутъ тебѣ раскроется многое, что ты не хотѣла знать; прояснится многое, въ чемъ ты ошибалась.— Неужели, Маша, это бредни — и мы сойдемся — и ты опять будешь стремиться (— не ко мнѣ —), тосковать, я буду видѣть, что ты страдаешь, самъ буду страдать, и все безвыходно, и потомъ играть роль невольника твоей тоски, твоихъ желаній, — и такъ мы оба промучимся, охладѣемъ наконецъ другъ къ другу или расторгнемся съ горькимъ чувствомъ вражды непримиримой? — Маша! подумай — эта будущность ужасна. А если ты не свыкнешься со мной, не отдашься мнѣ, если твое желаніе будетъ идти въ сторону— ты дойдешь до такаго конца и выкинешь изъ своей жизни отношеніе ко мнѣ, лучшее отношеніе изъ всей твоей жизни. Я истина для тебя, потому что я менѣе люблю свою личность, а болѣе то, что называется человѣческимъ, т.-е. божьимъ. Со мной ты пойдешь ко всему, что̀ прекрасно, а безъ меня ты пропала, ты пойдешь изъ одного личнаго отношенія къ другому, изъ одного каприза въ другой; а я-то выйду (скрѣпя сердце) in's Allgemeine — и уживусь. Ты должна быть со мной и идти со мной. Нашъ союзъ можетъ быть просвѣтленъ высокой любовью къ истинному и прекрасному. Во мнѣ эта любовь никогда не пропадетъ, а въ тебѣ безъ меня пропадетъ, затеряется въ личныхъ, ничѣмъ непросвѣтленныхъ отношеніяхъ.

Итакъ, за мной и со мной! Съ обѣихъ сторонъ свобода разумная и союзъ внутренній. Опять намъ будетъ данъ миръ души, и блаженство возвратится. Такъ, что ли?

Это письмо обдумано, но не холодно. Съ живымъ участіемъ къ тебѣ я писалъ его. Жду на него въ отвѣтъ — живаго участія ко мнѣ.

Теперь обнимемся, какъ два любящія существа. Да благословитъ тебя Богъ. Еще мы будемъ счастливы. Прощай! Поцалуй и скорое свиданіе.

P. S. Пишу въ Парижъ, потому что ты 23-го хотѣла туда выѣхать. Посовѣтуйся съ Margolin. Елагина пишетъ о тебѣ Турге-

неву. Тучковъ уже давно послалъ деньги. Странно, что ты не получила.

Кланяйся всѣмъ.

Addio!

Если же твое желаніе необходимо пойдетъ въ сторону, и мы добьемся до образа жизни подъ заглавіемъ: un arrangement de ménage... Боже мой! какой пошлый конецъ прекрасно-начатой любви.

52.

Марта 21. Пенза.

Я уже давно думалъ быть на пути въ Европу; а между тѣмъ ничуть не бывало, — благодаря дѣйствіямъ Тихомолова, сижу въ г. Пензѣ. Огромный убытокъ грозилъ мнѣ, и насилу Тучковъ отвратилъ это. Надѣюсь завтра отсюда выѣхать въ Европу. Галаховъ мнѣ твоихъ писемъ не присылалъ сюда. Можетъ и ты путешествуешь, и оттого не пишешь. Можетъ ты въ большой столицѣ и тебѣ весело. А я здѣсь проѣхалъ мимо большаго дома, гдѣ наверху полукруглое окошечко, воздухъ былъ весенній, — славное время пришло на память. Всѣ эти воспоминанія мучительно тревожатъ. Я ихъ люблю и не знаю, куда я выхожу, начавъ такъ прекрасно. Я люблю этотъ городъ за все то, что онъ мнѣ далъ. Часто я думаю: съ какой точки смотрѣть на былое? любоваться ли имъ, какъ чѣмъ-то законченнымъ, и вести жизнь отъ него независимо? Или это былое имѣетъ въ себѣ довольно силы, чтобъ никогда не закончиться, вѣчно и хорошо развивъ.

25 Марта. С. Акшено.

Мих. М. Устиновъ помѣшалъ, и вскорѣ цѣлый день былъ уже разобранъ. Вечеромъ мы уѣхали къ Тучкову, гдѣ я прожилъ дня полтора *). Дорога, этотъ форсированный маршъ чортъ знаетъ съ какаго времени, разстроили меня; я не хотѣлъ больной оставаться у Тучкова и поѣхалъ въ Акшено, гдѣ и теперь не выхожу изъ комнаты. Григорій меня лечитъ, а Носовъ за мной ходитъ. Больше я никого не вижу. Болѣзнь моя, разумѣется, не важна, и я бы по-

*) А. А. Тучковъ былъ сосѣдомъ Огарева по пензенскому имѣнію и въ эти годы много помогалъ ему по хозяйству; позднѣе Огаревъ, какъ извѣстно, женился на его дочери.

ѣхалъ и больной, еслибъ можно было ѣхать; полная распутица, по дорогамъ рѣки, а рѣкъ нельзя переѣхать. Досадно. Одиночество совсѣмъ не кстати. Можетъ быть я тебѣ нуженъ, Маша, и хотѣлъ бы летѣть къ тебѣ со всей поспѣшностью преданности; а между тѣмъ осужденъ пробыть здѣсь недѣли 2 или $2\frac{1}{2}$. И ни одного слова отъ тебя. Конечно Галаховъ не могъ думать, что, заботясь о томъ, чтобы не было убытка тысячъ въ 75, а только въ 5, — я останусь дольше; я всего на все хотѣлъ пробыть двѣ недѣли, а вотъ ужъ 3-я, какъ не могу выбраться. Люди здѣсь нестерпимы. Я открылъ, что Маршевъ плутъ и поступилъ со мной подло; какъ скоро докажу это, то выгоню его вонъ. Мнѣ лучше, когда я одинъ. По крайней мѣрѣ могу читать, писать, думать. Пенза, Чертково и наконецъ этотъ домъ мнѣ напоминаютъ тебя, и такъ тяжело становится. Куда же вся эта жизнь выйдетъ? О, лишь бы ты была счастлива! Вотъ когда я пріѣду къ тебѣ — конечно, мы бросимся другъ другу на шею — вѣдь мы не можемъ не любить другъ друга. За что же?— Ты мнѣ скажи: могу ли я сдѣлать тебя счастливою? Мой образъ жизни, мыслей, мои надежды, мои занятія могутъ ли быть тобой уважены, можешь ли ты идти за мной? Или я только тебѣ мѣшаю жить? Если я нуженъ тебѣ — я не разстаюсь съ тобой, а со всею возможной для меня силою стану приводить наши существованія въ гармонію. Если я лишній — я ѣду на Кавказъ, шашка пробьетъ мнѣ путь къ дѣятельности, которой я еще никогда не испыталъ, но которую жажду. Странно! я желаю войны; мнѣ кажется, это поприще будетъ мое. Но если я тебѣ нуженъ, обними меня, Маша, я отказываюсь отъ всякаго поприща, и пусть жизнь идетъ тихо: но и ты тогда дашь мнѣ жизнь тихую, чтобъ и я могъ быть съ тобой счастливъ, чтобы мы оба могли развиться человѣчески.

Живу я здѣсь въ комнатѣ, бывшей моимъ кабинетомъ. Въ залѣ твои рукодѣльницы, а остальная половина дома заперта изъ экономіи дровъ. Правда, еще папенькинъ кабинетъ, въ которомъ бильярдъ. Кстати я взялъ у Грановскаго книгу, а то бы и читать было нечего. Тружусь надъ Пушкинымъ, котораго также захватилъ нѣсколько книгъ*). Самъ пишу. Есть минуты страннаго спокойствія, свѣта души. Фантазія работаетъ, и я въ какомъ-то блаженномъ полу-снѣ. Есть минуты свѣтлой мысли. А тамъ вдругъ скука несносная. Первый день у меня былъ жаръ, и я не выходилъ изъ комнаты;

*) Огаревъ переводилъ тогда Пушкина на франц. и нѣм. яз.

но теперь я хожу и въ часъ скуки играю съ Носовымъ на бильярдѣ. Завелся гитарой. Кой-какъ добью двѣ недѣли. Вчера забрелъ въ нетопленную половину посмотрѣть комнату отца и нашу. Возвратись, блаженное время! Нѣтъ! Аминь! уже пропѣли вѣчную память.

У Тучкова мнѣ было хорошо. Славный человѣкъ. Его дружба мнѣ отрадна. Какъ онъ хлопоталъ о моихъ дѣлахъ и самъ чуть не занемогъ. У него гувернантка славная дѣвица, я у нихъ провелъ время en bonne causerie. Но нездоровье и потребность одиночества выгнали меня. А ѣхать далѣе опасно. Чортъ возьми, не думалъ же я такъ долго пробыть на родинѣ. А какъ теперь хочется въ Италію! — Мм поживемъ въ Римѣ, не правда ли? Съѣздимъ въ Палерму? Съѣздимъ во Флоренцію? Боже! сердце бьется, какъ вздумаю, сколько наслажденій ожидаетъ. Но можетъ вихрь иной жизни увлечетъ тебя и Италія совсѣмъ тебѣ будетъ не нужна, а меня влечетъ въ страну искусствъ и вдохновенья. Неужели наши желанія розны? — ну, полно объ этомъ. Kommt Zeit, kommt Rath.

Въ Пензѣ видѣлъ всѣхъ*). Тѣ же лица:

Но въ нихъ не видно перемѣны—
Все въ нихъ на прежній образецъ;
У тетушки княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ... etc.

Лиз. Григ. опять похорошѣла. Лиза замужемъ и глупа. Аплечеевъ сплетничаетъ и обижается. Ал. Дм. бросаетъ односторонній взглядъ. Ив. Ник. острить и играетъ въ вистъ. Дядя все тотъ же, очень насъ любитъ. Слышалъ у него квартетъ Мендельсона. С. Н. скучнѣй, чѣмъ когда-нибудь. М. А. къ тебѣ написала письмо. Авд. Петр. Аб. все та же безподобная старушка. Опять всѣхъ лечитъ Лашков. и смотритъ козломъ. Баловъ нѣтъ, барышенъ нѣтъ. Пенза провинціальнѣй, чѣмъ когда-нибудь. Jacques все даетъ обѣды. Дмитрій все такъ же непроходимъ. Въ твоей свѣтелкѣ наверху никто не живетъ и нѣтъ свѣчки у полукруглаго окна по вечерамъ; въ нашемъ домѣ никого нѣтъ. Пусто, все пусто и грустно. И жизнь пуста и грустна. Прощай, Маша! Спѣшу отправить на почту. Съ утра подморозило, можно доѣхать въ Саранскъ, не утонувъ.

Und die alten Bilder kehren wieder,
Doch die Zeit, die kehret nicht zurück!..

---

*) Т.-е. родныхъ Марьи Львовны, семью Панчулидзева.

Addio! Поцалуй меня. Богъ благослови тебя.

Im Geisterhauche tönt's mir zurück:
Dort, wo du nicht bist—ist das Glück...

Музыки бы надо и слезъ. Ни того, ни другаго нѣтъ.

53.

31 марта. Акшено.

Завтра твои именины, Маша, а я не съ тобой и не знаю, гдѣ ты, и ни строки отъ тебя не имѣю. Сильно проснулось желаніе тебя видѣть, обнять тебя. А между тѣмъ я сижу на мѣстѣ, въ деревнѣ; здоровье мое поправляется; кажется, полетѣлъ бы отсюда, а между тѣмъ говорятъ, что опасно, опасно утонуть, опасно заболѣть снова. Глупыя дѣла все надѣлали; я этого простить не могу Вас. Михайл. Ужъ хотя бы въ Москвѣ хворалъ! Но ты не очень безпокойся о моемъ недугѣ; какъ видишь, я пишу, и довольно четко, слѣд. не слабъ; даже въ полдень выхожу на балконъ. Солнце грѣетъ. Снѣгъ таетъ понемногу. Весной пахнетъ. Мнѣ весной всегда грустно. Весна мнѣ напоминаетъ другую весну, давно прошедшую, лучшую изъ всей моей жизни, — ты ее знаешь. Зачѣмъ та весна не продолжалась цѣлый вѣкъ! Я бы не усталъ съ такаго однообразія. Маша, Маша! поцалуй меня и возьми слезу, которая невольно вырывается. Сердце сжато и пусто. Въ немъ схоронено что-то, что прежде жило роскошно. Мнѣ страшно становится жить на свѣтѣ. Я чувствую, что ты никогда не примешь счастья, которое я могу тебѣ дать, и я не буду счастливъ. А между тѣмъ еще душа просится къ тебѣ, между тѣмъ положить голову къ тебѣ на плечо былъ бы отдыхъ. Завтра твои именины! Ты въ этотъ день у насъ обѣдала, на тебѣ было бѣлое шолковое платье съ клѣточками, ты надѣвала его въ первый разъ. Мой отецъ былъ ласковъ, а намъ было неловко. Послѣ мы были одни, и намъ хорошо было. — 1-е апрѣля! А жизнь-то вся — 1-е апрѣля. Здѣсь я одинъ — und grüble — по обыкновенію. Ухожу самъ въ себя, выкопаю все, что во мнѣ дурнаго —

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью...

Странное существованіе! я старъ и молодъ. Мучитъ жажда наслажденія, а я не вѣрю въ его возможность. Желаешь, стремишься— достигнешь, и все пропало, и нѣтъ наслажденія. Все надоѣдаетъ, какъ игрушки избалованному ребенку. Давай новыхъ! а съ новыми та же скука. Когда же все это кончится! Хорошо Богъ устроилъ, что мы живемъ не вѣчно.

Вчера мнѣ пришелъ въ голову неапольскій мотивъ*)...

Вотъ Pasquarillo бѣжитъ по Chiai'ѣ; вотъ букетъ цвѣтовъ, лаззарони оборванный; солнце жаркое, море, Капри — и опять хочется въ Италію. Признаюсь, мнѣ больше никуда не хочется; шумъ моря и шумъ толпы и какое-то раздолье жизни — этого не дастъ мнѣ туманная Германія. Она мнѣ наскучила, и Ахшено мнѣ немного надоѣло, хотя я здѣсь по крайней мѣрѣ много работаю. — Перевелъ «Донъ-Жуана» Пушкина всего. Читаю. — Надо какъ-нибудь занять время, — я же почти ничего не ѣмъ и почти ничего не сплю; но странно — почти не похудѣлъ, все тотъ же румянецъ невинности и вдобавокъ усы, которые быстро идутъ въ походъ.

1 апрѣля.

Тутъ я вчера кончилъ, потому что надо было написать къ Тучкову. А тамъ я заснулъ. Давно я такъ хорошо не спалъ. Я думалъ видѣть тебя во снѣ, какъ то часто случается, но нѣтъ, спалъ какъ убитый. — Ну! Поздравляю тебя. Вотъ тебѣ поцалуй. Какъ проведешь ты этотъ день? Какъ я приду тебѣ на память? Ничего не знаю, давно ничего не знаю и не понимаю. Все въ головѣ смутно... Ну! да полно хандрить. Ты, чай, въ шумной столицѣ проведешь день весело. Кого ты видѣла, кого ты видаешь? Кто и что успѣли занять твое воображеніе?.. Я знаю, какъ я проведу мой день — такъ, какъ вчера проводилъ,т.-е. читалъ, писалъ, лежалъ, ходилъ, etc., etc., — однообразно. Правда, есть въ этомъ однообразіи разныя фантазіи, которыя дозволяютъ не умереть со скуки. А потомъ въ пять дней привыкнешь ко всякому образу жизни.—Къ несчастію, я думалъ въ двѣ недѣли кончить всѣ дѣла и теперь быть уже по крайней мѣрѣ въ Таурогенѣ; но судьба опредѣлила иначе; а книгъто я съ собой почти не захватилъ. Одна только и есть: «Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1496 bis 1535», Ranke.

---

*) Въ оригиналѣ написаны и ноты.

Книга хорошая, но не вѣчная, и потому я ее скоро кончу. Распечатывать ящикъ, который у Тучкова, не хочется, потому что все же дней черезъ восемь надо бы уѣхать. Тучковъ мнѣ прислалъ романъ... *),—который я уже проглотилъ.—Сегодня велѣлъ служить обѣдню, хотя самъ и не могу идти (на что ты, вѣроятно, не разсердишься) и распустилъ твоихъ рукодѣльницъ, придравшись къ твоимъ именинамъ, а собственно потому, что ихъ трескотня меня утомила и что я могу безъ нихъ пройтись по залѣ. День твоихъ именинъ значитъ что-нибудь для меня, а не для другихъ. А для меня онъ много значитъ. Этотъ день ярко обозначаетъ каждую эпоху нашей жизни. Главное—надо устроить нашу жизнь во что бы то ни стало. Мы не должны затеряться въ тоскѣ безплодной, а тѣмъ менѣе разрозниться. Да, Маша—я чувствую, что у меня достаточно любви, чтобъ устроить твою жизнь нераздѣльно съ моею. Я вѣрю въ возможность этого — и можетъ быть мы еще будемъ много счастливы. Лишь бы и ты того же хотѣла. Мы выбросимъ изъ головы, что каждый изъ насъ долженъ брать все, а давать ничего; до сихъ поръ мы въ этомъ много грѣшили. Не надо мѣшать жить другъ другу, но всегда стремиться жить одною жизнію. Тутъ все дѣло въ любви; при любви нельзя жить разными жизнями. Находить на всякое чувство отголосокъ другъ въ другѣ, безпрестанно гармонизировать — о! блаженство, блаженство, гдѣ ты?

Ты теперь, я думаю, поешь порядочно. Ты мнѣ будешь пѣть, когда я пріѣду? Что жъ ты будешь пѣть? Неапольскій мотивъ будешь пѣть? — Мой баритонъ часто звучитъ въ пустынѣ. Носовъ его слушаетъ, но я не думаю, чтобъ онъ имъ наслаждался.

Что Сталинька? Cet enfant me pèse comme un remords. Никогда бы я не долженъ былъ соглашаться на твою страсть воспитывать. Да вѣдь кто жъ съ тобой сладитъ!

Ну, — поцалуй меня, Маша, въ день именинъ. Грустно мнѣ, ей-Богу! При всѣхъ занятіяхъ такая пустота въ сердцѣ, что я иногда думаю, что съ ума схожу.

Прощай, Маша, не забывай меня.

Скоро и я поѣду; можетъ слѣдующее письмо напишу изъ Москвы, какъ предвѣстника моей особы.

Addio — обнимаю и благословляю тебя.

Toujours à toi.

---

*) Неразборчиво.

54.

Апрѣля 8-го с. с.

Судьба меня преслѣдуетъ. Только-что оправился и черезъ нѣсколько дней надо бы ѣхать — какъ опять снѣгъ, морозъ и вьюги. Озими пропадаютъ. Крестьяне въ унынiи. Едва ли что-нибудь у насъ будетъ на будущій годъ. Нынче заводъ далъ пять тысячъ руб. барыша, и то хорошо — нѣтъ убытку. Дѣла скверны, здоровье скверно, на душѣ тяжело. Скверная жизнь! И скучно. Въ четырехъ стѣнахъ почти безвыходно, потому что въ остальныхъ комнатахъ стужа. По дорогамъ проѣзду нѣтъ. Вотъ мое положенiе. Моя внутренняя полнота и нѣкоторое спокойствiе духа, которое я рѣдко теряю, начинаютъ оставлять меня. Я внутренно бѣшусь и только. Отъ тебя ни строки. Изъ Москвы ни отъ кого ни строки. Кажется, все, что я люблю, меня забыло. Да гдѣ же ты наконецъ, Маша? хотя бы изъ жалости кто-нибудь сказалъ. — Сегодня получаю отъ Тучкова извѣстiе, что тетушка Ольга Пашкова умерла. Еще лучше. Зачѣмъ же не Егоръ Ив.? Зачѣмъ милое созданiе должно уступить мѣсто этому циклопу? Зачѣмъ жизнь должна была пройти въ страданiяхъ и остановиться на сороковомъ году? Это просто сѣрдитъ. — А можетъ оно такъ лучше. Можетъ быть, доживъ до сорока лѣтъ, я и самъ захочу умереть. Вѣдь большой отрады и въ жизни нѣтъ. Счастье? гдѣ оно? — Любовь? — проходитъ. Заботы житейскiя скучны. Что остается? Міръ фантазiи? Да и это не удовлетворяетъ. Человѣкъ реалитетъ и хочетъ реалитета. Да къ чему же все это дано, эта жажда истины, эта жажда любви и блаженства? Или желанiе само себѣ награда? Нѣтъ! покорнѣйшiй слуга. Дайте мнѣ прекрасную дѣйствительность. Блаженство въ фантазiи—это безотчетная грусть, стремленiе сладостное, а потомъ тоска. Нѣтъ! въ извѣстный возрастъ это глупо и надоѣдаетъ. Дайте мнѣ блаженство въ дѣйствительности, или выкиньте меня вонъ изъ этого міра, гдѣ я лишнiй и безполезный. Да кто же дастъ блаженство? Маша! ты? — Это было въ твоей волѣ. — Я не могу вспомнить твои письма, которыя я получилъ въ Москвѣ. Никогда я не испыталъ столько безумно-горькихъ минутъ. Разъ я проснулся и съ энергiей человѣка писалъ къ тебѣ. Да выдержу ли я эту энергiю? Создамъ ли я самъ твое и свое счастье? Мой организмъ такъ разстроенъ въ эту минуту, что, мнѣ кажется, я никогда не соберу довольно силъ душевныхъ, чтобъ быть энергическимъ человѣкомъ. Какъ ребенка надо меня ласкать и тѣшить — можетъ

тогда только буду доволенъ. Но я отталкиваю отъ себя это эгоистическое, страдальческое положеніе, гдѣ man lässt sich lieben—вмѣстѣ съ тѣмъ и beherrschen. Нѣтъ! хочу воли и силы. Ужъ если не отвяжусь отъ эгоизма, такъ пусть же мой эгоизмъ будетъ активенъ. А между тѣмъ, написалъ страницу, и усталъ, насилу сижу. Впрочемъ, это слабость послѣ болѣзни. Придетъ весна, придутъ силы. Посмотримъ, судьба! кто кого!

Мои письма не утѣшительны. Да откуда же я возьму утѣшеніе, когда его во мнѣ нѣтъ? Вѣра въ будущность спокойную, блаженную исчезла. Что это: опытъ или тоска больнаго воображенія? Что бы ни было, отъ этого не легче, что узнаешь, какъ и отчего. Сильнѣй всего одно: какое-то упованіе вырвано изъ сердца, и въ сердцѣ пусто. Желаніе томитъ, не удовлетворяя. Нѣтъ! просто мнѣ бы сегодня не надо брать пера въ руки. Я слишкомъ разстроенъ слабостью моего тѣла, и несмотря на солнце, которое наконецъ вздумало выглянуть, ничто не представляется въ свѣтломъ видѣ. Развѣ смѣяться? но

судорожный смѣхъ
Не заглушаетъ тайнаго мученья...

Ты знаешь ли, что я не могу рѣшиться писать мои стихи къ тебѣ въ письмахъ? Ты скажешь: напишетъ стишки, да и спокоенъ. Обидно мнѣ было это читать. Стало быть стихи-то отъ спокойствія душевнаго идутъ! Куда хорошо, если бъ это было въ самомъ дѣлѣ! И что жъ наконецъ, — выкинуть изъ жизни искусство — la seule planche de salut? — Merci! Я еще жить хочу! Какъ бы ни жить, да жить. Мнѣ жаль, что я не музыкантъ. Была ошибка въ дѣтствѣ, что я не захотѣлъ учиться. Музыка мнѣ отраднѣй поэзіи. И потомъ она исключительнѣе; въ нее можно уйти и отъ себя, и отъ людей.

Прости мнѣ, что я пишу, можетъ быть, жестко и горько. Какъ быть? Пишу въ минуту какаго-то невыносимаго душевнаго разстройства, а пишу оттого, что почта. Обними меня и не сердись. Изорви письмо, коли хочешь. Ну! дай ручку и поцалуй меня. Ей-Богу, не хотѣлось бы тебя тревожить. Да самъ не знаю, куда дѣться. — Вчера цѣлый день читалъ Вал. Скотта. Сегодня тоже стану. Да когда жъ я вырвусь отсюда? Чортъ возьми! Досадно!

Слышала ли ты Рубини? Видно, я его не услышу. Онъ Богъ вѣсть куда уѣдетъ. — Какъ мнѣ хотѣлось встрѣтить весну на Рейнѣ! А придется встрѣтить ее около Берлина, т.-е. въ такомъ же скверномъ климатѣ, какъ теперь въ с. Старомъ Акшенѣ. Какъ мнѣ здѣсь

все надоѣло! И моя комната, съ глупымъ каминомъ, который я топлю два раза въ день и съ трудомъ поддерживаю тепло; и эти попы и дворня по воскресеньямъ, и управитель, который хотя и хорошій человѣкъ, но приходъ его возбуждаетъ во мнѣ ненависть и отвращеніе; и І. І. Маршевъ, который удостоиваетъ меня визитомъ черезъ день, какъ лихорадка. Я съ его женой крестилъ у Носова дочь — Марію, рожденную 1-го апрѣля. M-me Marcheff ходитъ въ припрыжку, носитъ черные зубы и бѣлокурые волосы, цвѣтъ лица крупичатый съ розовымъ блескомъ на щекахъ (что по-русски называется «кровь съ молокомъ»). Говорятъ, она очень любитъ литературу. Но она меня очень боится, и потому я имѣю удовольствіе ее почти не видѣть, а видѣвши, почти ни слова не говорить. — Репаманти сбирался ко мнѣ пріѣхать, но я прошу Григорія Хар. увѣрить его, что я слишкомъ боленъ, чтобъ принять его, и что проѣзду нѣтъ. M-me Vêschniakoff почтила меня письмомъ, въ которомъ просила 1.000 руб. сер. взаймы для воспитанія своего балбеса, и въ случаѣ моего согласія обѣщала прислать мужа ко мнѣ съ визитомъ. Послѣднее обѣщаніе уже достаточно было для моего несогласія. Теперь вѣроятно мы въ непримиримой враждѣ съ Вешняковыми. Вопреки пословицѣ я нахожу, что добрая брань лучше худаго мира.— Къ Чулкову я убоялся послать сказать о томъ, что лежу на диванѣ въ кабинетѣ моего радклифскаго замка въ с. Стар. Акш. и читаю сиръ В. Скотта. Они бы не поняли, что не надо мѣшать человѣку читать с. В. Скотта, и можетъ быть толстый Чулковъ, полагая пользу въ движеніи отъ Смалькова до Акшена для своего здоровья, — притащился бы. Что касается до самой Александры Николаевны — ты хотя и возымѣла къ ней нѣкотораго рода нѣжность, но вѣроятно и у тебя это чувство миновалось. Такъ все проходитъ на свѣтѣ, и я пою Requiem aeternam моей небывалой дружбѣ къ моей сытой сосѣдкѣ.

Тучковъ мнѣ показываетъ дѣятельную и дѣйствительную дружбу. Это меня утѣшаетъ. По крайней мѣрѣ знаю, что за 40 верстъ есть человѣкъ, котораго я люблю и который меня любитъ.

Зачѣмъ у меня въ нравѣ нѣтъ суровости? Какая-то бабья потребность нѣжности, которая меня губитъ. Прости это выраженіе. Но то, что я люблю въ женщинѣ, мнѣ въ самомъ себѣ досадно, потому что переходитъ въ какое-то прекраснодушіе и безсмысленную слабость.

Что же еще сказать тебѣ? Скажу, что если ты съ нетерпѣніемъ ждешь моего пріѣзда, то я съ равнымъ нетерпѣніемъ жду моего отъ-

ѣзда. Я не могу жить безъ ласки. Мнѣ тебя надо. Какъ ты меня примешь? Есть ли у тебя стремленіе ко мнѣ, или въ самомъ дѣлѣ твое письмо говоритъ правду: нѣтъ стремленія? Рѣши вопросъ. — Но нѣтъ! будетъ о томъ письмѣ. Можетъ быть ты была нервически разстроена. Человѣкъ не въ силахъ бороться съ своимъ организмомъ, хотя такая слабость и приравниваетъ его къ низшимъ тварямъ въ цѣпи существъ. Да вѣдь мы въ этомъ не виноваты.

А есть сила духа. Есть что-то повыше животнаго потворства минутнымъ впечатлѣніямъ и страстямъ. Да надо къ этому благопріятныя обстоятельства. Человѣкъ, который выше обстоятельствъ,— великій человѣкъ. Я не великій человѣкъ.

Нѣтъ! усталъ. Надо запечатать и лечь. Голова идетъ кругомъ, и спина болитъ нестерпимо. Прощай, Маша! обними меня. Скажи: мы еще будемъ счастливы?.. Цалую и благословляю тебя. Всегда твой другъ — всегда — вездѣ, при всѣхъ обстоятельствахъ. Помни это. Вотъ тебѣ моя рука на это. Прощай!

55.

Апрѣля 14 с. с. С. Старое Акшено.

Вдругъ получаю отъ тебя четыре письма. Слава Богу! Одно ко мнѣ и Галахову разомъ. Боже мой, Маша, зачѣмъ же понимать насъ вкривь и вкось? Что жъ мы, въ самомъ дѣлѣ, тебя не любимъ что ли? За кого же ты наконецъ принимаешь Галахова (ужъ я не говорю о себѣ — можетъ быть я человѣкъ совершенно ничтожный, malveillant, бездушный, etc.) — что его полагаешь въ какомъ-то (несуществующемъ) заговорѣ противъ тебя? Мы писали къ тебѣ съ любовью — это вѣрно. Ты повѣришь, если не почитаешь насъ за подлецовъ. Мое письмо было вызвано твоими, изъ которыхъ я показалъ Галахову самое легкое. Что я ничего не перетолковывалъ, можешь сама увидѣть изъ своихъ писемъ — я ихъ тебѣ привезу. Я хотѣлъ кончить тревожное состояніе, въ которомъ мы оба находимся, тѣмъ, чтобъ поднять насъ обоихъ до спокойствія духа, въ которомъ жизнь была бы настолько проникнута любовью и истиной, что всѣ неопредѣленныя, скажу смѣло, эгоистическія стремленія должны бы исчезнуть. Гдѣ же тутъ — méconnaître? Я знаю, что ты часто скучаешь моимъ pseudo-апатическимъ нравомъ, моимъ неумѣньемъ доставить тебѣ наслажденіе; — я съ своей стороны ухожу въ себя, часто не находя отзыва тому, что мнѣ близко къ

сердцу. Это состоянье противорѣчія двухъ эгоизмовъ (я въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, ничто иное, какъ эгоистъ) — тяжело. А мы любимъ другъ друга quand-même. Неужли же взаимная привязанность не будетъ довольно сильна, чтобъ вырвать насъ изъ удушливаго положенія и поставить высоко, человѣчески высоко? — Вотъ что я думалъ, когда я писалъ къ тебѣ. Мнѣ было тяжело въ то время, я задыхался отъ твоихъ писемъ, мнѣ надо было говорить о нихъ. — Галаховъ мнѣ явился, какъ общій другъ, другъ съ душою нѣжной и благородной. Я говорилъ съ нимъ. Можетъ быть это было дурно — я по крайней мѣрѣ не нахожу этого. Узкой морали я никогда не проповѣдывалъ, и въ моемъ письмѣ, насколько я помню (а, кажется, мнѣ мудрено его забыть) — была не мораль, а что-то человѣчески-прекрасное — назови это моралью, если хочешь, слово ничего не значитъ, но не смѣшивай съ обыденной моралью, которую іезуиты проповѣдуютъ на piazza'хъ Рима и Неаполя. Можетъ быть, перечитавъ мое письмо, ты найдешь въ немъ достаточно страданія и привязанности, чтобы взглянуть на него иначе. Я тебя люблю, Маша, — и какъ бы ты жестко ни отвѣчала на мои задушевные призывы, на крикъ, который невольно вырывается изъ больной груди, — я все буду любить тебя... — Письму M-me Bollviller не удивляюсь. Gute Leute und schlechte Musikanten.— Но перервемъ тяжелый разговоръ. Мы увидимся въ лучшемъ расположеніи духа, можетъ быть хорошо сойдемся и можетъ быть намъ лучше будетъ, чѣмъ когда-нибудь. Почему не надѣяться? Почему не желать того, что такъ бы хорошо было? — Твои письма изъ большой столицы показываютъ, что ты не такъ тревожна, что тебѣ лучше. Въ нихъ проглядываетъ любовь ко мнѣ. Prenons de grace la planche de salut — она у насъ есть, въ нашей волѣ вынырнуть изъ волненія и сдѣлать свою жизнь насколько можно блаженною.

Елагина писала о тебѣ Тургеневу. Отчего ты не отыщешь Кеновъ? Тургеневъ ихъ вводитъ всюду. — Я завтра, чѣмъ свѣтъ, несмотря на дорогу, снѣгъ, дождь и холодъ, ѣду къ Тучкову. Еще грозитъ бѣда съ заводомъ, надо ее отвратить. Дѣла скверны, доходу +.— = 0. Надежда на будущій годъ плоха. Апрѣль необыкновенно ужасенъ. Я уже не дышалъ воздухомъ, и затворничество меня свело бы съ ума, если бъ Тучковъ не навѣстилъ меня намедни. Пробывъ у него нѣсколько дней, я отправлюсь къ тебѣ.

Обними меня: черезъ пять дней Свѣтлое Воскресенье. Въ первый разъ я такъ его встрѣчу — далеко отъ тебя, безъ торжественности, безъ этого колокольнаго звона, который я такъ люблю въ

эту ночь, — въ Яхонтовѣ *) за перепиской съ казенной палатой. Тучковъ меня обниметъ отъ души, я это знаю. Но Тучковъ не женщина, — ton baiser me manquera. Мнѣ опять грустно и плакать хочется. Да нѣтъ ихъ, слезъ, — откуда ихъ взять? Во мнѣ является что-то черствое иногда, я старѣю. Жизнь надоѣдаетъ и я на нее сержусь.

Кончаю письмо. Еще надо много писать, а встану рано, если усну. Можетъ быть придется отдыхать въ тарантасѣ. Я сегодня попробовалъ съѣздить въ Новое Акшено, чтобъ ознакомиться съ воздухомъ. Воздухъ скверенъ. Дорога — снѣгъ и грязь. Тарантасъ качается не хуже парохода въ бурю, какъ я ѣхалъ изъ Венеціи въ Тріэстъ.

Какъ мнѣ хочется въ Италію!

Прощай, Маша, цалуй меня крѣпко; не сердись на меня — дурнаго намѣренія не было. Да за что же предполагать его? Я и Галаховъ, — въ самомъ дѣлѣ, нашла ты двухъ враговъ, которые за тебя все отдадутъ — кромѣ истины.

Addio.

Твой Коля.

Скоро увидимся. Цалую Станю.

Я поѣду прямо на Франкфуртъ. Если ты будешь уже на пути въ Карлсбадъ, то тотчасъ по полученіи этого письма пиши въ Берлинъ или Лейпцигъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ май на дворѣ — и я еще не съ тобою! Теперь мучитъ желаніе уѣхать отсюда. Я здоровъ, но слабъ... Теперь, какъ прошло, скажу, что я очень былъ боленъ.

Апрѣля 15-го. Яхонтово.

Скажу нѣсколько словъ. Я здѣсь на пять дней и послѣ ѣду къ тебѣ. Дорога еще импратикабельна; но нужды нѣтъ, мнѣ ужъ скучно сидѣть въ деревнѣ.

56 **).

Москва. 19 мая.

Я давно не писалъ тебѣ, дорогая Маша, не зная, гдѣ ты. Но, получивъ твою записку отъ 7-го (которою я былъ доволенъ), спѣшу

---

*) Имѣніе А. А. Тучкова.

**) Подлинникъ по-французски.

ѣхать, такъ какъ мнѣ осталось только справить кое-какія бумаги. Итакъ, за этимъ письмомъ вскорѣ послѣдую я самъ. Пишу и ѣду въ Карлсбадъ, такъ какъ ты скоро должна туда пріѣхать.

Не буду говорить о нашихъ письмахъ, въ которыхъ высказалось наше взаимное неудовольствіе. Забудемъ о нихъ. Намъ надо, встрѣтившись, начать снова быть добрыми друзьями. Намъ надо усвоить себѣ такой образъ дѣйствій, при которомъ жизнь была бы легка для обоихъ. Пусть эти слова тебя не оскорбляютъ; я чувствую, я сознаю, что они неизбѣжны. Извлечемъ пользу изъ нашей долгой разлуки. Каждый изъ насъ имѣлъ возможность сосредоточиться, жить на свой ладъ, по своему желанію, каждый могъ понять, что ему нужно. Надо дать свободу всякой личности, т.-е. всему, что есть наиболѣе интимнаго въ человѣкѣ. Надо сдѣлать такъ, чтобы мы никогда не могли смотрѣть другъ на друга, какъ на нѣчто чуждое, какъ на помѣху нашему внутреннему развитію. Пусть связью между нами будетъ любовь, полная терпимость и заботливость. Будемъ свободны и дружны. Будемъ счастливы, сколько можемъ. Отбросимъ всякую злобу и не будемъ мѣшать другъ другу любить и уважать тѣхъ, кого мы любимъ и уважаемъ. Довольно недоразумѣній. Обнимемся, Маша, и постараемся, чтобы миръ и любовь длились вѣчно.

Ты писала И. Г. *), что хотѣла бы видѣть меня и ходить за мною, если я боленъ. Благодарю тебя. Ты вѣрно уже знаешь, что я дѣйствительно былъ боленъ, но теперь я совершенно здоровъ и, кажется, толстѣю.

Но сердцемъ и умомъ я боленъ по прежнему. Я возбуждаюсь искусственной веселостью; въ дѣйствительности, я печальнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Я жажду блаженства — и боюсь, что уже потерялъ способность испытывать его.

Если бы я могъ придти къ тебѣ съ молодой душой, — можетъ быть мы были бы болѣе счастливы. Но я чувствую, что сомнѣніе въ возможности примирить блаженство и жизнь — старитъ и мучаетъ меня. Ни знаніе, ни жизнь не могутъ дать мнѣ мира и наслажденія. Не хочу больше думать, и всю силу желанія, всю страсть, которая мучитъ, всю животворящую любовь, сколько ни есть ея во мнѣ, отдамъ искусству. Искусство исключительно. Немногіе стучатся въ его дверь, еще меньшее число входитъ внутрь. Въ немъ

---

*) Галахову.

можно обособиться и жить. Я хочу жить — больше мнѣ ничего не надо. Боже мой, Боже мой!.. если бы ты только знала, сколько во мнѣ боли и желаній! Но зачѣмъ говорить все это письменно? Мы скоро увидимся. А пока благословляю и цалую тебя. О, Маша, Маша! Какъ я хотѣлъ бы, чтобы ты была счастлива... и я тоже.

Прощай. До скораго свиданія.

X.

Въ концѣ мая 1842 г. Огаревъ наконецъ собрался въ дорогу— за границу, въ Карлсбадъ, гдѣ, какъ мы видѣли, думалъ встрѣтиться съ Марьей Львовной; но онъ хотѣлъ прежде повидаться съ Герценомъ и, пріѣхавъ къ нему въ Новгородъ, провелъ съ нимъ одиннадцать дней. Говорили они, разумѣется, и о Марьѣ Львовнѣ. Съ какими мыслями ѣхалъ къ женѣ Огаревъ, видно изъ записи Герцена въ его дневникѣ, подъ 10-мъ іюня (день отъѣзда Огарева изъ Новгорода): «Онъ намѣренъ разойтись съ нею. Дай Богъ, но врядъ ли найдетъ достаточно силы. Она хитростью, притворствомъ можетъ еще овладѣть его тихой и благородной душой»... Огаревъ, повидимому, и самъ далеко еще не былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи. Нѣсколько дней спустя, размышляя о призракахъ, которые часто властвуютъ надъ человѣкомъ, Герценъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Оттого человѣкъ кажется рабомъ страстей болѣе, нежели онъ есть, что его не выпускаютъ изъ смѣшнаго рабства sui generis предразсудки, напр., монашескіе обѣты. Примѣръ передъ глазами. Огаревъ понимаетъ ясно, когда бракъ есть что-нибудь, и когда онъ дѣлается нелѣпой формой, взаимнымъ рабствомъ, отвратительнымъ соединеніемъ гетерогеннаго; такой бракъ in facto уже распался, а если нѣтъ дѣтей, онъ — безслѣдно прошедшее. *Онъ* именно въ этомъ случаѣ — а не смѣетъ разойтись. Боится общественнаго мнѣнія, говоритъ онъ; но тутъ есть и другая боязнь — отъ совѣсти timorée». Эти послѣднія слова не совсѣмъ точны; Огаревъ боялся общественнаго мнѣнія не за себя: онъ боялся, что открытый разрывъ обречетъ Марію Львовну на мучительно-ложное положеніе въ обществѣ. Но это соображеніе, какъ увидимъ ниже, далеко отступало передъ иными мотивами, и прежде всего — передъ сознаніемъ собственной вины въ отношеніи М. Л. Въ одномъ изъ писемъ этого же года Сатинъ совершенно вѣрно характеризовалъ поло-

женіе дѣла *): «Что сказать тебѣ на твои обвиненія противъ М. Л.? Всѣ они справедливы, и самъ я ихъ повторялъ много разъ, но все-таки я имѣю къ ней состраданіе и повторяю, что Огаревъ поступилъ бы неблагородно, бросивъ ее. Она дурна, но кто виноватъ въ этомъ? Отчасти она, но гораздо болѣе судьба, бросившая ее въ эту колею, а не въ другую... Огаревъ *по-неволѣ* виноватъ въ одномъ — въ своей слабости. Онъ никогда не могъ бы передѣлать натуры своей жены, не могъ бы остановить ея дурныя наклонности. Ну, да что дѣлать, онъ слабъ. А потому для него выходъ невозможенъ и страданія неизбѣжны»...

Во второй половинѣ іюня Огаревъ, повидимому моремъ, изъ Кронштадта, выѣхалъ за границу, и, вѣроятно, въ началѣ іюля въ Майнцѣ встрѣтился съ Маріей Львовной, поспѣшившей къ нему навстрѣчу изъ Неаполя. О томъ, что произошло здѣсь между ними, мы узнаемъ только изъ не совсѣмъ яснаго разсказа Анненкова, основаннаго на письмахъ присутствовавшаго при этомъ свиданіи Сатина къ русскимъ друзьямъ. «Произошло объясненіе между ними, и свидѣтель (т.-е. Сатинъ) прибавляетъ, что онъ измучился въ теченіе двухъ недѣль, пока оно длилось. Сурово оттолкнутая и оскорбленная на первыхъ порахъ раздраженнымъ мужемъ, Марья Львовна обнаружила гордость женщины, грубо призванной къ отвѣту въ то время, какъ она пришла съ сознаніемъ своей опрометчивости и раскаяніемъ. Далѣе разсказчикъ повѣствуетъ, что вскорѣ роли перемѣнились: изъ подсудимой Марія Львовна сдѣлалась такой рѣшительницей участи Огарева, что послѣдній искалъ сдѣлки, примиренія, унижался, льстилъ, прибѣгалъ къ хитростямъ — и получилъ отпущеніе. Теперь — поясняетъ разсказчикъ — «они связаны тѣснѣе, нежели когда-нибудь, и не любовью, а обстоятельствами».

Какъ показываетъ приводимое дальше Анненковымъ письмо Сатина, миръ состоялся на условіяхъ замѣны любви дружбою и взаимной свободы; Огаревъ выдалъ женѣ вексель въ 30.000 рублей серебромъ и назначилъ ей ежегодное содержаніе. Это же письмо открываетъ мотивы, которыми руководился въ настоящемъ случаѣ Огаревъ. Во-первыхъ, онъ хотѣлъ избавить жену отъ ложнаго положенія въ свѣтѣ; далѣе, самъ пріучивъ ее къ роскоши, онъ не могъ оставить ее безъ средствъ, а отъ человѣка, который оттолкнулъ ее,

*) «Анненковъ и его друзья», стр. 95 и далѣе. Отсюда же и всѣ дальнѣйшія выдержки изъ писемъ Сатина.

она не взяла бы денегъ; наконецъ, онъ разсчитывалъ, что его нравственная поддержка, при ея полномъ одиночествѣ, будетъ ей полезна.

По заключеніи мира супруги направились въ Карлсбадъ, гдѣ М. Л. собиралась продолжать свое леченіе. Здѣсь Огаревъ, 19 іюля ст. ст., принялся писать обширное письмо къ московскимъ друзьямъ *). О своемъ примиреніи съ женою онъ говоритъ глухо. «Жизнь моя легче, чѣмъ была, — пишетъ онъ. — Я вижу выходъ. Отнынѣ я свободно буду гулять по свѣту. Марія — благороднѣйшій человѣкъ въ мірѣ; мы всегда останемся друзьями... Итакъ, мои отношенія обрисовались, я былъ откровененъ, сколько могъ. Во всемъ этомъ много горькаго и тяжелаго; но опредѣленность спасительна и жить хотя не радостнѣе, но легче».

Однако въ Карлсбадѣ Огаревъ оставался недолго: 4-го августа ст. ст. онъ уѣхалъ на Рейнъ, а Марья Львовна перебралась въ Эмсъ, чтобы пользоваться ваннами. Поѣздка Огарева продолжалась недѣли три. Нижеслѣдующія письма писаны во время этой отлучки. Они все еще полны любви и нѣжнаго состраданія. Огаревъ точно ищетъ забыться въ быстрой смѣнѣ впечатлѣній; видно, что ему очень тяжело, что для него все кончено, — но онъ старается согрѣть *ее* теплымъ словомъ братскаго участія.

57.

Гейсенгеймъ, четвергъ.

Происшествія этого дня удивительны. Впросонкахъ ты простилась со мною. Мнѣ стало грустно — и ночь мы были врозь. Въ 6 час. пришелъ я на паровозъ. Возлѣ меня молодой человѣкъ — Крюднеръ — одинъ изъ друзей Галахова и его сестеръ, дерптскій нѣмецъ, человѣкъ неглупый и милый; жаль, что на пароходѣ мы съ нимъ не познакомились. Онъ любитъ Гал. чрезвычайно. Они вмѣстѣ были въ Дерптѣ; и Фролова онъ хорошо знаетъ и понимаетъ. Мы съ нимъ пошли къ Бетману. Такъ какъ надо было яриться не прежде $8^1/_2$, то я взялъ у Крюд. денегъ и пошелъ расплатиться съ

---

*) «Изъ переписки недавнихъ дѣятелей», «*Рус. Мысль*», 1889, XI, стр. 9. Анненковъ (указ. соч., стр. 96) невѣрно изображаетъ маршрутъ Огаревыхъ: въ Италію они уѣхали только осенью, а не тотчасъ послѣ майнцскаго свиданія.

Бингомъ, да справилъ всѣ твои комиссіи. Потомъ къ Бетману — въ ту минуту, когда отворяли дверь конторы, — что однако не помѣшало опоздать 10 минутъ. Вотъ отчего я къ тебѣ не пріѣхалъ. Бетм. надулъ на 100 фр., несмотря на живую протестацію съ моей стороны. Потомъ мы пошли съ Крюд. въ домъ Гёте и въ картинную галлерею. Я провелъ время хорошо. Въ 12 час. отправились мы оба въ Майнцъ. Обѣдали. За обѣдомъ подходилъ и говорилъ Тучковъ. Да!!! Во Франкфуртѣ я закричалъ: Гоголь! — и Гоголь явился; мы вмѣстѣ ѣхали на паровозѣ. Чудакъ онъ! Въ Майнцѣ я осмотрѣлъ достопримѣчательный соборъ и въ 5 час. на маленькомъ пароходѣ уѣхалъ сюда, въ Гейсенгеймъ. Видъ Рейна въ лунную ночь несравненъ. Былъ концертъ стиріанцевъ на берегу Рейна въ Wirth's Theater. — Я пилъ рейнвейнъ въ погребѣ Lade. Чудо хорошъ! И до 10 гулялъ. Завтра въ 4 час. утра ѣду въ Johannisberg, а въ 7 на пароходѣ въ Bonn. — Вотъ все.—Я не веселъ и не невеселъ. Какъ-то мы сухо разстались. Вотъ отчего и невеселъ. Прощай. Иду спать. Перо ужасное! Ужаснѣе чернилъ и чернильницы — а это много сказано. Прощай! Обнимаю и благословляю тебя. Это идетъ на почту въ Кобленцъ. — Сталю цалую. Онъ обѣщался быть уменъ. Прощай!..

58.

Кёльнъ. 5 час.

Вчера я не писалъ къ тебѣ. И въ самомъ дѣлѣ, мудрено успѣвать писать во время путешествія, которое нѣмцы называютъ flüchtig. Ну! что ты дѣлаешь? Скучаешь? лечишься? Помнишь друга иль забыла? Эмсъ такъ хорошъ, что мнѣ подчасъ жалко, что я не остался тамъ. Я былъ бы съ тобою, покоенъ и наслаждался бы природой. Но вотъ тебѣ отчетъ путешествія, изъ котораго ты увидишь, что я не даромъ жалѣю, что уѣхалъ, потому что часть времени провелъ въ безполезной скукѣ.

Я остановился въ Боннѣ. 1-е — пошелъ къ Henry et Cohen libraires и спросилъ про Ж. З., которой здѣсь ни въ Боннѣ, ни около Бонна никогда не бывало. Мнѣ было жаль, что я ее не увижу, потому что глубоко ее уважаю, еще болѣе какъ человѣка, чѣмъ какъ писателя, и жаль было, что ты ее не увидишь. Потомъ пошелъ въ университетъ. — Зала съ фресками, изображающими четыре факультета, мнѣ не очень понравилась. Натянутыя фигуры великихъ людей и еще болѣе натянутыя аллегорическія фигуры, и только. Библіотека

огромна, но едва ли очень достопримѣчательна. Библіотекарь — лифляндецъ, говоритъ по-русски и радъ, когда выйдетъ случай сказать русское слово; онъ былъ солдатомъ въ 14-мъ году и съ тѣхъ поръ остался, и уже 23 года смотрителемъ библіотеки въ Боннѣ и побраниваетъ Русь. Онъ показывалъ мнѣ древности. Вообрази себѣ, что здѣсь почва до такой степени историческая, что стоитъ начать копать землю, чтобъ тотчасъ вырыть римскую древность. Я съ тайнымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на остатки надгробныхъ памятниковъ, вазъ и предметовъ роскоши римлянъ. Остатковъ среднихъ вѣковъ мало. Церковь—въ византійскомъ стилѣ. Она строена въ IX вѣкѣ Еленой, женою Константина Великаго. Мѣсто des alten Zelts на берегу Рейна восхитительно, съ видомъ на Siebengebirge. За ужиномъ я имѣлъ несчастіе сойтись съ Погребовымъ, учащимся въ Боннѣ. Анета про него говорила и хвалила. Но это такая непроходимая скотина, какихъ рѣдко бываетъ. Онъ на другой день звалъ меня съѣздить на Drachenfels. Въ 5 час. утра я съѣздилъ верхомъ на Крейцбергъ, откуда славный видъ, а въ 9 отправились мы на Drachenfels. Дождь не допустилъ насъ доѣхать, и я только потерялъ время. Въ 4-мъ часу я прибылъ въ Кельнъ и пошелъ бродить. Соборъ — !! это удивительная вещь. Ты еще никогда не видала готической архитектуры: ну, просто хочется стать на колѣни и молиться. Ахъ, Маша, — я наслаждался и въ первый разъ понялъ архитектуру. Сверху видъ дивный. Лонъ-лакей очень надоѣлъ мнѣ. Молодой человѣкъ, очень хорошенькій, племянникъ Мейендорфа, лифляндецъ, ходилъ со мной, мы говорили по-русски. Не знаю, какъ его зовутъ. Другія церкви также примѣчательно хороши. Въ картинной галлереѣ много хорошаго, но не отличнаго. Вечеромъ видъ на Кельнъ съ того берега Рейна очарователенъ. Жаль, что тебя нѣтъ со мною. Здѣсь пробуждаются ощущенія небывалыя. Природа и исторія вмѣстѣ дѣйствуютъ сильно. Черезъ часъ ѣду въ Дюссельдорфъ.

Я къ тебѣ не писалъ по вечерамъ отъ чрезмѣрной усталости, которую чувствую отъ дороги и ранняго вставанья, т.-е. невыспанныхъ ночей. — На пароходѣ я говорилъ съ бельгійцами. Въ Брюсселѣ теперь выставка всякаго рода произведеній. Желѣзная дорога изъ Кельна въ Ахенъ открывается только завтра. Въ Дюссельд. я пробуду не болѣе 3 час. — Крюднеръ былъ моей лучшей встрѣчей. Замѣть, что судьба меня сводитъ со всѣмъ, что лучшаго въ Россіи. Иногда много надежды въ душѣ — но рѣдко. Маша! Богъ знаетъ, что̀ такое жизнь. Еще я никому не доставилъ истиннаго счастья —

ни даже себѣ. Зачѣмъ страданіе привязывается съ дѣтства и грызетъ всю жизнь? Зачѣмъ столько дурнаго видишь и дѣлаешь? — Гоголь не вѣритъ смерти Лермонтова, ибо дуэль давно извѣстна и извѣстно, что никто въ ней не погибъ. Слава Богу, если такъ! Страшно видѣть, что все лучшее гибнетъ. Куда выводитъ жизнь насъ?

Грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,—

а почти такъ. Я вялъ, Маша, — правда; но, ей Богу, давно я не проводилъ цѣлаго дня спокойно. — Что-то внутри мучитъ и кричитъ — напрасно была дана молодость. — Въ какомъ-то ты расположеніи духа?

Благословляю тебя и обнимаю, друга моя. Цалую Станю. Ну! поцалуй меня! Прощай!.. До Брюсселя.

59.

Un retard imprévu m'a fait aller à Wiesbad, et au lieu de continuer mon voyage sur le Rhin, je reste ici 2 jours. J'ai rencontré—comment penses-tu qui? — Sasonoff! Странны встрѣчи съ людьми, съ которыми не видался 9 лѣтъ. Я нашелъ его, какъ думалъ, чрезвычайно умнымъ и современнымъ человѣкомъ. Онъ пережилъ въ себѣ многое, и многое мнѣ симпатично. Мы обрадовались другъ другу, какъ давно не радовались.

Ну! а ты, моя бѣдная, измученная Маша! Еще разъ прошу тебя— забудемъ все, что было, и благословимъ другъ друга по прежнему. Напрасно ты думаешь, что ты мнѣ не нужна. Если ты чувствуешь, что я тебѣ нуженъ, то повѣрь, что и наоборотъ то же. Дай мнѣ ручку и давай любить другъ друга. Сколько бъ я передъ тобой ни былъ виноватъ — ты забудь это. Я съ своей стороны не нахожу, чтобъ ты въ чемъ-нибудь была передо мной виновата. Ergo: будемъ жить вмѣстѣ въ мирѣ и любви. Не такъ ли? Напиши мнѣ въ Бахарахъ или Боннортъ. А я уже дальше Кобленца не поѣду и прибуду къ тебѣ, chère enfant, чтобъ успокоить тебя.

Вчера я былъ въ концертѣ m-lle Giorgi, римской primadonn'ы. Norma меня растрогала. Видишь, если бъ ты возлѣ меня сидѣла и у тебя навернулась бы слеза — мнѣ было бы лучше. Потомъ я нашелъ имя Сазонова въ курлистѣ и отыскивалъ его — и не оты-

скалъ, что̀ сегодня сдѣлалъ съ помощью Lohndiener'a. Но ужиналъ вчера съ русскими (дураками). Господи Боже мой! какіе есть на Руси люди — это ужасъ!

Жарко, и я становлюсь самъ глупъ.

Что за великое дѣло Исторія! Сазоновъ и я — 9 лѣтъ врозь совершаемъ одинакое развитіе. Вѣдь надо, чтобъ общее современное такъ въѣлось въ насъ — иначе нѣтъ возможности одинаковаго развитія при разныхъ отношеніяхъ. А что̀ современность, какъ не дѣлающаяся Исторія?

Но прощай, Маша. Пойду бродить ногами, а рука не ходитъ. Будь спокойна и здорова. Je t'embrasse et te bénis. Ton Nicolas.

Jeudi.

60.

Дюссельдорфъ. 5 сент. веч. 6 ч.

Я пріѣхалъ въ 10 час. утра. Осмотрѣлъ въ короткое время, что̀ стоитъ вниманія, и долженъ до 8 час. вечера дожидаться отъѣзда Eilwagen'a въ Ахенъ. Въ Ахенѣ я буду въ 4 часа утра. Къ обѣду — въ Брюсселѣ, гдѣ пробуду до обѣда 8-го числа. 9-го буду въ Ostende, а 10-го, не останавливаясь, пущусь въ Кобленцъ, и 12-го, много 13-го — у тебя. Какъ скучно не получать отъ тебя писемъ! Все что-то тревожитъ. Странно! Часто мы смотримъ двуглавымъ орломъ, но что-то, un je ne sais quoi — такъ сильно привязываетъ насъ другъ къ другу, что мы никогда не разлетимся. Даже ежели бы и что важное пробѣжало между нами, и тогда мы не можемъ разорваться и скорѣй все простимъ другъ другу, лишь бы быть вмѣстѣ. Желалъ бы я знать, что ты дѣлаешь. — Я скучаю въ Дюссельдорфѣ. Жуковскій еще здѣсь, но не хочется идти къ нему. Къ чему? Онъ не интересенъ; придти и сказать: я также пописываю стишки — глупо; искать себѣ мецената — еще пошлѣе. Пошатался въ саду, который лучше всѣхъ садовъ, т.-е. парковъ, которые я только видѣлъ: огромнъ и что за растенія, т.-е. деревья! Всего примѣчательнѣе картина проф. Зона — Тассо сочиняетъ im dunklen Laube, гдѣ Goldorangen blühen, и обѣ Элеоноры смотрятъ на него изъ-за куста, давая другъ другу знакъ, чтобъ не мѣшать ему. Славная картина! Лица женщинъ хороши, и лицо Тассо чрезвычайно выразительно. Сегодня на пароходѣ я зябъ, какъ собака. Встрѣтилъ юношу, очень похожаго на Сатина, и англичанку, очень напоминающую Душеньку Коб. — хотѣлъ съ обоими познакомиться, но всѣ преглупо сидѣли

въ каютѣ; да, впрочемъ, я былъ d'une humeur de chien, что, я думаю, давеча отразилось въ моемъ письмѣ. Я въ припадкѣ самообвиненій, а эта тема — самая мучительная и безконечная. — Сейчасъ бродилъ по лавкамъ. Здѣсь славные пистолеты, но поскупился вынуть 60 талеровъ изъ кармана, и купилъ очень миленькую пороховницу. Спрашивалъ cassolette — нѣтъ. Кельнъ и Дюссельдорфъ представляютъ почти на всѣхъ улицахъ движеніе, какъ на Невскомъ проспектѣ. Это принадлежность торговыхъ городовъ. — Мнѣ надо было еще смотрѣть церковь — но всѣ лонъ-лакеи такъ мнѣ опротивѣли, что я сижу въ комнатѣ и ужасно мосаденъ*). Что-то такое тревожное, дикое въ душѣ, что я не радъ самъ себѣ; все противно, и бѣготня на улицахъ, и холодъ, и жирныя голландскія рожи, и аффектированныя лица нѣмецкихъ идеалистовъ, и все движеніе торговое кажется такимъ обманомъ, и люди въ блузѣ такъ жалки — и самъ себѣ такъ наскучилъ, что не знаю куда дѣваться! Европа! да — здѣсь привольнѣй для насъ, а для европейца такъ же тягостно. А я отчасти европеецъ, и потому мнѣ отчасти тягостно. Столько язвъ въ обществѣ, и когда это все залечится, и какъ? Христіанство и фурьеризмъ — два противорѣчія — этого еще Г(ерценъ) не замѣтилъ. Христіанство все основано на внутренней жизни, на Gemüth, на идеализаціи, а фурьеризмъ — на голой реальности. Христосъ не удовлетворяетъ оттого, что людямъ надо реальной жизни, дѣйствительнаго, а не заоблачнаго блаженства; а фурьеризмъ не удовлетворяетъ потому, что когда Gemüth не живетъ, плохъ человѣкъ бываетъ. Что же наконецъ? Философія примиряетъ въ мысли — такъ! да фактъ-то, дѣло-то намъ надо, подавай сюда счастье въ дѣйствительной жизни, да и только. А гдѣ оно? Что дѣлать? Какъ вытащить страдающихъ изъ страданій? Христосъ это сдѣлалъ актомъ des Gemüths, сказавъ: «Пріидите, всѣ плачущіе, азъ упокою вы». А теперь этого мало, мало царствія небеснаго; не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки. Гдѣ вѣра? Гдѣ надежда? — Разорванность — вотъ еще черта нашего времени. Гадко! А Рейнъ при лунѣ тихій, величавый. — Маша! да зачѣмъ же нѣтъ примиренія съ людьми? Прощай! Цалую и благословляю и обнимаю тебя и будь здорова и не уставай отъ ваннъ. Спрошу чаю и отправлюсь на почту и въ Eilwagen. Addio, carissima. Завтра напишу изъ Брюсселя.

---

*) Maussade.

61.

Брюссель. 8-го.

Уже 2 дня я не писалъ къ тебѣ. Сегодня справлялся на почтѣ, не вздумала ли ты написать ко мнѣ — но нѣтъ. Это мнѣ грустно. Какая-то тоска и безпокойство меня преслѣдуютъ, какъ cauchemar. Вижу, что мое возвращеніе въ Русь будетъ мнѣ тягостно. Но не надо сѣтовать и смущать другъ друга. Слушай реляцію моего путешествія. Изъ Дюссельдорфа въ Ахенъ я ѣхалъ съ очень скучными людьми, и съ однимъ изъ нихъ осматривалъ городъ. Соборъ — странное, но прекрасное сочетаніе готическаго стиля съ византійскимъ. Тутъ похороненъ Карлъ Великій. Не знаю, почему есть люди огромнаго историческаго значенія, которыхъ память меня нисколько не тревожитъ. Carolus Magnus — изъ ихъ числа. Видъ съ горы Луисбергъ хорошъ, и поваръ въ гостиницѣ хорошъ; я былъ очень радъ и тому, и другому. Смотря на желѣзную дорогу, я упалъ въ канаву— и потомъ всталъ, разумѣется. А потомъ въ дилижансѣ (желѣзн. дор. еще нѣтъ) отправился въ Люттихъ (Liège), гдѣ ночевалъ въ одной комнатѣ съ моимъ compagnon de diligence — von Houlthieu, очень порядочнымъ человѣкомъ, большимъ другомъ Venedey, который писалъ брошюру о рейнскихъ дѣлахъ. Въ 7 час. уѣхалъ на желѣзную дорогу и въ 12 былъ въ Брюсселѣ. Тьеръ правъ — Брюссель не сколокъ съ Парижа умственнымъ движеніемъ, а только промышленнымъ, Брюссель — une contrefaçon belge Парижа; ему хочется быть французскимъ, но онъ и малъ, и мелокъ, какъ его книги. Однако улицы шумны, лавки многія богаты. Я заказалъ платье, купилъ сапоги, нашелъ кассолетку à ressort, причесался, купилъ примочку, которая моетъ голову, и помаду, которая пачкаетъ бакенбарды, обѣдалъ и былъ въ театрѣ St.-Firmine; актеръ de la Comédie Française изъ Парижа—превосходенъ. Здѣшняя актриса— забылъ, какъ ее зовутъ — хороша, еслибъ не монотонность голоса. Давали «École de vieillards» — пьеса шла весьма хорошо и сдѣлала на меня впечатлѣніе, потому что я чувствую: старикъ, ребенокъ и я — одно и то же: во мнѣ всѣ глупости, страсти, необузданность стариковъ, дѣтей и юношей такъ слились, что я, можетъ быть, отъ того не знаю, куда двинуться, и кажусь вялымъ. Потомъ давали «Сильфиду», которая идетъ настолько глупѣе нашего, что я не сталъ смотрѣть и пилъ чай au café des 1000 colonnes, и пошелъ домой пѣшкомъ, одинъ, насилу нашелъ дорогу и легъ въ часъ.

Сегодня былъ въ картинной галлереѣ музея, гдѣ 2 картины Рубенса удивительны и 2 новыя картины, на которыя можно долго смотрѣть. Но я про нихъ разскажу лично, ты же не любишь читать картино-описанія. Наконецъ скажу тебѣ, что мнѣ скучно шляться одному, и, проживъ завтрашній день въ Брюсселѣ, — я послѣ завтра отправлюсь опять въ Ахенъ и въ Кельнъ и въ Кобленцъ— и въ Эмсъ, ни на мигъ не останавливаясь. Итакъ, скоро увидимся. Слава Богу! Я всю дорогу былъ d'une humeur de chien, чортъ знаетъ съ чего.

Сейчасъ отправлю письмо на почту и отправлюсь справлять твои комиссіи. Прощай, Маша, другъ мой, — дай ручку. Скоро увидимся и обнимемся — мнѣ нуженъ покой, нужно забыться, я мученикъ и самъ себѣ палачъ, и не знаю, куда убѣжать отъ себя. Можетъ быть — въ твои объятія. Съ нѣкотораго времени все для меня можетъ быть, и ничему я не вѣрю. Прощай! Цалую тебя. Извини, что скверно писалъ — пора на почту. Addio.

Сталю цалую. Жор. и Ан. Петр. кланяюсь. Два раза не поспѣлъ къ концерту Рубини съ проклятыми Eilwagen'ами. Сегодня Concert d'harmonie и Opéra comique; буду и тутъ, и тамъ. Объ выставкѣ донесу лично — это чудо девятое — жаль, что тебя не было. Такъ бы вотъ все и закупилъ.

Повидимому, вскорѣ по возвращеніи Огарева изъ этой поѣздки, въ концѣ сентября или началѣ октября по новому стилю, онъ двинулся съ женою въ Италію. Каково было въ это время его настроеніе, показываетъ его письмо къ Сатину, писанное въ Цюрихѣ, т.-е. на пути въ Италію *): «Измученный пошлостью моего поведенія, съ ненавистью въ душѣ, я ѣхалъ и пріѣхалъ сюда... Зачѣмъ я унижался подъ конецъ? Затѣмъ, что я видѣлъ въ этомъ возстановленіе и спасеніе отъ всѣхъ преслѣдованій женщины, которую я глубоко оскорбилъ... Но битва не кончена. Во мнѣ разрушенъ цѣлый міръ, къ которому я былъ привязанъ... Всѣ униженія, которыя я понесъ, лежатъ на сердцѣ... Въ призваніи художника я не отчаялся; остальное все погибло. Ширь жизни, жажда наслажденій и блаженства будутъ тщетны, свято затаены... Мой путь унылъ, но я буду силенъ»...

Сообщая эти строки московскимъ друзьямъ, Сатинъ прибавляетъ: «Марья Львовна съ своей стороны пишетъ ко мнѣ, что она

---

*) «Анненковъ и его друзья», стр. 97.

поняла теперь совершенно свои отношенія къ мужу, и клянется, что она измѣнится и никогда не стѣснитъ его ни словомъ, ни дѣломъ... Чѣмъ все это кончится — Богъ знаетъ! Одно только вѣрно, что Огаревъ теперь страдаетъ такъ, какъ никогда еще не страдалъ. Теперь обѣщается быть сильнымъ... Дай-то Богъ! А онъ можетъ быть силенъ. Въ самомъ этомъ униженіи, перенесенномъ имъ добровольно для возстановленія женщины, онъ явилъ силу огромную, но только некстати употребленную».

Письма Сатина были въ эти мѣсяцы, повидимому, единственнымъ источникомъ, откуда друзья, жившіе въ Россіи, получали свѣдѣнія объ Огаревѣ. Самъ Огаревъ, стыдясь своей жалкой роли, либо подолгу молчалъ, либо — какъ въ карлсбадскомъ письмѣ — говорилъ о своей семейной исторіи вскользь и больше намеками.

Герценъ узналъ подробности примиренія между Огаревымъ и Марьей Львовной только въ началѣ ноября, изъ письма Сатина. 2-го ноября онъ записалъ въ свой дневникъ *): «Письмо отъ Сатина изъ Ганау. Огаревъ опять надѣлалъ глупости въ отношеніи къ женѣ, снова сошелся съ нею, поступалъ слабо, обманывалъ, унижался и опять сошелся послѣ всего бывшаго. Вотъ что я писалъ къ Огареву: «Бѣдный, бѣдный Огаревъ, я грущу о твоемъ положеніи, но ни слова, — когда дружба истощила безуспѣшно все, чтобъ предупредить, отвратить, ея дѣло остаться вѣрною въ любви. Дай руку, какъ бы ты ни поступилъ, не хочу быть судьей твоимъ, хочу быть твоимъ другомъ; я отворачиваюсь отъ темной стороны твоей жизни и знаю всю полноту прекраснаго и высокаго, заключеннаго въ ней. У тебя широкія ворота для выхода изъ личныхъ отношеній — искусство, міръ всеобщаго; я хочу не знать жалкой борьбы, отъ которой раны, конечно, будутъ не на груди...» «Для хладнокровнаго наблюдателя, — продолжаетъ Герценъ, — это психологическій феноменъ, достойный изученія. Чѣмъ эта ограниченная, неблагородная, некрасивая наконецъ женщина, противоположная ему во всѣхъ смыслахъ, держитъ его въ илотизмѣ? Любовью? — онъ не любитъ ее, даже не уважаетъ; абстрактной идеей брака? — онъ давно не признаетъ власть его. Чѣмъ же? Отталкивающее ея существо такъ сильно, что все, приближавшееся къ ней, ненавидитъ ее; вездѣ, на Кавказѣ, въ Москвѣ, въ Неаполѣ, Па-

*) Дневникъ Герцена цитируется по женевскому изданію его сочиненій, 1875 г., т. I.

рижѣ, она возбуждала смѣхъ и негодованіе. Сожалѣніе и слабость, безпредѣльная слабость, вотъ что затягиваетъ цѣпь, которую должно было сбросить, — такъ далеко зашелъ ея эгоистическій, дерзкій нравъ. Такая ли будущность ждала Огарева? И въ такомъ-то омутѣ теряетъ онъ силы на глупую борьбу, теряетъ здоровье, жизнь. Это ужасно! Но теперь-то ему и нужна дружба».

Приблизительно то же, что Герценъ, писали Огареву, вѣроятно, и московскіе друзья — Кетчеръ, Грановскій и др. Только въ мартѣ (т.-е. 1843 г.) Огаревъ, наконецъ, собрался съ духомъ дать имъ отчетъ въ своемъ поведеніи. Это письмо показываетъ намъ Огарева на высокомъ уровнѣ самосознанія. Въ томъ, что онъ говоритъ здѣсь о себѣ, нечего измѣнить — такъ отчетливо вскрылъ онъ двойственность своей натуры, свою слабость въ дѣйствіи и свою силу въ сознаніи. «Откровенный самъ съ собою, — пишетъ онъ *), — я знаю всѣ пружины, которыя заставляютъ меня дѣйствовать, и, къ великому моему прискорбію, я въ самомъ дѣлѣ похожъ на машину, которую разныя пружины приводятъ въ движеніе, и она идетъ непроизвольно, покорная ихъ толчкамъ. Конечно, хозяинъ, сирѣчь сознаніе, понимаетъ, что, почему и какъ, — но ничѣмъ не распоряжается, не останавливаетъ и не двигаетъ, а только смотритъ — больше ничего. Но давайте кончимъ сначала всѣ разговоры, въ которыхъ можетъ отзываться горечь. Я ребенокъ — это несомнѣнно; вслѣдствіе этого, несмотря на свѣтлое сознаніе (котораго дѣло сторона), я дѣлаю и надѣлаю тысячи глупостей. Въ эти глупости могутъ войти равныя доли добраго и гадкаго. Но я не вѣрю въ *безвыходности* и не признаю никакого положенія безвыходнымъ. Ergo, я живу съ полнымъ упованіемъ въ жизнь. Какъ всѣ люди, не имѣющіе «гордаго чела и непреклонной воли», я приношу въ поступки нерѣшительность, медленность или младенческое своеволіе и не обрѣтаю въ себѣ силъ стать выше этого. Но если нѣтъ непреклонности воли — есть непреклонность сознанія. Это есть выходъ, передъ которымъ должны пасть нерѣшительность и своеволіе, и тогда настанетъ время святости жизни... Теперь довольно объ этомъ. Я надѣюсь, что ваши ясные взоры изъ сихъ штриховъ составятъ себѣ всю картину моей жизни. Одно только еще замѣчу: отнесите въ моихъ глупостяхъ долю гадкаго къ поступкамъ, а долю добраго къ внутреннимъ побужденіямъ и намѣреніямъ. Иначе вы меня оскорбите

*) «Изъ перепис. нед. дѣят.». «Р. М.» 1889, XII, стр. 7—8.

несправедливо. Будетъ съ меня обидъ, наносимыхъ мнѣ самимъ собою. Но также не вините никого въ моихъ обстоятельствахъ, кромѣ меня самого. Изъ двухъ страдающихъ лицъ одно благородно, другое нѣтъ. Это другое лицо—я. Не сердись, баронъ *), — это правда. Узнаешь—повѣришь. Я думаю, Ritter**) скорѣй могъ вамъ задать задачу о гадостяхъ, мною учиненныхъ, чѣмъ о моей безвыходности».

Въ отвѣтъ на апологію Марьи Львовны, заключавшуюся въ послѣднихъ строкахъ, Герценъ писалъ потомъ Огареву ***): «Я торжественно протестую противъ твоихъ самообвиненій и противъ титула «благородное существо». Какъ ты назовешь существо, которое по сухости души въ состояніи съ утонченнымъ эгоизмомъ давить и тѣснить семилѣтняго ребенка****)? Моего отпущенія тому существу нѣтъ. Я многое узналъ отъ различныхъ противоположныхъ лицъ».— Огаревъ разумѣлъ, можетъ быть, нѣчто другое. Онъ естественно могъ себя спрашивать: вправѣ ли онъ осуждать Марью Львовну за ея легкомысленное поведеніе, когда онъ самъ все это время подчасъ сильно кутилъ?

Огаревы прожили въ Италіи всю зиму 1842—43 г., Марья Львовна, повидимому, безвыѣздно въ Римѣ, Огаревъ — сначала во Флоренціи, потомъ съ нею въ Римѣ. За эту зиму Марья Львовна, окончательно и, такъ сказать, уже формально сошлась съ извѣстнымъ русскимъ художникомъ Сократомъ Воробьевымъ, симпатичнымъ и слабовольнымъ человѣкомъ, пріятелемъ Огарева. Тѣмъ не менѣе Огаревъ не разставался съ нею, все по тѣмъ же причинамъ. Изъ письма къ нему Сатина (Франкфуртъ, 2 марта) видно, что Огаревъ писалъ ему о необходимости для него «выхода» изъ его отношеній къ женѣ и о страхѣ «разрушить чужое существованіе». Сатинъ отвѣчаетъ ему вопросомъ: «избѣгнешь ли ты раскаянія, ежели не разрушивъ, то стѣснивъ свое собственное существованіе?» — и говоритъ дальше: «впрочемъ, мнѣ кажется, ты пишешь слово разгадки: не *рвать* нужно, а *распутать*. Дай тебѣ Богъ успѣха» *****).

---

*) Кетчеръ.

**) Сатинъ.

***) «Изъ перепи. нед. дѣят.», тамъ же, 1890 г., III, стр. 1.

****) Герценъ имѣетъ въ виду, безъ сомнѣнія, того ребенка, взятаго Огаревыми на воспитаніе, о которомъ неоднократно говорится въ этихъ письмахъ.

*****) «Изъ перепи. нед. дѣят.», тамъ же, 1889 г., XII, стр. 6.

По веснѣ Огаревы переѣхали въ Неаполь, откуда предполагали съ наступленіемъ лечебнаго сезона снова перекочевать за Альпы, М. Л. — опять на воды въ Карлсбадъ, а Огаревъ — куда его направитъ извѣстный тогда врачъ Коппъ, лечившій всѣхъ русскихъ — и Гоголя, и А. П. Елагину, и др. Но еще изъ Неаполя Огаревъ въ началѣ нашего мая (т.-е. 1843 г.) предпринялъ небольшое путешествіе на сѣверъ, чтобы повидаться съ Фроловымъ, жившимъ тогда въ Bagni di Lucca. Отъ этой поѣздки сохранились слѣдующія шесть его писемъ къ М. Л. Она оставалась въ Неаполѣ и должна была съѣхаться съ нимъ въ сѣверной Италіи.

62.

20 мая. Civitta Vecchia.

Человѣкъ располагаетъ, а Богъ распоряжаетъ, сказала какая-то непроходимая скотина, и не соврала. Я только сейчасъ сюда пріѣхалъ, т.-е. ровно 24 часа позже, чѣмъ думалъ. Противный вѣтеръ продержалъ насъ цѣлую ночь на якорѣ въ Байѣ и помѣшалъ скоро ѣхать далѣе. Вчера качка была такъ велика, что я даже былъ боленъ съ полчаса. — Ну! вотъ я путешествую, Маша! Лучше ли мнѣ? Богъ вѣсть. Дорога меня разстроила; я весь будто расклеенъ, и теперь все еще кажется — земля ходитъ подъ ногами. Хуже всего то, что я пріѣду сегодня вечеромъ въ Римъ, а завтра воскресенье, ergo, lascia passare и дѣла съ Валентини не кончатся прежде понедѣльника, и вы день слишкомъ будете задержаны въ Неаполѣ. Какъ твое здоровье, Маша? Напиши мнѣ скорѣе въ Livorno или въ Пизу; адресуй въ Livorno съ первымъ пароходомъ въ Hôtel Tomson. Что тебѣ — скучно, грустно? или ты спокойна? Меня мучили твои слезы, и мучатъ, хотя я тебя не вижу. Но не хочу ничего говорить, что бы могло тебя болѣе тревожить. Пусть что происходитъ во мнѣ, во мнѣ и останется. Обнимаю тебя крѣпко — и сейчасъ ѣду въ Римъ. — Кажется, я забылъ письмо къ m-me Kenny и мою печать, да бусы. Письмо перешли мнѣ по почтѣ въ Лукку, а вещи привези сама въ Liv. Прощай! спѣшу. Цалую и обнимаю тебя еще разъ. Будь здорова.

Грекъ, котораго ты видѣла на пароходѣ, — французъ,—Arago, племянникъ астронома, находится на службѣ Мегемеда-Али. Довольно милъ и не глупъ. Прощай!

63.

Римъ. Hotel Maykoff *). 21 avril.

Сейчасъ получилъ твое письмо, другъ мой, и спѣшу написать нѣсколько строкъ. Я обрадовался Риму, и, право, это самый симпатичный городъ изъ всѣхъ городовъ Европы, то же, что Москва въ Россіи. Я пріѣхалъ въ субботу вечеромъ довольно поздно. Воскресенье дѣлать было нечего, и мы ѣздили верхомъ въ Остію. Сегодня все обдѣлалъ. Деньги Валентини взялся выдать съ удовольствіемъ; ergo ты отъ него получишь до шести тысячъ франковъ и дашь ему вексель на Ценкера и Колли въ Москву, а я перепишусь съ Ценкеромъ и Колли. Если же деньги придутъ въ Неаполь послѣ тебя, то пусть Michel перешлетъ ихъ на твое имя въ Карлсбадъ. Но, къ сожалѣнію, lascia passare не можетъ быть высланъ прежде четверга. Скарятинъ его вышлетъ. Ты получишь въ пятницу, и въ субботу можешь выѣхать. Ты скучаешь, другъ мой! Маша — право, твоя тоска меня мучитъ, и я ношу двѣ тоски — твою и свою разомъ, и страхъ тяжело подчасъ. Завтра я ѣду въ Лукку и надѣюсь поспѣть къ отходу «Монжибелло». Гриффи видѣлъ у Скарятина. Онъ носитъ бѣлую шляпу съ широкими бѣлыми лентами. Майковъ и Воробьевъ письма получили. Они вамъ кланяются, и не пишутъ оттого, что все собирались написать что-нибудь поумнѣй и для того вышивали извѣстное количество вина, и оказывалось, что совсѣмъ нельзя писать.

Прощай! Бѣгу брать мѣсто въ дилижансѣ. Будь здорова! Обнимаю и цалую тебя крѣпко и благословляю.

Изъ Лукки напишу въ Римъ на имя Майкова.

Извини, что пришлось печатать печатью Майкова, которая есть наперстокъ.

Я писалъ къ тебѣ изъ Civitta Vecchia, что я плылъ два дня. Пароходъ ночевалъ въ Байѣ.

64.

22 мая. Римъ. Hotel Franz.

Вчера понесъ письмо на почту, но нашелъ ее запертою. Только выдали мнѣ билетъ на полученіе какой-то посылки, адресованной

*) Т.-е. въ квартирѣ А. Н. Майкова.

къ тебѣ. Я ее сегодня достану и отдамъ Бирбичатамъ или Скарятину. Ѣду я сегодня въ 8 час. вечера, а завтра на «Касторѣ» далѣе. Буря совершенно переиначила мою поѣздку, тоже и вашу. — Какъ же ты, Маша? Не свыкаешься съ Неаполемъ? Грустишь, или стала спокойнѣе? Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя писемъ въ Лукку... Жизнь вообще проходитъ странно, нелѣпо и мучительно. Еще и я не дошелъ до того разумнаго спокойствія, которое смотритъ на вещи сверху, потому что носитъ въ себѣ вѣру и убѣжденіе, при которомъ можно съ любовью принимать участіе въ жизни людей, но самому не увлекаться волненіемъ страстей. Еще я по прежнему въ сомнѣніяхъ, отрицаніяхъ, въ волненіи, etc., etc... и только ищу минутнаго отдыха. — Ну! что жъ тебѣ сказать объ Римѣ? Все какъ и было, только Maillart пустилъ въ походъ бороду и сталъ еще уродливѣе. Здоровье мое поправляется. Скарятинъ перемѣнилъ квартиру и живетъ Piazza della Toretta, № 26, — квартира очень элегантна. Но о дѣлѣ! Пойми же, что тебѣ надо дѣлать съ Валентини: ты къ нему поѣзжай или попроси сходить Скарятина; ты подпишешь Валентини вексель въ 6 тыс. фр. на имя Ценкера и Колли и тогда перешлешь имъ, т.-е. Ценкеру и Колли, мое письмо, которое я оставлю у Скарятина; если же ты получишь деньги въ Неаполѣ, то дай знать Валентини, что тебѣ занимать не нужно. Въ Неаполѣ же бери кредитивъ на Миланъ, Мюнхенъ и Карлсбадъ или Дрезденъ; тоже и у Валентини возьми часть денегъ и часть кредитивъ. Если же деньги въ Неаполь не придутъ при тебѣ, то проси Устинова переслать ихъ въ Карлсбадъ. Да справляйся хорошенько на почтѣ о письмахъ, и если есть ко мнѣ, то перешли въ Bagni di Lucca. Хорошо, если ты придумала средство заѣхать въ Лукку. Оно и ради Галахова хорошо, и ради меня тоже хорошо. Привези четки и письмо отъ Сухт(еленъ) къ m-me Kenny, которое я, кажется, забылъ въ Неаполѣ. Я тебѣ объ этомъ писалъ изъ Civitta Vecchia, но не увѣренъ, дошло ли письмо, потому что поручилъ отдать его камерьеру.

Итакъ, ѣду! Но на душѣ ужасно тревожно. Можетъ быть успокоюсь съ Фроловымъ. Но чего желаю — это чтобъ ты была спокойна. Думаю о тебѣ и опять пріучаюсь къ слезамъ. Богъ тебя благослови, Маша! Пожалуйста, не тревожься и вѣрь въ жизнь такъ, какъ бы и мнѣ хотѣлось вѣрить, да не могу.

Прощай! Зайду къ Бирбичатамъ, а потомъ на почту и къ Скарятину. Обнимаю и цалую тебя. Прощай!

Mes amitiés à Annette.

Lascia passare непремѣнно вышлется въ четвергъ и потому въ пятницу непремѣнно будетъ у васъ.

65.

Пиза. 26-го мая.

Въ Пизѣ я нашелъ Фролова и думалъ, что, проживши здѣсь нѣсколько дней, отправлюсь съ нимъ въ Лукку. Но сегодня отпустилъ ихъ однихъ, а самъ на день остался въ Пизѣ, для докончательнаго излеченія руки, которую я какъ-то зашибъ въ Остіи. Вчера мнѣ ставили къ оной рукѣ піявки, сегодня лучше; завтра поѣду въ Лукку, т.-е. въ Bagni di Lucca. Не ошибайся адресомъ, потому что Bagni отъ Лукки — часа два. Зачѣмъ же ты не написала мнѣ въ Livorno или въ Пизу? Экая ты какая! Меня мучитъ желанье знать о тебѣ, о твоемъ физическомъ и нравственномъ здоровьи. Теперь ты должна выѣзжать изъ Неаполя по моему расчету. Опять увидишь Римъ. Я самъ имѣю нѣжность къ Риму, но не хочу регретировать. Изъ Civitta Vecchia море было чудесное. Я ѣхалъ на «Касторѣ». Качка была такая, какъ на рейнскихъ пароходахъ. Я насладился моремъ. Общество было премерзкое; такая грусть была глядѣть на англичанъ и не англичанъ. Напиши мнѣ тотчасъ, какъ возьмешь деньги у Валентини, чтобъ я могъ скоро переписаться съ Тучковымъ. Да вышли мнѣ франковъ четыреста. Какъ извѣстно, я поѣхалъ съ двумя стами, и здѣсь занялъ нѣсколько у Фролова. Леченіе кой-чего стоитъ. Но ты не безпокойся о моемъ здоровьи; этотъ ушибъ скоро пройдетъ, хотя и больно было, и теперь еще долго сидѣть неловко; но часъ отъ часу лучше, и завтра я оставлю Пизу. Надѣюсь, что ты выдумала средство пріѣхать въ Bagni di Lucca, чѣмъ сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе. Кончаю, потому что трудно писать. Это не моя вина, а вина Провидѣнія, а я бы и въ духѣ писать. Читаю Вальтеръ-Скотта.

Прощай, Маша, будь здорова. Обнимаю, цалую и благословляю тебя. Послѣ-завтра еще напишу. Прощай!

66.

Bagni di Lucca. 31 мая.

Какъ быть, другъ мой! Человѣкъ располагаетъ, а Богъ распоряжаетъ. Ты непремѣнно должна пріѣхать въ Bagni di Lucca, потому

что я едва ли могу ихъ оставить прежде десяти или пятнадцати дней. Я долженъ тебѣ признаться, что у меня въ рукѣ было жестокое воспаленіе; я страдалъ много; теперь лучше, но рука еще не двигается, и едва ли прежде 10 дней приду въ нормальное положеніе, и въ дальнѣйшій путь пускаться страшно. Пріѣзжай пожалуйста! Мнѣ хочется тебя видѣть. Но отчего ты не пишешь ко мнѣ? Неужели въ самомъ дѣлѣ ты адресуешь въ Лукку, а не въ Bagni? Посылаю сегодня въ Лукку. — Пріѣзжай и потому, что Bagni di Lucca — одно изъ самыхъ чудесныхъ мѣстъ Италіи. Я живу у Фролова (Bagni caldi, casa Pierini). Домъ на горѣ. Хожу гулять на четверть часа въ день. Болѣе меня утомляетъ. Мѣста чудесныя, растительность богатая. Жизнь идетъ тихо; но мнѣ что-то на душѣ неловко. Когда кончится все это полу-тревожное, полу-апатическое состояніе? Богъ вѣсть. — Ну! ты какъ? Гдѣ ты? Что твое здоровье? Вообрази себѣ, что всѣ мои обычныя болѣзни исчезли безъ всякихъ медицинскихъ пособій — не знаю почему. Только рука — рука ужасно надоѣла. Такъ нужно людей съ этой рукой, потому что самъ ничего не можешь сдѣлать, а мнѣ всегда оскорбительно нуждаться въ людскихъ пособіяхъ. — Какъ твое нравственное состояніе? Развлеклась ли ты римской Кампаньей? Ѣдешь ли, или гдѣ ты? Какъ досадно — ничего не знаю и не могу ѣхать самъ въ Лукку, потому что лечусь. Посылаю это письмо въ Лукку, къ Мери, которая должна знать, гдѣ вы, и перешлетъ его. Сейчасъ стану писать нѣсколько строкъ къ Галахову. Письмо твое черезъ m-me Pl. онъ получилъ и сбирается отвѣчать; но онъ, кажется, теперь занятъ хозяйствомъ и разъѣздами по разнымъ деревнямъ.

Я просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ немедля написать мнѣ, заняла ли ты денегъ у Валентини, ибо мнѣ тогда нужно снестись съ Тучковымъ. Да просилъ прислать мнѣ франковъ 400. Послѣднее, если сама привезешь, то время терпитъ, а первое нужно дѣлать скорѣй.

Итакъ, я жду тебя въ Bagni. Совѣтую карету (если оная выгрузится) оставить въ Пизѣ или въ Луккѣ (на доганахъ piastre избавляетъ отъ осмотра) и пріѣхать въ наемномъ экипажѣ, ибо на нашу гору карета не взъѣдетъ. Въ двухъ шагахъ отъ Фролова есть Pension Suisse, гдѣ можно намъ будетъ остановиться. Письмо мое отчасти пусто. Болѣзнь меня немного притупила. Вотъ 10 дней, изъ которыхъ 4 мнѣ лучше, а 4 я страдалъ какъ сумасшедшій (въ Пизѣ).

Прощай, друга моя, жду тебя скоро. Обнимаю, цалую и благословляю. До свиданія, Маша. Твой Николай.

67.

Bagni di Lucca. 2-го іюня.

Сегодня получилъ отъ тебя 3 письма, изъ которыхъ 2 адресованы въ Пизу. Вчера, не зная, какъ и гдѣ ты можешь быть, отправилъ тебѣ письмо въ Лукку, къ m-lle Méry. Теперь спѣшу отвѣчать тебѣ въ Римъ, надѣясь, что письмо еще тебя застанетъ. Я потому тебя звалъ пріѣхать въ Лукку, что мнѣ никакъ прежде 15-го іюня не удастся выѣхать, и то еще я буду не совсѣмъ здоровъ, но надѣюсь, что около того времени уймется боль и рука начнетъ отчасти двигаться. Съ завтрашняго дня начинаю брать ванны — увидимъ, что̀ изъ этого будетъ. Скверно, что Майковъ такъ боленъ; это похуже моей руки; но я ему напишу развѣ завтра, а сегодня до смерти усталъ; уже писалъ письмо къ Тучкову, извѣщая его о сдѣланномъ займѣ у Валентини. Не забудь тотчасъ отправить письмо къ Ценкеру и Колли (ихъ контора на Маросейкѣ).

Ты тоскуешь, другъ мой. Когда же мы успокоимся оба? Я самъ большею частью не знаю, куда дѣваться, хотя знаю, что жизнь моя могла бы быть совсѣмъ иною; да еще чего-то мнѣ не достаетъ, чтобъ вступить въ новую жизнь.

Сейчасъ меня прервали. J'ai eu la visite de m-me et m-lle Boll-viller, m-lles Méry et Loulou. Эта любезность мнѣ доставила удовольствіе. Но, къ сожалѣнію, я не могъ быть довольно любезенъ, потому что къ вечеру всегда мнѣ больнѣе, и я нахожусь между физическимъ страданіемъ и желаніемъ любезничать. Завтра мнѣ ставятъ еще піявки. Эта боль меня тѣмъ болѣе оскорбляетъ, что она такъ же ничтожна и такъ же мучительна, какъ зубная. — Méry ужасно выросла, въ восторгѣ отъ будущей художнической дѣятельности, etc... Старушка была очень мила. Напиши мнѣ, какъ же ты намѣрена — пріѣхать въ Лукку, или еще остаться въ Римѣ, или что. Меринькинъ учитель не можетъ ей давать уроковъ до 20 іюня. Что Монигети?

Какой я сбродъ пишу. Усталъ. Надо прилечь. Прощай, другъ мой. Цалую и благословляю тебя. Будь здорова — все-жъ не опаздывай къ водамъ. Выѣхавши 15-го, мы тамъ будемъ не прежде конца мѣсяца. Хорошо ли тебѣ? Я все успѣю — потому что маріенбадскія воды холодныя.

Прощай! Жму руку Майкову и Воробьеву. Завтра имъ напишу.

Mes amitiés à Annette.

Аннѣ Петровнѣ кланяйся.
Пришли Сатинское письмо, здѣсь аккуратны.

XI.

Развязка очевидно приближалась. Самая поѣздка Огарева къ Фролову, совершенно ненужная (они вовсе не были очень близки), показываетъ, какъ тяжело было ему возлѣ Марьи Львовны. Отсюда, изъ Bagni di Lucca, онъ писалъ друзьямъ въ началѣ іюня: «Близка минута, когда я стряхну всю внѣшнюю горечь жизни, и убѣжденъ, что еще отыщу въ себѣ довольно силы, чтобъ жить полно и свято». Какъ уже сказано, онъ располагалъ провести лѣто врозь отъ М. Л. Онъ надѣялся, что Кошъ пошлетъ его въ тихій курортъ Ганау на Майнѣ, и заранѣе радовался этому. «Мнѣ нужно нѣсколько времени совершеннаго одиночества. Нужно омыть душу отъ скверны, приготовиться къ новой жизни». И, намекая на прошлогоднюю свою встрѣчу съ женой въ Майнцѣ, онъ пишетъ: «Есть многія мѣста на Рейнѣ, которыя мнѣ непріятны по воспоминаніямъ, но въ томъ и забота теперь — внутренно такъ очиститься, чтобъ стать выше горькихъ воспоминаній и смотрѣть на нихъ спокойно, какъ обновленный человѣкъ на дурно прожитое прошедшее, изъ котораго онъ вышелъ чистъ и свѣтелъ. Даже тѣ минуты, когда я унижалъ свое человѣческое достоинство, не должны отзываться удручительно, — такъ сильно надо обновиться» *).

Въ началѣ іюля, съѣхавшись съ женой и довезя ее до Карлсбада, Огаревъ отправился во Франкфуртъ для консультаціи съ Коппомъ. Отсюда онъ и писалъ женѣ.

68.

Пятница.

Вотъ 3-й день какъ я наконецъ во Франкфуртѣ, т.-е. я пріѣхалъ третьяго дня вечеромъ. Видѣлъ Станю, который толстъ и румянъ, бѣгаетъ и лазитъ по столбамъ, читаетъ по-нѣмецки и ужасно любимъ всѣми. Онъ былъ такъ радъ мнѣ, что это меня удивило: онъ ни слова не могъ сказать отъ радости и только смѣялся и жался

*) «Изъ перепи. нед. дѣят.», тамъ же, 1890, III, стр. 6.

ко мнѣ. Сегодня везу его гулять.—Убри обѣщался уговорить Бетмана дать денегъ. Все это не легко. Банкиры не любятъ давать денегъ, это ихъ принципъ. Но если это не удастся, Гейзовъ обѣщался хлопотать, какъ только можетъ. Я думалъ, что деньги и письмо мое придутъ къ тебѣ разомъ, но, видно, еще дня три не добьешься ничего. Сатинъ въ Крейцнахѣ; жду его съ часу на часъ сюда.

Мое письмо—не что иное, какъ записка, чтобъ сказать тебѣ, что я живъ и здоровъ. Мнѣ сказали, что почта сейчасъ отходитъ, и я спѣшу. Путешествіе мое было очень непріятно. 1-е: въ Эгерѣ наша карета опоздала, и я долженъ былъ дожидаться 24 часа. Разумѣется, я отправился въ Франценсбадъ. 2-е: M-me Schütz, франкфуртская нѣмка, Herr Rittmeister и разные толстые нѣмцы до такой степени мнѣ надоѣли, что я остался ночевать въ Вюрцбургѣ и пробылъ тамъ день, чтобъ отдохнуть, посмотрѣть и вылечить насморкъ, который и оставилъ меня. Изъ Вюрцбурга отправился пароходомъ по Майну, чтобъ избѣжать почтовыхъ каретъ, самаго тряскаго и неудобнаго произведенія германской индустріи.—Наконецъ, я—«Zum Römischen Kaiser». Маленькій Kellner, который говоритъ des lumières,—теперь Hr. оберъ-Kellner. Больше здѣсь не видно перемѣнъ. Но вообрази себѣ мое удивленіе, когда я, возвращаясь отъ Гейзова, услыхалъ, что кто-то меня зоветъ изъ мимоѣдущей коляски; подхожу—и кто же? ты никогда не отгадаешь... — Обуховъ и *Гриффи!!!* Сегодня пойду къ нимъ и тогда дамъ тебѣ свѣдѣнія о томъ, какъ и зачѣмъ Гриффи во Франкфуртѣ.—Я читаю и пишу—выхожу мало. Думаю. Думаю о тебѣ — и — Маша — мнѣ такъ тяжело, такъ тяжело, какъ ты себѣ представить не можешь. Но не хочу безплодно тревожить нашихъ ранъ. Лучше твердить Гетевскій стихъ:

Seel'ge Ruhe, komm in meine Brust!

Но напиши мнѣ, что ты дѣлаешь въ Карлсбадѣ. Кончила ли повѣсть? Какъ тебѣ? Гм! сказалъ бы Галаховъ. Прощай, Маша, дай руку.—Addio—спѣшу. Твой Н.

69.

19-го іюля. Франкфуртъ.

Деньги такъ долго задержали меня, что я только теперь могу оставить Франкфуртъ. Вексель отъ Бетмана на 3.000 франковъ посылается къ Гетлю сегодня, и ты можешь идти къ нему и получить

деньги. Я себѣ занялъ около 500 гульд. у Гейзова. Вотъ и все. Сегодня я отправляюсь въ Крейцнахъ, гдѣ долженъ пробыть мѣсяцъ, а потомъ въ Швальбахъ, гдѣ также долженъ пробыть мѣсяцъ. Вотъ леченіе, предписанное Коппомъ.

До сихъ поръ я отъ тебя не получилъ ни строчки, но имѣю дѣйствительную потребность знать, что ты дѣлаешь, Маша. По крайней мѣрѣ, спокойна ли ты? Я съ нетерпѣніемъ жду минуты моего отъѣзда изъ Франкфурта. Ужасно здѣсь надоѣло. Хочется быть на мѣстѣ и вести благоразумную жизнь. Многое во мнѣ можетъ казаться тебѣ смѣшнымъ и уродливымъ. Мои потребности тебѣ иногда кажутся сумасшествіемъ. О, Маша! если бъ ты знала, какъ я далекъ отъ безумія! но если бъ ты также знала, сколько мнѣ нужно выжить нечистаго изъ души и забыть много горькаго, ты меня не слишкомъ бы винила. Но такъ и быть!.. Думай, что я безумецъ. Иногда это мнѣ больно. Сегодня больше больно, потому что я какъ-то унылъ сегодня. Скучно! Люди, къ которымъ я имѣю странныя отношенія, вчера мнѣ встрѣтились, а Аф. Ал. Столыпинъ*). Я имѣю много за душой противъ этого человѣка, но мы между тѣмъ въ пріязни. Это также меня бѣситъ. Ему дѣлаютъ операцію сегодня; рѣжутъ косточку и жилку въ ногѣ. Онъ много интереснаго разсказывалъ о Руси. Мар. Ал. глупѣе чѣмъ когда-нибудь. Обо всѣхъ плачетъ, всѣми восхищается, увѣряетъ что ей хорошо только въ Италіи, и ужасно довольна, что Bien Aimé въ Римѣ сказалъ ей, что ужасно былъ бы радъ, если бъ имѣлъ для своихъ статуй такую модель, какъ она. Хастатовъ въ Эмсѣ. Гриффи возвращается въ Римъ; ergo свадьба его вздоръ. Онъ много тебѣ кланяется. Тоже и Столыпинъ, которому ужасно хочется тебя видѣть. Но онъ только недолго пробудетъ въ Висбаденѣ; а Marie St. хочетъ еще видѣть Брюссель и купить кружева. Столыпинъ не ѣдетъ въ Парижъ оттого, что, заѣхавъ туда, захочетъ пробыть зиму, что помѣшаетъ ему ѣздить съ собаками! Я забылъ, что ты велѣла сказать Marie St. Напиши ей въ Крейцнахъ, пока она тутъ.

Коппъ тебя вспомнилъ и ждетъ. Находитъ, что очень хорошо, что ты въ Карлсбадѣ.

Еще здѣсь Иваненко, который въ Парижѣ много поправился и очень не глупъ.

У меня голова трещитъ отъ займа у Бетмана и ходатайства

---

*) Такъ въ подлинникѣ.

Убри, который очень хорошъ со мною, но какъ-то ужасно противно и непріятно имѣть всѣ эти дѣла—и одолжаться людьми, которымъ ужасно не хочется быть обязаннымъ.—Прощай, Маша! je t'embrasse, ma bonne amie.

Изъ Крейцнаха Огаревъ, 21-го іюля ст. ст., писалъ московскимъ друзьямъ: «Я нахожусь solo и, видно, останусь уже solo. Какое впечатлѣніе это на меня производитъ, едва ли я могу дать и вамъ, и себѣ ясный отчетъ. Съ одной стороны, участіе и сознаніе, что поступалось все же не такъ, какъ бы должно, заставляетъ страдать. Съ другой—успокоеніе, развязка заставляютъ надѣяться на лучшую жизнь. Я убѣжденъ, что выходъ изъ ложнаго положенія не ограничится самимъ собою; вмѣстѣ долженъ быть для меня и выходъ изъ праздной, безпутной (почти распутной) жизни. Я убѣжденъ, что этотъ мѣсяцъ будетъ временемъ покаянія и сосредоточенія въ самомъ себѣ, и тогда мнѣ будетъ возможно вступить въ жизнь съ новой силой, спокойно и сознательно».

Изъ Крейцнаха Огаревъ въ августѣ перебрался въ Шальбахъ, отсюда въ сентябрѣ — въ Ганау; Марья Львовна послѣ Карлсбада купалась еще въ Остенде. Въ теченіе этого лѣта они, кажется, не видѣлись. Отношенія становились все мучительнѣе, раздраженіе съ обѣихъ сторонъ росло, оба то и дѣло договаривались до открытаго разрыва; но Огаревъ все еще жалѣлъ М. Л., и даже будучи вынужденъ поставить предѣлъ ея расточительности, старался сдѣлать это какъ можно деликатнѣе, съ извиненіемъ и ласкою.

70.

Швальбахъ. 21 августа.

Я ждалъ сегодня Егора, но онъ не явился. Я бы хотѣлъ его видѣть.

Если мое послѣднее письмо тебя какъ-нибудь оскорбило, Магіе, или растревожило — прости мнѣ.

Но что же еще сказать? Послѣ твоего письма — нечего.

Фроловъ всегда будетъ знать, гдѣ я; сдѣлай такъ, чтобъ онъ зналъ, гдѣ и ты будешь.

Одного еще прошу — дай мнѣ знать, долго ли ты, или, по крайней мѣрѣ, когда будешь въ Парижѣ? и куда мнѣ выслать тебѣ денегъ, если я получу вскорѣ? Прощай, Маша! Que Dieu te protège.— Твой другъ всегда — Николай.

Запечаталъ — и еще распечатываю, чтобъ сказать, что моя квартира — «Zur Friedrichshöhe», второй домъ отъ въѣзда.

71 *).

Швальбахъ, 11 сентября.

Начну съ дѣловой части, чтобы не запутаться потомъ въ вещахъ, которыя требуютъ точности. Я послалъ тебѣ недавно 7.500 фр., значитъ ты получила въ Остенде 14.500 франковъ. Сообразивъ свои дѣла, я высчиталъ, что́ я могу тратить, не разстраивая ихъ. Согласно этому разсчету, я прошу тебя тратить по 2.250 фр. въ мѣсяцъ; это составитъ 27.000 фр. въ годъ. О пенсіонѣ для ребенка**) не безпокойся, — этотъ расходъ я беру на себя. Итакъ, считая годъ съ 1-го сентября, я долженъ доставить тебѣ въ теченіе нынѣшняго года (который кончится 1-го сентября 1844 г.) еще 12.500 фр. Dixi! Будемъ говорить о другомъ. Еще одно слово: разумѣется, если у тебя будутъ какіе-нибудь чрезвычайные расходы, въ родѣ кареты и т. п., — дай мнѣ знать и не трать на это денегъ, предназначенныхъ на жизнь.

Ради Бога, не оскорбляй меня сомнѣніемъ въ своемъ правѣ брать эти деньги. Повторяю тебѣ — надо стать выше этого, и когда дающій даетъ ихъ такъ чистосердечно и съ искреннимъ желаніемъ устранить всѣ мелкія матеріальныя заботы жизни, — ихъ надо брать *безъ угрызеній совѣсти* и *безъ благодарности*, а *съ нѣжностью*. Такова моя теорія денежныхъ отношеній между людьми, основанная на сознаніи неравномѣрнаго распредѣленія собственности въ современномъ обществѣ. Не смѣйся надъ этимъ, Маша, потому что, клянусь тебѣ, — въ ней больше правды, нежели въ томъ, полномъ вражды и недоброжелательства, дѣлежѣ, который опредѣляется словами: *твое* и *мое*.

Первая моя просьба въ отвѣтъ на твое письмо отъ 4-го — сообщить мнѣ, чѣмъ ты была напугана въ Остенде? что это за происшествіе? Я непремѣнно хочу это знать. Касается ли оно лично тебя, или это вещь посторонняя? Заклинаю тебя написать мнѣ объ этомъ.

Что до твоего мнѣнія обо мнѣ, то я покоряюсь ему, но оно не совсѣмъ вѣрно. Я былъ твоимъ идеаломъ... Но что же ты находишь во мнѣ, мое бѣдное дитя, во мнѣ, который *оставался безстрастнымъ*,

---

*) Подлинникъ—по-французски.

**) Станя жилъ въ пансіонѣ во Франкфуртѣ.

когда ты боялась, сомнѣвался, когда ты жаждала, отворачивалъ голову, когда ты хотѣла открыть свое сердце? Что же это за граница между нами, которой никто изъ насъ не могъ перешагнуть? Призракъ, говоришь ты! Нѣтъ, Маша, между нами нѣтъ призрака, или развѣ онъ въ насъ самихъ. Это печально, но это такъ. Что дѣлать!

Ты любила во мнѣ гармоническую натуру. Она не такъ гармонична, какъ ты думаешь. Она могла бы быть такою — но теперь слишкомъ поздно. Отнынѣ тишина самоотреченія замѣнитъ мнѣ спокойствіе вѣры. Моя гармонія — это гармонія похоронной пѣсни, пьеса въ минорномъ тонѣ; что же касается иной гармоніи — той, которую я ощущаю лишь при восходѣ солнца, — для нея слишкомъ поздно!..

Я не вооружилъ моей слабой руки, я не хотѣлъ сокрушать личностей. Такъ далеко мой эгоизмъ не шелъ. Я удалился съ поля битвы, потому что предвидѣлъ одни пораженія, — вотъ и все. Не столько страсти побудили меня это сдѣлать, — напротивъ, мнѣ пришлось для этого бороться съ самимъ собой. Но еще разъ: я знаю, что ты признаешь меня виновнымъ тамъ, гдѣ я невиненъ, и невиновнымъ тамъ, гдѣ я виноватъ. Я и съ этимъ примиряюсь.

Ты не хочешь дружбы, потому что дружба требуетъ равенства и пр. Что жъ! замѣни это слово *нѣжностью*. Я чувствую, что во мнѣ есть къ тебѣ нѣжность и будетъ всегда. Можешь ли ты вѣрить этому и принять это и протянуть мнѣ руку?.. Или ты довольно любила меня, чтобы имѣть право меня ненавидѣть? Я не вѣрю въ эту старую поговорку, — она къ лицу развѣ только пятнадцатилѣтнему влюбленному школьнику.

Во всякомъ случаѣ, когда-нибудь одинъ изъ насъ опомнится, потому что очевидно кто-нибудь изъ насъ ошибается.

Въ концѣ этого письма находимъ и нѣсколько словъ о Воробьевѣ: «Воробьевъ—не лучшій твой другъ въ Римѣ. Онъ, можетъ быть, увлеченъ тобою, но по натурѣ (говорю это, хотя и потому, что люблю его) онъ никогда не можетъ стать тебѣ *настоящимъ* другомъ. Ужъ скорѣе Скарятинъ. Прости — но я долженъ говорить тебѣ *правду* ради моей *нѣжности*».

Вслѣдъ за этимъ письмомъ въ нашихъ матеріалахъ наступаетъ долгій перерывъ — почти въ годъ. Огаревъ прожилъ эту зиму (1843—44), кажется, въ Парижѣ, Марья Львовна—съ Воробьевымъ въ Италіи. По весьѣ Огаревъ направился въ Берлинъ и заѣхалъ

во Франкфуртъ, навѣстить Станю, который воспитывался тамъ въ пансіонѣ. Отсюда и писано нижеслѣдующее письмо.

72.

Франкфуртъ. 20 мая.

Жду и не дождусь отъ тебя письма, Маша! Хочется узнать, какъ ты приняла мое посланіе — приняла ли его какъ правду, сказанную отъ души, или только встревожилась. Въ послѣднемъ случаѣ я жалѣю, что писалъ. Но опять повторяю — поступай по своему желанію, усмотрѣнію. Я отнюдь не хотѣлъ бы ни тревожить тебя, ни мѣшать тебѣ; я желалъ бы, чтобъ тебѣ было спокойнѣе. Отъ этого я полагалъ, что далёкость сплетней для тебя спасительнѣе, чѣмъ неотразимая ихъ близость. Дѣло вотъ въ чемъ: если ты убѣдишься, что остаться за-границей лучше, и — ради медицинскихъ пособій — во-время захочешь переѣхать въ Парижъ, то я останусь за-границей и явлюсь къ тебѣ въ Парижъ — когда нужно. Это, по моему мнѣнію, всего благоразумнѣе. Если же хочешь ѣхать въ Русь, то вотъ что: я не могу вернуться въ Русь прежде конца августа. Сегодня я ѣду въ Берлинъ, гдѣ Сатину будутъ рѣзать обѣ ноги, и потому я его не могу оставить; его леченіе вѣрно продолжится мѣсяца два. Пока я и самъ буду лечиться.

Сейчасъ получаю твои письма. Маша, Маша! Право мнѣ обидно, что я тебя огорчилъ. Ты почитаешь меня жесткимъ, тогда какъ я не хочу и не думаю быть жесткимъ, тогда какъ я готовъ сдѣлать все, что могу. Какъ бы прошедшее ни было прошедшимъ — я забылъ его горечи, но помню прекрасное. Холодъ не доступенъ мнѣ и живое участіе осталось и останется въ душѣ. Я никогда не думалъ говорить что-либо par dérision. Что разбито во мнѣ, то дѣйствительно разбито; но я чувствую силу жить дальше, и это правда. Живи и ты, Маша! Не мучься, ради Бога не мучься. Руку я тебѣ всегда протяну. Сердце мое не глухо на твои скорби; я не думаю быть жесткимъ. Все, что я могу — я принесу. Но жизнь надавала намъ обоимъ страшные уроки; послѣ нихъ волею или неволею пристальнѣе разсматриваешь дорогу и ищешь путей, на которыхъ бы не разрушился остатокъ жизненныхъ силъ. Если я тебѣ писалъ о страхѣ, который меня беретъ за твое пребываніе въ Россіи, то я писалъ откровенно и съ участіемъ, а не по жесткости. Но если ты рѣшилась, — то да будетъ. Только, ради Бога, не слушай, когда

тебѣ захотятъ говорить о тебѣ. Не людскіе пересуды страшны, а страшно знать ихъ, и безполезно. Я едва ли могу быть къ августу въ Руси, какъ уже писалъ давеча, а къ концу августа. Изъ Берлина я опять вернусь за Сталинькой и тогда уже явлюсь въ Россію. Если ты будешь прежде меня, то займи у Кулона квартиру такъ, чтобы и я имѣлъ комнату; если послѣ, то я сдѣлаю то же. Пиши къ роднымъ, какъ говоришь, о своихъ надеждахъ. Я не совѣтую ѣхать тебѣ на Таурогенъ, потому что дальше и дорога хуже; съ Вѣны на Варшаву ближе и покойнѣе, и съ Варшавы на Петербургъ лучше. Тучковъ выслалъ тебѣ десять тысячъ рублей. Если разочтешь, что *можно, вручи отъ моего имени Клыкову, если онъ у тебя спроситъ*, тысячу франковъ, а если усмотришь, что тебѣ *недостаточно*, то *пятьсотъ франковъ только*. Но пятьсотъ прошу тебя ужъ непремѣнно ему вручить.

Еще разъ прошу тебя, не тревожься. Береги свое здоровье. Но что значитъ въ письмѣ твоемъ вотъ это: «Черезъ двѣ недѣли еще напишу. Тогда скажу ужъ: *я не одна*». — Это уже меня начинаетъ тревожить. Я желаю быть съ тобой, когда это будетъ нужно, и быть какъ другъ дѣйствительный и помогающій. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя извѣстій. Прости мнѣ, Маша, если въ моихъ письмахъ что противъ воли прорвется у меня такаго, что можетъ огорчить тебя. Я буду стараться избѣгать этого. Повѣрь, я не хочу тебя печалить и тревожить ничѣмъ. Пиши мнѣ поскорѣе въ Берлинъ. Прощай пока! Обнимаю тебя и цалую. Не сѣтуй на меня, не брани меня. Не всегда принимай жизнью навѣянный на меня холодъ разсудка за жесткость. Ты знаешь, что я внутри души не могу быть жесткимъ. Дай же и ты мнѣ руку и будь спокойна. Прощай!

Сталинька здоровъ, толстъ, румянъ и веселъ и тебя цалуетъ.

Прилагаю письмо отъ m-me Ducloux и моей сестры. Я распечаталъ письмо m-me Ducloux, не замѣтя, что это не ко мнѣ; впрочемъ ты не придашь этому важности.

Маша! кто около тебя? Кто тебя сколько-нибудь развлекаетъ? Или тебѣ лучше одной безъ m-me Bollviller? Напиши мнѣ. Какъ бы хотѣлось знать всю твою внутреннюю жизнь и сказать тебѣ что-нибудь о тебѣ же.

XII.

Мы говорили уже, что со времени охлажденія къ Марьѣ Львовнѣ Огаревъ велъ весьма разсѣянный образъ жизни, граничившій под-

часъ, какъ онъ самъ выражался, съ «распутствомъ». Вообще, половая нравственность «идеалистовъ 30-хъ годовъ» стояла, какъ извѣстно, не высоко; даже лучшіе изъ нихъ были отравлены ядовитой атмосферой крѣпостного права: у Станкевича въ Берлинѣ (въ 1839 г.) была своя Берта; Сатинъ привозитъ съ собой изъ Парижа «маленькую жену», краткосрочную, конечно, и т. д. Такія связи, оплачиваемыя или нѣтъ, считались тогда въ порядкѣ вещей среди людей порядочныхъ и чистыхъ, и о нихъ говорили безъ стѣсненія. Это считалось данью «der Naturgewalt» и даже до извѣстной степени средствомъ обезпечить себѣ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ ясность сознанія и чувства. Какъ разъ въ то время, когда писалось приведенное сейчасъ письмо, Огаревъ переживалъ періодъ такихъ чисто-чувственныхъ увлеченій, и любопытно, какъ онъ сообщалъ объ этомъ друзьямъ: они должны были видѣть здѣсь спасительный клапанъ, благодаря которому онъ, насытивъ, хотя бы только чувственно, свою жажду женской любви, тѣмъ легче освободится отъ власти надъ нимъ Марьи Львовны. Вотъ что онъ писалъ имъ 13 іюня изъ Берлина *): «Я больше спокоенъ внутри себя. Пережилъ эпоху страданій отъ внѣшнихъ происшествій личной жизни; шрамъ остался послѣ раны, но я чувствую, что переломилъ боль. Пережилъ также эпоху безумнаго круженія, молодечества, своенравія, и пережилъ ее недавно — и... съ удовольствіемъ! Но не чувствую, чтобъ она оставила дрянь на душѣ; она была даже полезна, стряхнувъ совершенно всякую возможность возвращаться къ ложнымъ отношеніямъ въ жизни, выходъ изъ которыхъ мнѣ стоилъ столькихъ усилій и даже насилія надъ самимъ собою вслѣдствіе моего характера, а можетъ быть, и *чувства*».

Между тѣмъ таинственныя слова Марьи Львовны: «я не одна» скоро объяснились — и самымъ неожиданнымъ образомъ: въ августѣ она вдругъ явилась изъ Италіи въ Берлинъ къ Огареву, въ близкомъ ожиданіи родовъ, — и Огаревъ согласился признать ребенка своимъ. 22 августа нов. ст., онъ написалъ Герцену, что по причинѣ разныхъ обстоятельствъ принужденъ еще на нѣкоторое время отсрочить свой пріѣздъ въ Россію**). «Но эти обстоятельства не суть съ моей стороны ни подчиненіе der Naturgewalt, ни подчиненіе сердечнымъ воспоминаніямъ, но сознательный поступокъ,

*) «Изъ перепи. нед. дѣят.», тамъ же, 1890, IX, стр. 9.
**) Тамъ же, 1890, X, стр. 9—10.

и потому нисколько не опасны для моей будущности; за это можетъ поручиться и мой ученый другъ Сатинъ. Призываю его поруку не ради оправданія себя передъ вами, но ради успокоенія васъ насчетъ меня. Дѣло въ томъ, другъ мой, что Marie здѣсь, въ Берлинѣ, и я скоро буду отцомъ. Этимъ происшествіемъ я займусь спокойно и съ участіемъ. Съ участіемъ благословлю моего ребенка, и его существованіе никогда не останется для меня чуждымъ. Но себя я не отдамъ никакому чужому произволу, въ этомъ можете быть увѣрены». Дальше, сообщая о своихъ занятіяхъ, онъ пишетъ: «Это мнѣ не мѣшаетъ часто бѣситься, т.-е. бѣсноваться. Что же касается того, что держитъ меня въ Берлинѣ, т.-е. жизнь будущаго ребенка, это, право, для меня серьезно и также нисколько не стѣсняетъ меня. Жаль только, что долго съ вами не увижусь, carissimi, хотя чувствую въ этомъ не только потребность, но и нужду, необходимость. Но что дѣлать? Фактъ требуетъ съ этой стороны пожертвованія, и я его дѣлаю охотно и сознательно».

Какъ отнесся къ этому извѣстію Герценъ, показываютъ строки, написанныя имъ вскорѣ затѣмъ къ Кетчеру *): «Марья Львовна скоро подаритъ Огареву наслѣдника, привезеннаго изъ Италіи, и le bon mari премій за такое усердіе признаетъ его и, вѣроятно, отдастъ имѣніе. Для чего это?.. Всякая вѣсть о немъ меня глубоко огорчаетъ и разстроиваетъ. Да когда же предѣлъ этимъ гнусностямъ ихъ семейной жизни?»

О томъ, что произошло дальше, Анненковъ разсказываетъ слѣдующее **): «Ребенокъ родился мертвымъ, и Огаревъ оповѣщалъ друзей объ этомъ обстоятельствѣ такими словами: «17-го октября. Берлинъ. Мое намѣреніе быть отцомъ рушилось... Родился недоносокъ, мертвый ребенокъ, съ такой жалобной физіономіей, что я до сихъ поръ забыть не могу. Сегодня уже 8 дней. Жена здорова. Странная діалектика судьбы — мѣняетъ жизни, разрушаетъ возможности нравственнаго прогресса, etc... Но ты самъ все это знаешь и знаешь, какъ много надо внутренней силы, чтобы становиться выше случайностей»... Между тѣмъ погибшій младенецъ составилъ послѣдній актъ этой семейной драмы. Супруги разъѣхались, и навсегда... Въ половинѣ декабря 1844 года Марья Львовна покинула мужа и болѣе уже не встрѣчалась съ нимъ. Огаревъ переда-

*) «Анненковъ и его друзья», стр. 100.

**) Тамъ же, 100—101.

валъ событіе очень просто: «Marie на-дняхъ уѣхала. Позволь уже не говорить объ этой печальной комедіи. Развязка была суха: для меня прискорбна, для ней мучительна. Я ожидалъ лучшаго. Но я и самъ не выдержалъ и не могу считать себя правымъ: равнодушіе доходило во мнѣ до эгоизма. Я не предполагалъ въ себѣ такого холода и недоволенъ имъ. Впрочемъ, все обошлось по наружности спокойно; только внутренно я недоволенъ, самимъ собой недоволенъ. Но едва ли могло быть иначе. Я бы зналъ это напередъ, если бы умѣлъ откровенно измѣрить въ себѣ, насколько температура ниже нуля. Затѣмъ конецъ ложнымъ отношеніямъ».

Въ нашемъ распоряженіи есть небольшая французская записка, посланная Огаревымъ въ догонку Марьѣ Львовнѣ, во Франкфуртъ, гдѣ она должна была остановиться ради Сталиньки, отъ 16 декабря 1844 г. «Шлю тебѣ привѣтъ, милая Маша, и еще разъ искренно желаю тебѣ всего, что можетъ дать тебѣ спокойствіе. Пишу только два слова; не хочу ничего сказать лишняго и хочу, чтобы мои слова были ласковы. Если ты чувствуешь, что во мнѣ нѣтъ желчи и что мною руководитъ только участіе къ тебѣ, а не злоба, — я буду доволенъ. Надѣюсь, что ты сообщишь мнѣ, какъ ты ѣдешь. Погода улучшается, мое здоровье тоже. Прощай. Жму твою руку и обнимаю тебя. Кланяюсь Аннушкѣ и Егору. Поцалуй за меня Станю и напиши намъ о немъ».

Онъ простился съ М. Л. еще иначе — стихотвореніемъ «Къ ***», носящимъ эпиграфъ изъ Байрона:

Farewell! and if for ever,
Still for ever far thee well!

Разстались мы—то, можетъ, нужно,
То, можетъ, должно было намъ—
Ужъ мы давно не дѣлимъ дружно
Единой жизни пополамъ;
И, можетъ, врозь намъ будетъ можно
Еще съ годами какъ-нибудь
Устроиться не такъ тревожно
И даже сердцемъ отдохнуть.
Я несть готовъ твои упреки,
Хотя и жгутъ они, какъ ядъ.
Конечно, я имѣлъ пороки,
Конечно, въ многомъ виноватъ;
Но было время—вѣдь я вѣрилъ,
Вѣдь я любилъ, быть счастливъ могъ,
Я будущность широко мѣрилъ,
Мой міръ былъ полонъ и глубокъ!

Но замеръ онъ среди печали;
И кто изъ насъ виновенъ въ томъ,
Какое дѣло—ты ли, я ли—
Его назадъ мы не вернемъ.
Еще слезу зоветъ съ рѣсницы
И холодомъ сжимаетъ грудь
О прошломъ мысль, какъ у гробницы,
Гдѣ въ мукахъ дѣтскій вѣкъ потухъ.
Закрыта книга—наша повѣсть
Прочлась до крайняго листа;
Но не смутятъ укоромъ совѣсть
Тебѣ отнюдь мои уста.
Благодарю за тѣ мгновенья,
Когда я вѣрилъ и любилъ;
Я не далъ только бъ имъ забвенья,
А горечь радостно бъ забылъ.
О, я не врагъ тебѣ... Дай руку!
Прощай! не дай тебѣ знать Богъ
Ни пустоты душевной муку,
Ни заблужденія тревогъ...
Прощай! На жизнь, быть можетъ, взглянемъ
Еще съ улыбкой мы не разъ,
И съ миромъ оба да помянемъ
Другъ друга мы въ послѣдній часъ.

Теперь Огаревъ дѣйствительно былъ свободенъ — не внѣшне, а внутренно, — такъ, какъ онъ понималъ свободу. Онъ такъ долго тянулъ эту мучительную исторію потому, что не хотѣлъ насиловать ни своего чувства, ни своей совѣсти. Въ дѣлѣ чувства онъ былъ убѣжденный детерминистъ. Въ 1845 году онъ писалъ Грановскому: «Мы всѣ — не логическія, а физіологическія явленія»; и годъ спустя— Герцену: «Ты не можешь ни отъ чего избавиться, пока внутренно съ чѣмъ-нибудь не разорвался; тогда это только прошедшій актъ твоей жизни».

Разумѣется, онъ продолжалъ высылать Марьѣ Львовнѣ деньги на жизнь, и немалыя, продолжалъ также выдавать пенсію ея отцу. Отношенія между ними оставались дружественными по прежнему. Вотъ для примѣра письмо Огарева къ М. Л. изъ Парижа отъ 25 августа 1845 г. (въ Неаполь).

73.

Парижъ. 25 августа.

Твое письмо, любезный другъ, залежалось во Франкфуртѣ, между тѣмъ какъ я ѣздилъ на океанъ и теперь опять въ Парижѣ.

Но черезъ нѣсколько дней я ѣду въ Швейцарію на мѣсяцъ и оттуда въ Россію. Вотъ мое намѣреніе. Въ Швейцаріи я встрѣчу Галахова. Сатинъ теперь въ Пиренеяхъ на водахъ и также пріѣдетъ въ Швейцарію. Мнѣ нужно посмотрѣть на этотъ край прежде возврата въ Россію. Надо отдохнуть отъ скуки парижской жизни, въ которой я на этотъ разъ находилъ много развлеченія, но ни одного дѣйствительнаго наслажденія. Видно, я уже старъ сталъ и надоѣло ребячиться. Но станемъ говорить о тебѣ. Магіе! одно въ твоемъ письмѣ мнѣ было довольно обидно, это то, что вздумала лишиться Егора и Аннушки *). Зачѣмъ же это? Если я былъ волею и неволею нѣсколько времени неаккуратенъ, то это не резонъ, чтобъ я всегда былъ неаккуратенъ; а пріѣхавши домой, я устрою такъ, чтобъ не могло быть ни малѣйшей неаккуратности. Нѣтъ! не стѣсняй себя, ради Бога! Это мнѣ было бы слишкомъ больно и обидно. Но теперь довольно объ этомъ. Посылаю тебѣ 2.800 франковъ черезъ Ротшильда.

Смерть Марьи Алекс. **), я знаю, должна была поразить тебя; она совсѣмъ распуститъ по сторонамъ уже и такъ ничѣмъ не связанное семейство. Но вѣдь это и безъ того бы сдѣлалось. Ты была къ ней привязана — но все же не дружна; однако я хорошо понимаю твое огорченіе; даже и на меня эта смерть произвела странное впечатлѣніе. Я не очень привязанъ къ жизни, но въ смерти есть столько оскорбительнаго, что я имѣю къ ней отвращеніе.

Хороша Сицилія! жаль, что я ее не видалъ. Можетъ когда-нибудь еще увижу, хотя и не вѣрится. Италія мнѣ запрещена медиками по климату; но я на это не много бы обратилъ вниманія. Но меня всегда будетъ больше увлекать та часть Европы, гдѣ больше движенія и дѣла. Этотъ годъ былъ для меня послѣднимъ годомъ путешествій безъ цѣли и безъ большаго удовольствія. Я не имѣю жажды видѣть новаго, но часто хочется на тѣ мѣста, гдѣ уже бывалъ, съ которыми друженъ...

Ты хочешь жить посредствомъ пера! Полно, Магіе! Это чистая фантазія. Обойдешься безъ этого и перо останется свободно. Трудъ за деньги связываетъ человѣка и насилуетъ его душу. Что касается до твоего отрывка, я желалъ бы поболѣе опредѣленности въ выраженіяхъ и оригинальности въ образахъ. Впрочемъ, объ Италіи такъ много писали, что ничего новаго не скажешь.

---

*) Слуги Марьи Львовны.

**) Вѣроятно, М. А. Ребиндеръ, кузина Марьи Львовны.

Пиши ко мнѣ въ Женеву; я думаю пробыть съ мѣсяцъ на озерѣ и много работать. Буду ждать съ нетерпѣніемъ твоего письма: хочу узнать, гдѣ ты, какъ воротилась изъ Сициліи, и гдѣ хочешь расположиться. Но пиши поскорѣе, я больше мѣсяца не пробуду.

Marie Stolipine въ Крейцнахѣ; говорятъ, будто сюда пріѣдетъ. Ѳедоръ ко мнѣ часто ходитъ, онъ при мѣстѣ у Трубецкой, жены Сергѣя Тр., но, кажется, не слишкомъ доволенъ. Сестра моя родила еще дочь. Вотъ тебѣ всѣ мелкія новости. Въ большомъ свѣтѣ также все мелкія вещи и говорить не о чемъ.

Addio, cara mia. Стучатъ въ дверь и мѣшаютъ писать. Спѣшу отослать это письмо, чтобъ не задерживать тебя.

Обнимаю тебя. Будь здорова и спокойна насколько можешь. Успокоеніе — своего рода счастіе, — для меня, за неимѣніемъ никакого другаго, дѣло важное; только достичь его мудрено.

О книгахъ могу распорядиться только въ Россіи.

Прощай еще разъ. Кланяйся Егору и Аннушкѣ.

Я упомянулъ выше объ отцѣ Марьи Львовны. Онъ одиноко доживалъ свой вѣкъ въ Саратовѣ, какъ видно, не нуждаясь,—благодаря Огаревской пенсіи. Какъ-разъ въ эти годы (т.-е. въ первой половинѣ 40-хъ годовъ) зналъ его А. М. Фадѣевъ, сообщающій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» любопытныя свѣдѣнія о немъ. Вотъ разсказъ Фадѣева; портретъ отца нашей героини не будетъ лишнимъ въ этомъ повѣствованіи о ней.

«Изъ постороннихъ лицъ,—говоритъ Фадѣевъ*),—мое общество ограничивалось небольшимъ числомъ хорошихъ знакомыхъ, преимущественно чиновниковъ и помѣщиковъ. Изъ послѣднихъ не могу не упомянуть о Львѣ Яковлевичѣ Рославлевѣ, бывшемъ когда-то владѣтелемъ значительныхъ имѣній, имъ прожитыхъ, и находившемся тогда почти уже въ бѣдности, но человѣкѣ честномъ, умномъ и правдолюбивомъ, отъ котораго я узналъ много истины о личностяхъ, положеніи и родѣ дѣлъ въ Саратовской губерніи. Главной причиной потери его состоянія была страсть къ охотѣ, которой онъ предавался съ неудержимымъ увлеченіемъ и въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ своей жизни. Онъ держалъ громадную псарню, множество псарей, и его выѣзды

*) «Воспоминанія», Одесса, 1897, стр. 154 и д.

на охоту представляли зрѣлище въ родѣ средневѣковаго переселенія народовъ. Со всѣми своими псарнями, псарями, верховыми лошадьми, огромнымъ обозомъ всякихъ запасовъ, винъ, вещей, съ многочисленной компаніей пріятелей, любителей охоты, онъ не довольствовался одной Саратовской губерніей, но объѣзжалъ всѣ сосѣднія, добирался до Оренбургскихъ степей и пропадалъ въ охотничьихъ разъѣздахъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Такъ продолжалось, пока хватило состоянія, двухъ или трехъ тысячъ душъ, и кончилось вмѣстѣ съ ними. Когда я познакомился съ Рославлевымъ, онъ жилъ въ двухъ комнатахъ одного изъ флигелей дачи Панчулидзева (на сестрѣ котораго былъ когда-то женатъ), и лишь пара старенькихъ борзыхъ собачекъ оставалась у него единственнымъ грустнымъ сувенiромъ его бывшей грандіозной псарни и счастливаго прошлаго времени. Но перемѣна обстоятельствъ не измѣнила его характера; онъ сохранилъ и въ пожиломъ возрастѣ всю воспріимчивость и энергію молодыхъ лѣтъ, что, при его отличномъ образованіи, начитанности, житейскомъ опытѣ и природной любезности, придавало бесѣдѣ съ нимъ большую занимательность*).

---

*) Рославлевъ подъ старость имѣлъ привычку иногда запивать недѣли на двѣ и запивалъ очень оригинально. Какъ только наступала такая потребность, онъ надѣвалъ дорожное пальто, засовывалъ въ обширные карманы нѣсколько штофовъ водки, отправлялся въ сарай тутъ же у себя во дворѣ, садился въ стоявшій тамъ поломанный тарантасъ, и крикнувъ: «пошелъ въ Пензу!»—выпивалъ маленькую толику рюмочекъ водки и улегался спать. Такъ какъ онъ въ дѣйствительности ѣздилъ изъ Саратова въ Пензу,—гдѣ у него было много родныхъ и весь городъ знакомый,—безчисленное множество разъ, то отлично зналъ всѣ станціи и весь ихъ персоналъ; и въ своихъ воображаемыхъ путешествіяхъ, при всякомъ пробужденіи отъ сна, оказывалось, что онъ пріѣхалъ на какую-нибудь станцію, гдѣ его встрѣчалъ знакомый смотритель; происходила радостная встрѣча и веселый разговоръ. Рославлевъ громко говорилъ и за себя, и за смотрителя.—«А! Семенъ Ѳедотычъ, здорово старина, какъ живешь-можешь?»—«Помаленьку, батюшка Левъ Яковлевичъ, помаленьку, Богъ грѣхамъ терпитъ,—что рѣдко къ намъ жалуете, соскучились за вами!»—«Спасибо, дружище; ну что жена, дѣтки?»—Слава Богу, здравствуютъ,—а ваши собачки всѣ ли въ добромъ здоровьѣ?»—«Да что, братецъ, вотъ Порхай морду себѣ надсадилъ, а Залетай лапу занозилъ, стары становятся. Ну, а что сосѣди, какъ поживаетъ Тарасъ Иванычъ?»—«Ничего-съ, здоровы, на-дняхъ трехъ волковъ затравили, а помѣщица Пелагея Власьевна двойнятъ родили».—«Ну, и слава Богу. Выпьемъ-ка, старина, на радостяхъ по рюмочкѣ». Затѣмъ выпивались рюмочки за себя и за смотрителя, слѣдовало нѣжное про-

XIII.

Послѣ разрыва съ женою Огаревъ еще больше года прожилъ за-границей, преимущественно въ Берлинѣ и Парижѣ, и вернулся въ Россію только въ началѣ 1846 года. Марья Львовна жила съ Воробьевымъ въ Римѣ, лѣтомъ лечилась въ Карлсбадѣ и Эмсѣ, пріѣзжала какъ-то и въ Петербургъ, а съ конца сороковыхъ годовъ, кажется, прочно поселилась въ Парижѣ. За эти дальнѣйшіе годы сохранилось довольно много писемъ Огарева къ ней *). Въ нихъ больше всего говорится о деньгахъ; онъ пишетъ, что посылаетъ столько-то, что за нимъ до такого-то срока остается еще столько-то, постоянно извиняется за промедленія, и т. п. Эти письма полны нѣжнаго участія и дружбы. Вся тяжелая драма дѣйствительно стала для Огарева «прошлымъ актомъ» его жизни — остались только жалость къ несчастной женщинѣ, да сознаніе своего матеріальнаго долга по отношенію къ ней.

Сохранилось и нѣсколько писемъ М. Л. къ нему отъ этихъ лѣтъ. Вотъ для образца два изъ нихъ, въ полной неприкосновенности. Они читаются съ трудомъ; ихъ почеркъ такъ же безпорядоченъ и растрепанъ, какъ содержаніе.

«Римъ, 2 іюля 1847 г. — Nicolas, на дняхъ я къ тебѣ посредствомъ Eudoxie **) писала, но такъ какъ недѣли черезъ двѣ я собираюсь оставить Римъ и что въ посольствѣ не получены еще упомянутыя 5.000 руб., то рѣшаюсь тебя объ этомъ увѣдомить. Безъ меня будутъ навѣдываться объ этихъ деньгахъ, и какъ только я объ нихъ что-нибудь узнаю, тебѣ напишу.

щаніе, и дальнѣйшій отъѣздъ въ Пензу. Эта процедура и разговоры съ смотрителями, конечно варіируемые по обстоятельствамъ, повторялись неупустительно на каждой станціи. Вся суть, разумѣется, заключалась въ финалѣ, т.-е. въ рюмочкахъ. По достиженіи Пензы, странствіе безъ промедленія обращалось вспять, въ Саратовъ; продолжалось обыкновенно недѣли двѣ, и по пріѣздѣ въ Саратовъ, Левъ Яковлевичъ вылѣзалъ изъ тарантаса съ пустыми штофами, но бодрой головой, попрежнему веселымъ, любезнымъ старичкомъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, до новой экскурсіи въ Пензу, не выѣзжая изъ своего сарая».

*) Нѣсколько выдержекъ изъ нихъ приведено въ «Перепискѣ нед. дѣят.», «Р. М.» 1891, авг., стр. 13—14 и 24—25.

**) Авдотья Як. Панаева.

«Записка твоего управляющаго была отъ 6-го апрѣля, а получена въ Петербургѣ 20-го, вотъ почему Eudoxie медлила присылкою 2.500 руб., которые мнѣ очень помогли. Долгъ мой потерпитъ до будущихъ.

«Прошу тебя, Nicolas, мнѣ сдѣлать великое одолженіе: когда m-me Sailhas воротится въ Россію — попросить ее, чтобъ она отыскала въ оставленныхъ мной у нея вещахъ портретъ моей матери (miniature), и переслать мнѣ его съ оказіей въ Парижъ. M-me Sailhas ужъ давно уѣхала.

«Прощай, Nicolas, протяни мнѣ руку — не хочу надоѣдать тебѣ долѣе, потому что на-дняхъ писала, и болѣе еще потому, что я ужъ нѣсколько дней въ хандрѣ.

«Письмо твое (обѣщанное) жду. Живу скромно, уединенно.

«Ставассеръ опять былъ боленъ и медленно поправляется».

Другое письмо помѣчено такъ: «Парижъ, heure du crépuscule, 6—25 Janvier 49».

«Nicolas, я вижу, что мы съ тобой начинаемъ быть людьми аккуратными, солидными, существенными. Прости мнѣ, я смѣюсь, а бѣсъ у меня въ ребрѣ и мнѣ невесело. Я тебѣ буду разсказывать, а ты слушай.

«1. О дѣлахъ. 1.000 руб. сер., посланные тобой, я получила. Но Герценъ, моя нянюшка, о нихъ заботится. Значитъ, ты хочешь мнѣ каждые 3 мѣсяца присылать по 1.000 руб. сер. — и такимъ образомъ наши дѣла изъ сложныхъ дѣлаются простыми. Ты мнѣ долженъ ежегодно 4 тысячи сер. безъ 200 мѣдью, потому что отцу даешь 100 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Но нынѣшній годъ, какъ я уже писала, и всѣ 4 тысячи серебромъ мнѣ заплатишь, ибо за тобой недоимки за прошлый оказалось 100 руб. сер.—Кромѣ шутокъ, я тебѣ ихъ не дарю; а годъ начинается съ 25-го октября 48 г. по вашему.

«Mercі, что ты меня вывелъ изъ затрудненія, прославши во-время. Ты скажешь: «Marie, что жъ у тебя на душѣ?» Разсказывать въ письмахъ — длинно и ненужно. Свидимся, разскажу. Но вотъ что я про себя записала на клочкѣ бумаги вчера: «Девяноста лѣтъ мало для такой дурочки, какъ я, чтобъ разставаться, оторваться отъ даже и не очень любимыхъ людей. Сколько же надо бы было, чтобъ отъ очень много любимыхъ?» Потомъ пишу: «O, mes défauts, vous êtes mes amis, je vois vous encore (plus) que qui ce soit sur la terre, o, embrassons nous, ne nous quittons pas». Мистицизма тутъ ни на полушку нѣтъ — je traduis l'empreinte que me laissent certains événements dont je ne suis pas maître.

«Mercі за обѣщаніе любить моего племянника.

«Слушай еще: была у меня собака-другъ, прелесть что за собака,— и съ той разсталась! Je sens bien à présent qui tu étais vis-à-vis de la logique de la vie — lorsque tu me quittais; mais, folle, enfant gaté par la nature, — eh bien, moi, je suis devenue, malgré mon air candide, implacable comme la logique. Je t'embrasse — adieu.

«Ты въ деревнѣ — я тебѣ завидую. Если бъ мнѣ съэкономить и купить весной клочокъ земли и съ работникомъ распахивать ее, я бы за счастіе сочла.

«Забыла тебѣ разсказать, что потому, что тебя со мной нѣтъ и твоей procuration у меня нѣтъ, — то я для одного дѣла должна идти въ tribunal de 1-re instance съ моимъ avoué. Вотъ законы свободной Франціи для илотовъ-женщинъ.

«Еще горе — Gabriel, съ которымъ я было подружилась, умеръ».

Это послѣднее письмо писано, вѣроятно, не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ: Марья Львовна тогда уже сильно пила.

Денежныя отношенія М. Л. къ Огареву за эти послѣдніе годы ея жизни неоднократно подвергались позднѣе обсужденію въ печати, особенно въ связи съ характеристикой Некрасова, игравшаго въ этомъ дѣлѣ видную и, надо прибавить, незавидную роль. Мы не будемъ останавливаться на этомъ эпизодѣ и ограничимся только сообщеніемъ главныхъ фактовъ. Они сводятся вкратцѣ къ слѣдующему. Въ 1846 году, когда Марья Львовна на короткое время пріѣхала въ Петербургъ, Огаревъ — очевидно, для обезпеченія ей правильнаго полученія пенсіи — выдалъ ей крѣпостныя заемныя письма на послѣднее имѣніе, уцѣлѣвшее у него отъ милліоннаго наслѣдства, суммою въ 85.000 руб. сер., съ обязательствомъ уплачивать ей по этой суммѣ шесть процентовъ въ годъ. Деньги эти и высылались ей періодически или непосредственно Огаревымъ, или чрезъ ея пріятельницу А. Я. Панаеву, съ которою Некрасовъ былъ, какъ извѣстно, очень близокъ. Въ 1848 году М. Л., по совѣту Некрасова, выдала Панаевой полную довѣренность на веденіе своихъ дѣлъ, а вскорѣ затѣмъ Панаева, несмотря на данное ею Огареву обѣщаніе не дѣйствовать противъ него, уговорила Марью Львовну передать эти заемныя письма нѣкоему Шамшіеву, съ тѣмъ, что Шамшіевъ ей деньги выплатитъ въ два года, а имѣнье возьметъ на себя. Съ тѣхъ поръ М. Л. получала гроши, и деньги, слѣдовавшія ей, прилипли къ чьимъ-то рукамъ — Панаевой или Некрасова, неизвѣстно. Эта исторія была главной причиной позднѣйшей вражды Огарева и Герцена къ Некрасову.

Прямыя письменныя сношенія между Огарёвымъ и Марьей Львовной прервались, надо думать, въ 1849 году. По возвращеніи изъ-за границы въ 1846 году Огарёвъ скоро уѣхалъ въ свою пензенскую деревню. Часто бывая у своего сосѣда и пріятеля, А. А. Тучкова, онъ полюбилъ его младшую дочь, Наталью Алексѣевну, и встрѣтилъ взаимность. Въ половинѣ 1849 года они соединились, разумѣется не вѣнчаясь, такъ какъ Огарёвъ былъ женатъ. Около этого же времени Сатинъ женился на старшей дочери Тучкова, Еленѣ Алексѣевнѣ.

Въ это время Марья Львовна уже жила въ Парижѣ. Здѣсь съ нею возобновили знакомство Герцены, и первое впечатлѣніе, произведенное ею на нихъ, было, повидимому, не очень дурно. Въ ноябрѣ 1848 года Н. А. Герценъ писала Тучковымъ: «Новое знакомство у насъ — Marie Ogareff и Воробьевъ. Marie я знала и не знала, теперь начинаю ее узнавать: бездна хорошаго въ этой натурѣ, бездна, — и что сдѣлала съ ней жизнь... Я люблю ее и нельзя не любить, но мучительно ее знать. Воробьевъ теплый, благородный юноша; мы часто видаемся» *).

Чрезъ Герценовъ Огарёвъ и началъ дѣйствовать на М. Л., чтобы добиться ея согласія на разводъ. Отвѣтныя письма Герценовъ къ Огарёву, напечатанныя въ воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ, живо рисуютъ Марью Львовну этого времени **).

«Александръ сдѣлалъ все, что можетъ, — пишетъ Н. А. Герценъ, — т.-е. Александръ и я, но ты знай, Огарёвъ, что Марья Львовна послѣднее время вела себя невыразимымъ образомъ отвратительно: трезваго часа не было; Александръ ей замѣтилъ это, она разсердилась и возненавидѣла его и меня, перестала къ намъ ходить и стала насъ бранить; это — погибшее, но не милое созданье».

Затѣмъ Герценъ пишетъ Огарёву: «Любезный другъ, я начинаю рѣшительно убѣждаться, что Марья Львовна безумная, т.-е. не par manière de dire, а въ самомъ дѣлѣ. Она обругала m-me Георгъ, она даже тебя не пощадила, о ней и говорить нечего. Но что всего замѣчательнѣе, она кое-что знала и не черезъ насъ; мнѣ кажется,

---

*) Т. П. Пассекъ, «Изъ дальнихъ лѣтъ», т. III, 1889 г., стр. 112.

**) Тамъ же, стр. 114 — 123. Хронологическій порядокъ этихъ писемъ у Пассекъ перепутанъ, но всѣ они относятся къ первой половинѣ 1849 года.

Авд. Яковл. пописываетъ не одни романы *). Впрочемъ, Марья Львовна притомъ такъ лжетъ, что не знаешь, чему вѣрить. Я постараюсь всемѣрно, чтобъ она не вступала въ переписку съ тобой, но удастся ли — не знаю. Какъ глубоко жаль, что ты не послушался меня — я чувствовалъ, что много дурного выйдетъ изъ этого опыта; по сію минуту не вижу границы, на чемъ она остановится; это грязная Messaline d'un carrefour, — она говоритъ, что разочтется за всѣ прошлыя горести, etc., etc.».

«Вчера вечеромъ говорили съ Воробьевымъ, — пишетъ Н. А. Герценъ, — онъ вчера же долженъ былъ говорить съ ней; сегодня Александръ идетъ къ нему узнать, можно ли надѣяться (Воробьевъ не слишкомъ обнадеживалъ), или я сама сейчасъ же отправлюсь и надежды не теряю, лишь бы она пустила меня къ себѣ, — я не думаю, чтобъ она захотѣла непремѣнно помѣшать тебѣ; но это зависитъ отъ минуты, а не отъ нея, такъ поди же, лови минуту».

Переговоры не привели ни къ чему. Черезъ нѣсколько дней Герценъ сообщалъ Огареву результатъ. «Никакой нѣтъ надежды, рѣшительно нѣтъ, что-нибудь сдѣлать auprès de m-me. Мозгъ ея разстроенъ окончательно; неудовлетворенное самолюбіе принимаетъ различныя формы, иногда весьма благородныя, наивныя даже, но остается все самолюбіемъ; къ тому же ни минуты трезвой, она *кричитъ* о своей любви къ тебѣ, но не сдѣлаетъ ради нея ничего. Мнѣ больно писать тебѣ это, но не время нѣжничать; надо, чтобъ ты зналъ то, что есть, для того, чтобъ знать, какъ дѣйствовать». Была сдѣлана еще одна попытка—повліять на М. Л. чрезъ общихъ друзей — Гервеговъ, — но такъ же безуспѣшно. «Маска спала, — писала Н. А. Герценъ, — и эгоизмъ, одинъ, жгучій страшный эгоизмъ, явился во всей формѣ своей. Не только осторожно, но быстро, какъ можно быстрѣе надо дѣйствовать. Вѣрь мнѣ и слушайся непремѣнно, непремѣнно. Мнѣ грустно, больно и страшно. Мщеніе найдетъ вездѣ дорогу и средство повредить».

Отказъ М. Л. ставилъ Огарева въ трудное положеніе. Не говоря уже о настояніяхъ А. А. Тучкова, котораго фактъ незаконной связи дочери съ Огаревымъ повергалъ въ ужасъ и отчаяніе, — дѣло было по тогдашнему времени опасное. Если и раньше Николаевское

*) Герценъ намекаетъ на то, что Панаева, вѣроятно, уже сообщила Марьѣ Львовнѣ о сближеніи Огарева съ Н. А. Тучковой.—Панаева, какъ извѣстно, писала романы въ сотрудничествѣ съ Некрасовымъ.

правительство строго оберегало семейные устои, то послѣ европейской революціи 1848 года внѣбрачное сожительство могло навлечь на виновныхъ тяжелую кару. А тутъ какъ-разъ, въ концѣ апрѣля этого же 1849 года, разразилась гроза надъ петрашевцами; теперь каждую минуту можно было ждать ареста Огарева и Натальи Алексѣевны по обвиненію въ «фурьеризмѣ».

Въ виду этихъ обстоятельствъ Огареву, послѣ отказа Марьи Львовны, не оставалось другого выхода, какъ предпринять тотъ отвратительный процессъ о разводѣ, котораго онъ всячески старался избѣгнуть. Приходилось, значитъ, доказывать *вину* Марьи Львовны. Сохранилось письмо Огарева къ Сатину въ Москву по этому дѣлу отъ 3 мая, безъ сомнѣнія 1849 года. «Перечитывалъ мою корреспонденцію съ М. Л. Вотъ два письма, въ которыхъ упомянуто о Воробьевѣ. Но едва ли они могутъ быть яснымъ доказательствомъ. Что касается до свидѣтелей, то всѣ русскіе артисты, бывшіе въ то время въ Римѣ,—свидѣтели. Кажется въ реальности образа жизни моей жены никто изъ нихъ не сомнѣвается. Захочетъ ли кто принять участіе въ дѣлѣ — это другой вопросъ. Прошеніе самъ я не берусь писать. Пункты же слѣдующіе:

«1. Она живетъ съ Воробьевымъ съ 1843 года.

«2. Имѣла отъ него ребенка, котораго упросила меня принять на свой счетъ.

«3. Послѣ того по-прежнему жила съ В.

«5-е. Я желалъ бы, чтобъ вы мнѣ прислали черновое прошеніе по симъ пунктамъ».

Вѣроятно, въ это же время написано Огаревымъ одно изъ лучшихъ его стихотвореній — «Моей Наташѣ»:

На нашъ союзъ святой и вольный —
Я знаю — съ злобою тупой
Взираетъ свѣтъ самодовольный,
Бродя обычной колеей.
Грозой намъ вѣетъ съ небосклона!
Уже не разъ терпѣла ты
И кару дряхлаго закона,
И кару пошлой клеветы.
Съ улыбкой грустнаго презрѣнья
Мы вступимъ въ долгую борьбу,
И твердо вытерпимъ гоненья,
И отстоимъ свою судьбу.
Еще не разъ весну мы встрѣтимъ
Подъ говоръ дружныхъ намъ лѣсовъ

И жадно въ жизни вновь отмѣтимъ
Счастливыхъ нѣсколько часовъ.
И день придетъ: морскія волны
Опять привѣтъ заплещутъ намъ,
И мы умчимся, волей полны,
Туда — къ свободнымъ берегамъ.

Это — намекъ на отъѣздъ за-границу, куда настойчиво звали ихъ Герцены.

Пророчество Н. А. Герценъ и предчувствіе Огарева оправдались: гроза разразилась въ февралѣ 1850 года, и она была очень похожа на месть. Дѣло въ томъ, что мѣстный, т.-е. пензенскій губернаторъ, А. А. Панчулидзевъ, былъ, какъ мы знаемъ, дядею Марьи Львовны. Вѣроятно по его доносу (а онъ могъ быть освѣдомленъ Марьей Львовной) Третье Отдѣленіе предписало ему произвести обыски и арестовать Тучкова, Огарева и Сатина. Надо прибавить, что Третье Отдѣленіе, къ тому же, имѣло свѣдѣнія о сношеніяхъ Огарева и Сатина съ Герценомъ, а самъ Панчулидзевъ ненавидѣлъ Тучкова, съ которымъ у него были постоянныя столкновенія (Тучковъ много лѣтъ былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и стойко охранялъ интересы крестьянъ противъ чиновничьей и помѣщичьей власти). Но первый вопросъ, предложенный Н. А. Тучковой жандармскимъ генераломъ, пріѣхавшимъ дѣлать обыскъ, касался именно «фурьеризма»: «Въ какихъ вы отношеніяхъ съ дворяниномъ Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ?»

Въ «Воспоминаніяхъ» Н. А. Тучковой-Огаревой *) можно найти разсказъ о кратковременномъ заключеніи Тучкова, Огарева и Сатина въ Третьемъ Отдѣленіи. Продержавъ нѣсколько недѣль, ихъ выпустили безъ обиды, только Тучкову — конечно, по представленію Панчулидзева, — было приказано жить въ одной изъ столицъ безъ права въѣзда въ его деревню, на томъ основаніи, что его «слишкомъ любятъ» крестьяне. Во время этого заключенія Огаревъ написалъ свое стихотвореніе «Арестантъ», которое позднѣе стало одною изъ самыхъ популярныхъ пѣсенъ, сначала у интеллигентной молодежи, потомъ и въ народѣ. При первомъ свиданіи послѣ освобожденія изъ тюрьмы, Огаревъ отдалъ его Н. А. Тучковой, вынувъ листокъ изъ сапога.

Огаревъ оригинально отмстилъ Панчулидзеву за доносъ. По-

*) М. 1903, стр. 83 и д.

видимому тотчасъ по возвращеніи въ деревню, онъ послалъ Панчулидзеву письмо, черновикъ котораго сохранился среди прочихъ бумагъ Огарева въ его бывшемъ имѣніи пензенской губерніи, которое въ 1849 г. перешло къ Сатину и до сихъ поръ принадлежитъ дочери послѣдняго *). Вотъ этотъ забавный документъ.

«Милостивый Государь, Александръ Алексѣевичъ. Обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшей просьбою. Вѣроятно Ваше Превосходительство не забыли — о чемъ вы неоднократно и сами упоминали мнѣ впослѣдствіи, — что вы у меня занимали деньги, а именно: въ 1838 году 5.000 руб. асс., именно въ томъ году, когда я, по милостивому ходатайству Вашего Превосходительства, получилъ Высочайшее разрѣшеніе ѣхать къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ для излѣченія, и въ 1839 году— 5.000 руб., именно въ томъ году, когда я, по милостивому ходатайству Вашего Превосходительства, былъ переведенъ на службу въ Москву. Нынѣ, имѣя по моимъ торговымъ дѣламъ надобность въ деньгахъ, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство возвратить мнѣ, хотя бы и безъ процентовъ, занятый вами у меня въ означенныхъ годахъ капиталъ 10.000 руб. асс. или, по крайней мѣрѣ, часть онаго, а на остальное благоволите дать срочное заемное письмо. Я увѣренъ, что Ваше Превосходительство, какъ по благородству души вашей, такъ и по справедливости, не откажете мнѣ въ этой покорнѣйшей и убѣдительной просьбѣ.

«Съ глубокимъ почтеніемъ...»

Еще два года продолжалъ Огаревъ хлопотать о разводѣ съ М. Л.— все безуспѣшно. Наконецъ въ іюнѣ 1853 года онъ обратился по этому дѣлу къ петербургскому стрянчему, А. А. Бильбасову, который взялся устроить разводъ за пять тысячъ руб. сер. и три тысячи получилъ наличными. Это была, вѣроятно, афера, такъ какъ Марьи Львовны тогда уже не было въ живыхъ: она умерла 28 марта этого года въ Парижѣ, и Бильбасовъ, безъ сомнѣнія, зналъ объ этомъ. Огаревъ узналъ о смерти жены только въ августѣ. Изъ полученныхъ трехъ тысячъ Бильбасовъ вернулъ ему только 500 р., заявивъ, что остальныя деньги истрачены имъ на чиновниковъ Третьяго Отдѣленія. По полученіи офиціальнаго извѣстія о смерти Марьи Львовны Огаревъ тотчасъ обвѣнчался съ Н. А. Тучковой.

---

*) Тамъ-же, въ старомъ комодѣ, сохранились и всѣ напечатанныя здѣсь письма Огарева и Марьи Львовны.

Такъ кончилась эта семейная драма, необыкновенно характерная для нашего передового общества 30-хъ годовъ.

Въ 1839 году, тотчасъ послѣ владимірскаго свиданія, Огаревъ такъ воспѣлъ свою любовь на фонѣ провинціальнаго губернаторскаго бала *):

«Въ залѣ, осьѣщенной огнями, толпились люди и думали — веселиться. И въ шумномъ говорѣ звенѣло бездушное слово, и жалкая мысль выливалась въ многосложныя рѣчи. Раздавалась музыка, и въ таинственныхъ звукахъ говоря о небесномъ, отличалась ярко отъ пустыхъ восклицаній дѣтей праха и тлѣнья.

«Вдалекѣ отъ толпы сидѣли дѣва и юноша. Ихъ взоры съ любовью тонули во взорахъ другъ друга. Они говорили о мірѣ небесномъ, о томъ же свѣтѣ грядущемъ. И сознаніе симпатіи глубокой — электрической искрой пробѣжало по душамъ ихъ, и сердца ихъ забились съ одинакою силой. И разомъ изъ устъ ихъ сорвалось слово: люблю! Это мгновеніе ангелы записали на небѣ, и оно радостно откликнулось въ великой душѣ міра.

«Съ хохотомъ люди смотрѣли на чету, благословенную любовью. Но дѣва и юноша бросились въ объятія другъ другу — и то мгновеніе, когда сказали: люблю! — свято росло въ ихъ душахъ въ безконечность».

А четверть вѣка спустя, уже въ Лондонѣ, десять лѣтъ послѣ смерти Марьи Львовны, онъ подвелъ скорбный итогъ этой давно минувшей любви:

Я томъ моихъ стихотвореній
Вчера случайно развернулъ,
И, весь исполненный волненій,
Я до разсвѣта не заснулъ.
Вся жизнь моя передо мною
Изъ мертвыхъ грустной чередою
Вставала тихо день за днемъ,
Съ ея сердечной теплотою,
Съ ея сомнѣньемъ и тоскою,
Съ ея безумствомъ и стыдомъ.
И я нашелъ такія строки—
Въ то время писанныя мной,
Когда не разъ блѣднѣли щеки
Подъ безотрадною слезой:

---

*) «Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ», «*Р. Мысль*», 1902, XI, стр. 146.

«Прощай! На жизнь, быть можетъ, взглянемъ
Еще съ улыбкой мы не разъ,
И съ миромъ оба да помянемъ
Другъ друга мы въ послѣдній часъ»! *).
Мнѣ сердце ужасомъ сковало:
Какъ все прошло! какъ все пропало!
Какъ все такъ выдохлось давно!
И стало ясно мнѣ одно,—
Что безъ любви иль горькой пени,
Какъ промелькнувшую волну,
Я просто вовсе бѣдной тѣни
Въ послѣдній часъ не помяну.

Изъ записокъ Марьи Львовны.

Сохранились двѣ тетрадки, въ которыхъ Марья Львовна начерно набрасывала свои мысли, воспоминанія, фантазіи, очевидно съ намѣреніемъ впослѣдствіи объединить весь этотъ матеріалъ въ одно произведеніе подъ заглавіемъ «Записки художника» (такъ озаглавлены тетради). Записи разрозненны, раздѣлены чертою, часто нумерованы; нѣкоторыя изъ нихъ датированы: первая тетрадь писана лѣтомъ 1846-го, вторая лѣтомъ 1847 года. Большая часть писана по-русски, но немало и французскихъ записей; почеркъ, какъ всегда у Марьи Львовны, крайне неразборчивъ. Я извлекаю изъ этихъ тетрадей тѣ записи, гдѣ Марья Львовна говоритъ о себѣ или излагаетъ свои задушевныя мысли. Она стбитъ того, чтобы узнать ее поближе.

Мой портретъ. — Откровенность, простосердечіе, высокая честность (доходящая до глупости) — вотъ моя чистота. Необыкновенная воспріимчивость, сильная и постоянная способность и потребность восторгаться, искать любимаго предмета, привязываться и отгадывать сродственное; необходимость осуществлять задуманное, которое стало себя знать и понимать (и поднялось давно надъ пустой безвыходной мечтательностью, донкихотствомъ, и огражденіемъ себя семейными отношеніями), которое мѣтитъ и относится прямо къ прекрасному, изящному, въ которое непремѣнно слѣ-

---

*) Изъ того стих. къ Марьѣ Львовнѣ, которое приведено выше.

дуетъ перейти, чтобъ получить желаемое: вотъ единственная забота и дѣятельность моей жизни, — моя нравственность, или, лучше, я на лицо. Мою характеристику заключаютъ: гибкость и пылкость нрава, быстрота рѣшеній, раздражительность и настойчивость — но только относительно къ избранному фантазіей, вкусомъ, убѣжденіемъ любимому предмету, чтобъ возвести его, какъ говоритъ Гоголь, въ перлъ созданія.

Иногда все это данное на дѣло, на служеніе красотѣ (отъ неумѣнія владѣть имъ, отъ ложнаго хода въ жизни) обращается во зло, и является чрезмѣрность, сумасбродство (folie), недогадливость, отчаянье, — и горячая кровь бунтуетъ!

Я никогда не умѣла вести себя сообразно съ установленными обычаями, и заключила, что въ жизни обыкновенной я не похожа на другихъ, слѣдовательно, — что имѣю исключительный характеръ. Но мнѣ бываетъ очень скучно одной, и даже страдаю отъ этого.

Энергіи у меня много на свое дѣло, но внѣ онаго я разсѣяна, вѣтрена, необуздана и слаба, какъ парусъ безъ вѣтра. Слаба въ какомъ смыслѣ, увидите изъ разсказа.

Когда на меня находило сомнѣніе въ томъ, есть ли у меня душа (du coeur), внутренній голосъ всегда рѣшалъ, что есть, — иначе откуда бы взялось у меня желаніе узнать людей, зачѣмъ бы мнѣ терзаться безъ нихъ? И моя грусть, глубокая грусть врозь съ ними, терпимость и терпѣніе при встрѣчахъ — не есть ли доказательство моей любви къ нимъ? А желаніе дружбы и любви? Въ чемъ еще отыскивать эту способность, которую зовемъ мы душой (du coeur)?

Есть еще во мнѣ врожденный талантъ, не прививаемый, не пріобрѣтаемый. Это странное свойство и предчувствіе встрѣчала я въ своихъ товарищахъ: пылкая и вѣчная любовь къ тому, что никогда и нигдѣ не отыщешь, и увлекательность. Вотъ что даетъ силу совершить — къ чему мы прикасаемся въ минуты вымысловъ.

Кто не жилъ душа въ душу съ бѣднымъ человѣкомъ, не понялъ вполнѣ его нуждъ и трудовъ, стараній и страданій; кто ни за чѣмъ не наблюдалъ, самъ собою мыслью ни до чего не доходилъ, не углублялся въ природу, не имѣлъ съ ней близкихъ, тѣсныхъ соотноше-

ній, не отыскалъ въ лабиринтѣ чувствованій и потребностей *реальной*, завѣтной нити и не видалъ дѣйствительной цѣли жизни — бытія; кто не умѣлъ отдѣлить предразсудковъ отъ аксіомъ; кто не возлюбилъ жизни всей душой; кто поскупился бы ею для друга, — тотъ мнѣ чужой и не принесъ мнѣ ни пользы, ни сладкой минуты, съ нимъ душа моя не раскроется, не забудется, не срастется никогда.

Я заглядываю частехонько въ свою душу, когда кромѣ нигдѣ вокругъ жизни не нахожу. Любовь къ себѣ имѣетъ слѣдственно *единственную* сторону, и именно когда ищешь въ ней нетлѣннаго и правды.

Любить по мнѣ всегда значило дѣйствовать, а не страдать. Для меня, какъ для многихъ, это дѣйствіе условливаетъ жизнь. Кто чувствуетъ въ себѣ эту живую, дѣйствительную потребность чувства, — отчужденный отъ природы и живыхъ людей, долженъ будетъ глубоко искать въ себѣ любить дѣйствительнымъ образомъ хотя свое человѣческое содержаніе. Потому что такая жажда неутолима и непрестанна. Признаюсь, я отрываюсь отъ себя только для предмета достойнѣе любви, участья, восторга, изученія.

Человѣкъ въ себѣ, въ проявленіи каждой мысли, въ возвращеніи желаній хотя однихъ и тѣхъ же, всегда раскрываетъ что-нибудь да новое; тогда онъ вправѣ того же искать отъ другихъ — и ему, какъ растенію, надо покрываться свѣжими новыми цвѣтами.

Свѣту я никогда ничего не уступала, — ни одного желанья, ни одного изъ своихъ убѣжденій, ни одного порыва любви, ни одной изъ моихъ шалостей. Вотъ почему мы съ нимъ разстались и онъ меня возненавидѣлъ.

Fiori, ecco fiori! Какъ нѣжно дѣйствуютъ на меня простыя эти слова, какъ ласкаютъ воображеніе и зажигаютъ чувства! За ними мелькаетъ Римъ съ его освѣщеніемъ, запахомъ, нѣгой, — незабвенный полдень съ его поэзіей, превосходящей воображеніе. Вотъ какого идеала искала восторженная душа, вотъ поэзія, побѣждающая ее.

Для насъ, трепещущихъ, теплыхъ, пылкихъ организадій—системы, критики, вѣчные упорные анализы мертвятъ жизнь нашу; намъ важны слова: сильно любящее скрой отъ критики!..

Отъ любви жди любви — и больше ничего.

И въ любви есть своего рода честность.

Я любила говорить — люди думали, что я не читать въ нихъ хотѣла, не передавать имъ свои понятія, а броситься въ ихъ объятія, и потому отъ этого непониманія вышло столько несчастій.

Я всѣмъ жертвовать готова любви моей къ людямъ.

Онъ *) меня видитъ по-своему. Я падшее созданіе относительно его, въ его мнѣніи, его стараніемъ, — съ его стороны волею или неволею, не знаю. Онъ помнилъ только характеры нѣмецкихъ дѣвъ и женъ, созданныхъ Гёте и Шекспиромъ **). И себя и меня примѣнялъ къ нимъ. Какая ошибка! У меня были совсѣмъ другія начала; а въ сердцѣ онъ у меня не могъ прочесть ни линейки, тогда какъ въ немъ были зародыши благородные знанія и искусства. Открытая моя душа (отъ неопытности) ему казалась искусственной, честолюбивой, ложной, кокетливой, холодной. А въ первый разъ любивши такъ свободно, сильно, стало трудно разлюбить.

Мы не могли, конечно, ничего другъ для друга, потому что мнѣ надо было пройти много степеней, чтобъ дойти до какой-нибудь точной истины, а онъ многія ужъ прошелъ до меня. Въ мужчинѣ разумъ ранѣе дѣйствителенъ. Но я знала себѣ цѣну, предчувствуя истину и красоту.

Я существую только для принятія впечатлѣній и впитыванія ихъ, и больше ни для чего. Но не я для нихъ, онѣ для меня; однако, не онѣ, а я отъ нихъ завишу въ смыслѣ моего удовлетворенія. Я ими не располагаю, но и онѣ мной нимало, — онѣ необходимость иныхъ натуръ, какъ пища всѣхъ вообще. Отъ того мнѣ надо столкновенія съ умами и характерами, чтобъ предупредить страданіе пустаго мѣста въ душѣ.

---

*) Разумѣется, безъ сомнѣнія, Огаревъ.

**) Вѣроятно описка вм. Шиллеромъ.

Я чисто-русская: во всѣхъ отношеніяхъ ищу чего-то связываю щагося (семейнаго). А семейство ненавижу по обстоятельствамъ, убѣжденіямъ, воспоминаніямъ.

Случилось какъ-то отъ рожденія, что личность моя развивалась на европейскій ладъ.

Любовь талантъ. Можно къ любви имѣть бездарность, наклонность, неспособность.

Прежде любила и наслаждалась, а можетъ быть предметъ моей любви и страдалъ, но я такъ сильно любила, что ничего не разбирала, а понимала только то, что происходило во мнѣ. Теперь, любя или не любя, другіе наслаждаются и тѣшатся около меня, а я, видно, онѣмѣла. Что же лучше?

Съ каждымъ годомъ наслажденіе перемѣщалось — я его находила въ различныхъ и разныхъ предметахъ.

Спутницей любви по мнѣ должна быть свобода — когда будетъ спутникомъ умозрѣній достовѣрность.

Сперва въ жизни только и дѣла мнѣ было, что любить — и смѣяться или злиться на неуспѣхъ и препятствія, преграды. Нынѣ смѣюсь желчнымъ смѣхомъ или бездушнымъ, безсмысленнымъ, но не злюсь ужъ болѣе. Когда любила *сжато*, *тѣсно*, съ притязаніемъ на недѣлимость въ жизни, во всеобщемъ, такъ сердилась; нынѣ какъ люблю? люблю *распущенно*, расплываюсь въ доброту.

По ошибкѣ и прямо изъ древней миѳологіи и христіанства назвали сношенія между людьми любовью, тогда какъ *любовь* есть въ чувствахъ абсолютъ, обнимаетъ безпредѣльность, совершенство, вѣчность, и не свойственно сердцу человѣческому. Почему не найти другаго слова опредѣленнѣе, натуральнѣе, вѣрнѣе?

Могу сказать, и кажется, что не ошибаюсь: каждое мое желаніе, волненіе, бореніе съ внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ, дѣйствительнымъ и фантастическимъ, производило быстрыя для меня перемѣны въ жизни. Во мнѣ заключались всѣ качества, всѣ пороки, я была представителемъ нѣсколькихъ поколѣній женщины вообще (нашихъ странъ въ особенности) со всѣми ихъ слабостями и причудами, расположеніями, страданіями, страстями, обстоятельствами. Умомъ я дошла до разрѣшенія полезныхъ для себя и для обоихъ половъ задачъ.

Любила я и мысль, и чувство, и людей, и музыку — что же сталось со мной? Мнѣ неловко. Видно, слишкомъ была богата или чего-то недоставало.

Тому можно жить нормально, у кого никогда насильно ничего не вырывали.

Если я печальна была прежде, это было вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ, если послѣ, то дѣйствовалъ на меня О. Онъ и теперь иногда преслѣдуетъ меня вліяніемъ своего воспоминанія (т.-е. нынче ужъ нѣтъ — окт. 47-го, — а когда я записывала вышесказанное на клочкѣ лѣтомъ въ Римѣ, то бывало еще); онъ бѣжалъ за мной слѣдомъ, открывался хотя повтореніемъ одного и того же, и что я ужъ знаю, въ каждомъ стихѣ своемъ. Во многихъ мнѣніяхъ мы другъ на друга схожи.

Когда я, бывало, была любима, — какъ собой была довольна!

Любить изъ себялюбія, самолюбія, мнѣ было невозможно — однако въ каждую любовь входятъ оттѣнки и того, и другаго. Какія противорѣчія въ любви! Когда видимо, очевидно, невольно входилъ въ мои чувства оттѣнокъ самолюбія или себялюбія, онъ ее портилъ присутствіемъ посторонняго элемента, ея прелесть исчезала отъ разсчетовъ и раздѣловъ твоего и моего, т.-е. при взвѣшиваніи, кто какъ кого любитъ и насколько можетъ уступать, и при вопросахъ и разспросахъ, насколько? Она обращалась въ мелочность, смѣшивалась съ характеромъ, — поэзія исчезала. Но развѣ она независима отъ характера человѣка, принимающаго ее въ себя?—

Да, но она расплавляетъ все, стираетъ ненужное, плохое, разукрашиваетъ и освѣщаетъ (въ духовномъ смыслѣ) жизнь, какъ солнце—берега Сициліи.

Любовь не разбираетъ — можно слабое, равно какъ миловидное и даже больное полюбить безъ дальнихъ мыслей и видѣть даже нездоровое, разслабленное въ прекрасномъ видѣ, потому что сквозь любовь или сквозь любящую душу все прекрасно, ясно такъ, исключая того, что обращается къ ней спиной. Но всякую любовь смущаетъ, разбиваетъ, дѣлитъ умъ заранѣе — вопросомъ о завтра. Какая однако ложь въ умѣ — на что ему завтра въ любви, коль нынче хорошо? Не онъ себя создалъ, ни любви своей, ни ея прочности. Онъ можетъ только стараніемъ и страданіемъ понять иные простые и достовѣрные предметы и по своимъ понятіямъ отстраняться отъ ненужнаго и потому ложнаго.

Я долго цѣла, мечтая и наслаждаясь поперемѣнно и безостановочно. Теперь облетѣлъ цвѣтъ, завязался плодъ. Я себя не отыскиваю болѣе ни въ мечтѣ, ни въ наслажденіи — чувственность притупилась вслѣдствіе моей чувствительности (несомнѣнной).

Ради любви я стала примѣняться къ человѣческой натурѣ, и въ этомъ я успѣла. Такъ долженъ дѣйствовать достовѣрный талантъ безъ любви.

Когда я предавалась только мечтательности, я искала особеннаго рода спокойствія и молчанія вокругъ себя — была раздражительна и неопытна, искала въ свѣтѣ и мракѣ особенность, желала и слезъ, и мукъ, и спокойствія, и чортъ знаетъ чего, и поэтическія сравненія забивали голову, тѣснились въ ней. Формы (въ слогѣ) мои были вялы, чувствованія богаты, нетерпѣніе преобладало моимъ существомъ и разумомъ, я была неприступна, неприкосновенна, и игрива, и любопытна. Люди — то тотъ, то другой мнѣ мѣшалъ, мнѣ наводилъ нестерпимую муку, а людей я искала, но была разборчива до мелочности, а отмѣнныхъ людей, превосходныхъ, угадывала какимъ-то инстинктомъ, т.-е. исполненныхъ доброты райской и таланта; они были моими героями и всякое слово ихъ мнѣ становилось дорогимъ. Но мечта сгоняла мечту, ощущеніе — ощу-

щеніе, и душа просилась все вдаль, все на волю отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, просила каждый день и въ каждой находкѣ искала новыхъ чудесъ. Тогда требовались, какъ необходимость, особаго рода столики и окошечки, пиры, костюмы. Отголосокъ свѣтскій не въ мою пользу отнималъ у меня покой, силы, могъ истерзать меня,— всѣ аксессуары должны были находиться въ гармоніи съ главнымъ предметомъ въ настоящемъ.

Нынѣ, поживши и настрадавшись, я узнала другую дѣйствительность, и съ чѣмъ я не свыкалась, трудно сказать,—и все мнѣ ни по чемъ. Ничто не мѣшаетъ, затрудненія по части мелочей, платья, денегъ, общества, увеселеній разрѣшены, и докучно, что не входятъ никакой стороной на жизненные вѣсы. Я подхожу близехонько къ предметамъ, свысока ни на что и ни на кого не гляжу, по этой причинѣ и на меня такими глазами никто не глядитъ (непонятно мнѣ стало это чувство), и предметы стали просто предметами, а не идолами неприступными.

Безъ науки положительная сторона жизни бѣдна.
Любовь возвышаетъ жизнь на степень идеала.

Любовь можетъ быть и другаго разряда. Страстью ты ни себя, ни другихъ не удовлетворила, постарайся безъ крайностей, въ границахъ вамъ обоимъ возможнаго успокаивать другъ друга, или сильный — слабаго, или добрѣйшій менѣе добраго. Ужъ и этого достаточно, чтобъ жизнь была сноснѣй, и дать пищу любовной способности.

Montaigne сказалъ: гдѣ оказываются помѣхи душѣ — тамъ и вся душа.

Каждая любовь или любіе — даже сребролюбіе — привязываетъ человѣка къ чему-нибудь и обогащаетъ его.

Сажусь писать — рука рвется впередъ, не успѣваетъ за мыслью; надо забыть, что я пишу, потому что только-что начну правильно ставить свои буквы, какъ мысль разрывается, ускользаетъ куда-то

въ сторону, меня покидаетъ. Не могу слѣдить за буквами. А какъ начинаю мазать, такъ и идетъ само собой, какъ струйки ручейка.

Со всѣми мужчинами случалось мнѣ одно и то же. Напрашивалась ли я на его дружбу и знаніе — онъ поролъ о любви, какъ о главномъ; хотѣлось ли мнѣ прочесть въ его характерѣ и знакомилась ли я покороче съ нимъ — онъ предлагалъ мнѣ руку; хотѣлось ли мнѣ рѣзвиться и подѣлиться добродушіемъ и веселостью съ нимъ — онъ, какъ кошка, цапъ-царапъ. Только-что покажешь, что онъ нравится, какъ ужъ съ претензіями супруга, и даже самаго строгаго, и начинаются совѣтованія, кого остерегаться, именно такъ-то себя вести должно, дескать, и проч. — или что меня надо держать на веревкѣ... Что я, бодливая корова, что ли?

Я, какъ рабочій, работала и вырабатывала, выковывала свою любовь.

И если бъ предложилъ мнѣ кто-нибудь свою любовь, я сказала бы: на что она мнѣ?

Я обвивалась, бросалась на шею людямъ — сперва для личика, для счастья, для характеровъ, для наслажденія... Разумъ холодный многое погасилъ.

Моя дѣятельность въ жизни была и останется — сношеніе съ людьми. Если уму нужна дѣятельность, то и чувству тоже. И таковой изъ нихъ пробуждалъ, коль не рождалъ во мнѣ такое-то качество, спавшее до тѣхъ поръ (latent), добродѣтель, другой, напротивъ, возбуждалъ такой-то порокъ — вотъ было дѣйствіе людей на меня.

Отнимите у меня симпатическихъ людей — я не знаю, куда безъ нихъ дѣться, — пишу: воспоминаю, вымышляю все большею частью о нихъ. Отнимите перо — играю на фортепіано, сочиняю ли, воспоминаю ли, но по нимъ душа ноетъ, объ нихъ я грежу и плачу.

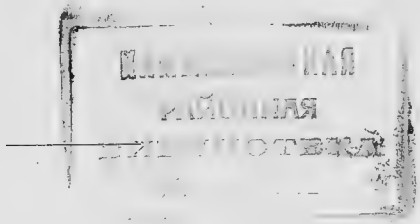
Во мнѣ все зыбко — всегда готова обратиться въ струю, въ звукъ. Для моего характера нѣтъ мѣста пока еще въ русскомъ обществѣ. Его темпераментъ жидкій, страстный, — духъ художественный, исключительно художественный. Ему надо свободу, чтобъ онъ удовлетворилъ свои восторги — онъ все дѣлаетъ съ восторгомъ и не страшится послѣдствій. Оттого мнѣ страшно въ уединеніи и страшно въ обществѣ.

Натуры глубокія, музыкальныя, мы живемъ любовью, впечатлѣніями, и всѣми осмѣяны; мы быстры, какъ перемѣны вѣтра, великодушны, какъ герои, изобильны, какъ сицилійская почва — и вѣчно обруганы толпой. Намъ нужна опора и благосклонность, ибо мы ходимъ съ раскрытой душой и жаждемъ капли росы и солнечнаго луча. Въ насъ силъ нѣтъ на зло, но мы негодуемъ на злыхъ.

Растопитесь, сердца, — мы люди, а не странствующіе фигляры.

И чего я требовала и ждала отъ встрѣчнаго и поперечнаго? И какое ему было дѣло, честна или умна я была? И къ чему, скажите, стремилась я заглянуть въ душу каждаго? Да у иного и души нѣтъ никакой. И сходилась я съ призраками, и кланялась имъ въ поясъ, и старалась вкрасться къ нимъ въ довѣренность и прислушивалась къ ихъ словамъ, какъ къ біенію ключа, и вглядывалась имъ въ глаза, какъ въ вселенную, — и что же узнала наконецъ? Что въ иныхъ душахъ 22 градуса тепла стоитъ постоянно! Это температура души восторженной, а въ другихъ не показываетъ и 7-ми. Съ кѣмъ же я сходилась? Инымъ, что ни попало пищи, кто обжирался, кто и малымъ былъ доволенъ: я просила все отборной пищи — и смѣялись надо мной, и тушили любовь, и замолкали аккорды. Ахъ, тогда желала я себѣ воли, но не досталась она мнѣ, пока червь не подточилъ жизненныхъ корней.

Идеалъ будущаго — человѣкъ, вотъ почему у меня по немъ душа болитъ.



УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Аккурси 228.
Аксаковъ К. С. 131.
Александръ I 215, 298.
Александръ II 224, 226.
Allan, m-me, актриса, 379, 462.
Анненковъ П. В. 39, 63, 64, 161, 163, 328, 329, 342, 343, 345, 349, 365, 494, 495, 521.
Аплечеевъ 360, 482.
Араго 270, 506.
Армеллини 277.
Арнгольтъ 258.
Асенкова В. Н. 55, 63.
Assandri, m-lle, актриса, 452.
Астракова Т. А. 349, 365, 471.
Астраковъ Н. И. 467, 471, 476.

Байронъ 25, 96, 522.
Васоп, актеръ, 379.
Бакунина Л. А. 162.
Бакунинъ М. А. 143, 180, 185, 204, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 240, 242, 245, 246, 253, 272, 273, 365, 439, 451, 458.
Балестреръ 443.
Бальзакъ 60.
Барантъ, бар., 446.
Баратынскій Е. А. 118.
Барбесъ 179, 270.
Барро, Одилонъ 209, 226.
Барсуковъ Н. П. 51, 130, 138.
Бартелеми 251.
Бартеневъ П. И. 46, 51, 58, 60, 90.
Бастіа 211.
Батюшковъ К. Н. 292, 293.
Бахъ 456.
Башмакова В. А. 19, 20.
Бедфордъ, герц., 244.
Безсоновъ П. А. 139.
Beckmann, актеръ, 453, 456.
Беллини 446.
Бенардаки, откупщикъ, 65, 66.
Бенкендорфъ А. Х., гр., 334, 349, 365.
Бернацкій 228, 235, 236.
Бестужевъ А. А. (Марлинскій), 13, 14, 312.
Бетманъ, банкиръ, 495, 496, 513, 514.
Бетрихъ, д-ръ, 26.
Бетховенъ 440, 453.
Безръ М. В. 86, 118.
Бибикова Е. 465.
Бибиковъ М. 424, 425, 427.
Бильбасовъ А. А. 534.
Бланъ, музыкантъ, 459, 460.
Бланъ, Луи 179, 183, 184, 201, 211, 249, 250, 251, 270.
Блохина 392.
Богаевскій 466.
Больвиллеръ 365, 490, 511, 519.
Бонапартъ, Луи 204, 206, 236.
Боншозъ 91.
Бороздинъ А. М. 7.
Боткинъ В. П. 143, 365, 466, 467, 470.
Боткинъ М. П. 307.
Браницкая А. В., гр., 43, 44, 45, 46, 49, 50.
Браницкій, Ксаверій 180.
Brassant, актеръ, 462.
Братіано 179, 228.
Брянчаниновъ 392, 418.
Булгаковъ А. Я. 50.
Булгаринъ Ѳ. В. 14, 51.
Бульверъ 63.
Бунинъ И. А. 154.
Буслаевъ Ѳ. И. 124.
Бухгольцъ 418.
Бѣлинскій В. Г. 61, 71, 73, 118, 143, 150, 154—160, 188, 237, 321, 462.

Валентини, банкиръ, 506, 507, 508, 509, 510, 511.
Валленштейнъ 405.
Walter, актеръ, 379.
Вальтеръ-Скоттъ 61, 487, 488, 509.
Веберъ К. М. 453.
Вееръ 58.
Weiss, актеръ, 453.
Veit, книгопрод., 451.
Величковская А. И. 26.
Вельтманъ А. Ѳ. 116.
Вельяминовъ А. А. 311, 316.
Веневитиновъ Д. В. 95.
Venedey 501.
Вердеръ К. 451, 452, 457.
Веселовскій Алексѣй Н. 65.
Вешнякова, г-жа, 488.

Вигель Ф. Ф. 34, 35, 36, 37, 41, 42, 44·342.
Викторъ-Эммануилъ 256, 264.
Виллихъ 251.
Вильбанкъ 440.
Висковатовъ П. А. 113.
Віардо П. 153.
Волковъ А. А. 50.
Волконская М. Н., кн., 45.
Волконскій, сенаторъ, 32.
Волконскій П. М., кн., 47.
Волконскій С. Г., кн., 36.
Вольтеръ 87, 292.
Воробьевъ С. 374, 425, 505, 507, 511, 517, 527, 530, 531, 532.
Воронцова Е. К., гр., 33-50.
Воронцовъ М. С., гр., 33, 34, 38, 39, 41, 43—50.
Ворцель Ст. 179, 180, 183, 184, 247, 249, 267, 268.
Вронченко М. П. 161.
Вяземская В. Ѳ., кн., 50.
Вяземскій П. А., кн., 4, 15, 53, 80.

Гаагъ Л. И. 219, 236, 342.
Гагарины 379.
Гагаринъ Л., кн., 466.
Гагаринъ Ѳ. кн., 59.
Гаевская 28.
Гайднъ 440, 453.
Гакстгаузенъ А., бар., 186, 215, 229, 233.
Галаховъ И. П. 331, 342, 365, 381, 393, 394, 395, 398, 402, 405, 417, 443, 444, 447, 451, 455, 456, 457, 464, 465, 466, 467, 468, 471, 476, 478, 480, 481, 489, 490, 491, 492, 495, 508, 510, 513, 524.
Галаховъ С. П. 468.
Гамильтонъ 392.
Гамсунъ К. 142.
Гарибальди Дж. 180, 181, 182, 184, 185, 194, 195, 198, 253—262, 274.
Гаукъ 228, 236, 238, 255, 265, 266.
Гауэншильдъ 58.
Гверчини 427, 429.
Гегель 143, 419.
Гейзовъ 513, 514.
Гейнценъ 180.
Гераковъ Г. В. 1, 6, 7, 20.
Гервегъ Г. 190, 212, 219, 239, 240, 531.
Гёрресъ 101, 104, 105.
Герценъ А. А. 203, 246, 255, 262.
Герценъ А. И. 121, 123, 125, 159, 169, 175—282, 306, 307, 308, 309, 321, 326, 328, 330, 342, 344, 345, 346, 349, 350, 351, 355, 362, 364, 365, 367, 368, 369, 370, 387, 388, 390, 403, 493, 500, 503, 504, 505, 520, 521, 523, 528, 529, 530, 531, 533.
Герценъ, Коля 219, 236.
Герценъ Н. А. 219, 238, 239, 240, 242, 265, 342, 346, 351, 369, 530, 531, 532.
Гёте 97, 308, 406, 408, 415, 451, 453, 454. 458, 496, 513.
Гизо 128, 209.
Giorgi, пѣвица, 498.
Глинка М. И. 300—304.
Гнѣдичъ Н. И. 20.
Гогенлоэ, кн., 349.
Гоголь Н. В. 51, 52, 53, 65—70, 83, 116, 188, 199, 301, 304, 305, 308, 309, 466, 469, 496, 498, 506.
Голицына Е. И., кн., 16.
Голицына М. А., кн., 15—21, 24, 25.
Голицынъ Вал., кн., 317.
Голицынъ М. М., кн., 15, 19.
Голицынъ Н. Н., кн., 16, 19.
Головачева-Панаева, см. Панаева А. Я.
Головинъ И. Г. 180, 184.
Головкины 90.
Голубцовъ Ѳ. А. 327.
Голынскій 392, 412.
Голяшкинъ С. А. 55.
Горскій, полк., 315.
Горчаковъ В. П. 20.
Граббе, г-жа, 318.
Граббе П. Х. 317.
Грановскій Т. Н. 121, 143, 321, 322, 324, 325, 342, 365, 453, 455, 463, 465. 466, 467, 468, 481, 504, 523.
Грессеръ 379.
Гречъ Н. И. 6.
Гриффи 507, 513, 514.
Грузинскій А. Е. 143.
Grün, актеръ, 453.
Гудзиловичъ Ю. П. 116.
Houlthieu von 501.
Гуммель, композ., 452.
Гюго Викторъ 179, 181, 184, 196, 200, 247, 248, 251, 253, 269.

Давыдовъ И. И. 105.
Даль В. И. 116.
Дамбергъ С. А. 319.
Дворжачекъ, Янъ 439, 441, 443.
Деборо 405.
Девріенъ, актеръ, 453.
Дельвигъ А. А. 7, 10, 14, 15, 37, 58.
Де-Местръ 314.
Денисовъ, атаманъ, 28.
Дингельштедтъ 436.
Дитмаръ 414.
Дмитріевъ И. И. 90.
Дмитріевъ-Мамоновъ Э. А. 122.
Довнаръ-Запольскій М. В., проф., 294.
Догановскій 60.
Долгорукій, кн., 435, 437, 467.
Доменикино 427, 429.
Достоевскій Ѳ. М. 202, 308.

Драгомановъ М. П. 273.
Дю-Гекленъ Бертранъ 223
Дюнлу 379.
Ducloux, m-me 471, 519.
Duchêne 222.

Екатерина II 215, 245.
Елагина А. П., урожд. Юшкова, по первому мужу Кирѣевская, 86, 88—94, 97, 110, 112, 118, 119, 138, 394, 397, 402, 409, 410, 466, 471, 479, 490, 506.
Елагина Е. И. 87, 92, 137.
Елагинъ А. А. 93, 94, 119.
Елагинъ В. А. 137, 138.
Елагинъ Н. А. 92, 96, 109, 122, 138.
Елизавета Алексѣевна, императрица, 299.
Ермоловъ А. П. 224, 313.
Ефремовъ П. А. 18, 40.

Жемчужниковъ 60.
Жоржъ-Зандъ 366, 456, 496.
Жуковскій В. А. 91, 94, 97, 101, 110, 112, 301, 499.

Закревскій А. А., гр., 45.
Seidl, m-lle, 424, 464.
Зейдльманнъ, актеръ, 453.
Зонненбергъ К. И. 362.
Зонъ, художн., 499.
Зюсьбиръ, 88.

Иваненко 514.
Ивановъ А. А. 304—309.
Ивановъ И. И. 143.
Ивенскіе 398.
Инзовъ, ген., 2, 3, 5, 38, 311.
Иноземцевъ Ѳ. И. 468.
Ирвингъ Ваш. 118.

Іоганнисъ, муз., 330, 358, 359, 365, 457.

Кавелинъ К. Д. 90, 91, 116, 120, 138, 143, 323, 325.
Кавуръ 264.
Кадэ 249.
Казначеевъ А. И. 38.
Каллашъ В. В. 143.
Кальдеронъ 96.
Канова 425.
Кантъ 94, 100.
Капнистъ П., гр., 34, 36, 37.
Каподистрія, гр., 2.
Капъ, Фридрихъ 184.
Карагеоргій 26, 32.
Карамзинъ Н. М. 4, 5, 90.
Карлейль 184, 200, 279.
Карлъ Великій 501.
Карпентеръ Эдв. 173, 174.
Катковъ М. Н. 365, 451, 458, 465, 476.
Катонъ 215.
Каховскій П. Г. 299.
Кашперовъ В. Н. 301.
Квадріо Маур. 184, 269, 271, 272, 273.
Кёнингемъ У. 180.
Kenny, m-me, 455, 465, 466, 468, 471, 506, 508.
Кенни 469, 490.
Кетчеръ Н. Х. 320—325, 344, 365, 366, 368, 379, 380, 381, 463, 465, 504, 505, 521.
Кетчеръ Серафима 322.
Кинкель Г. 180, 279.
Кинэ Э. 184, 190, 194, 198, 201, 243, 251, 270.
Кирѣевская М. В. 91, 135, 136.
Кирѣевская Н. П. 113.
Кирѣевскій В. И. 86—92, 137.
Кирѣевскій И. В. 85, 91, 93, 94, 97, 107, 108, 109, 114, 115, 116, 119, 122, 123, 124, 130, 132, 135, 136, 138.
Кирѣевскій П. В. 85—141.
Клапка 278.
Де-Клиссонъ Оливье 223.
Клопова 398.
Клюшниковъ И. П. 462.
Клыковъ 519.
Княжевичъ Д. М. 112.
Княжнинъ, ген.-губ. 109.
Кобылина Е. 423, 466, 468, 476, 499.
Коганъ П. С. 143.
Козенцъ 184, 274, 275.
Коллинсъ Сам. 111.
Колюпановъ Н. П. 85, 90, 93.
Кольцовъ А. В. 116.
КонстантинъНиколаевичъ, вел. кн., 224.
Конфалоньери 217.
Кошъ, врачъ, 506, 512, 514.
Корреджіо 427, 446.
Кортесъ, Доново 218.
Коршъ Е. Ѳ. 200, 322—325.
Косцюшко 228.
Коцебу 91.
Кочубей, кн., 384.
Кошелевъ А. И. 115, 124, 125, 126, 133, 135.
Кошелевы 85.
Кошутъ 177, 179, 180, 183, 251, 266, 267, 278.
Кривцовъ Н. И. 143.
Кривцовъ П. И. 143.
Кривцовъ С. И. 317.
Крыловъ И. А. 273.
Крюднеръ 495, 496, 497.
Крюковъ Д. Л. 462, 463.
Куликовъ Н. И. 51, 52, 57, 60, 61, 66, 67.
Куперъ 180.
Курочкинъ В. С. 52.
Кюстинъ, марк., 186, 215.

Ламартинъ 204, 226.
Лангеръ 470.
Ланскіе 476.
Лапинскій 179.
Лаубе, г-жа, 392, 396.
Лаубе Г. 392, 393, 396, 417, 447.
Лафатеръ 90.
Лахтинъ 347.
Левашова Е. Г. 355.
Ледрю-Ролленъ 178, 179, 180, 183, 191, 251, 261, 269, 270.
Лемке М. К. 209, 334, 342, 347, 349, 365, 378, 388, 389.
Ленау 414.
Леопарди 263, 264.
Лермонтовъ М. Ю. 81, 113, 150, 155, 156, 159, 310, 374, 462, 498.
Лернеръ Н. О. 36.
Леру Пьеръ 180, 184.
Линтонъ 193, 194.
Липранди И. П. 36.
Листъ Ф. 449—453, 456, 472, 476, 477.
Лихонинъ 100.
Лодеръ, проф., 100.
Локкъ 293.
Лунинъ М. С. 295.
Людовикъ-Наполеонъ—см. Бонапартъ-Луи.
Лясковскій В. 86, 88, 90, 93, 105, 107, 113, 114, 122, 132, 135.
La Fontaine 193.

Магометъ 118.
Майеръ Н. В. 310—320, 348.
Майковъ А. Н. 507, 511.
Maillart 508.
Майнъ-Ридъ 180.
Максимовичъ М. А. 110.
Малиновскій А. Ѳ. 110.
Мансурова А. Д. 465.
Маратъ 321.
Margolin 479.
Марковичъ А. 118, 121, 135.
Марковъ, ген., 32.
Марксъ К. 179, 180, 205.
Марлинскій 60 (см. Бестужевъ А. А.).
Мартынова 466.
Маршева, г-жа, 488.
Маршевъ І. І. 481, 488.
Marziale, m-lle, пѣвица, 452.
Масэ Жанъ 199.
Маццини 177, 178, 179, 180, 182, 183, 184, 191, 193, 195, 196, 228, 251, 253, 254, 261, 262—273, 274, 277.
Мегемедъ-Али 506.
Медичи Дж. 184, 273, 274.
Мейендорфъ 497.
Мейзенбугъ, Мальвида 255.
Мейснеръ, д-ръ, 420.
Мельгуновъ Н. А. 322.
Мендельсонъ, композ., 482.
Мерзляковъ А. Ѳ. 94.
Mercadante, композиторъ, 436.
Меццокаппо 275.
Мечниковъ, Левъ 253.
Микель-Анджело 428.
Милль Дж. Ст. 193.
Михайловъ, пѣвецъ, 424.
Мицкевичъ А. 228, 246.
Мишле 184, 186, 187, 188, 190, 191, 193, 194, 196, 198, 200, 228—246, 252, 253.
Модзалевскій Б. Л. 44.
Мойеръ И. Ф. 92.
Мойеръ, m-lle, 396.
Monigetti 511.
Моно Г. 228, 240.
Мордини 274.
Морнизи, флейтистъ, 436.
Морозовъ П. О. 18.
Moser 453.
Мосоловъ 470.
Муравьевъ-Апостолъ И. М. 7.
Муравьевъ С. И. 232, 243.
Мухинъ 61.
Мѣшковъ Г. И. 330.

Надеждинъ Н. И. 112.
Наживинъ И. 174.
Наполеонъ 76, 401.
Наполеонъ III 275.
Нарышкины 90.
Naumann 450.
Нащокина В. А. (въ дѣвич. Нарская) 52.
Нащокинъ П. В. 51—70.
Незеленовъ А. И. 143.
Нейманъ, проф., 439, 440, 441, 443.
Некрасова Е. С. 368.
Некрасовъ Н. А. 529, 531.
Немродовъ И. В. 465.
Нессельроде К. В., гр., 110, 224.
Нефедовъ Иванъ 136, 137.
Николай Павловичъ, вел. кн., 27.
Николай I 97, 188, 231, 235, 295, 296, 298, 299, 388.
Новицкій А. П. 307.
Носковъ 462.
Носовъ 480, 488.
Ностицъ, гр., 393.
Ноэль, Леонъ 233, 235, 237.

Обольянинова 465.
Обуховъ 513.
Овсянико-Куликовскій Д. Н. 143.
Огарева М. Л. 316, 317, 318, 330—545.
Огарева-Тучкова, Н. А. 183, 199, 271, 277, 386, 530, 531, 532, 533, 534.

Огаревъ Н. П. 169, 179, 181, 193, 199, 225, 272, 273, 277, 307, 309, 310, 313, 314, 316, 320, 321, 325, 326—536.
Огаревъ П. Б. 326—330, 334, 347, 348.
Одоевскій А. И. 313, 314, 317, 318, 348.
Одоевскій В. Ѳ., кн., 95, 118.
Оккенъ 101, 102, 104, 105.
Оленина А. 349.
Олсуфьева Д., гр., 384, 452, 456.
Олсуфьевы 452.
Ольга Андреевна, цыганка, 52, 58.
Орлова Е. Д., гр., 29.
Орловъ, Алексѣй Петр. 29.
Орловъ М. Ѳ. 4, 13.
Орловы 90.
Орсини Ф. 180, 253, 254, 255, 274, 275—277.
Островскій, бѣлор. дворянинъ, 63.

Павловъ И. В. 135.
Павловъ Н. Ф. 60, 322.
Павловъ-Сильванскій, Н. П. 294, 297.
Паганини 459.
Паленъ 29.
Палицынъ С. 312.
Панаева А. Я. 342, 527, 529, 531.
Панаевъ И. И. 462.
Панкратьева 463.
Панчулидзева С. А. 330, 358, 359, 365.
Панчулидзевъ А. А. 329, 330, 334, 342, 347, 359, 482, 526, 533, 534.
Пашковъ 28.
Пассекъ, Вадимъ 344, 345.
Пассекъ Т. П. 344, 345, 349, 351, 365, 530.
Пахта, гр., 445.
Пашковы 468, 486.
Пеленкина 28.
Пеликанъ, г-жа, 412.
Перевощиковъ Д. М. 117.
Пестель П. И. 184, 231, 232, 243, 294—300.
Петерсонъ А. 86, 88.
Петерсонъ 414, 447.
Петрашевскій М. В. 232, 235, 242.
Петръ Великій 124, 125, 132, 199, 215, 216, 217, 224.
Петръ III 246.
Пизакане 184, 253, 274, 275.
Пикулинъ П. Л. 321—325.
Pilhes 222.
Піа, Феликсъ 179, 270.
Платовъ, гр., 29.
Платонъ 308.
Плаутина А. П. 465, 468.
Плетневъ П. А. 53.
Плутархъ 298.
Погодинъ М. П. 51, 99, 115, 117, 118, 128—130, 138, 419.
Погодины 119.
Погребовъ 497.
Полевой Н. А. 312.
Полторацкій С. Д. 51.
Понятовскій Стан. 246.
Поповъ, офиц., 258.
Поповъ А. Н. 116.
Потемкинъ Г. А., кн., 27, 285.
Прео, Огюстъ 238, 241.
Преображенскій, полк., 31.
Протасова Е. А. 94.
Протасова М. А. 92.
Прудонъ 177, 178, 180, 182, 184, 191, 196, 200, 203—250, 253.
Пульскій 180.
Пушкинъ А. С. 1—84, 112, 116, 118, 161, 188, 199, 216, 298, 300, 301, 374, 481, 484.
Пушкинъ Л. С. 6.
Пущинъ И. И. 38.
Пыпинъ А. Н. 155.
Пьянчани 180, 184.

Раевская, Екат. Н. 2, 3, 4, 6, 13, 14, 15, 26.
Раевская, Елена Н., 2, 6, 13, 26.
Раевская С. А. 4, 6.
Раевскій А. Н. 2, 4, 30, 34, 35, 36, 37, 40—50.
Раевскій Н. Н., старшій, 2, 3, 4, 5, 26, 44, 45, 47, 48.
Раевскій Н. Н., младшій, 2, 3, 4, 5, 6, 12, 20, 37, 46, 49, 319.
Раичъ С. Е. 94.
Ранке Л. 484.
Распайль 180, 314.
Рафаэль 285, 426, 427, 429.
Рахмановъ 58.
Рашъ, Густавъ 183.
Ребиндеръ М. А. 330, 524.
Рейхель М. К. 236.
Рельштабъ Л. 450.
Рени Гвидо 429.
Репаманти 488.
Рибейроль 242, 251.
Ризничъ, г-жа, 33.
Ризо Нерулосъ 95, 96.
Рихтеръ Ж. П. 91, 98, 100.
Ріего 217.
Робеспьеръ 321.
Роденбергъ, Юліусъ 183.
Рожалинъ Н. М. 96, 97, 98, 108, 109, 116, 118.
Розенбергъ В. 117.
Розетти, г-жа, 228.
Ройновскій 413, 414, 415.
Романовъ Н. И. 305, 306, 307, 308, 309.
Рославлева А. А. 342.
Рославлева С. Л. 330.
Рославлевъ Л. Я. 334, 525—7.

Ротшильдъ, банкиръ, 440, 467.
Рубенсъ 446, 502.
Рубини, пѣвецъ, 424, 487, 502.
Руге, Арнольдъ 179, 180.
Рудыковскій, д-ръ, 1, 5, 26.
Руссо Ж.-Ж. 290, 292.
Рѣдкинъ П. Г. 463.
Рылѣевъ К. Ѳ. 184, 231, 296, 300.
Rüthling, актеръ, 453.

Савичъ И. И. 184.
Саводникъ В. Ѳ. 143.
Сазоновъ Н. И. 184, 204, 208, 212, 498, 499.
Сазоновъ Ст. 465.
Саитовъ В. И. 16, 36.
Саліасъ Е. В., гр., 410, 423, 466, 468, 471, 528.
Саломонъ, m-lle, 452.
Сальстетъ Э. А. 317.
Самаринъ Ю. Ѳ. 124.
Самарины 85.
Сатинъ Н. М. 310, 313, 314, 315, 316, 317, 320—325, 326, 331, 342, 347, 348, 365, 368, 380, 386, 424, 434, 435, 436, 437, 438, 441, 445, 448, 450, 453, 455, 458, 463, 467, 472, 494, 499, 502, 503, 505, 512, 513, 518, 520, 521, 524, 530, 532, 533, 534.
Саффи А. 180, 184, 243, 254, 261, 271, 274, 275, 276, 277.
Свентославскій, Зено 180.
Селивановъ И. В. 330.
Сенявина, г-жа, 468.
Сенъ-Мартенъ 314.
Серно-Соловьевичъ А. А. 273.
Сессаревскій 380.
Сире 439, 441.
Скарятинъ 507, 508, 517.
Снегиревъ И. М. 94, 116.
Соковнины 90.
Солдатенковъ К. Т. 322.
Софья Астафьевна 78.
Спасовичъ В. Д. 7.
Сперанскій М. М. 327.
Спиро 446.
Спичинскій, полк., 51.
Спонтини, композиторъ, 445.
Ставассеръ 528.
Сталь, ген., 30.
Станкевичи И. и А. В. 322.
Станкевичъ Н. В. 143, 150, 162, 163, 169, 331, 520.
Стансфильдъ, Каролина 268, 269.
Станя (Сталинька), племянникъ Н. М. Сатина, 387, 393, 394, 397, 399, 402, 409, 410, 412, 424, 428, 432, 434, 437, 442, 445, 448, 450, 458, 460, 464, 468, 473, 485, 491, 496, 498, 502, 505, 512, 516, 518, 519, 522.
Стаховичъ М. А. 116, 138.
Степнякъ (Кравчинскій С. М.) 253.
Стефенсъ Г. 91.
Столыпина М. 514, 525.
Столыпинъ А. А. 382, 514.
Столыпины 463, 514.
Стриндбергъ А. 142.
Струве, Густавъ 180.
Струве Густ., сов. посольства, 440.
Суворовъ А. В. 28.
Судіенко М. О. 78.
Сухтеленъ, гр., 437, 470[1] 508.
Сушкова Л. М. 330.
Сю, Эйженъ 180.

Т—нъ В. 52, 66.
Таландье 196.
Тальони, танцовщица, 462.
Тауссигъ 405.
Тацитъ 215.
Телеки 180.
Тертулліанъ 165.
Тиршъ 98, 101, 104, 105.
Титовъ В. П. 112, 119.
Тихомоловъ 480.
Тихонравовъ Н. С. 68.
Толстая В., гр., 471.
Толстой А. К. гр., 145.
Толстой Л. Н. гр., 81, 153, 202, 308.
Толычева Т. 86.
Торэ 198, 279.
Трубецкая, кн., 425, 428.
Трубецкой, кн., 428, 525.
Трубниковъ В. А. 116.
Туманскій В. И. 24.
Тургеневъ А. И. 2.
Тургеневъ И. П. 282.
Тургеневъ И. С. 121, 142—174, 202, 322, 466, 469, 479, 490.
Тургеневъ Н. И. 185, 283—294.
Тургеневы 90.
Турнейзенъ, банкиръ, 467.
Тучкова Е. А. 530.
Тучковъ А. А. 386, 432, 437, 466, 472, 475, 480, 482, 484, 485, 486, 488, 490, 491, 496, 509, 510, 511, 519, 530, 531, 533.
Тютчевъ Ѳ. И. 98, 101, 102, 108, 109, 172.
Тюфяевъ К. Я. 330.
Тьерри 128.

Уайльдъ О. 142.
Убри П. Я. 513, 515.
Уваровъ С. С., гр., 117.
Устиновъ М. М. 467, 480, 508.

Фадѣевъ А. М. 525.
Фази, Джемсъ 184, 279.
Faia, художникъ, 425.

Фейербахъ Л. 402, 429.
Филипсонъ Г. И. 310, 314, 317, 319, 320.
Финагѣевъ, Ларіонъ 136, 137.
Финдейзенъ 300.
Финленъ, Дж. 180.
Флетчеръ 117.
Фохтъ, Карлъ 184.
Франкъ 232.
Фрейлигратъ Ф. 278.
Фроловъ Н. Г. 322, 325, 449—453, 455, 456, 459, 461, 465, 468, 471, 495, 506, 508, 509, 510, 512, 515.
Frohmann, m-lle, 451, 458.
Фундуклей 26.
Фурье Ш. 419.

Хастатовъ 463, 514.
Ховрина М. Д. 349, 468, 469, 471.
Ховрина Шушу 466, 468.
Хоецкій, см. Шарль Эдмондъ.
Хомяковъ А. С. 121, 122, 124.
Хрущовъ 471.

Цвѣрчакевичъ 179.
Цвѣтаевъ Л. А. 94.
Ценкеръ и Колли, банкиры, 507, 508, 511.
Циммерманъ 434.
Цицеронъ 285.

Чаадаевъ П. Я. 8, 9, 57, 118, 229, 245, 468.
Чезаротти 271.
Чеховъ А. П. 83.
Чиркова Е. 468.
Чичероваккіо 253.
Чулковъ 488.
Чулковъ Н. П. 19.
Чумаковъ Ѳ. И. 94.

Шамшіевъ 529.
Шашеръ 180.
Шарль Эдмондъ (Хоецкій) 178, 208, 212, 219, 221, 222, 232.
Шаррасъ 270.
Шатобріанъ 292.
Шевыревъ С. П. 98, 116, 118.
Шекспиръ 96, 321, 443, 457, 463.
Шеллингъ 94, 98—102, 105, 109, 450, 451, 452, 453, 457, 458.
Шельхеръ 270.
Шёнлейнъ 450.
Шенрокъ В. И. 66, 69, 114, 119.
Шиллеръ 321, 362, 405, 451.
Шипилова А. 55.
Шлецеръ 131.
Шофуръ 199.
Шпильманъ, Іоганнъ 219, 236, 237.
Штейнгель В. И. 300.
Штихъ Клара, актриса, 452, 453.
Штраусъ Д. Ф. 306.
Шубертъ Ф. 450.
Шурцъ, Карлъ 184, 279.

Щеголевъ П. Е. 16, 17, 19, 32, 34, 39, 40, 42.
Щепкинъ М. С. 465, 470.
Щепкинъ Н. М. 322.
Щербинина 50.
Щербининъ М. П. 44.

Энгельсонъ 275.
Эрнандецъ, Сантъ-Яго 304.

Юревичъ 317.
Юшкова В. И. 465.

Языковъ М. А. 200, 462.
Языковъ Н. М. 114, 116, 117, 118, 119, 121, 122.
Языковы 116.
Яковлевъ, губернаторъ, 88.
Яковлевъ И. А. 327.
Якушкинъ В. Е. 80, 117.
Якушкинъ И. Д. 295.
Якушкинъ П. И. 116, 121, 138.

Ѳома Кемпійскій 348, 360.
Ѳомина 473.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Сѣверная любовь А. С. Пушкина 1
Пушкинъ и гр. Е. К. Воронцова 33
Другъ Пушкина Нащокинъ 51
Пиковая дама 71
П. В. Кирѣевскій 85
Поэмы И. С. Тургенева 142
Герценъ и западъ 175

Замѣтки:

Н. И. Тургеневъ въ молодости 283
П. И. Пестель 294
М. И. Глинка 300
А. А. Ивановъ 304
Докторъ Вернеръ 310
Домъ Кетчера 320

Любовь Н. П. Огарева 326

Указатель личныхъ именъ.